

Стенограмма Нюрнбергского процесса

Том XIV

Стенограмма Нюрнбергского процесса. Том XIV / Пер. с англ. и составление — Сергей Мирошниченко, Новочеркасск /2022. — (Первопубликация)

Том четырнадцатый стенограммы сверен с аудиозаписями и включает в себя расшифровку судебных заседаний 29 мая – 10 июня 1946. В ходе этих заседаний участники процесса продолжили допрос подсудимого Заукеля. Защита завершила представлять доказательства по делу Заукеля. Защита представила доказательства по делу Йодля. Йодль был допрошен участниками процесса в качестве свидетеля. Были допрошены свидетели Тимм, Гильдебрандт, Штотфанг, Буттлар-Бранденфельс, Бухс, Шрамм, Винтер. Защита начала представлять доказательства по делу Зейсс-Инкварта и приступила к его допросу.

Содержание

День сто сорок первый

Среда, 29 мая 1946

Утреннее заседание

Председатель[1]: Трибунал будет отложен этим вечером в 4 часа для того, чтобы заседать в закрытом режиме.
Додд: Господин председатель, позавчера трибунал спросил о том, не установили ли мы то был ли предъявлен в качестве доказательства документ номер D-880. Он состоит из фрагментов показаний адмирала Рёдера, и мы установили, что его приобщили и это экземпляр номер GB-483. Он был предъявлен свидетелю господином Элвином Джонсом в ходе перекрёстного допроса, и это приобщили в качестве доказательства.
Председатель: Спасибо.
Додд: Также в отношении запроса суда о статусе остальных подсудимых и их документов, сегодня утром мы можем сказать, что в отношении подсудимого Йодля документы сейчас перевели и мимеографировали, и нет никакой необходимости в заслушивании перед трибуналом.

Документы Зейсс-Инкварта заслушивали и теперь перевели и мимеографировали.

Документы фон Папена в порядке, нет никаких разногласий между обвинением и подсудимым фон Папеном, и они в процессе мимеографирования и перевода.

В отношении подсудимого Шпеера, мы думаем, что нет никакой необходимости в заслушивании, и я ожидаю, что к концу сегодняшнего дня их направят в отделы перевода и мимеографирования.

Документы подсудимого фон Нейрата ещё не представлены подсудимым обвинению.

И в отношении подсудимого Фриче, наши русские коллеги смогут сообщить нам более точно в течение дня. Я ожидаю, что смогу сообщить трибуналу о подсудимом Фриче до окончания сегодняшнего заседания.
Председатель: На этом завершается вопрос всех свидетелей?
Додд: Кажется, да – по крайней мере, мы не имеем никаких возражений свидетелям.
Председатель: Очень хорошо, нет необходимости заслушивать в открытом заседании дела подсудимых Йодля, Зейсс-Инкварта, фон Папена и Шпеера до тех

[1] Члены трибунала, обвинение и защита приводятся в первом томе стенограммы.

пор пока не будут представлены их дела.

Додд: Да, сэр.

Председатель: Спасибо.

Серватиус: Господин председатель, я подниму технический вопрос. Вчера прибыл свидетель Гильдебрандт, но снова это не тот Гильдебрандт[2]. Это третий свидетель, который участвует здесь в комедии ошибок. Первой ошибкой был Менде, второй Штотфанг[3] и ещё одна с Гильдебрандтом. Но этому свидетелю известно, где те, кто нужен.

В своём лагере свидетели получили информацию о том, что они должны явиться сюда, и затем их доставили в сборный центр для министериальдиректоров в Берлин-Лихтерфельде. Вероятно, всё же возможно доставить сюда этих двух свидетелей. В особенности свидетеля Гильдебрандта, который может свидетельствовать о французских вопросах, было бы важным, если бы мы смогли его получить.

Председатель: Имя было правильно указано генеральному секретарю?

Серватиус: Имя было указано аккуратно. Другого человека тоже зовут Гильдебрандт, но Генрих. Он тоже был министериальдиректором…

Председатель: Я не имею в виду фамилию, но все его христианские имена.

Серватиус: Да, имя одного было Генрих, а другого Хуберт, и сокращением для обоих было «Н.», доктор Г. Гильдебрандт, что видимо, вызвало ошибку.

Председатель: Что же, я говорил, что имена свидетелей лучше приводить полностью; полностью, а не просто инициалами.

Серватиус: Я указал полное имя. Что касается врача, свидетеля доктора Егера, я получил его личное сообщение этим утром. Он не арестован. Сначала он был свидетелем обвинения. Его личный адрес в Эссене, в Винхоф Платц, и сейчас он здесь.

Председатель: Думаю, вам лучше донести все детали генеральному секретарю, и он окажет вам любое содействие.

Серватиус: Касательно дела Заукеля, я бы хотел сделать трибуналу ещё одно замечание.

Есть почти 150 документов, которые предъявлены обвинением, некоторые из них лишь отдаленно связаны с Заукелем. Ни судебное досье, ни отдельные обвинения не представили здесь устно против Заукеля, поэтому я не могу понять детали того в какой степени Заукель несёт ответственность. Дело рассматривалось только под названием «Рабский труд» и поэтому почва для защиты довольно непрочная.

Я не намерен обсуждать каждый из этих 150 документов, но я бы хотел

---

[2] Хуберт Гильдебрандт (1897 – 1968) – немецкий государственный деятель. В 1939-1945 сотрудник министерства труда Германии.

[3] Вальтер Штотфанг (1902 – 1961) – немецкий экономист. В 1926-1945 сотрудник министерства труда Германии.

оставить за собой право разобраться с ними позднее, если возникнет необходимость. Я хочу отметить только самые важные и потом вернусь к ним в ходе слушаний. В любом случае, могу я попросить вас не считать это признанием, если я не заявляю возражений никаким из этих документов.

Председатель: Это не будет расцениваться как признание. Доктор Серватиус, передо мной есть документ, представленный французским обвинением против подсудимого Заукеля. Я полагаю, что вы имеете в виду этот документ, это судебное досье озаглавленное «Responsabilite Individuelle[4]», не ссылающееся на каждый из этих 150 документов.

Серватиус: Прежде всего, была документальная книга «Рабский труд», представленная американским обвинением, которая озаглавлена не «Заукель», а «Рабский труд»; и, следовательно, я не могу сказать, какие части касаются Заукеля в отдельности.

Председатель: Что же, она говорит: «…и особая ответственность подсудимых Заукеля и Шпеера таким образом…». Это американская документальная книга. Она называет Заукеля.

Серватиус: Да.

Председатель: И есть ещё одно судебное досье представленное господином Мунье от имени французской делегации, которое определенно против Заукеля. Но, несомненно, оно не уточняет все эти 150 документов, на которые вы ссылаетесь.

Серватиус: Да.

[*Подсудимый Заукель вернулся на место свидетеля*]

Серватиус: Свидетель, вчера почти в конце заседания мы говорили о манифесте – том меморандуме который предназначался, чтобы настроить различные ведомства на обязанность исполнять ваши директивы и устранить сопротивление которое существовало. Итак, вы сами делали заявления, которые как кажется с трудом совместимы с вашими директивами. Я предъявляю вам документ номер R-124. Он касается заседания центральной плановой комиссии от 1 марта 1944. Там, относительно вербовки, вы сказали, что, для того, чтобы получить рабочих, нужно прибегнуть к «шанхаям[5]» как было заведено в былые дни. Вы сказали:

> «Я даже прибегал к методу подготовки штата французов и француженок как агентов… которые выходят охотиться на людей и ошеломляют жертв выпивкой и убедительными аргументами для того, чтобы получить для Германии».
>
> Вы нашли это?

Заукель: Я нашёл.

---

[4] Индивидуальная ответственность (фр.)

[5] Жаргонное флотское выражение означающие вербовку экипажа корабля обманным путём.

Председатель: Где это в 124?
Серватиус: Это документ R-124.
Председатель: Да, но это очень длинный документ.
Серватиус: Это в самом документе, страница 1770.
Председатель: Да, я нашёл.
Заукель: Это, как я понимаю, доклад или протокол о заседании центральной плановой комиссии весной 1944. В течение того года мне было чрезвычайно трудно удовлетворить требования различных работодателей представленные в центральную плановую комиссию. Я никогда не давал указаний или даже рекомендаций о «шанхаях». На этом совещании я просто использовал это слово как воспоминание о моих днях моряка, для того, чтобы защитить себя от тех, кто требовал от меня рабочих, и для того, чтобы дать понять господам, насколько сложной стала моя задача, особенно в 1944. На самом деле, корень этого очень простая ситуация. По германским законам о рабочей силе и по моим собственным убеждениям, «обеспечение рабочей силой» - старое название для «распределения рабочей силы» - было правом государства; и мы, включая меня, выкорчевывали частные методы вербовки. В 1944 премьер Лаваль[6], глава французского правительства, говорил мне, что он также имел большие сложности в исполнении трудовых законов, что касалось его рабочих.

В виду этого и по договорённости с одним из моих сотрудников, доктором Дидье, прошли совещания в германском посольстве - свидетель Гильдебрандт, мне кажется, способен лучше дать об этом сведения – с главой коллаборационистских ассоциаций, то есть, ассоциаций среди французского населения, которые выступали за сотрудничество с Германией. Во время этих совещаний в германском посольстве эти ассоциации заявили о том, что, по их мнению, официальная вербовка во Франции стала очень трудной. Они сказали, что хотели бы взять за это ответственность и хотели бы предоставить агентов по вербовке из своих рядов и также предоставить людей из числа своих членов, которые бы добровольно поехали в Германию. Вербовка не должна была проводиться при помощи официальных ведомств, а в кафе. Конечно, в этих кафе, были бы необходимы некоторые расходы, которые нужно было оплачивать; и агентам по вербовке нужно было выплачивать премии, или компенсировать им стакан вина или немного джина. Такой способ вести дела, лично мне нравился, но у меня были такие трудности в виду требований возложенных на меня, что я согласился, конечно, без всякого умысла, о том, что идею «шанхая» с его заморскими предложениями и тому подобным следует рассматривать всерьёз.

---

[6] Пьер Лаваль (1883 — 1945) — французский политик-социалист. В период Третьей республики занимал высокие государственные посты, был премьер-министром (1931—1932, 1935—1936). В 1936—1940 годах получил известность как медиамагнат, владелец нескольких газет и радиостанций. Активный деятель коллаборационного «правительства Виши» во время Второй мировой войны и его глава (премьер-министр) с 1942 по 1944 год. Казнён по приговору французского суда.

Серватиус: Это предложение поступило от французов, или было вашим предложением?

Заукель: Как я уже сказал, предложение внесли французские руководители этих ассоциаций.

Серватиус: Если вы прочитаете несколько строчек в документе, вы обнаружите, что сделано упоминание об особых исполнительных полномочиях, которые вы хотели создать для распределения рабочей силы; там сказано:

> «Помимо этого, я поручил нескольким пригодным людям создание особой исполнительной силы для распределения рабочей силы. Под руководством высшего руководителя СС и полиции ряд подразделений из местного населения был подготовлен и вооружен, и теперь я прошу у министерства боеприпасов вооружение для этих людей».
>
> Как вы это объясните?

Заукель: Это тоже, можно объяснить только в связи с событиями, которые я только, что описал. Тогда было много нападений на германские ведомства и смешанные германо-французские трудовые учреждения. Был убит директор департамента по распределению рабочей силы при военном командире во Франции, председатель доктор Риттер[7]. Ряд учреждений по вербовке были разорены и уничтожены. По этой причине эти ассоциации, которые выступали за сотрудничество, предложили для охраны своих членов, создать своего рода телохранителей вербовочной организации. Конечно, я не мог сделать это сам, потому что у меня не было ни полномочий, ни механизма для этого. По приказам военного командира, это должен был делать высший руководитель СС и полиции; то есть, под его надзором. Это осуществлялось совместно с тогдашним французским министром внутренних дел, Дарнаном[8]; поэтому, чтобы отстоять свою позицию от порицаний центральной плановой комиссии, я использовал пример в такой резкой форме. Насколько мне известно, эти гипотетические предложения никогда не вводили на практике.

Серватиус: Кто на самом деле осуществлял вербовку зарубежных рабочих?

Заукель: Фактическая вербовка зарубежных рабочих являлась задачей германских учреждений созданных в различных регионах, учреждений военных командиров или похожих гражданских германских учреждений.

Серватиус: Вы приказывали о том, чтобы вербовка была добровольной. Каким был успех добровольной вербовки?

Заукель: Несколько миллионов зарубежных рабочих прибыли в Германию добровольно, так как добровольная вербовка была основополагающим принципом.

Серватиус: Итак, на заседании центральной плановой комиссии – том же самом

---

[7] Юлиус Риттер (1893 – 1943) – Сотрудник немецкой оккупационной администрации во Франции. Штандартенфюрер СС. Организатор направления французских рабочих в Германию. Был убит в Париже 28 сентября 1943.

[8] Эме-Жозеф Дарнан (1897—1945) — французский коллаборационист, член правительства Виши. В 1944 министр внутренних дел. Расстрелян по приговору французского суда.

заседании, которое мы только, что обсуждали – вы сделали замечание, которое противоречит этому. Это на странице 67 немецкой фотокопии, страница 1827 английского текста. Я зачитаю вам фразу. Говорит Керль[9]. Он говорит: «В течение всего этого периода, при помощи добровольной вербовки вы доставили в Рейх большое количество французов».

Затем прерывание Заукелем: «Также принудительной вербовкой».

Оратор продолжает: «Принудительная вербовка началась, когда добровольная вербовка больше не давала достаточных количеств».

Теперь следует замечание, о котором я хочу вашего комментария. Вы ответили: «Из 5 миллионов зарубежных рабочих, которые прибыли в Германию, меньше 200 000 прибыли добровольно».

Пожалуйста, поясните противоречие.

Заукель: Я вижу, что это ещё одно прерывание, которое я сделал. Всё, что я хотел этим сказать, заключалось в том, что мнение господина Керля о том, что все рабочие прибыли добровольно было не совсем правильным. Эта пропорция, которая приводится здесь стенографистом или человеком подготовившим протокол, совершенно невозможна. Как случилась эта ошибка, мне неизвестно. Я никогда не видел протокола, но свидетель Тимм[10], или другие, могут об этом привести информацию.

Серватиус: Сейчас я ссылаюсь на экземпляр Заукель-15. То есть директиву номер 4, которая уже цитировалась и которая излагает особое регулирование относительно мер по вербовке. Он уже предъявлен как документ номер PS-3044. Почему теперь вы запретили принцип добровольной вербовки?

Заукель: В ходе войны наши противники также применяли очень значительные и широкие контрмеры. Нужда в рабочей силе в Германии, с другой стороны, стала огромной. В течение этого периода мне также была представлена просьба французских, бельгийских и голландских кругов о достижении лучшего баланса в экономике этих территорий и даже введение, того, что мы называли законом о вербовке рабочей силы, для того, чтобы давление вражеской пропаганды снизилось и голландцы, бельгийцы и французы сами могли сказать, что они не едут в Германию добровольно, но, что они должны ехать из-за обязательной трудовой повинности и в силу законов.

Серватиус: Близость фронта имела какое-нибудь влияние на тот факт, что люди больше не хотели приезжать добровольно?

Заукель: Конечно, я это почувствовал; и понятно, что шансы на победу и поражение вызывают большое волнение среди рабочих; и то как выглядели события на фронте играло важную роль.

---

[9] Ганс Керль (1900 — 1984) — государственный деятель Германии, предприниматель, фюрер военной экономики, бригадефюрер СС (30 января 1944 года). В 1943-1945 начальник управления сырья министерства вооружений Германии. Американским трибуналом приговорён к 15 годам лишения свободы. Освобождён досрочно.

[10] Макс Тимм (1898 – 1964) – немецкий чиновник. В 1933-1945 сотрудник министерства труда Германии.

Серватиус: Чисто военные соображение также вызвали введение…

Биддл: Доктор Серватиус, вы спросите свидетеля о том, что он имеет в виду под законодательством о вербовке рабочей силы. Он имеет в виду законодательство Германии или законодательство оккупированных стран?

Серватиус: Свидетель, вы слышали вопрос, имеете ли вы в виду германский закон или законодательство оккупированных стран?

Заукель: Это различалось. Правительство Рейха на некоторых территориях вводило законы соответствующие законам действующим для самих немецких людей. Эти законы не могли приниматься мной, но они принимались начальниками региональных администраций или правительством заинтересованной страны по приказу германского правительства.

Во Франции эти законы издавало правительство Лаваля, по согласованию с маршалом Петэном[11]; в Бельгии, по согласованию с бельгийскими генеральными секретарями[12] или генеральными директорами находящимися на службе или с министерствами.

Председатель: Вы имеете в виду, в остальных странах германским правительством или представителями германского правительства? Вы говорили только о…

Заукель: Приказ ввести германские трудовые законы на оккупированных территориях был отдан фюрером. Они провозглашались и вводились начальниками, которые были назначены фюрером для этих территорий, так как лично я не мог принимать там какие-нибудь директивы, законы или правила.

Председатель: Продолжайте.

Серватиус: Как эти законы исполняли?

Заукель: Законы публиковались в официальных изданиях и юридических газетах, а также обнародовались через прессу и плакаты на этих территориях.

Серватиус: Я имею в виду практическое исполнение. Как людей доставляли в Германию?

Заукель: Их вызывали в местный трудовой отдел, которым по большей части руководили местные власти. Согласно моим директивам которые представлены здесь как документы случаи нужно было изучать индивидуально. Случаи лишений для семьи или остальные такие случаи особо принимали во внимание. Затем, в обычном порядке – как делалось также в Германии – индивидуальные рабочие или призванные лица доставлялись в Германию.

Серватиус: Вы присутствовали – вы, когда-либо присутствовали при такой процедуре?

---

[11] Анри-Филипп Петэн (1856 — 1951) — французский военный и государственный деятель; маршал Франции (21 ноября 1918); видный участник Первой мировой войны. В 1940—1944 годах возглавлял авторитарное коллаборационистское правительство Франции, известное как режим Виши. Французским судом был приговорён к смертной казни. Помилован.

[12] Комитет генеральных секретарей – управленческий орган являвшийся часть немецкой оккупационной администрации в Бельгии, включал руководителей министерств именуемых генеральными секретарями.

Заукель: Я лично наблюдал эту процедуру в ряде городов России, Франции и Бельгии, и я убеждался, что она осуществлялась в соответствии с приказами.

Серватиус: Если было необходимо принуждение, какие принудительные меры применялись?

Заукель: Во-первых, предпринимались такие принудительные меры какие оправданы и необходимы в каждой обычной гражданской администрации.

Серватиус: А если их было недостаточно?

Заукель: Тогда предлагались разбирательства.

Серватиус: Это были правовые меры, не так ли?

Заукель: По моему убеждению, они являлись правовыми мерами.

Серватиус: Вы непрерывно заявляли в документах, которые здесь доступны, что нужно было применять определённое давление. Что вы имели в виду?

Заукель: Я считаю, что каждая административная мера предпринятая на основании законов или обязанностей возлагаемых государством, на свою собственную нацию, или каким-то другим способом, включает какую-то форму давления, обязания, принуждения.

Серватиус: Меры которые использовались не вели к некого рода коллективному давлению?

Заукель: Я отвергал любого рода коллективное давление. Отказ от использования коллективного давления также очевиден из распоряжений других ведомств в Рейхе.

Серватиус: Это неправда, что на Востоке призывали деревни, чтобы обеспечить определенное количество людей?

Заукель: Конечно, на Востоке, административная процедура затруднялась в связи с большими расстояниями. На нижних уровнях, насколько мне известно, местные бургомистры были на службе в каждом случае. Возможно, что бургомистра просили выбрать ряд рабочих из его деревни или городка для работы в Германии.

Серватиус: Это то же самое, как та форма коллективного давления, где, если никто не приходил, должны были наказывать всю деревню?

Заукель: Подобные меры я полностью отвергал в своей области деятельности, потому что я не мог и не доставлял для немецкой экономики рабочих, которых забрали в Германию таким образом, чтобы с самого начала они ненавидели свою жизнь и работу в Германии.

Серватиус: Какие полицейские средства вы имели в своём распоряжении?

Заукель: У меня в распоряжении не было полицейских средств.

Серватиус: Кто осуществлял полицейское давление?

Заукель: Полицейское давление на оккупированных территориях могло осуществляться по приказу или ходатайству соответствующего начальника территории или высшего руководителя СС и полиции, если разрешалось.

Серватиус: Тогда в вашей компетенции не находилось оказание прямого давления?

Заукель: Нет.

Серватиус: Вы оказывали косвенное давление своими директивами, прекращая поставки продовольствия или похожими мерами?

Заукель: После падения Сталинграда и объявления состояния тотальной войны, рейхсминистр доктор Геббельс[13] в Берлине существенно вмешивался во все эти проблемы. Он приказал о том, что в случаях упорного отказа или признаков сопротивления, нужно было применять принуждение при помощи отказа в дополнительных продовольственных пайках или даже лишением продуктовых карточек. Лично я энергично отвергал подобные меры, потому что я очень хорошо знал, что на западных территориях так называемая продуктовая карточка играла подчиненную роль, и что снабжение предоставляли движению сопротивления и его членам в таком большом масштабе, что такие меры были бы совершенно бесполезными. Я не приказывал и не предлагал их.

Серватиус: На заседании центральной плановой комиссии 1 марта 1944 вы также заявили, что если французские исполнительные службы неспособны дать результат, тогда можно поставить префекта[14] к стенке. Вы также считаете это законно обоснованным давлением?

Заукель: Это просто моё резкое замечание в центральной плановой комиссии, за которым на самом деле никогда не последовал официальный приказ или даже какая-нибудь попытка с моей стороны. Просто было то, что мне сообщили о том, что в нескольких департаментах во Франции префекты или ответственные начальники искренне поддерживали движение сопротивления. Железнодорожные пути взрывали; мосты взрывали; и это замечание было устной реакцией с моей стороны. Однако мне кажется, тогда я думал только о законной мере, потому что фактически существовал французский закон, который предусматривал за саботаж смертную казнь.

Серватиус: Могу я сослаться на документ в связи с этим?

Председатель: Это в документе номер R-124?

Серватиус: Это на странице 1776, где сказано, что на основании закона пришлось бы поставить мэра к стенке.

[*Обращаясь к подсудимому*] Вам известно, какие законы существовали во Франции вынуждавшие сотрудничество от французских властей и существовали ли такие законы?

Заукель: Да, такие законы существовали.

Серватиус: Ряд докладов, которые здесь представили, касающихся применения принудительных мер, упоминали злоупотребления и возмутительные условия

---

[13] Иозеф Геббельс (1897-1945) - немецкий политик, один из ближайших сподвижников Адольфа Гитлера. С 1926 года гауляйтер Берлина и с 1930 года начальник управления пропаганды НСДАП. С 1933 по 1945 год министр пропаганды и президент палаты культуры Рейха. Покончил жизнь самоубийством во время битвы за Берлин.

[14] Во Франции термин префект обозначает одновременно и функцию государственного чиновника: префекта департамента или префекта региона, и звание его носителя, члена корпуса префектов. Префект осуществляет функции государственного управления на определённой территории.

предположительно вызванные мерами по вербовке. Что вы в целом скажете об этом?

Заукель: Я не совсем понял ваш вопрос.

Серватиус: Касательно использования принуждения, здесь предъявлен ряд докладов, и вы слышали их; доклады, излагающие меры, которые разумеется нужно в целом осуждать. Вы слышали о сжигании деревень и расстреле мужчин. Что вы в целом можете об этом сказать?

Заукель: Все эти меры явно противоречили директивам и инструкциям, которые я принимал и которые представлены здесь в большом количестве, и на это я должен ссылаться. Это те методы, против которых, когда я слышал хотя бы намеки на них, я предпринимал самые суровые меры.

Серватиус: И кто несёт непосредственную ответственность за подобные инциденты?

Заукель: Ответственность за подобные инциденты остаётся на местных властях, которые совершали такие вещи.

Серватиус: Были какие-нибудь другие ведомства кроме местных властей, которые занимались вербовкой рабочей силы?

Заукель: Это именно то с чем я боролся с самого начала – устранить и побороть запутанный лабиринт ведомств, которые неограниченно и бесконтрольно вербовали рабочих по принуждению. В этом заключалась часть моей работы.

Серватиус: В чём заключались эти ведомства? Местные учреждения?

Заукель: Это были разнообразные ведомства, я сам услышал о большинстве из них только здесь.

Серватиус: Какой была ситуация относительно организации Тодта[15]?

Заукель: Организация Тодта долгое время самостоятельно вербовала и использовала рабочую силу на всех территориях.

Серватиус: Трудовая служба[16] имела к этому какое-нибудь отношение?

Заукель: Вы имеете в виду Трудовую службу рейхсарбайтсфюрера Хирля[17]?

Серватиус: Да.

Заукель: Это я не могу сказать; это была немецкая военная организация для подготовки к ручному труду.

Серватиус: Рабочих забирали для вооруженных сил?

Заукель: Рабочих использовали для срочных местных работ, конечно группы армий, в строительных и фортификационных батальонах и тому подобном, о чём я

---

[15] Организация Тодта — военно-строительная организация, действовавшая в Германии во времена Третьего рейха. Организация названа А. Гитлером по имени возглавившего её Фрица Тодта 18 июля 1938 года.

[16] Трудовая служба Рейха (нем. Reichsarbeitsdienst, RAD) — национал-социалистическая организация, существовавшая в Третьем рейхе в 1933—1945 годах. С июня 1935 года каждый немецкий юноша должен был проходить шестимесячную трудовую повинность, предшествовавшую военной службе.

[17] Константин Хирль, (1875 — 1955) — один из крупнейших деятелей нацистской Германии, группенфюрер СА (18 декабря 1931), рейхсарбайтсфюрер с 1935 года (глава Трудовой службы Рейха, RAD) и один из ближайших соратников Гитлера ещё до его прихода к власти.

не знал и не мог проконтролировать. Дорожное строительство…
Серватиус: Что насчёт Рейхсбана[18]?
Заукель: Рейхсбан сам ремонтировал свои пути, и вербовал или нанимал или рабочих для своих потребностей всегда, когда в них нуждались.
Серватиус: Эти ведомства не находились под вашим надзором?
Заукель: Нет.
Серватиус: Они выполняли ваши инструкции или от них требовалось их исполнять?
Заукель: Они не были обязаны их выполнять и по этой самой причине, я направил, в самой категорической форме, тот манифест, о котором говорили вчера. Однако, так как лично я не имел никакого надзора за исполнительными властями, я должен был оставить на различные ведомства вопрос их принятия во внимание.
Серватиус: Количество рабочих завербованных на различных территориях подобным способом было очень большим?
Заукель: Разумеется их было очень много.
Серватиус: Были ещё ведомства Рейха, которые занимались вопросом рабочей силы. Что насчёт депортаций проводимых Гиммлером[19]? Вы имели к ним какое-нибудь отношение?
Заукель: Относительно вопроса этих депортаций, я могу лишь сказать, что я не имел к ним ни малейшего отношения. Я никогда не соглашался – я бы никогда не смог согласиться, в виду своих взглядов, своего развития и своей жизни – я бы не смог согласиться с использованием пленных или осужденных для работы подобным образом. Это было абсолютно чуждо моему характеру. Я также имею твёрдое убеждение о том, что в связи с моими убедительными заявлениями и мерами, меня намеренно держали неосведомлённым о таких вопросах в целом, потому что это полностью противоречило моим собственным взглядам на работу и рабочих. Я очень часто говорил – и это можно увидеть из документов, что я хотел добиться сотрудничества зарубежных рабочих с Германией и немецким образом жизни, и я не хотел их враждебности.
Серватиус: Значит это были разные ведомства которые помимо вас имели отношение к вербовке рабочих?
Заукель: Могу я сделать об этом короткое заявление? Я несколько раз слышал слово «депортация» в Германии, и я всегда отвергал идею наиболее категорически, потому что я ничего не знал о таких операциях. Согласно использованию слова в немецком языке, я понимаю под «депортацией» высылку пленных и людей которые совершили наказуемое деяние против государства. Я никогда не проводил

[18] Германский Рейхсбан (железные дороги Рейха) – в 1937-1945 государственная структура министерства транспорта Германии отвечавшая за управление железными дорогами.
[19] Генрих Гиммлер (1900 — 1945) — один из главных политических и военных деятелей Третьего рейха. Рейхсфюрер СС (1929—1945), министр внутренних дел Германии (1943—1945), рейхсляйтер (1933), начальник РСХА (1942—1943). Покончил жизнь самоубийством после ареста.

депортации, из-за собственных взглядов на этику работы. Напротив, я давал рабочим вербуемым через моё ведомство – и это было то на что, я в конце концов получил согласие Гитлера[20] в начале своей работы, и это был непростой вопрос – я дал всем зарубежным рабочим юридические контракты, независимо от того прибыли ли они добровольно или в результате немецкой трудовой повинности. Им полагались и должны были предоставлять одинаковое обращение, одинаковую оплату и одинаковое продовольствие как и немецким рабочим. Вот почему, я отказался от идеи депортации в своих методах и своей программе. Здесь я могу свидетельствовать с чистой совестью, что я вообще не имел никакого отношения к этим депортациям, об ужасающей степени, которых я узнал только здесь.

Серватиус: Вы постоянно отмечали, что эту рабочую силу должны были доставлять в Германию при любых обстоятельствах, что нужно было действовать безжалостно, что абсолютно нужно было получить рабочих. Это не показывает, что вы соглашались с такими мерами?

Заукель: Я бы хотел отметить на следующее разграничение:

Мои директивы и инструкции можно ясно понять в многочисленных документах. Я мог принимать только их, потому что у меня не было никакой исполнительной власти и собственного механизма. Все эти директивы, с самого начала, предписывали юридически корректное и справедливое обращение. Однако, правда, что я использовал слова «при любых обстоятельствах», когда связывался с германскими ведомствами - сам фюрер убедил меня в таких словах – и использовал слово «безжалостно», не в отношении обращения с рабочими, а в отношении многих споров, диспутов, самовольных действий и отдельных пожеланий, которые германские ведомства, с которыми я должен был яростно соперничать, имели между собой и против меня. Так, по большей части они не понимали значения распределения рабочей силы как экономической меры во время войны. Военные власти, армейские командиры, например очень часто говорили мне, что было бессмысленно доставлять этих людей в Германию. Там существовала армия[21] Власова[22] под командованием русского генерала с таким именем, и военные власти хотели, чтобы эти русские рабочие вступали в армию Власова. Я возражал этому. Я не считал это правильным, как и не считал её достаточно надёжной. Такими были

---

[20] Адольф Гитлер (1889-1945) - основоположник и центральная фигура национал-социализма, основатель тоталитарной диктатуры Третьего рейха, вождь (фюрер) Национал-социалистической немецкой рабочей партии (1921—1945), рейхсканцлер (1933—1945) и фюрер (1934—1945) Германии, главнокомандующий сухопутными войсками Германии (с 19 декабря 1941) во Второй мировой войне. Покончил жизнь самоубийством во время битвы за Берлин.

[21] Русская освободительная армия (часто используется неофициальное сокращение РОА) — название вооружённых сил Комитета освобождения народов России, а также совокупность большинства русских антисоветских частей и подразделений из русских коллаборационистов в составе Вермахта в 1942—1944 гг.

[22] Власов Андрей Андреевич (1901 — 1946) — советский военачальник, участник битвы за Москву. В ходе Любанской наступательной операции Волховского фронта 20 апреля 1942 года был назначен командующим попавшей в окружение 2-й ударной армией, а после её разгрома был захвачен в плен и согласился на сотрудничество с руководством Третьего рейха, возглавив Русскую освободительную армию (РОА). Казнён по приговору советского суда.

вещи против которых мне нужно было беспощадно действовать в своих делах с германской администрацией на этих территориях.

Серватиус: Были другие обстоятельства, которые вели к перевозке людей в Германию?

Заукель: Да, были другие обстоятельства, которые, однако, были связаны не прямо, а косвенно с распределением рабочей силы, и они часто заставали меня врасплох; например, эвакуация военных зон, которую зачастую нужно было проводить в срочном порядке или за очень короткое время для подготовки. И когда проводилась такая эвакуация, задача местных трудовых отделов заключалась в том, чтобы направлять эвакуируемое население на работу в тыловых районах или доставлять в Германию тех рабочих которых можно было там использовать.

Подобное распределение рабочей силы, конечно, влекло для меня, значительные сложности. Среди эвакуируемых были семьи с детьми; и им, естественно тоже нужно было обеспечить прибежище. Частым было естественное желание русских отцов и матерей брать с собой детей. Это происходило, не потому что я этого хотел, но потому что это было неизбежно.

Серватиус: И вы всегда использовали такую рабочую силу, или только от случая к случаю.

Заукель: В большей степени этих людей использовали местные власти этих территорий и направляли их в сельское хозяйство, промышленность, железные дороги, мостостроительство, и тому подобное.

Серватиус: Вы имели какое-нибудь отношение к переселению?

Заукель: Я не имел никакого отношения к переселению. По распоряжению фюрера эта задача прямо возлагалась на рейхсфюрера СС.

Серватиус: Розенберг не докладывал вам о плохих условиях, которые существовали в его области?

Заукель: Да. У меня было четыре беседы с Розенбергом, по его просьбе, и он рассказывал мне о плохих условиях. Я не сомневался в том, что такие условия нужно было решительно осуждать.

Серватиус: Он говорил о Кохе[23]?

Заукель: Обсуждался в основном рейхскомиссариат Украина. Существовали значительные разногласия между рейхсминистром оккупированных восточных территорий Розенбергом и рейхскомиссаром Кохом.

Серватиус: Вы могли предпринимать меры против Коха?

Заукель: Кох не подчинялся мне ни прямо, ни косвенно. Я не мог давать ему никаких инструкций в подобных вопросах. Вначале я дал ему знать, что я не могу

[23] Эрих Кох (1896 — 1986) — нацистский военный преступник, деятель НСДАП и Третьего рейха. Гауляйтер (1 октября 1928 — 8 мая 1945) и оберпрезидент (сентябрь 1933 — 8 мая 1945) Восточной Пруссии, начальник гражданского управления округа Белосток (1 августа 1941—1945), рейхскомиссар Украины (1 сентября 1941 — 10 ноября 1944), почетный обергруппенфюрер СА и почетный обергруппенфюрер СС (1938). Польским судом был приговорён к пожизненному лишению свободы. Умер в тюрьме.

согласиться с такими методами о которых я услышал, в некоторой степени через Розенберга, хотя я не мог их подтвердить.

Кох считал – и он объяснял это в своих письмах Розенбергу, что на этой территории он был единственной властью. Он также отмечал это и мне.

Серватиус: Розенберг не думал о том, что причина таких условий заключалась в том, что ваши запросы были слишком высокими?

Заукель: Я тоже говорил об этом с господином Розенбергом. Лично я считал, что если требования можно было разделять и проводить упорядоченную вербовку и призыв, было совершенно возможно выполнять квоты. В конце концов, я имел приказы и инструкции от фюрера и центральной плановой комиссии.

Серватиус: Вы когда-нибудь говорили о методах, которые следовало использовать?

Заукель: Методы, которые нужно было использовать, мы не только часто обсуждали, но я опубликовал их во многих очень четких директивах. Я даже зашёл настолько далеко, издав и распространив свой манифест через голову высшей власти подчиненным ведомствам, чтобы они могли им руководствоваться.

Однако, я должен отметить, что это были инциденты, которые происходили по большей части до вступления в силу моих директив и до моего назначения.

Серватиус: Я хочу, чтобы вы обратились к документу номер PS-018. То есть «Досье рабского труда», страница 10.

Председатель: Это не страница 10. Это номер 10.

Серватиус: Это экземпляр номер USA-186. В английской книге «Рабский труд» это документ 10. Это письмо от 21 декабря 1942.

[*Документ передали подсудимому*]

Серватиус: Если вы изучите этот документ, вы увидите, что Розенберг жалуется на методы используемые вашими агентами и сотрудниками. Что это были за ведомства, за которые вам вменяют ответственность?

Заукель: В этом письме есть ошибка со стороны господина Розенберга, потому что эти ведомства были не моими, а рейхскомиссара.

Серватиус: Другими словами вы говорите, что он обращался не к тому человеку?

Заукель: Да.

Серватиус: Тогда отложите документ в сторону.

Заукель: Розенберг пишет на странице 2: «Я уполномочил рейхскомиссара Украины…».

Серватиус: Следовательно, вы полагаете, что автор этого письма сам точно не знал, кто был властями на данной территории?

Заукель: Да, это вполне возможно, потому что я сам был в должности короткое время.

Серватиус: Что вы сделали в результате жалобы Розенберга? Вы вообще, что-нибудь сделали?

Заукель: После получения письма Розенберга у меня сразу же состоялась с ним дискуссия. Так как это было незадолго до Рождества, 21 декабря 1942, я созвал телеграммой на 6 января официальное совещание в Веймаре, на которое пригласили ответственных чиновников на Востоке. Я также пригласил на это совещание рейхсминистра Розенберга. И на этом совещании этим чиновникам снова ясно и безошибочно сказали, что они обязаны использовать корректные и законные методы.

Серватиус: В этой связи, я бы хотел сослаться на документ номер Заукель-82. Это в документальной книге Заукеля номер 3, страница 207. Я предъявляю само руководство, которое содержит ряд документов для судебного уведомления.

Я процитирую одно фразу из речи о принципах вербовки, которую Заукель произнёс перед 800 людьми, которые работали в программе распределения рабочей силы.

Председатель: Вы сказали 800?

Серватиус: Страница 206.

Председатель: В моей копии 8 000. Разве не 8000?

Серватиус: Третья книга, страница 206, документ номер 82.

Председатель: Я смотрю на документ номер 82. Я подумал, вы сказали о 800 работавших людях. Я смотрю на начало документа 82.

Серватиус: Это начинается на странице 204. Он выступил перед 800 людьми, не 8000. Должно быть 800. Это ошибка в переводе документа.

Председатель: Очень хорошо.

Серватиус: Здесь заявляется следующее:

> «Принципы нашей вербовки:
>
> 1) Там, где добровольный метод потерпел неудачу (и опыт показывает, что он потерпел неудачу повсюду) имеет место принудительная служба…» - я пропускаю несколько фраз.
>
> Горько отрывать людей от их домов, от их детей. Но не мы хотели войны. Немецкое дитя, которое теряет отца на фронте, немецкая жена, которая оплакивает мужа убитого в бою, страдают гораздо сильнее. Откажемся теперь от ложных сантиментов».

Председатель: Вы пропустили кое-что из документа, не так ли?

Серватиус: Я не совсем понял.

Председатель: Вы пропустили кое-что из документа.

Серватиус: Да, я опустил некоторые фразы и сказал об этом. Но я могу зачитать его весь.

Председатель: Я лишь имею в виду страницу 206. Я не имел в виду весь документ. На странице 206 вы только, что пропустили две фразы.

Серватиус: У меня здесь четыре фразы. Я зачитаю их снова:

«Там, где добровольный метод потерпел неудачу имеет место принудительная служба»

Затем я опустил два предложения, которые я теперь должен зачитать:

«Это железный закон распределения рабочей силы в 1943. Через несколько недель не должно быть ни одной оккупированной территории, на которой принудительная служба на Германию это не самая естественная вещь в мире».

Председатель: Вы также пропустили слова «опыт показывает, что он потерпел неудачу повсюду»?

Серватиус: Я зачитал это в первый раз; я хотел сэкономить время.

«Мы собираемся отбросить последние остатки нашего мягкого разговора об идеалах гуманизма. Любое дополнительное орудие, которые мы получаем, приближает для нас час победы. Горько отрывать людей от их домов, от их детей. Но не мы хотели войны. Немецкое дитя, которое теряет отца на фронте, немецкая жена, которая оплакивает мужа убитого в бою, страдают гораздо сильнее. Откажемся теперь от ложных сантиментов.

Здесь мы должны руководствоваться осознанием того, что в долгосрочной перспективе от зарубежных рабочих можно требовать высокой производительности только если они удовлетворены своей долей. Я не потерплю людей обращающихся плохо.

3) Ни при каких обстоятельствах вам, как зарубежной вербовочной комиссии, не разрешается обещать вещи, которые согласно директивам и принятым правилам невозможны и не могут быть исполнены в связи с войной. Гораздо лучше вводить трудовой призыв и говорить: «Вы сами должны это принять и в ответ вы воспользуетесь правами рабочих трудоустроенных в Германии». Любой кто работает в Германии имеет в Германии права, даже если он большевик. Мы будем очень внимательно следить за тем, чтобы гарантировать, что немецкое имя не будет запачкано. Вы можете требовать от меня любой защиты в вашей области работы, но не за преступления. Имя нашей нации свято. Впервые в немецкой истории вы должны представлять для Рейха принципы немецкого труда. Всегда помните об этом».

[*Обращаясь к подсудимому*] Кроме информации, которую вы получили от Розенберга, вы получали какие-нибудь другие доклады, касательно методов вербовки?

Заукель: Кроме информации от Розенберга и его писем в то время, я не получал никаких других непосредственных жалоб. Но я принимал категорические приказы о

том, чтобы любые жалобы полученные моим ведомством должны были немедленно передавать компетентным властям Рейха для расследования, наказания и устранения причин для жалоб. Я бы хотел заявить что: моё ведомство получало очень много жалоб, которые касались меня, но это были жалобы на недостаточное количество рабочих предоставленных мной. Моей обязанностью было исправлять это. За исправление неадекватной администрации, за устранение несправедливых мер в различных областях или различных службах, я не мог быть компетентным, так как власти Рейха сами по себе были компетентными в этом.

Серватиус: Но вас должно было сильно интересовать, что там происходило. Вы ничего не слышали об этих инцидентах? Вам ничего не докладывали?

Заукель: То, что меня это интересовало с гуманной и личной точки зрения, можно видеть из того факта, что я занимался этими вещами, хотя они не входили в рамки моей должности.

Серватиус: Но вы здесь говорили об одном случае, в котором вам докладывали, что окружили кинотеатр. Вероятно, вы помните этот случай?

Заукель: Когда при визите фельдмаршала Клюге[24], я услышал от него, что он был информирован, что районе его армии или группы армий, был окружен кинотеатр и посетителей кинотеатра доставили на работу в Германию. Я сразу же начал расследовать этот случай, и расследование заняло 3 месяца. Свидетели смогут дать показания об этом, когда появятся здесь. Результат расследования был следующим: речь не шла о вербовке рабочей силы для Германии. Строительная часть рядом с Ровно отмечала в этом кинотеатре завершение одной из своих задач и в середине празднования был получен приказ, чтобы эта часть выполнила новую работу, в другом месте. Подрядчик соответственно прервал праздник, самым решительным образом, немедленно погрузив этих рабочих при помощи полицейской силы. Конечно, это не имело никакого отношения к моей работе и моей организации, но мне потребовалось три месяца, чтобы выяснить подлинные факты об этой жалобе фельдмаршала Клюге. В каждом случае, когда такие жалобы привлекали моё внимание, я расследовал и разбирался с ними и осуждал их, потому что они мне не помогали.

Серватиус: Теперь мы оставим этот вопрос вербовки и перейдем к вопросу перевозки этих людей в Германию. Кто был ответственным за их перевозку?

Заукель: За перевозку германским Рейхсбаном и властями обозначенными в моей директиве номер 4 – региональные управления или региональные трудовые отделы – были ответственными. Сразу же после вступления в должность, я имел подробную дискуссию с доктором Дорпмюллером[25], рейхсминистром транспорта, его

[24] Гюнтер фон Клюге (1882 — 1944) — германский военачальник, генерал-фельдмаршал (1940). В 1942-1943 командующий группой армий «Центр». Вскоре после провала заговора против Гитлера покончил с собой.
[25] Юлиус Дорпмюллер (1869 —1945) — государственный деятель Германии. Министр путей сообщения Рейха в 1937-1945. Умер находясь под арестом.

государственным секретарём, доктором Ганценмюллером[26] и до него доктором Кляйнмюллером[27]; и было согласовано, что перевозка рабочих в Германию должна проходить в безупречной манере, что грузовые поезда должны были обеспечивать продовольствием на время поездки, что, если бы русских включали в эти транспорты, вагоны не должны были никоим образом переполнять; и чтобы, если вообще возможно, пассажирские вагоны следовало использовать для этих транспортов. Мы согласовали это, хотя рейхсминистр транспорта сказал, что от него нельзя было ждать предоставления людям лучшего транспорта чем был у немецких солдат, он всё же, по крайней мере гарантировал, что вагоны не будут переполняться.

Серватиус: Вы видели доклад Молотова[28], то есть, экземпляр номер СССР-51. Вам известно его содержание, описывающее условия в этих транспортах, говорящее, что вагоны переполнялись, что умерших выбрасывали и оставляли лежать на путях, и что новорожденные дети сразу умирали. О таких условиях вам докладывали, или вы слышали о них при вашем официальном положении?

Заукель: О подобных инцидентах мне не докладывали в моём официальном положении, и они не могли ссылаться на рабочие транспорты моего ведомства.

Серватиус: Тогда, что это могли быть за транспорты?

Заукель: Насколько я смог установить из разбирательства, они должны были быть транспортами с заключенными концентрационных лагерей, которых эвакуировали. Мне точно неизвестно, но иначе я не могу объяснить это, потому что я бы ни в коем случае не потерпел подобные условия, как и не слышал о них. Подобные вещи не приносили нам никакой пользы.

Председатель: Где этот документ СССР-51?

Серватиус: СССР-51 официальный доклад, который я получил в печатной форме. У меня есть напечатанная немецкая копия. Я полагаю, что он уже предъявлен трибуналу. Если нет, я получу его и предъявлю его сам.

Председатель: Если у него номер СССР-51, он должен был быть предъявлен трибуналу. То есть номер экземпляра. Меня интересует, имеет ли он какой-нибудь другой номер по которому мы сможем его идентифицировать?

Серватиус: Обвинение вручило мне документ номер PS-054: то есть, экземпляр номер USA-198. Это номер 13 в английской книге «Рабский труд».

[*Обращаясь к подсудимому*] Там, на странице 4, сделано упоминание об

[26] Альберт Ганценмюллер (1905 — 1996) — немецкий государственный и политический деятель, государственный секретарь министерства путей сообщения Германии (1942—1945). После войны скрылся в Аргентине. В 1955 вернулся в ФРГ.

[27] Видимо имеется в виду Вильгельм Кляйнман (1876 – 1945) – немецкий государственный деятель. Обергруппенфюрер СА. В 1933-1945 заместитель генерального директора Рейхсбана. В 1938-1942 государственный секретарь министерства путей сообщения Германии.

[28] Молотов Вячеслав Михайлович (1890-1986) - российский революционер, советский политический и государственный деятель. Председатель Совета народных комиссаров СССР в 1930—1941 годах, народный комиссар, министр иностранных дел СССР в 1939—1949, 1953—1956 годах. Один из высших руководителей ВКП(б) и КПСС с 1921 по 1957 гг.

обратном транспорте, и в связи с этим описаны очень плохие условия и осуждение. Вы нашли это? Отрывок начинается:

> «Очень плохо влияют на моральное состояние квалифицированных рабочих и населения встречные поезда, когда провозят рабочих, которые стали нетрудоспособными или которые не годились для работы с самого начала».

Заукель: Это лишь могли быть инциденты, которые случились до того…

Председатель: Пока не было вопроса, не так ли? Я думаю, вопрос ещё не прошел.

Серватиус: Я снова задам вопрос.

В документе упоминаются возвращающиеся транспорты из Германии на Восток, и о двух транспортах осуждаются в связи с отвратительными условиями которые описаны. Я цитирую из документа:

> «Очень плохо влияют на моральное состояние квалифицированных рабочих и населения встречные поезда, когда провозят рабочих, которые стали нетрудоспособными или которые не годились для работы с самого начала.
>
> Много раз эти транспорты квалифицированных рабочих по пути в Германию встречались с обратными транспортами инвалидов и останавливались на путях друг против друга, простаивали так в течение долгого времени. Эти обратные транспорты недостаточно обслуживаются, несмотря на то, что там находятся больные, слабые, раненые люди по 50 — 60 человек в вагоне; весь поезд обычно сопровождают всего три-четыре человека. Нет достаточного ухода и пищи. Надо сказать, что возвращающиеся часто делают неблагоприятные, но, конечно, преувеличенные заявления и выводы о своем положении в пути и о том, как с ними обращались в Германии.
>
> В результате всего этого и того, что люди видят собственными глазами, панический страх охватывает специалистов, то есть всех рабочих, отправляющихся в Германию. Некоторые начальники эшелонов, особенно 62-го и 63-го, подробно докладывали о подобных случаях. В одном случае начальник транспорта квалифицированных рабочих видел собственными глазами, как человека, умершего от голода, выбросили из встречного транспорта в придорожную канаву.
>
> Это был оберлейтенант Гофман, начальник 63-го транспорта. В другой раз сообщили, что трое мертвых должны были…»

Председатель: Не думаю, что вам нужно зачитывать подсудимому всё. Наверное, ему это известно и он сможет ответить.

Серватиус: Вы видите эту ссылку сделанную на доклад, будьте любезны прокомментировать это?

Заукель: Касательно данного доклада, могу я сказать следующее: эти ужасные

условия должны были сразу расследовать местные заинтересованные власти. Доклад о результате расследования до меня не доходил. Этот тоже готовили не для меня. Я могу отметить, что перевозка в Германию больных людей непригодных для работы строго мной запрещалась, потому что это было бы преступлением и невозможным с экономической точки зрения. Я не могу сказать, кто отправлял эти поезда обратно. Также не установлено, что это были за транспорты на самом деле. Доклад описывает условия, которые уже существовали до моего прихода на должность. Я, лично – и бы хотел особо это подчеркнуть – принял распоряжение, согласно которому больные люди или беременные женщины – я лично отдал об этом приказы, если был нужен обратный транспорт для больных людей, немецкий Красный крест должен был предоставлять персонал для сопровождения этих людей на всём пути обратно к их родному месту. Эти приказы можно найти среди кодексов. Такие ужасные случаи халатности и преступлений, следовательно, противоречат четким правилам принятым немецкими трудовыми властями.

Серватиус: Вы не оборудовали Бад Франкенталь для больных рабочих, которые не могли вернуться?

Заукель: В моём гау не было Бад Франкенталя, а Бад Франкенхаузен, Кюффхаузер, которые я предоставил для больных советских рабочих. Дополнительно, я передал большую школу в Эдендорфе рядом с Веймаром со 100 койками для тифозных пациентов и русских военнопленных. Таким образом, по собственной инициативе, я сам делал всё возможное для помощи больным и похожим вопросам. Также было запрещено возвращать людей, пока они болели.

Председатель: Нам лучше прерваться.

[*Объявлен перерыв*]

Серватиус: Когда рабочие прибывали в Германию…

Заукель: Могу я кое-что сказать о документе PS-054 в дополнение к своим показаниям? Это очень важно.

Серватиус: Да.

Заукель: На странице 5, почти в центре страницы, я бы хотел обратить ваше внимание на следующую фразу докладчика – то есть доклад внутри военных властей: «Эти чрезвычайные инциденты имевшие место в транспортах в первые несколько месяцев, по нашим сведениям не повторялись летом». В первые месяцы 1942 года, я даже не находился в должности, и моя программа не начиналась до мая. Летом того года, как здесь правильно сказано, был положен конец такому положению дел.

Кроме того, я бы хотел обратить внимание на тот же самый документ, PS-054, мне кажется на странице 10, на копию письма о жалобе, которая говорит: «Как я проинформировал вас в своём письме от 20 апреля 1942…». Таким образом,

очевидно, что это письмо касается жалоб об условиях, которые должны были выявить до моего прихода на должность.

Серватиус: Я собирался спросить вас о прибытии рабочих в Германию. Что происходило, когда транспорт прибывал в Германию?

Заукель: По прибытию в Германию людей из транспорта не только должны были подобающим образом принять, но они также должны были снова пройти медицинский осмотр и проверку в транзитном лагере. Один осмотр должен был проходить во время и на месте вербовки, и ещё один проходил в установленном пункте перед границей. Таким образом, с момента вербовки до направления на работу проходило три медицинских осмотра и в соответствии с моими директивами должны были проходить проверки.

Серватиус: Чём являлись транзитные лагеря?

Заукель: Эти транзитные лагеря были лагерями в которых люди из различных транспортов собирались вместе на границе, и где их обследовали и регистрировали надлежащим образом.

Серватиус: Я предъявляю вам документ номер UK-39. У меня нет его номера экземпляра.

Председатель: Это британский экземпляр?

Серватиус: Я не смог установить имеет ли он уже номер экземпляра; я должен это проверить. В любом случае, мне его дали.

Председатель: Вам дали номер UK-39?

Серватиус: Да, UK-39.

Председатель: Это должен быть британский номер экземпляра, разве нет?

Максвелл-Файф: Серия это не британский экземпляр, наши экземпляры «GB». Это более ранняя серия документов, которые мы подготовили. Но я постараюсь выяснить.

Серватиус: Если вы посмотрите на данный документ, это письмо из главного управления безопасности Рейха, датированное 18 января 1943, касательно «концентрационного лагеря Герцогенбуш[29]». Затем сказано: «Данный лагерь будет оборудован в качестве транзитного и приемного лагеря».

Это было местом, куда направляли ваших рабочих?

Заукель: Распределение рабочей силы вообще не имело никакого отношения к этим лагерям и концентрационным лагерям. Это не был транзитный лагерь для рабочих, но очевидно транзитный лагерь концентрационного лагеря. Об этом мне вообще неизвестно. Я никогда не должен был и не занимался такими транспортами и транзитными лагерям; и мне не нужно было это делать.

Серватиус: Здесь был предъявлен доклад французского правительства; это

[29] Герцогенбуш — концентрационный лагерь Третьего рейха, располагавшийся в Нидерландах в городе Вюгт близ Хертогенбоса, столицы Северного Брабанта, с января 1943 по сентябрь 1944. В нём размещалось примерно 31 000 заключённых: бойцы Сопротивления, евреи, цыгане, гомосексуалисты, свидетели Иеговы, спекулянты, бродяги, заложники, среди них были мужчины, женщины и дети.

документ номер UK-78 и французский экземпляр номер RF-87. Заголовок «Третье исследование». Это очень обширный доклад. Я процитирую из своих заметок. Доклад содержит грубо говоря следующее: «Сразу же по прибытию рабочих забирали на эти в самые настоящие невольничьи рынки, которые назывались сортировочными домами. Жилищные условия были убогими»

Это так описан один из ваших транзитных лагерей?

Заукель: Это абсолютно невозможно, такой лагерь никогда не существовал.

Серватиус: Как распределение рабочих осуществлялось на практике? Я снова ссылаюсь на доклад Молотова, документ номер СССР-51. Советская делегация здесь говорит, что данный документ был предъявлен под этим номером экземпляра. Доклад говорит, что рабочих забирали на невольничий рынок и продавали за 10-15 марок. Что вы на это скажете?

Заукель: Мне кажется каждый немецкий работодатель, который получал этих рабочих, как в сельском хозяйстве так и в военной промышленности, свидетель тому факту, что подобная процедура никогда не имела места ни в какой форме; это совершенно несовместимо, чтобы такие невольничьи рынки учреждались рейхсминистерством труда, а те рабочие которые проходили через национал-социалистические трудовые биржи получали точно такие же контракты и условия как и сами немецкие рабочие, с небольшой разницей и ни в одном случае их не направляли на работу как бесправных, бесплатных рабов, без договора, без страховки по болезни или страховки от несчастного случая. Это можно видеть из многочисленных директив и распоряжений, которые принимались рейхсминистерством труда и мной для каждой расы.

Серватиус: Какими были общие условия проживания зарубежных рабочих в Германии?

Заукель: Общие условия проживания зарубежных рабочих в Германии постольку, поскольку их вербовали через ведомства распределения рабочей силы, были точно такими же, как у немецких рабочих, которые размещались в лагерях. Условия проживания зависели от обстоятельств войны и в отличие от мирного времени, были предметом таких же ограничений которые применялись к немецкому населению. Адъютант господина фон Шираха, человек неизвестный мне, который вчера явился сюда в качестве свидетеля, описал условия в Вене, такие условия существовали в остальных немецких городах.

Серватиус: Какими были меры безопасности в этих лагерях?

Заукель: В самих лагерях?

Серватиус: Что же, я имею в виду в целом.

Заукель: Меры безопасности были ответственностью полиции, а не моей, потому что лагеря находились в подчинении разных предприятий и Германского трудового фронта.

Серватиус: Итак, я предъявляю документ номер ЕС-68. Он содержит директивы,

отданные региональным продовольственным управлением Бадена относительно обращения с поляками в Германии. Это экземпляр номер USA-205, находящийся в американской документальной книге «Рабский труд», четвёртый документ. Я зачитываю начало этого документа, который вы уже видели. В нём сказано:

> «Отделения ассоциации крестьян земли Баден, которая входит в администрацию Рейха по вопросам продовольствия, с чувством глубокого удовлетворения узнали о результатах переговоров с высшим руководителем СС и полиции в Штутгарте 14 февраля 1941 г. Соответствующее сообщение уже разослано областным отделением ассоциации крестьян. Ниже излагаются конкретные инструкции в том виде, в каком они были выработаны на совещании, и соответствующий порядок их выполнения:
>
> 1. Основным положением является то, что сельскохозяйственные рабочие польской национальности больше не имеют права на то, чтобы жаловаться, поэтому никакие жалобы не будут больше приниматься официальными органами.
>
> 2. Сельскохозяйственные рабочие польской национальности не могут покидать места своей работы».

Итак, я опускаю некоторые пункты и ограничу себя существенными частями. Я перехожу к пункту 5:

> «5. Строго запрещается для сельскохозяйственных рабочих польской национальности посещение театров, кино и других увеселительных учреждений».

Следуют остальные правила, запрещающие пользование железными дорогами и под номером 12 есть жизненно важное положение:

> «12. Каждый предприниматель имеет право применять телесные наказания по отношению к сельскохозяйственным рабочим польской национальности…»

Пожалуйста, прокомментируйте данный документ и скажите нам в какой мере вы его одобряете.

Заукель: Прежде всего, я бы хотел отметить, что этот документ датирован 6 марта 1941 – то есть, больше чем за год до моего прихода на должность. Такое абсурдное и невозможное распоряжение никогда не привлекало моё внимание в течение моего пребывания в должности. Но поскольку мне сейчас предъявлен документ и я узнал о нём, я бы хотел сослаться на мои собственные распоряжения, которые я принимал совершенно независимо от того, что происходило раньше и которые автоматически отменяли такие распоряжения. Для того, чтобы предотвратить вступление в силу этих абсурдных распоряжений в некоторых службах Рейха, я собирал и публиковал свои распоряжения в справочнике в котором сказано – из-за фактора времени и из уважения к трибуналу, я не могу попросить трибунал посмотреть на все из них, но

они прямо противоречат подобным взглядам. Я бы хотел попросить, чтобы мне позволили процитировать лишь одну фразу из упомянутого мной манифеста, которая направлена против такой бессмыслицы и против неправильного использования рабочей силы. Я особо ссылаюсь на свои директивы о справедливом обращении. Фраза гласит следующее:

> «…эти приказы и директивы, а также их дополнения, должны быть непременно доведены до сведения управляющих производством и руководителей лагерей для иностранных граждан, а также их личному составу. Следует постоянно следить за полной приверженностью им».

Серватиус: Этот манифест покончил с этим?

Заукель: Это параграф из манифеста, который ссылается в особенности на мои приказы, предписывающие справедливое и гуманное обращение, достаточное питание, нерабочее время и тому подобное.

Серватиус: Вы издали большое количество директив. Вы замечали какую-нибудь оппозицию вашим основным правилам и если так, что вы делали?

Заукель: Как только я замечал оппозицию, я делал специальную ссылку на мои распоряжения, потому что они одобрялись фюрером, на мои рекомендации, для моей области деятельности.

Серватиус: Что касалось заботы и социального обеспечения, ДАФ – Германский трудовой фронт[30] – играл особую роль? В чём заключалась задача ДАФ?

Заукель: Задача ДАФ заключалась в том, чтобы заботиться о немецких рабочих и следить за их интересами. В данном качестве он должен был заниматься, само собой, социальным обеспечением зарубежных рабочих. Это была его обыденная задача и одновременно он имел корректирующее влияние на государственную трудовую администрацию, влияние похожее на то, что оказывали профессиональные союзы на государственный контроль, постольку поскольку он существует, в других странах.

Серватиус: Какие задачи имели управляющие производствами?

Заукель: Они имели задачу регулирования общего производства на своих производствах; и конечно, они были полностью ответственными за своих рабочих и зарубежных рабочих, которых им командировали.

Серватиус: Они были в основном ответственными или ответственным был ДАФ?

Заукель: Работодатели были в основном ответственными согласно закону, регулирующему германский труд.

Серватиус: Итак, рабочие в основном размещались в лагерях. Кто надзирал за общежитиями в этих лагерях?

Заукель: Общежития в этих лагерях находились под полным надзором управления германской профессиональной инспекции, которая находилась в подчинении

[30] «Германский трудовой фронт», DAF — в нацистской Германии объединённый профсоюз работников и работодателей.

рейхсминистерства труда. Управление профессиональной инспекции имело полномочия и власть принуждать к соблюдению работодателей которые не выполняли приказов рейхсминистра труда.

Серватиус: Вы лично принимали какие-нибудь приказы или распоряжения касательно лагерей?

Заукель: Я лично отдавал приказы касавшиеся лагерей, но они могли вступать в силу и соблюдаться только от имени рейхсминистра труда.

Серватиус: Довольно об общежитиях в лагерях. Итак, какими были условия проживания внутри лагерей? Кто был за них ответственным?

Заукель: В самих лагерях ответственными были руководители лагеря. Руководитель лагеря назначался по согласованию между ДАФ и управляющим производством, и по моим сведениям – это было не в рамках моих обязанностей – его назначение должны были утверждать и принимать органы безопасности.

Серватиус: Вы говорите об органах безопасности. В какой степени полиция принимала участие в надзоре за этими лагерями, поддержании дисциплины и подобных вопросах?

Заукель: Надзор за лагерем и поддержание дисциплины были задачей руководителя лагеря, и не имели никакого отношения к полиции. Полиция, как мне кажется, в случае любой страны имела надзорные и контрольные права относительно шпионажа и секретности на производстве, и т. д. Кроме этого, полиция не имела никакого отношения к лагерю.

Серватиус: Эти лагеря были закрыты от внешнего мира? Какой была ситуация в связи с этим, когда вы приняли должность.

Заукель: Когда я принял должность, лагеря, в частности восточных рабочих, были очень сильно закрыты от мира и были огорожены колючей проволокой. Для меня это было несовместимо с принципом производительных и добровольных рабочих и со всей личной энергией которую мог приложить, я добился удаления ограждений и колючей проволоки, и я также уменьшил границы комендантского часа для восточных рабочих, чтобы в конце концов картина которую здесь вчера представили могла воплотиться на практике. Все остальное было бы несовместимо, технически говоря, с готовностью рабочих работать, чего я хотел.

Серватиус: Теперь вопрос продовольствия. Каким было питание этих зарубежных рабочих?

Заукель: Питание зарубежных рабочих подчинялось системе применявшейся к питанию немецких людей, и соответственно дополнительные пайки выделяли людям, выполнявшим тяжёлую, очень тяжёлую или сверхурочную работу.

Серватиус: Такая ситуация существовала, когда вы принимали должность?

Заукель: Когда я принимал должность и получил приказ от фюрера о том, чтобы в дополнение к зарубежным рабочим, которые уже находились в Рейхе, я должен был доставить в Рейх дальнейшие квоты, первый шаг, который я должен был

предпринять это посетить рейхсминистра продовольствия, так как мне было очевидно, что доставка зарубежных рабочих в первую очередь являлась вопросом продовольствия, плохо накормленные рабочие, даже если они хотят, не могут выполнять работу удовлетворительно. У меня было с ним много подробных бесед и ссылаясь на фюрера и рейхсмаршала, я добился получения подходящего питания для рабочих, и продуктовые квоты были установлены законодательно. Было непросто сделать это, потому что продовольственная ситуация, даже для немцев, всегда была напряжённой, но без этих мер я бы не смог, также и с личной точки зрения выполнить свою задачу.

Серватиус: Здесь упоминались подробности относительно продовольственной ситуации, которые обосновывают утверждение о том, что существовали чрезвычайно плохие условия. Ничего из этого не доходило до вашего сведения, или же лично вы ничего не слышали?

Заукель: Что касалось условий плохого питания в рабочих лагерях гражданских рабочих, я никогда не имел никаких неблагополучных докладов. Лично я прилагал постоянные усилия, чтобы следить за этим вопросом. Управляющие производствами сами очень серьезно занимались продовольственной проблемой.

Серватиус: Разве в распоряжении и письме трудовым управлениям гау и гауляйтерам, вы не рассматривали предмет хорошего обращения с иностранцами и в связи с этим не критиковали существовавшие условия?

Заукель: Сразу же после принятия должности, когда гауляйтеры были назначены уполномоченными по распределению рабочей силы в своих гау, я обратил их внимание на продовольственную ситуацию и приказал им направить своё внимание на данный вопрос и также вопрос проживания. Я услышал, что в двух гау мои инструкции не восприняли достаточно серьезно. В одном случае я сам поехал непосредственно в Эссен и исправил там ситуацию – это касалось колючей проволоки – и в другом случае, в восточной Баварии, я также лично вмешался. Кроме этого, я воспользовался этими двумя инцидентами, чтобы написать гауляйтерам и правительствам немецких земель и провинций и снова отметил значение соблюдения этих инструкций.

Серватиус: Я ссылаюсь на документ 19, это в английской книге номер 1, страница 54; документ Заукель-19.

Председатель: 19?

Серватиус: Это документ номер 19 в первой документальной книге, страница 54. Воспроизведена только часть. В циркуляре всем трудовым управлениям гау и гауляйтерам следующее:

> «Если в округе гау всё еще делают такое заявление, что «если кто-то в гау и должен мёрзнуть этой зимой, то в первую очередь это должны быть русские (то есть русские гражданские рабочие трудоустроенные в гау), такое заявление прямо показывает, что в этом регионе гау,

контакт между административным трудовым управлением и компетентными политическими ведомствами всё ещё не достаточно тесный. Одна из наиболее важных задач распределения рабочей силы и сотрудничество между вами и гауляйтерами как моими заместителями по распределению рабочей силы заключается в том, чтобы следить за тем, чтобы с зарубежными рабочими завербованными для германской промышленности вооружений и продовольственной экономики обращались так, чтобы позволить им отдавать максимум эффективности. Следовательно, не стоит вопрос защиты от нужды немецких соотечественников только и за счёт неадекватного продовольственного обеспечения рабочих зарубежного происхождения. Напротив, императивом является постоянная мысль о том, что для того, чтобы добиться победы, максимальной эффективности следует требовать не только от немецких соотечественников, но также и от зарубежных рабочих. Было бы абсурдом доставлять со значительными затратами в страну зарубежных рабочих, для работы на германскую экономику и потом ставить по угрозу или рушить их эффективность в результате недостаточного обеспечения».

В заключение следует напоминание о том, что нужно соблюдать распоряжение Заукеля.

[*Обращаясь к подсудимому*] Какой была ситуация относительно обмундирования зарубежных рабочих?

Заукель: Обмундирование зарубежных рабочих из западных регионов доставляло нам сравнительно мало проблем, так как эти рабочие были хорошо обеспечены, и им также компенсировали их обмундирование. Но обмундирование восточных рабочих было проблемой. От имени восточных рабочих я обратился к рейхсминистру экономики за квотой по обмундированию и обеспечению 1 миллиона восточных рабочих всем необходимым верхним и нижним бельем. Чтобы обеспечить такой квотой на одежду 10 000 также требовалось 30 000 тонн сырья. Таким образом, всё внимание уделялось вопросу одежды и одежду на самом деле выдавали.

Серватиус: Французская делегация предъявила документ номер RF-5. Это пропагандистская брошюра «Работа для Европы» Я также предъявил её, и трибунал вынес о ней судебное уведомление. Я бы хотел снова предъявить её и сослаться на три фотографии содержащиеся в ней. Существенная вещь в этих фотографиях в том, что некоторые из рабочих прибывающих с Востока прибывали босыми, и далее есть фотографии где рабочие нормально одеты в Германии, и это доказательство того, что ситуация с обмундированием этих рабочих имела в Германии значительный прогресс.

Председатель: Это Заукель-5?

Серватиус: Нет, это документ французской делегации, документ RF-5.

[*Обращаясь к подсудимому*] Какой была ситуация относительно рабочего времени? Кто регулировал рабочее время?

Заукель: Рабочее время устанавливалось на основании распоряжений фюрера, совета министров и позднее рейхсминистром Геббельсом. Выполнение этих распоряжений было моей задачей.

Серватиус: Каким было среднее рабочее время?

Заукель: Вряд ли можно говорить о среднем рабочем времени в Германии во время войны. Существовало законное рабочее время 8 часов. За всё, что больше 8 часов, выплачивались сверхурочные.

В 1943 году среднее рабочее время в неделю сначала установили как 54 часа, позднее, поскольку это было необходимо, 10 часов в день. Когда рейхсминистр доктор Геббельс стал рейхсделегатом по тотальной войне, вопреки моим возражениям и возражениям других ведомств, но на основании имевшихся у него полномочий, он потребовал и объявил о 10-часовом рабочем дне для всех ведомств и промышленности. Однако это вообще нельзя было выполнить, так как на многих производствах и ведомствах работу приходилось регулировать согласно сложностям, с которыми они уже сталкивались – сложностям в сырье, электроснабжении и количестве работы. Но в исключительных случаях, которые были нечастыми, 11-ти и 12-ти часовые работы вводились там где того требовало производство. Немецкие рабочие тоже работали увеличенное время. Всем рабочим это соответственно компенсировали.

Серватиус: Во французском документе номер RF-22, на странице 101 немецкого текста, следующее:

> «Из допросов депортированных рабочих службами Ministere des Prisonniers[31], которые вернулись домой, можно видеть, что средним рабочим временем в неделю было, по крайней мере, 72 часа».

Затем упоминается об источнике информации, но нас это здесь не интересует.

> «Нередкой была шестидесятичетырёхчасовая неделя. Упоминалась случаи 100-часовых недель с 30-38 дополнительными часами».

Что вы можете об этом сказать? Такие случаи привлекали ваше внимание?

Заукель: Я не могу комментировать эти доклады, потому что я не знаю касалось ли это людей которых использовали в концентрационных лагерях или тех кого использовали как гражданских рабочих в другом секторе за который я был ответственным. Верно, что в самых исключительных случаях были периоды, когда вводились длительные периоды работы. Об этом решала фабрика и это также применялось к немецким рабочим. Но в таких случаях соответствующие периоды отдыха должны были перемежаться. Эти длинные часы применялись только для

---

[31] Министерство по делам пленных (фр.) – существовало во Франции с 1944 по 1946.

завершения важных контрактов. Я не могу установить где на самом деле работали эти люди из допроса, таким образом, я не могу дать вам точный ответ.
Серватиус: В чём заключались положения о времени отдыха?
Заукель: Время отдыха находилось в распоряжении рабочих.
Серватиус: Кто был ответственным за регулирование времени отдыха?
Заукель: За регулирование времени отдыха был ответственным ДАФ, что касалось организационных деталей времени отдыха.
Серватиус: Какой была ситуация относительно трудоустройства детей и молодёжи?
Заукель: По закону Германского Рейха детям младше 12 лет запрещалось работать. Детям младше 14 лет разрешалось работать только несколько часов в сельском хозяйстве.
Серватиус: Вы принимали распоряжения о рабочем времени для детей?
Заукель: Я принимал распоряжения или подтверждал законы, которые уже существовали постольку, поскольку они применялись к такой работе.
Серватиус: Теперь я должен показать вам документ номер PS-345, который письмо рейхсминистра Розенберга Ламмерсу[32], датированное 20 июля 1944.

[*Документ передали подсудимому*]

Председатель: Его раньше предъявляли? Его ранее приобщали в качестве доказательства?
Серватиус: Данный документ был предъявлен в перекрестном допросе. Я сам только, что его получил. Он касается вербовки молодёжи 15-20 лет для трудоустройства в Рейхе во время войны. Затем документ ссылается на перевозку в Рейх молодёжи в возрасте 10-14 лет; то есть «акцию сбор урожая[33]». И оно продолжает говорить:

> «Цель данной акции дальнейшая забота рейхсюгендфюрера о молодёжи и подготовка подмастерьев для германской экономики по способу похожему на тот, который уже успешно осуществляется с молодёжной службой Белоруссии в сотрудничестве с ГБА[34]» - что означает вас.

Пожалуйста, прокомментируйте, использовали ли вы этих молодых людей.
Заукель: Нет, я вообще не имел никакого отношения к этой акции и список

---

[32] Ганс-Генрих Ламмерс (1879 — 1962) — государственный деятель нацистской Германии, начальник рейхсканцелярии в ранге государственного секретаря (30 января 1933 года — 26 ноября 1937 года), рейхсминистр без портфеля и начальник рейхсканцелярии (26 ноября 1937 года — 1944 год), постоянный член и заместитель председателя Совета по обороне Рейха (с 30 ноября 1939 года), обергруппенфюрер СС (с 20 апреля 1940 года). Осужден по приговору американского военного трибунала в 1949. Досрочно освобождён в 1951.
[33] «Сбор урожая» - операция по вывозу в Германию от 40 000 до 50 000 польских детей в возрасте от 10 до 14 лет для работы на предприятиях Юнкерса или в организации Тодта.
[34] Абрревиатура с немецкого –Generalbevollmächtigter für den Arbeitseinsatz - генеральный уполномоченный по распределению рабочей силы.

рассылки не упоминает моё имя. Мне неизвестно об этом предмете.

Серватиус: Значит, вы не нарушали своих собственных правил отдавая особые директивы?

Заукель: Нет. Это был перевод, которым я не занимался.

Серватиус: Тогда я бы хотел предъявить вам ещё одно письмо, которое также предъявлено обвинением в связи с делом Шираха. Это документ номер PS-1137, письмо, датированное 19 октября 1944. На странице 3 данного документа, появляется следующее:

> «Дополнительно к этому, другая рабочая сила была предоставлена ранее германской промышленности вооружений – а именно, прежде всего, 3500 юношей и 500 девушек на заводы Юнкерса[35]; во-вторых, 2000 юношей и 700 девушек для ОТ…
>
> Служба подчиненная «Гитлерюгенду[36]» получила с восточных оккупированных территорий для промышленности вооружений» - я оставляю то, что нас не интересует – 5500 юношей и 1200 девушек».

Вы разрешали использовать эту рабочую силу, или вопрос обошёл вас стороной?

Заукель: Нет.

Серватиус: Как эта рабочая сила попала в промышленность вооружений?

Заукель: Что же, лично я не могу объяснить подробности. Видимо это состоялось на основе договорённостей между ведомствами министерства оккупированных восточных территорий или того гауптбаннфюрера Никеля[37]. Я только во время слушаний узнал, что здесь замешаны молодые люди, которым по возрасту запрещалось работать. Я понял, что это было по характеру обеспечением перед работой, но…

Серватиус: Это известно.

Заукель: Это не проходило через меня или мои ведомства.

Серватиус: Что насчёт использования зарубежных женщин?

Заукель: Женщины из зарубежных стран использовались точно таким же образом, как и немецкие женщины. Никаких других условий.

Серватиус: Здесь предъявлен документ номер PS-025. Это экземпляр номер USA-698, который также предъявлен только сейчас и не находился в книгах. Это протокол совещания, которое состоялось в вашем ведомстве и на котором вы долго

---

[35] Юнкерс — авиастроительная компания Германии, основанная Хуго Юнкерсом в Дессау как фирма Junkers&Co производившая газоотопительные котлы, охладители и вентиляторное оборудование. К авиастроению компания приступила после начала Первой мировой войны. К началу Второй мировой войны компания являлась крупнейшей в Германии и осуществляла разработку и строительство многих конструкций, внесших существенный вклад в историю мировой авиации.

[36] Гитлерюгенд (сокращенно, HJ; ГЮ — Hitler-Jugend) — молодёжная организация НСДАП. Включала в себя собственно Гитлерюгенд для юношей от 14 до 18 лет, организацию подростков Гитлерюгенда от 10 до 14 лет, а также союз немецких девушек.

[37] Зигфрид Никель (1913 – 1977) – нацистский политик. В 1942-1945 занимал ряд должностей в молодёжных структурах на оккупированных территориях СССР.

говорили об использовании женского труда. В третьем параграфе сказано:

> «С этой целью фюрер приказал использовать 400 000-500 000 восточных работниц из Украины, в возрасте 15-35 лет, для внутренних нужд и генеральному уполномоченному по распределению рабочей силы» - то есть, вам – «поручено проведение данной акции, которая должна завершиться приблизительно за три месяца».
>
> Это продолжается:
>
> «Особое пожелание фюрера заключается в том, чтобы как можно больше девушек было германизировано если они окажутся удовлетворительными».
>
> Пожалуйста, вы прокомментируете это?

Заукель: Да, это касается указа фюрера доставить 400 000-500 000 восточных работниц в Рейх для немецких домохозяйств, но в особенности для того, чтобы облегчить работу немецких крестьянских жён. Я бы хотел упомянуть в связи с этим документом, что я не выполнял это, и что моё ведомство тоже это не выполняло. Весьма вероятно эти стенограммы были записаны на основании записей сделанных кем-то ещё. Относительно этих предполагаемых 400 000-500 000 домашней прислуги, нужно сказать, что их должны были доставлять в Рейх только на добровольной основе. На самом деле, как мне кажется было только 13 000-15 000, прибывших в Рейх. Идея «германизации», использованная тут, также ссылается на их добровольное желание остаться в Германии.

Серватиус: Какой медицинский уход получали зарубежные рабочие? Здесь упоминались разные вещи, например: «Если рабочий больше не может работать, он больше вас не заботит», что предположительно ваш принцип. Затем сказано, что работа, еда и оплата должны быть взаимосвязаны. Если рабочий больше не может работать, он просто мертвый груз. Что вы можете сказать на эти обвинения?

Заукель: Вы покажете мне, где я это говорил? Я с этим не знаком.

Серватиус: Это расшифровка заседания суда, у меня есть страница, в немецкой расшифровке, 2789[38]. Там сказано, что если рабочий больше не может работать, его судьба не интересует. Вы выступали за такой принцип?

Заукель: Наоборот, есть сотни точных распоряжений и приказов, которые я издал. Они публиковались в «Reichsgesetzblatt[39]», в особых номерах направляли на фабрики и трудовые биржи и в специальных сборниках, в которых совершенно ясно излагалось, что с зарубежными рабочими которых доставляли в Рейх при помощи распределения рабочей силы должны были обращаться в соответствии с германскими законами, правилами и директивами и, что касалось медицинского ухода, включая страхование. Также были…

---

[38] См. Стенограмма Нюрнбергского процесса. Том IV / Пер. с англ. и составление — Сергей Мирошниченко, 2018. — (Первопубликация), стр. 400-401.

[39] «Правительственная газета» - газета правительства Германии издававшаяся в Германии с 1871 по 1945. Принимаемые нормативно-правовые акты подлежали официальной публикации в данной газете.

Председатель: Доктор Серватиус, вы предъявили подсудимому документ, где предполагается, что он сказал, что при непригодности к работе, его это больше не интересует? Об этом документ предъявленный ему?
Серватиус: Данный документ предъявлен ему относительно работниц, о которых он предположительно сказал, что их должны были германизировать. Я больше не рассматриваю этот документ, а перешёл к вопросу медицинского ухода.
Председатель: Вы имеете в виду документ PS-025, экземпляр USA-698?
Серватиус: Этот документ, номер PS-025, ссылается только на работниц. С данным вопросом уже разобрались. Я перешёл к вопросу медицинского ухода в целом, и я больше не рассматриваю вопрос работниц.

[*Обращаясь к подсудимому*] Вы получали доклады о неприемлимых условиях относительно здоровья и медицинского ухода с зарубежными рабочими?
Заукель: Нет. Не только немецкие врачи работали как официальные врачи на фабриках и лагерях занимаясь гигиеной и здоровьем рабочих, но также много врачей и медицинских помощников из родных стран зарубежных рабочих использовались и передавались в такие лагеря.
Серватиус: Как вы надзирали за исполнением ваших распоряжений, и с остальными контролирующими службами?
Заукель: Существовали следующие контролирующие службы: прежде всего…
Серватиус: Минуточку. Я бы хотел сослаться на документ Заукель-2. В нём я сделал обзор о контрольных и инспекционных службах занимавшихся надзором. Я должен кратко объяснить схему:

В центре находится рейхсминистерство труда, в подчинении Зельдте[40]; ниже расположены инспекционные профессиональные комиссии, включая полицейский отдел для профессий и городской планировки. Это был единственный отдел, который имел инспекционные полномочия – то есть, он мог предпринимать действия против любого сопротивления со стороны завербованных на работу. Кроме этого, было создано несколько других официальных служб, чтобы руководить трудной проблемой социального обеспечения. Это прежде всего, если вы посмотрите на правую сторону, Германский трудовой фронт, служба объединяющая интересы работодателей, промышленности и рабочих, и в некоторых отношениях занимавший бывшее место профсоюзов. Была создана особая инспекционная комиссия, инспекционное управление Рейха Германского трудового фронта, с отделом для зарубежных рабочих, который имел своих связных с фабриками, чтобы выслушивать жалобы. На самих фабриках тоже были зарубежные рабочие, которые могли докладывать об имевшихся там условиях.

Затем, переходя немного правее, рейхсминистерство сельского хозяйства и

---

[40] Франц Зельдте (1882—1947) - государственный и политический деятель Германии, один из руководителей организации «Стальной шлем» («Stahlhelm»), рейхсминистр труда (июнь 1932 — 23 мая 1945 года), обергруппенфюрер СА (1933), прусский государственный советник. Умер находясь под арестом.

продовольствия, которое через региональные продовольственные управления, тоже имело прямое видение вопросов обеспечения продовольствием и социальным обеспечением. Доклады, приходившие к рейхсминистру иностранных дел через дипломатические каналы как мы увидим позднее в конце концов тоже передавали Заукелю.

Затем есть особый отдел восточных рабочих в министерстве Розенберга – то есть центральная служба народов Востока – и это последнее письмо, что мы видели здесь, видимо пришло от одного из господ в этой службе. Эта центральная служба народов Востока в свою очередь имела своих агентов на фабриках и производствах, и они докладывали напрямую. Все эти доклады передавали Заукелю.

Теперь, я перехожу к левой части схемы. Лично Заукель учредил для инспекционных целей личный штаб, который направляли на фабрики. Мы слышали от нескольких свидетелей, что эти инспекторы появлялись и следили за тем, чтобы всё было в порядке. Затем он создал специальное ведомство – инспекцию Рейха. Жалобы, которые поступали от Германского трудового фронта и остальных источников направляли в эту инспекцию. Когда Заукель говорит, что ему непосредственно направляли эти жалобы, они сначала направлялись в инспекцию Рейха, которая в свою очередь уведомляла необходимые ведомства и при необходимости, применяла принудительные меры рейхсминистерства труда. Затем также гауляйтерам поручалась задача надзора и свидетели которые явились сюда – свидетели которые были гауляйтерами в своё время – подтвердили, что они осуществляли контроль как уполномоченные распределения рабочей силы. Дальше налево показана забота и контроль осуществляемые рейхсминистерством пропаганды, которое забрало надзорные функции касательно управления лагерями и рабочими. Затем, наконец далеко слева, идет Вермахт, который имел собственный надзорный механизм при помощи своих инспекторов, которым были вверены военнопленные и которые следили за тем, чтобы соблюдались конвенции.

Доклады из всех этих служб шли к Заукелю, и он здесь свидетельствовал о том, что о ненормальных условиях ему не докладывали, что он мог заставить почувствовать своё влияние только при помощи директив и, что он принимал свои инструкции.

Председатель: Доктор Серватиус, вы спросите подсудимого о том правильным ли было заявление о смысле схемы?

Серватиус: Свидетель, данное объяснение, которое я дал и эта схема, которую вы видели, правильные?

Заукель: Да.

Серватиус: Они правильные?

Заукель: Да.

Серватиус: Теперь вы прокомментируете деятельность гауляйтеров в качестве уполномоченных? Как вы надзирали за гауляйтерами?

Заукель: Я не мог надзирать за самими гаулейтерами, так как у меня не было ни дисциплинарного, ни официального контроля над ними. Однако гау посещали члены моего штаба с интервалами около 3 месяца. По поводу таких визитов заслушивали жалобы гауляйтеров и затем фабрики и лагеря инспектировались совместно и проводилась проверка о том выполняли или нет мои директивы. Я бы хотел заметить, что этим инспекторам естественно никак не разрешали контролировать концентрационные лагеря и производства в концентрационных лагерях, это была иная сфера, которая находилась под контролем обергруппенфюрера Поля[41] и в которой я не имел ни полномочий, ни понимания.
Председатель: Мы прервёмся.

[*Объявлен перерыв до 14 часов*]

Вечернее заседание

Кубушок: Я прошу разрешения для подсудимого фон Папена отстуствовать на судебных заседаниях завтра утром и вечером. Мне нужно довольно долго консультироваться с ним для подготовки его защиты, которую в противном случае я не смогу проводить. Доктор Флекснер будет представлять его во время заседания.
Председатель: Да.
Пристав: С позволения трибунала сообщаю, что подсудимый Геринг отсутствует.
Председатель: Как я сказал этим утром, трибунал заседает до 4 после полудня.
Серватиус: Этим утром мы дошли до инспекций, но я бы хотел вернуться к одному вопросу.

Вы сказали, что глава фабрики был ответственным за рабочих. Это также относилось к военнопленным и концентрационным лагерям?
Заукель: Нет. Армия, или тот род войск, в чьей компетенции находились эти военнопленные, был ответственным за лагеря военнопленных. Таким же образом, насколько мне известно, только концентрационные лагеря были ответственными за своих заключенных, даже если они работали.
Серватиус: Вы сформировали девятый отдел как отдел инспекций Рейха в рейхсминистерстве труда. В чём заключались особые задачи этого инспекционного отдела?

[41] Освальд Поль (1892 — 1951) — обергруппенфюрер СС и генерал войск СС (20 апреля 1942), начальник Главного административно-хозяйственного управления СС (1 февраля 1942 — 8 мая 1945). Казнён по приговору американского военного трибунала в Нюрнберге.

Заукель: Я создал этот инспекционный отдел, который до этого не существовал в министерстве труда, потому что я хотел убедиться в единообразии и исполнении контрактов на всей территории Рейха, а также на оккупированных территориях где применялись немецкие предприятия и немецкие трудовые контракты; также, чтобы изучать и контролировать единообразие административного регулирования, и более того, чтобы понять соблюдаются ли мои приказы о питании, жилье, обращении и уходе и в какой степени их нужно менять. Все это также содержалось в директиве, которую я принял для инспекционного отдела.

Серватиус: В чём заключалось положение центрального инспекционного управления Германского трудового фронта – центрального инспекционного управления по уходу за зарубежными рабочими?

Заукель: Центральное инспекционное управление ДАФ имело задачу надзора за социальным обеспечением зарубежных рабочих в лагерях в Германии, чтобы следить за тем, что их кормили и так далее в установленном порядке.

Серватиус: Если были какие-нибудь злоупотребления, инспекционное управление докладывало вам или кто получал доклад?

Заукель: Соглашение между фюрером, Германским трудовым фронтом, доктором Леем, и мной, было добавлено к распоряжению касательно формирования центрального инспекционного управления, и говорилось о том, что там где стоял вопрос условий в лагерях, центральное инспекционное управление должно было напрямую взаимодействовать с заинтересованными ведомствами Рейха или с отделом промышленной инспекции рейхсминистерства труда, для того, чтобы исправлять условия; в то время как о случаях нехватки или избытка рабочей силы, и т. д. нужно было докладывать мне.

Серватиус: Следовательно в результате этого соглашения, ваши права были ограничены?

Заукель: Да.

Серватиус: Это документ PS-1913, который предъявлен. Это соглашение между Заукелем и доктором Леем от 20 сентября 1943. Это экземпляр USA-227. Это документ номер 41 в английской документальной книге. Я лишь сошлюсь на него, не цитируя из него.

[*Обращаясь к подсудимому*] Какого рода были другие надзорные ведомства? Я думаю о французах.

Заукель: Что же, после принятия мной должности, были назначены люди действующие как посреднические агенты с зарубежными рабочими. Эти люди, по согласованию с Германским трудовым фронтом, имели право посещать лагеря и заслушивать жалобы. Особое соглашение было достигнуто с французским правительством во взаимодействии с рейхсминистром иностранных дел.

Серватиус: Это документ Заукель-31. Это на странице 79 английского текста в документальной книге Заукеля номер 1, «французская служба по уходу за

французскими работниками в Рейхе». Это циркуляр от Заукеля датированный 30 апреля 1942. Я предъявляю сам документ, который в этом сборнике. Я цитирую:

«Довожу следующее письмо от министерства иностранных дел от 10 апреля 1942:

Правительство Рейха уведомило французское правительство о том, что оно согласно на следующие правила относительно ухода за французскими добровольными рабочими в Германии:

Кроме уже существующего ведомства для военнопленных в Берлине будет создана служба для французских гражданских рабочих под руководством посла Скапини[42]. Правительство Рейха выделит здание для размещения данной службы. Служба может создать отделения в четырех других немецких городах.

Службе поручается уход за французскими рабочими в Германии. Он надзирает за выполнением контрактов заключенных с рабочими. Она может принимать предложения от рабочих и передавать их в компетентные учреждения и следить за устранением неудовлетворительных условий. Она правомочна выдавать сертификаты и рекомендации рабочим для представления французским властям».

Я опускаю один абзац:

«Более того, главе французских представителей предоставлены дипломатические привилегии личного иммунитета при исполнении своих задач, а также исключение из германской юрисдикции и полицейского преследования».

[*Обращаясь к подсудимому*] Как это ведомство на самом деле работало с вами?

Заукель: Это ведомство на самом деле работало как с ДАФ так и со мной. Представитель этого ведомства принимал участие в переговорах во Франции с французским правительством. Позднее ведомство изменилось в такой степени, что уход за гражданскими рабочими был передан господину Брунетону[43] вместо господина Скапини, который надзирал потом только за военнопленными.

Серватиус: Значит, это было только сменой личного состава?

Заукель: Да, это было лишь сменой личного состава. Я часто говорил с этими господами и действовал согласно их пожеланиям.

Серватиус: Что делал центральный инспекционный отдел народов восточных территорий?

Заукель: Центральный инспекционный отдел народов восточных территорий был

[42] Жорж Скапини (1893 – 1976) - французский юрист и политик. Представитель Франции в Германии по делам военнопленных в ранге посла.

[43] Гастон Брунетон (1882 – 1961) – французский инженер и коллабрационист. Генеральный комиссар французских рабочих в Германии в 1943-1945. Французским судом был осуждён к 4,5 годам лишения свободы.

ведомством при рейхскомиссаре по восточным оккупированным территориям.

Серватиус: Как работало это ведомство?

Заукель: Оно работал таким же образом, как и французское ведомство, за исключением того, что это была немецкая организация и немцы были ответственными. Она имела доверие восточных народов, которые работали с нами как с союзниками.

Серватиус: Вы получали какие-нибудь жалобы с этой стороны?

Заукель: Нет, кроме случаев о которых мне докладывал Розенберг и которые с ним обсуждались. Всем занимались там.

Серватиус: Теперь я перехожу к вопросу поддержания трудовой дисциплины. Какого рода правила существовали с целью поддержания трудовой дисциплины – пунктуальности и хорошей работы? Какого рода правила существовали?

Заукель: В Германии правила, касавшиеся трудовой дисциплины были вопросом самих фабрик. Каждая фабрика имела свои собственные правила, которые в обычные времена согласовывались между администрацией, мастером и рабочим советом. Этот совет мог предпринимать дисциплинарные действия в форме штрафов. Во время войны трудовая дисциплина стала более строгой, потому что ввиду нехватки рабочих было невозможно сохранить право работодателя или работника на увольнение. Поэтому немецкий рабочий, и немецкая рабочая сила и промышленность подчинялись указам и законам военного времени. Для того, чтобы применять это, по предложению совета министров по обороне Рейха, я позднее принял распоряжение номер 13. Это распоряжение, которое предъявлено, прежде всего предусматривает, дифференциацию уровней наказания на производствах за нарушения трудовых правил, опоздания и необоснованное отсутствие на работе.

Серватиус: Это документ Заукель-23 в документальной книге Заукеля; в английском тексте, номер 1, страница 62. Свидетель привёл вам суть содержания. Я просто сошлюсь на это.

Заукель: Эти меры по поддержанию трудовой дисциплины на производствах начинались с предупреждения и затем доходили до штрафа или лишения дневного или недельного заработка.

Серватиус: Что происходило в случае грубых нарушений?

Заукель: Если бы с ними не могли разобраться суды чести Трудового фронта, о делах с постоянным и неисправимым плохим поведением должны были докладывать полиции.

Серватиус: Этот закон применялся к иностранцам также как к немцам?

Заукель: Да он применялся к немцам и иностранцам.

Серватиус: И что делали в случае уголовных нарушений?

Заукель: О них тоже должны были докладывать полиции. Трудовые власти не имели ни полномочий, ни компетенции в уголовных или похожих делах.

Серватиус: Кому направлялись жалобы если правила не применялись правильно, то

есть, если вместо штрафов применялось телесное наказание?

Заукель: Подобные жалобы направляли в Трудовой фронт или посреднику с иностранными рабочими.

Серватиус: О каких-нибудь таких случаях вам докладывали?

Заукель: Мне ни о чём не докладывали, потому что это находилось вне моей компетенции.

Серватиус: Чем являлись исправительно-трудовые лагеря?

Заукель: Они были учреждениями рейхсфюрера СС.

Серватиус: Кого помещали в такие лагеря?

Заукель: Тех, кого власти наказывали за нарушения трудовой дисциплины, с которыми нельзя было справиться по фабричным правилам.

Серватиус: Они были такими же, как концентрационные лагеря?

Заукель: Нет, по моему мнению, нет. Эти воспитательные трудовые лагеря не находились под надзором рейхсминистерства труда, ни под моим. Они являлись полицейским учреждением.

Серватиус: Вам известно из этих слушаний, что фактически довольно много рабочих, направляли в концентрационные лагеря. Как вы это объясните?

Я вручаю вам документ PS-1063, экземпляр USA-219. Это письмо от 17 декабря 1942; в английской документальной книге это номер 28 из книги рабского труда. Это письмо помеченное как «секретное», направлено начальником полиции безопасности и СД во все органы СС; во всяком случае не вам. Я цитирую:

> «По причинам военной необходимости, которые не могут обсуждаться далее, рейхсфюрер СС и глава германской полиции приказал 14 декабря 1942, чтобы самое позднее к концу января 1943, по крайней мере, 35 000 заключенных пригодных для работы направить в концентрационные лагеря. С целью получить такое число, требуются следующие меры: 1. С настоящего момента (по 1 февраля 1943) восточные рабочие, и зарубежные рабочие которые являются дезертирами или нарушителями своих контрактов…кратчайшим способом доставляются в ближайшие концентрационные лагеря…»

Председатель: Предположительно свидетелю известен документ.

Серватиус: Вам известен документ?

Заукель: Я увидел этот документ здесь впервые.

Серватиус: Вы ещё на него не смотрели?

Заукель: Я увидел выдержку здесь в Нюрнберге впервые.

Серватиус: Тогда я бы хотел обратить ваше внимание на решающий отрывок. Пожалуйста, вы зачитаете внизу первой страницы. Здесь сказано следующее:

> «В случае необходимости, прямо не участвующим ведомствам следует дать понять, что каждая и всякая из этих мер это необходимая мера полиции безопасности, а значит, жалобы можно будет предотвратить,

или в любом случае устранить».

Что вам известно об этом распоряжении?

Заукель: Мне ничего неизвестно об этом распоряжении. Оно объясняет многие вещи, которые запутывали нас. Кажется это письмо от группенфюрера Мюллера[44], и к моему удивлению, оно заявляет достаточно ясно, что иные ведомства – и они означали только мои ведомства или Шпеера – следовало информировать о том, что такие меры являются необходимыми мерами полиции безопасности.

Серватиус: Что вы понимаете…

Председатель: Перед тем как вы перейдете от этого документа – я понял, что подсудимый говорит, что рабочих отправляли в трудовые лагеря за нарушения трудовых правил. Так вы сказали, не так ли?

Заукель: Если рабочие, несмотря на повторные предупреждения и штрафы на фабрике, не демонстрировали улучшения или продолжали нарушать, о них докладывали фабрики, а не я, в полицейское ведомство. Насколько мне известно, это полицейское ведомство имело соглашение с рейхсминистром юстиции согласно которому…

Председатель: Я спросил вас, куда их направляли, когда вы говорили, что их направляли в трудовые лагеря за нарушения трудовых правил, а не по какой-то другой причине. Вы так сказали?

Заукель: Ни по какой другой причине, за нарушения или уголовные преступления.

Председатель: Тогда как вы объясните первые слова параграфа 1 из этого документа:

«С настоящего момента восточные рабочие, доставляются в ближайшие концентрационные лагеря…»?

Заукель: Ваша светлость, здесь сказано, в немецком тексте:

«С настоящего момента по 1 февраля 1943 восточные рабочие, и зарубежные рабочие которые являются дезертирами или нарушителями своих контрактов, не относящиеся к союзным, дружественным или нейтральным государствам, кратчайшим способом доставляются в ближайшие концентрационные лагеря, при соблюдении необходимых формальностей которые приводятся под цифрой 3».

Это самовольная директива этого ведомства о которой я не знал.

Серватиус: Что вы понимаете под «уничтожением работой»?

Заукель: Я услышал это выражение «уничтожение работой» впервые здесь в этом зале суда. Такая концепция абсолютно противоречила интересам, которые я отстаивал на своей должности.

---

[44] Генрих Мюллер (1900 — предположительно между 1 и 2 мая 1945) — начальник секретной государственной полиции (IV управление РСХА) Германии (1939—1945), группенфюрер СС и генерал-лейтенант полиции (1941). Предположительно был убит во время попытки выйти из Берлина.

Серватиус: Вы имели какое-нибудь отношение к трудоустройству заключенных концентрационных лагерей?

Заукель: Я не имел никакого отношения к трудоустройству заключенных концентрационных лагерей, и я также говорил своим коллегам, что мы не должны иметь никакого отношения к трудоустройству подобной рабочей силы. Я не имел никакого отношения к каким-либо карательным мерам.

Серватиус: Кто направлял заключенных концентрационных лагерей на работу в промышленности вооружений?

Заукель: Я не могу вам сказать по личным сведениям, потому что я не имел к этому никакого отношения, и я никогда не участвовал в дискуссиях касавшихся этого предмета.

Серватиус: Здесь предполагалось, что вы использовали приказ «Ночь и туман[45]», чтобы получать рабочих в Германию.

Заукель: Мне неизвестен приказ «Ночь и туман». Я узнал о нём лишь здесь. Он не имел никакого отношения к распределению рабочей силы и моим обязанностям.

Серватиус: Что насчёт использования еврейских рабочих?

Заукель: Я не имел никакого отношения к трудоустройству евреев. Это являлось исключительной задачей рейхсфюрера СС.

Серватиус: Я предъявляю документ R-91. Это экземпляр USA-241, и экземпляр RF-347. Он не включен в документальные книги. Это письмо от начальника полиции безопасности и СД Мюллера рейхсфюреру СС, в ставку, датированное 16 декабря 1942. Здесь сказано, я цитирую:

> «В связи с увеличением передачи рабочей силы в КЛ» - следует вероятно читать КЗ[46] – «которую приказано провести до 30 января 1943, следующий порядок можно применить к еврейскому сектору: общее количество, 45 000 евреев».

Затем есть более подробное уточнение, и среди прочего, в конце сказано: «3000 евреев из оккупированных территорий Нидерландов», и далее: «Количество 45000 включает непригодных для работы…»

Какое отношение вы имеете к этому письму?

Заукель: Я впервые здесь узнал об этом письме. Я не знал о нём раньше, и я могу лишь подчеркнуть, что эти транспорты и эта процедура не имела никакого отношения к моей работе, и что я тогда не имел к ним никакого отношения.

Серватиус: Затем у нас есть документ L-61, который предъявлен. Это экземпляр USA-177; в английской документальной книге о рабском труде, это документ номер 6. Документ в первом списке документов, который предоставили защите, и он был

---

[45] «Ночь и туман» (нем.) — директива Адольфа Гитлера от 7 декабря 1941 года, подписанная и приведенная в исполнение Главнокомандующим вооруженных сил Германии Вильгельмом Кейтелем. Директива разрешала похищение антинацистских политических активистов на всей территории, оккупированной Германией во время Второй мировой войны.

[46] Аббр. с нем. Konzentrationslager – концентрационный лагерь.

перечислен как подлинник письма от Заукеля, который признал депортацию евреев.

Пожалуйста, вы прочитаете это письмо и выскажите свою позицию о том насколько вы имели какое-нибудь отношение к депортации евреев. Я коротко скажу о содержании. В этом письме от 26 ноября 1942 сказано:

«По согласованию с начальником полиции безопасности и СД, евреи которые всё еще работают, с настоящего времени подлежат эвакуации с территории Рейха и должны быть заменены поляками, которых депортировали из Генерал-губернаторства[47]».

Данное письмо заканчивается говоря:

«Я направляю настоящую копию для вашего сведения. Постольку поскольку это затрагивает удаление евреев используемых в вашем районе, я прошу, чтобы вы предприняли необходимые меры по согласованию с компетентными ведомствами начальника полиции безопасности и СД».

Затем сказано: «Подпись, Фриц Заукель».

Вы выскажете свою позицию об этом письме?

Заукель: Могу я сказать по поводу этого документа, что его мне уже показывали на предварительных допросах. У меня тогда было мало времени, и когда мне его снова представили в ходе слушаний, я обнаружил что это не подлинный документ, который я подписал. Моё имя напечатано внизу.

Во-вторых, мне кажется существенным, что это письмо, которое я предположительно подписал, не датировано моим ведомством. Моё ведомство, как можно видеть из многочисленных документов, находилось в Берлине на Моренштрассе. Данное письмо датировано ведомством на Саарландштрассе.

Что касается содержания. Должен сказать, что я никогда не имел никаких личных договоренностей или соглашений с СД и полицией безопасности в смысле этого письма как не имел никаких сведений об этом письме, и также не могу его вспомнить. Единственная вещь которая правильная в этом письме это то, что я был обязан восполнять утрату рабочей силы в германской промышленности – будь то евреи, солдаты, или другие – за 2 недели. Возможно это письмо пришло из ведомства на Саарландштрассе, из подчиненного ведомства. Я больше ничего не могу сказать об этом письме.

Серватиус: Откуда тогда в окончании письма есть: «Подпись, Фриц Заукель»?

Заукель: Я не могу этого понять. Если это была аутентичная копия, она бы была подписана.

Председатель: Вы получили подлинник?

Серватиус: Нет, я не получал подлинник. Это предъявлено обвинением и поэтому в материалах трибунала этот экземпляр.

---

[47] Генерал-губернаторство (1939—1945) — административно-территориальное образование на территории оккупированной в 1939 году нацистской Германией Польши.

Заукель: Приложение касается событий, которые также происходили до времени моего пребывания в должности – то есть, практически все эти события происходили до моего прихода на должность.

Серватиус: Вы имеете какие-нибудь сведения о том, что случалось с евреями?

Заукель: Вы имеете в виду…?

Серватиус: Окончательное решение.

Заукель: Нет, у меня не было об этом сведений. Моя задача стала бы проще и у меня было бы меньше трудностей если бы всех этих людей, насколько они могли работать, включали в трудовой план более разумным образом. Я абсолютно ничего не знал об этом окончательном решении, и оно полностью противоречило моему интересу.

Серватиус: Касательно вопроса заработной платы, кто был ответственным за регулирование заработной платы?

Заукель: Я был ответственным за регулирование заработной платы во время нахождения в должности.

Серватиус: Какого рода заработную плату вы выплачивали? Оставим сейчас восточные народы.

Заукель: Принципиально, всем зарубежным рабочим платили заработную плату, согласованную в контракте с посредническими отделами и правительствами, и которая соответствовала уровню заработной платы признаваемой законной в различных регионах Германии.

Серватиус: Что насчёт так называемых восточных рабочих?

Заукель: Что касается восточных рабочих, когда я принял должность, я выяснил, что при существующих правилах большая часть их заработной платы вычиталась в качестве налогов в пользу Рейха. Это соответствовало указу совета министров по национальной обороне.

Серватиус: Вас это устраивало или вы предпринимали шаги, чтобы улучшить условия.

Заукель: Это можно видеть из документов – то есть, из распоряжений, которые я принимал в течение пребывания в должности – чтобы эти правила, которые я считал недопустимыми, улучшались шаг за шагом, насколько я мог преодолевать оппозицию до 1944 восточные рабочие оставались на таком же уровне как немецкие рабочие. Первое улучшение было сделано в июне 1942, когда заработная плата была удвоена, второе в 1943, и последнее в марте 1944, по распоряжению 11.

Серватиус: Здесь я ссылаюсь на следующие документы, которые я не буду читать: документ Заукель-50, в документальной книге Заукеля 2, страница 134; документ Заукель-17, в документальной книге Заукеля 2, страница 137; документ Заукель-52, документальная книга Заукеля 2, страница 143; документ Заукель-58, документальная книга Заукеля 2, страница 156; и наконец, документ Заукель-58(а), документальная книга Заукеля 2, страница 161. Я предъявляю подлинник в сборнике

«Правила руководства распределением восточных рабочих».

Председатель: Доктор Серватиус, я понял, что подсудимый только, что сказал, что этот документ L-61 подготовлен до того как ему поручили снабжение рабочей силой.

Серватиус: Это ссылается на вещи, которые существовали до его пребывания в должности и почти завершились, когда это письмо подготовили – то есть, такое положение вещей уже существовало.

Председатель: В документе ничего на это не указывает, это так?

Серватиус: Это можно видеть из даты.

Председатель: Дата 26 ноября 1942.

Серватиус: Приложение ссылается на распоряжение от 27 марта 1942. Второе приложение, если мы пойдем дальше, приложение от 21 января 1942, которое тоже рассматривает вопрос. То, что мы цитировали, было лишь последним письмом, окончательным письмом.

Председатель: Понимаю. Тогда у нас нет полного документа.

Серватиус: Я его предъявлю.

[*Обращаясь к подсудимому*] Относительно заработной платы восточных рабочих, восточные рабочие получали какие-нибудь поощрения кроме этой заработной платы?

Заукель: Восточные рабочие, в результате моих усилий, получали поощрение в виде премий за хорошую работу и рождественские подарки, таким же образом, как и немецкие рабочие; и дополнительно существовало соглашение с восточным министерством, согласно которому семьи восточных рабочих должны были получать сумму в 130 рублей в месяц по запросу.

Серватиус: Здесь я ссылаюсь на кое-какие документы. Они документ Заукель-22, в английской книге, том I, страница 9; распоряжение, документ Заукель-54, касающееся премий, которое в томе II, страница 151; и документ Заукель-57, касающийся рождественских подарков, том II, страница 155.

[*Обращаясь к подсудимому*] Какая заработная плата оставалась наличными у восточных рабочих?

Заукель: Когда я пришёл на должность – это было до введения моих правил – восточный рабочий, после вычетов на еду и жильё, имел около 4 марок 60 пфеннигов, если взять в среднем 60 пфеннигов за час у среднего рабочего в промышленности Германии.

Чистая оплата этого же самого рабочего или «не облагаемая налогом» как её называли, была увеличена в июне 1942, после того как у меня была возможность вникнуть в эти вещи на 100 процентов до 9.10 марок.

Могу я сказать, что для немецкого рабочего было бы совершенно невозможно при таком уровне заработной платы делать сбережения, если учитывать его налоги и социальные взносы, его расходы на аренду, отопление и еду. Это было

принципом, изложенным мне советом министров по обороне Рейха для оплаты этой рабочей силы. Это не являлось моим желанием. Однако, уже в марте или апреле 1943 заработная плата русского рабочего, из-за моего вмешательства, снова выросла до 12 марок, и весной 1944 она выросла до 18 марок.

Председатель: Я не думаю, что нам необходимы все эти подробности. Нет отдельного обвинения против подсудимого в том, что он ничего не платил рабочим, не так ли? Я имею в виду, что он говорит, что он платил им, но нам не нужны подробности о количестве марок.

Серватиус: Господин председатель, было предъявлено обвинение в рабском труде, и это, как правило, неоплачиваемый труд. Французский доклад, документ RF-22, оценил потерю 77 миллиардов, от чего пострадала Франция в результате использования её рабочих. Интересно услышать, по крайней мере…

Председатель: Вам не нужны точные подробности этого, не так ли?

Серватиус: [*Обращаясь к подсудимому*] Что вы скажете о возможностях для перевода этой заработной платы?

Заукель: Сначала я создал возможности для перевода заработной платы, потому что единственная реальная привлекательность для зарубежного рабочего работать в Германии заключалась в том, что он мог поддерживать свою семью дома, отправляя часть своих сбережений в свою родную страну. Это делалось на основании соглашений с президентом германского Рейхсбанка. Он сам об этом свидетельствовал.

Серватиус: Касательно вопроса заработной платы, я ссылаюсь на документ PS-021, который предъявлен как F-44. Этого тоже нет в документальных книгах. Он датирован 2 апреля 1943. Он показывает, как рассчитывался уровень платежа и касается улучшения заработной платы восточных рабочих. Я не хочу цитировать из него подробно, но изучение показывает, что предпринимались серьезные попытки добиться улучшения и уравнивания.

[*Обращаясь к подсудимому*] Какой была длительность трудовых контрактов?

Заукель: Длительность трудовых контрактов зависела от соглашений, которые заключали с заинтересованными правительствами. Для западных и южных стран контракт был на 6 месяцев, 9 месяцев или 1 год. Что касается восточных стран и советских рабочих, когда я пришел на должность, существовавшие правила предусматривали неопределенный срок. Так как я считал необходимым чёткий период, несмотря на большие расстояния, здесь я тоже добился ограничения срока 2 годами.

Серватиус: Намечалось продолжать использовать эту рабочую силу после войны, и эти зарубежные рабочие должны были остаться в Германии? Я задаю этот вопрос, потому что французское обвинение процитировало следующий отрывок из книги «Работа для Европы», экземпляр RF-5, страница 23:

«Большой процент иностранных рабочих останется даже после победы на нашей территории. После обучения строительному делу они должны будут закончить то, что помешала закончить война, а также осуществить то, что оставалось до сих пор в состоянии проектов».

Из этого был делали вывод, что принудительный труд должен продолжаться после войны?

Заукель: Отчасти или полностью это мнение автора данной статьи, но мне кажется, что также упоминалось, что рабочие вернутся домой и там используют, на благо своей родины, знания и умения, которые они получили на новой работе в Германии. У меня абсолютно не было никакого намерения удерживать зарубежных рабочих в Германии после войны, и в любом случае я не мог бы так сделать. Напротив, я даже приказал о том, чтобы картотеку зарубежных рабочих, центральный реестр вели аккуратно, на том основании, что в случае благоприятного завершения войны, было бы можно честно вернуть этих рабочих в их родные страны и иметь их личные дела.

Серватиус: Если я вас правильно понял, это не являлось вопросом принудительного удерживания рабочих, но сохранением их здесь для вербовки?

Заукель: Да, мне не докладывали о том, что большое количество зарубежных рабочих хотело остаться в Германии по своей инициативе. Это предположение.

Серватиус: Что насчёт обязательного труда? Какой была длительность контрактов?

Заукель: Не было никакой разницы в оплате или сроке договора между добровольной работой и обязательной работой или тем, что мы называли на языке распоряжения «сроком обязательств». Это оставалось правдой для всех стран. Если француз выполнявший обязательные работы имел контракт на 6 или 9 месяцев, он имел такое же право как добровольный рабочий вернуться после 9 месяцев. Можно было продлить период.

Серватиус: В каких случаях контракт продлевали?

Заукель: Контракт продлевали, когда рабочий хотел по своей воле продолжать свою службу, или когда существовала чрезвычайность или нехватка рабочей силы на конкретной фабрике, чем оправдывалось продление. Это должны были регулировать посредники.

Серватиус: Кроме гражданских рабочих, военнопленных тоже использовали в Германии? Какое вы имели отношение к такому использованию рабочей силы?

Заукель: Трудоустройство военнопленных было довольно сложным, потому что оно должно было происходить по согласованию с ответственным из организации по делам военнопленных. Так называемая техника перемещения доставляла мне сложности. Позвольте мне объяснить.

Существовали Женевская конвенция[48] или Гаагская конвенция[49], согласно

[48] Женевская конвенция об обращении с военнопленными, иначе называемая Женевская конвенция 1929 года была подписана в Женеве 27 июля 1929 года. Её официальное общепринятое название конвенция об обращении с

которым военнопленных нельзя было использовать в промышленности вооружений или боеприпасов. Однако, когда мы говорим о военнопленных задействованных в промышленности вооружений это означало, что столько-то и столько-то немецких женщин или рабочих переводили на производства на которых Женевская конвенция запрещала использовать военнопленных, и что военнопленные занимали их место. Это делали по согласованию с ведомствами ответственного за организацию по делам военнопленных.

Серватиус: И кто следил за соблюдением Женевской конвенции?

Заукель: Ответственный организации по делам военнопленных и мы сами или администрация распределения рабочей силы, придерживались правил Женевской конвенции и несколько раз составляли каталог типов работ, на которых можно было использовать военнопленных. Также в моё время, в 1943 и 1944 было опубликовано особое издание этого каталога, и его можно найти в так называемой «Синей книге».

Серватиус: Вам известны случаи, когда военнопленные использовались вопреки Женевской конвенции?

Заукель: Некоторые соглашения заключались с французским правительством, что касалось добровольцев, и это применялось в некоторой степени к восточным рабочим.

Серватиус: Кто был ответственным за размещение, питание и уход за военнопленными?

Заукель: Ведомство ответственного за организацию по делам военнопленных являлось единственно ответственным.

Серватиус: Вам известно, что миллионы военнопленных погибли со времени вашего принятия должности?

Заукель: До того как я получил должность мне стало известно, что большое количество военнопленных погибло в так называемых битвах по окружению на Востоке. Эти битвы длились долгое время, и ввиду наших огромных транспортных сложностей мы не могли перемещать пленных, и они оставались на поле боя в состоянии полного истощения. Это всё, что мне об этом известно.

Серватиус: В начале вашей деятельности вы занимались военнопленными, не так ли? Что вы выяснили тогда, или что вы тогда делали?

Заукель: Я выяснил, что некоторые русские военнопленные ужасно недоедали.

Серватиус: Что вы сделали?

Заукель: Вместе с ответственным организации по делам военнопленных, я подготовил для всех этих военнопленных – насколько мне известно, я помню тогда о 70 000 в Рейхе – размещение у немецких крестьян, для того, чтобы укрепить их силу. Крестьяне были обязаны кормить этих военнопленных по крайней мере 3

военнопленными. Вступила в силу 19 июня 1931 года. Именно эта часть Женевских конвенций регулировала обращение с военнопленными во Второй мировой войне.

[49] Гаагская конвенция о законах и обычаях сухопутной войны – международно-правовое соглашение определяющее поведение воюющих сторон при ведении войны на суше. Принята в Гааге 18 октября 1907 г.

месяца, не назначая им работу. В качестве компенсации крестьянам давали гарантию, что эти военнопленные останутся у них и будут работать на них до конца войны.

Серватиус: Во время войны военнопленные получали статус свободных рабочих?

Заукель: Да. Что касалось французских рабочих, я играл важную роль в надзоре за тем, чтобы они трудоустраивались по соглашению с французским правительством. Эти соглашения заключались при поддержке германского посла в Париже. О квотах вели переговоры в соответствии с указаниями данными мне фюрером и рейхсмаршалом. Первой квотой было 250 000 французских трудящихся и 150 000 квалифицированных рабочих.

В качестве компенсации за использование этих добровольных рабочих – и я подчеркиваю добровольность – 50 000 французских военнопленных, которые были крестьянами должны были вернуть и их на самом деле вернули французскому правительству для того, чтобы улучшить возделывание французской сельскохозяйственной почвы.

В этом заключалось первое соглашение.

Серватиус: Чем являлось Releve[50]?

Заукель: Releve было соглашением между французским правительством и моим ведомством, согласно которому за каждых трёх рабочих прибывших в Германию один французский военнопленный освобождался и отправлялся домой фюрером.

Серватиус: И кто достиг этого соглашения?

Заукель: Это соглашение было заключено на основе дискуссии между французским премьером и мной. Я сильно выступал за подобное соглашение, потому что я сам провёл 5 лет за колючей проволокой во время Первой мировой войны.

Серватиус: Это было облегчением для пленных? Они вернулись домой?

Заукель: Да, они вернулись домой.

Серватиус: И как гражданское население реагировало на это? Прежде всего, что чувствовали рабочие, которые должны были ехать в Германию?

Заукель: Это было актом товарищества, и согласно полученным докладам чувство было благоприятным.

Серватиус: Тогда в действительности вместо одного военнопленного были трое заключенных рабочих?

Заукель: Нет. Эти рабочие почти свободно могли перемещаться в Германии, как и остальные французские рабочие и немецкое население.

Серватиус: Они прибывали в Германию на неопределенный срок?

Заукель: Нет, они оставались согласно сроку их контрактов, также как и остальные рабочие.

Серватиус: Каким был средний срок контракта?

Заукель: 9 месяцев.

---

[50] Замена (фр.)

Серватиус: Значит результатом было то, что спустя 9 месяцев военнопленные, также как и остальные рабочие могли вернуться домой?

Заукель: Да. Этот постоянный обмен требовал новых квот и новых соглашений с французским правительством, так как всегда должны были быть пополнения.

Серватиус: Эти переговоры проводили с определенным давлением?

Заукель: Нет. Я прошу вас заслушать свидетелей об этом. Их вели на свободной дипломатической основе.

Серватиус: В какой степени производилось это Releve? Оно было небольшим или крупномасштабным?

Заукель: Оно производилось на основе 250 000 рабочих, которые должны были поехать в Германию.

Серватиус: Французское обвинение в своём правительственном докладе говорит, что лишь слабых и больных людей возвращали обратно, которые всё равно не могли работать. Что вы на это скажете?

Заукель: Насколько мне известно, французских солдат, которые являлись военнопленными отправляли обратно. Обратная отправка и отбор солдат не являлись моей задачей, а ответственного за организацию по делам военнопленных. Я считаю возможным, что больных солдат тоже направляли домой, таким образом, если они хотели этого. Но разумеется не существовало намерения возвращать обратно только больных или старых солдат, но солдат в целом. В этом заключалась основа соглашения.

Серватиус: Существовал второй курс, который выбрали – улучшенный статус, который французы назвали «трансформацией». Что это собой представляло?

Заукель: Улучшенный статус был третьим соглашением, которое включало положение о том, что французским военнопленным в Германии давали такие же контракты и такой же статус как и остальным французским гражданским рабочим.

Серватиус: Когда новый французский рабочий прибывал Германию? Пропорция была 1 к 1?

Заукель: 1 к 1.

Серватиус: Французских рабочих обязывали на неопределённый срок или здесь срок также ограничивался?

Заукель: Тоже самое как применялось при Releve.

Серватиус: Такое улучшение статуса приветствовали французские солдаты или они это не одобряли?

Заукель: Они не то что не одобряли, а приветствовали это, согласно отношению отдельного солдата. Многие отвергали это, остальные спокойно принимали, так как в результате данной меры рабочие получали высокую заработную плату и все свободы, которые предоставляли за колючей проволокой и похожее. Я сам видел как весь лагерь принял этот новый статус. Им сказали, что ворота и колючую проволоку уберут, правила для пленных прекратятся и будет отменен надзор.

Серватиус: Эти пленные ставшие рабочими могли поехать домой?

Заукель: Мои документы показывают, что им позволяли ездить домой.

Серватиус: Они получали какие-нибудь отпуска?

Заукель: Да получали, многие из них вернулись, а почти одинаковое количество нет.

Серватиус: Я бы хотел сослаться на документ RF-22, немецкий текст, страница 70, французский правительственный доклад. Данный документ показывает и признаёт, что пленные получившие отпуск домой в начале этой трансформации, и я цитирую: «Однако несчастные люди не возвращались, и таким образом процедура прекратилась».

[*Обращаясь к подсудимому*] Вы слышали об идее, «косвенного принудительного труда»?

Заукель: Нет. Пожалуйста, объясните мне это.

Серватиус: [*Обращаясь к трибуналу*] Французский доклад содержит аргумент, что те рабочие, которые работали во Франции в промышленности вооружений делали это на пользу Германии. Заукель никак не был с этим связан. Данный французский доклад, который долго рассматривает экономическую сторону распределения рабочей силы, говорит, что это работало в соответствии с хорошо продуманной и гибкой системой, и сначала переговоры были дружескими. Затем меры становились суровее с учетом обстоятельств.

[*Обращаясь к подсудимому*] Существовал чёткий план? Вы должны были исполнять четкие указания, или какая система была принята?

Заукель: Я бы хотел, чтобы мне позволили это объяснить. Такой план как вы описали, никогда не существовал. Единственная вещь, над которой я работал, была программой, которую я подготовил и которая находится у трибунала; программа которую я признаю, и за которую я принимаю все последствия и ответственность, даже за своих подчинённых. Эта программа также осуществлялась при помощи моих распоряжений, которые тоже полностью доступны. Развитие войны не позволяло мне полностью учитывать обстоятельства которые теперь, post factum, кажутся очевидными. Мы сами находились в эпицентре вихря событий так как война развивалась и не имели времени задумываться над такими вопросами.

Серватиус: Чем являлись «предприятия Шпеера» и «освобождённые предприятия» во Франции?

Заукель: «Предприятия Шпеера» были производствами которые были результатом соглашения между рейхсминистром Шпеером, и как мне кажется, французским министром экономики, Бишелоном[51]. Они являлись производствами, которые работали частично на немецкие вооружения и частично на гражданские потребности, и не подчинялись моим ведомствам.

---

[51] Жан Бишелон (1904 – 1944) – французский предприниматель и государственный деятель. Министр промышленности Франции в 1941-1944.

Серватиус: Каким было количество рабочих, которых доставили в Германию из иностранных государств?

Заукель: Количество рабочих доставленных из зарубежных стран в Германию, по аккуратным оценкам и записям статистического управления рейхсминистерства труда, можно сказать, было 5 миллионов.

Серватиус: Вы определяли как должны были использовать этих рабочих и сколько нужно было доставить?

Заукель: Нет, я не мог определять это, так как я не представлял немецкую экономику, и лично я не мог решать о степени программ немецких вооружений и сельского хозяйства.

Серватиус: Помимо текущих квот, которые вы должны были выполнить, существовала определённая так называемая программа приказов отданных фюрером. Это правда?

Заукель: Да, потому что, насколько мне известно фюрер готовил программу вооружений.

Серватиус: Вы говорили мне о своей программе. Я зачитаю цифры, и вероятно вы можете их подтвердить.

Первая программа в апреле 1942: требование на 1,6 миллиона рабочих; 1,6 миллион были доставлены, всю цифру составили иностранцы.

Вторая программа в сентябре 1942: 2 миллиона, и 2 миллиона были доставлены, из которых 1 миллион, то есть только половина были иностранцы.

В 1943: требованием был 1 миллион, и 1 миллион был доставлен, всю цифру составили зарубежные рабочие.

Затем последняя программа в 1944: фюрер потребовал 4 миллиона, и требование было выполнено на 0,9 миллиона.

Заукель: Позвольте мне вас поправить; цифру следует читать, требование удовлетворено на 3 миллиона.

Серватиус: Требование 4 миллионов; требование выполнено на 3 миллиона. И сколько было иностранцев?

Заукель: 0,9 миллиона.

Серватиус: 0,9 миллиона иностранцев. Сколько рабочих прибыло с Востока, сколько с Запада, и сколько из остальных регионов?

Заукель: Естественно я не могу дать вам здесь точные цифры без данных или статистики, но в среднем я скажу, что цифрой для каждой группы может быть около 30 процентов; процент рабочих с Востока был разумеется побольше.

Серватиус: И как устанавливали потребности?

Заукель: По требованиям работодателей.

Серватиус: И кем являлись работодатели?

Заукель: Они были экономическим министерством, министерством вооружений, министерством сельского хозяйства, разными отраслями, государственными

железными дорогами, и т.д., все большие предприятия.
Серватиус: И кому они представляли свои требования?
Заукель: Обычно требование одновременно заявляли фюреру и мне или службе по набору предусмотренной для четырёхлетнего плана.
Серватиус: Они были заниженными потребностями, если их требования следовало проверять или они были изначальными требованиями?
Заукель: Я только, что сказал, что это отличалось. Требования направлялись мне, и почти одновременно их почти всегда направляли фюреру, потому что фюрер должен был одобрять такие требования.
Серватиус: Каким было положение центральной плановой комиссии?
Заукель: Центральная плановая комиссия была ведомством, в котором, прежде всего, насколько мне известно, устанавливались квоты для сырья, но также обсуждались вопросы работы и рабочей силы.
Серватиус: Вы могли получать приказы от центральной плановой комиссии?
Заукель: Да, требования которые мне представляли я должен был считать приказами, так как фюрер возложил на меня обязанность удовлетворения требований военной экономики.
Серватиус: Вы сами входили в центральную плановую комиссию?
Заукель: Нет, меня вызывали, когда там должны были быть дебаты об использовании рабочей силы.
Серватиус: Какими были отношения между вашим ведомством и Шпеером?
Заукель: Моё ведомство должно было удовлетворять требования заявленные Шпеером.
Серватиус: Шпеер имел свой механизм для управления рабочей силой?
Заукель: Да, он должен был иметь его в своём министерстве, и он имел его. В этом была суть.
Серватиус: Вы могли удовлетворить все требования предъявленным вам?
Заукель: Нет.
Серватиус: Ваши рабочие резервы были исчерпаны?
Заукель: По моим убеждениям, да; уже в 1943 – и в этом заключалась одна из задач моего манифеста – я отмечал, что экономические проблемы оккупированных стран были очень серьезными и должны были решаться для того, чтобы избегать путаницы.
Серватиус: Какие трудовые резервы оставались в Германии?
Заукель: В Германии после 1943 больше не существовало пригодных резервов рабочей силы. Много дискуссий состоялись по этой проблеме, но рабочая сила по большей части требовалась в квалифицированных рабочих, шахтерах и рабочих для тяжёлой промышленности.
Серватиус: И какие резервы рабочей силы должны были получать из Франции?
Заукель: Я должен сказать со своей точки зрения, и согласно нашему суждению

касательно экономических и трудовых вопросов там было много рабочей силы и очень широкие резервы на оккупированных территориях.

Серватиус: Вы имеете в виду, что в сравнении, экономические силы Германии являлись более исчерпанными чем на оккупированных территориях?

Заукель: Вероятно, я могу показать это при помощи сравнения с Первой мировой войной. В Первую мировую войну, 10-12 миллионов немцев были мобилизованы для труда. В этой войне использовалось около 25 миллионов немецких мужчин и женщин, и более чем половиной были женщины. Я должен добавить, что все женщины, которые работали в Красном кресте или на другой социальной работе в Германии не включены в мою статистику. Они включались в других странах.

Серватиус: У меня заключительный вопрос: если посмотреть на вашу деятельность в качестве генерального уполномоченного по распределению рабочей силы с сегодняшней точки зрения, что вы скажете об использовании зарубежной рабочей силы в целом?

Заукель: Мне очень трудно ответить на этот вопрос. Я сам и весь немецкий народ считали, и должны были считать, что этой войны не желал и не принёс немецкий народ – и, справедливости ради, я должен включить партию. Наша точка зрения заключалась в том, что мы должны выполнять свой долг перед нашим народом.

Серватиус: Не предполагается, что вы должны дать объяснение в широком смысле, но вы должны ограничить себя общими аспектами вопроса распределения рабочей силы, и сказать нам, считаете ли вы оправданной свою деятельность или нет.

Заукель: С точки зрения военной ситуации и немецкой экономики, насколько я понимал и старался проводить своё распределение рабочей силы, я считал это оправданным, и прежде всего, неизбежным; так как Германия и страны которые мы оккупировали в целом экономически нельзя было разделять. Без такого обмена восточной и западной рабочей силой Германия не продержалась бы ни дня. Немецкий народ сам работал на пределе своих возможностей.

Серватиус: Я завершил свой допрос подсудимого.

Тома: Свидетель, министерство оккупированных восточных территорий часто пыталось сократить квоты рабочей силы которые вы требовали?

Заукель: Не только министерство оккупированных восточных территорий пыталось это делать, но и я сам пытался с большим трудом делать так вмешиваюсь у фюрера и всех работодателей.

Тома: Я хочу задать вам несколько вопросов о документе номер PS-054, который описывает злоупотребления при вербовке и перевозке восточных рабочих. Вы лично предпринимали шаги, чтобы положить конец злоупотреблениям, которые обозначены здесь?

Заукель: Да, конечно. Пожалуйста, допросите об этом свидетелей.

Тома: Вам заметили, что это доклад касается города и области Харьков в Украине и вам известно, что весь этот округ никогда не находился под гражданским

управлением министерства оккупированных восточных территорий?

Заукель: Да, я знаю об этом, и я свидетельствовал, что данный доклад был направлен не мне, а в армейское ведомство. Это армейское ведомство имело свой собственный трудовой отдел, который прямо ему подчинялся.

Тома: В данном докладе вы особо отметили следующий параграф на первой странице:

> «а) За небольшими исключениями, украинцы трудоустроенные в Рейхе как индивидуальные рабочие например, в малых торговых предприятиях, на фермах…»

Заукель: Пожалуйста, скажите мне, где об этом сказано?

Тома: На странице 1, последний параграф: «Судя по дискуссиям с господами и чтению докладов, можно в целом сказать…»

Заукель: Какие документы? Здесь несколько документов.

Тома: Я, конечно, имею в виду PS-054.

Заукель: Какой?

Тома: Я думаю это первый, второй, третий абзац, «d» - второй абзац.

Заукель: Да, я нашёл это.

Тома: Здесь сказано, что украинцы, которые трудоустроены в качестве индивидуальных рабочих в Рейхе, были «очень удовлетворены условиями». Но: b). С другой стороны украинцы, проживающие в общих лагерях сильно жалуются…»

Это правильно?

Заукель: Да. В своих показаниях я цитировал отрывок, в котором автор письма сказал, что так обстояло дело только в течение первых нескольких месяцев, так как я немедленно проинспектировал и улучшил лагеря. Я даже зашёл настолько далеко, что рейхсминистр труда принял новые правила в лагерях, всё в результате этой жалобы.

Тома: Вы лично посещали оккупированные восточные территории по нескольким поводам и говорили там с административными властями; например, в Риге, Ковно, Житомире?

Заукель: Я не только говорил там с административными властями, но я составил этот манифест в России и опубликовал его там, и всё что содержалось в манифесте довели до этих ведомств таким же образом.

Тома: Да. Но это верно, что вы подчёркивали особое значение распоряжений фюрера?

Заукель: В этом заключался мой долг; в этом заключалось то, зачем я был там.

Тома: Это неправильно с юридической точки зрения; так как ваша фактическая власть шла от Геринга, в качестве делегата четырёхлетнего плана.

Заукель: Да это правильно. Официальным каналом был: фюрер, Геринг, четырёхлетний план – такой существовал порядок.

Тома: Значит, если вы сказали, что это был приказ фюрера, вы этому уделяли

особое внимание?
Заукель: Нет, это не являлось моим намерением. Доктор, фюрер поручил мне восполнить потери немецких солдат. Существовали инструкции, которые я получал напрямую от фюрера или Геринга на основании запросов работодателей.
Тома: Вам направили письменный приказ?
Заукель: Да, письменные приказы тоже направляли.
Тома: Лично от Гитлера?
Заукель: Да, от Гитлера и от Геринга; от обоих.
Тома: Вы вспоминаете, что заключили с Розенбергом соглашение о том, что восточные рабочие в Германии, после их возвращения в свою страну, должны были получать землю для того, чтобы у них не было недостатков по сравнению с людьми которые остались?
Заукель: Да, это было согласовано между Розенбергом и мной; это правильно?
Тома: Это на самом деле делали?
Заукель: Насколько долго это делали, я не смогу сказать. Это было задачей министерства оккупированных восточных территорий. Я полагаю, что это делали насколько возможно.
Тома: Вы вспоминаете, что Розенберг постоянно выступал за снятие так называемой нашивки восточных рабочих?
Заукель: Розенберг, как и я, выступал за отмену нашивки восточных рабочих. Есть письмо от рейхсфюрера СС с отказом в этом, но я уверен, что в конце 1943 или начале 1944 мы добились отмены этой нашивки восточных рабочих, её заменили на национальную эмблему которую носили остальные иностранцы.
Тома: Почему эту нашивку восточных рабочих нужно было отменить?
Заукель: Нашивка восточных рабочих должна была быть отменена по различным причинам, но прежде всего, чтобы устранить деморализующий эффект производимый на восточных рабочих ношением дискриминационной нашивки.
Тома: У меня есть последний вопрос. Вы сказали, что не вспоминаете получения каких-либо жалоб за исключением тех, что вы обсуждали с Розенбергом. Итак, многочисленные жалобы постоянно расследовала центральная служба восточных народов совместно с ДАФ. ДАФ докладывал вам об этом?
Заукель: ДАФ докладывал о том, что в соответствии с моими директивами, он должен был прекращать злоупотребления и плохие условия всякий раз, когда их выявляли. Это являлось их обязанностью. Для того, чтобы устранять эти злоупотребления ДАФ должен был обращаться не ко мне, а к отделу профессиональной инспекции рейхсминистерства труда, чья задача состояла в этом.
Тома: Вы убеждались в том прекращал ли этот инспекционный отдел эти злоупотребления?
Заукель: Я создал там свои инспекционные службы, как упоминал доктор Серватиус. Однако, отдел профессиональной инспекции был единственной

уполномоченной службой, которая имела законную власть, чтобы использовать принудительные меры и за этим надзирал рейхсминистр труда, который имел полную власть.

Тома: У меня больше нет вопросов. Спасибо.

Председатель: Что это за эмблема о которой вы говорили?

Заукель: Нашивка восточных рабочих включала квадрат с синими гранями, на котором была синяя надпись «Восток». Рейхсфюрер СС сначала предложил, чтобы её носили на правой стороне груди; позднее, на рукаве. Позднее я способствовал её замене на национальную эмблему – голубую, я думаю, или нечто похожее – как русские цвета, как желали сами люди.

Нельте: Господин Заукель, подсудимый Кейтель и ОКВ обвиняются в депортации гражданских в целях мобилизации рабочей силы. Вас также здесь допрашивали до начала данного процесса о том участвовали ли ОКВ и Кейтель как начальник ОКВ, в получении, вербовке и призыве людей на оккупированных территориях.

Ряд вещей, которые не ясны и которые содержатся в протоколе прояснились в результате ваших показаний. Особенно отвечая на последний вопрос моего коллеги доктора Тома, вы разъяснили, что официальным организационным каналом был следующий: генеральный уполномоченный по распределению рабочей силы, четырёхлетний план – Геринг и фюрер. Это верно?

Заукель: В целом, да.

Нельте: Меня интересует установить включал ли этот официальный канал ОКВ, или фюрера в какой-то другой функции нежели верховного главнокомандующего Вермахтом.

Заукель: Я сам не являлся солдатом, я не знаком с подробностями организации ОКВ и ОКХ[52]. Часто сложно для неспециалиста провести разницу между этими двумя вещами. Правда, что ОКХ было компетентным за вербовку рабочих на оккупированной территории под контролем групп армий. Таким образом, трудовые правила для оккупированных стран, которые находились в компетенции армии должны были принимать при помощи законов или указаний генерального штаба.

Нельте: Наверное, вы имеете в виду генерал-квартирмейстера армии?

Заукель: Генерал-квартирмейстер был, насколько мне известно, вторым после главнокомандующего армией.

Нельте: И этим вы имеете в виду, что ОКВ и подсудимый Кейтель не имели компетенции касательно получения, вербовки и призыва рабочей силы на оккупированных территориях?

Заукель: Он не имел никакой компетенции в этом. Я вступил в контакт с фельдмаршалом Кейтелем, потому что фюрер непрерывно инструктировал меня просить фельдмаршала Кейтеля передать его приказы в группы армий по телефону

---

[52] ОКХ от нем. OKH (нем. Oberkommando des Heeres) — верховное командование сухопутных сил вермахта с 1936 по 1945 год.

или при помощи директив.

Нельте: И, что насчёт вопроса распределения рабочих? ОКВ, и в особенности подсудимый Кейтель как начальник ОКВ, имели какую-нибудь компетенцию касательно распределения рабочих дома?

Заукель: Нет, так как рабочих использовали в тех отраслях экономики которые их требовали, и они вообще не имели никакого отношения к ОКВ.

Нельте: Большое спасибо.

Председатель: Кто-нибудь из членов обвинения желает провести перекрёстный допрос?

Герцог: Подсудимый Заукель, вы вступили в Национал-социалистическую партию в 1925, не так ли? Это правильно?

Заукель: Я вступил в Национал-социалистическую партию впервые как обычный член, уже в 1923. Когда партия была реорганизована в 1925 я снова стал членом.

Герцог: Но вы поддерживали политику национал-социализма с 1921, не так ли?

Заукель: С 1921, я поддерживал немецкую политику. В 1921 я ещё не принадлежал к партии. Я знал о партии и симпатизировал её идеям; вероятно, так это можно выразить.

Герцог: Вы не произносили речей в пользу национал-социализма с того времени?

Заукель: С середины 1921 я произносил речи в пользу Германии, не прямо для партии и только самым небольшим образом, на небольших собраниях как велела моя совесть.

Герцог: Вы являлись гауляйтером, членом Ландрата[53], министром внутренних дел и губернатором Тюрингии. Это правильно, что в таком качестве вы провели нацификацию своего гау?

Заукель: Я был министром-президентом Тюрингии с августа 1932, и я также был министром внутренних дел.

Герцог: Я снова задам свой вопрос: это верно, что в своем качестве как гауляйтера и губернатора Тюрингии, вы провели нацификацию своего гау?

Заукель: Нацификация это термин, с которым я не знаком и не считаю правильным. Я призывал в Национал-социалистическую партию и поддерживал её.

Герцог: Вы являлись обергруппенфюрером организации СС, не так ли?

Заукель: Я не совсем понял. СС?

Герцог: Вы являлись обергруппенфюрером СС?

Заукель: Я уже заявлял на предварительном допросе, что являлся почётным обергруппенфюрером СС. Сам я никогда не служил в СС, и ни осуществлял какие-либо свои функции в СС.

Герцог: Когда вы стали обергруппенфюрером СС?

Заукель: Насколько помню, я стал обергруппенфюрером СС в 1934.

Герцог: И являлись им до какого времени?

---

[53] В Германии законодательный орган региона.

Заукель: До конца.

Герцог: Среди документов, которые вы представили в своей документальной книге, есть документ Заукель-95. Я зачитаю следующий отрывок на странице 252 французского перевода:

> «Мои дорогие соотечественники, наши блистательные СА и СС преследуемые и оскорбляемые в течение всего десятилетия как отбросы немецкого народа, осуществили, поддержали и укрепили настоящую революцию непоколебимой дисциплиной…».
>
> Это верно…

Председатель: Откуда вы читаете?

Герцог: Из документа Заукель-95 документальной книги подсудимого; документ Заукель-95, который был представлен вчера представителем защиты, страница 252 французского перевода. Это третья документальная книга подсудимого.

Председатель: Да, продолжайте.

Герцог: Я ставлю вопрос снова и зачитываю:

> «Мои дорогие соотечественники, наши блистательные СА и СС преследуемые и оскорбляемые в течение всего десятилетия как отбросы немецкого народа, осуществили, поддержали и укрепили настоящую революцию непоколебимой дисциплиной…»
>
> Вы подтверждаете это заявление?

Заукель: Да, но я попрошу, чтобы мне показали документ в ходе перекрёстного допроса, для того, чтобы я мог подробно определить своё отношение.

Герцог: Этот документ взят из вашей документальной книги, которую вы сами представили.

Заукель: Да, я хорошо это помню.

Герцог: Нюрнбергские законы[54] соответствовали вашим убеждениям?

Заукель: Я не имел влияния на такое законодательство, какое выразилось в Нюрнбергских законах. Я убеждён в том, что каждая нация и каждая раса имеют право существовать и требовать уважения и защиты. То, что требовал я, и требовалось для моего народа было одинаковым.

Герцог: Вы следили за тем, чтобы Нюрнбергские законы строго применялись в гау Тюрингия?

Заукель: Нюрнбергские законы могли применяться в Тюрингии лишь постольку, поскольку применялась моя власть назначать или увольнять сотрудников; и конечно, согласно германскому праву, мои долгом было исполнять закон. Исполнение мной данного закона не влекло за собой ни неправильного применения ни какого-нибудь негуманного обращения.

---

[54] Нюрнбергские расовые законы — два расистских (в первую очередь антиеврейских) законодательных акта («основные законы») — «Закон о гражданине Рейха» и «Закон об охране германской крови и германской чести», провозглашённые по инициативе Адольфа Гитлера 15 сентября 1935 года на съезде Национал-социалистической партии в Нюрнберге.

Герцог: Вы одобряли гитлеровскую теорию жизненного пространства?

Заукель: Фюрер написал о жизненном пространстве в своей книге. Насколько я соглашался или не соглашался с ним, по моему мнению не является предметом для настоящего трибунала, так как я не имел влияния на то как сам фюрер должен был интерпретировать слово жизненное пространство.

Председатель: Трибунал думает, что вы должны ответить на вопрос, одобряли вы или нет доктрину жизненного пространства.

Заукель: Я не полностью знаком с заявлениями фюрера о доктрине жизненного пространства. Я бы хотел подчеркнуть, что я никогда не думал о жизненном пространстве в связи с ведением войн или агрессивных войн; как и не способствовал этой идее, но идею жизненного пространства вероятно лучше всего понять из такого факта, что население Европы за последние 100 лет выросло втрое, со 150 миллионов до 450 000 миллионов.

Герцог: Вы одобряли или не одобряли теорию жизненного пространства? Отвечайте «да» или «нет».

Заукель: Я не согласен с теорией жизненного пространства если она имеет отношение к агрессивным войнам.

Герцог: Вы одобряли гитлеровскую теорию высшей расы?

Заукель: Я могу привести обильные доказательства того, что я лично всегда отказывался подчеркивать идею высшей расы и говорил так в своих речах. Лично я гораздо больше заинтересован в умениях, нежели чем в идеях высшей расы.

Герцог: Тогда вы не думаете, что внешняя политика Германии должна была проводиться согласно этим двум теориям; теории жизненного пространства с одной стороны и теорией высшей расы с другой?

Заукель: Я уже заявлял своему защитнику, что я не занимался внешней политикой и не информировался о ней, так как я не силён в вопросах внешней политики.

Герцог: Напротив, вы не одобряли все меры во внешней политике и не принимали в них участия?

Председатель: Вероятно, нам лучше прерваться, и вы сможете повторить вопрос завтра.

[*Судебное разбирательство отложено до 10 часов 30 мая 1946*]

День сто сорок второй

Четверг, 30 мая 1946

Утреннее заседание

[*Подсудимый Заукель вернулся на место свидетеля*]

Экснер: Господин председатель, я бы хотел заявить вам просьбу. Мой клиент идёт следующим и он бы хотел быть освобождён, по возможности, этим вечером и весь день завтра, для того, чтобы он мог подготовить своё дело.
Председатель: Да, разумеется.
Пристав: С позволения трибунала, сообщаю, что подсудимый фон Папен отсутствует.
Герцог: Подсудимый Заукель, вчера я спросил вас, считали ли вы, что внешняя политика Германии основывалась на гитлеровских теориях касавшихся жизненного пространства и высшей расы?
Заукель: Могу я попросить повторить вопрос? Я не совсем понял на немецком.
Герцог: Вчера я спросил вас, считаете ли вы, что внешняя политика Германии основывалась на двух гитлеровских теориях жизненном пространстве и высшей расе.
Заукель: Я понял – основывалась ли немецкая внешняя политика на принципах жизненного пространства и высшей расы.
Герцог: Да, я прошу вас ответить, было ли это так, по вашему мнению.
Заукель: Не на принципе высшей расы. Я бы хотел, чтобы мне позволили дать этому объяснение.

Лично я никогда на одобрял заявления, каких-то национал-социалистических ораторов о вышестоящей расе или высшей расе. Я никогда не выступал за это. Молодым человеком я путешествовал по миру. Я путешествовал в Австралию и Америку, и я встречал семьи, которые относятся к лучшим воспоминаниям в моей жизни. Но я любил свой народ и стремился, признаю, к равным правам для него, и я всего стоял на этом. Я никогда не верил в превосходство отдельно взятой расы, но я всегда придерживался того, что равенство в правах являлось необходимым.
Герцог: Тем самым, вы не одобряли в целом внешнюю политику Гитлера, и вы не сотрудничали с ним?
Заукель: В ответ на вопрос своего защитника я заявил, что я никогда не считал себя

политиком, что касалось внешней политики. Я вступил в партию совершенно другим образом и по совершенно другим причинам.

Герцог: Вы помните заявление, сделанное вами 4 сентября 1945 двум американским офицерам?

[*Обращаясь к трибуналу*] Данное заявление это документ номер PS-3057. Он предъявлен как экземпляр номер USA-223.

[*Обращаясь к подсудимому*] Вы сказали следующее:

> «Я являюсь убежденным национал-социалистом с 1921 и на 100 процентов соглашался с программой Адольфа Гитлера. С такой целью я активно работал и за период с 1921 до прихода к власти я произнёс около 500 речей, смысл и содержание которых представляли национал-социалистическую точку зрения. Для меня являлось особым удовлетворением вывести гау Тюрингия на ведущее место в национал-социалистических взглядах и убеждениях. До краха я никогда не сомневался в Адольфе Гитлере, а слепо подчинялся его приказам».

Председатель: Вы слишком быстро говорите. Господин Герцог, это читали. Я не думаю, что вам необходимо зачитывать всё.

Герцог: Подсудимый Заукель, тогда я вас спрашиваю, подтверждаете ли вы заявления, которые сделали под присягой, добровольно и без всякого принуждения, 4 сентября 1945, и которые противоречат сказанному вами вчера и тому, что вы только, что мне сказали.

Заукель: Я подтверждаю, что моя подпись прилагается к этому документу. Я прошу у трибунала разрешения заявить о том, как появилась подпись.

Документ представили мне в окончательной форме. Я попросил, чтобы мне разрешили прочитать и изучить этот документ в моей камере в Оберурзеле и подумать могу ли я его подписать. В этом мне отказали. Во время беседы консультировал офицер, как мне сказали, принадлежащий к польской или русской армии; и мне дали четко понять, что если я буду слишком затягивать с подписанием документа меня передадут русским властям. Затем этот польский или русский офицер вошёл и спросил: «Где семья Заукеля? Нам известен Заукель, конечно мы заберём его с собой, но и его семью тоже нужно будет забрать на русскую территорию». Я отец 10 детей. Я не переставал учитывать и думая о своей семье, я подписал документ.

Когда я вернулся в свою камеру, я написал письменное обращение к коменданту лагеря и попросил разрешения поговорить с ним об этом наедине. Но это оказалось невозможно, потому что вскоре меня доставили в Нюрнберг.

Герцог: Это не ваша подпись в конце документа, в котором вы заявили, что «сделали вышеизложенные заявления добровольно и без всякого принуждения»?

Заукель: Это верно, но в той обстановке…

Герцог: Я думаю вашего объяснения достаточно.

Председатель: Спросите его о том, прочёл ли он это сейчас и правда ли это.

Герцог: Я спрашивал вас только, что, и я спрашиваю вас сейчас: вы готовы подтвердить, что ваши заявления правильные?

Заукель: Эти заявления неправильные в отдельных пунктах, и я просил, чтобы я смог поправить эти разные пункты, но мне не дали на это времени.

Последним утром до того как я уехал мне было сказано, что я смогу обсудить это вопрос в Нюрнберге и когда меня здесь допрашивали я рассказал об этом американскому офицеру.

Председатель: Господин Герцог, этот документ читали в трибунале во время предъявления доказательств обвинения?

Герцог: Этот документ предъявлен под номером экземпляра USA-223.

Серватиус: Господин председатель, насколько я помню данный документ не предъявляли. В то время я беседовал с американским представителем обвинения и сказал ему об этих возражениях; и сам председатель, в заключение, спросил не предъявляется ли этот документ, и обвинитель сказал: «Нет. Обсудив это с защитой, я обойдусь без этого документа.

Председатель: Что же, вы говорите нам, что его не читали в суде.

Серватиус: Нет, его не читали в суде. В любом случае, я бы хотел возразить допустимости документа, так он был составлен под принуждением.

Председатель: Господин Герцог, в таких обстоятельствах, вы можете проводить перекрестный допрос об этом документе, так как вы желаете. У трибунала сложилось впечатление, что его уже зачитывали. Вот почему он остановил его оглашение.

Герцог: [*Обращаясь к подсудимому*] В параграфе 2 вы заявили:

> «После вступления в силу Нюрнбергских законов, следуя своим убеждениям, я следил за тем, чтобы все эти законы полностью исполняли в гау Тюрингия».
>
> Параграф 4:
>
> «Во внешней политике я считал, что немецкий народ вправе требовать жизненного пространства в Европе и по причине своего вышестоящего расового уровня занимать ведущее положение…я соглашался со всеми решениями принимавшимися Гитлером и НСДАП касательно применения сил и средств для получения таких результатов, и я активно сотрудничал в исполнении его плана».

Заукель: Я не смог понять ваши заключительные фразы.

Герцог: Я прочту ещё раз:

> «…я соглашался со всеми решениями принимавшимися Гитлером и НСДАП касательно применения сил и средств для получения таких результатов, и я активно сотрудничал в исполнении его плана».

Я прошу вас подтвердить, делали ли вы такие заявления.

Заукель: Я разумеется не сделал бы таких заявлений как я их сделал, если бы я мог действовать свободно и согласно своей собственной воле.

Герцог: Трибунал учтёт это. Это факт, что вы были назначены…

Председатель: Господин Герцог, трибунал думает, что документ перед свидетелем и его следует попросить указать на то, что, как он говорит, является неправильным в документе.

Герцог: Подсудимый Заукель, вы слышали сказанное председателем. Вы говорите, что этот документ не соответствует истине. Будьте любезны рассказать трибуналу в чем именно.

Заукель: Могу я разобрать документ пункт за пунктом? Я на 100 процентов соглашался с социальной программой, и я сказал об этом своему защитнику, когда он меня допрашивал.

Председатель: Подсудимый, трибунал желает, чтобы вы взяли документ и указали фраза за фразой, в чём он неправильный.

Заукель: В параграфе 1, 1921 год неправильный.

Я стал членом, как позывает мой первый членский билет, только в 1923 или 1925. До 1923 я симпатизировал партии.

Что касается согласия на 100 процентов с программой Адольфа Гитлера, я имел в виду 100 процентов, постольку, поскольку программа казалась мне конституционно и законно оправданной, и соответствующей этике и морали.

Я не могу сказать о том, сколько митингов я провёл. Мои речи и лекции в основном базировались на моей жизни и моём опыте. Это были единственные вещи, о которых я мог говорить, и я хотел примирить немецкие социальные классы и немецкие профессии в рамках национал-социалистической идеологии.

Председатель: Подсудимый, я указал вам на то, что трибунал желает, чтобы вы взяли документ и сказали какие фразы ошибочны, а не произносили речи.

Заукель: На мой взгляд, все фразы ошибочные. Я бы так не сказал если бы мог сформулировать их. В таком виде, я оспариваю каждую фразу, так как я не писал их и не консультировался. Эти фразы мне представили в том виде как они есть сейчас.

Серватиус: Господин председатель, позвольте мне дать этому объяснение? Данное заявление по сути сводка обо всех допросах в которых разные пункты выглядят признанием в смысле обвинительного заключения. Подсудимый не мог бы сказать и слова в свою защиту будь они правильными. Поскольку это резюме и поскольку из него можно сделать выводы, ему должна быть предоставлена возможность опровергнуть эти заявления. Это не чёткие факты о которых можно сказать «да» или «нет».

Председатель: Подсудимый сейчас сказал, что весь документ неправильный, и он также сказал, что документ получен от него под принуждением.

Серватиус: Да.

Председатель: И таким образом нет никакой пользы подробно его проходить. Но трибунал хочет услышать американское обвинение, если оно хочет, что-нибудь об этом сказать.

Додд: У меня нет копии на английском языке, но я…

Председатель: Поймите, господин Додд, господин Герцог сказал, что он был преъявлен в качестве доказательства под номером экземпляра USA-223.

Додд: Я вспоминаю, что – я проверю протокол господин председатель – я вспоминаю, что представляя дело рабского труда, мы включили его в нашу документальную книгу, но не предъявили его в качестве доказательства. Думаю, тогда я сказал трибуналу, что мы решили не приобщать его. Он был напечатан и помещён в документальную книгу.

Может меня подводит память, но по моим воспоминаниям господин председатель, председатель трибунала спросил меня намерен ли я приобщить его, и тогда я заявил, что мы подумали об этом и решили его не использовать.

Председатель: Я не понимаю, как он получил номер экземпляра если его не приобщали в качестве доказательства?

Додд: Я тоже. Думаю по ошибке.

Председатель: Понятно. Господин Додд, вам известно является ли это резюме или итогом допросов, которые проводили?

Додд: Я понимаю обратное. Я думаю, что это состоялось до того как подсудимый Заукель оказался в Нюрнберге и до каких-либо допросов проведённых отделом допросов американского обвинения.

Председатель: Вам было известно, что доктор Серватиус возражает документу на том основании, что он был получен под принуждением?

Додд: Я вспоминаю, что во время представления дела о рабском труде доктор Серватиус заявил какое-то возражение, и думаю, что такой вопрос поднимался; и вот почему мы его не использовали.

Председатель: Очень хорошо. Тогда вам лучше его оставить.

Герцог: [*Обращаясь к подсудимому*] Вы были назначены генеральным уполномоченным по распределению рабочей силы по указу от 21 марта 1942?

Заукель: Да, это правильно.

Герцог: Правильно будет сказать, что это распоряжение было контрассигновано[55] со-подсудимым Кейтелем?

Заукель: Распоряжение, мне кажется, контрассигновали три раза. Мне кажется это правильно. Сейчас не могу это точно подтвердить.

Герцог: Будьте любезны пояснить трибуналу, при каких обстоятельствах вас назначили на должность?

---

[55] Контрасигнатура, контрасигнация, контрасигиляция — порядок, при котором утверждённые главой государства или парламентом законы подлежат обязательному заверению подписью премьер-министра или уполномоченного министра для придания этому акту юридической силы.

Заукель: Я ответил на этот вопрос, когда его задал мне защитник. Это было для меня неожиданностью.

Герцог: Шпеер, рейхсминистр вооружений, имел какое-нибудь отношение к вашему назначению?

Заукель: Не могу сказать по собственным сведениям. Объявление Бормана говорило о том, что это было предложение Шпеера, но я не могу сказать вам об этом по собственным сведениям.

Герцог: Вы вспоминаете какое-нибудь заявление по этому предмету в своём допросе от 12 сентября 1945?

Заукель: Сейчас я не могу вспомнить заявление.

Герцог: 12 сентября 1945 вас допрашивал майор Мониган, и как кажется, вы заявили следующее – трибунал найдет это на первой странице отрывков допроса которые ему вручили:

> «В марте 1942 меня довольно внезапно вызвал министр Шпеер, который был назначен незадолго до этого. Шпеер сказал мне, что являлось срочным, чтобы я получил…»

Председатель: Вы можете убрать эти бумаги с лампочки, вы не видите лампочку, которая постоянно горит.

Герцог:

> «…Шпеер сказал мне, что являлось срочным, чтобы я принял новые функции в связи с вопросом рабочей силы. Несколько дней спустя он попросил меня поехать с ним в главную ставку, и меня представили фюреру, который сказал мне, что я непременно должен принять новое назначение».
>
> Вы подтверждаете это заявление?

Заукель: Это правильно; только я не могу сказать случилось ли это до решения – было ли моё назначение подготовлено раньше этих встреч по инициативе других господ, но за исключением этого факты правильные.

Герцог: Но вы подтверждаете, что подсудимый Шпеер, министр вооружений и военной промышленности, взял вас в гитлеровскую ставку по случаю вашего назначения.

Заукель: Да, это правильно.

Герцог: Вчера ваш защитник представил схему, демонстрирующую общую организацию вашей службы и то, как она была связана с остальными организациями Рейха. Вы заявили о том, что схема была правильной. Я бы просил вас подтвердить, сказав «да» или «нет», думаете ли вы, что таблица правильная.

Заукель: По моим воспоминаниям, да.

Герцог: У вас есть схема перед вами?

Заукель: Нет.

Герцог: Это документ, который вчера вручил ваш защитник, показывая различные

ведомства.

Председатель: Какая схема?

Герцог: Это схема номер 1, показывающая то как ведомство Заукеля согласуется с остальными министерскими службами.

[*Обращаясь к подсудимому*] Посмотрите на столбец 6 начиная слева, столбец над которым имя подсудимого Функа? Вы нашли это?

Заукель: Да.

Герцог: Спускаясь по этой колонке, третий квадрат, представляет инспекторов по вооружениям? Это правильно, что инспектора по вооружениям, как показано здесь, находились у подсудимого Функа?

Заукель: В подчинении Функа? Какой департамент вы имеете в виду, какое подразделение? Здесь это не совсем правильно. Это следует передвинуть немного в сторону. Позднее они подчинялись Шпееру. Сказано Рейхсавтобан[56] и дорожная инспекция. Это не находилось в подчинении Функа. Это ошибка.

Герцог: Вы видите кроме этого, квадрат, который связывает генерального уполномоченного по распределению рабочей силы с дирекцией Рейхсавтобана. Это квадрат на правой стороне, немного выше остальных. Это должно быть связано со службой Рейхсавтобан? Это не должно быть связано с квадратом сверху - инспекторами вооружений?

Заукель: Да, я не могу понять, как в этой схеме могла получиться ошибка. Я не видел схему заранее. Я впервые её вижу, это ошибка. Я не знал об этом.

Герцог: И вы заявили о том, что она правильная не проверив её заранее, это так?

Заукель: Я полагаю, должно быть это та же самая таблица, которую мне представляли ранее как полную.

Серватиус: Господин председатель, когда я вчера представлял таблицу, я упоминал, что может быть несколько расхождений. Данные расхождения возникли, когда она мимеографировалась. Но я не видел окончательной…

Председатель: Доктор Серватиус, вы сможете задать любые вопросы в повторном допросе, но в этом нет основания для возражения вопросам которые поставлены. Вопросы совершенно уместные.

Герцог: Подсудимый, вы принимали участие в совещаниях центральной плановой комиссии четырёхлетнего плана?

Заукель: Только в некоторых из них, когда обсуждались проблемы рабочей силы.

Герцог: Будьте любезны сказать трибуналу, кто из ваших коллег сопровождал вас или представлял на таких совещаниях?

Заукель: По-разному – доктор Тимм, доктор Гильдебрандт, доктор Штотфанг; по-разному.

Герцог: Кто из остальных подсудимых участвовал в таких совещаниях? Вы можете нам сказать?

---

[56] Система управления скоростными шоссе в Германии в 1933-1945 гг.

Заукель: Я точно могу вспомнить господина Шпеера как одного из присутствовавших на таких совещаниях. Участвовал ли на самом деле господин Функ, я реально не могу вспомнить какое-нибудь конкретное заседание. Может быть да, может нет. Извиняюсь, что не могу сказать точно.

Герцог: И подсудимый Геринг?

Заукель: На заседаниях центральной плановой комиссии лично я никогда не видел рейхсмаршала. Я не знаю, имели ли какие-то совещания которые проходили у него серьёзное отношение к центральной плановой комиссии. Некоторые совещания в которых он принимал участие проходили в Каринхалле[57], но касались ли они вопросов относящихся к центральной плановой комиссии я не могу сказать. Это не всегда было ясно.

Герцог: Но, когда подсудимые Геринг и Функ не принимали участия в этих заседаниях, разве их там не представляли?

Заукель: Рейхсмаршала представлял фельдмаршал Мильх[58], но представляли ли рейхсминистра Функа, я не могу точно вспомнить. Его мог представлять господин Керль или кто-то ещё. Там бывало много господ, я не знал их всех лично.

Герцог: Разве неправильно сказать, что на этих совещаниях центральной плановой комиссии четырёхлетнего плана, все люди которые присутствовали или были представлены принимали общие решения касавшиеся распределения рабочей силы?

Заукель: В центральной плановой комиссии не принимались никакие общие решения. Там доводились до сведения запросы, так как почти всегда существовал спор, высшим властям приходилось решать; в основном это был фюрер. Такое часто случалось.

Герцог: Центральная плановая комиссия определяла взаимодействие между вами и остальными подсудимыми которые присутствовали или были там представлены, это не так?

Заукель: Взаимодействие там не возникало, так как такие вопросы уже обсуждались до формирования этой центральной плановой комиссии. Там тоже обсуждали вопросы и предъявленные требования.

Герцог: Будьте любезны взять документ номер R-124. Он уже был предъявлен трибуналу под номером экземпляра USA-179. Вы видите в нём заявление, которое вы сделали на заседании 1 марта 1944. Я читаю:

> «Моя обязанность перед фюрером…»

Заукель: Пожалуйста, скажите мне страницу, с которой вы читаете?

Герцог: Страница 1780. Место, несомненно, отмечено.

---

[57] Каринхалл — представительское имение рейхсмаршала и одного из руководителей НСДАП Германа Геринга, находившееся в лесном массиве Шорфхайде между озёрами Гроссдёльнер и Вуккерзее на севере современной земли Бранденбург

[58] Эрхард Мильх (1892 — 1972) — немецкий военный деятель, генерал-фельдмаршал (19 июля 1940). Заместитель Германа Геринга, генеральный инспектор люфтваффе. Осуждён американским военным трибуналом за военные преступления к пожизненному заключению, был досрочно освобождён в 1955 году.

«Моя обязанность перед фюрером, рейхсмаршалом, министром Шпеером и вами господа, а также перед сельским хозяйством, ясна; и я её выполню; Для начала у нас уже есть 262000 новых рабочих, надеюсь и твёрдо убежден в том, что я получу большую часть того, что запросили. Конечно, рабочую силу нужно будет распределить, в первую очередь в соответствии с нуждами германских вооружений, и во-вторых, германской промышленности в целом. Господа, и я всегда буду готов, следить за тем, чтобы здесь постоянно сохранялся тесный контакт и чтобы тесное взаимодействие оказывали подчинённые трудовые биржи, а также трудовые биржи гау».

Следовательно, вы не оспариваете тот факт, что центральная плановая комиссия обеспечивала сотрудничество между различными службами, которые вербовали рабочую силу, потому что вы сами просили о таком сотрудничестве.

Заукель: Я не отрицал, что сотрудничество существовало. Сотрудничество необходимо при любом режиме и любой системе. Здесь не шла речь только о зарубежной рабочей силе, но даже в тот период в основном о немецкой рабочей силе. Я не оспаривал тот факт, что работу вели, но окончательные решения не всегда принимались там. Вот, что я хотел сказать.

Герцог: Это верно, что вы назначили делегатов, чтобы представлять вас в различных германских административных учреждениях?

Заукель: Я не имел представителей в различных административных учреждениях. У меня был связной или же административные учреждения имели связных в моём ведомстве.

Герцог: Вы не имели такого связного с подсудимым Шпеером, министром вооружений и военной промышленности?

Заукель: Человек, который постоянно находился у Шпеера не являлся связным, а человеком, который обсуждал с министром предметы запросов, и т. д., которые ожидали решения. Насколько я помню им являлся господин Берк.

Герцог: И вас был связной в рейхсминистерстве труда?

Заукель: У меня не было связного с рейхсминистром труда. В рейхсминистерстве труда было два управления которые занимались этими проблемами как административные учреждения.

Герцог: В своём допросе от 12 сентября 1945 вы сказали следующее – трибунал найдет это на страницах 6 и 7 допроса:

«Более того я имел двух сотрудников действовавших в качестве посредников между министром Шпеером и министерством труда.

Вопрос: «Этот связной поддерживал контакт между вашим министерством, министром Шпеером и министерством труда?

Ответ: «Между мной, министром Шпеером и министерством труда…»

Заукель: Пожалуйста, скажите мне страницу?

Герцог: Страницы 4 и 5. Вы нашли это?
Заукель: Да.
Герцог: «Между мной, министром Шпеером и министерством труда…»
Председатель: Это точно страница 6, разве нет? Вы сказали страницы 4 и 5. Это страница 6, не так ли?
Герцог: Страница 4 немецкого отрывка милорд.
Председатель: О, да. Вижу.
Герцог:

> «Между мной, министром Шпеером и министерством труда было два советника, доктор Штотфанг…и ландрат Берк. Они были юристами и экспертами в национальной экономике. Доктору Штотфангу было принципиально поручено действовать как посреднику с министерством труда…».

Почему вы мне несколько минут назад сказали, что не имели связного с министерством труда?
Заукель: Я дал ясно понять, что было два управления которые относились к министерству труда, третье и пятое управление и этот министериальрат доктор Штотфанг был бывшим личным помощником государственного секретаря Зирупа[59]. В некоторых отдельных случаях он вёл с государственным секретарём Зирупом обсуждения по моей просьбе, это правда, но они на являлись важными. В целом сами управления находились в контакте с министерством труда.
Герцог: Тогда вы подтверждаете, что у вас имелся связной с министерством труда и ещё один в ведомстве министра Шпеера?
Заукель: Я подтверждаю это для разных совещаний. Но эти господа относились к этим управлениям, и они пришли ко мне в качестве моих личных консультантов и не работали в этом министерстве. Я также не могу сказать, является ли правильным в этом случае перевод. Я точно не помню, но в принципе верно.

Но эти господа работали со мной.
Герцог: Пожалуйста, расскажите трибуналу, в чём заключались Stabsbesprechung[60]?
Заукель: Штабное совещание являлось совещанием по техническим вопроса в котором участвовали различные министры и промышленные работодатели, которым требовалась рабочая сила и вопросы которые нужно было рассматривать. Конечно, как вы слышали я не мог действовать самостоятельно.
Герцог: Кто учредил эти совещания, эти новые меры, штабные совещания? Кто взял на себя инициативу учредить их?
Заукель: Эти штабные совещания были учреждены мной для того, чтобы получить ясную концепцию по всем важным вопросам, потому что ни при одном режиме и ни

---

[59] Фридрих Зируп (1881-1945) — немецкий юрист, политик, бывший министр труда Германии в 1932-1933. В 1939-1945 государственный секретарь министерства труда Германии. Умер находясь под арестом советских войск.
[60] Stabsbesprechung (нем.) – совещание штабов.

одном правительстве ничего нельзя сделать находясь в неведении.

Герцог: Тогда вы подтверждаете, что эти разного рода связные подразумевают общую ответственность за решения принятые каждым из вас в вопросе рабочей силы?

Заукель: Этот вопрос мне ни технически, ни административно не ясен, так как я ничего не мог делать с зарубежными рабочими. Я должен был отдавать их другим людям, и я должен был обсуждать то как это делать. Но эти совещания не проводились с идеей заговора или преступного деяния, они были такими же, как совещания проходившие ранее. Я присутствовал на совещаниях при парламентской системе и вопросы рассматривали точно также.

Герцог: Я спросил не об этом. Я спросил вас о том, подтверждаете ли вы существование этих связных с министром Шпеером и министром труда, с одной стороны, и существование этой новой организации, что вы создали с другой стороны, подразумевавшей общую ответственность за решения относительно рабочей силы принимаемые министром Шпеером, министром труда и вами?

Заукель: Я не могу ответить на этот вопрос чётким «нет», так как мне отдали приказы, которые я как германский чиновник должен был исполнять. И для того, чтобы их исполнять, мне нужно было проводить совещания. По-другому это невозможно было делать, так как не я лично, а немецкая экономика, запрашивала и использовала этих рабочих. Каким-то образом этот вопрос следовало урегулировать, независимо от того шла речь о немецких или других рабочих и такой же была ситуация в обычные времена.

Герцог: Это факт, что после вашего назначения, вам разрешили иметь особых представителей в гражданских и военных ведомствах на оккупированных территориях?

Заукель: После 30 октября – я не могу назвать точную дату – по инициативе фюрера, я назначил представителей в правительствах на оккупированных территориях. Я упоминал это вчера своему защитнику.

Герцог: 30 октября? Думаю, вы имеете в виду распоряжение от 30 сентября 1942. Вы ошиблись, так как распоряжение датировано 30 сентября.

Заукель: Извиняюсь, я не знаю точную дату.

Герцог: Это правильно, что эти представители назначенные данным распоряжением непосредственно подчинялись вам?

Заукель: Постольку поскольку они являлись моими делегатами, то есть, для передачи приказов, они подчинялись мне.

Герцог: Это правда, что им разрешалось давать указания гражданским и военным властям на оккупированных территориях?

Заукель: Это правильно, что касается приказов, но это неправда в целом. Это являлось техническим вопросом.

Герцог: Кто являлся вашим делегатом при оккупационных властях во Франции?

Заукель: Делегатом у оккупационных властей являлся, прежде всего, председатель Риттер; он был убит в Париже. И после него, председатель Глатцель[61].

Герцог: У вас был представитель в Бельгии?

Заукель: В Бельгии у меня был делегат по имени Шульце, он находился у военного командующего.

Герцог: И в Голландии?

Заукель: В Голландии были разные люди. Сначала, господин Шмидт[62], и там был ещё один человек; мне кажется его имя Риттербуш[63], или что-то такое, но я не помню точное имя.

Герцог: Эта система представителей при оккупационных властях, одобрялась подсудимым Шпеером?

Заукель: Это было инициативой фюрера, и я полагаю, что Шпеер согласился. Насколько мне известно, он порекомендовал это.

Герцог: По вашим сведениям, он проявил какую-нибудь инициативу в распоряжении фюрера касательно этого вопроса?

Заукель: Да. Он присутствовал и порекомендовал это.

Герцог: В своём допросе вы сказали, говоря об этих представителях, что Шпеер учредил эти службы по рабочей силе в 1941 или 1942. Трибунал найдёт данное заявление на странице 9 выдержки из допроса. Что вы понимаете под этой фразой?

Заукель: Я не совсем вас понял.

Герцог: Я прочитаю отрывок из вашего допроса от 8 октября 1945.

> «Вопрос: В чём заключалась миссия порученная вашим представителям в трудовых отделах при военном командующем или гражданском губернаторе? Они просто давали технические консультации военным властям от которых всегда можно было отказаться, или у них имелись полномочия давать военным командующим указания по техническим вопросам?».

Председатель: На какой это странице?

Герцог: Господин председатель, страница 9.

> «Ответ: В 1941 или 1942 Шпеер учредил такое представительство по рабочей силе».

Я просто хотел бы спросить вас о том, что вы понимаете под этой фразой. Что вы имели в виду, когда сказали, что Шпеер учредил данное представительство по рабочей силе в 1941 или 1942?

Заукель: В связи с этим должен сказать, что я никогда не видел протокола после

---

[61] Альфонс Глатцель (1889 – 1956) – бригадефюрер СС. В ноябре 1943-августе 1944 начальник главного отдела труда германского военного командования во Франции.

[62] Фриц Шмидт (1903 – 1943) – немецкий нацистский политик. В 1940-1943 генеральный комиссар по особым поручениям в Нидерландах. Предположительно покончил жизнь самоубийством.

[63] Вильгельм Риттербуш (1892 - 1981) – германский деятель НСДАП. С 1943 по 1945 генеральный комиссар по распределению рабочей силы в Нидерландах.

допроса. Я не могу подтвердить эту фразу о 1941-42 и не могу представить, чтобы в ходе допроса я так высказывался.

Герцог: Трибуналу судить о вашем ответе. Правильно, что кроме ваших представителей при гражданских и военных командирах, вы создали трудовые административные отделы на оккупированных территориях?

Заукель: Это неправильно. Они уже были там.

Герцог: Тогда вы подтверждаете, что кроме делегатов, которые представляли вас, на оккупированных территориях были вербовочные службы.

Заукель: Да. На оккупированных территориях, во всех региональных правительствах, и гражданских и военных, существовали ведомства занимавшиеся рабочей силой, которые являлись частью администрации, и они подчинялись властям администраций.

Герцог: Вы можете указать на размер штата этих различных служб на оккупированных территориях?

Заукель: Вы имеете в виду общее количество? Я не могу по памяти назвать отдельные цифры о штате этих административных ведомств. Я никогда не знал точных цифр.

Герцог: Вы помните совещание, которое состоялось, с вами в качестве председателя, 15 и 16 июля 1944 в Вартбурге с главами региональных трудовых ведомств и делегациями по рабочей силе из европейских оккупированных территорий? Вечером 15 июля 1944, государственный советник Бёргер[64] отчитывался о личном составе. Это документ номер F-810, который я предъявляю под номером экземпляра RF-1507. Я прочитаю со страницы 20:

> «Государственный советник Бёргер заявил о том, что за пределами Рейха имеется около 4 000 человек вовлеченных в управление рабочей силой; восточный район – 1 300; Франция – 1016; Бельгия и северная Франция 429; Нидерланды 194…».

Вы подтверждаете данное заявление государственного советника Бёргера?

Заукель: Да, в целом это может быть правдой.

Герцог: Помимо ваших представителей, помимо тех служб о которых мы говорили, вы не создали во Франции комиссии включавшие специалистов которым поручили организацию трудоустройства рабочей силы по немецкому образцу? Пожалуйста, отвечайте.

Заукель: Я не совсем понял вопрос. Пожалуйста, повторите.

Герцог: Я повторю. Помимо ваших представителей – помимо служб, о которых мы говорили, вы не создали в частности во Франции, комиссии включавшие специалистов по организации трудоустройства рабочей силы по немецкому образцу?

---

[64] Вильгельм Бёргер (1892 – 1962) – нацистский политик. В 1938-1944 министериальдиректор министерства труда Германии. После войны прошёл процедуру денацификации.

Заукель: Я говорил своему защитнику вчера о сотрудничестве с французскими подразделениями для…

Герцог: Это не то, что я имею в виду. Я говорю о комиссиях состоявших из специалистов. Вы не помните, что для того, чтобы обеспечить вербовку рабочей силы во Франции вы задумали систему закреплявшую два французских департамента к германскому гау?

Заукель: Теперь я вспоминаю, о чём вы говорите. Это была система адаптации, созданная по договорённости с французским правительством, согласно которой германское гау шефствовало над французским департаментом. Основная цель заключалась в том, чтобы информировать рабочих, которые должны были прибывать в Германию об условиях в Германии и вести взаимные переговоры с экономическими ведомствами французских департаментов о статистике.

Герцог: Я вручаю трибуналу документ номер PS-1293, который станет французским экземпляром номер RF-1508.

[*Обращаясь к подсудимому*] Данное письмо содержит вашу подпись, датированную «Берлин, 14 августа 1943», из которого я прочитаю отрывки, трибунал найдёт его в документальной книге, которая передана ему в начале заседания. Сначала я прочитаю последний абзац на странице 1.

Председатель: Боюсь у меня нет – 1293?

Герцог: Господин председатель, документы которые фигурируют в моей документальной книге были переданы трибуналу этим утром – если я ошибся, я заранее извиняюсь – в том порядке в каком я намерен их использовать.

Председатель: У меня есть один. 1293. Правильно?

Герцог: Я сделал закладки только к тем документам, которые я думал, использовать несколько раз, для того, чтобы трибуналу было проще их найти. Могу я начать оглашение?

Председатель: К сожалению, мне не передали документы, вот и всё. Ни один из них не передали.

Герцог: Я читаю внизу на странице 1:

> «Решение этих двух больших проблем рабочей силы требует немедленного введения во Франции сильной и лучшей германской организации рабочей силы обладающей необходимыми полномочиями и средствами. Это будет сделано при помощи системы шефства гау. Франция имеет приблизительно 80 департаментов. Великая Германия разделена на 42 политических гау, и для задач вербовки рабочей силы она разделена на 42 окружных трудовых отдела гау. Каждый германский окружной трудовой отдел гау примет шефство, скажем, над двумя французскими департаментами. Каждый германский окружной трудовой отдел гау создаст для департаментов комиссию по поддержке из специалистов, являющихся

способнейшими и самыми надёжными экспертами. Эти комиссии организуют распределение рабочей силы в этих подшефных департаментах по немецкому образцу».

Я пропущу одну страницу и продолжаю читать внизу страницы 2 французского текста. Это страница 3 немецкого перевода:

«Нет никакого сомнения в том, что запланированная система шефства гау для трудоустройства французской рабочей силы в Германии, и в особенности трансформация французских гражданских рабочих для немецкой промышленности вооружений необходимые в интересах Германии, дадут огромные преимущества в самой Франции в сравнении с нынешней системой».

Я перехожу в конец страницы 3 французского текста, и я читаю под «d»:

«Германский центральный трудовой отдел в Париже, то есть, представитель генерального уполномоченного и его ведомства…»

Вы недавно говорили мне, что германские ведомства по вербовке рабочей силы на оккупированных территориях находились не в вашем подчинении как генерального уполномоченного по распределению рабочей силы, а у местных властей. Как вы объясните данную фразу?

Заукель: Это очень просто объяснить. Эти люди подчинялись военным командирам в трудовом отделе. Их направили из Германии, и их взяли из трудовых ведомств и назначили в администрацию.

Герцог: Вы говорите: «Центральный германский трудовой отдел в Париже, то есть представитель генерального уполномоченного и его ведомства…». Центральный германский трудовой отдел, следовательно, являлся вашим представительством?

Заукель: Центральный германский трудовой отдел в Париже являлся частью гражданской администрации военного командующего во Франции. Это не сказано во фразе, так как само собой, гауляйтерам это было известно. Положение как я его объяснил совершенно правильное.

Герцог: Я продолжу читать:

«Центральный германский трудовой отдел в Париже, то есть представитель генерального уполномоченного и его ведомства, таким образом будут иметь по всей Франции надёжный аппарат, который намного упростит для него решение проблем во Франции, несмотря на любое возможное или даже реальное пассивное сопротивление со стороны высшей или низшей французской бюрократии».

Я пропускаю две строчки.

«Таким образом, я поручил председателям или временным руководителям вновь сформированных трудовых отделов гау создать соответствующую организацию в департаментах, над которыми они шефствуют; и прошу вас, в качестве моего уполномоченного по

> распределению рабочей силы, по согласованию с рейхсляйтером Борманом, способствовать и оказывать вашу полную поддержку новой задачи поставленной трудовому отделу вашего гау. Председателю или временному руководителю трудового отдела вашего гау даны указания информировать вас о всех подробностях касательно проведения таких мер».

Эти меры не попытка подчинить французскую территорию германской территории, в части организации рабочей силы?

Заукель: Да. Но я бы хотел попросить вас и высокий трибунал позволить мне сказать следующее в объяснение: на первой странице, параграф 1 – я цитирую с третьей строки – сказано: «…с полного одобрения фюрера я вынужден предпринять далеко идущие и срочные меры во Франции в переговорах с главой французского правительства и компетентными» - теперь идет важная часть – «германскими властями» - то есть, ведомством военного командующего, в котором эти трудовые власти и этот делегат находились и которому они подчинялись.

И на странице 4, я бы хотел прочитать о специальной задаче этой системы шефства, которая в себе не имела под собой ничего недружественного. Я читаю со страницы 4 немецкого текста, под буквой «а»:

> «Предубеждение, подозрение, нехватка заботы, неполучение компенсаций и не рассмотрение жалоб» - то есть, жалоб рабочих – «которые пагубно влияют на трудоустройство рабочей силы в Германии, все эти вещи во многом можно устранить при помощи взаимодействия между гау и департаментом».
>
> Теперь я читаю под буквой «b»:
>
> «Каждый французский рабочий в таком департаменте точно знает, где и при каких обстоятельствах он будет работать в Германии. Немецкая пропаганда и пояснительный материал расскажут ему о местности в которой он будет работать и обо всех вопросах, которые могут его заинтересовать».

В этом заключалась цель этого мероприятия. Это было то, что я хотел сделать для французских рабочих, помимо того, чтобы следить за немецкими интересами.

Герцог: Пожалуйста, ответьте мне «да» или «нет». Это мероприятие было попыткой прийти к объединённой администрации между французскими департаментами и германскими гау, в части рабочей силы? Ответьте мне «да» или «нет».

Заукель: Нет. Я бы хотел привести объяснение такому отрицательному ответу. Задача этого мероприятия заключалась в том, чтобы прояснить нерешенные проблемы между французским правительством, между французскими департаментами, между французскими промышленниками и фабриками с одной стороны, и административными ведомствами в Германии на которых должны были

работать французские рабочие. В этом заключалась реальная задача – разрешать жалобы и устранять недоверие.
Председатель: Мы прервёмся.

[*Объявлен перерыв*]

Герцог: Подсудимый, это правда, что ваш со-подсудимый Геринг передал под ваш контроль все организации четырёхлетнего плана, которые занимались вербовкой рабочей силы?
Заукель: Различные организации четырёхлетнего плана, которые имели отношение к рабочей силе, были распущены. Исключительно управления III и V рейхсминистерства труда продолжали заниматься этими вопросами.
Герцог: Это правда, что полномочия рейхсминистра труда касательно трудоустройства рабочей силы были переданы вам и что в результате этой передачи у вас имелись полномочия принимать правила и закона?
Заукель: Лишь постольку, поскольку работа управлений III и V была связана с моей задачей. Иначе функции рейхсминистерства труда оставались самостоятельными у рейхсминистра труда.
Герцог: Но в рамках этих управлений вы осуществляли полномочия рейхсминистра труда после вашего назначения в качестве генерального уполномоченного по распределению рабочей силы?
Заукель: В рамках моей должности генерального уполномоченного по распределению рабочей силы. Но я должен подчеркнуть, что эти управления мне не подчинялись, они просто находились в моём распоряжении. Тогда такой разнице придавали большое значение. Управления продолжали работать самостоятельно в рамках механизма министерства труда.
Герцог: Но в результате такой ситуации вы имели административную автономию в вопросах касавшихся рабочей силы?
Заукель: Не автономию, это делалось по голосованию. Я не мог издавать указы, а только мог принимать инструкции. В каждом случае я должен был получать согласие остальных административных властей и рейхсминистров и согласие фюрера или моего вышестоящего ведомства.
Герцог: У вас не имелось карт-бланша от фюрера на вербовку и использование рабочей силы?
Заукель: Не по вербовке и использованию, но по руководству и управлению. Если можно так выразиться, это никогда не являлось вопросом рабочих агентов – то есть, конечно, что на самом деле означает распределение рабочей силы – использовали самих рабочих. Фирмы использовали рабочих, а не агенты.
Герцог: Для вербовки рабочей силы вы имели карт-бланш от фюрера. Это неправда?

Заукель: Абсолютно нет, и лишь после голосования и после согласования с региональными заинтересованными властями, получал, в особенности в случае с зарубежными государствами. Я никогда не вербовал рабочих во Франции без выражения согласия французского правительства и без его сотрудничества. Там использовалась французская администрация.

Герцог: Подсудимый Заукель, вы несколько раз упоминали соглашения и договоренности заключённые во Франции с теми кого вы сами называете «лидеры коллаборационизма». Вам лучше знать, чем кому-либо ещё что эти лидеры коллаборационизма, навязанные Франции противником, брали обязательства только на себя и что их действия никогда не одобрялись в целом французским народом. Кроме того, эти лидеры коллаборационизма, о чьих показаниях вы не подозреваете, сами раскрыли давление, которое оказывали на них, и сейчас мы это обсудим. Это, правда, что 16 апреля 1942, то есть, менее чем через месяц после вашего назначения, вы заявили в письме подсудимому Розенбергу – которое заявляет о вашей программе и которое вам вчера представили – что вы включили вербовку зарубежных рабочих в свою программу использования[65] рабочей силы?

Заукель: Я возмущен термином «эксплуатация». По строжайшим приказам фюрера, правда, что вербовка зарубежных рабочих должна была быть включена в мою программу.

Герцог: Это правда, что вы включили вербовку зарубежных рабочих в свою программу от 16 апреля 1942? Вчера вы признали это, и я прошу вас это подтвердить.

Заукель: Да, это правда. Только я подчёркиваю, что я делал это согласно строжайшим приказам фюрера.

Герцог: Это, правда, что данная программа от 16 апреля 1942, то есть, 3 недели спустя после вашего назначения, уже содержала принцип принудительной вербовки?

Заукель: Это было сделано по прямому приказу фюрера, в случае с добровольной вербовкой зарекомендовавшей себя неадекватной. Вчера я говорил это своему защитнику.

Герцог: Вы помните распоряжение принятое вами 29 августа 1942? Это распоряжение рассматривало в первую очередь трудоустройство рабочей силы на оккупированных территориях – распоряжение номер 10 от 22 августа, генерального уполномоченного по распределению рабочей силы. Оно приобщалось трибуналу под номером экземпляра RF-17. Вы помните это?

Заукель: Я помню распоряжение номер 10.

Герцог: Данное распоряжение применялось к оккупированным территориям которые находились в подчинении германской администрации?

---

[65] Слово «utilization» сказанное французским обвинителем было ошибочно переведено на немецкий как «Ausbeutung» означающее эксплуатацию – прим. по IMT, том XV, стр. 82.

Заукель: Насколько я могу вспомнить – у меня нет точной формулировки, у меня отдельные параграфы – это касалось регулирования трудовых договоров подготовленных немецкими фирмами. Задача заключалась в том, чтобы предотвратить неразбериху.

Герцог: Это правда, что вы ездили с миссией в Париж в августе 1942?

Заукель: Возможно, но я конечно, не могу вспомнить отдельные даты.

Герцог: Это правда, что вы ездили с миссией в Париж в январе 1943?

Заукель: Возможно, даже вероятно.

Герцог: Это правда, что вы ездили с миссией в Париж в январе 1944?

Заукель: Наверное тоже, да, но мне неизвестны отдельные даты.

Герцог: Следовательно, вы ездили с миссиями в Париж к французским властям, до того как французские власти де факто, опубликовали законодательные распоряжения от 4 сентября 1942, 16 февраля 1943 и 1 февраля 1944. Это неправда?

Заукель: Я не совсем точно понял ваш вопрос.

Герцог: Я спросил вас, правда ли то, что до публикации французскими властями де факто трёх фундаментальных законов о принудительном труде от 4 сентября 1942, 16 февраля 1943 и 1 февраля 1944, вы ездили с миссиями во Францию, в Париж?

Заукель: Я ездил в Париж только с целью переговоров с французским правительством, и я хочу добавить, что для меня и в соответствии с моими убеждениями…

Герцог: Вы признаёте, что в ходе этих миссий вы навязали французским властям законы о принудительном труде?

Заукель: Нельзя так сказать, скорее…

Герцог: Следовательно, вы оспариваете тот факт, что законы о принудительном труде принимались под вашим давлением?

Заукель: Я оспариваю слово «давление». Я наиболее корректно вёл переговоры с французским правительством до публикации таких законов. Я выражаю возмущение слову «давление», и было довольно много свидетелей во время этих переговоров.

Герцог: Вы помните телефонную беседу подсудимого Шпеера с вами из ставки фюрера 4 января 1943?

Заукель: Да, наверное, у меня было несколько бесед со Шпеером. Мне неизвестно на какую именно беседу вы ссылаетесь.

Герцог: Вы не помните записку направленную вами в различные ведомства в результате телефонной беседы от 4 января 1943?

Заукель: Да. Вполне возможно, что я подготовил несколько записок. Я должен был подготовить записки, когда в телефонной беседе содержалась инструкция.

Герцог: Теперь я предъявляю документ номер PS-556, который уже предъявлен трибуналу под номером экземпляра USA-194 и RF-67. Я прочитаю этот документ или, по крайней мере, его первый параграф:

«4 января 1943, в 20 часов 00 минут, министр Шпеер телефонировал из ставки фюрера, чтобы проинформировать меня о том, что согласно решению фюрера больше не требуется, в случае привлечения квалифицированной и неквалифицированной рабочей силы во Франции, как-либо особо принимать во внимание французов. Резкие или более суровые меры можно использовать для вербовки рабочей силы».

Герцог: Подсудимый, я спрашиваю вас, что вы имеете в виду, когда говорите, что не нужно никакое особое внимание к французам?

Заукель: Эта записка или даже решение шли не от меня. Это было сообщение, которое пришло из ставки фюрера, основанное на решении принятом фюрером. Несмотря на это – и это я особо хочу подчеркнуть – моё отношение к французскому правительству не изменилось, и об этом тоже не сказано в записке. Я продолжал придерживаться того же самого вежливого отношения в своих переговорах с правительством, и я прошу, трибунал позволить сделать мне короткое заявление о том как вели переговоры с французским правительством.

Герцог: Вы приведёте это позднее в своём допросе. Вы помните дискуссию которую вы имели 12 января 1943, в германском посольстве в Париже, с французскими властями?

Заукель: Насколько мне известно, я говорил только с французскими министрами в германском посольстве в Париже.

Герцог: Это именно то о чём я вас спрашиваю. Вы помните эту беседу с французскими властями 12 января 1943?

Заукель: Не в подробностях, нет; но возможно то, что вёл переговоры.

Герцог: Вы помните лиц, которые участвовали в этой беседе?

Заукель: Да. Обычно французский премьер, французский министр труда, министр Бишелон, принимали участие в таких обсуждениях. С немецкой стороны, посол, от имени военного командующего, доктор Фишер; и в качестве моего представителя, наверное доктор Гильдебрандт или какие-то другие господа.

Герцог: И вы не помните, что говорил вам Лаваль на этой встрече 12 января 1943?

Заукель: Во время таких совещаний очень подробно обсуждались многие вопросы, и мне неизвестно о чём вы говорите.

Герцог: Что же, я представлю вам стенограмму этой встречи. Это документ номер F-809, который я предъявляю трибуналу под номером экземпляра RF-1509.

В ходе этой дискуссии Лаваль сделал вам длинное заявление; более точно, несколько заявлений.

Председатель: Где нам это найти?

Герцог: Господин председатель это в моей документальной книге. У него должна быть закладка 809.

Председатель: О, да, нашёл.

Герцог: Сначала, я читаю страницу 7 французского текста и немецкого текста: «Гауляйтер Заукель требует ещё 250 000 новых рабочих. Гауляйтеру Заукелю очень хорошо известны – и его ведомства, разумеется, информировали его об этом – трудности, с которыми французское правительство осуществило программу последнего года. Гауляйтер должен понять, что в результате из количества военнопленных и рабочих, которые уже трудоустроены в Германии, направление ещё 250000 и без того усилит сложности французского правительства. Я не могу скрывать эти сложности от гауляйтера, потому что они очевидны, и немцам которые находятся в Париже известны эти сложности. Когда гауляйтер отвечает, что они должны преодолевать такие же трудности в Германии и даже когда он заявляет о том, что французская промышленность должна расширяться, мне кажется, что я должен напомнить ему о том, что Германия не только требует рабочих из Франции, но также начинает вывозить машины с фабрик для того, чтобы вывезти их в Германию. У Франции может ничего не остаться, но пока у неё имеются собственные средства производства. Если их тоже забрать у неё, Франция утратит даже свою способность к работе.

Я делаю всё, чтобы облегчить германскую победу» - и вы видите, что Лаваль вряд ли мог находится под вашим подозрением, подсудимый – «но я должен признать, что немецкая политика предъявляет мне более тяжкие требования почти каждый день и эти запросы не соответствуют чёткой политике. Гауляйтер Заукель может сказать немецким рабочим, что они работают на Германию. Я не могу сказать, что французы работают на Францию.

Я понимаю, что во многих областях французское правительство не способно действовать. Можно почти поверить в то, что с немецкой стороны они не ценят добрую волю французов и что они принуждают к учреждению германской администрации во Франции. Моя задача становиться труднее с каждым днём. Правильно, что я не позволяю себе пасть духом, однако, я считаю своим долгом напомнить гауляйтеру о серьёзности франко-германских отношений и невозможности продолжения такого пути. Это больше не вопрос политики сотрудничества; скорее, с французской стороны это жертва, а с германской стороны политика принуждения».

Я перехожу к следующей странице, странице 11:

«Нынешнее состояние мысли во Франции, неопределенность касательно средств, которыми обладает французское правительство, половинчатая свобода которую оно имеет, всё это не даёт мне

необходимой власти, чтобы подготовить для гауляйтера Заукеля немедленный ответ. Мы ничего не можем сделать. Мы не вольны изменить заработную плату; мы даже не вольны бороться с черным рынком, мы не можем предпринять никакое политическое мероприятие не столкнувшись с каким-то германским органом который поставил себя на наше место.

Я не могу гарантировать меры которые я сам не могу предпринимать.

Я убежден в том, что фюрер не осведомлён о том, что французское правительство не может действовать. В одной стране не может быть двух правительств в вопросах, которые прямо не касаются безопасности оккупационных сил».

Я пропускаю ещё две страницы, до страницы 18, и я читаю только эту фразу:

«Мне невозможно быть простым агентом немецких мер по принуждению».

Это документ, который я предъявляю вам подсудимый, и я задам вам два вопроса относительно него.

Первый вопрос: что вы ответили Лавалю, когда он сделал вам это заявление?

Второй: вы не думаете, что это является доказательством давления, которое вы оспариваете?

Заукель: Для начала, если трибунал позволит, я бы хотел прочитать свой ответ премьеру Лавалю. Документ доказывает, и это подтверждал мне премьер Лаваль по различным поводам, что я вёл свои переговоры с ним в подобающей манере; и несмотря на факт, что у меня были приказы не вести политические беседы, а только лишь заниматься своей фактической задачей, я всегда докладывал фюреру о таких вопросах. Но я думаю, что тон моего ответа был совершенно безупречным. Эти переговоры, которые я вёл…

Герцог: Это не тот вопрос, который я вам задал. Я спросил вас, что вы ответили ему, когда он сделал вам это заявление, когда он сказал вам, например, что для него было невозможно быть просто агентом немецких принудительных мер.

Заукель: Мне бы хотелось прочитать свой ответ. Я не могу его сейчас вспомнить.

Герцог: Следовательно, вы оспариваете факт, что это представляет давление?

Заукель: Премьер Лаваль не жаловался мне на это. Он жаловался на общие условия во Франции, потому что это было время оккупации. Ситуация была такой, что существовала германская оккупация. Это была война.

Герцог: Что же, я собираюсь представить вам документ…

Серватиус: Господин председатель, относительно этого документа, я бы хотел обратить ваше внимание на ошибку в переводе, которая приведёт к значительному недопониманию. Согласно этому документу сказано, что к вербовке можно

подходить напористо и с более суровыми мерами, и слово «напористо» перевели на английский язык как «давление». Но смысл не в этом. Это не «давление»; это «напор». Это означает, что к исполнению обязанностей можно было подходить энергично.

Председатель: Мне сказали, что в нашем переводе «напористо»

Серватиус: «Давление».

Председатель: Мне сказали, что перевод это «напористо». Нет, нет, перевод «напористо». Это в этом документе, и перевод на английский это «напористо».

Серватиус: О, у меня французский перевод.

Герцог: Я собираюсь представить вам документ…

Председатель: Это документ в серии PS?

Герцог: Господин председатель, нет, это новый документ, который я предъявляю сейчас, французский документ, который имеет номер экземпляра RF-1509 (документ номер F-809).

Председатель: Откуда поступил этот документ?

Герцог: Господин председатель, документ поступил из архивов отеля «Majestic[66]» в Париже, в котором находились германские ведомства в Париже. Несколько месяцев назад эти архивы снова обнаружили в Берлине, и мы выбрали документы Заукеля.

Я представляю трибуналу удостоверение материалов Заукеля, а также документы которые я намерен предъявить трибуналу в ходе моего перекрестного допроса. Вероятно, так как документ на французском языке, трибунал захочет, чтобы я прочитал его.

Председатель: Да, прочитаете его, не так ли? Вы имеете в виду устное удостоверение? Что у него за устное удостоверение? Кто его идентифицировал?

Герцог: Это устное удостоверение идентифицировано двумя лицами, комендантом Анри, французским связным в американском документальном центре в Берлине, и моим коллегой господином Жертоффером, который, с комендантом Анри принял эти архивы.

Председатель: Вероятно, вам лучше прочитать это устное удостоверение, для того, чтобы оно попало в запись.

Герцог:

> «Мне, Шарлю Жертофферу, заместителю обвинителя в суде Сены, исполняющему обязанности в Международном военном трибунале в отношении главных военных преступников, по прибытию в Берлин в центр хранения министерств, комендант Анри вручил с разрешения полковника Хелма из американской армии, начальника берлинского центра хранения 6889, семь дел из архивов германского военного командования во Франции касающиеся принудительного труда и

---

[66] «Величавый» (фр.) – отель в Париже, построен в 1864. С 1940 по 1944 в нём располагалась германская оккупационная администрация во Франции.

зарегистрированные в ЦСМ под следующими номерами: 3DS, номера 1-213; 4DS, номера 1-230; 5DS, номера 1-404 и два приложения; 6DS, номера 1-218; 7DS, номера 1-118; и одно приложение; 1-121; 50DS 1-55; 71DS, номера 1-40.

Я заявил коменданту Анри, что я возьму названные дела для того, чтобы представить их Международному военному трибуналу в отношении главных военных преступников для того, чтобы их можно было использовать в судебном разбирательстве и чтобы они затем были доставлены во французское министерство юстиции, имуществом которого они останутся.

Имеется пять копий данного документа одна из которых должна послужить в качестве письменных показаний для Международного военного трибунала в отношении главных военных преступников.

Подписано «Шарль Жертоффер» и подписано «Анри».

Настоящее представляет собой удостоверение самим материалам.

У меня есть второе удостоверение…

Заукель: Пожалуйста, могу я сделать замечание относительно первого документа?

Герцог: Я прошу не перебивать меня.

Председатель: Господин Герцог, документы поступили из отеля «Majestic», не так ли?

Герцог: Да, господин председатель.

Председатель: Отель «Majestic» являлся местом, где…

Герцог: Местом в Париже где находилось германское военное командование во Франции и различные оккупационные ведомства. Эти документы, которые исчезли в момент освобождения, были вновь обнаружены в центре хранения министерств в Берлине. Документ который я сейчас представил удостоверение этих материалов, и у меня также есть удостоверение документам которые я извлёк из данных дел и которое я готов прочитать трибуналу, если трибунал пожелает.

Председатель: Отель «Majestic» являлся местом в котором находилось германское военное командование в Париже, разве нет?

Герцог: Да, господин председатель, если я не ошибаюсь. Трибунал желает, чтобы я зачитал ещё одно удостоверение, то есть по крайней мере частично – тот, что касается самого документа?

Председатель: Я думал, вы это уже прочитали.

Герцог: Нет, господин председатель. Я представляю трибуналу два удостоверения. Первый, тот, что я зачитал, это удостоверение семи делам, которые содержат очень много документов. Из этих семи дел мы извлекли лишь несколько документов, которые мы представляем трибуналу и вот почему, после представления удостоверения…

Председатель: Второй документ лишь говорит, что документы, которые вы

представили, являются документами, которые поступили из этих дел?
Герцог: Да, господин председатель.
Председатель: И сами дела поступили из отеля «Majestic», который являлся местом пребывания германской военной администрации. Вы приобщите второй документ под запись?
Герцог: Да, господин председатель.
Председатель: Вы приобщаете в качестве доказательства подлинные немецкие документы?
Герцог: Да, господин председатель.

[*Обращаясь к подсудимому*] Поскольку вы всё также отрицаете давление оказываемое вами на правительство, я представлю вам документ номер PS-1342.

Заукель: Думаю, здесь произошла ошибка в переводе. Я понял, что вы спросили меня о том, отрицал ли я то, что я оказываю давление на трибунал. Я слишком сильно уважаю данный трибунал, чтобы оказывать на него давление. Я не понимаю вопрос. Я понял, что вы спросили меня о том, отрицал ли я давление на трибунал, и конечно, на этот вопрос я должен ответить «нет».
Герцог: Я сказал вам: поскольку вы отрицаете то, что вы оказывали давление на французские власти, я представлю вам новый документ. Это документ номер PS-1342, который уже предъявлен трибуналу под номером экземпляра RF-63. Данный документ представляет стенограмму заседания, которое вы проводили 11 января 1943 в Париже с различными германскими оккупационными властями. Вы помните, что по этому поводу, вы сделали заявление, касательно ваших отношений с правительством Виши[67]? Я прочитаю вам это заявление. Это на странице 4 французского и немецкого текстов.
Заукель: К сожалению, я не могу это найти.
Герцог: Я прочту заявление:

> «Французское правительство…» - это предпоследний абзац в конце страницы 4. – «Французское правительство состояло не более чем из адептов выжидания. Если бы первые 250000 рабочих вовремя прибыли в Германию, до осени – переговоры с французским правительством начались уже прошлой весной – мы бы наверное смогли призвать ключевых мужчин в Рейхе и сформировать новые дивизии и это могло предотвратить окружение Сталинграда. В любом случае фюрер теперь абсолютно решился править во Франции, если нужно даже без французского правительства».

Когда вы делали это заявление, оно не отражало давление, которое вы оказывали на французское правительство?

Заукель: Это не было совещанием с французским правительством. Это заявление о

---

[67] Режим Виши или Вишистская Франция (официальное название Французское государство — коллаборационистский режим в Южной Франции, появившийся после поражения Франции в начале Второй мировой войны и падения Парижа в 1940 году.

фактах.

Герцог: Я не сказал, что это было совещанием с французским правительством. Я спросил, что вы имели в виду, когда заявили, что фюрер решился править во Франции, даже без французского правительства. Это не являлось давлением?

Заукель: Это являлось откровенным решением и заявлением фюрера, за что я не был ответственным. Я просто повторил это, и в любом случае это никогда не реализовали.

Герцог: Почему вы передали его оккупационным властям во Франции в ходе совещания проводимого вами по вопросу вербовки рабочей силы?

Заукель: Потому что мой долг заключался в том, чтобы дать описание обстановки как я видёл её в то время.

Герцог: Но вы не думаете, что высказав им заявление фюрера, вы использовали это, чтобы оказать давление?

Заукель: Я не мог оказать этим давление, потому что это была просто передача заявления о ситуации. Я не сказал французскому правительству, что фюрер устранит его и что поэтому оно должно сделать то-то и то-то. Я просто вёл переговоры.

Герцог: Но вы заявили, и я прошу вас подтвердить это, вы заявили в ходе этого совещания о том, что фюрер решил править во Франции, если нужно без французского правительства?

Вы это сказали? Я прошу ответить «да» или «нет».

Заукель: Да, я повторил это, без намерения делать это.

Герцог: Вы помните дискуссию, которую проводили 14 января 1944 в Париже с различными немецкими личностями?

Заукель: Да; возможно у меня там была дискуссия, но я не помню сейчас о чём она была.

Герцог: Вы не помните дискуссию, которую вы провели 14 января и не помните немецких личностей присутствовавших на этой встрече?

Заукель: Наверное, было несколько совещаний, но я не могу вам сейчас сказать о каком вы говорите, как и не помню, о чём были дискуссии.

Герцог: 14 января 1944 вы провели совещание в Париже с Абецом[68], фон Штюльпнагелем[69], Обергом[70] и Блюментритом[71]. Вы помните, что в ходе этой дискуссии, вы представили своим слушателям проект закона, который вы

---

[68] Отто Абец (1903 — 1958) — нацистский дипломат, бригадефюрер СС (чин был получен 30 января 1942 года), один из руководителей оккупационной администрации Третьего Рейха на территории Франции. Осуждён французским судом к 20 годам лишения свободы. Освобождён досрочно.

[69] Карл-Генрих фон Штюльпнагель (1886 — 1944) — немецкий военный деятель, генерал пехоты (1939 год). Участник военных преступлений. Участник антитигитлеровского заговора 20 июля 1944 года. Повешен 30 августа 1944 года

[70] Карл Оберг (1897— 1965) — высший руководитель СС и полиции во Франции, обергруппенфюрер СС и генерал полиции (1 августа 1944) и генерал войск СС (10 марта 1945). После войны французским судом был приговорён к смертной казни заменённой пожизнённым заключением. Освобождён досрочно.

[71] Гюнтер Блюментритт (1892 — 1967) — немецкий офицер, участник Первой и Второй мировых войн, генерал пехоты. В 1943-1944 начальник штаба группы «D» во Франции.

подготовили и который хотели навязать французским властям?

Заукель: Я не пытался навязать его. Я пытался обсудить его. Я вёл переговоры. Я не пытался навязать его. Формулировка стенограммы это ясно показывает.

Герцог: Вы оспариваете факт, что вы лично подготовили закон, который вы передали французскому правительству?

Заукель: Нет, это я не отрицаю. То, что я представил такой законопроект и то, что я его подготовил, это я не отрицаю.

Герцог: Тогда вы признаёте, что вы лично подготовили текст?

Заукель: Да, но я не могу сказать какой вы имеете в виду.

Герцог: Я представляю вам документ номер F-813, который я приобщаю под номером экземпляра RF-1512. Это стенограмма этого заседания от 14 января 1944, документ номер F-813. Эти стенограммы подписаны Абецем, фон Штюльпнагелем, Блюментритом и вами. Я читаю из параграфа III озаглавленного: «Генеральный уполномоченный по распределению рабочей силы» - которым являлись вы – «подготовил законопроект для французского правительства».

Вы всё ещё оспариваете факт, что вы лично подготовили законопроекты которые вы представили французскому правительству?

Заукель: Это я не отрицаю, я должен был внести предложение. Однако, оно основывалось на взаимных переговорах.

Герцог: Вы отрицаете факт, что вы навязали этот закон под давлением?

Заукель: То, что я навязал закон под давлением, я отрицаю. Я вёл об этом переговоры.

Герцог: Вы помните, что вы дали фюреру отчёт о миссии которую вы выполняли в Париже в январе 1944?

Заукель: Моя обязанность заключалась в том, чтобы докладывать, когда я совершал подобные поездки, так как я исполнял приказы фюрера.

Герцог: Я предъявляю вам этот доклад, документ номер PS-556, который представлен трибуналу под номером экземпляра RF-67. Дважды в ходе данного доклада вы говорите о германских требованиях. Вы не думаете, что дать фюреру отчёт о принятых германских требованиях, это дать ему отчёт об успехе давления которое вы оказали?

Заукель: Я не могу понять как иначе можно было найти основу для переговоров. Германское правительство заявило требования, и ввиду этих требований были переговоры с французским правительством, которое я должен был de jure учитывать.

Герцог: Следовательно, вы признаёте, что германское правительство и вы, кто являлся его агентом, заявили требования? Пожалуйста, ответчайте «да» или «нет».

Заукель: Германское правительство заявило требования, да, это правда.

Герцог: Спасибо. И эти требования, не так ли, тогда приняли форму настоящего ультиматума?

Заукель: Я не осведомлён об этом. Я могу лишь сказать, что я был очень вежливым и любезным беседуя с французским премьером и что наши переговоры шли очень гладко.

Герцог: Когда вы предприняли акцию, касательно мобилизации категории 1944, вы не помните, что вы требовали такой мобилизации настоящим ультиматумом? Отвечайте «да» или «нет».

Заукель: Я не могу сказать по памяти.

Председатель: Господин Герцог, я думаю, вы можете предъявить ему последнюю фразу в письме от 25 января 1944, PS-556.

Герцог:

> «Однако, далее я не позволил остаться ни малейшему сомнению в том, что дальнейшие и более суровые меры будут предприняты если требования о переводе рабочих не будут удовлетворены».

Заукель: Да, наверное, я так сказал, хотя и не в такой форме как я изложил это в письме.

Герцог: Вы помните, что 6 июня 1944, в день рассвета нашего освобождения, вы послали письмо послу Абецу?

Заукель: Я не могу сказать вам по памяти.

Герцог: Что же, я собираюсь представить данное письмо. Это французский документ, номер F-822, который я предъявляю трибуналу под номером экземпляра RF-1513:

> «6 июня. Париж.
>
> Ваше превосходительство и дорогой партийный товарищ Абец:
>
> Долгожданное вторжение наконец началось. Таким образом, для распределения рабочей силы тоже заканчивается период ожидания, который до сих пор служил в качестве очевидного, иногда молчаливого, предлога говорить о том, что отправка рабочих в Рейх была невозможной в виду политической атмосферы в стране».
>
> Я пропускаю несколько строк и снова цитирую:
>
> «Теперь, когда немецкий солдат должен снова сражаться и проливать кровь на побережье канала, теперь, когда борьба в каждый час может перекинуться на многие части Франции, любой призыв или любые слова от Лаваля вообще не имеют никакого веса. Единственный язык, который теперь можно понять это язык немецкого солдата. Поэтому я прошу вас, в эти решающие часы попросить премьера Лаваля наконец сделать кое-что очевидно очень сложное для него, то есть, чтобы он наконец подписал приказы о призыве категории 1944. Я больше не желаю ждать, как не желаю оставаться при мнении, которое может быть несправедливо, но вместе с тем является вынужденным, касательно выжидательной тактики французского правительства.

Поэтому, я прошу вас, наиболее срочно, добиться к 10 часам завтрашнего утра подписи французского премьера на распоряжении о призыве категории 1944, или же сообщить меня совершенно чётко, если Лаваль категорически ответит «нет». Я не приму никаких оправданий для отсрочки, так как все технические приготовления по квотам для департаментов, а также для организации транспорта, либо проведены или проводятся сейчас, благодаря совместным обсуждениям которые состоялись».

Вы не назовёте это настоящим ультиматумом?

Заукель: Это ультиматум лишь постольку, поскольку мой отъезд был под вопросом и ничего больше. Я не мог оказать никакого давления на Лаваля и использовать какие-нибудь угрозы.

Герцог: Что вы имели в виду, говоря:

«Поэтому, я прошу вас, наиболее срочно, добиться к 10 часам завтрашнего утра подписи французского премьера на распоряжении о призыве категории 1944, или же сообщить меня совершенно чётко, если Лаваль категорически ответит «нет». Я не приму никаких оправданий для отсрочки…».

Это не ультиматум?

Заукель: Это ультиматум лишь постольку, поскольку я больше не мог ждать. Я должен был уехать, потому что я имел приказы уехать. Я пытался получить решение, «да» или «нет», ничего больше.

Герцог: Подсудимый Заукель, и потребовать ответ «да» или «нет» - вы не считаете это ультиматумом?

Заукель: Я должен был уехать, и я хотел решения о том, подпишет это или нет французский премьер.

Герцог: Спасибо. Трибунал, убеждён, отметит ваш ответ.

Вам известно, сколько французских рабочих были депортированы в Германию в результате ваших различных акций?

Заукель: Насколько я помню – я не могу сказать точно навскидку – было 700000-800000 французских рабочих трудоустроенных в Германии. Однако, я не могу вам точно сказать, без документов.

Герцог: Правильно, что в Бельгии и северной Франции депортация рабочих для принудительного труда регулировалась посредством законов оккупационной армии?

Заукель: Мне неизвестно о законах, проходивших через оккупационную армию, но через трудовую администрацию.

Герцог: Это правильно, что распоряжением от 6 октября 1942 в Бельгии и северной Франции был введён принудительный труд?

Заукель: В германском праве мы называли его «обязательной трудовой службой». Это правильно.

Герцог: Это верно, что генерал фон Фалькенхаузен[72], германский военный командующий в Бельгии и северной Франции, который подписал приказ от октября 1942, сделал это под вашим давлением?

Заукель: Нет, он не подписал его под моим давлением, потому что я беседовал с ним об этом и никакого спора не было. Это было сделано по просьбе правительства Рейха и фюрера.

Герцог: Я предъявляю вам допрос генерала фон Фалькенхаузена, который свидетельствовал перед французским магистратом 27 ноября 1945. Я предъявил допрос под номером экземпляра RF-15 в ходе моей презентации в январе. Я читаю со страницы 1. Вопрос 3:

> «Вопрос: Вы клянётесь говорить правду, полную правду и ничего кроме правды?
>
> Ответ: Клянусь.
>
> Вопрос: 6 октября 1942 появился приказ, которым вводилась обязательная трудовая служба в Бельгии и в департаментах северной Франции…»
>
> Я пропускаю две строчки:
>
> «Ответ: «Я был командующим в Северной Франции и Бельгии.
>
> Вопрос: Свидетель помнит принятие этого приказа?
>
> Ответ: Я не помню точно текст приказа, потому что он был подготовлен в долгой борьбе с Заукелем, генеральным уполномоченным по распределению рабочей силы.
>
> Вопрос: У вас имелись какие-нибудь трудности с Заукелем?
>
> Ответ: Я фундаментально возражал обязательной трудовой службе, и только после получения приказов я согласился принять распоряжение».

Заукель: Я категорически отрицаю версию как её мне сейчас представили.

Герцог: Вы оспариваете показания генерала фон Фалькенхаузена?

Заукель: В данной версии, да, потому что введение…

Герцог: Это заявление, сделано под присягой, и ваши показания сегодня также под присягой. Трибунал примет это к сведению.

Заукель: Я говорю с полным сознанием того, что по моим лучшим воспоминаниям эта версия не полностью правильная. Законы относительно труда на оккупированных территориях создавали не по моему приказу, а по приказу фюрера, и я никак не спорил об этом с генералом фон Фалькенхаузеном. Мы обсудили это в самой дружественной манере, и он ввёл закон. Я не помню никаких трудностей в связи с этим. И в другом параграфе здесь он заявляет, что тогда он отдал все указания по приказам Гитлера. Лично у меня не было с ним ни споров ни

---

[72] Александр фон Фалькенхаузен (1878 —1966) — генерал вермахта, в 1940—1944 годах — глава оккупационного правительства Бельгии. Бельгийским судом был приговорён к 12 годам лишения свободы. Освобождён досрочно.

трудностей.

Герцог: Верно, что в Голландии депортация голландских рабочих для принудительного труда находилась в компетенции рейхскомиссариата?

Заукель: Пожалуйста, выслушайте об этом подсудимого Зейсс-Инкварта? Выражение компетенция для меня совершенно новое. Во Франции, Бельгии и Голландии этим вопросом занимались через трудовые управления, то есть…

Герцог: Кто подписывал приказы, касавшиеся принудительного труда в Голландии?

Заукель: Я полагаю, что господин Зейсс-Инкварт.

Герцог: Верно, что приказы подписанные подсудимым Зейсс-Инквартом составляли лишь местное применение общей программы которую вам поручили и которую вы выполняли?

Заукель: Местным применением в Голландии? Я не совсем понял это на немецком языке.

Герцог: Неправильно, что подписывая приказы, касавшиеся принудительного труда в Голландии подсудимый Зейсс-Инкварт, не делал ничего кроме как вводил вашу программу принудительного труда?

Заукель: Это было реализацией трудовой программы фюрера, так как он, фюрер, приказал о ней.

Герцог: Вы ездили в Бельгию или Голландию для того, чтобы проконтролировать применение законов о принудительном труде?

Заукель: Не контролировать. Я находился в Бельгии и Голландии самое короткое время. Там я проводил совещания с ведущими людьми и по моим воспоминаниям я посещал трудовые власти в Антверпене и видел, как они функционировали – те, что являлись германскими.

Герцог: И в ходе этих поездок вы подготовили подробные меры по применению трудовой программы, это неправда?

Заукель: Я не готовил их в течение этих поездок, я обсуждал их там. Конечно, я делал кое-какую работу во время путешествуя.

Герцог: Я предъявляю вам документ номер PS-556, экземпляр номер RF-67. Это письмо, которое вы написали фюреру 13 августа 1943. В нём вы заявляете, параграф 1 письма:

> «Мой фюрер!
> Осмеливаюсь сообщить вам о своем возвращении из Франции, Бельгии и Голландии, куда я ездил в служебную командировку. В результате долгих и трудных переговоров я предписал проведение в течение последних пяти месяцев 1943 года нижеследующей программы по западным территориям, а также подробно разработал меры по ее проведению во Франции совместно с германским командующим, германским посольством, французским правительством, в Бельгии — с германским командующим и в

Голландии — с управлением рейхскомиссара».

Подсудимый вы всё ещё оспариваете тот факт, что вы поехали в Бельгию и Голландию для того, чтобы подготовить там подробные мероприятия?

Заукель: Я никогда этого не отрицал, я бы хотел сказать, что я не возмущен выражению, но тому способу как вы временами это представляете. Совершенно ясно сказано, что они там обсуждались, вот что имели в виду под подготовкой.

Герцог: Один последний вопрос об этом предмете: какова ваша оценка числа голландских рабочих депортированных в Германию?

Заукель: Я не могу точно сказать по памяти о том, сколько голландских рабочих трудоустроили на основании контрактов с ними и на основании этих законов. Может быть, было 200000 или 300000, может быть больше. Я не могу сказать вам навскидку, какими были эти голландские цифры.

Герцог: Спасибо. Верно, что принудительная вербовка зарубежных рабочих производилась с жестокостью?

Заукель: Относительно инструкций, которые я принимал, вчера это обсудили адекватно и четко. Мои инструкции почти полностью доступны и прекращение любой жестокой вербовки, которая…

Председатель: Подсудимый, вас спросили не про ваши инструкции, а спросили о том демонстрировалась ли жестокость. Если вам известно, вы можете ответить.

Заукель: Я не мог знать. Время от времени я слышал об эксцессах, и я сразу же останавливал их и снова протестовал против них, когда я слышал о них.

Герцог: У вас есть сведения о протестах касательно способа, которым производилась вербовка на оккупированных территориях?

Заукель: Я получал протесты, и это вчера обсуждали с моим защитником.

Герцог: И когда вы получали такие протесты, что вы делали?

Заукель: Я расследовал такие случаи и оставлял любые последующие меры на заинтересованные власти. Я делал всё со своей стороны, чтобы предотвращать и прекращать подобные происшествия, и об этом можно и будут здесь свидетельствовать.

Герцог: Верно, что вы обратились за помощью к Вермахту, чтобы обеспечить вербовку зарубежных рабочих?

Заукель: В тех районах, где Вермахт осуществлял юрисдикцию я передавал военным командирам или главнокомандующим, через генерал-квартирмейстера армии, инструкции, полученные мной от фюрера.

Герцог: Верно, что вы просили военные власти предоставить в распоряжение ваших ведомств и служб войска?

Заукель: У меня нет никаких воспоминаний о войсках, но там были трудовые части. Это, правда, что в районах, где были мятежи или партизанская борьба я просил о том, чтобы был восстановлен порядок, для того, чтобы нарушенное или прерванное управление было восстановлено.

Герцог: Поэтому вы просили о том, чтобы войска предоставили в ваше распоряжение?

Заукель: Не в моё распоряжение. Моя задача заключалась в том, чтобы навести порядок на этих территориях. Я объяснял, что это являлось существенным для выполнения моих задач и что я мог выполнять их если бы подобающее управление снова было возможно в результате создания порядка.

Герцог: Вы не просили, чтобы такие войска участвовали в задачах поставленных службе по вербовке рабочей силы? Я представляю вам документ номер F-815, который я предъявляю под номером экземпляра RF-1514. Это письмо от 18 апреля 1944 от генерал-фельдмаршала фон Рундштедта[73] адресованное вам. Я читаю из него первый параграф:

> «От генерального уполномоченного по распределению рабочей силы…» - то есть вас, не так ли?

Заукель: То есть меня, но также существовало другое ведомство во Франции…

Герцог:

> «…поступила просьба о том, чтобы к командующему на Западе обратились с тем чтобы в секторах, где имеются части относящиеся к командующему на Западе, командиры данных частей получили приказы поддерживать выполнение задач поставленных распределению рабочей силы предоставляя войска».

Вы всё еще отрицаете, что просили о том, чтобы войска передали в ваше распоряжение?

Заукель: Лично я их не просил. Кажется это было административное учреждение Запада.

Герцог: Вы не генеральный уполномоченный по распределению рабочей силы?

Заукель: Да, но этот приказ мне лично неизвестен.

Герцог: Вам известно были ли эта просьба поддержана подсудимым Шпеером?

Заукель: Не могу вам сказать.

Герцог: Я предъявляю вам документ номер PS-824…

Председатель: Вероятно, вам лучше приобщить его после перерыва.

[*Объявлен перерыв до 14 часов*]

Вечернее заседание

Герцог: Господин председатель, мне кажется, что у господина Додда есть заявление

---

[73] Герд фон Рунштедт (1875 — 1953) — немецкий генерал-фельдмаршал времён Второй мировой войны. Командовал крупными соединениями в европейских кампаниях. В начальной фазе операции «Барбаросса» командовал группой армий «Юг».

для трибунала.

Додд: Документ номер PS-3057, о котором господин Герцог спрашивал подсудимого этим утром, находился в документальной книге предъявленной Соединенными Штатами в связи с программой рабского труда, но он не был приобщён в качестве доказательства, и я нашёл ссылку на запись на странице 1397 из расшифровки[74] от 13 декабря 1945 и председатель трибунала в частности спросил меня, почему мы не прочитали документ PS-3057. Я ответил, что мы намеревались его приобщить, но защитник подсудимого Заукеля сказал мне, что его клиент утверждает, что его принудили сделать заявление, и по этой причине мы предпочли не приобщать его и не приобщили его.

Председатель: Я хочу объявить, что трибунал закроется этим вечером в половине пятого, чтобы заседать в закрытом режиме.

Заукель: Мне позволят дать объяснение этому документу?

Герцог: О каком документе вы говорите?

Заукель: Я ссылаюсь на письмо от фельдмаршала фон Рундштедта. Данный документ представляет письмо которое адресовано мне…

Председатель: Я не слышал, чтобы вы задали какой-либо вопрос. Вы задали свой вопрос?

Герцог: Да, господин председатель. Это документ, который я представил прямо перед перерывом и документ показывает, что чиновник ответственный за вербовку рабочей силы и распределение рабочей силы – то есть он сам – просил, чтобы войска были переданы в его распоряжение.

Председатель: Вы имеете в виду документ F-815? Да, очень хорошо.

Герцог: Господин председатель, это так.

[*Обращаясь к подсудимому*] Я спросил, признаёте ли вы то, что данный документ устанавливает тот факт, что вы просили войсковые подразделения.

Заукель: Что касается данного вопроса я не могу ответить точно, так как лично я не получал это письмо. Вместо этого его направили в Париж в местное ведомство. Это письмо без моих инициалов. Но с целью внести ясность в свою позицию, я бы хотел особо подчеркнуть, что я не требовал войск, чтобы вербовать рабочих. Я просил войска, когда в определенных районах административные процедуры нельзя было проводить из-за деятельности сопротивления, и т. д. В связи с этим есть ошибка в данном письме фельдмаршалу фон Рундштедту. Но лично я не получал этот ответ. Он отмечен ведомством военного командующего в Париже.

Герцог: Я предъявляю документ F-824, который я вручаю трибуналу как экземпляр RF-1515. Этот документ F-824, письмо от командующего на Западе, из его ставки, датированное 25 июля 1944. Я цитирую:

«Из этого можно сделать вывод, что по приказу фюрера, и после

---

[74] См. Стенограмма Нюрнбергского процесса. Том II / Пер. с англ. и составление — Сергей Мирошниченко @ Военная литература (militera.lib.ru), 2019. — (Первопубликация), стр. 517.

> отмены всех других распоряжений, пожелания генерального уполномоченного по распределению рабочей силы…».

Этот генеральный уполномоченный по распределению рабочей силы вы сами, не так ли?

> «…и рейхсминистра Шпеера должны принципиально выполнять. Согласно моему телеграфному сообщению, на основании совещания министров 11 июля в рейхсканцелярии, касательно которого командующий на Западе сообщил военного командира, следующие директивы вступают в силу с настоящего момента:
>
> Не принимая во внимание оправданные сомнения, касательно безопасности и порядка внутри страны, повсюду где имеются возможности изложенные в телеграмме, должна начаться вербовка. В качестве единственного исключения фюрер решил о том, чтобы в фактическом районе боевых действий не использовались никакие методы принуждения к населению до тех пор пока последнее полезно для Вермахта. С другой стороны, вербовка из добровольцев среди беженцев из районов боевых действий должна проводиться энергично.
>
> Более того, будут считаться оправданными все средства для того, чтобы повсеместно завербовать как можно больше рабочей силы средствами имеющимися у Вермахта».

Вы снова отрицаете, что по вашей просьбе и просьбе рейхсминистра Шпеера, войсковые подразделения проводили вербовку рабочей силы?

Заукель: Я бы хотел заметить в связи с этим, что я не оспариваю, то, что было описано. Тогда главнокомандующий находился под давлением сражения и эвакуации населения. Но я могу свидетельствовать, что после даты 25 июля 1944 эти вещи больше не применялись, так как отступление германских войск было слишком быстрым, а значит данное распоряжение, которое было принято фюрером, больше не действовало.

Герцог: Вы помните совещание, совещание министров от 11 июля 1944, на которое ссылается документ, только что прочитанный мной.

Заукель: Да, припоминаю.

Герцог: Вы помните лиц, присутствовавших на том заседании?

Заукель: Не всех.

Герцог: Я предъявляю вам стенограмму этого заседания. Это документ PS-3819, который вручили трибуналу под номером…

Председатель: Трибунал хотел бы, чтобы вы прочитали последний отрывок в документе F-824 – то есть, не последний, а последний на странице, начиная с «Afin…». Это на странице 346 французского перевода.

Герцог:

> «Для того, чтобы сделать предпринимаемые меры как можно более

эффективными, войска следует информировать о необходимости организации «Arbeitseinsatz»[75] для того, что они могли подавлять многочисленные акты скрытого и открытого сопротивления. Полевые командиры и учреждения военной администрации должны предоставлять всевозможную помощь делегатам генерального уполномоченного по распределению рабочей силы и воздерживаться от вмешательства в их деятельность, которая соответствует инструкциям. Следовательно, прошу вас дать необходимые указания об этом…».

Вы всё ещё отрицаете, что по вашей просьбе армия использовалась для вербовки рабочих?

Председатель: Также на следующей странице есть отрывок с дополнительной заметкой, параграф 1.

Герцог:

«Дополнительная заметка командующего на Западе.

23 июля командующий на Западе доложил начальнику ОКВ[76] следующее:

1) Несмотря на беспокойство, касающееся внутренней безопасности, я разрешил применение соглашения Заукеля-Лаваля от 12 мая 1944.

2) Я издам дальнейшие инструкции по применению данных мер в районе боевых действий по согласованию с OKW/WFSt[77]/Qu. (Verw. 1) 2 (Запад) номер 05201/44, секретно, от 8 июля 1944.

Командующий на Западе, подписано фон Клюге, фельдмаршал.

Дальнейшие инструкции последуют. Для командующего на Западе. Начальнику генерального штаба» и т. д.

Теперь я возвращаюсь к совещанию от 11 июля 1944. Я предъявляю вам документ номер PS-3819, предъявленный под номером экземпляра GB-306. Трибунал найдёт это в документе PS-3819 в первой части моей документальной книги. Он представляет стенограмму совещания министров, которое состоялось 11 июля 1944 в Берлине, собрания министров, начальников партии и администрации.

Вы найдёте на странице 6 французского перевода список всех лиц присутствовавших там. Вы помните кто, среди подсудимых, присутствовал? Вы опознаёте подпись подсудимого Функа? Подсудимого Шпеера?

Заукель: Я пока не нашёл.

Герцог: Вы нашли их?

---

[75] «Распределение рабочей силы» (нем.) – политика принудительного труда в Германии основанная на замещении призванных в армию рабочих как немецкими, а чаще всего рабочими с оккупированных территорий.

[76] Верховное главнокомандование вермахта - центральный элемент управленческой структуры вооружённых сил Германии в 1938—1945 годах.

[77] Сокр. от Wehrmachtführungsstab\quartermeister – отдел квартирмейстера оперативного штаба Вермахта, управление ОКВ.

Заукель: Я пока не нашёл подпись Шпеера.
Герцог: Подсудимый Шпеер присутствовал на этом совещании?
Заукель: Я не могу вам сказать по памяти. Я не могу найти его имя.
Герцог: Вы сами присутствовали на этом совещании?
Заукель: Да, я участвовал.
Герцог: Вы помните предложения, которые, во время совещания генерал Варлимонт[78] сделал вам от имени генерального штаба? Вы помните свой ответ на эти предложения?
Заукель: Я вспоминаю беседу между генералом Варлимонтом и мной по этому поводу, и я давал ответ; но я не могу привести его дословно, не имея в своём распоряжении каких-то данных.
Герцог: Что же, я собираюсь прочитать вам текст. Это на странице 10. Трибунал найдёт это внизу страницы:

> «Представитель начальника ОКВ, генерал Варлимонт, сослался на недавно принятый приказ фюрера, согласно которому все германские войска должны были принимать участие в задаче вербовки рабочей силы. Всюду где расквартирован Вермахт, если его не используют исключительно при исполнении военных обязанностей (как, например сооружение береговой обороны), он будет доступен, но не специально предназначен для целей генерального уполномоченного по распределению рабочей силы. Генерал Варлимонт внёс следующие практические предложения:
> а) Войска используемые в борьбе с партизанами должны дополнительно принять задачу вербовки рабочей силы в партизанских районах…».

Заукель: Пожалуйста, скажите мне, где это. У меня нет такого отрывка на этой странице. Пожалуйста, вы покажите мне страницу?
Герцог: Я покажу вам её. Также укажу на неё переводчику.
Заукель: Да, я нашёл место о генерале Варлимонте, но в немецком переводе это звучит совершенно по-другому нежели то, что прочитали вы.
Герцог: Это на странице 3. Вы нашли это?
Заукель: Да.
Герцог: Тогда я возобновлю его зачитывать.

> «а) Войска используемые в борьбе с партизанами должны дополнительно принять задачу вербовки рабочей силы в партизанских районах. Всякий кто не сможет представить удовлетворительной причины своего пребывания в таких районах подлежит

---

[78] Вальтер Варлимонт (1894 — 1976) — немецкий военный деятель, генерал артиллерии (1 апреля 1944), заместитель начальника штаба оперативного руководства в ОКВ (1939—1944). Осужден американским трибуналом к пожизненному заключению. В 1954 отпущен на свободу.

> принудительной вербовке».
>
> b) Когда крупные города полностью или частично эвакуируются в связи со сложностями в обеспечении продовольствием, такое население которое, пригодно для работы, следует использовать для работы при содействии Вермахта.
>
> c) Особые усилия по вербовке рабочей силы среди беженцев из районов близких к фронту следует предпринимать при помощи Вермахта».
>
> Гауляйтер Заукель принял эти предложения с благодарностью и выразил надежду, что эти средства дадут результаты».

Вы всё еще продолжаете заявлять, что Вермахт не сотрудничал в вербовке рабочей силы?

Заукель: Я не отрицал, что в районе боевых действий, и с целью поддержания порядка в тыловых районах, предлагали эти меры, но они не осуществлялись.

Герцог: Что же, я собираюсь представить документ, который ссылается на 3 или 4 дня после данной встречи министров. Это телеграмма от подсудимого Кейтеля, документ номер F-814, который я предъявляю трибуналу под номером экземпляра номер RF-1516. Это телеграмма адресованная подсудимым Кейтелем всем военным командующим. Я обращаю ваше внимание на тот факт, что она содержит штамп трудового управления военного командующего во Франции. Она датирована 15 июля и здесь её текст…

Председатель: Господин Герцог, некоторые из этих документов без закладок и совершенно невозможно найти их пока вы не скажете нам, где они находятся.

Герцог: Я сделал закладки только в тех документах, которые я намерен использовать несколько раз, для того, чтобы трибунал смог легко их найти. Иначе, документы должны быть в том порядке, в котором я их использую. Документ F-814, таким образом, если не ошибаюсь должен быть сразу после документа PS-3819.

Председатель: Вы имеете в виду 3819?

Герцог: На самом деле он после документа отмеченного документ RF-15; это четвёртый документ после документа F-814.

Председатель: У нас после него 815; после RF-15, у нас документ F-815.

Герцог: Господин председатель, после 815 у нас документ F-823, затем F-824 и F-814.

Председатель: Да, да, теперь я вижу его.

Герцог: Данный документ содержит инструкции, которые Кейтель принял в связи с этой встречей руководителей. Я читаю второй параграф:

> «Нынешняя обстановка требует использовать все подходящие средства для получения дополнительной рабочей силы, потому как в первую очередь бойцам приносят пользу все мероприятия по вооружениям. В виду данного факта, все вопросы касающиеся

> внутренних беспорядков, роста сопротивления и подобных вопросов следует отодвинуть на задний план. Мы должны сконцентрироваться на предоставлении любой возможной помощи и поддержки генеральному уполномоченному по распределению рабочей силы. Я ссылаюсь на свои директивы о взаимодействии с Вермахтом при получении рабочих из Франции».

Вы всё также утверждаете, что Вермахт не использовался для вербовки рабочей силы?

Заукель: Я должен снова подчеркнуть, что я не оспаривал то, что эти вещи планировали и приказывали. Я не оспаривал данный факт, и мне хотелось бы подчеркнуть это снова. Но эти меры не осуществлялись, и я это тоже хотел бы подчеркнуть. И кроме этого, не я направлял эту телеграмму.

Герцог: Правильно сказать, что германская полиция начала предпринимать шаги, чтобы вербовать зарубежных рабочих?

Заукель: Насколько полиция осуществляла свои меры в подробностях мне неизвестно, но мне известно, что она осуществляла некоторые меры по своему усмотрению.

Герцог: Но разве неправда, что вы рекомендовали вашим ведомствам налаживать контакт с начальниками полиции, СД и СС?

Заукель: Я считал и СД и полицию обычными и оправданными учреждениями, и я должен был при необходимости просить их помощи.

Герцог: Следовательно, вы признаёте, что вы рекомендовали своим ведомствам налаживать контакт с начальниками полиции, СД и СС для выполнения своих задач?

Заукель: Чтобы поддерживать меня в моих задачах только там где было нужно упорядоченное участие или использование полиции с административной точки зрения – не для вербовки рабочих как таковой, а только, чтобы устранять трудности и неполадки в администрации.

Герцог: Я снова задаю вам вопрос и я прошу вас отвечать «да» или «нет». Вы рекомендовали своим ведомствам налаживать контакт с начальниками полиции, СС и СД?

Заукель: Я могу ответить на этот вопрос уверенным «да» - по поводам, когда было необходимо вызывать полицейскую помощь, не для того, чтобы выполнять саму задачу.

Герцог: Правда, что начальники германской полиции помогали на совещаниях которые вы проводили с французскими властями касательно вербовки рабочей силы?

Заукель: Иногда представители высшего руководителя СС и полиции просто присутствовали, также как и в случае французов где присутствовали министр внутренних дел или министр полиции. Я не требовал и не предлагал этого.

Герцог: Но вы признаёте, что представители германской полиции присутствовали на этих дискуссиях? Вы может привести имя одного из таких представителей? Вам известен штандартенфюрер Кнохен[79]?

Заукель: Штандартенфюрер Кнохен находился в Париже, и между делом он присутствовал на таких совещаниях.

Герцог: Верно, что начальники германской полиции присутствовали на совещаниях, которые германские власти проводили относительно трудовых проблем?

Заукель: По моим воспоминаниям они присутствовали на различных совещаниях, но это случалось по предложению военного командующего, под руководством которого проходили эти совещания.

Герцог: На совещании начальников от 11 июля 1944, которое мы только, что упоминали в документе PS-3819, был представитель полиции?

Заукель: Вы имеете в виду встречу в Берлине?

Герцог: Да, берлинская встреча 11 июля 1944.

Заукель: Мне кажется Кальтенбруннер присутствовал на этом совещании. Заседание было созвано рейхсминистром Ламмерсом.

Герцог: Вы никогда не просили Гиммлера в присутствии фюрера о помощи СС в вербовке рабочей силы?

Заукель: На дискуссии с фюрером в январе присутствовал рейхсфюрер СС Гиммлер. По этому поводу, насколько могу вспомнить, я указывал на то, что программа на 1944 год, которая подготовлена фюрером, не могла быть выполнена мною, если бы партизанская угроза и беспорядки в определенных районах не были устранены. И это, конечно могли сделать власти которые имели там компетенцию.

Герцог: Следовательно, вы признаёте, что просили рейхсфюрера СС Гиммлера предоставить его полицейские силы в ваше распоряжение?

Заукель: Нет, так неправильно говорить. Я должен возразить вам в этом. Ни я, ни мои ведомства не могли иметь в своём распоряжении полицейские силы. Я просто попросил помощи в тех районах, где мне предполагалось проводить административные меры и где в первую очередь были нужны умиротворение и восстановление порядка. В противном случае, я бы не смог выполнять свою задачу.

Герцог: Я собираюсь показать вам документ номер PS-1292. Он уже предъявляен трибуналу под номером экземпляра USA-225. Это стенограмма заседания состоявшегося в присутствии фюрера 4 января 1944. В моей документальной книге это немного дальше отмеченного документа и он тоже отмечен закладкой.

На странице 3 французского текста, странице 5 немецкого текста, вы заявляли:

«В основном успех будет зависеть от того какие германские

[79] Гельмут Кнохен (1910 — 2003) — штандартенфюрер СС, профессор литературы и доктор философии. Начальник полиции безопасности и СД во Франции в 1942-1944. Американским и французским трибуналом был приговорён к смертной казни. Помилован и освобождён в 1962 году.

> исполнительные силы будут доступны. Мою акцию нельзя провести при помощи местных исполнительных сил».

Вы узнаёте данное заявление?

Заукель: Пожалуйста, вы укажите мне на место? Я пока не нашёл. Какая страница на немецком языке?

Герцог: Это должно быть на странице 5 текста, который вам вручили.

Заукель: Да, это правильно. Это заявление, довольно сокращенное заявление, наверное сделанное рейхсминистром Ламмерсом. Но я бы хотел категорически сказать, что это можно интерпретировать только так: в таких районах, которые являлись тогда очень многочисленными, я не мог ввести администрацию до тех пор пока исполнительные силы не восстановят порядок. Следовательно, данное заявление здесь не совсем правильно представлено.

Герцог: Подсудимый Заукель, только вчера вы сказали нам, что являлись бывшим рабочим. Вы когда-нибудь считали, что рабочего можно приводить на работу в наручниках?

Заукель: Нет, я никогда не думал о такой вещи. Сейчас я впервые слышу, что я предположительно должен был направлять или направлял рабочих на свои рабочие места в наручниках. Я этого не помню. В любом случае, я никогда не распоряжался о чём-либо таком, это всё, что я могу сказать.

Герцог: 30 августа 1943 вы выступили в Париже перед штабами по распределению рабочей силы, которые вы создали во Франции. Я даю вам документ номер F-816, который я предъявил трибуналу этим утром, и я снова прошу вас взглянуть на него. Я прошу вас прочитать…

Господин председатель, думаю я ошибся. Не думаю, что я предъявил данный документ, и поэтому я предъявляю его сейчас, под номером экземпляра RF-1517.

[*Обращаясь к подсудимому*] Пожалуйста, посмотрите на страницу 10 фотокопии, которую вам дали – страницу 38 французского перевода, последняя строка на странице:

> «Самые суровые меры для вербовки рабочей силы – полицейская акция или использование наручников – нам нужно применять самым ненавязчивым образом».

Это то, что вы заявили 30 августа 1943 штабам распределения рабочей силы на их собрании в Париже.

Заукель: Я не нашёл место. Пожалуйста, вы покажете мне его?

Герцог: Это на странице 10, почти 14 строчек ниже. Вы теперь нашли?

Заукель: Да, нашёл.

Герцог: И вы считали, что наручники можно было использовать для вербовки рабочей силы?

Заукель: Это может быть заявлением только относительно случаев огромного

сопротивления государственным полномочиям или осуществлению некой административной акции. Опыт показывает нам, что это оказалось нужным во всём мире. Я просто сказал, что всё нужно делать упорядоченно и корректно. Я не назвал это правило подлежащим применению к вербовке рабочей силы. По-другому этого не понять.

Герцог: Но вы сказали это сотрудникам распределения рабочей силы во Франции. Трибуналу судить об этом.

Заукель: Да, но это следует интерпретировать как подлежащее применению если бы было огромное сопротивление исполнительной власти, в противном случае это никогда не планировали.

Герцог: Трибунал сформирует своё мнение.

Подсудимый Заукель, вы когда либо создавали какую-нибудь особую полицию для вербовки рабочей силы?

Заукель: Нет, я не создавал никакой особой полиции, я объяснял это вчера. Это было предложение, внесённое самими французскими частями для самозащиты. На совещании я преувеличил и назвал это «полицией», но она не являлась полицейской силой.

Герцог: Вы слышали о «Комитете по социальному миру»?

Заукель: Да, это обсуждали.

Герцог: Вы слышали о комитете называемом как «Лига социального порядка и справедливости»?

Заукель: Да.

Герцог: Вы когда-нибудь готовили какой-либо приказ или направляли какие-нибудь инструкции, которыми рекомендовали учреждение таких комитетов?

Заукель: Да, это было предложено мной и обсуждалось. Насколько я помню, это было весной 1944.

Герцог: И вы утверждаете, что никогда не создавали эти комитеты и не готовили никаких инструкций касательно создания этих комитетов?

Заукель: Я уже сказал, что я сделал это.

Герцог: Вы признаёте, что вы готовили инструкции касательно формирования этих особых полицейских сил?

Заукель: Это было сделано на основании дискуссий, которые я проводил с французскими подразделениями.

Герцог: Значит, вы это сделали?

Заукель: Да, по согласованию с этими французскими подразделениями.

Герцог: Очень хорошо.

Я предъявляю трибуналу документ номер F-827, под номером экземпляра RF-1518. Это инструкции подсудимого Заукеля по формированию этих особых полицейских сил. Документ состоит из нескольких сборников инструкций. На странице 6, есть приказ подсудимого Заукеля от 25 января 1944.

Председатель: Где это?

Герцог: На странице 6, сразу после документа 1292 в моей документальной книге, вы найдёте инструкции подсудимого Заукеля. Я читаю:

«Берлин, 25 января 1944. Секретно.

Предмет: Формирование охранного корпуса для выполнения задач распределения рабочей силы во Франции и Бельгии в течение 1944.

1) Военному командующему во Франции, Париж.

Военному командующему в Бельгии и северной Франции, Брюссель.

Для того, чтобы обеспечить осуществление необходимых задач распределения рабочей силы в Бельгии и Франции, особенно переводов в Германию и усилить исполнительные власти, во Франции и Бельгии должен быть создан охранный корпус, «Комитет социального мира». Данный охранный корпус должен состоять из местных сил с ядром из германской полиции, которая будет выступать в качестве руководства. Данный охранный корпус будет состоять приблизительно из 5000 человек во Франции, и приблизительно 1000 человек в Бельгии. Я представляю следующие предварительные инструкции по формированию данного охранного корпуса и выполнению его задач:

I. Отбор членов охранного корпуса.

«Отбор проходит в тесном сотрудничестве с компетентными отделами полиции и СД, которые одобряют кандидатуры, в особенности с точки зрения их лояльности. Отбор в особенности проходит среди членов политических движений благожелательно расположенных к сотрудничеству с Германией.

II. Организация охранного корпуса.

Охранным корпусом будут руководить центральные ведомства созданные в Париже и Брюсселе. Главы этих ведомств будут назначены мной» - то есть, вами, подсудимый Заукель – «Они будут получать приказы от моих делегатов во Франции. В исключительно полицейских вопросах, охранным корпусом будет руководить высший руководитель СС и полиции. Региональные группы охранного корпуса будут получать приказы от командиров германских полицейских сил, и последние будут получать технические указания от Feldkommandantur[80] и от вербовочных ведомств, что касается их участия в задачах распределения рабочей силы. Германская полиция и службы СД рассмотрят инструкцию в полицейских вопросах; техническая подготовка, что касается распределения рабочей силы, предоставляется настолько насколько потребуется экспертами

[80] «Полевая комендатура» (нем.)

Feldkommandantur и вербовочных ведомств.

Члены охранного корпуса не носят форму, однако, будут иметь огнестрельное оружие.

III. Исполнение приказов.

Члены охранного корпуса назначенные в вербовочные ведомства или Feldkomrnandantur должны использоваться таким образом, чтобы обеспечивать максимальную эффективность исполнения приказанных мер. Например, их должны немедленно информировать, если француз, которого вызвали в германское ведомство не явился. Они должны устанавливать место жительства данных лиц и доставлять их в соответствии с инструкциями руководителя германской полиции. Кроме того, они должны немедленно разыскивать всех тех, кто отказался явиться по повестке, и тех кто расторг свои контракты. В интересах эффективного исполнения, уместно, чтобы они регулярно получали списки вызванных лиц и лиц подлежащих службе, что позволит им действовать незамедлительно в тех случаях где германские директивы не выполняются.

Следует предполагать, что такие быстрые методы, в сочетании с подходящим наказанием и немедленной публикацией о наказаниях, окажут более сильный устрашающий эффект нежели тот которого добиваются сейчас выслеживая людей потом. Кроме того, члены охранного корпуса должны сообщать германским ведомствам о любых затруднениях в вербовке…»

Подсудимый и всё это, подписано «Заукель». Вы всё ещё заявляете, что вы не формировали особый охранный корпус во Франции и Бельгии?

Заукель: Я уже говорил вчера своему адвокату, что по согласованию с французскими организациями создавались такие охранные корпуса, для того, чтобы с одной стороны те, кто хотел работать можно было защитить, и с другой стороны можно было осуществлять административные меры. Поскольку сами французы заявляли о том, что готовы и желали сотрудничать, я не видел в этом ничего неблагоприятного или что-то неправильное.

Это должно было облегчить условия для самого местного населения.

Герцог: Я прошу вас ответить на мой вопрос «да» или «нет». Вы признаёте, что вы создали данную особую полицейскую службу?

Заукель: Я признаю, что я предложил данный охранный корпус, и что он был создан, но в небольшом размере.

Герцог: Это правда, что вы принимали инструкции или налагали меры по тюремному заключению в отношении тех кто уклонялся от обязательной трудовой службы?

Заукель: Сам я их не принимал, но скорее французское правительство. Это верно,

так как для каждой оккупированной территории - и это правда во всём мире – оккупационную власть следовало уважать.

Герцог: Правда, что вы требовали, чтобы смертную казнь применяли например к тем чиновникам, которые затрудняли вашу акцию?

Заукель: Правда, что на совещании с французским премьером Лавалем, я требовал, посредством переговоров, смертной казни в случаях самых серьезных помех.

Герцог: Тогда вы признаёте, что вы требовали применения смертной казни в случае этих чиновников?

Заукель: Да, если речь шла о серьезном саботаже – по закону военного времени.

Герцог: Правда, что ваша задача заключалась в том, чтобы получать необходимую рабочую силу для германской военной промышленности?

Заукель: Это являлось одной из моих задач.

Герцог: В этом отношении вы являлись ответственным перед подсудимым Шпеером, министром вооружений и боеприпасов, в осуществлении своей задачи?

Заукель: Я являлся ответственным перед четырёхлетним планом и фюрером, и я имел инструкции от фюрера удовлетворять запросы рейхсминистра Шпеера настолько насколько возможно.

Герцог: Подсудимый Шпеер одобрял все эти шаги, которые вы предпринимали при вербовке рабочей силы?

Заукель: Во всяком случае, он соглашался или он требовал, чтобы рабочих предоставляли в его распоряжение. Однако, иногда, мы не совсем соглашались с тем как это нужно было делать, например, мы не соглашались с забронированными фабриками во Франции.

Герцог: Мы перейдём к этому позже. Я прошу вас рассказать мне, всегда ли у вас получалось удовлетворять требования о рабочих, которые предъявляли вам различные отрасли германской промышленности?

Заукель: Нет, у меня не всегда получалось.

Герцог: И когда у вас не получалось, заказы направленные вам подсудимым Шпеером имели приоритет над всеми остальными?

Заукель: Да, они должны были иметь приоритет.

Герцог: В связи с этим не случалось инцидентов? Например, не случалось, что какие-то транспорты с рабочими меняли своё место своего первоначального назначения по указаниям подсудимого Шпеера?

Заукель: Случалось, что, вопреки моим инструкциям, рабочие транспорты останавливали или переводили в другие районы или на другие фабрики. Но всегда ли приказ исходил от господина Шпеера или от комиссии по вооружениям или иного ведомства, мне неизвестно. Это не всегда шло от одного и того же ведомства.

Герцог: Однако, в своём допросе вы заявили, что первоначальное назначение этих транспортов иногда меняли для того, чтобы удовлетворить требования ведомств Шпеера. Вы это подтверждаете?

Заукель: Да, но я имел в виду нечто совершенно другое. В таком случае меня об этом информировали. Существовало два вида изменений или отклонений, те о которых я не знал и те, которые согласовали.

Герцог: Расскажите трибуналу, что понималось под системой «красного билета»?

Заукель: Система красного билета применялась, когда была потребность в рабочих, в основном специализированных или квалифицированных рабочих, которые должны были иметь приоритет над всеми остальными требованиями, потому что нужна была работа.

Герцог: Система красных билетов применялась к промышленности вооружений, не так ли?

Заукель: Система красных билетов применялась к промышленности вооружений.

Герцог: И она была создана по договорённости между вами и подсудимым Шпеером?

Заукель: По моему мнению, данная система была такой, которая всегда стремилась удовлетворить срочные запросы, существовали варианты, такие как списки или красные билеты. Изначально, существовали только списки, а красные билеты были добавлены распоряжением.

Герцог: Следовательно, вы признаёте, что в результате этих различных систем вы разделяете с подсудимым Шпеером ответственность за принуждение рабочих работать на германских фабриках для нужд войны, которую Германия вела против их родных стран?

Заукель: Я бы хотел особо подчеркнуть, что эта система красных билетов применялась не только к зарубежным рабочим, она применялась в особенности к немецким рабочим – квалифицированным немецким рабочим.

Герцог: Но она также применялась к зарубежным рабочим?

Заукель: Она также применялась к зарубежным рабочим, если они были специалистами и изъявляли своё желание.

Герцог: Расскажите трибуналу, что означало «блокирование» фабрик?

Заукель: Фабрика «блокировалась» если она производила товары, которые не являлись значимыми для войны или если это был вопрос, так называемых предметов роскоши.

Герцог: Я не думаю, что вы поняли мой вопрос. Чем являлись, например, «Ш» фабрики во Франции – фабрики забронированные Шпеером?

Заукель: «Предприятия Шпеера» известные как «Ш» фабрики – вы это имеете в виду?

Герцог: Да.

Заукель: «Предприятия Шпеера» были фабриками, которые работали на Шпеера во Франции, которые были согласованы французским министром Бишелоном, и они блокировались в части вербовки рабочей силы.

Герцог: Вы не оказывали сильное давление на подсудимого Шпеера, чтобы

заставить его отказаться от практики блокирования предприятий?

Заукель: Я просил и призывал его, но я не смог добиться успеха в прекращении блокирования этих фабрик.

Герцог: Вы когда-нибудь выносили вопрос перед Гитлером и настаивали на том, чтобы Шпеера освободили от должности?

Заукель: Да, я был очень настойчив у Гитлера по этому поводу, но я не добился успеха.

Герцог: В этой связи вы не просили фюрера усилить вашу власть за счёт подсудимого Шпеера?

Заукель: Я не просил общее расширение моих полномочий, но я просил о том, чтобы условия оставались такими как были раньше, так как – я прошу позволить объяснить это трибуналу – моя задача заключалась в том, чтобы доставлять рабочих из Франции в Германию – могу я сделать такое заявление:

Ведомства подчиненные Шпееру требовали от меня квалифицированных рабочих. Квалифицированные рабочие уже находились на фабриках, которые заблокировал Шпеер. Похожим производствам в Германии, конечно было бы хуже если бы вместо квалифицированных французских рабочих их обеспечили неквалифицированными рабочими или людьми без опыта в этой конкретной профессии. Я в любом случае должен был получать рабочих, но я считал мудрее для германской экономики получать для неё подходящих рабочих, а не рабочих которые являлись неквалифицированными.

Герцог: Я прошу трибунал вернуться к документу номер PS-3819, вторую часть PS-3819. Он состоит из двух писем, каждое адресованное фюреру, подсудимым Заукелем и подсудимым Шпеером, по данному предмету блокирования производств.

Прежде всего, я зачитаю трибуналу несколько отрывков из письма Заукеля, которое оказалось вторым.

Председатель: Эти два уже читали?

Герцог: Господин председатель, думаю их уже читали, я не могу это подтвердить, но мне так кажется. Документ номер PS-3819 уже предъявлен трибуналу под номером экземпляра GB-306. Если трибунал желает, я могу ограничить себя очень короткими отрывками.

Председатель: Вам не нужно читать их для цели вашего допроса подсудимого.

Герцог: [*Обращаясь к подсудимому*] В данном письме, на странице 27, вы спросили, можете ли вы получить в общем порядке развязанные руки для рационального использования рабочей силы.

Вы признаёте то, что просили фюрера развязать вам руки?

Заукель: Я не нашёл место. Я никогда бы не мог просить развязать руки, а просил разрешить вербовать как раньше. Я не могу найти место, откуда вы цитируете.

Герцог: Вы найдёте это на странице 27.

Заукель: В этом немецком тексте сказано: «В такой ситуации, абсолютно необходимо, чтобы у меня снова были развязаны руки». Это означает, что я должен был снова иметь развязанные руки, как было до введения блокированных производств. Это правильно, так как я был заинтересован в рациональном использовании рабочей силы.

Герцог: Это то, что я просил вас подтвердить. Вы просили, чтобы ваши полномочия были усилены за счёт имевшихся у со-подсудимого Шпеера? Ответьте «да» или «нет» если сможете.

Заукель: Я не понимаю вопрос. Получить их или просить о них?

Герцог: Просить о них.

Заукель: Да, я просил их, так как они являлись преимуществом Шпеера.

Герцог: Вы просили это?

Заукель: Да, я просил их в интересах своих задач.

Герцог: И вы не помните, что по иным поводам, подсудимый Шпеер также просил, чтобы его полномочия были усилены за счёт ваших?

Заукель: Такое тоже могло быть.

Герцог: Вы заявили в своём допросе о самых тесных отношениях между Шпеером и Геббельсом после падения Сталинграда заставивших Шпеера в частности захотеть иметь вас в своём подчинении. Вы можете это подтвердить?

Заукель: Да.

Герцог: Это правда, что ваша главная программа по вербовке включала трудоустройство военнопленных?

Заукель: Трудоустройство военнопленных поскольку они могли и должны были работать находилось в ведении Вермахта.

Герцог: Вы помните распоряжение, которое мы упоминали этим утром, ваше распоряжение номер 10, которое вводило приказ о приоритете работы и давало приоритет вооружениям? Данный приказ также применялся к военнопленным?

Заукель: Как я вчера объяснял, это распоряжение являлось применимым к военнопленным только в результате обмена и в той мере как устанавливалось правилами работы принятыми ОКВ и мной в каталоге работ.

Герцог: Но статья 8 этого распоряжения устанавливает только то, что это применялось к военнопленным.

Заукель: Да, конечно, в соответствии с остальными распоряжениями, которые существовали, само собой.

Герцог: Вчера вы говорили нам об инспекциях. Это правда, что в сентябре 1943 вы пришли к договорённости с доктором Леем кастельно создания центральной инспекции для зарубежных рабочих?

Заукель: Да, в целях их социального обеспечения.

Герцог: Соответственно, вы признаёте себя ответственным за меры касательно обращения с зарубежными рабочими?

Заукель: Я ответственный за директивы, которые я принимал, все они доступны.
Герцог: Вы считаете себя ответственным за питание зарубежных рабочих?
Заукель: Я считаю себя ответственным за директивы, которые я принял относительно питания зарубежных рабочих. Само по себе питание этих людей не являлось задачей и ответственностью трудовых властей. Это являлось ответственностью фабрик или руководителей лагерей, которым фабрики поручали следить за этим.
Герцог: Я собираюсь предъявить вам документ номер PS-025. Данный документ предъявлен трибуналу под номером экземпляра USA-698. У вас он уже был вчера. Он включает доклад о заседании ведомства генерального уполномоченного по распределению рабочей силы – то есть, вас - 3 сентября 1942. Документ датирован 4 сентября.
Господин председатель, данный документ, в конце моей документальной книги, после документа F-827, последняя страница французского перевода. Я читаю:…
Председатель: Последняя страница это документ F-857, не так ли? Документ называется 857 – последняя страница, что есть у меня. Он прямо перед документом PS-2200. Вы его нашли? Это сразу после документа PS-1913.
Герцог: Господин председатель после документа PS-1913.
Председатель: Да.
Герцог: Я читаю:

> «Фюрер не понимает, что в борьбе за будущее Европы, страна, которая вынуждена нести бремя такой борьбы, страдает от голода; в то время как во Франции…».

Председатель: Это страница 1 или страница 4?
Герцог: Нет, господин председатель, на странице 4 французского текста – то есть, на последней странице.

> «Фюрер не понимает, что в борьбе за будущее Европы, страна, которая вынуждена нести бремя такой борьбы, страдает от голода; в то время как во Франции, в Голландии, в Венгрии, в Украине или где-либо ещё, нет речи голоде. Он желает, чтобы в будущем это изменилось. Что касается зарубежных рабочих проживающих в Рейхе – за исключением восточных рабочих – понемногу их пайки следует снизить и уравнять с их производительностью. Недопустимо, чтобы ленивые голландцы или итальянцы должны были получать более хорошие пайки, чем хорошие восточные рабочие. Руководящий принцип высшей производительности следует равным образом применять к питанию».

[*Обращаясь к подсудимому*] Я спрашиваю вас, что вы имеете в виду, когда заявили, что: «Руководящий принцип высшей производительности следует равным образом применять к питанию»?

Заукель: В Рейхе существовал стандартный паёк, который увеличивался дополнительными пайками, основанными на производительности или эффективности. Я боролся за принцип, чтобы эти дополнительные пайки, которые рабочие с Запада уже массово получали, следовало выдавать также и рабочим с Востока; и что там где западные рабочие – то есть, голландские и бельгийские рабочие не выполняли свою норму так как восточные рабочие, им должны были соответственно урезать дополнительные пайки, но не стандартный паек который также применялся к немецкому народу.

Герцог: Следовательно, вы считаете, что если производительность одного рабочего меньше чем у другого, его продуктовые пайки должны быть меньше. Так мне это следует понимать?

Заукель: Нет, такая интерпретация неправильная. Я бы снова хотел объяснить систему. В Германии каждый рабочий получал свой паёк установленный рейхсминистром продовольствия. В дополнение к нему существовали особые надбавки как премия за повышенную производительность. В начале эти дополнительные пайки не давали русским рабочим и здесь речь идёт об этих дополнительных пайках, не о голодающих людях или снижении их стандартных продуктовых пайков – дополнительных пайках за повышенную производительность.

Председатель: Вероятно, нам лучше прерваться.

[*Объявлен перерыв*]

Пристав: С позволения трибунала, сообщаю, что отсутствует подсудимый Рёдер.

Председатель: Господин Герцог, вы ожидаете завершить своей допрос до половины пятого?

Герцог: Да, господин председатель, думаю смогу даже раньше.

Председатель: Очень хорошо.

Герцог: Подсудимый Заукель, этим утром я приобщил в качестве доказательства документ номер F-810, который является отчётом о совещании, которые вы проводили 15 и 16 июля в Вартбурге с главами региональных трудовых управлений. Вы помните?

Заукель: Да, я помню.

Герцог: Вы помните, поднимался ли в ходе этого совещания вопрос о дисциплине подлежащей применению к рабочим?

Заукель: Возможно, что во время этого совещания – или совещаний – вопрос обсуждали. Я не могу точно вспомнить, я не участвовал во всех заседаниях.

Герцог: Вам известен министериальрат доктор Штурм?

Заукель: Министериальрат доктор Штурм лично мне неизвестен.

Герцог: Вы помните заявления доктора Штурма сделанные на этом совещании 15 и 16 июля?

Заукель: Я не могу вспомнить никакие конкретные заявления доктора Штурма.

Герцог: Я снова вручу вам стенограмму этого заседания. Это документ номер F-810, который был этим утром представлен под номером экземпляра RF-1507. Пожалуйста, вы посмотрите на страницу 25 немецкого текста. Это также страница 25 французской версии. Там вы видите – я читаю первую строку: «Штурм доложил о трудовой дисциплине в своём секторе».

Я перейду к следующей странице, где я читаю: «Мы работаем с Гестапо…»

Председатель: Где это?

Герцог: Господин председатель, документ F-810; это документ отмеченный…

Председатель: Я знаю, что это 806, но я думал, что вы говорили нам о последовательности.

Герцог: Сэр, 810, 810.

Председатель: Я нашёл.

Герцог: Страница 25.

Председатель: Да, продолжайте.

Герцог: С вашего разрешения, я начну снова.

«Штурм доложил о трудовой дисциплине в своём секторе…»

И на следующей странице: «Мы работаем с Гестапо и концентрационными лагерями и разумеется мы на верном пути».

Вы сделали какие-нибудь замечания о сказанном?

Заукель: Лично я не слышал заявление. Он представил специальный доклад по вопросам трудового законодательства, как сказано в начале. Я вижу запись впервые в жизни. Одновременно проходило несколько параллельных заседаний. Лично я это не слышал, но можно предположить, что нужно было ввести какое-то регулирование о наказаниях, как делалось в любом трудовом законодательстве.

Вероятно, я могу прочитать вам из этой же самой книги, начало:

> «Меры, регулирующие трудоустройство и заработную плату единственно возможны на основании здоровой рабочей морали. Регулирование дисциплинарного и штрафного характера ради обеспечения такой морали требует единообразного подхода, детали чего будут рассмотрены на следующих встречах экспертов по уголовному праву».

То есть, конечно, не одного из моих ведомств.

Герцог: Я спросил вас, что вы думали о заявлении доктора Штурма?

Заукель: Могу я прочитать в связи с заявлением доктора Штурма, в конце первой страницы…

Герцог: Пожалуйста, ответьте сначала на мой вопрос? Что вы думаете об этом заявлении?

Заукель: Я уже ответил.

Герцог: Пожалуйста, отвечайте на мой вопрос. Что вы думаете об этом заявлении?

Заукель: Мне неизвестно данное заявление, так как Штурм, мне кажется пришёл из какого-то другого ведомства. Мне неизвестно относился ли он к самому министерству труда или какому-то иному ведомству; этого я не могу сказать. Я не слышал этих заявлений…

Председатель: Следите за лампочкой. Вы не видите перед собой лампочку?

Герцог: Вы не помните соглашение, достигнутое между вами и главой полиции и СС о передаче Гестапо тех рабочих, которые являлись виновными в оставлении своей работы?

Заукель: Что же, в Германии должна была быть власть, которая занималась рабочими которые без разрешения покидали свои рабочие места. Это не мог делать никто кроме полиции, другого пути не было. В связи с данным документом я прошу разрешить прочитать кое-что ещё со страницы 1:

> «Помимо этого, количество наказаний применяемых властями к немецким рабочим, такие как выговоры, штрафы, концентрационные лагеря и юридические наказания, неожиданно относительно маленькое. По делам прокуратуры наказания насчитывают в среднем от 0,1 до 0,2 на каждую 1000 рабочих».

Герцог: Какое это имеет отношение к вопросу, который я задал вам о ваших отношениях с Гестапо и концентрационными лагерями?

Заукель: Но не было никакой другой власти кроме полиции, которая могла арестовывать если это было нужно и юридически обоснованно согласно решениям суда.

Герцог: Тогда, вы признаёте, что с вашего согласия Гестапо проводило аресты рабочих, которые нарушали то, что вы называли трудовым договором, и направляло их в концентрационные лагеря?

Заукель: Не в концентрационные лагеря, а в предписанное заключение. Наказания вводились в соответствии с определенными правилами. Я не заключал никакое другое соглашение.

Герцог: Я предъявляю в качестве доказательства документ номер PS-2200, который станет экземпляром номер RF-1519. Это служебная записка Гестапо адресованная районным сотрудникам полиции из округов Кёльна и Аахена. Она ссылается на борьбу против нарушений контрактов со стороны зарубежных рабочих. Господин председатель, это четвёртый документ с конца моей документальной книги. Я читаю из него:

> «Значительное количество непокорных зарубежных рабочих…представляет угрозу безопасности Рейха… В таких случаях всегда существует опасность настоящего саботажа …Рейхсфюрер СС и глава германской полиции достиг соглашения с генеральным уполномоченным по распределению рабочей силы о том, все

обвинения в уклонении в отношении зарубежных рабочих должны рассматриваться Гестапо.

…полицейские власти округа ожидают проверки всего, что относится к данному вопросу. Они уполномочены мной выдавать уклонистам предупреждение по приказу управления государственной полиции Гестапо Кёльна, и назначать исправительный арест до трёх дней по всем малозначительным делам. Инструкции, касательно отношения которое следует занимать к отдельным группам зарубежных рабочих следует отмечать…

В более серьезных случаях уклонения районные полицейские органы будут представлять материалы дел компетентному управлению Гестапо (Кельн, Аахен или Бонн) для решения. Гестапо будет расследовать дело и приказывать о необходимых мерах – аресте, направлении в исправительно-трудовые лагеря или концентрационные лагеря».

[*Обращаясь к подсудимому*] Вы всё также отрицаете, что с вашего согласия непокорных рабочих сначала передавали Гестапо и затем направляли в концентрационные лагеря?

Заукель: Я это не отрицал, но как сказано в первом параграфе, это происходило только при нарушении общественного порядка противоправными действиями, то есть в серьезных случаях, или когда происходили нарушения трудовых договоров. Никто кроме полиции не мог осуществлять розыск таких людей, и я считаю, что процедура должны была быть совершенно правильной.

Герцог: Вы думаете, что подходящей была процедура передачи зарубежных рабочих Гестапо и в концентрационные лагеря? Я отмечаю ваш ответ.

Заукель: Только в случае серьезных нарушений. В документе сказано: «В серьезных случаях». Такое требование возлагалось на меня.

Герцог: И в какое время вы узнали о жестокостях, совершавшихся в концентрационных лагерях?

Заукель: Я могу с чистой совестью сказать, что я получил сведения о жестокостях, совершавшихся в концентрационных лагерях здесь, после краха Рейха.

Герцог: Вы думаете, что тоже самое со всеми гитлеровскими шефами?

Заукель: Я не могу говорить за других. Лично я не знал о таких мерах, которые я презираю и о которых узнал только здесь.

Герцог: Вы думаете, что например рейхсфюрер СС Гиммлер, был осведомлен о жестокостях, совершаемых в концентрационных лагерях?

Заукель: Я не могу сказать, знал ли о них рейхсфюрер СС либо он сам их инициировал. За всё время своей карьеры я вряд ли, когда-либо говорил с рейхсфюрером СС, потому что наши личные отношения были довольно натянутыми.

Герцог: Вчера во время допроса своим защитником вы заявили, что однажды посещали концентрационный лагерь Бухенвальд[81]; не так ли?

Заукель: Да, в 1937 или 1938. Я не могу сказать вам сейчас по памяти.

Герцог: Вы заявляли о том, что совершили данный визит в компании итальянской комиссии, не так ли?

Заукель: Да, это правильно.

Герцог: Вам известно, что существует альбом официальных фотографий концентрационного лагеря Бухенвальд?

Заукель: Мне это неизвестно.

Герцог: Я предъявляю данный альбом в качестве доказательства трибуналу под номером экземпляра RF-1520. Он содержит номер документа D-565. Это документ британской делегации.

[*Обращаясь к подсудимому*] Вы узнаёте себя на этих фотографиях?

Заукель: Да, я узнаю себя на этой фотографии.

Герцог: С кем вы на ней?

Заукель: Это рейхсфюрер СС.

Герцог: Гиммлер?

Заукель: Да.

Герцог: Спасибо. И вы утверждаете, что гауляйтер и рейхсштатгальтер Тюрингии, посещавший концентрационный лагерь Бухенвальд в компании рейхсфюрера СС и – я обращаю на это ваше внимание – в компании коменданта лагеря, не имел сведений о происходившем в лагере?

Заукель: Я не могу сказать вам, когда сделана данная фотография и сделана ли она в самом лагере. Однажды я был снаружи лагеря вместе с рейхсфюрером СС, но никогда внутри лагеря с рейхсфюрером СС. Однажды я там был с итальянской комиссией.

Данная фотография не показывает, что проводилась инспекция. Вы видите выстроенные войска…

Герцог: Трибуналу решать об этом.

Я приобщаю в качестве доказательства под номером экземпляра RF-1521 сертификат устанавливающий происхождение данного альбома.

В октябре 1945 вас допрашивали об изгнании евреев из промышленности. Вы сказали это:

> «Я никогда не имел к этому никакого отношения. Я не имел никакого отношения к вопросу изгнания евреев из промышленности. Я не имел никакого влияния на данный вопрос. Для меня это загадка».

Вы можете подтвердить данное заявление?

---

[81] Бухенвальд — один из крупнейших концентрационных лагерей на территории Германии, располагавшийся близ Веймара в Тюрингии. С июля 1937 по апрель 1945 года в лагере было заключено около 250 000 человек. Бухенвальд имел 138 концлагерей-филиалов.

Заукель: Это совершенно правильно. Я не говорил о том, что изгнание евреев из промышленности было для меня тайной, я сказал, что по моим лучшим воспоминаниям, я не имел к этому никакого отношения.

Герцог: Ваш защитник вчера давал вам документ, документ номер L-61, о котором вы думали, что должны его оспаривать.

Заукель: Да.

Герцог: Ваше положение, выдвинутое против данного документа заключается в том, что он был датирован 1942 и касался вопроса до вашего назначения. Я правильно вас вчера понял?

Заукель: Приложения к документу рассматривают вопросы которые начались до того как я был назначен.

Герцог: Я приобщаю в качестве доказательства документ номер L-156, который станет экземпляром номер RF-1522. Это письмо написанное от имени четырёхлетнего плана, генеральным уполномоченным по распределению рабочей силы, вами. Оно датировано 26 марта 1942. Оно адресовано начальникам региональных трудовых управлений и рассматривает вопрос изгнания евреев. Оно начинается так:

> «По согласованию со мной и рейхсминистром вооружений и боеприпасов, рейхсфюрер СС, по причинам государственной безопасности, устранил со своих рабочих мест к концу февраля тех евреев кто не проживал в лагерях и кто работал в качестве свободных рабочих.
>
> Из них сформировали рабочие части или собрали для депортации. Для того, чтобы не ставить под угрозу эффективность данной меры, я воздержался заранее издавать какие-либо уведомления, и я уведомил только те региональные трудовые управления, в чьих округах еврейская рабочая сила использовалась в большом количестве.
>
> Чтобы иметь общий взгляд на влияние данных мер на положение с рабочей силой, я прошу предоставить мне с 31 марта 1943, ответы демонстрирующие сколько евреев были отстранены от работы, и сколько оказалось необходимо заменить другими рабочими.
>
> Приводя количество фабрик и евреев, трудоустроенных на них, следует учитывать ситуацию, существовавшую до эвакуации. Прилагаемая форма должна использоваться при подготовке докладов, и т. д.»

Вы всё еще говорите, что не принимали участия в вопросе изгнания евреев и их замещении зарубежными рабочими?

Заукель: Здесь я снова должен категорически заявить, что данное письмо никогда мне не представляли. У него нет никакой подписи и здесь снова оно исходит из подразделения рейхсминистерства труда на Саарландштрассе 96. Какой-то

сотрудник занимался там этим. Лично я абсолютно не помню никаких сведений о данном письме. Я не писал его, оно не исходит из моего ведомства, оно написано «по приказу» и подпись не моя.

Герцог: Пожалуйста, посмотрите на левый угол. Он говорит:

«Делегат четырёхлетнего плана, генеральный уполномоченный по распределению рабочей силы». Это не вы? Вы говорите о подчинённом. Вы пытаетесь сбросить ответственность на одного из своих подчиненных?

Заукель: Нет, я этого не хочу. Я просто хочу сказать, что бланк письма относится к какому-то ведомству, но я никогда не знал об этом письме. Я впервые в жизни его вижу, и лично я его не писал. Я могу сказать это под присягой.

Герцог: С данным письмом есть прилагаемая форма по замещению изгнанных евреев. Кто ещё кроме вас мог иметь к этому отношение, вы являлись генеральным уполномоченным по распределению рабочей силы?

Заукель: Да, моё ведомство – вчера я сказал своему защитнику, что моё ведомство конечно, должны было предоставлять пополнения, если рабочих забирали из концерна, либо в результате призыва на службу или других мер. Я не всегда знал о подробностях.

Герцог: Вы не ответили на мой вопрос, факт в том, что данное письмо…

Заукель: Да, я ответил на ваш вопрос как положено.

Герцог: Факт, что данное письмо содержит приложение относящиеся к замещению рабочих, не подтверждает, что оно исходит из вашего ведомства, вы являлись генеральным уполномоченным по распределению рабочей силы?

Заукель: Такая просьба не могла исходить из моего ведомства. Эвакуация евреев полностью являлась ответственностью рейхсфюрера СС, у меня были только трудности из-за таких мер, так как мне было очень сложно замещать рабочих. Я этим не интересовался.

Герцог: Короче, вы отрицаете, что когда-либо предлагали особые трудовые условия для евреев?

Заукель: Это именно то, что я отрицаю. Я не имел никакого отношения к этому. Это не являлось моей задачей.

Герцог: Пожалуйста, вы обратитесь ещё раз к документу номер F-810, который я предъявил под номером экземпляра RF-1507? Мы передадим вам это, если у вас этого нет. Пожалуйста, посмотрите на страницу 16, под заголовком «Гауляйтер Заукель». Я цитирую…

Заукель: У меня нет документа на руках – о, да, я думаю есть.

Герцог: Его передали вам 2 минуты назад. Если у вас его нет, его снова вам передадут.

Заукель: Пожалуйста, вы приведёте мне снова номер?

Герцог: Документ F-810, но я не думаю, что это отмечено на фотокопии, что есть у вас. У вас есть этот документ?

Заукель: Да.

Герцог: Под заголовком «Гауляйтер Заукель», я читаю – это на странице 16 документа:

> «Заукель категорически возражал, когда сказали о том, что заключенные концентрационных лагерей и венгерские евреи составляли лучшую рабочую силу на строительных работах. Это не соответствует действительности, потому что их производительность в среднем 65-70 процентов от работы обычного рабочего; никогда 100 процентов. Кроме того, недостойно ставить немецкого рабочего и немецкую моральную концепцию работы в один ряд с этой кучкой предателей. Для заключенного концентрационного лагеря и еврея работа не является признаком благородства. Нельзя допускать того, чтобы заключенные концентрационных лагерей и евреи становились товарами потребления. Абсолютно достаточно того, что все заключенные концентрационных лагерей и евреи, работающие на строительных площадках содержатся отдельно от остальных рабочих, включая иностранцев.
>
> Гауляйтер Заукель завершил, фактически отметив, что он не возражал трудоустройству евреев и заключенных концентрационных лагерей, но лишь при вышеупомянутых ограничениях».

Заукель, я спрашиваю вас, который вчера описывал свою рабочую жизнь, что вы имели в виду, когда говорили: «Для заключенного концентрационного лагеря и еврея работа не является признаком благородства»

Заукель: Я хочу категорически сказать, что данный параграф очень сжатый и вольно изложен и не является стенографическим протоколом. Я заявлял возражение, потому что я полагал, что заключенные концентрационных лагерей были бы предателями. Моя единственная цель заключалась в том, чтобы этих людей не должны были направлять в те же самые места, как и других рабочих, также и евреев. Но не я трудоустраивал их, это являлось делом рейхсфюрера СС. Я выступал на совещании руководителей и в интересах рабочих с чистым личным делом и остальных зарубежных рабочих. Я возражал их сбору для совместной работы.

Герцог: Я снова задаю данный вопрос. Что вы имели в виду, когда говорили: ««Для заключенного концентрационного лагеря и еврея работа не является признаком благородства»?

Заукель: Этим я подразумевал, что работа людей, которые признаны виновными в правонарушениях несравнима с работой свободных несудимых рабочих. Существует разница, если я трудоустраиваю заключенных под арестом или если я трудоустраиваю свободных рабочих и я хотел разделения двух категорий.

Герцог: Значит, евреи находились под арестом, не так ли?

Заукель: В данном случае евреи являлись заключенными рейхсфюрера СС.

Вообще-то я сожалею о выражении.

Герцог: Следовательно, вы оспариваете, что данная фраза являлась выражением враждебности, которую вы демонстрировали к евреям?

Заукель: Тогда, конечно, я был против евреев, но меня не касалось их трудоустройство. Я был против этих рабочих, чьим трудоустройством занимался рейхсфюрер СС, чтобы их ставили вместе с другими рабочими.

Герцог: Вы когда-либо вели какую-либо пропаганду против евреев?

Заукель: Я вёл пропаганду против евреев относительно их положения в Рейхе, которое как я считал должны были занимать немцы.

Герцог: Я представлю вам статью, которую вы написали в июне 1944, время, когда я думаю, в вашей Германии было немного евреев занимавших важные посты. Данная статья вышла в газете «Die Pflicht[82]», которую вы публиковали в гау Тюрингия. Это документ номер 857, который я предъявляю трибуналу как номер экземпляра RF-1523.

[*Документ передали подсудимому*]

Первый отрывок со страницы 1, колонка 1, предпоследний абзац:

> «Старые и славные достоинства моряков, лётчиков и солдат Великобритании больше не могут остановить еврейскую чуму разложения, которая создаёт язвы в теле их страны».

Затем на странице 2, колонка 2, предпоследний абзац:

> «В мировой истории не существует ни одного примера показывающего, что-то долговечное созданное за века евреями и их глупыми последователями, которые связаны с ними и испорчены их обычаями и их женщинами».

Подсудимый Заукель, я спрашиваю вас, что вы имели в виду под «еврейской чумой разложения»?

Заукель: Я имел в виду, что это являлось внешним признаком распада внутри нации.

Герцог: Я снова задаю вам свой вопрос. Что вы имеете в виду под «еврейской чумой разложения»?

Заукель: Я считал, что этот распад возникал в народах ввиду определенных еврейских кругов. В этом заключался мой взгляд.

Герцог: Трибунал сделает свои выводы. Господин председатель, у меня больше нет вопросов.

Александров: Я хочу подвести некоторые общие итоги вашей деятельности в качестве генерального уполномоченного по использованию рабочей силы.

Скажите, какое количество иностранной рабочей силы было занято в германском хозяйстве и промышленности к концу войны?

Заукель: К концу войны, если я могу говорить об этом без документов, в Германии

[82] «Долг» (нем.)

использовалось 5 миллионов иностранных рабочих, не считая военнопленных.

Александров: Вы эту цифру уже назвали своему защитнику во время допроса. Мне кажется, что вы называете цифру не к моменту капитуляции Германии, а по состоянию на 24 июля 1942 г. Я приведу несколько иные данные по этому вопросу, пользуясь вашими же собственными документами. Вы были назначены генеральным уполномоченным 21 марта 1942 г. 27 июля 1942 г., то есть спустя три месяца, вы представили Гитлеру и Герингу свой первый доклад. В этом докладе вы сообщили, что за время с 1 апреля по 24 июля 1942 г. задание по мобилизации 1 600 000 человек было выполнено вами с превышением. Вы эту цифру подтверждаете?

Заукель: Я назвал эту цифру и насколько я помню, она включала не только иностранцев, но также и немецких рабочих.

Александров: В заключительной части этого доклада вы сообщаете, что общее количество вывезенного в Германию населения оккупированных территорий по состоянию на 24 июля 1942 г. составляет 5 миллионов 124 тысячи человек. Эта цифра правильна, вы ее подтверждаете?

Заукель: Да, но мне кажется, что военнопленные, занятые в экономике, также были учтены. Затем в этой связи я должен сказать, что в случае нейтральных, союзных и западных стран существовал постоянный обмен, потому что эти рабочие также работали в Германии 6 месяцев, 9 месяцев или 1 год и в конце согласованного периода возвращались в свои страны. Вот почему, эта цифра может поправляться. Однако ближе к концу года, они не могли вырасти очень сильно, потому этот продолжающийся обмен следует учитывать.

Александров: Но факт тот, что по вашим же данным количество вывезенного населения оккупированных территорий в Германию составляло 5 миллионов 124 тысячи человек на 24 июля 1942 г. Это так?

Заукель: Если эта цифра записана, то это, очевидно, верно. Вполне возможно и вероятно, что учитывались и используемые на работах военнопленные. Я не могу этого сказать без каких-либо записей.

Александров: Я позже покажу вам этот и другие документы, относящиеся к этому вопросу. 1 декабря 1942 г. вы составили обзор: «Использование рабочей силы по состоянию на 30 ноября 1942 г». В этом обзоре вы называете цифру предоставленных германскому военному хозяйству рабочих за время с 1 апреля по 30 ноября 1942 г. в количестве 2 749 652 человек. На странице 8 вашего обзора констатируется, что уже по состоянию на 30 ноября 1942 г. на территории империи было занято 7 миллионов человек. Вы эти цифры подтверждаете?

Заукель: Да, но я не могу подтвердить эту цифру без документов и соответствующих материалов. Я опять-таки полагаю, что сюда включены французские и вообще другие военнопленные.

Александров: Но сама цифра 7 миллионов занятых в германском хозяйстве иностранных рабочих, хотя бы и включая военнопленных, она правильна?

Назовите теперь цифру ввезенной в Германию рабочей силы из оккупированных территорий за 1943 год.

Заукель: Рабочие, доставленные в Германию в течение этого года, должно быть, составляют от 1,5 до 2 миллионов человек. Вообще составлялись различные программы в этой области, которые все время изменялись.

Александров: Меня сейчас интересует, сколько было ввезено в Германию за 1943 год. Приблизительно, не обязательно называть точную цифру.

Заукель: Я уже сказал, от 1,5 до 2 миллионов. Я не могу сказать точно.

Александров: Понятно. Вы помните, какое задание было получено вами на 1944 год?

Заукель: В 1944 году требовалось использовать, включая и немцев, 4 миллиона человек, но из затребованных 4 миллионов было предоставлено всего лишь 3 миллиона и из них приблизительно 2 100 000 были немцами и 900 000 иностранцами.

Александров: Теперь вы можете назвать хотя бы некоторые общие итоги вашей деятельности? Сколько всего было ввезено населения в Германию из оккупированных территорий за время войны, и сколько было занято в хозяйстве и промышленности Германии к концу войны? Своему защитнику…

Заукель: Как мне было известно и как я припоминаю, в конце войны в Германии было 5 миллионов иностранных рабочих. Но ведь в течение войны несколько миллионов рабочих возвратилось обратно в нейтральные, союзные и западные страны, и их нужно было снова и снова замещать. Поэтому все время составлялись новые программы. Это следует объяснить таким образом, что рабочие, которые уже были в стране, будучи до моего назначения доставленными туда, правда, насчитывали 7 миллионов, но они возвращались к себе на родину в ходе войны.

Александров: Значительное число и погибло в результате изнурительного рабского труда. Я не это имею в виду сейчас. Вы в своих документах, очевидно, писали о реальной рабочей силе, а не о мертвецах и не об отсутствующих? Можете ли вы назвать, сколько всего за время войны было ввезено в Германию из оккупированных территорий?

Заукель: Я ведь уже называл вам цифры.

Александров: Пять миллионов?

Заукель: Да, пять миллионов.

Александров: Вы продолжаете это утверждать?

Заукель: Я продолжаю утверждать, что, по данным моего статистического управления и насколько я помню, в Германии было 5 миллионов рабочих и потому что миллионы рабочих возвращались на свою родину. Специалисты могут дать более точный ответ, чем я. Вы поймите, контракты с остальными были только 6-ти месячными и 9-ти месячными.

Председатель: Ваш вопрос заключался в том, сколько всего было ввезено людей в

Германию, сколько было ввезено иностранных рабочих в течение всей войны? В этом заключался ваш вопрос?

Александров: Совершенно верно, господин председатель.

Председатель: Как же вы ответили на него, подсудимый?

Заукель: Я уже сказал, что вместе с теми контингентами рабочих, которые были уже в стране до того, как я занял этот пост, и с теми контингентами, которые имелись к концу войны, общее число рабочих составляло 7 миллионов. По моим материалам, под конец оставалось 5 миллионов, потому что другие вернулись обратно на родину.

Председатель: Да, но это не то, о чем вас спрашивали. Вас спросили, сколько людей было ввезено в Германию из всех стран в течение всей войны. Вы сказали, что к концу войны их было 5 миллионов и что в предшествовавшие годы имели место постоянные изменения. Из этого вытекает, что в Германию должно было быть ввезено более чем 5 миллионов в течение ряда лет.

Заукель: По моим подсчетам, число их составляло 7 миллионов, однако я не могу точно указать цифру, так как мне неизвестны точные цифровые данные, существовавшие до того, как я занял этот пост. Но, определенно, миллионы людей все время возвращались на свою родину.

Александров: По состоянию на 30 ноября 1942 г. вы назвали цифру ввезенной рабочей силы — 7 миллионов человек, по вашим словам за 1942…

Заукель: Да, всех используемых рабочих в Германии, включая военнопленных в 1942 году.

Александров: Хорошо, включая военнопленных, — 7 миллионов? Это правильно, по состоянию на 30 ноября?

Заукель: Да, я не могу точно этого сказать без документов, возможно, что это верно.

Александров: Завтра я вам покажу документ. Сегодня, отвечая на мои вопросы, вы сказали, что за 1943 год было ввезено еще около двух миллионов.

Заукель: За 1943?

Александров: Да.

Заукель: От полутора до двух миллионов, я уже сказал.

Александров: Значит, семь и два это уже девять миллионов? Правильно?

Заукель: Я ведь ясно сказал, что некоторые рабочие все время возвращались на родину и что в этот контингент я не включил военнопленных.

Александров: Вы меня не понимаете. Я говорю о количестве ввезенной из оккупированных территорий рабочей силы. Для этого не имеет никакого значения, какое количество из этой рабочей силы погибло на территории Германии, какое количество убыло. От этого не меняется общее количество ввезенной рабочей силы на территорию Германии.

И поэтому, если на 30 ноября 1942 г. в Германии находилось 7 миллионов

человек по вашим словам, в 1943 году поступило еще два миллиона, и в 1944 году, как вы заявили здесь мне, поступило еще 900 тысяч, общее количество на основании ваших собственных слов, общее количество ввезенной рабочей силы за время войны составляет 10 миллионов. Это правильно?

Заукель: Я могу это подтвердить только, если сошлюсь на то, что не знаю, сколько рабочих было фактически ввезено до меня. По подсчетам это верно, включая всех военнопленных, которые использовались на работах. Однако, вы должны вычесть военнопленных из гражданских рабочих, которых доставили в страну.

Председатель: Трибунал отложен.

[*Судебное разбирательство отложено до 10 часов 31 мая 1946*]

День сто сорок третий

Пятница, 31 мая 1946

Утреннее заседание

[*Подсудимый Заукель вернулся на место свидетеля*]

Александров: Подсудимый Заукель, вчера я не получил от вас удовлетворительного ответа на вопрос о том, какое количество иностранной рабочей силы было ввезено в Германию из оккупированных территорий. Сейчас вам передадут документ номер PS-1296. Это ваш доклад от 27 июля 1942 г. Кроме того, вам передадут документ номер PS-1739. Это ваш обзор по состоянию на 30 ноября 1942 г. Я хочу разъяснить вам, что в данном случае речь идет о количестве ввезенной в Германию иностранной рабочей силы, включая военнопленных. Убыль этой рабочей силы в данном случае не имеет значения, так как от этого не изменится число доставленных в Германию людей. Они были доставлены, но затем или погибли в результате непосильного рабского труда или были возвращены как нетрудоспособные. Вы получили документы?

Заукель: Да. Я прошу разрешить мне просмотреть документы, речь идет о числах.

Александров: Пожалуйста. В документе номер…

Заукель: Я ещё не закончил. Я не могу…

Александров: Нет необходимости знакомиться с содержанием всех документов. В документе номер PS-1296, на последней странице доклада, в конце вы найдете раздел пятый. Он называется «Общая сводка». Вы нашли это?

Заукель: Нет, я еще не нашел этого места, нет еще. Какой документ, повторите, пожалуйста.

Александров: PS-1296. Нашли?

Заукель: Да, я нашел это место, да.

Александров: Там приводится итоговая цифра — 5 124 000 человек. Это правильно?

Председатель: Вы сказали 12 миллионов?

Александров: 5 124 000 человек.

Председатель: Переводчик сказал 12 миллионов.

Александров: Неправильно.

Заукель: В связи с этим документом я должен категорически заявить, что в этом документе указана цифра 5 124 000 человек. В том числе 1 576 000 военнопленных.

Эти военнопленные, однако, не причислялись к гражданским рабочим и находились в распоряжении командования сухопутных сил…

Александров: Но они…

Заукель: …всем процессом использования их на работе ведали уполномоченные по делам военнопленных в лагерях военнопленных, они размещались и обеспечивались в отдельных военных округах.

Александров: Они использовались в германской промышленности. Читайте название раздела 5. Читайте за мной: «Раздел 5. Общая сводка мобилизованных в настоящее время в Германию на работу иностранных рабочих и военнопленных».

Заукель: Так точно, это правильно.

Александров: Больше мне ничего не нужно. Теперь возьмите следующий документ.

Заукель: Я просил бы разрешения пояснить, что военнопленных не размещали по предприятиям и последние не заботились о них. Им не разрешалось также числиться и в органах Германского трудового фронта, — они находились в лагерях, которые подчинялись уполномоченным по делам военнопленных при военных округах. На этом основании они и не были включены в мою систему, ведавшую учетом гражданских рабочих.

Александров: Относительно учета военнопленных в вашем аппарате будут дополнительные вопросы, меня сейчас интересует общее положение, сколько людей гражданских и военнопленных было занято в германской промышленности. Вы цифру в 5 124 000 человек подтверждаете? Это правильная цифра или нет?

Заукель: Для этого периода данное число правильно. Однако для того, чтобы высокий суд имел подлинную картину событий, я прошу дать мне возможность сослаться на один очень точный документ. Это документ PS-1764. Здесь снова идет речь о перечислении отдельных гражданских рабочих различных стран и военнопленных, о которых я примерно полгода спустя докладывал высшим партийным инстанциям в Познани; этот список был представлен фюреру и инстанциям Рейха...

Александров: Я вынужден вас перебить.

Заукель: Я прошу дать мне возможность окончить свое заявление, я очень прошу об этом. Я должен внести полную ясность в это дело, это долг моей совести перед миром.

В феврале 1943 года, то есть полгода спустя, как указано на странице 7 этого документа № 1764, опять-таки дается точное перечисление с указанием 4 014 000 гражданских рабочих и 1 658 000 военнопленных. В итоге это количество весьма точное — 5 672 000 рабочих. То, что, несмотря на привлечение дальнейшего количества иностранных рабочих, увеличение этого количества было несущественно, можно объяснить тем, что, как я уже говорил об этом вчера, гражданские рабочие из западных, южных и юго-восточных областей в большинстве случаев имели только трудовые соглашения, которые были

действительны на полгода, что и соблюдалось, по возможности, благодаря моей заботе. Так как в противном случае, если бы я не следил за выполнением условий или настаивал бы на несоблюдении, то я бы не получал новой рабочей силы.

Если я в течение полугода давал работу нескольким сотням тысяч, а затем снова отказывался от них, то этого числа больше не существовало, потому что они возвращались на родину. Поэтому в Рейх прибыло гораздо большее количество гражданских рабочих, чем показывала итоговая цифра за какой-либо период времени. Количество возвращавшихся рабочих нужно вычесть. Их было довольно много.

Здесь имеется французский документ, отчет посланника Геммена[83] в Париже. Мой защитник будет так добр и сообщит мне потом номер этого документа. Из него явствует, что, например, по данным не моего учреждения, а посольства в Париже, в Германию прибыло около 800 тысяч французских рабочих, однако в 1944 году в Германии осталось лишь 400 тысяч человек, поскольку сроки договоров, заключенных на определенный период времени, ежедневно истекали, и тысячи рабочих ежедневно уезжали. Таким образом, в этот промежуток времени одна половина договоров все время посменно оканчивалась, другая половина — заключалась заново. Это самое краткое и правдивое изложение вопроса, которое я только мог сделать.

Александров: По поводу того, что представляли из себя «трудовые» договоры, так называемые «трудовые» договоры, я буду говорить с вами позже. Мой французский коллега во время допроса вас достаточно показал преступные методы, при помощи которых осуществлялась мобилизация рабочих на Западе. О том, как это делалось на Востоке, я докажу вам несколько позже. Сейчас я хочу, чтобы вы мне подтвердили цифру вашего доклада — 5 124 000 тысяч человек, это правильная цифра или неправильная, без излишних объяснений? От вас только требуется сказать — правильная эта цифра или неправильная.

Заукель: Она правильна для того периода, о котором идет речь, но она постоянно изменялась по указанным мною причинам.

Александров: Эта цифра от 24 июля 1942 г., это ясно всем. Теперь возьмите второй документ, PS-1739. Последняя страница PS-1739. Там есть такая фраза:

> «Только тогда можно быть уверенным, что громадное число иностранных рабочих и работниц на территории империи, которое достигло 7 миллионов, включая всех работающих военнопленных, принесет наивысшую пользу германскому военному хозяйству».

Есть там такая фраза? Называется там цифра в 7 миллионов?

Заукель: Здесь указано число 7 миллионов; сюда включены и те военнопленные, которые использовались на работах; в тот период на работах использова…

---

[83] Ганс-Рихард Геммен (1888 – 1956) – немецкий дипломат. В 1942-1945 делегат Германии по экономическому сотрудничеству с Францией.

Александров: Это мне известно, здесь написано. Я спрашиваю, цифра в 7 миллионов фигурирует в этом документе или нет?

Заукель: Да, конечно, она указана в этом документе, так точно.

Александров: Это правильная цифра?

Заукель: Это правильная цифра и я прошу трибунал, чтобы мне позволили зачитать две следующих фразы, потому что вы обвиняете меня в использовании преступных методов. Я со своей стороны, делал всё, что мог, и использовал всё имевшееся у меня влияние, для предотвращения использования преступных методов. Это подтверждается двумя следующими фразами, которые я должен зачитать и в которых сказано…

Александров: Я вас вынужден перебить снова.

Заукель: Пожалуйста, могу я добавить к объяснению, которое я уже дал, в соответствии с возможностями, данными мне трибуналом, ещё два предложения в поддержку моего заявления: «…недоедающие полу…»

Александров: Подсудимый Заукель…

Председатель: Позвольте ему прочитать два фразы, которые он хочет прочитать.

Александров: Они, господин председатель, не имеют никакого отношения к вопросу о количестве ввезённой в Германию рабочей силы и если в таком порядке…

Председатель: У меня нет перевода документа, и поэтому, я не могу сказать. Я хочу услышать от него чтение фраз.

Александров: Пожалуйста, тогда читайте.

Заукель:

> «…полуотчаянные восточные рабочие будут больше помехой, чем помощью военной экономике.
>
> Важно, чтобы всем правительственным учреждениям, вплоть до заинтересованных фабрик» - тех, я должен добавить, за которые я не являлся ответственным –«было ясно, что в этом заключается моё постоянное стремление».

Я просто хотел показать свою добросовестность этими двумя фразами и насколько искренне я стремился осуществлять свою задачу, которая была для меня чрезвычайно сложной.

Председатель: Итак, подсудимый будьте любезны отвечать на вопросы и дать объяснения, когда это является необходимым для объяснения ответа. Всё о чём вас спрашивали это являлась ли цифра в 5 124 000 в первом документе верной и верна ли цифра в 7 миллионов во втором документе, и вы сказали, что обе являлись верными.

Генерал, теперь продолжайте.

Заукель: Я уже ответил, что она правильная, что цифра в 7 миллионов приведённая в документе…

Председатель: Что же, нам больше не требуется объяснений.

Александров: Я прекрасно понимаю, что вы не заинтересованы в увеличении этих страшных цифр хотя бы даже на единицы, не говоря уже о миллионах.

Вчера вы заявили мне, что в 1943, поступило в Германию дополнительно около 2 миллионов человек, и в 1944 ещё 900 000 человек. Таким образом…

Заукель: Я должен это уточнить. Я не говорил этого, но, правда, в том, что с июля 1942 до конца 1943 около 2 миллионов зарубежных рабочих прибыли в Германию, не только в 1943. С февраля 1943, например, до конца 1943 только 1 миллион прибыл в Германию, потому что тогда мы сталкивались со значительными трудностями. Но с июля 1942 до конца 1942 прибыли около 1 ½ миллионов, так что за 1 ½ года ещё 2 миллиона добавились к первому числу, которое я упоминал вчера.

Александров: Сколько вы получили в 1942 году, известно. Вы вчера совершенно чётко заявили, что в 1943 поступило около 2 миллионов. Это правильно или нет? Я говорю о 1943 годе.

Заукель: Если я предположительно сказал это вчера, я не помню этого, так как это неправда, но правда в том, что приблизительно с июля 1942 до конца 1943 около 2 миллионов зарубежных рабочих были отправлены в Германию.

Александров: Вы, назовите мне…

Председатель: Генерал, трибунал на самом деле не интересует точная цифра зарубежных рабочих прибывших в Германию. Нам кажется, что нет большой разнице, прибыло туда 5 миллионов или 6 миллионов, или 7 миллионов. Очень трудно следить за этими цифрами.

Александров: Господин председатель, я не собираюсь с математической точностью устанавливать количество ввезённых в Германию иностранных рабочих, но иметь представление о масштабах этих преступлений мне кажется совершенно необходимо. И поэтому я собираюсь установить у, подсудимого Заукеля, какое же количество за время войны иностранных рабочих было ввезено в Германию.

Председатель: Что же, я только, что сказал вам, что мы не считаем это важным. Вы говорите, что не хотите устанавливать это с математической точностью, но мы потратили значительное время в попытке сделать это.

Александров: Это объясняется тем, что подсудимый Заукель не отвечает чётко на те вопросы, которые ему ставятся.

[*Обращаясь к подсудимому*] Скажите, подобные методы ведения войны, а именно массовый угон в рабство миллионов мирного населения оккупированных территорий вы считаете правомерными и соответствующими правилам и обычаям ведения войн и общечеловеческой морали?

Заукель: Я не считаю рабство и депортации допустимыми. Пожалуйста, позвольте мне добавить следующее объяснение к такому ясному ответу. Лично я, был твёрдо убеждён, что это не являлось преступлением…

Александров: Подсудимый Заукель, не уходите от ответа.

Заукель: Я не ухожу от вопроса, но я могу и у меня есть право дать пояснение к

моему ответу; я уже дал ответ.

Александров: В этом нет необходимости. Отвечайте прямо: считаете вы эти методы преступными или нет?

Заукель: Это необходимо для моей защиты…

Председатель: Минуточку, генерал, вы спросили подсудимого, считал ли он это достойным. Позвольте ему ответить по-своему.

Александров: «Да» или «нет»?

Председатель: Это не тот вопрос который предполагает «да» или «нет». Вопрос о том достойно ли это. Он вправе свободно ответить.

Заукель: Теперь, чтобы я дал на это чёткий ответ, что я не был убежден со всей совестью, что я совершаю преступление, я прошу разрешения прочитать относящиеся к делу фразы из документа Заукель-86 в документальной книге 3. Они содержат инструкции, которые я дал своему ведомству и промышленным концернам:

> «Речь идёт не о материальных» - цитирую – «материальных вещах, но, и я бы снова хотел подчеркнуть это очень чётко, о многих миллионах людей, каждый из которых – хотим мы того или нет – критикует со своей точки зрения, будь он немец или зарубежный рабочий.
>
> С другой стороны, производительность отдельного человека, будь он фольксгеноссе» - что значит немец – «или не фольксгеноссе» - что значит чужеземец – «будь он друг или враг Германии, всегда зависит от того признаёт ли он сам, что с ним обращаются справедливо или же приходит к выводу, что с ним поступили несправедливо.
>
> Быть справедливыми - я могу добавить, что это являлось моим приказом моим ведомствам – «Быть справедливыми! Есть много вопросов, на которые вы не всегда сможете ответить, просто изучив мои инструкции или «Gesetzblatt[84]» или «Reichsarbeitsblatt[85]»…

Председатель: Нам не нужна очень долгая речь, вам известно, о чём был вопрос. Я имею в виду, вы не хотите снова читать все свои инструкции своим подчиненным.

Заукель: Нет, ваша светлость я хочу прочитать только две фразы:

> «Жизнь рабочего настолько богата, что её не уместить даже в многих толстых томах. Но каждая человеческая грудь таит в себе чувство, которое говорит ему: «С тобой обращались справедливо и по-доброму…»

Председатель: Подсудимый, этого достаточно. Мы достаточно это слышали.

Александров: Подсудимый Заукель, в июле месяце 1944 года у Гитлера происходило совещание по вопросу о том, как поступить с иностранными рабочими

---

[84] «Законодательный вестник» (нем.) – общее название официальных изданий в которых осуществлялась публикация законодательных актов различных ведомств.

[85] «Трудовой вестник Рейха» (нем.) – немецкий журнал по трудовым вопросам издававшийся с перерывами с 1903 по 1945.

в случае дальнейшего успешного наступления союзных войск. Вам известно что-нибудь об этом совещании?
Заукель: Разрешите мне попросить вас еще раз повторить дату.
Александров: Это было в июле месяце 1944 года. Вы знаете что-нибудь об этом совещании или нет?
Заукель: Я не помню точно. Я прошу предъявить мне документ. Я не могу припомнить заседания, которое имело место в июле, так как примерно с 20 июня 1944 г. я больше не имел доступа к фюреру по своим вопросам.
Александров: Больше мне ничего не надо. Значит, вы об этом совещании не знаете?

Скажите теперь, для каких целей использовалась ввезённая в Германию рабочая сила? Она предназначалась, прежде всего, для использования в промышленности вооружения и боеприпасов? Это правильно?
Заукель: Рабочие привозились в Германию для использования в военной промышленности. Военная промышленность — это очень широкое понятие, и его нельзя отождествлять с промышленностью, изготовляющей вооружение и боеприпасы. В систему военной промышленности было включено также и всевозможное производство другой продукции, начиная от спичек и кончая пушками, — то, что так или иначе относилось к снабжению армии. Таким образом, это широкое понятие следует ограничить, выделив производство вооружения и боеприпасов.

Кроме того, рабочие привозились в Германию для использования их во всех других отраслях гражданской экономики, как то: в сельском хозяйстве, горном промысле, ремесленных предприятиях и т. д. Мы проводили три разграничения: военная экономика, которая означал всю немецкую экономику военного времени; экономику вооружений означавшую…
Председатель: Что же, подсудимый вам известно, мы не хотим лекции об этом. Всё о чём вас спросили, это доставлялись ли они для работы в промышленности вооружений.
Заукель: Часть из них.
Александров: Я хочу, чтобы вы ответили, что ввезённая в Германию иностранная рабочая сила главным образом использовалась в военной промышленности Германии для военных целей? Это правильно или нет? Я имею в виду в широком понимании.
Заукель: Да, в широком понимании это правильно, если считать всю германскую экономику во время войны.
Александров: Таким образом, использование ввезенной рабочей силы было подчинено целиком и полностью целям ведения Германией агрессивной войны? Вы это признаете?
Заукель: Это слишком далекоидущая мысль. Принимая во внимание мое миросозерцание и то, как я тогда действовал и как мог действовать, я должен

исключить слово «агрессивной».

Александров: А вы отвечайте короче, если вам это кажется далеко. Вы скажите, признаёте это или нет?

Заукель: Я уже ответил.

Александров: Ваша роль организатора массового угона в рабство мирного населения оккупированных территорий достаточно выяснена. Теперь я хочу перейти к выяснению роли в этом деле отдельных министерств. Перечислите, какие министерства и другие правительственные органы гитлеровской Германии принимали непосредственное участие в проведении мероприятий по мобилизации и использованию иностранной рабочей силы. О министерстве оккупированных территорий, министерстве вооружения, об ОКВ здесь уже упоминалось, и о них не следует говорить. Перечислите.

Заукель: Господин обвинитель в плане, который был представлен также вашей делегации, есть некоторые небольшие неточности, неточности сделанные чертёжником. Я не видел законченного рисунка, но я понял из оригинального рисунка, представленного мне, правильно сделанного чертёжником. Эти небольшие неточности и отклонения можно исправить и тогда план будет безошибочно чётким, и представлять твёрдое пояснение.

Александров: Ваш защитник заявил здесь, что эта схема не является достаточно точной. Именно поэтому я и задаю вам свой вопрос и прошу, перечислите, какие министерства гитлеровской Германии и другие правительственные органы имели непосредственное отношение к мобилизации и использованию рабочей силы, за исключением тех которых я уже назвал.

Председатель: Генерал, он сказал, что она в сущности верная, и что там предлагается для неё одно небольшое изменение. Определенно этого достаточно для нас.

Александров: Господин председатель, защитник подсудимого Заукеля сам заявил, что в этой схеме имеется ряд неточностей. Но я постараюсь облегчить эту задачу.

[*Обращаясь к подсудимому*] Скажите, какое отношение имело к этим вопросам министерство иностранных дел?

Заукель: Министерство иностранных дел имело к этому делу следующее отношение:

Оно должно было устанавливать связь в тех странах, где осуществляли свою деятельность посольства, консульства или германские делегации. Тогда переговоры велись под председательством главы этого посольства или делегации. Министерство иностранных дел всегда прилагало усилия к тому, чтобы эти переговоры проводились в надлежащей форме и соответствующим порядком.

Александров: 4 января 1944 г. у Гитлера происходило совещание. Это документ PS-1292. В пункте 4 протокола этого совещания записано: «Генеральный уполномоченный по использованию рабочей силы должен до проведения своих

мероприятий связаться с имперским министром иностранных дел...». Что имелось в виду в данном случае?

Заукель: В данном случае это означало, что если мне нужно было вести переговоры с французским или итальянским правительством, то я должен был предварительно связаться с рейхсминистром иностранных дел.

Александров: После этого совещания, которое происходило у Гитлера 4 января 1944 г., а именно 5 января того же года вы обратились с письмом к Ламмерсу и поставили там вопрос о необходимости издания специального приказа по результатам совещания с тем, чтобы обязать оказывать вам содействие следующие инстанции (я их перечисляю вам): рейхсфюрера СС, министра внутренних дел, министра иностранных дел, фельдмаршала Кейтеля, министра оккупированных восточных территорий Розенберга, рейхскомиссаров, генерал-губернатора и др. Вы помните это ваше письмо?

Заукель: Я помню это письмо, но не во всех деталях. Я прошу предъявить его мне. Я конечно не могу вспомнить содержание в подробностях.

Председатель: Генерал, какой номер у документа?

Александров: PS-1292, в русском тексте это страница шестая.

[*Обращаясь к подсудимому*] Нашли?

Заукель: Да. Это на последней странице? Могу я спросить так ли это?

Александров: Да. Значит, вы считали, что все эти органы должны были в той или иной мере участвовать в проведении мероприятий по вербовке и использованию рабочей силы. Это правильно?

Заукель: Это правильно, и я прошу разрешить мне сделать по этому поводу следующее заявление. Естественно, что я, находясь на своем посту, не мог делать чего-либо без ведома высших органов Рейха. Это доказывает, что я прилагал усилия для того, чтобы работать корректно, не действовать стихийно в Рейхе или в других областях.

Александров: Я хочу у вас выяснить: в проведении мероприятий гитлеровского правительства по угону в рабство населения оккупированных территорий, помимо вас, активно участвовала почти вся государственная машина гитлеровской Германии и партийный аппарат НСДАП? Это правильно?

Заукель: Я возражаю против слова «угон» и прошу во время повторного допроса заслушать по этому поводу моего защитника.

Александров: Дело не в выражении, вы отвечайте — правильно или неправильно?

Заукель: Это слово имеет большое значение.

Александров: Участвовал ли весь государственный аппарат Германии в этом деле или нет?

Заукель: На этот вопрос я должен ответить отрицательно, если он поставлен в такой форме.

Александров: Больше мне ничего от вас не требуется.

Заукель: Я хочу сделать заявление по этому вопросу. Учетом рабочей силы, а также контролем за выполнением обязательств согласно немецким законам ведал соответствующий компетентный во всех этих вопросах начальник областной администрации рейхскомиссариата и т. п., так как, — я подчеркиваю это, — я не мог издавать законов, не имел на это права и не мог вмешиваться ни в какие функции управления. Такое невозможно ни в какой правительственной системе в мире.

Александров: Да, но вы были обязаны координировать деятельность всех правительственных органов Германии. Это было на вас возложено?

Заукель: Не координировать, а инструктировать их и просить от случая к случаю сотрудничества по тем вопросам, которые входили в компетенцию этих органов.

Александров: Это не совсем так. Я не хотел затрагивать этого вопроса, но сейчас я должен к нему вернуться, потому что вы несколько умаляете свою роль в этом деле.

Заукель: Я прошу разрешить мне высказать возражение по поводу слова «умалять». В мои функции в Рейхе входило распределение и регулирование рабочей силы, это было моей главной задачей. Нужно было охватить, включая сюда также и германских рабочих, всего 30 миллионов человек. Значения этой задачи я не хочу умалять, и в данном случае я сделал все, что от меня зависело, чтобы организовать эту массу таким образом, как это требовали возложенные на меня обязанности. Этой роли я не умаляю; это была моя задача и обязанность перед моим народом.

Александров: Нет нужды полемизировать по этому вопросу, когда гораздо проще обратиться к документу. Сейчас вам передадут приказ Геринга.

Заукель: Я прошу вас извинить меня, может быть, вы меня неправильно поняли. Я не собираюсь здесь полемизировать, я лишь прошу, чтобы мне разрешили внести ясность в вопрос о том, каковы были мои взгляды на службу и каковы были мои служебные обязанности, — провести это разграничение является моей сугубо личной задачей.

Александров: Это совершенно ясно видно из приказа Геринга от 27 марта 1942 г. Это документ СССР-365. Вам его сейчас передадут. Я приведу из него короткую выдержку, из которой будет ясно, какими правами вы были облечены.

Председатель: Какой у него номер?

Александров: Это экземпляр номер СССР-365.

Председатель: У него есть номер PS?

Александров: Нет, нет. Это документ СССР.

> [*Обращается к подсудимому*] Прочитайте пункт 4, там написано:
>
> «Генеральный уполномоченный по использованию рабочей силы пользуется для решения своих задач предоставленным мне фюрером правом отдавать распоряжения высшим имперским инстанциям,

подчиненным им учреждениям, а также органам партии, ее составных частей и примыкающим к её организации, рейхспротектору, генерал-губернатору, военачальникам и руководителям гражданских учреждений».

Вот что написано в пункте 4 этого приказа. Я считаю, исходя из этого приказа, что вы были наделены как генеральный уполномоченный по использованию рабочей силы чрезвычайными полномочиями. Правильно это или нет?

Заукель: Это правильно. Я осмеливаюсь на это заметить, что это ограничивалось лишь моей специальной областью. Я хотел бы огласить следующее предложение: «Распоряжения и директивы, имеющие принципиальное значение, необходимо предварительно предъявлять мне».

И я бы хотел указать на то, что мои уполномоченные позднее, осенью, были ограничены в правах. Имеется свидетель, который сделает заявление в этом отношении.

Александров: Я говорю не о ваших уполномоченных, а о вас самих. И ваши права достаточно четко определены приказом Геринга от 27 марта 1942.

Теперь перечислите, кто из подсудимых совместно с вами, каждый непосредственно в своей области, участвовал в проводимых вами мероприятиях по угону в рабство населения оккупированных территорий и использованию его в Германии. Назовите по порядку. Подсудимый Геринг участвовал в этих преступлениях как ваш непосредственный начальник и руководитель?

Заукель: Я должен категорически возразить против этого: мне в голову не могла прийти мысль, что при наличии упорядоченной вербовки и законных распоряжений, на основании которых были введены служебные обязательства, имел место угон населения на работу. Мне не приходилось прибегать к подобного рода мерам, которые применяют в отношении заключенных, наоборот, я...

Председатель: Вас спросили, участвовал ли подсудимый Геринг вместе с вами во ввозе рабочих в Германию. Мне кажется, что вы, по существу, вовсе не отвечаете на этот вопрос.

Заукель: Что касается ввоза иностранных рабочих, то я по этому вопросу был непосредственно подчинен рейхсмаршалу великогерманского Рейха.

Председатель: Почему же вы не сразу отвечаете на вопрос?

Александров: Таким образом, подсудимый Геринг участвовал в проведении этих мероприятий?

Председатель: Генерал Александров, если вы хотите задать вопрос подобного рода, мне кажется, что было бы гораздо лучше, если бы вы не характеризовали подобный факт как преступление. Если вы хотите

выяснить, принимал ли подсудимый Геринг участие в работе подсудимого Заукеля, вы можете спросить об этом, не называя эти факты преступлением, и тогда, пожалуй, подсудимому легче будет отвечать на ваши вопросы.

Александров: Хорошо.

[*Обращаясь к подсудимому*] Подсудимый Риббентроп участвовал в осуществлении этих мероприятий по дипломатической линии и санкционировал нарушение международных договоров и конвенций в части использования иностранной рабочей силы и военнопленных в германской промышленности?

Председатель: Что же, и опять, данные подсудимые говорят, что нарушения международного права не было; и значит, вы должны задать ему вопрос: участвовал ли фон Риббентроп в этих мерах, что касалось дипломатии? Я имею в виду Риббентропа.

Александров: Сейчас я спрашиваю о том какое отношение к мобилизации и использованию рабочей силы имел подсудимый Риббентроп и хочу получить ответ на этот вопрос от подсудимого Заукеля.

Заукель: Роль, которую играл подсудимый Риббентроп, заключалась в том, что он был посредником при переговорах с иностранными государственными деятелями и с иностранными служебными инстанциями в оккупированных областях, а также в нейтральных и дружественных иностранных государствах и он считал наиболее важным, чтобы такие совещания проводились в корректной манере и чтобы можно было получить помощь для наилучших условий для зарубежных рабочих.

Александров: О подсудимом Кейтеле я вас спрошу несколько позже, когда буду задавать вопросы, связанные с использованием военнопленных в германской промышленности.

Сейчас вы ответьте - какое отношение имел к этим мероприятиям подсудимый Кальтенбруннер?

Заукель: При обсуждении этого вопроса я видел подсудимого Кальтенбруннера только один единственный раз в 1944 году, сейчас я не помню точно даты, на одном заседании в рейхсканцелярии вместе с министром Ламмерсом. Помимо этого я не имел с Кальтенбруннером никаких переговоров и никакой договоренности по вопросам использования рабочей силы.

Александров: Но Кальтенбруннер предоставлял полицейские силы для осуществления вербовки рабочей силы?

Заукель: Я уже неоднократно подчеркивал, что вербовка рабочей силы не входила в задачи полиции. Я должен попросить своего защитника представить относящиеся к делу правила, многие образцы которых доступны. Они подтверждают совершенно ясно и однозначно и неопровержимо о распределении задач между полицией и моим ведомством.

Александров: Но полиция участвовала в проведении этих мероприятий или нет? Я это не ставлю сейчас в упрек вам.

Заукель: По моему мнению, полиция принимала участие только в некоторых областях, где партизаны делали проведение административных мероприятий невозможным. Только в одной Белоруссии партизанами было убито 1500 бургомистров. Это видно из документов.

Александров: А разве вербовка, даже в нормальных условиях, не проводилась полицейскими методами? Вам об этом ничего не было известно?

Заукель: То, что мне об этом известно, я вам скажу совершенно точно. В Европе в оккупированных областях около 1500 округов — я имею в виду примерно территорию районов или департаментов, полевой комендатуры, то есть то, что мы с точки зрения административного деления Германии называем округом, — было примерно 1500 органов, которые были укомплектованы местными и частично германскими чиновниками. В дополнение к этому персоналу, только на территориях Советского Союза, было 1000 русских рабочих, которые ранее работали в Германии и выступали как вербовочные сотрудники. Теперь если каждый из таких административных центров, который соответствовал германскому району и имел население 40 000-70 000 жителей, надлежащим образом отбирал, осматривал и проверял пять человек ежедневно, то в одиночку можно насчитать до 2 миллионов в год; совершенно четкий метод администрирования, такой о котором я приказывал, организовал и осуществлял с полной самоотдачей.

Александров: Вы даёте излишне пространные объяснения и при этих условиях допрос чрезвычайно затянется. Я считаю необходимым, чтобы вы отвечали кратко. Для этого имеется полная возможность, потому что я достаточно чётко задаю вам свои вопросы. Отвечайте коротко, какое отношение…

Заукель: Я прилагаю все усилия, чтобы отвечать, возможно, короче. К сожалению, специальные вопросы всегда отличаются сложностью и требуют комментариев. Я и сам чувствую затруднения.

Александров: Не всегда. Сейчас отвечайте кратко: какое участие подсудимый Кальтенбруннер принимал в осуществлении мероприятий по мобилизации рабочей силы? Принимал он участие?

Заукель: Я уже дал вам ответ.

Александров: Я не понял. Принимал или не принимал?

Председатель: Я прошу прощения. Он сказал, что он видел Кальтенбруннера лишь по одному случаю, и что задача вербовки рабочей силы не являлась полицейской. Так он сказал.

Александров: Господин председатель, не обязательно было увеличить это количество встреч, для того, чтобы Кальтенбруннер практически участвовал в осуществлении этих мероприятий ему не было нужды встречаться систематически, регулярно с Заукелем. Сейчас меня интересует вопрос…

Председатель: Генерал Александров, я не хочу, чтобы вы со мной спорили. Я сказал вам о том, что он ответил. Это является ответом на ваш вопрос.

Александров: Господин председатель, я не спорю, а даю вам свои объяснения по этому вопросу.

[*Обращаясь к подсудимому*] Относительно участия подсудимого Розенберга в этих мероприятиях, я вам задавать вопросы не буду, потому что, сам подсудимый Розенберг дал достаточно ясные ответы при перекрёстном допросе его моим коллегой из американского обвинения мистером Доддом. Сейчас вы скажите, какое участие в осуществлении этих мероприятий принимал подсудимый Фрик?

Заукель: Подсудимый Фрик в свою бытность рейхсминистром внутренних дел вряд ли принимал участие в этом вопросе. Я точно не помню, как долго он находился на этом посту. Насколько я помню, я обсуждал с министерством внутренних дел необходимые законы, касающиеся немецких рабочих, которые должны были издаваться в пределах Германии, а также действующие законы. Никакого иного участия в этом деле он не принимал, так как перед ним стояла другая задача.

Александров: Речь идет именно об иностранных рабочих, и не случайно вы в своем письме Ламмерсу после совещания у Гитлера 4 января 1944 г. в числе инстанций, которые должны оказывать вам содействие, назвали министра внутренних дел. Поэтому я и хочу, чтобы вы сообщили, в чем состояла роль подсудимого Фрика в осуществлении этих мероприятий. Вы же сами просили содействия министерства внутренних дел. Так в чем должно было выражаться это содействие?

Заукель: К моему величайшему личному огорчению, тогда министром внутренних дел, насколько я помню, был уже не рейхсминистр Фрик, а Гиммлер.

Александров: Какое содействие вам должен был оказывать министр внутренних дел?

Заукель: Само собой разумеется, что в государстве при любой системе как внутренняя администрация, так и общая должна быть осведомлена о всем происходящем и участвовать во всех событиях, которые вызывают необходимость в большом количестве приказов, и особенно это относится к области распределения труда, представляющей собой широкую сферу деятельности. Я вообще не мог и не имел соответствующих полномочий для того, чтобы издавать распоряжения законодательного характера, я должен был представлять их совету министров по обороне Рейха. Я мог лишь давать деловые распоряжения и директивы; это нечто совсем иное.

Александров: Подсудимый Функ, как министр экономики, и подсудимый Шпеер, как министр вооружения и боеприпасов, были основными потребителями иностранной рабочей силы и посредниками между вами и промышленниками. Это правильно?

Заукель: Конец вашей фразы содержит очень ошибочный вывод. Они не были посредниками между мною и промышленностью, а, наоборот, промышленность

была подчинена министерству вооружения. Конечно, за время войны были личные инструкции. Мне не нужно было вести переговоры с промышленниками. Промышленности требовалась рабочая сила, и она получала ее, так же как и сельское хозяйство.

Александров: Но, скажите тогда сами кратко, какое участие в этих мероприятиях принимали подсудимые Функ и Шпеер? Не нужно пространных объяснений, ответьте очень коротко.

Заукель: Оба эти министра были начальниками предприятий, относившихся к самым различным областям германского хозяйства. Они получали своих рабочих и на этом моя задача заканчивалась.

Александров: Понятно. Дальше: подсудимые Франк, Зейсс-Инкварт и Нейрат принимали участие в проведении мероприятий по мобилизации рабочей силы на тех территориях, которые им подчинялись? Я имею в виду Польшу, Голландию, Чехию и Моравию. Это правильно?

Заукель: Эти господа в рамках полномочий, которыми они были наделены в этих областях, поддерживали меня при издании приказов и законов и сами придавали большое значение тому, чтобы эти приказы и законы проводились надлежащим образом.

Александров: Какова была роль подсудимого Фриче?

Заукель: Этого я не могу вам сказать. Фриче я видел в Германии только один единственный раз мельком. Это было, кажется, в начале 1944 года. Я ни разу не говорил с ним о своих задачах. Я не знаю также, имел ли он какое-нибудь отношение к ним. Могу лишь сказать, что я неоднократно обращался в министерство пропаганды с просьбой о распространении моих указаний и директив – как те, что содержаться в документальных книгах представленных моим защитником – широко обращавшихся, в частности в промышленных и иных кругах, которые получали рабочих.

Александров: Теперь остался еще один отсутствующий здесь подсудимый. Это Борман. Какова была его роль? Он предоставил в ваше распоряжение весь партийный аппарат НСДАП.

Заукель: Нет, этого он не делал. В моем распоряжении были гауляйтеры, директивы в документы, которые я давал гауляйтерам; из них здесь представлено, кажется, три документа, а вообще их было немногим больше. В них речь шла о том, что я должен был обращаться за помощью к партии и проявить должную заботу о рабочих, предоставив им в отношении обслуживания, питания и обмундирования все необходимое для человека при существовавших тогда военных условиях. Такова была роль партии, поскольку ей пришлось выступить в защиту моих интересов. Таким образом, это являлось формой контроля за благополучием зарубежных и немецких рабочих трудоустроенных в Германии. По-другому партия не имела никакого отношения к этому. Между тем, мне не нравилось вмешательство извне.

Александров: Это не совсем правильно. Я напомню вам пункт пятый из вашей программы по использованию рабочей силы, которая была издана вами 1942 году. Это документ СССР-365, там написано, что гауляйтеры назначаются вашими уполномоченными по вопросам использования рабочей силы, и дальше они используют в своих областях подчинённые...

Заукель: Где об этом говорится? Я не мог сам назначать своих уполномоченных.

Александров: Сейчас вам покажут. Я не цитирую этот пункт, а привожу только его содержание, смысл этого пункта, и там написано, что гауляйтеры используют в своих областях подчиненные им партийные органы. Из этого я делаю вывод, что в проведении этих мероприятий, принимал участие весь...

Заукель: Господин обвинитель, здесь этого нет. Да.

Александров: Нашли?

Заукель: Да. Но здесь преследовалась та цель, о которой я говорил. Я попросил бы вас зачитать абзац дальше.

Александров: Прочитайте его сами.

Заукель: Благодарю вас.

> «Руководители высших государственных и экономических управлений, ответственные за подчиненные им области, должны были давать гауляйтерам советы и информировать их по всем важнейшим вопросам использования рабочей силы».

Конечно, в рамках их служебных функций. Дальше перечислены эти последние:

> «Председатель трудового управления провинции» — это не партийная, а государственная инстанция; «представитель рабочих» — это не партийная, а государственная инстанция; «руководитель крестьянской организации провинции» — это опять-таки не партийная, а государственная инстанция; «областной советник по экономическим вопросам» — это партийная инстанция...

Председатель: Пожалуйста, следите за лампочкой, чтобы видеть, что переводчики вас понимают.

Заукель: Извиняюсь ваша светлость.

> «…представитель Трудового фронта в гау» - управление Трудового фронта – «региональные руководители Женской лиги[86]…».

Александров: Это все понятно, это не нужно перечислять. Я снова обращаю ваше внимание на пункт 6, обратитесь к нему. Там прямо написано о гауляйтерах, как об уполномоченных по использованию рабочей силы, что они используют в своих областях подчиненные им партийные учреждения. Это написано?

Заукель: Да.

---

[86] Национал-социалистическая женская организация — женская организация Национал-социалистической немецкой рабочей партии (НСДАП). Была создана в октябре 1931 года в результате слияния ряда национальных и национал-социалистических женских организаций. Организация была подчинена национальному партийному руководству НСДАП.

Александров: А дальше идёт уже следующий абзац, где перечисляется, каким путем они проводят эту работу, через какие силы, через какие учреждения. Так вот из этого пункта, где говорится, что они используют подчиненные им партийные учреждения, я делаю вывод, что в этих мероприятиях участвовал весь партийный аппарат НСДАП, и хочу получить от вас ответ — да или нет.

Заукель: Нет.

Александров: Больше нечего?

Заукель: Нет. Могу я дополнить ответ «нет». Вы в своём первом ответе, сказали мне, что моё описание не совсем правильное. Моё описание абсолютно правильное, в том, что партия занималась социальным обеспечением немецких и зарубежных рабочих и следила за тем, что у них имелось надлежащее обеспечение и уход. Партийным организациям упомянутым здесь доверялось только такого рода задача, и не могла доверяться иная; и я сам бывший рабочий, стремился к тому, чтобы об этих рабочих, как немецких так и зарубежных, заботились настолько насколько позволяло военное время. Отсюда это использование партийных организаций и никаких иных. Поэтому, мой ответ абсолютно правильный.

Александров: Областные руководители «гитлеровский молодежи» также участвовали в этих мероприятиях?

Заукель: Областные руководители «Гитлерюгенда» принимали в них участие с целью проявления заботы о молодежи и защиты ее прав. Это можно сказать о рейхсляйтере Ширахе и впоследствии рейхсюгендфюрере Аксмане[87]. Они старались предотвратить опасность, которая могла угрожать молодежи. Таковы были задачи «Гитлерюгенда», включая сюда также иностранную молодежь, которая использовалась на работах в Германии. Я должен это подчеркнуть.

Александров: Вы лично сами одобряли политику гитлеровского правительства, направленную на угон в рабство населения оккупированных территорий с целью обеспечения ведения агрессивной войны? Одобряли вы эту политику?

Заукель: Я вижу в вашей постановке вопроса обвинение.

Я лично неоднократно подчеркивал, что я не был политическим деятелем ни в области внешней политики, ни в области внутренней, как не был солдатом. Я получал задания и приказы, и я пытался выполнить эти задания, как только мог, так как мне было ясно, что от их выполнения зависела судьба моего народа. С таким сознанием я работал, и признаю, что я прилагал все свое умение для того, чтобы выполнять порученное в той форме, как я об этом здесь говорил. Я считал это своим долгом и должен это здесь признать.

Александров: Для характеристики вашего личного отношения к этим преступлениям я напомню вам несколько ваших собственных высказываний. Это из документа СССР-365 — это программа по использованию рабочей силы на 1942

---

[87] Артур Аксман (1913 — 1996) — политик нацистской Германии, руководитель немецкой молодёжной организации гитлерюгенд (1940—1945), рейхсляйтер.

год. Сейчас вам покажут то место, которое я процитирую. Я читаю: «Я прошу вас верить мне как старому и фанатичному национал-социалистскому гауляйтеру». Там это написано?

Заукель: Да, это там написано.

Александров: Теперь документ PS-556. Это ваша телеграмма Гитлеру от 20 апреля 1943 г., которую вы направили во время полета в Ригу. Сейчас вам дадут эту телеграмму и покажут то место, которое я сейчас прочитаю:

> «Я с фанатичной волей приложу все свои усилия к тому, чтобы выполнить свою задачу и оправдать ваше доверие».
>
> Это правильно?

Заукель: Это правильно. Я видел в Гитлере, кого я тогда превозносил, человека, который является лидером немецкого народа, который избран немецким народом; и я, как немецкий гражданин и член германского правительственного ведомства, считал своим долгом оправдывать своей работой в своей собственной сфере доверие, данное мне главой государства. Я могу сказать относительно телеграммы…

Александров: Не нужно никаких объяснений по поводу этой телеграммы. Меня не интересует сейчас ваше отношение к Гитлеру. Меня интересует ваше личное отношение к тем мероприятиям по вербовке и использованию рабочей силы которые вы проводили. Этими рамками и необходимо ограничить все эти вопросы.
Теперь следующий документ – PS-1292 это протокол совещания у Гитлера 4 января 1944 года.

Заукель: Я прошу разрешения трибунала добавить несколько слов к вашему последнему заявлению, господин обвинитель. Тогда я не мог видеть в Гитлере преступника, и никогда не чувствовал, что он им являлся; но я чувствовал обязанность выполнять свой долг, и ничего больше. Как человек и в результате своего воспитания я никогда бы не поддержал преступление.

Председатель: Генерал, о чём был ваш вопрос? Просто о том отправлял ли он Гитлеру телеграмму?

Александров: Я спрашивал только о телеграмме, в которой написана одна фраза, мне нужно было огласить эту фразу и получить подтверждение подсудимого Заукеля относительно того, что такая телеграмма посылалась. Больше я, ничем другим я не интересовался.

[*Обращаясь к подсудимому*] Следующий документ — PS-1292. Он имеется у вас?

Заукель: Нет.

Александров: Вам оказывается показали то место, которое я сейчас буду читать. Там ваше выступление записано следующим образом. Я читаю: «Он с фанатической волей сделает попытку обеспечить рабочей силой».

Тогда речь шла о мобилизации четырех миллионов, если вы помните и дальше: «Он сделает все от него зависящее для получения требуемых рабочих рук

на 1944 год».

Вы это говорили? В протоколе это правильно записано?

Заукель: Я это говорил, и я прошу разрешения добавить следующее к своему утвердительному ответу. Я знал, что немецкий народ, и это был мой народ, находился в крайней нужде…

Александров: Я вас должен…

Заукель: …могу я пояснить свой чёткий ответ, сказав, почему я так ответил? Я вправе это сделать.

Александров: Подсудимый Заукель, одну минуту, вы каждый свой ответ сопровождаете дополнительными пространными объяснениями. Вы только затягиваете время вопроса. Я уже удовлетворен вашим ответом о том, что вы эти слова говорили на этом совещании.

Председатель: Генерал, он дал совершенно чёткий ответ о том, что он так говорил, и я думаю, он вправе привести несколько слов в пояснение. Совершенно правильно, что данные объяснения недопустимо долгие, но он вправе давать некое пояснение.

Александров: Господин председатель, если каждый ответ будет сопровождаться такими пространными объяснениями…

Председатель: Генерал Александров, я сказал, что он вправе дать некоторое объяснение.

[*Обращаясь к подсудимому*] Итак, подсудимый, пожалуйста, сделайте это короче.

Заукель: Я знал, что немецкий народ принимал участие в самой ожесточённой борьбе. Мой долг заключался в том, чтобы выполнять со всей силой свою задачу – вот, что я имел в виду под «фанатичностью». Дальше я объяснял, в другой фразе, что я не мог выполнить свою задачу на тот год. У меня получилось выполнить её в 1944, на две трети немецких рабочих, не чужеземцами, а более чем на две трети немцами, и я пытался сделать всё возможное, чтобы направить на работу всех немецких женщин, насколько они могли работать, и в 1944 их было больше 2 миллионов.

Александров: В апреле 1943 года в целях форсирования вывоза рабочей силы из оккупированных территорий вы посетили Ровно, Киев, Днепропетровск, Запорожье, Симферополь, Минск, Ригу. А в июне того же года вы посетили Прагу, Киев, Краков, Запорожье, Мелитополь. Это правильно?

Заукель: Это правильно. И во время этих путешествий я хотел убедиться в том, правильно ли работали мои управления. Такова была задача путешествия.

Александров: Таким образом, вы лично организовывали угон в рабство мирного населения оккупированных территорий. Это правильно?

Заукель: Я должен категорически и решительно, возразить против этого утверждения. Я этого не делал.

Александров: А для чего тогда вы ездили в эти города и пункты? Не для того,

чтобы форсировать вывоз населения из оккупированных территорий?

Заукель: Я посетил эти области для того, чтобы лично удостовериться, как работали мои учреждения в этих городах, то есть не мои учреждения, а трудовые учреждения, которые подчинялись администрации указанных городов. Я должен был знать, правильно ли они заключали контракты, проводили ли врачебное освидетельствование рабочих, велись ли картотеки и т. д., то есть, выполнялись ли мои указания. С этой целью я и посетил эти города. Верно то, что я говорил с начальниками управлений по поводу контингента рабочей силы; моей задачей была вербовка рабочей силы и проверка контингента. Во время посещения этих городов я лично осмотрел эти учреждения, чтобы удостовериться, как они работают.

Александров: И для того, чтобы обеспечить усиленный вывоз рабочей силы в Германию, правильно?

Заукель: Причем я имел в виду применение с этой целью самых лучших методов. В моих приказах это непременно заявлялось и манифест, который был представлен трибуналу был написан в той самой поездке, которую вы только, что упоминали.

Александров: Значит, вы специально ездили только для того, чтобы добиться улучшения методов вербовки, так я вас понял?

Заукель: В эти города я поехал для того, чтобы удостовериться, правильные ли методы применяют учреждения, и обсудить все вопросы с соответствующими служебными инстанциями. Верно, для того, чтобы переговорить о количестве поставляемых рабочих, мне не нужно было посещать Запорожье, Киев и другие города. Для меня было бы достаточным переговорить с восточным министром, находившемся в Берлине, или с рейхскомиссаром, которого я не застал, потому что он находился в Ровно.

Александров: Но вы сами в своих показаниях, которые вы давали здесь защитнику, заявили, что к вам никаких информаций о незаконных и преступных методах вербовки не поступало. Что к вам не поступало никаких жалоб по этому поводу, что служило основанием для такой обширной поездки по оккупированным территориям? Значит, вы тогда имели сигналы о том, что происходят массовые беззакония при вербовке рабочей силы? Этим была вызвана ваша поездка? Ведь вы же посетили более десятка городов.

Заукель: Могу я сообщить вам господин обвинитель, пока мы на этом предмете, что мой защитник, уже задавал мне этот вопрос и что я ответил «да», и что в общем говоря, по мере того как я получал жалобы, я обсуждал эти случаи с Розенбергом, и то, что можно было устранить, я устранял. По этому вопросу я прошу выслушать моего защитника и свидетелей…

Александров: Свидетели будут заслушаны, тогда, когда это будет установлено судом. Я сейчас хочу установить цели вашей поездки. Вы заявили мне, что эти поездки вами были совершены для улучшения методов вербовки. Отсюда я делаю логический вывод: значит, во всех этих местах допускались до вашего приезда

беззакония, преступления при проведении мобилизации рабочей силы и вы поехали исправлять это положение? Значит вы об этом знали. Вот о чём речь идет. Отвечайте прямо, для чего вы посетили все эти места?

Заукель: Я осветил этот вопрос уже со всех сторон. Но я еще раз повторяю. Господин обвинитель, вы сами, я полагаю, имеете настолько большой административный опыт, чтобы согласиться со следующими доводами: само собой разумеется, что в каждом управлении в любой стране земного шара все распоряжения администрации всегда также проверяются. Совсем не нужно знать, что в человеческой жизни, в каждой организации людей наблюдаются ошибки, точно также нужен контроль.

Александров: Это понятно. Значит, тогда если вы отрицаете, что вы поехали исправлять и устранять беззакония, которые там были при вербовке рабочей силы, значит, вы поехали туда для того, чтобы форсировать вывоз рабочей силы в Германию? Или одно или другое, выбирайте сами.

Заукель: Нет, я должен категорически возразить на это. Я предпринял это путешествие для того, чтобы проверить выполнение задач, находящихся в рамках моих полномочий, устранить недостатки, о которых мне сообщили, например – как я говорил своему защитнику в ходе своего допроса – меня также попросил так сделать фельдмаршал Клюге. Но я также хотел, получить самую подробную информацию и дать соответствующие наставления и директивы своим учреждениям. Моё лучшее доказательство это манифест, подготовленный во время данного путешествия.

Председатель: Генерал Александров, вы можете сказать трибуналу сколько вы будете продолжать?

Александров: Я боюсь определить точно время, но полагаю, что около двух часов.

Председатель: Вы не упустили факт, не так ли, что мы уже проходили подробный перекрестный допрос с французским обвинителем?

Александров: Господин председатель…

Председатель: Трибунал надеется, что вы попытаетесь провести свой перекрестный допрос как можно короче, и трибунал объявляет перерыв.

Александров: Я приму все меры.

[*Объявлен перерыв*]

Александров: Подсудимый Заукель, скажите, какое отношение вы, как генеральный уполномоченный, имели к использованию в германской промышленности советских военнопленных?

Заукель: Я должен ответить на ваш вопрос, что я не имел никакого отношения к использованию военнопленных, так как в мои функции не входило давать работу военнопленным.

Александров: И вы не проводили их мобилизации, не вели их учета?

Заукель: Я, будучи ответственным лицом, осуществлявшим посредничество между соответствующими инстанциями, должен был следить за проведением административных мероприятий трудовыми управлениями и областными трудовыми управлениями, которые были посредниками между предприятиями и лагерями или уполномоченными по делам военнопленных, то есть направляли военнопленных на предприятия.

Александров: А что это были за организации? Какие это были организации?

Заукель: Речь идет об уполномоченных по делам военнопленных в военных округах, другая же инстанция — это организация предприятий или сами предприятия в системе соответствующих министерств, как, например, рейхсминистерства продовольствия: большинство военнопленных использовалось на работах у крестьян или в военной промышленности.

Александров: Значит, вы не имели к этому никакого отношения? Я напомню вам…

Заукель: Я должен был следить за трудовыми управлениями и областными трудовыми управлениями, поскольку им нужно было осуществлять посредничество между предприятиями и лагерями, в то время как они не имели с ними непосредственной связи.

Александров: Я сейчас приведу выдержки из вашего доклада Гитлеру от 27 июля 1942 г. Это документ номер PS-1296. В этом докладе у вас имеется специальный раздел 3. Он называется…

Заукель: II или III, пожалуйста?

Александров: Третий. Он называется: «Мобилизация советских военнопленных». Там вы пишете. Читаю:

> «Наряду с мобилизацией гражданских рабочих я планомерно увеличил мобилизацию советских военнопленных при взаимодействии со стороны ОКВ».
>
> И дальше. Читайте:
>
> «Я придаю особое значение дальнейшему увеличению и ускорению отправки как можно большего числа военнопленных с фронта на работу в империи».
>
> Это правильно?

Заукель: Это правильно и в точности соответствует моему изложению.

Александров: Не совсем соответствует.

Заукель: Но она соответствует.

Александров: Вы заявили о том, что вы не имели отношения к использованию советских военнопленных в германской промышленности, а в вашем докладе имеются совершенно другие данные, и я спрашиваю вас в связи с тем, что я сейчас огласил, — вы заранее планировали использование военнопленных в качестве рабочей силы в промышленности? Это предусматривалось вашими планами, и об

этом вы пишете в своем докладе. Так это или нет?

Заукель: Я должен указать на одну фундаментальную ошибку с вашей стороны. Получение рабочей силы, во всём мире, выполняется ли оно государством или частными предпринимателями, не является организацией или учреждением эксплуатирующим рабочую силу, а скорее получением рабочих. Моей обязанностью было все время поддерживать связь, чтобы военнопленные, которые находились в лагерях на оккупированных территориях, например в Генерал-губернаторстве, регистрировались соответствующими уполномоченными по делам военнопленных и направлялись в заранее намеченные сельскохозяйственные, а также и другие области Германии. Использование рабочих на самих предприятиях не подлежало моему контролю, и я не имел с этим делом ничего общего.

Александров: Значит, вы принимали участие в предоставлении советских военнопленных для использования в германской промышленности? Правильно?

Заукель: Это неправильно, — насколько я вас понимаю, ориентируясь на значение слов в немецком языке. Посредничество — это нечто иное, чем использование. Этим должны были заниматься другие лица. Я могу говорить только о посредничестве. Оно носило в Германии государственный характер, в то время как в других государствах оно имеет частный характер. Будучи генеральным уполномоченным, я ни одного рабочего не послал на предприятие.

Александров: Вам было известно о том, что советские военнопленные используются в военной промышленности Германии?

Заукель: Мне было известно, что советские военнопленные использовались во всех областях германской военной промышленности, причем в больших масштабах.

Александров: Вам было известно, в частности, распоряжение подсудимого Кейтеля об использовании советских военнопленных в горной промышленности? Это распоряжение датировано 8 июля 1943 г. Вы знаете что-нибудь об этом распоряжении?

Заукель: Нет. В деталях я о нем не помню. Я прошу предъявить, его мне.

[*Подсудимому предъявляют документ*]

Александров: Прочитали?

Заукель: Так точно.

Александров: Там прямо говорится об использовании советских военнопленных в горной промышленности для военных целей, в интересах военных целей. Это правильно?

Заукель: Этот документ касается использования военнопленных в горной промышленности в Германии.

Александров: С какой целью? Там прямо поставлена задача в этом документе.

Заукель: Здесь говорится об использовании в горной промышленности.

Александров: Но для какой цели? Каким целям это должно быть подчинено? Там прямо об этом указано.

Заукель: Для использования на работах, я полагаю.

Александров: В интересах войны. В интересах войны.

Заукель: Германская горная промышленность работала не только на войну. Очень большое количество угля экспортировалось в нейтральные страны. Таким образом, цели, в зависимости от обстоятельств, были различны.

Александров: Прочтите начало этого документа. Читайте за мной:

> «Фюрер приказал 7 июля для проведения расширенной программы производства железа и стали непременно увеличить добычу угля, а для этого покрывать потребности в рабочей силе из военнопленных».
>
> Там это написано?

Заукель: Мне не дали часть, которую вы читаете.

Александров: Нашли это место?

Заукель: Так точно.

Александров: Таким образом, советские военнопленные должны были использоваться в горной промышленности в интересах ведения войны. Правильно? Это прямо предусмотрено данным документом.

Заукель: Да, здесь так сказано. Но я хотел бы заметить, что этот документ был направлен не мне.

Александров: Я вас спросил: знаете вы это документ. Вы сказали, что знаете.

Заукель: Я с ним не знаком – нет; я его не знаю. Я не знал о нём раньше, так как он не был мне адресован.

Александров: Вы мне сказали, что о таком распоряжении вы знали в общих чертах, и попросили меня, дать вам этот документ для того, чтобы детальнее с ним ознакомиться. Так мне перевели ваши объяснения.

Заукель: Нет, я вам сказал, — и я это в особенности подчеркиваю, — что не помню этого документа, я только просил предъявить мне этот документ. Документ адресован не мне. Здесь ясно указана должность адресата, и поэтому он не попал в мои руки и в руки моего учреждения.

Александров: Для того, чтобы полностью выяснить этот вопрос, я передам вам сейчас документ USA-206. Это ваше постановление от 22 августа 1942 г. о поставке рабочей силы путем ввоза из оккупированных областей. Это постановление вам известно?

Председатель: Какой у него номер PS?

Александров: Одну минуточку. К сожалению, у меня нет данных о номере PS. У меня есть только номер USA-206. Подсудимый Заукель…

Председатель: У обвинителей Соединенных Штатов есть номер соответствующий USA-206?

Додд: Я могу выяснить за несколько минут, господин председатель. У меня на руках

сейчас нет, но я получу его.

Председатель: Хорошо, спасибо.

Александров: Подсудимый Заукель, читайте пункт 8 этого постановления, там указано: «Настоящий приказ действителен и в отношении военнопленных». Есть там такое указание?

Заукель: Так точно.

Александров: Таким образом, вы сами не делали разницы между военнопленными и гражданскими лицами в деле использования их для нужд германской военной промышленности. Вы это признаете?

Заукель: Да, я уже ответил своему защитнику, что вообще министерству труда был дан каталог, согласно которому разрешалось использование на работах военнопленных. Однако этот восьмой абзац не имеет ничего общего с документом, так как это было соглашение или распоряжение, которое не было мне направлено и не было мне адресовано.

Александров: Господин председатель, документ номер USA-206 имеет следующий номер: PS-3044.

[*Обращаясь к подсудимому*]

Вы помимо тех заявлений вашему защитнику о которых вы сейчас говорили, вы сделали заявление о том, что при применении труда военнопленных в германской промышленности выполнялись требования Женевской и Гаагской конвенций. Вы помните, что вы об этом здесь говорили?

Заукель: Да, это также подтверждается документами, в рейхсминистерстве труда и моих учреждениях имелась инструкция, которая была размножена специальным изданием. Речь шла о том, что принципы Женевской конвенции должны были соблюдаться также и в отношении советских военнопленных.

Александров: А это вытекает из того, что между советскими военнопленными и гражданской рабочей силой вы не делали никакой разницы? Разве это вытекает?

Заукель: Нет, это не вытекает из этого.

Александров: Значит, имело место нарушение этих конвенций при использовании труда военнопленных, поскольку они приравнивались к гражданским лицам и использовались в промышленности для целей ведения войны?

Заукель: В таком случае я неправильно вас понял, или вы могли меня неправильно понять.

Александров: Очевидно.

Заукель: Я точно сказал, что я придавал очень большое значение этой инструкции, которая была напечатана и во время моего пребывания на посту была доведена до сведения предприятий и всех заинтересованных лиц. В инструкции говорилось о том, что Женевская конвенция должна соблюдаться. Больше я ничего не мог сделать.

Александров: Ваш защитник спрашивал вас об операции, зашифрованной под

названием «Сено». На этот вопрос вы дали ему следующий ответ. Я цитирую по стенограмме судебного заседания:

«Заукель: Нет, я не имел никакого отношения к этому мероприятию».

Сейчас я передам вам письмо Альфреда Мейера[88] от 11 июля 1944 г., это документ PS-199, это письмо, адресовано вам. Прочтите пункт 1, там написано. Читаю:

«Необходимо, чтобы штаб по использованию рабочей силы «Центр» продолжал свою деятельность по вербовке несовершеннолетней белорусской и русской рабочей силы для военных нужд в империю при всех обстоятельствах. Кроме того, штаб имеет задачу направлять в Рейх несовершеннолетних от 10 до 14 лет».

Нашли это место?

Заукель: Я прочитал это место и хочу возразить, что это письмо хотя и было направлено мне и, таким образом, я был об этом информирован, но ни я, ни мое учреждение не имело ничего общего с этим вопросом. Это, как уже говорилось в связи с делом обвиняемого Шираха, проводилось исключительно указанными инстанциями. Учреждение по распределению рабочей силы как таковое здесь не участвовало. Я лично также об этом не помню.

Александров: Какое вы имели отношение к штабу по использованию рабочей силы вербовки «Центр»? Это был ваш штаб?

Заукель: Я не понял вопрос. Какой штаб вы имеете в виду?

Александров: Штаб, о котором написано в письме Альфреда Мейера, штаб по использованию рабочей силы «Центр».

Заукель: Я не могу найти слово «штаб».

Александров: В самом начале фразы: «Необходимо, чтобы штаб…».

Заукель: Термин армейский штаб вербовки «Центр» полностью мне неизвестен. Мне неизвестно, что он собой представлял и был он военным или гражданским ведомством. Он не имел ко мне никакого отношения. Я об этом не знаю.

Александров: Вы здесь заявили, что имперским управлением безопасности для ввезенных из оккупированных территорий людей были введены специальные опознавательные знаки. Для советских граждан это был знак – вы меня не слышите?

Заукель: Я не понял перевод.

Александров: Вы здесь заявляли, что для ввезенных из оккупированных территорий людей были введены специальные опознавательные знаки. Для советских граждан это был знак «Ост», для польских граждан — это был знак «П» и т. д. Вы заявили, что не были с этим согласны. Что вы сделали для отмены этого издевательства над людьми?

Заукель: Я все время пытался вообще избежать таких опознавательных знаков.

[88] Альфред Мейер (1891 — 1945) — партийный и государственный деятель Третьего рейха. В 1941-1945 заместитель министра оккупированных восточных территорий. Покончил жизнь самоубийством.

Рейхсфюрер СС категорически требовал этого – по моим точным сведениям было письмо от него в этом отношении – чтобы эти зарубежные рабочие, которые, по моей просьбе, свободно перемещались по Германии, должны были носить опознавательный знак, когда они выезжали из своих лагерей. Это не являлось оскорблением. Я хочу прямо подчеркнуть, что я не смотрел на это как оскорбление.

Александров: Понятно. Это ваша точка зрения. Со своим непосредственным руководителем, подсудимым Герингом, вы говорили по этому вопросу?

Заукель: Я не могу сейчас вспомнить, говорил ли я непосредственно с Герингом. Я могу лишь показать, что всегда периодически пытался добиться этого, до тех пор пока весной — мне кажется, это было в марте 1944 года — мои усилия действительно увенчались успехом и небольшой «восточный знак» был заменен национальным знаком на рукаве, - согласно предложению моих представителей в различных странах на Востоке.

Александров: Я спрашиваю, вы с Герингом говорили по этому вопросу или нет?

Заукель: Я не могу вспомнить, возможно, что да, а возможно, что нет.

Председатель: Генерал Александров, я думаю, вы можете пропустить это.

Александров: На вопросы вашего защитника и моего французского коллеги об отношении подсудимого Шпеера к вашему назначению генеральным уполномоченным, вы заявили, что вам об этом точно ничего известно не было. Вам сейчас передадут статью из газеты «Volkischer Beobachter[89]». Этот документ под номером СССР-467 я представляю трибуналу. Эта статья была опубликована 28 марта 1942 г. в связи с вашим назначением генеральным уполномоченным. Здесь даже помещена ваша фотография, как вы видите. Вы нашли это место, где написано следующее:

> «Назначение гауляйтера Заукеля последовало по желанию имперского министра Шпеера вследствие чрезмерного значения вопроса использования рабочей силы в военной промышленности».

Надо полагать, что вы не могли не читать этой статьи. Вы читали эту статью?

Заукель: В данный момент я никак не могу вам этого сказать. Вполне возможно, что я ее читал. У меня тогда не имелось много времени читать бумаги. Но, господин обвинитель я хочу сказать вам очень определенно, что за время моей службы я перевёл более 5 миллионов немецких рабочих из всевозможных отраслей немецкой промышленности в промышленность вооружений. Поэтому, принципиальной задачей являлось заниматься немецкими рабочими и их переводом.

Александров: Меня интересовало другое, почему подсудимый Шпеер был заинтересован в вашем персональном назначении генеральным уполномоченным? Это я хотел выяснить. Вы можете что-нибудь сказать по этому поводу?

---

[89] «Народный обозреватель» - немецкая газета. С 1920 года печатный орган НСДАП. Газета издавалась сначала еженедельно, с 8 февраля 1923 года ежедневно в издательстве Franz-Eher-Verlag.

Заукель: Почему рейхсминистр Шпеер был заинтересован в моем назначении, я вам сказать не могу. Я уже говорил моему защитнику, что для меня самого это было в то время совершенно неожиданно.

Александров: Вы утверждаете, что вследствие недостатка собственных людских ресурсов, гитлеровское правительство встало на преступный путь угона в рабство и использования в военной промышленности Германии мирного населения оккупированных территорий и военнопленных? Правильно, вы это утверждаете?

Заукель: Я должен возразить против такого мнения.

Председатель: Генерал Александров, я уже дважды указывал вам, что с вашей стороны неправильно ставить вопросы пользуясь подобными выражениями, как «преступный, преступление или нарушение договоров», так как тем самым вы уже предопределяете виновность подсудимого.

Александров: Вы утверждаете, что вследствие недостатка собственных людских ресурсов гитлеровское правительство встало на путь мобилизации и использования в военной промышленности Германии мирного населения оккупированных территорий и военнопленных. Это правильно?

Заукель: Я уже подробно ответил на этот вопрос моему защитнику. Мною были приведены ясные доводы, что я лично, после моего назначения, предложил совершенно другую программу. Однако, фюрер и другие инстанции остались ею недовольны, и я получил ряд приказов с соответствующими комментариями.

Александров: Но вы сами здесь утверждали, что людские резервы Германии были истощены? Вы об этом говорили?

Заукель: При исполнении своих служебных задач я неоднократно указывал на то, что как в Германии, так и в оккупированных областях при решении имевшихся налицо экономических задач были исчерпаны все возможности использования рабочей силы или же это использование не могло больше осуществляться надлежащим образом. Об этом говорится в моём манифесте. Впрочем…

Александров: Я сошлюсь сейчас на письмо подсудимого Шпеера, которое он направил вам 28 января 1944. Цитирую этот документ по книге документов защитника подсудимого Шпеера. Номер Шпеер-06. В этом документе подсудимый Шпеер обращает ваше внимание на недостаточное использование рабочей силы.

Флекснер: Я в моей книге документов поместил доказательство, которое имеет отношение к обсуждаемому здесь предмету. Потребуется ли мне данный документ – выяснится в ходе процесса. Я не считаю правильным, что обвинение использует мои документы прежде чем вообще будет заслушано дело, которое я веду. Поэтому я прошу суд принять решение по этому вопросу.

Председатель: Трибунал считает, что ходатайство защитника следует удовлетворить, и что вы не должны использовать этот документ до тех пор пока защита его не использует.

Александров: Господин председатель, я прошу вас тогда исключить из

стенограммы предшествующий вопрос относительно недостатка собственных людских ресурсов в Германии, ибо тогда, при этом условии он теряет смысл.

Председатель: Хорошо. Если вы этого хотите, пожалуйста.

Александров: Да, я это прошу.

Ваш защитник ознакомил вас в заседании 29 мая с документом номер ЕС-68. Это документ об обращении с иностранными рабочими польской национальности. Я не буду на нем останавливаться, так как он подробно приводился вашим защитником, а ограничусь оглашением вашего ответа защитнику по стенограмме судебного заседания.

Читаю по стенограмме:

> «Заукель: Я хотел бы, прежде всего, указать на то, что этот документ составлен 6 марта 1941 – то есть, здесь разница в одном годе – «в мою бытность на этой должности, так как здесь представляется этот документ, я прошу рассмотреть мои документы, которые, так сказать, подтверждают, что я автоматически уничтожил все подобные бессмысленные распоряжения, я, во всяком случае не мог давать подобных распоряжений какой-либо инстанции в империи».

Вы помните эти ваши показания на заседании суда 29 мая этого года?

Заукель: Так точно.

Александров: Теперь скажите…

Председатель: Генерал, мне сказали, что это неправильный перевод. Они были «отменены», а не «уничтожены». Вы сказали «уничтожены», не так ли?

Александров: Я читаю русский текст стенограммы и может быть здесь есть неточности, но я не возражаю против того, чтобы слово «уничтожить» заменить «отменить». Смысл один и тот же здесь остаётся.

Заукель: Могу я попросить повторить контекст? Он не совсем ясен.

Александров: Нет, сейчас я не хочу возвращаться к документу ЕС-68. Мне только нужно было установить, что вы здесь говорили, отвечая на вопросы вашего защитника в связи с этим документом. Вы не возражаете против записи ваших показаний, которые я сейчас огласил. Это соответствует тому, что вы здесь говорили 29 мая?

Заукель: Нет. Но я не понимаю, какое отношение к этому имел термин «уничтожил».

Александров: Здесь нужно употребить термин не «уничтожение», а «отмена». «Отмена».

Заукель: Возможно.

Александров: Вы подтверждаете показания, которые я сейчас огласил по стенограмме.

Заукель: Так точно.

Александров: Теперь скажите, вы помните, в какие условия были поставлены вами

украинские женщины и девушки из оккупированных территорий, мобилизованные для использования в германском сельском хозяйстве? Я сейчас передам вам документ СССР-383.

Председатель: У него есть номер PS?

Александров: Нет, это документ СССР.

[*Обращаясь к подсудимому*] В этом документе имеется приложение № 2 к вашему распоряжению от 8 сентября 1942 г. Это приложение называется: «Памятка домашним хозяйкам об использовании восточных работниц в городских и сельских домашних хозяйствах». Вы знаете этот документ, эту памятку?

Заукель: Да.

Александров: Я сейчас приведу несколько выдержек для того, чтобы охарактеризовать, в какие условия были поставлены вами эти украинские женщины и девушки, направленные для работы в немецкое сельское хозяйство. Найдите раздел «В»: «Регистрация в полиции, лечение, надзор». Нашли этот раздел?

Заукель: Нет, не совсем.

Александров: Раздел «В». Нашли, да?

Заукель: Страница 4?

Александров: В разделе «В» — «Регистрация в полиции, лечение и надзор» имеется следующее указание:

> «Восточная работница обязана носить на своей верхней одежде, на правой стороне груди, знак «Ост».
>
> Дальше…

Заукель: Я не могу найти. Я не нашёл.

Александров: Вы найдёте позже. Это указание там имеется.

Заукель: Да, но пожалуйста, я должен иметь возможность следить за вами.

Александров: Нашли?

Заукель: Да.

Александров: Теперь раздел 4. Называется: «Условия труда». Там написано:

> «Восточные работницы, используемые в домашнем хозяйстве в империи, находятся в специфических трудовых условиях».

Посмотрим дальше, что это за специфические трудовые условия. Найдите раздел 9 «Свободное время», первая строчка:

> «Права на свободное время восточные работницы не имеют».

Заукель: Да, однако, я прошу вас зачитать этот абзац дальше. Там говорится то же самое и в отношении других домашних работниц, немок…

Александров: Я вас перебью, я оглашу сейчас весь этот раздел 9.

Председатель: Генерал, я не думаю, что вы должны прерывать его, когда он делает обоснованное пояснение. Вы должны подождать пока он даст своё объяснение и затем обратить внимание на что-либо иное в документе, на что пожелаете. Итак, подсудимый, что вы хотели сказать.

Заукель: Я просил, чтобы была зачитана дальнейшая часть. Есть фраза, в которой сказано, что вместе с тем разрешалась еженедельная прогулка. Могу я ещё раз зачитать фразу:

> «Восточным работницам, занятым в домашнем хозяйстве, в принципе разрешается передвигаться свободно за рамками своей деятельности лишь в тех случаях, когда они выходят по делам хозяйства. Однако может быть предоставлена возможность один раз в неделю в течение трех часов находиться без работы за пределами домашнего хозяйства».

Такие же правила существовали и для домашних служащих — немок. Свободное время было одинаковое.

Александров: Не выходной день, здесь по этому вопросу написано иначе. Не свободное время. Там говорится:

> «…может быть предоставлена возможность один раз в неделю в течение трех часов находится без работы за пределами домашнего хозяйства, эта прогулка должна заканчиваться до наступления темноты».

Так, что речь идёт не о выходном дне о трёх часах. Теперь найдите раздел 10.

Заукель: Я этого и не говорил. Из-за затемнения, такой комендантский час применялся и к немецким служащим во время войны.

Александров: Теперь найдите раздел 10: «Свободное время, отпуск, возвращение на родину» — так называется этот раздел. Нашли? Там написано: «Отпуска пока не предоставляются. Восточные работницы, используемые в домашнем хозяйстве, мобилизуются на неопределенное время».

Заукель: Разрешите мне в связи с этим сделать замечание…

Председатель: Генерал, я думаю, вы можете пропустить это. Как вам известно – у этого вопроса нет большого значения.

Александров: Я хотел, господин председатель, чтобы подсудимый Заукель объяснил возникающие противоречия в его показаниях, которые он дал защитнику по поводу документа ЕС-68, и по поводу того, что здесь написано в изданной им в 1942 памятке об условиях использования украинских женщин в домашнем хозяйстве Германии. Я хотел получить на этот вопрос ответ, для того, чтобы устранить это возникшее противоречие.

Заукель: Я могу дать на это очень точный ответ. Эта памятка была составлена не только мною. Введения целого ряда пунктов в то время потребовал рейхсфюрер СС. Ещё весной 1943 я добился изменения этих параграфов и неопределенное время трудоустройства восточных рабочих было ограничено 2 годами. Далее, в документе, который как мне кажется мой защитник, также представит трибуналу, подтверждается, что снятие ограничений с восточных рабочих являлось результатом

моих действий. Я пытался устранить данные ограничения с самого начала, как я правильно заявил в своём первом ответе, для того, чтобы восточные рабочие находились в равном положении с иными зарубежными рабочими и немецкими рабочими.

Это являлось моей целью и моей концепцией моего долга как я его выполнял. Я особо был рад делать это для восточных рабочих так как они являлись лучшими рабочими в Германии.

Александров: Перехожу к следующему вопросу. 18 августа 1942 г. в Кракове у вас состоялась встреча с подсудимым Франком. Я прочитаю вам, что записано по поводу вашей беседы в дневнике Франка. Это документ СССР-223. Там записано. Это том в коленкоровом переплете под заглавием «Дневник 1942 года», том третий, страница 918:

> «Доктор Франк: Очень рад, что могу официально сообщить вам, что по сей день, мы направили в Германию свыше 800 тысяч рабочих. Недавно вы ходатайствовали о посылке еще 140 тысяч рабочих».
>
> И дальше:
>
> «Кроме этих 140 тысяч вы, однако, в следующем году можете рассчитывать на новые партии рабочих из Генерал-губернаторства, ибо для вербовки мы используем полицию».

Это соответствует действительности? Такая беседа у вас происходила с подсудимым Франком? Она правильно записана в его дневнике?

Заукель: Я ни в коем случае не могу подтвердить запись, которой я никогда ранее не видел и подробностей которой я никак не могу вспомнить. Поэтому я не могу сказать, все ли здесь правильно. Здесь говорится о том, что Франк наметил контуры будущих возможностей. Однако я могу, в силу документов имеющихся передо мной, сказать, что трудоустройство польских гражданских рабочих…

Председатель: Если вы не помните, почему вы так не скажите и не остановитесь?

Александров: Но он говорил вам относительно применения полицейских методов при вербовке или не говорил? Вы это помните или не помните?

Заукель: Я не помню подобного сообщения, которое относится к 1942 году. Тогда существовали совершенно иные условия.

Александров: А подсудимый Франк в своей деятельности по мобилизации рабочей силы прибегал к полицейским методам или нет? Вам об этом было известно?

Заукель: Руководствуясь своим собственным опытом, я не могу сказать вам, в какой мере генерал-губернатор прибегал к полицейским методам при проведении таких мероприятий. Спросите его самого.

Александров: Я представляю трибуналу документ под номером СССР-469, характеризующий методы вербовки рабочей силы, которые применялись на территории Польши. Этот документ представляет собою отпечатанный типографским путём официальный приказ крейсгауптмана в Минской и Варшавской

областях. Он датирован 2 февраля 1943 г. Этот приказ вручен Казимиру Новаку, родившемуся 6 мая 1926г., проживающему в Дызене, община Колбей. В этом приказе написано:

«На основании распоряжения о рабочей повинности от 13 мая 1942 г., в «Сборнике распоряжений генерал-губернатора», страница 255, налагаю на вас обязанность работы в Рейхе».

И вот, что написано в конце этого приказа:

«В случае вашего неподчинения настоящему приказу…

Председатель: Вы впервые предъявляете данный документ в качестве доказательства?

Александров: Этот документ представляется впервые.

Председатель: Что же, у нас нет документа. У вас есть ещё копии?

Александров: Здесь имеется, вам должны были передать. В книге документов, господин председатель, его нет. Сейчас вам будет передан текст на немецком языке.

Председатель: Вы предъявляете его впервые или он уже в составе доказательств?

Вы это не слышите?

Александров: Господин председатель, этот документ представляется впервые.

Председатель: Мы его всё равно не имеем. Я имею в виду, что у нас нет его копии.

Александров: Подлинный документ передан сейчас подсудимому, находится у него, копии на немецком языке переданы суду.

Председатель: У меня теперь есть на немецком языке.

Александров: В конце этого приказа написано:

«В случае неподчинения вами настоящему приказу о рабочей повинности, члены вашей семьи (родители, жена, близкие родственники) будут помещены в полицейский лагерь и освобождены из оного только после того, как вы явитесь. Кроме того, я оставляю за собой право конфискации вашего движимого и недвижимого имущества, а также движимого и недвижимого имущества членов вашей семьи. Кроме того, согласно параграфа 5 вышеуказанного распоряжения, вы будете наказаны тюрьмой, тяжелым заключением или заключением в концентрационном лагере.

Крейсгауптман доктор Битрих».

Вам было что-нибудь известно о применении подобных методов вербовки рабочей силы на территории Польши и о соответствующих распоряжениях подсудимого Франка?

Заукель: Я могу честно и откровенно ответить на этот вопрос: об угрозе наказания в такой форме мне ничего не было известно и что я никогда её не упоминал. Если бы я об этом узнал, я бы немедленно это прекратил. Однако, я должен попросить разрешения рассказать трибуналу, что это приложение в конце документа, относительно поступления из моего ведомства, неправильное и мной не

санкционировалось. Первый параграф данного документа зачитан верно и я прошу разрешения процитировать его. Он следует германскому трудовому законодательству и гласит:

«На основании распоряжения о рабочей повинности от 13 мая 1942 г., Verordnungsblatt, GG[90], страница 255, налагаю на вас обязанность работы в Рейхе.

Ваша работа в Рейхе будет регулироваться соответствующими условиями труда, и ваша заработная плата будет оплачиваться согласно регулярному графику. Сбережения заработной платы можно регулярно переводить домой. Близкие родственники, которые находятся у вас ни иждивении могут обратиться в трудовой отдел за специальной выплатой».

Александров: А то, что написано в конце это неправильно?

Председатель: Я не думаю, что нам требуются подробности.

Александров: Теперь я хочу напомнить вам указания, которые давались о методах так называемой: «вербовки» рабочей силы высшими правительственными органами Германии и лично вами, в известной уже вам вашей программе. Это документ СССР-365. Вами написано следующее…

Заукель: У меня этого нет.

Александров: Сейчас вам помогут найти.

Вам показали то место которое я сейчас оглашу?

Заукель: Да.

Александров: Там написано:

«В связи с этим необходимо полностью исчерпать все имеющиеся в оккупированных советских областях людские резервы. Если не удастся получить необходимую рабочую силу на основе добровольности, то следует немедленно приступить к мобилизации, к насильственной отправке».

Такие указания вами давались?

Заукель: Я до сих пор не нашел еще этого места. Мне неправильно его показали.

Александров: Сейчас вам покажут еще раз.

Такие указания вами давались?

Заукель: В оккупированных областях я не мог сам лично ведать всеми служебными вопросами, этим занимались областные управления. Однако под словом «принудительный» я имел в виду не действия под угрозой наказания в таких масштабах, как это, к величайшему огорчению, утверждается в одном из документов подписанном Битрихом а применение правил, действующих в Германии. Это очень существенная разница.

---

[90] «Вестник распоряжений Генерал-губернаторства» (нем.) – официальное печатное издание правовых актов Генерал-губернаторства.

Александров: Но то, что я сейчас вам прочитал, это написано в вашей программе или это не написано?

Заукель: Это написано в моей программе.

Александров: Хорошо.

Заукель: Но я определенно сказал, что мне это было поручено фюрером.

Александров: Теперь далее. В письме от 3 октября 1942 г. гауляйтеру Мейеру – это документ номер PS-017, вы писали, сейчас вам дадут этот документ. Следите за мной. Вам показали соответствующее место?

Заукель: Так точно.

Александров: Там написано:

> «Я учитываю трудности, которые встретятся при выполнении этого нового задания. Но я также убежден, что при применении всех средств и при полной преданности исполнителей — я подчеркиваю «всех средств» этого задания — выполнение нового поручения может быть осуществлено в соответствии со сроками».
>
> Это вы писали?

Заукель: Да, я это писал. Но я хочу, чтобы мне позволили дать вам развёрнутое объяснение. Во всех своих директивах я неизменно требовал наиболее учтивого обращения с рабочими; что уже подтверждалось данному суду. Когда я здесь сослался на безжалостное использование всех мер, я лишь имел в виду беспощадное использование всех технических мер и пропаганды, потому что мне из различных источников говорили, что такие средства не доступны в достаточной мере. Таково объяснение, приведшее к данному письму.

Александров: 31 марта 1942 г. вы направили письмо имперским комиссарам. Это документ номер СССР-127, сейчас вам его передадут. Вы писали в этом документе:

> «Вербовка, за которую вы отвечаете, должна форсироваться всеми доступными мерами, включая суровое применение принципа принудительности труда, с тем, чтобы в кратчайший срок можно было утроить количество завербованных».
>
> Такие указания вы давали?

Заукель: Это моя директива, я давал такие указания. Говоря о суровом применении принципа принудительности труда, я не имел в виду дурных или преступных методов, а считал, что к системе принудительного труда нужно прибегать лишь с целью выполнения количественного задания, когда дело касалось количества людей.

Александров: Теперь я приведу вам несколько выдержек из документов других лиц. Сейчас я приведу вам выдержку из выступления подсудимого Розенберга. Это документ СССР-170. Это стенограмма выступления подсудимого Розенберга на заседании Германского трудового фронта в ноябре 1942. Я приведу краткую выдержку из этого выступления.

> «…миллионы дрожащих от страха русских, реагируют точно также,

часть их воображает, что дорога в Германию…».

Заукель: Я не нашёл этого.

Александров: Сейчас вам помогут.

Председатель: Вероятно, нам лучше прерваться.

[*Объявлен перерыв до 14 часов*]

Вечернее заседание

Нельте: Я бы хотел обратить внимание трибунала на следующий факт: генерал Александров этим утром ссылался на документ номер PS-744. Прежде всего, мне передали документ который описан как немецкий перевод. Этот перевод содержит вещи очевидно невозможные.

Председатель: Доктор Нельте, вы сказали 744?

Нельте: PS-744.

Председатель: У меня нет никакой записи о том, что он ссылался на данный документ. Я не знаю, ссылался ли он, ссылались ли вы на PS-744 этим утром, генерал Александров?

Александров: Я ссылался на этот документ. Это распоряжение подсудимого Кейтеля от 8 июля 1943, по вопросу об использовании военнопленных в горной промышленности.

Нельте: Тогда советско-русское обвинение представило мне подлинник, то есть фотокопию письма датированного 8 июля 1943, подписанного Кейтелем. Теперь у меня есть две немецких версии. Они не сильно отличаются по содержанию, но перевод содержит нечто добавочное, чего нет в оригинале, а именно, что в заголовке письма, к «начальнику высшего командования Вермахта» добавлено «генеральный штаб армии».

Я не хочу затягивать время чтением других неправильных переводов, но я должен полагать, что вы имеете тексты на иностранных языках, которые как я вижу из повторного перевода на немецкий язык неправильные. Так как этот документ, оригинал, является доказательством и ему нет возражений, я бы хотел попросить вас распорядиться о том, чтобы переводы на иностранные языки, которые есть у вас, были проверены для того, чтобы понять в какой степени они отличаются от оригинального документа.

Председатель: Документ ранее предъявлялся в качестве экземпляра?

Александров: PS-744.

Председатель: Что же, это не означает, что он предъявлялся в качестве

доказательства. Это означает лишь то, что он таким образом идентифицирован. Он ранее приобщался в качестве доказательства?

Александров: Я не знаю номера USA этого документа, но по тем данным которыми я располагаю этот документ предъявлялся суду, на немецком экземпляре этого документа имеется указание, о том что немецкий перевод сделан 26 ноября 1945 года вторым лейтенантом инфантерии Фредом Нибергалом, поскольку доктор Нельте находит в этом переводе какие-то неточности, я полагаю, что нужно поручить бюро переводов уточнить эти расхождения которые здесь имеют место.

Нельте: Господин председатель, я убеждён…

Председатель: Я думаю, что лучше, чтобы его проверил отдел переводов. Мы распорядимся о том, чтобы это было сделано.

Александров: [*Обращаясь к подсудимому*] Сейчас вам передадут стенограмму выступления подсудимого Розенберга. Я ограничусь очень краткой выдержкой из этой стенограммы. Читайте за мной:

> «Часть их» - речь идёт о мобилизуемых рабочих- «воображает, что дорога в Германию нечто вроде дороги в Архангельск или в Сибирь».
>
> И дальше:
>
> «Я знаю, что если прибудет полтора миллиона человек, то им нельзя создать блестящих условий. То, что тысячи находящихся здесь людей живут в плохих условиях или подвергаются плохому обращению, является вполне естественным. Из-за этого не стоит слишком волноваться. Однако это очень серьезный вопрос. Я думаю, что гауляйтер Заукель уже обсудил его или собирается это сделать. Ведь эти люди с Востока привезены в Германию, чтобы работать и получить возможно более высокую нагрузку. Это очень серьезное дело, чтобы добиться нагрузки, их нельзя привозить на три четверти замерзшими и заставлять стоять в пути по десять часов. Им нужно давать есть, чтобы они имели достаточный запас сил».
>
> Кончаю цитату.

Правильно ли подсудимый Розенберг освещает положение, в котором находилась рабочая сила, вывозимая вами из оккупированных территорий, или вы считаете, что он освещает это неправильно?

Заукель: Я не могу сказать и никак не могу определить, когда Розенберг произнес эту речь. Я лично ее не слышал и не получал протокола. Но я могу категорически заявить, что как только я принял свою должность, я принял эффективные меры к тому, чтобы во что бы то ни стало избежать такого положения, о котором здесь говорил Розенберг и которое существовало до того, как я принял свою должность. Для предотвращения таких условий, я запланировал сотни подходящих и обязывающих инструкций юридического характера, применявшихся в отношении

всех национальностей работавших в Германии, которые делали такие условия невозможными. Вот, что я должен был сказать. Это не относится к периоду моей службы.

Александров: Господин председатель, я ограничусь этой одной выдержкой из выступления подсудимого Розенберга и не буду использовать многочисленные документы, уже представленные суду и с бесспорностью устанавливающих применение, с ведома подсудимого Заукеля, преступных методов мобилизации рабочей силы на оккупированных территориях и использование ее в качестве рабов Германии.

Я представлю трибуналу ещё только один новый документ под номером СССР-468. Этот документ представляет собой рабочую карточку выданную немецкими властями города Бреславля польской гражданке, Марии Атлер. Эта рабочая карточка характерна тем, что на обороте её имеется штамп с изображением свиньи. По свидетельству данному Марией Атлер под присягой, такие рабочие карточки выдавались немецкими властями в 1944 в городе Бреславле всем иностранным рабочим. Я передаю вместе с этим подлинным документом удостоверение польской правительственной комиссии в котором приведены показания свидетельницы Марии Атлер.

[*Обращаясь к подсудимому*] Подсудимый Заукель, вы посмотрели эту рабочую карточку? Вы нашли изображение свиньи на этой карточке?

Заукель: Да.

Александров: Вы знали о существовании таких рабочих карточек с изображением свиньи унижающих человеческое достоинство?

Заукель: У меня не было таких карточек, и я ничего об этом не знал. Я не совсем могу понять, что подразумевало это изображение. Я вообще не имел к этому никакого отношения. Я не знаком с такой опознавательной отметкой на карточке и не знаю, что мне об этом сказать. Я не знаю было ли возможным для какой-то трудовой администрации использовать такие опознавательные отметки или нет. Я бы просил разрешения посмотреть на подлинник.

Александров: Вы знали или нет о существовании таких карточек и о применении их?

Заукель: Нет, у меня не было ни малейшей мысли о существовании таких карточек с подобными изображениями. От этого у меня не было никакой пользы, и у меня не было никакой причины так оскорблять людей работавших в Германии. У меня не было ни малейшей мысли об этом, и я не знаю, что это означало.

Александров: Теперь я приведу краткую выдержку из документа СССР-179. Это стенографический отчёт совещания у рейхсмаршала Геринга от 6 августа 1942. Я цитирую ту часть этого выступления в которой подсудимый Геринг даёт оценку вашей деятельности. Читаю:

«Рейхсмаршал Геринг: к этому я должен сказать, я не хочу хвалить

гауляйтера Заукеля; он в этом не нуждается. Но, что он сделал в этот короткий срок для того, чтобы быстро собрать рабочих со всей Европы и доставить их на наши предприятия, это является единственным в своём роде достижением. Я должен сказать всем господам, если каждый в своей области приложил бы только десятую часть той энергии которую приложил гауляйтер Заукель, тогда действительно были бы легко выполнимы задачи которые возложены на вас. Это моё искреннее убеждение, а отнюдь не красивые слова».

Кончаю цитату.

Вы слышали такую оценку вашей деятельности из уст подсудимого Геринга?

Заукель: Возможно, что рейхсмаршал так сказал. Я не помню подробностей заседания состоявшегося настолько давно. Что правильно, так это то, что я как человек и как член своей нации, был обязан следовать своему долгу. Мои документы подтверждают, то что я пытался исполнять свой долг достойно и гуманно. Я прилагал к этому все усилия.

Александров: Сейчас я предъявляю трибуналу документ под номером СССР-462. Это статья доктора Фридриха Дидера, опубликованная в «Reichsarbeitsblatt» за 1944 и 1945 год. Это официальное издание имперского министерства труда и генерального уполномоченного по рабочей силе. Статья эта называется «Фриц Заукель, к пятидесятилетию со дня рождения».

Я не намерен цитировать эту статью, так как она сплошь восхваляет деятельность Заукеля и на этом нет нужды останавливаться. Я хочу только спросить вас, подсудимый Заукель, вам известна эта статья?

Заукель: Мне не знакома данная статья. Я не могу сказать, что в ней. Я не всегда мог подробно читать «Reichsarbeitsblatt» - она не издавалась мною. Это старое учреждение министерства труда, которое содержит все распоряжения касавшиеся этого министерства и также мои распоряжения. Распоряжения в «Reichsarbeitsblatt» свидетельствуют о моей заботе о зарубежных и немецких рабочих.

Александров: Тогда вам придется сейчас очень бегло ознакомиться с содержанием этой статьи. Сейчас вам её передадут.

Председатель: Какой документ он читает?

Александров: Статью в «Reichsarbeitsblatt» под названием «Фриц Заукель, к пятидесятилетию со дня рождения». Этот документ мы предъявляем впервые под номером СССР-462.

[*Обращаясь к подсудимому*] Ознакомились? Скажите, эта статья правильно характеризует вашу государственную и политическую деятельность?

Заукель: Автор статьи не эксперт. Я не могу сделать никаких дальнейших заявлений о содержании статьи к дню рождения. Она содержит очень обрывочное описание моей карьеры и моей области работы.

Александров: И последний вопрос. В своей речи на первой сессии штабов по использованию рабочей силы, 6 января 1943 в Веймаре, вы заявили – я цитирую по третьей книге документов вашего защитника, документ номер 82. Читаю:

> «Теперь, что касается основы нашей работы то мы находим их…» - пункт первый я опускаю и читаю сразу второй пункт – «в верности фюреру и народу. Она даёт нам оправдание для осуществления самых суровых мероприятий» - и в конце – «в этом отношении я буду брать на себя всё большую долю ответственности».

Так скажите теперь: отвечаете ли вы за массовый насильственный угон в рабство населения оккупированных территорий; за страдание и несчастье миллионов угнанных вами в рабство людей; за то, что вы в двадцатом столетии восстановило мрачную эпоху рабовладельчества?

Заукель: Я крайне благодарен вам, что вы процитировали данный документ. Вы покажете мне документ, для того, чтобы я мог дать правильное объяснение своим взглядам, содержащимся в нём?

Александров: Этот документ вашей защиты, если это вам необходимо, с ним вас ознакомит ваш защитник.

Господин председатель, перекрестный допрос подсудимого Заукеля я закончил.

Председатель: Доктор Тома, вы хотите допросить повторно?

Тома: Свидетель, в чем заключалась роль Розенберга как министра оккупированных восточных территорий при проведении распределения рабочей силы?

Заукель: Министр оккупированных восточных территорий при проведении распределения рабочей силы, должен был передавать мои пожелания и требования подчиненным ему ведомствам в этом министерстве постольку, поскольку они относились к моим задачам. Конечно, я не могу давать комментарии про другие департаменты в министерстве оккупированных восточных территорий, о чём мне неизвестно.

Тома: Розенберг непрерывно говорил вам о том, что он даст рейхскомиссару Коху указания об использовании его полномочий?

Заукель: Это верно. Одна из задач Розенберга заключалась в том, чтобы отдавать приказы рейхскомиссару Коху, который ему подчинялся, во всех сферах управления там.

Тома: Значит, то как вы это понимали заключалось в том, что он должен был давать ему указания. Каким образом?

Заукель: Розенберг давал и должен был – как мы прямо согласовали – давать указания Коху, прекращать любые дикие и сомнительные методы, которые противоречили моим инструкциям и насколько мне известно, Розенберг так и делал.

Тома: Розенберг, ссылаясь на полномочия рейхскомиссара, имел в виду, что ему запрещались ваши вербовочные методы и более не разрешал вашим вербовочным

подразделениям забирать восточных рабочих?

Заукель: Розенберг никогда мне это не говорил, скорее он отрицал это; так как эти комиссии, пока они находились на Украине, подчинялись и являлись составной частью ведомства по распределению рабочей силы рейхскомиссара Коха. Кох являлся надзорным и административным органом в этих вопросах. Это неопровержимый факт.

Тома: Могу я заметить трибуналу, что документ Розенберг-10 показывает, что Заукель не понял данное заявление Розенберга.

Председатель: Доктор Тома вы ссылаетесь на какой-то документ?

Тома: Розенберг-10.

Серватиус: Господин председатель, повторный допрос свидетеля защитником подсудимого Розенберга должен ограничивать себя новыми вопросами, которые затрагивались и являются предметом оспаривания. Имелась всякая возможность, когда его клиент давал показания, внести ясность в данные вопросы. В своё время я хотел внести ясность в данный вопрос по собственной инициативе, но мне сообщили, что я должен спросить Заукеля. Он сделал здесь чёткое заявление и по моему мнению нет повода ещё раз возвращаться к этому в связи с документами, которые относятся к предыдущему периоду защиты. Я возражаю такому опросу.

Председатель: Что же, доктор Тома, я думаю вам лучше продолжать и задать следующий вопрос. У меня пока нет документа, который вы представили свидетелю или на которой сослались. Какой ваш следующий вопрос?

Тома: Свидетель, вы в своей программе не брали полную ответственность за распределение рабочей силы?

Заукель: Я принял ответственность и признаю это, за то, что находилось в рамках моей власти – большего я не мог сделать – и за то, что я приказывал и для чего был предназначен. Доктор Тома этот сборник распоряжений предъявили и показывали господину Розенбергу…

Председатель: Доктор Тома, подсудимый всё это раньше проходил. Он всё это ранее проходил – о его ответственности.

Тома: Господин председатель, могу я заметить, что в вопросе ответственности, есть определенный параграф – решающий параграф – который ещё не читали. Это документ PS-016 о программе распределения рабочей силы, и он говорит на странице 21, пункт 1…

Председатель: Доктор Тома, скажите снова, какой документ.

Тома: PS-016, страница 20 немецкого документа. Сказано:

> «Весь технический и административный порядок распределения рабочей силы является предметом исключительной компетенции и ответственности генерального уполномоченного по распределению рабочей силы, региональные трудовые управления и трудовые отделы…».

Заукель: Доктор, внутри Германии. Вне Германии я конечно, подчинялся компетентным начальникам соответствующих районов. Это совершенно очевидно.
Тома: В ответ на этот вопрос я обращаю внимание трибунала на страницу 15 этой трудовой программы. Этот пункт 1, который я прочитал, находится в параграфе «Военнопленные и иностранные рабочие»
Заукель: В той мере в какой они использовались в Германии.
Тома: Могу я заметить, что в пункте 1 чётко сказано:

> «Весь технический и административный порядок распределения рабочей силы …».

Заукель: И могу я заметить, что мне было невозможно вмешиваться в полномочия рейхскомиссара Коха. Он прямо говорил, что он бы этого не позволил.
Тома: Свидетель, делегат четырехлетнего плана дал вам особые полномочия касательно призыва в отношениях со всеми властями и по моему мнению, неправильно то, что сейчас вы отрицаете эти методы вербовки и возлагаете ответственность за них на министра оккупированных восточных территорий.

У меня больше нет вопросов.

Серватиус: Господин председатель, защитник подсудимого Розенберга может участвовать в перекрестном допросе, но мне не кажется, что сейчас подходящее время выступать с обвинительной речью в отношении моего клиента.
Додд: Господин председатель, мне хорошо известно то, что было два перекрестных допроса, и у меня нет никакого желания проводить ещё один. Однако, у нас есть один документ у которого, как мы думаем есть кое какое значение и который передали генералу Александрову, но я думаю должно быть есть какая-то сложность в переводе. Перевод не был представлен. Я бы просил трибунал разрешить задать о нём один-два вопроса подсудимому и представить его. Думаю довольно важно его представить.
Председатель: Господин Додд, трибунал не думает, что этим должен создаваться прецедент, но в виду вашего заявления о том, что документ был представлен генералу Александрову, и что по некой причине он его не рассматривал, мы позволим вам перекрестно допросить об этом.
Додд: Сэр, очень хорошо.

Свидетель, вы помните случай в 1942, сразу после вашего назначения, когда вы встречались с некоторыми чиновниками министерства труда и обсуждали с ними программу которую должны были учредить и за которую должны были быть ответственным? Вы вспоминаете?

Заукель: Конечно, я не могу вспомнить подробности той дискуссии. Обсуждались различные пункт программы, и я могу также сказать в связи с этими комментариями сделанными защитником подсудимого Розенберга поскольку то, что он процитировал…
Додд: Минуточку, минуточку. Я просто спросил вас, помните ли вы это заседание и

вы сказали, что нет, а теперь здесь есть документ.

Заукель: Подробностей совещания я не помню.

Додд: А теперь посмотрите на стенограмму заседания.

Председатель: Что это за документ?

Додд: Это ЕС-318.

Председатель: У него есть номер экземпляра? Он приобщался или нет?

Додд: Сейчас я его предъявляю. Я ждал номер от секретаря.

Господин председатель, я получу номер немного позже. Я не готовился предъявлять данный документ, поэтому заранее не имелось номера.

[*Обращаясь к подсудимому*] Итак, я хочу обратить ваше внимание в частности на несколько отрывков. Вы начали рассказывать чиновникам собравшимся там, о том, что вы хотите тесного сотрудничества с ними; и затем, далее, вы выдвинули некую идею о количестве рабочих которых вы планировали завербовать. Здесь вы говорите про оцениваемую потребность в 1 миллион, и вы также совершенно ясно дали понять в тот день, что вы должны были получить большинство людей, большинство из этих рабочих с Востока и в особенности из Советской России.

Вы сказали этим чиновникам, что вы несколько часов говорили с фюрером и 8 часов с рейхсмаршалом, и что все вы договорились о том, что самой важной проблемой являлась эксплуатация рабочей силы на Востоке.

Далее вы заявили – вы видите это там?

Заукель: Где сказано об эксплуатации? Я не могу найти это слово.

Додд: Что же, вы найдете там, где вы говорите о том, что обсуждали свою задачу с фюрером в беседе, длившейся несколько часов. Вы находите?

Заукель: Я не могу найти.

Додд: У вас немецкий язык, не так ли?

Заукель: Да, но пожалуйста, будьте добры назвать мне страницу?

Додд: В середине страницы 2. Вы нашли?

Заукель: Господин обвинитель, я хочу в особенности отметить вам разницу в немецком языке между словами «использование» и «эксплуатация». «Эксплуатация» это слово, которое на языке рабочих, имеет скорее плохое значение, но «использование» это совершенно обычная концепция; использовать что-то, означает извлекать пользу. Есть большая разница в смысле в немецком языке.

Додд: Что же, мы будем стоять на своём, а вы на своём, и трибунал рассудит в том у кого из нас правильный перевод.

В любом случае, говорили вы «использовать» или «эксплуатировать», вы сказали, что самое важное решение так или иначе в использовании или эксплуатации…

Заукель: Господин обвинитель, это не одно и тоже. В немецком языке существует фундаментальная разница в смысле. Я должен отметить, что слово эксплуатация

является словом, которое я не использовал и не хотел использовать.

Председатель: Подсудимый, говорите немного тише. Вы заглушаете голос переводчика.

Заукель: Милорд, я прошу вашего прощения.

Додд: Меня не интересует, согласны или нет вы со словом «эксплуатация». Это самая незначительная часть данного документа, как я думаю, вы это, наверное, уже поняли.

Заукель: Я прошу возразить вам. Это слово является самым важным с человеческой точки зрения.

Додд: Я вообще не собираюсь с вами спорить. Мы…

Председатель: Подсудимый, трибунал полностью способен понять разницу в использовании слов, и вы сказали нам, что перевод правильный.

Додд: Итак, если вы спуститесь немного ниже, вы вспомните то, что сказали о том, что 1 миллион русских должны были доставить в Германию как можно быстрее, чтобы они оказались доступны ещё до наступления?

Это следующая фраза вашего текста. Глядя на меня вы это не увидите. Вы прочитаете следующую фразу.

Заукель: Да, я бы хотел, чтобы мне разрешили прочитать следующую фразу:

> «Необходимым условием для принятия задачи должна быть гарантия, что русским будут предоставлены приблизительно такие же пайки, как и немецкому гражданскому населению».

Додд: Вы пропустили фразу, которую я хотел, чтобы вы прочитали. Я знаю, что она рядом, но я хочу, чтобы вы прочитали там, где вы говорите о том, что должны как можно быстрее доставить 1 миллион русских в Рейх, и это непосредственно или следующая фраза после той, которую вы обсуждали про слова «эксплуатировать» или «использовать».

Заукель: «…как можно скорее должны быть доставлены в Рейх».

Додд: Это всё, что я хочу знать. Вы помните, что говорили это?

Заукель: Да, я это сказал. Я должен в связи с этим сказать, что это протокол который я никогда раньше не видел и не проверял. Кто-то его подготовил, но с самим протоколом я не знакомился и его мне никогда не представляли.

Додд: Что же, я полагаю, он может быть правдой, даже если не вы его составили.

Давайте перейдем к предпоследнему абзацу и вы найдете фразу которая гласит или предлагает:

> «С ними» - относится к русским – «германской администрации на Востоке следует обращаться настолько жёстко, чтобы они предпочитали ехать в Германию, нежели оставались в России».
>
> Вы находите это?

Заукель: Вы скажите мне, где эта фраза?

Додд: Что же, сразу после фразы, где вы говорите о переговорах с Гиммлером.

Может быть это вам поможет.

Вы находите там где вы говорите о ваших переговорах с рейхсфюрером СС? Вы добились от него снятия колючей проволоки. Уверен вы должны были это прочитать.

Теперь вы нашли фразу, не так ли?

«Германской администрации на Востоке следует обращаться настолько жёстко, чтобы они предпочитали ехать в Германию, нежели оставались в России».

Вы помните, что так говорили?

Заукель: Я не могу сказать, что я использовал такие конкретные слова, выступая перед ними, как я уже заявил, это протокол с заявлениями проблематичного характера, который я сам не проверял и не могу быть уверен в том, как третье лицо записало данный протокол по памяти. Это не стенографическая запись, это просто протокол, который никем не подписан и в котором…

Додд: Не думаю, что вам требуется приводить нам длинную диссертацию о том факте, что это чья-то ещё стенограмма. Она вам не представлялась как ваша.

Заукель: Да, но я вправе и обязан так сказать.

Додд: Я желаю, чтобы вы подождали минуту и позволили мне ещё раз поставить вам вопрос. Я не предлагал, что это ваша стенограмма. Я представил это вам просто для того, чтобы определиться вспомните вы увидев это или нет. И вы припоминаете или нет?

Заукель: Я точно не помню этот отрывок. Я могу просто зачитать нечто написанное третьим лицом и мне неизвестно кто это был. Этот человек мог запросто неправильно меня понять, возможно так…

Додд: Что же, вы также находите, что вели какие-то беседы с рейхсфюрером СС. Вы помните, что сказали это, в ходе этой беседы или выступления, чем бы это не являлось?

Заукель: Рейхсфюрер СС отказывал мне по нескольким поводам и я должен был настаивать, чтобы добиться устранения рейхсфюрером СС ограждений из колючей проволоки. Я сделал это. С самого начала своей службы я смягчал приказы рейхсфюрера СС; и это, конечно, приводило к ожесточенным спорам между нами.

Додд: Значит данная часть стенограммы правильная, не так ли? Докладчик, или кто-бы то ни был, кто записал это, правильно доложил сказанное вами о переговорах с рейхсфюрером СС, не так ли? Вы в этом не находите ошибки?

Заукель: То, что он записал в подробностях о том, что я предположительно говорил, я ещё не прочитал.

Додд: Итак, послушайте. Прочитайте снова и посмотрите на бумагу, на которую только, что посмотрели. Вы находите ошибку во фразе которая говорит, что вы сказали, чтобы с ними обращались грубо на Востоке, но вы не находите никакой ошибки во фразе в начале, которая говорит о том, что вы добились снятия колючей

проволоки, не так ли?

Кажется, вы жаловались на тот факт, что это доклад кого-то другого, а не ваш. Вы это прочитали?

Заукель: Нет.

Додд: Что же, данная фраза чуть выше той о которой мы говорим.

Вы на самом деле говорите, что не можете найти это? Вам помочь?

Заукель: Кажется здесь две страницы задвоены.

Додд: Свидетель, все, о чём я вас спрашиваю, является ли достаточно правильным сообщение о вашей фразе про встречу с Гиммлером. Это так?

Заукель: Этого я не могу сказать на память. Я очень редко говорил с Гиммлером и потом только прерывисто. Переговоры могло вести моё ведомство по моему приказу. Это я вам не могу сказать.

Додд: Что же, ваш ответ на всё это, в том, что вы не помните, что вы там говорили; вам это никак не помогает вспомнить?

Заукель: Вы не можете ждать от меня точной памяти о событиях, которые недолго длились и происходили настолько давно.

Додд: Я полностью готов остановиться на этом. При отсутствии памяти существуют письменные протоколы, и я оставляю это для трибунала…

Председатель: Господин Додд, я думаю, вы должны предъявить ему…

Заукель: С которым я, однако, до этого не знакомился.

Председатель: Думаю, вы должны предъявить ему следующий параграф, «В третьих…», который следует после фразы о грубом обращении.

Додд: Да, сэр.

[*Обращаясь к подсудимому*] Итак, если вы поставите палец на то место где вы были, вы не потеряете это, и вы найдёте следующую фразу – она начинается:

> «В-третьих, он назвал нетерпимыми ранее установленную рейхсмаршалом оплату труда и убедил рейхсмаршала в том, что у русских должна быть возможность заработка до половины заработной платы немецких рабочих»

Кстати в связи с данной фразой, а что предлагал рейхсмаршал?

Заукель: До моего прихода на должность – и я долго говорил об этом со своим защитником – существовали распоряжения совета министров относительно регулирования заработной платы, и я постоянно увеличивал эту заработную плату – фактически четыре раза, насколько у меня получалось, за время своей службы.

Председатель: Это не ответ на вопрос. Вам задали вопрос: «Что предлагал рейхсмаршал в качестве заработной платы для рабочих?» Вы можете на это ответить.

Заукель: Рейхсмаршал мне ничего не предлагал. Когда я пришёл на должность я обнаружил существующие правила, которые я считал недостаточными.

Додд: Что же, расскажите нам об этом побольше. Что вы имеете в виду под словом

недостаточные? Вы использовали здесь слово недопустимые. Какой была ситуация в отношении заработной платы, когда вы пришли на должность?
Заукель: Я уже объяснял это вчера во время допроса моим защитником, я приводил в качестве примера факт, что восточный рабочий, когда я пришёл на должность, получал заработную плату в 60 пфеннигов в час, что после вычетов на продовольствие и проживание, оставляло ему наличными 4 ½ марки. Я изменил это после прихода на должность и удвоил выплаты наличными. Целью инструкций существовавших до моей службы, вероятно, заключалась в том, чтобы предотвратить слишком большое обращение денег по валютным причинам. Мне неизвестны подробности.
Додд: Господин председатель, данный экземпляр станет USA-881.
У меня больше нет вопросов.
Баллас: Я замещаю доктора Хорна представляющего подсудимого фон Риббентропа.
У меня есть несколько вопросов, которые я хочу задать свидетелю.
Вчера в перекрестном допросе вы говорили о французской дипломатической организации, сформированной под руководством посла Скапини, для французов в Германии. Это правда, что подсудимый Риббентроп желал того, чтобы данная организация была сформирована?
Заукель: Это являлось нашим взаимным желанием и договоренностью. Мы оба имели одинаковые интересы. Это правильно.
Баллас: Вы можете назвать мне причины, которые заставили фон Риббентропа создать данную организацию?
Заукель: Причиной являлось, по моему мнению, достижение взаимопонимания между французским и немецким населением дававшее гарантии того, что особая забота будет предоставлена французам работавшим в Германии.
Баллас: Данная дипломатическая организация также являлась ответственной за обращение с французскими военнопленными? Вы можете рассказать мне о причинах, почему германское министерство иностранных дел решилось на такое необычное соглашение в то время, когда между Францией и Германией существовало состояние войны?
Заукель: Были конференции между французским правительством маршала Петэна и германским правительством и обе нации соответственно попытались добиться взаимопонимания.
Баллас: И ввиду этого возникли эти необычные меры относительно военнопленных?
Заукель: Не только ввиду этого, я считал их особо необходимыми, и я могу упомянуть в этой связи, что данная организация позднее была разделена или дополнена. Дополнительно к господину Скапини, который в частности заботился о французских военнопленных, господин Бруне принял ответственность за

французских гражданских рабочих.
Баллас: Это правда, что подсудимый фон Риббентроп в министерстве иностранных дел создал организацию по доставке в Германию с оккупированных территорий артистов, лекторов, журналистов, книг и т. д, для зарубежных рабочих, чтобы данные рабочие возвращались домой хорошо настроенными к взаимопониманию с Германией.
Заукель: Это являлось целью соглашения заключенного рейхсминистром иностранных дел во взаимодействии с рейхсминистерством пропаганды, Германским трудовым фронтом и моим ведомством, чтобы улучшать свободное время иностранных рабочих при помощи зарубежных артистов и лекторов. Многие русские артисты находились в Германии с данной целью. Также была задача доставки библиотек и периодики для этих людей из своих родных стран.
Баллас: Спасибо. У меня больше нет вопросов.
Серватиус: Господин председатель, для того, чтобы исправить ошибку в схеме в документе Заукель-1, я лишь хочу удостовериться у свидетеля.

[*Документ передали подсудимому*]

Серватиус: Свидетель среди прочих работодателей рабочей силы вы упоминали ведомства подсудимого Функа, не так ли?
Заукель: Да.
Серватиус: И спустившись ниже, вы находите в третьем квадрате «инспекцию по вооружениям» и под ним «Рейхсавтобан». Эти два квадрата размещены неправильно. Они сюда не относятся. Это, правда, что эти два квадрата нужно зачеркнуть?
Заукель: Да, правильно.
Серватиус: Таким образом, я прошу, чтобы таблица была уточнена при помощи зачеркивания двух квадратов. Они относятся к министерству Шпеера, но я не уделяю большого внимания этой стороне и я не желаю здесь это обсуждать.

Затем снимок из фотоальбома Бухенвальда, там был ряд снимков представленных для того, чтобы показать подсудимого вместе с Гиммлером.

Свидетель, вы можете сказать по фотографии приблизительное время той встречи? Есть некоторые указания, которые вы обсуждали со мной вчера. Вы кратко опишите их?
Заукель: Да. В левом верхнем углу фотографии показано, что ещё идет строительство, я могу видеть незаконченное дорожное покрытие и похожее. Поэтому это могло быть во время строительства.
Серватиус: И, что вы можете сказать о времени по одежде различных людей?
Заукель: Одежда показывает совершенно чётко, что это довоенное время, так как Гиммлер одет в черную форму, которую он никогда не носил во время войны.

Кроме того на нем надет кинжал, который запретили во время войны. Совершенно ясно, что эта встреча состоялась до войны.

Серватиус: Эти люди носят награды?

Заукель: Я не смог понять носят ли они награды; нет.

Серватиус: И поэтому, я могу заключить, что данная фотография была сделана когда-то до войны?

Заукель: Совершенно точно за некоторое время до войны, потому что я сам не носил во время войны форму СС.

Серватиус: Документ номер F-810 был предъявлен вчера. Это доклад о заседании в Варбурге. Начиная со страницы 25 немецкого текста, идет доклад доктора Штурма, который вам показывали и в котором сказано помимо прочего, что было сотрудничество между Гестапо и концентрационными лагерями и что это являлось правильной дорогой. Вас спросили являлось ли это также вашим взглядом и являлось ли такое сотрудничество правильным.

Что вы под этим понимаете? Вы имеете в виду, что вы соглашались с методами, используемыми в концентрационных лагерях, как их практиковал Гиммлер?

Заукель: Ни в коем случае, как показывает документ, я не хотел указать на то, что они были правильными, что рабочую дисциплину нужно было насаждать шаг за шагом, что предусматривалось в случае неподчинения: Сначала выговор, затем маленькие штрафы налагаемые фабрикой, как изложено фактически, в моём распоряжении номер 13, которое я хочу приобщить в качестве документального доказательства. Лишь потом, после признания недостаточными выговора и небольших штрафов на фабрике, дальше следовало, как упоминается в документе обвинение в суде прокурором. Я назвал корректной подобающую уголовную процедуру. Никоим образом я не хотел характеризовать методы в концентрационных лагерях как правильные. Я вообще не был знаком тогда с этими методами.

Серватиус: Господин председатель, у меня есть документ, номер PS-1764. Я не смог установить предъявляли ли его. Я просто получил его в форме фотокопии. Это так называемый доклад Геммена, доклад, который посланник Геммен подготовил о секторе распределения рабочей силы во Франции. Я хочу прочитать подсудимому короткий отрывок, который касается количества французов работавших в Германии, и я хочу, чтобы он подтвердил это.

[*Обращаясь к подсудимому*] Свидетель, я прочитаю вам отрывок и спрошу вас…

Председатель: Доктор Серватиус, странно предъявлять документы в ходе повторного допроса. Почему вы не использовали его в основном допросе?

Серватиус: О цифрах спросили в перекрестном допросе, не раньше. Я не придаю большого значения выяснению подробностей о том сколько сотен тысяч пришло

или ушло. Я могу опустить данный вопрос и оставить это для заключительной речи.

Председатель: Трибунал не говорит, что вы не можете его сейчас использовать. Так как это вытекает из перекрестного допроса, я думаю вы можете его использовать.

Серватиус: Свидетель, я хочу коротко зачитать вам относящийся к делу отрывок; и я хочу, чтобы вы мне сказали о том верны ли представленные взгляды.

Посланник Геммен докладывает здесь в письме полученном министерством иностранных дел 6 февраля 1944, подпараграфе III, следующее:

> «Распределение рабочей силы в Германии:
>
> Это началось с добровольной вербовки рабочих, которая до конца 1942 предоставила 400 000 человек. В течение первой половины 1943 имели место ещё две добровольные вербовки по 250 000 каждая. Первая, одобренная предоставлением releve – что позволило высвобождать военнопленных в пропорции 1 пленный на 3 завербованных – или предоставлять статус рабочего, предоставила почти 200 000; в то время как вторая смогла быть реализована только в результате использования закона об обязательной службе, то есть, по принуждению, и предоставила лишь 120 000 человек.
>
> Я пропускаю конец страницы и читаю со страницы 8:
>
> «По итогам акции Заукеля всего 818 000 человек, в большинстве мужчины, отправились в Германию; 168 000 из них по закону об обязательной службе. Из всех них на конец января 1944 остаётся только 420 000».

Насколько вы можете вспомнить, эти заявления в целом правильные?

Заукель: Могу я заметить в этой связи, что посланник Геммен в посольстве в Париже занимался там этими вопросами, и они приводятся правильно. Наконец, вы подразумевали 420 000, а не 420, не так ли?

Серватиус: Тысяч.

Заукель: Решающее здесь то, что из-за короткого срока контракта, французские рабочие менялись каждые 6 месяцев, таким образом, только половина находилась там в то время.

Серватиус: Да, вы уже говорили об этом.

Заукель: В качестве пояснения я бы хотел разрешения трибунала, рассказать трибуналу, что пока существовала пропорция 1 к 3 – означавшая, что Германия возвращала обратно 1 военнопленного в ответ на 3 рабочих – и военнопленный и французский гражданский рабочий заменявший его по большей части возвращались в свою страну спустя 1 ½ года, так как каждый оставался только 6 месяцев.

Очень трудно было склонить фюрера к такому порядку.

Серватиус: У меня больше нет вопросов.

Председатель: Мы прервёмся.

[*Объявлен перерыв*]

Председатель: Трибунал заслушает некоторые дополнительные ходатайства о свидетелях и документах в 2 часа понедельника.

Герцог: Господин председатель, я хочу кратко вернуться к документу D-565, то есть фотографиям, показывающим подсудимого Заукеля в концентрационном лагере Бухенвальд.

Обвинение никогда не утверждало и не утверждает сейчас, что эти фотографии датированы периодом войны. Напротив, подлинник, который вам показывали, имеет датой этих фотографий 1938 год.

Подсудимый, когда он допрашивался своим защитником, сказал нам, что он посещал Бухенвальд в компании итальянских офицеров. Я не увидел ни одного итальянского офицера на данных фотографиях; я просто вижу рейхсфюрера СС Гиммлера.

Однако, я не оспариваю, и никогда не утверждал, что данные фотографии датированы годом иным чем 1938.

Серватиус: Господин председатель, у меня есть один последний вопрос в связи с экземпляром Заукель-82 из документальной книги Заукеля 3, страница 206 и далее. На странице 207 мы находим заявление под номером 3, которое я снова хочу предъявить подсудимому, потому что обвинитель от Советского Союза заявил о том, что Заукель заявлял здесь, что он не даст никакой защиты от преступлений. Я бы снова хотел прочитать фразу подсудимому и попросить у него объяснение. Я сам уже цитировал это однажды; видимо есть недопонимание. Это очень короткое заявление; оно гласит: «Вы можете требовать от меня любой защиты в своём трудовом районе, но никакой защиты за преступления».

Свидетель, это означает, что вы не давали защиты от преступлений?

Заукель: Напротив, из документа очень ясно, что я не терпел никаких преступлений. Я бы не защищал тех людей, которые не подчиняясь мне, совершили бы преступления. Они не должны были их совершать; в этом заключалось то, что я запретил…

Серватиус: Мне кажется, что немецкий язык очень чётко показывает, что объяснение данное подсудимым правильное.

У меня больше нет вопросов к свидетелю.

Биддл: Подсудимый Заукель, я хочу задать вам ряд вопросов. И постараетесь говорить спокойнее и внимательно слушать вопросы и постараться давать содержательные ответы на вопросы?

Заукель: Да.

Биддл: Итак, первое, я собираюсь немного расспросить вас о вашем персонале. Я так понял, вы имели одно крупное центральное ведомство, не так ли – одно крупное центральное ведомство?

Заукель: Ваша честь, у меня имелось небольшое центральное ведомство.
Биддл: Небольшое центральное ведомство. И сколько людей…
Заукель: Моё собственное ведомство.
Биддл: Сколько сотрудников было в этом ведомстве?
Заукель: Ваша честь, в этот личном ведомстве, было два личных эксперта; министериальрат, доктор Штотфанг; ландрат доктор…
Биддл: Секундочку; сколько, просто сколько?
Заукель: Два высших чиновника и около восьми средних и низших чиновников, таких как помощники и регистраторы.
Биддл: Ваши инспектора работали в этом ведомстве?
Заукель: Инспектора относились к девятому управлению рейхсминистерства труда, которое создали там. Это было особое управление, которое было создано рейхсминистерством труда по моей просьбе, с высшими чиновниками, которые…
Биддл: Итак, я полагаю инспектора работали, подчиняясь вашим инструкциям и докладывая вам, не так ли?
Заукель: Инспектора докладывали сначала в пятое управление рейхсминистерства труда. Меня информировали об особо важных случаях. Инспектора имели права и обязанности исправлять плохие условия на местах, когда они подтверждались трудовой администрацией.
Биддл: Сколько было инспекторов?
Заукель: В девятом управлении, мне кажется…
Биддл: Нет, нет – всего, сколько всего?
Заукель: Ваша честь, существовали разные инспекционные управления. Эта инспекция…
Биддл: Минуту, подсудимый. Послушайте вопрос. Я сказал, сколько инспекторов было во всех инспекционных управлениях?
Заукель: По моим сведениям я не могу сказать, сколько было в Трудовом фронте. Степень инспекционных отделов в Трудовом фронте должна была быть предметом для объяснений доктора Лея. Мне неизвестны подробности этого.
Биддл: Что же, вам известно сколько инспекторов работали, чтобы инспектировать рабочую силу. Вы должны знать о том, сколько их было, не так ли?
Заукель: Я не могу привести точные цифры, но их могло быть приблизительно 60 или 70, если взять их всех вместе включая находившихся в Германском трудовом фронте.
Биддл: Итак, они выезжали за пределы Германии или они работали только в Германии?
Заукель: Данные инспектора работали по большей части только в Германии.
Биддл: И они инспектировали такие вопросы как продовольствие и перевозку и условия в лагерях и тому подобное, не так ли?
Заукель: Это являлось их задачей.

Биддл: Да. И важные доклады приходили бы к вам?

Заукель: Нет. По договоренности доклады должны были направлять высшим компетентным властям Рейха, для устранения плохих условий. За плохие условия в промышленности и лагерях компетентным органом являлась промышленная инспекция подчиненная рейхсминистру труда Зельдте. Это был высший…

Биддл: Что же, ничего из этого к вам не поступало?

Заукель: Жалобы мне тоже приносили, но я не мог ничего делать кроме того как направлять их обратно в компетентные ведомства и просить о том, чтобы было сделано всё для улучшения условий; вот, что делал я.

Биддл: Доклады инспекторов поступали к вам, любые доклады инспекторов?

Заукель: Доклады не поступали ко мне напрямую; они шли через каналы тех ведомств, которых касалось исправление таких злоупотреблений.

Биддл: Подсудимый, я не спрашиваю вас о том приходили ли они напрямую, а о том приходили они к вам в итоге? Вы их получали? Вы их видели?

Заукель: Такие доклады очень редко приходили ко мне.

Биддл: Значит вы не знаете о том какими были тогда условия, поскольку вы не получали доклады инспекторов, это правильно?

Заукель: Четырежды или дважды в год я также направлял своих помощников и этих инспекторов лично к гауляйтерам германских гау, и я получал доклады о том, что они обсуждали во время этих частных совещаний с региональными управлениями и о том, что они инспектировали и наблюдали. Не было ничего катастрофического характера, просто недостатки в исполнении директив, которые я принимал. Меня информировали о подобных вещах…

Биддл: Значит вы говорите нам, что не получали никаких докладов катастрофического характера; это правильно?

Заукель: Я не совсем понял этот вопрос.

Биддл: Вы никогда не получали никаких докладов или жалоб о том, что вы называете катастрофическим характером; правильно?

Заукель: Внутри Германии – я получал доклады и жалобы, такие как я, описывал своему защитнику от фельдмаршала Клюге или же они становились мне известны из дискуссий с Розенбергом. Я немедленно предпринимал необходимые меры. Но так было нечасто…

Биддл: Подсудимый, если бы вы выслушали вопрос и попытались на него ответить, я думаю, мы продвигались бы быстрее. Вы использовали выражение «катастрофического характера»; такими были ваши слова. Вы получали какие-либо доклады катастрофического характера?

Заукель: Я узнал от фельдмаршала Клюге и из докладов, которые упоминались здесь, от Розенберга, о нескольких случаях, которые я считал катастрофическими и пытался исправить.

Биддл: Их вы называли катастрофическими случаями?

Заукель: Да.

Биддл: В чём они заключались?

Заукель: Было дело на Востоке, о котором мне сообщил фельдмаршал Клюге, где кинотеатры окружали вербовочные агенты. Я считал это катастрофическим. Вторым случаем было дело о возвратном транспорте, в котором согласно докладу – это называл последующий доклад, но я не помню номер документа – говорилось, что ребёнок умер по пути и был убран из поезда. Я считал это катастрофическим. Но могло…

Биддл: Вы ответили.

Заукель: Но…

Биддл: Вы сейчас ответили.

Вы получали какие-нибудь жалобы на Коха?

Заукель: Временами я получал жалобы на Коха от министра оккупированных восточных территорий Розенберга и также от другого источника. Конечно, Кох всегда очень яростно защищал себя.

Биддл: Тогда у вас имелись жалобы на Коха от нескольких людей?

Заукель: Да. Я мог…

Биддл: И жалобы говорили о том, что делал Кох, не так ли?

Заукель: Я не получал жалоб от многих сторон на Коха, но скорее с одной стороны…

Биддл: Итак, подождите…

Заукель: Но от нескольких людей…

Биддл: Подождите. Вы не хотите ответить на мой вопрос? Я не спрашиваю вас о том, получали ли вы много жалоб. Я сказал: «Жалобы говорили о том, что делал Кох». Правильно?

Заукель: Да, в некоторых случаях.

Биддл: И, что вы делали с этими жалобами?

Заукель: Что касалось области моей работы, когда я получал жалобы, такие как обсуждали здесь, я созывал совещание в своём ведомстве. Так было дело сразу после жалоб Розенберга и по этому поводу, я занял отношение, которое мой защитник приводил и указывал в отношении совещания от 6 января 1943.

Биддл: И вопрос Коха завершился после совещания, я так понимаю? Это всё, что вы сделали?

[*Ответа не последовало*]

Биддл: На этом то, что касалось вас закончилось?

Заукель: Что касалось меня, я лично отмечал фюреру по нескольким поводам, что я считал, что не могло быть и речи о том, чтобы плохо обращаться с восточными рабочими и народами на Востоке; и при помощи распоряжений, которые я

постоянно принимал и которые находятся в моих документах, я делал всё, что мог, чтобы защитить их. Я прошу…

Биддл: Я спрашивал вас про центральное ведомство. У вас были, какие нибудь отделения?

Заукель: Нет, у меня не было никаких отделений. Два управления министерства труда пятое и шестое, предоставили в моё распоряжение для выполнения моих задач административного и технического характера.

Биддл: Хорошо. Этого достаточно.

Заукель: Там проводились деловые вопросы административного характера осуществлялись. Я прошу…

Биддл: Минуточку. Итак, существовали вербовочные ведомства министерства труда?

Заукель: Нет. В министерстве труда были…

Биддл: Забудьте. Это всё, что вам нужно было сказать.

Где они были, где были вербовочные ведомства?

Заукель: Вербовочные ведомства были на оккупированных территориях.

Биддл: Я это понимаю. Но подчиненные какому ведомству? Какой администрации? Какому управлению?

Заукель: Трудовые отделы сами по себе были включены в администрацию этих территорий. Это ясно можно понять из моего распоряжения номер 4, ибо то же самое было до моего прихода на должность. Они являлись неотъемлемой частью местной администрации.

Биддл: Местной администрации? Когда вы упоминали 1500 окружных отделов, они являлись вербовочными отделами?

Заукель: Они являлись отделами на всех разнообразных территориях, которые представляли различные администрации низшего уровня, как я только что упоминал.

Биддл: Вы не отвечаете на вопрос. Я спросил вас, являлись ли они вербовочными отделами. Они являлись вербовочными отделами?

Заукель: Они не являлись только вербовочными отделами, они являлись отделами территориальной трудовой администрации низшего уровня.

Биддл: Значит, они осуществляли управление и вербовку?

[*Ответа не последовало*]

Биддл: Они осуществляли вербовку, не так ли?

Заукель: Я понимаю под этим одно и тоже. Вербовка проводилась согласно немецким принципам как часть управления. Вне управления вербовка не могла проводиться.

Биддл: Значит, они являлись вербовочными отделами? Ответ «да» не так ли? Они

являлись вербовочными отделами?

Заукель: Да.

Биддл: Хорошо. Вы это говорили в начале. Это то, что я хотел знать. Теперь я хочу узнать об отношении ваших ведомств к партийным ведомствам. Гау и гауляйтеры работали во взаимодействии с вами как уполномоченные, не так ли?

Заукель: Нет, ваша честь, это ошибка. Гауляйтеры не имели никакого отношения к вербовке, это…

Биддл: Итак, подождите. Я ничего не говорил о вербовке. Я спросил вас об отношении ваших ведомств к гауляйтерам. Гауляйтеры сотрудничали с вами в общей программе, не так ли?

Заукель: Не в общей программе, ваша честь, только в программе заботы о немецких и зарубежных рабочих.

Биддл: Понимаю. Значит гауляйтеры не имели к вербовке никакого отношения; правильно?

Заукель: Нет; это правильно.

Биддл: Это правильно? Они следили за уходом и комфортом завербованных людей, правильно?

Заукель: Если они работали в Рейхе, да.

Биддл: В Рейхе?

Заукель: В Рейхе?

Биддл: Гау вне Рейха на оккупированных территориях тоже работали на вас или вы считаете, что они являлись частью Рейха?

[*Ответа не последовало*]

Биддл: Позвольте мне снова задать вопрос. Я не думаю, что он был очень ясным. Некоторые оккупированные территории были присоединены к Рейху, не так ли?

Заукель: На Востоке только территории Вартеланда[91] и Западной Пруссии были присоединены к Рейху…

Биддл: И снова я не спрашиваю вас о количестве, которое присоединили; я просто сказал, что определенные оккупированные территории, некие их части были присоединены к Рейху. Правильно?

Заукель: Да, правильно.

Биддл: Да и когда вы говорите о гауляйтерах в Рейхе, это включает, не так ли, гауляйтеров на тех территориях, которые были присоединены к Рейху; это правильно?

Заукель: Да, но в данном случае они не могли функционировать в своём качестве гауляйтеров, но только если они являлись рейхсштатгальтерами, то есть, если они

[91] Рейхсгау Вартеланд, также Вартегау; ранее рейхсгау Позен — рейхсгау Третьего рейха, образованное в 1939 году на аннексированной территории западной Польши. Административный центр — город Позен.

имели подчиненную себе государственную администрацию. Это были два совершенно разных учреждения с различными штатами.

Биддл: Каждый гауляйтер имел трудовое ведомство связанное со своим гау, в своём гау?

Заукель: Ваша честь, могу я спросить, имеете ли вы в виду все германские гау или только те гау о которых мы сейчас говорили?

Биддл: Я имею в виду только те гау о которых мы говорили. Каждое из них имело трудовое ведомство, не так ли?

Заукель: Они имели трудовую администрацию во главе, которой находился трудовой председатель гау.

Биддл: Правильно. Этого достаточно. Итак, вам известна организация гау в трудовой администрации? Она также имела крейсляйтера, который занимался рабочей силой?

Заукель: Нет, они не имели такого.

Биддл: И я понимаю, что тогда не было ортсгруппенляйтера, который работал в трудовой программе?

Заукель: Нет, такого не было; скорее существовала строго разделенная концепция…

Биддл: Правильно.

Заукель: Но это было…

Биддл: Нет, хорошо.

Итак, я бы хотел немного узнать о том, что вы называете частной вербовкой. Кто назначал агентов, которые должны были проводить частную вербовку? Кто их назначал? Работодатели нанимали агентов для получения себе рабочих?

[*Ответа не последовало*]

Биддл: Вам известно, что я имею в виду под частной вербовкой?

Заукель: Да.

Биддл: Это проводилось агентами, не так ли?

Заукель: Только в одном случае: в 1944 году во Франции и частично в Бельгии, в качестве исключения, я разрешил агентам действовать на основании соглашений с этими французскими организациями.

Биддл: Свидетель, снова, я вообще не спрашивал вас об этом. Вы не слушаете. Я сказал: «Кто назначал этих агентов, которые работали в качестве частных вербовочных агентов»? Кто их назначал?

Заукель: В таких странах, комиссар по распределению рабочей силы назначал их – сам я не мог их назначать – совместно с французскими организациями. Это была договоренность, а не введение назначения…

Биддл: Понимаю. И им бы платили, я думаю, вы говорили, на комиссионной основе; правильно? Им бы платили, другими словами, за каждого рабочего? За каждого доставленного рабочего, они получали комиссию; правильно?
Заукель: Да. Я сам уже не знаю подробности, но по большей части это правильно.
Биддл: Итак, я понимаю, когда вы использовали слово «шанхай», на которое вы ссылались и объясняли, это просто означает вербовку силой. Вот, что это означает, не так ли?

[*Ответа не последовало*]

Биддл: Вот, что это означает, не так ли? Частная вербовка силой?
Заукель: Нет…
Биддл: Итак, подождите минуту. Вы можете сделать «шанхай» с человеком не используя силу? Вы не имеете в виду, что вы «шанхаизировали» их убеждением? Не так ли?
Заукель: Да, так как я хотел вербовки этими французскими организациями просто добровольным, дружеским способом, за стаканом пива или вина в кафе, не в официальных учреждениях. Я не имею в виду «шанхай» в плохом смысле данного слова насколько я помню его применение из моих моряцких дней. Это было довольно резким выражением, а не конкретным представлением фактической процедуры. Никогда, ваша честь, во Франции или где-либо ещё, я не приказывал «шанхаизировать» людей, но скорее…
Биддл: О, я знаю, что вы не приказывали это. Не это было моим вопросом. Вы имеете в виду, что «шанхай» просто означал, что у вас был дружеский стакан вина с рабочим и затем он присоединялся? Это вы имели в виду?
Заукель: Я так это понимал. Я описывал это центральной плановой комиссии в такой довольно резкой форме для того, чтобы ответить на требования предъявленные мне кое-какими достоверными контраргументами об усилиях, что я предпринимал.
Биддл: Почему вы возражали такой частной вербовке? В чём заключалось возражение?
Заукель: В данном случае я не возражал, но она противоречила немецким идеям касательно получения рабочей силы. Согласно немецким принципам…
Биддл: Это противоречило германскому закону?
Заукель: Это противоречило моим убеждениям и противоречило германским законам.
Биддл: Я вас не об этом спросил. Меня сейчас не интересуют ваши убеждения. Я сказал: «Это противоречило германскому закону?». Это было, не так ли, вопреки праву?
Заукель: В целом это противоречило германским трудовым законам. Насколько

возможно частная вербовка не производилась. Но могу я сказать в качестве объяснения, ваша честь, что после убеждения рабочего, он вместе с тем вступал в обязательство на основании государственного контракта. Таким образом, это не следует понимать как означающее, что спорный рабочий прибывал в Рейх без контракта одобренного государством; контракт одобрялся ему, как и всем остальным.

Биддл: Вы имеете в виду, что работник, который был «шанхаизирован» частными агентами имел такие же права, раз он был трудоустроен, как любой другой; вы это имеете в виду?

Заукель: Такие же права и гарантии, какие имел каждый.

Биддл: Хорошо. Теперь я собираюсь перейти ненадолго к другому предмету. Я просто хочу понять вашу защиту и в чём заключалась ваша точка зрения. Теперь мы посмотрим, правильно ли это. Вы сами не осуществляли вербовку. Полиция не осуществляла вербовку. Ваша основная работа заключалась в том, чтобы в первую очередь, следить за тем, что всё делалось законно и правомерно. Это не являлось вашей важной функцией?

Заукель: Это являлось моим стремлением.

Биддл: Для того, чтобы делать это, вы должны были издавать соответствующие законы о том, чтобы вербовка проводилась согласно закону; это правильно, не так ли? Это являлось вашей работой?

Заукель: Да.

Биддл: Да. И очень часто эти законы – кстати, эти законы, конечно, являлись простыми распоряжениями. Они были просто приказами подписанными фюрером или вами или некими министрами. Когда вы говорите законы, вы, конечно, имеете в виду распоряжения?

Заукель: Законы на оккупированных территориях по вербовке рабочей силы должны был вводится фюрером и издавались начальниками территорий.

Биддл: Что я имею в виду, это, что для того, чтобы узаконить использование зарубежной рабочей силы, вы просто должны были получать подписанные распоряжения; что отчасти являлось вашей обязанностью, получать их подписанными? Итак…

Заукель: Я не подписывал данные распоряжения…

Биддл: Я это понимаю. Я не говорю, что вы их подписывали. Я это понимаю. Вы объясняли это очень подробно. Теперь давайте посмотрим, откуда приходила полиция. Она не имела никакого отношения к вербовке. Как только распоряжение подписывали оно становилось законом, не так ли? Когда распоряжение подписывали оно являлось законом?

Заукель: Да

Биддл: И если какой-нибудь человек сопротивлялся доставке в качестве рабочего или не регистрировался или не выполнял контракт, он становился преступником.

Правильно, не так ли?

Заукель: В таком случае он нарушал закон. Мы не называли это преступлением, а скорее правонарушением.

Биддл: Но он нарушал закон?

Заукель: Да.

Биддл: Вы имеете в виду, что он не совершал преступления? Он совершал преступление или нет? Предположим человек не смог зарегистрироваться, когда ему сказали о регистрации для работы, это являлось преступлением?

Заукель: Нет, это не являлось преступлением. В Германии мы называли это правонарушением.

Биддл: И когда он совершал это, его передавали полиции. Правильно?

Заукель: Не сразу; согласно предварительному порядку местный трудовой отдел говорил ему явиться и сообщить и…

Биддл: Что же, вы всё это объясняли. У него было 3 или 4 дня и затем если он не регистрировался, за правонарушение его передавали полиции? Правильно?

Заукель: Как это осуществлялось на различных территориях, я не могу сказать. Это сильно отличалось, и отчасти было очень небрежным.

Биддл: В своём перекрестном допросе вы нам вчера сказали, что если человек нарушал закон тогда приходила полиция. Полиция просто следила за тем, чтобы закон не нарушали. Правильно, не так ли? В этом заключалась её функция?

Заукель: Нет, это не являлось моей задачей; это являлось задачей служебных властей.

Биддл: Что же, почему вы всегда говорите: «Это не являлось моей задачей»? Я не спрашивал вас, являлось ли это вашей задачей. Я лишь говорил о полиции; я не говорю о вас. Итак, когда данные распоряжения нарушали, тогда в некое время, начинала функционировать полиция. Правильно?

Заукель: Это должно было быть обычным способом, правильным способом.

Биддл: Хорошо. Или после того как людей – скажем в Париже – окружали, если они оказывали физическое сопротивление, тогда нужно было вызывать полицию, не так ли? Если было физическое сопротивление вы должны были вызывать полицию, не так ли?

Заукель: Да, но я могу сказать, что об этом вряд ли мне докладывали. В большинстве случаев людей освобождали. Это можно чётко видеть из списков рабочих транспортов – например, в 1944 году –из крупной программы даже 10 процентов не прибыли в Германию. Тогда для нас не осталось ничего другого кроме «шанхаев».

Биддл: Пожалуйста, остановитесь. Вы ранее давали все эти показания. Я лишь хочу получить картину всей системы. Теперь армия. Я думаю, вы говорили о том, что армия играла роль там, где на оккупированных территориях были саботаж или сопротивление и где армия должна была зачищать их, для того, чтобы трудовая

администрация могла работать. Это правильно, не так ли?

Заукель: В так называемых районах сопротивления, в которых администрация сдерживалась движениями сопротивления, не только в сфере распределения рабочей силы, но также в иных направлениях и общественная безопасность германских войск больше не могла гарантироваться.

Биддл: Меня не интересуют другие функции. Меня в частности интересует область рабочей силы в то время. Таким образом, например, в Польше или России, в которых невозможно было вербовать людей в связи с сопротивлением вербовке или сопротивлением армии, армия бы приходила и помогала с вербовкой. Так не будет нечестно сказать, не так ли?

Заукель: Можно так сказать.

Биддл: Хорошо. Итак, кстати, какие-нибудь рабочие которые сопротивлялись или нарушали закон или которые не регистрировались после 3 дней, они, когда-либо предавались суду или их просто при необходимости передавали полиции? Их никогда не судили, не так ли?

Заукель: Это я не могу сказать в подробностях или в общем. Наверное, существовали разные способы обращения с этим. Мне неизвестны подробности.

Биддл: Что же, рассмотрим это в частности. Какие-нибудь из ваших распоряжений предусматривали предание суду данных лиц?

Заукель: Нет, мои распоряжения этого не касались. Я не был уполномочен принимать такие распоряжения относительно судебных процедур на территориях, потому что я не являлся компетентным региональным органом.

Биддл: Хорошо. Мне не очень ясна картина лагерей. Рассмотрим данный момент. Существовало то, что вы называли, распределительными или транзитными лагерями, не так ли?

Заукель: Да.

Биддл: Сколько?

Заукель: Этого я не могу сказать по памяти.

Биддл: Нет, конечно, но вы думаете, что их было больше сотни?

Заукель: Нет, я так не думаю.

Биддл: Вряд ли. Но вероятно почти сотня?

Заукель: Нет, я не думаю, что так тоже правильно.

Биддл: Вы не сможете дать цифру?

Заукель: Я полагаю, что вероятно в Рейхе было 30 или 40 транзитных лагерей.

Биддл: В Рейхе?

Заукель: В Рейхе.

Биддл: И существовали также транзитные лагеря на оккупированных территориях или во Франции?

Заукель: На оккупированных территориях? Существовали ли какие-то во Франции, и если так то сколько, я не могу сказать. На Западе, вдоль границы, существовали

приёмные станции; и на Востоке, вдоль границы, существовали транзитные лагеря, которые имели своей задачей физический осмотр, дезинфекцию одежды, и…

Биддл: Этого достаточно. Я думаю то, что вы ответили достаточно. Итак, также существовало то, что вы называли воспитательно-трудовыми лагерями. Вы помните, вы говорили здесь также о том, что существовали воспитательно-трудовые лагеря?

Заукель: Эти воспитательные лагеря…

Биддл: Вы не можете сказать «да» или «нет»?

Заукель: Нет.

Биддл: Сколько?

Заукель: Не знаю…

Биддл: Значит, не знаете? Может быть 50 или 100?

Заукель: Я не могу сказать вам даже приблизительно сколько, потому что я никогда не получал список. Они мне не подчинялись.

Биддл: Кому они подчинялись?

Заукель: Они подчинялись исключительно полиции, то есть, насколько мне известно, группенфюреру Мюллеру.

Биддл: И я предполагаю, что они были укомплектованы и управлялись СС, как и остальные концентрационные лагеря?

Заукель: Я также должен так полагать, но я не могу сказать точно, потому что я никогда не бывал в таких лагерях.

Биддл: Но это не неправдоподобно, не так ли?

Заукель: Нет. Эти лагеря подчинялись исключительно полиции.

Биддл: Полиции. Итак, кого направляли в воспитательно-трудовые лагеря? Кого туда отправляли?

Заукель: Насколько мне известно – я слышал очень мало об этом – отправляли людей которые многократно совершали нарушения трудовых правил или дисциплины на фабриках, и тому подобное.

Биддл: Правильно. Хорошо. Большое спасибо. Это всё, что я хотел узнать об этом. Другими словами, людей которые не приходили на регистрацию или которые нарушали свои контракты, отправляли на воспитание. В чём заключалось воспитание? Что означает «воспитание»? Как их воспитывали?

Заукель: Это я не могу сказать. Я полагаю, что они должны были работать. Мне кажется, период времени предусматривался 8-56 дней; я не могу сказать точно. Я также услышал об этом в зале суда.

Биддл: Что же, давайте прольём больше света на этот предмет. Понимаете, вы, в конце концов, уполномоченный, не так ли, а значит кое-что должны знать о таких вопросах. Были трудовые лагеря также как и воспитательно-трудовые лагеря, не так ли?

Заукель: Да, я хочу разграничить между ними…

Биддл: Я разграничу. Позвольте мне задать вопрос. Трудовые лагеря являлись

лагерями, в которые направляли и размещали рабочих работавших в промышленности; это не так? Они просто являлись лагерями где рабочие размещались и жили. Правильно?

Заукель: Они являлись лагерями, где они проживали; где они жили.

Биддл: Правильно; и воспитательно-трудовые лагеря отличались от трудовых лагерей, не так ли?

Заукель: Они в основном отличались; воспитательно-трудовые лагеря являлись учреждением рейхсфюрера СС; трудовые лагеря в которых они жили создавались фабрикой или группой фабрик на которых использовались рабочие.

Биддл: Значит, когда человека посылали в воспитательно-трудовой лагерь, он не просто работал; его наказывали, не так ли, за нарушение закона? Это правильно, не так ли?

Заукель: По моим сведениям он поступал в воспитательно-трудовой лагерь с целью воспитания пунктуальности в работе, и одновременно это являлось наказанием за его правонарушения на фабрике.

Биддл: Существовали какие-нибудь распоряжения относительно воспитательно-трудовых лагерей, какие-нибудь правила?

Заукель: Я не знаю о правилах. Они должны были приниматься рейхсфюрером СС, главой полиции. Я не принимал никаких правил.

Биддл: Значит, хотя часть ваших обязанностей заключалась в том, чтобы следить за зарубежными рабочими, которых туда доставляли, это прекращалось, когда их передавали полиции и у вас больше не имелось юрисдикции; правильно?

Заукель: Правильно, но в одном мне нужно это поправить. У меня не имелось задачи следить за рабочими; я просто имел задачу получения рабочих для промышленности. Надзор за лагерями и уход за рабочими никоим образом не являлись моей задачей. У меня…

Биддл: Подсудимый, остановитесь, мы ясно это поняли. Вы практически не имели никаких исполнительных функций, но вы непрерывно говорили о том, что вы принимали распоряжения – вы сказали сотни – для улучшения условий людей. Итак, нам известно, что ваша работа не заключалась в том, чтобы кормить или размещать их, но у вас имелась одна из ваших главных забот – одна из ваших главных забот заключалась в том, чтобы они сохраняли хорошее состояние и в этом заключалась причина по которой вы интересовались какими-либо жалобами. Все мы поняли это, не так ли? Это верно? Одной из ваших функций заключалась в этом, не так ли?

Заукель: Я взял на себя эту задачу; она не являлась задачей, которую мне поручили. Жалобы, с которыми я сталкивался почти каждый день были о том, что не имелось достаточно рабочих. Моя задача заключалась в направлении и получении рабочих, но в своих интересах я указывал на необходимость заботы об этих рабочих и сохранении для них хороших условий.

Биддл: Понимаю, что это являлось добровольной работой с вашей стороны. Это не

являлось частью ваших обязанностей, но вместе с тем вы это делали. Но теперь, позвольте перейти ненадолго к самим рабочим. Я думаю, нам очень ясно, или сравнительно ясно, количество доставленных рабочих. Я хочу знать, сколько было добровольных и сколько было недобровольных. Итак, перед вашим ответом на это, я имею в виду рабочих, которых доставляли, не по закону, но просто, которые являлись добровольцами для работы по своей инициативе. Я полагаю таких было немного, не так ли?

Заукель: Да, было очень много рабочих, которые являлись добровольцами без юридического принуждения, в результате пропаганды и вербовки и потому что фактически в Германии заработная плата была сравнительно высокой и регулируемой. Было очень много рабочих…

Биддл: Итак, рассмотрим это. Настало время, когда законы, применявшиеся к немецким рабочим применялись к рабочим из зарубежных государств; это неправда?

Заукель: Да.

Биддл: Я подразумеваю, каждый немец, должен был работать, не так ли, согласно закону? Правильно?

Заукель: Да, правильно.

Биддл: И этот закон наконец применили также к зарубежным рабочим, как вы только, что сказали. Правильно?

Заукель: Данный закон также ввели на оккупированных территориях.

Биддл: Правильно. Для всех. А значит, после введения закона, там не существовало такой вещи как добровольная работа, потому что после введения закона каждый должен был работать, не так ли?

Заукель: Да, постольку, поскольку на них делались запросы с оккупированных территорий и отовсюду, согласно необходимости.

Биддл: Значит, когда вы говорите о недобровольной работе, это должно было применяться ко времени до принятия данного закона? Правильно?

Заукель: Да, однако…

Биддл: Когда был принят закон?

Заукель: Закон вводился различными датами поздней осенью 1942. Я не могу назвать точные даты на различных территориях, но я бы хотел сказать, что также согласно данному закону, добровольные рабочие всё также добровольно прибывали в Германию. Они…

Биддл: Вы правы. Если бы они не прибывали, им бы пришлось прибыть принудительно, не так ли?

Заукель: Нет.

Биддл: Почему нет?

Заукель: Устанавливали только некоторые квоты, но не все рабочие требовались в Германию.

Биддл: Что же, значит тогда такие квоты о которых запросили должны были прийти принудительно; правильно?

Заукель: Нет. Также велась добровольная вербовка и это означает, что среди рабочих…

Биддл: Подождите, подождите, подсудимый. Не будем обманываться насчёт этого. Это совершенно просто. Если был закон, который вводил для людей необходимость работать, когда требовались квоты, они должны были работать, не так ли? Правильно?

Заукель: Да, они, прежде всего, должны были работать в собственных странах, но они также могли добровольно работать в Германии вместо работы в своей стране. И мы придавали этому большое значение.

Биддл: Другими словами, человек имел выбор принудительного труда в промышленности Франции или Германии, и значит, в этом смысле был добровольцем; правильно?

Заукель: Да.

Биддл: Теперь всего два или три вопроса. Я думаю, вы уже чётко ответили. Я лишь хочу спросить вас о трёх документах. Я думаю на этом всё. Я не собираюсь вдаваться в подробности. Вы помните документ известный как R-124, который был совещанием в марте 1944? Вы помните это совещание?

Пожалуйста, кто-нибудь покажите ему немецкие стенограммы, если они есть?

[*Обращаясь к подсудимому*] Вы помните совещание? Вы посмотрели на записи?

Заукель: Это было совещание о центральной плановой комиссии.

Биддл: Да, это правильно. Вы просмотрели эти записи?

Заукель: Сейчас?

Биддл: Да.

Заукель: Да.

Биддл: Они говорят о том, что происходило по существу? По сути, они являются отчётом об этом совещании, не так ли?

Заукель: Да, сейчас – прошу прощения – я не могу вспомнить точную тему дискуссии на том совещании.

Биддл: Что же, вы нашли что-нибудь в записях, как вы их прочли, о чём вы думаете, что является большой ошибкой?

Заукель: Я не могу сказать сейчас, что означал предмет.

Биддл: Вы прочитали стенограммы? Вы читали их?

Заукель: Я не читал все стенограммы о центральной плановой комиссии. Тогда стенограммы о центральной плановой комиссии были мне недоступны. Следовательно, я не знал о том, что велись стенограммы о центральной плановой комиссии.

Биддл: Не продолжайте. Я просто спросил, читали ли вы их и вы сказали, что вообще не читали их. Это всё что нам требуется.

Заукель: Нет, я их вообще не читал.

Биддл: В части прочитанной вами, вы нашли какие-нибудь ошибки?

Заукель: Я нашёл неточные отрывки, да.

Биддл: Неточные отрывки?

Заукель: Неточности. Например, сообщение о моей интерполяции «200 000-5 000 000»; это совершенно невозможная пропорция.

Биддл: Тише. Итак, вы использовали одно выражение в этих записях, которое я не понял; и я собираюсь спросить вас о том, что вы имели в виду. Вы говорили о ваших особых исполнителях по снабжению рабочей силой. Это был комитет по социальному миру, о котором вы вчера говорили – о тысяче людей в нём? Вы помните?

Заукель: Да.

Биддл: Это тоже самое? Это был комитет, о котором вы сказали, что он специально готовился СС и думаю полицией во Франции или где угодно где его использовали?

Заукель: Да.

Биддл: Кстати, вы говорили об их вооружении. Почему их вооружали? Зачем они носили оружие?

Заукель: Для своей защиты и для защиты тех кого они вербовали; они должны были иметь какие-то средства для защиты от нападений.

Биддл: Обычно вы не имели никакого отношения к полиции, не так ли? Почему вы организовали этот полицейский корпус? Почему вы сделали это?

Заукель: Это не был вооруженный полицейский корпус в обычном смысле, скорее это было…

Биддл: Забудьте описывать это. Нам известно, чем он являлся. Почему вы его организовали? Я думал, вы держались подальше от полицейских мер.

Заукель: С целью защиты этих людей и для тех мест на которые часто совершали налёты, которые разрушало или повреждало движение сопротивления.

Биддл: Понимаю, что вы имеете в виду. Это была организация по охране проводившейся вербовки; правильно?

Заукель: Да.

Биддл: Понимаю. Итак, я хочу задать один вопрос о другой рукописи, PS-016, датированной 20 апреля 1944, который являлся программой мобилизации рабочей силы. То есть программы, которую вы приняли и подписали, не так ли? Посмотрите на него. Это подписанная вами программа?

Заукель: Нет.

Биддл: Нет? Я не знаю, что вы имеете в виду.

Заукель: Мне кажется, я вас неправильно понял. Я понял 1944. Она была…

Биддл: Нет, нет, 20 апреля 1944. Вы приняли программу мобилизации рабочей

силы. Эта программа, подписанная в вами показана в документе PS-016? Это программа, не так ли?

Заукель: Программа – могу я сказать, следующее в этой связи: она являлась программой, которая не вступила в силу немедленно…

Биддл: Подсудимый, пожалуйста, отвечайте на вопрос. Всё, что я хочу знать это, первое, вы приняли мобилизационную программу, не так ли?

Заукель: Я это сделал, но…

Биддл: Хорошо. И она показана в экземпляре, не так ли? Я просто идентифицирую её.

Заукель: Да.

Биддл: Правильно. Я хотел спросить вас немного о доставке молодёжи с оккупированных территорий в Рейх. Какую-то молодёжь доставляли, не так ли?

Заукель: Молодёжь доставляли, но вопреки моим…

Биддл: Вы говорили вопреки вашему желанию. Сколько доставили?

Заукель: Я это не могу сказать по своим сведениям. Я не знаю. Была молодёжь…

Биддл: Что же, какого возраста? Сколько ей было?

Заукель: Это я не могу сказать – о возрасте молодёжи – потому что они были со своими семьями, которые прибывали в Рейх как в результате мер по беженцам или эвакуации других местностей. В другое время, в связи с так называемой акцией «Сено» в 1944 молодёжь прибыла в Рейх, но без моего участия в этом.

Биддл: Вам известно о молодых подростках, конечно, молодых подрастающих детях, не так ли? Вам это известно, не так ли?

Заукель: Да.

Биддл: В чём заключалась задача их доставки? Они вербовались для работы или их воспитывали и обучали в Рейхе?

Заукель: Есть разные объяснения тому факту, что молодёжь доставляли в Рейх. Кого-то из этой молодёжи не вербовали и не доставляли агенты; скорее они приходили со своими семьями, согласно пожеланию последних, когда проводились меры по беженцам и эвакуации. Другие приходили…

Биддл: Минуточку. Мы оставим тех, кто прибыл в Рейх с семьями. Некоторых вербовали для работы, не так ли? Некоторых для работы, не так ли?

Заукель: Молодёжь в возрасте до 14 лет не могли направлять на работу. По договоренностям, какие находятся в документах, иные ведомства брали молодёжь для воспитания и ухода за ней.

Биддл: Вы просто не отвечаете на вопросы. Я спросил, доставляли ли некоторых для работы. Детей старше 14, которым ещё не было 20, направляли на работу, не так ли – вербовали для работы?

Заукель: Но только добровольцев направляли.

Биддл: Только добровольцев направляли?

Заукель: Молодёжь предположительно должны были направлять как добровольцев.

Биддл: Вы не вербовали никакую молодёжь принудительно, вы это подразумеваете?
Заукель: Не вербовал.
Биддл: Я не имею в виду вас лично; я имею в виду администрацию.
Заукель: Нет, трудовая администрация не предназначалась, чтобы направлять какую-либо молодёжь, особенно девушек, по принуждению; только добровольно. Домашняя прислуга была только добровольцами.
Биддл: Некоторых доставляли для того, чтобы воспитать в Германии и сделать германскими гражданами, не так ли?
Заукель: Об этом я узнал из документов, но я не ответственный за это.
Биддл: Вам об этом ранее не было известно? Кто-нибудь уведомлял вас, что это соответствовало международному праву принуждать людей на оккупированных территориях ехать в Германию на работу?
Заукель: Фюрер прямо призвал меня предпринять эту меру, и мне это описали как допустимое. Ни одно ведомство не заявляло никаких возражений и не имело никаких сомнений в данной мере; скорее это удовлетворяло потребности ведомств.
Биддл: Я не об этом вас спросил. Я спросил вас, уведомлял ли кто-нибудь вас о том, что это соответствовало международному праву.
Заукель: Нет.
Биддл: Вы знали, не так ли, что министерство иностранных дел должно рассматривать такие вопросы?
Заукель: Я говорил с министерством иностранных дел по разным поводам и это считали правильным, потому что мы были убеждены в том, что на этих территориях, на основании условий капитуляции, введение германских правил являлось допустимым и возможным в преобладающих условиях и в виду существовавших соглашений. Так я считал.
Биддл: Вы говорите, что вас уведомило министерство иностранных дел о том, что вы вправе по международному праву принуждать людей ехать из России на работу в Германию?
Заукель: Министерство иностранных дел никогда не говорило мне ничего противоположного, но мне кажется, министерство иностранных дел не являлось компетентным в вопросах касавшихся Востока: я не знаю.
Биддл: У кого вы просили совета о предмете?
Заукель: Я узнал о существовании данных правил до моего прихода на должность. Эти правила уже были приняты. Фюрер прямо поручил мне их выполнение.
Биддл: Значит ответ в том, что вы никого не спрашивали? Правильно?
Заукель: Я никого не спрашивал. Я не мог никого спрашивать, потому что все ведомства хотели этих мер и принимали их. Никогда не было никаких дискуссий об обратном.
Биддл: И вы сказали, что задачей полиции не являлось проводить вербовку.
Заукель: Задачей полиции не являлась вербовка.

Биддл: Что же, почему вы сказали на совещании от 4 января 1944, о котором сказано в документе PS-1292, что вы делали всё в своей власти, чтобы предоставить запрошенную рабочую силу в 1944, однако успех этого зависел в основном от того будут ли предоставлены германские вербовочные агенты, и что ваш проект нельзя было выполнить внутренними агентами? Это не означает, что полиция должна была проводить ваши вербовочные программы?

Заукель: Нет, это означает – воспроизведение этих стенограмм не очень точное – я объяснял фюреру, что вероятно я не смогу осуществить его программу, из-за очень крупных партизанских районов; и пока данные партизанские районы не зачищены, там невозможно вводить регулярную администрацию, и вербовку тоже нельзя проводить. Прежде всего, поэтому, нужно было создать обычные административные условия. Это могли сделать только такие органы в чью задачу это входило.

Биддл: Что вы имели в виду под германскими правоохранительными агентами?

Заукель: Под германскими правоохранительными службами я имел в виду обычное управление как таковое, но на некоторых территориях они были слишком слабыми.

Биддл: Что же, тогда почему рейхсфюрер СС объяснял, что правоохранительных органов в его распоряжении было крайне мало, если эти правоохранительные агенты не являлись полицейскими агентами?

Заукель: В первый раз я неправильно понял вопрос. Мне кажется, рейхсфюрер, сказал – по моим воспоминаниям – что для умиротворения в этих районах у него нет достаточно войск, потому что они все находились на фронте. Это не относилось к вербовке и управлению обязательным трудом, а к воссозданию нормальных условий в этих районах.

Биддл: Что же, тогда вы говорите, что задачей полиции не являлось помогать вам в вербовке, но это являлось задачей военных?

Заукель: Это сильно отличалось в зависимости от различных правил на территориях. Существовали районы, в которых военные командующие имели исключительную исполнительную власть, и существовали такие районы, в которых гражданские власти имели исполнительную власть от германской стороны. Существовали районы третьего вида, военные оперативные зоны с тыловыми районами, в которых командующие армиями имели исполнительную власть.

Биддл: Что же, тогда, это также была полицейская или военная, или другая сила, которая собиралась осуществлять вашу принудительную вербовку; правильно?

Заукель: Да, но в этих районах также был доступен механизм гражданской администрации, который не идентичен военному или полицейскому, но был представлен внутри этих организаций Вермахта отдельными органами управления подчиненными специальному административному начальнику.

Биддл: Что же, тогда я не понимаю, что вы имели в виду говоря о том, что ваш проект, нельзя было осуществить внутренними правоохранительными агентами.

Это всё о чём я хотел спросить. Тогда подсудимый может вернуться на

скамью.

Серватиус: Господин председатель, я прошу трибунал взглянуть на документ Заукель-3, который перечень ведомств Заукеля, чтобы понять положение свидетеля которого я собираюсь вызвать.

В подчинении Заукеля в рейхсминистерстве труда находились различные управления, одно из которых, управление свидетеля Тимма. Являлось так называемым европейским управлением, которое имело три отдела – один для запада, один для востока и третий для юга и юго-запада.

С разрешения суда я вызываю свидетеля Тимма.

[*Свидетель Тимм занял место свидетеля*]

Председатель: Назовите своё полное имя.

Тимм: Макс Тимм.

Председатель: Повторяйте за мной эту присягу: «Я клянусь господом, всемогущим и всевидящим, что я скажу чистую правду и не утаю и не добавлю ничего».

[*Свидетель повторил присягу*]

Председатель: Вы можете сесть.

Серватиус: Свидетель, вы работали в рейхсминистерстве труда в ведомстве распределения рабочей силы?

Тимм: Да, верно.

Серватиус: Вы уже были там, когда Заукель принял должность?

Тимм: Да, и я находился в администрации рабочей силы некоторое время до этого.

Серватиус: Какое впечатление произвёл на вас новый начальник, когда Заукель принял должность?

Тимм: Когда Заукель принял должность, у меня сложилось впечатление об очень энергичном, трудолюбивом человеке, который был склонен временами нервничать, даже без сомнения гневаться и который многого требовал от своих коллег, но и много требовал с себя.

Серватиус: Как он проявил себя в проведении своих мер?

Тимм: Когда он принял должность, была большая путаница в распределении рабочей силы. Каждый имел какое-то отношение к распределению рабочей силы.

Серватиус: В этом заключалась причина создания этой должности?

Тимм: Предыдущее начальство не имело достаточно силы, чтобы протолкнуть свою программу из-за оппозиции разных ведомств, а Заукель был сильным человекомя, особенно сильной политической фигурой, которая навела порядок.

Серватиус: Как Заукель подошёл к своей новой задаче? Он придерживался административного регулирования или он делал по-своему – можно сказать – без

ограничений?

Тимм: Он считал свою задачу по большей части политической задачей, но он всегда старался упорядоченно руководить административными делами. Он был общеизвестен как гауляйтер который был снисходителен к гражданским служащим. Также, для того, чтобы давать указания всем подчинённым ведомствам, он созывал так называемые совещания руководства спустя регулярные интервалы на которых обсуждали самые важные вещи.

Серватиус: Какую должность занимали вы в этом ведомстве?

Тимм: В ведомстве распределения рабочей силы я сначала имел отдел, а потом управление.

Серватиус: Чем занималось это управление?

Тимм: Это ведомство должно было заниматься всеми вопросами касавшимися обеспечения рабочей силой, в частности классификацией профессиональных рабочих, обучением рабочих, профессиональной подготовкой и использованием служб для организации ученичества.

Серватиус: Ваше управление называлось европейским управлением?

Тимм: Да.

Серватиус: Вы имели общий взгляд на то, что происходило в управлении?

Тимм: Не совсем, ввиду того, что гауляйтер Заукель одновременно оставался гауляйтером Тюрингии, и он работал в Берлине в Доме Тюрингии[92], в то время как специальные отделы переданные в его распоряжение оставались в министерстве труда.

Серватиус: Нет, вы не поняли мой вопрос. Вопрос был о том, имели ли вы в вашем управлении общий взгляд на то, что происходило в области распределения рабочей силы в связи с деятельностью Заукеля.

Тимм: Да, но не совсем, потому что нас не информировали о всех событиях, ввиду разделения управлений.

Серватиус: Что собой представляли совещания штабов? Кто принимал в них участие и каких людей они включали?

Тимм: На большую часть таких совещаний штабов мы вызывали связных из разных органов.

Серватиус: Что это были за люди?

Тимм: Это были самые разные люди, гражданские служащие, но также экономисты, и похожее.

Серватиус: Но вы должны сказать нам из каких отделов приходили эти люди, или это были люди из ведомства Заукеля?

Тимм: В основном это были люди из других органов, таких как, делегат четырёхлетнего плана, представители министерства вооружения и военной промышленности, министерства оккупированных восточных территорий и других

---

[92] Здание представительства Тюрингии в Берлине.

ведомств.
Серватиус: Это являлось так называемым рабочим штабом?
Тимм: Это был рабочий штаб специалистов.
Серватиус: Приблизительно сколько людей в нём было?
Тимм: По моей оценке, наверное 15-20 человек.
Серватиус: Кроме этого, Заукель имел личный рабочий штаб. Что за люди там находились?
Тимм: Личный рабочий штаб состоял в основном из людей которых Заукель привёл с собой из Веймара, людей из своего близкого окружения.
Серватиус: Он также имел консультантов? Кто они были?
Тимм: У него было два личных консультанта, ландрат Берч и министериальрат, доктор Штотфанг.
Серватиус: А какую должность занимал доктор Дидье?
Тимм: Доктор Дидье, насколько помню, был пресс-экспертом.
Серватиус: Как проходили эти встречи штаба? Что обсуждали?
Тимм: На этих совещаниях штабов обсуждали все вопросы распределения рабочей силы, то есть всю германскую программу распределения рабочей силы и в целом заседания открывал общий доклад господина Заукеля, в котором он объяснял свои планы на будущее.
Серватиус: Вопросы вербовки на оккупированных территориях тоже обсуждали и, что важно, трудности которые существовали тогда и методы о которых мы слышали? Что об этом говорили?
Тимм: Вопросы вербовки в целом сильно там не обсуждали, а скорее вопросы касавшиеся Рейха.
Серватиус: В первую очередь я спросил про оккупированные территории. Например обсуждался случай о котором говорили здесь, окружение кинотеатра и захват там людей, и подобные случаи?
Тимм: Да, случай кинотеатра мне известен.
Серватиус: Это обсуждали?
Тимм: Да, обсуждали.
Серватиус: И, что было сделано в связи с этим?
Тимм: Заукель сразу дал указания нескольким господам – не помню кому – провести необходимое расследование для того, чтобы выяснить вопрос.
Серватиус: Сообщали о других случаях?
Тимм: Не было никаких других случаев которые можно было сравнить по серьёзности с тем случаем который вы описали.
Серватиус: Обсуждался вопрос рабочих условий в Германии для иностранных рабочих?
Тимм: На совещаниях штабов обсуждались условия работы.
Серватиус: И не сообщалось о том, что в отдельных лагерях или на производствах

были условия которые были спорными?

Тимм: Подобное обсуждали. В целом это касалось одежды, питания и похожих вещей.

Серватиус: Как делали доклады на совещаниях штабов? Кто докладывал? Откуда об этом узнавали?

Тимм: Господин Заукель всегда придавал значение выяснению этих вещей на месте, и он поддерживал обширную инспекционную систему для того, чтобы получать точную картину этих вопросов, и эти инспекционные доклады потом подробно обсуждали на совещаниях штабов.

Председатель: У меня имеется объявление.

Рассмотрев ходатайство обвинения от 21 мая и меморандум защиты в ответ на него от 29 мая, трибунал распорядился о следующем:

Ходатайство обвинения о том, чтобы аргументация о виновности или невиновности отдельных подсудимых была заслушана по завершению доказательств относящихся к отдельным подсудимым и до предъявления доказательств относящихся к обвиняемым организациям одобрено. Однако трибунал не будет решать по вопросу виновности или невиновности любого подсудимого до тех пор пока не будут заслушаны все доказательства, и если какие-либо доказательства относящиеся к обвиняемым организациям защита любого подсудимого посчитает поддержкой своей защиты, он может быть в дальнейшем заслушан об этом. Трибунал по завершению доказательств относящихся к отдельным подсудимым соответственно будет заслушивать сначала аргументацию от их имени, а затем заключительные речи обвинения. Выступления каждого подсудимого в своих интересах будут заслушаны по завершению процесса перед вынесением приговора.

Трибнал считает, что аргументация относящаяся к виновности или невиновности отдельных подсудимых даст больше пользы если она будет заслушана по завершению соответствующих доказательств, и перед тем как трибунал перейдет к рассмотрению дела относящегося к организациям. Кроме того, подобная мера предоставит уполномоченным, которые собирают доказательства в отношении организаций, дополнительное время для завершения своей работы. Подсудимых никоим образом не ограничивает данная мера, ибо, помимо того факта, что их дела весьма отличаются от дел организаций, им позволят обратить внимание трибунала на любые обстоятельства возникшие в связи с заслушиванием организаций которые могут принести пользу их защите. Трибунал не находит в уставе ничего, что запрещает данный порядок, и статья 9 оставляет на усмотрение трибунала порядок заслушивания доказательств от имени обвиняемых организаций.

Защите отдельных подсудимых не будет разрешено перекрёстно допрашивать свидетелей вызванных защитниками от имени организаций или принимать участие в такой процедуре, за исключением случаев, когда об этом

распорядится трибунал.

На этом всё.

Трибунал будет заседать завтра в 10 утра в открытом заседании до часа дня.

[*Судебное разбирательство отложено до 10 часов 1 июня 1946*]

День сто сорок четвёртый

Суббота, 1 июня 1946

Утреннее заседание

Кубушок: Могу я попросить разрешения для подсудимого фон Папена отсутствовать в понедельник и вторник для подготовки своего дела.

Его будет представлять мой коллега доктор Нельте.

[*Свидетель Тимм вернулся на место свидетеля*]

Серватиус: Свидетель, вчера в конце мы говорили о совещаниях штабов, я бы хотел сейчас оставить этот вопрос, но мы вернёмся к нему позже, когда будем обсуждать контроль. Во-первых, я бы хотел, чтобы вы объяснили взаимоотношения ведомства Заукеля с вышестоящими властями. Кому подчинялся Заукель?
Тимм: Генеральный уполномоченный по распределению рабочей силы находился в подчинении делегата четырёхлетнего плана.
Серватиус: И какое отношение он имел к Гитлеру?
Тимм: Генеральный уполномоченный находился в тесном контакте с Гитлером, и по возможности он представлял свои планы Гитлеру на личных дискуссиях.
Серватиус: Существовала постоянная связь с четырёхлетним планом через связного, или как это делали?
Тимм: Были разные способы поддерживать контакт. Были связные с обеих сторон. Генеральный уполномоченный направлял людей из своего личного штаба в ведомство четырёхлетнего плана для предварительной координации его планов, и с другой стороны, насколько помню, были почти постоянные делегаты из ведомства четырёхлетнего плана которые принимали участие в совещаниях штабов.

Кроме того, генеральный уполномоченный часто вел личные беседы с делегатом четырёхлетнего плана.
Серватиус: Как осуществлялось взаимодействие с другими министерствами? Начнём с Геббельса?
Тимм: Генеральный уполномоченный принципиально считал, что важно поддерживать как можно более тесный контакт с остальными ведомствами и

заранее координировать свои планы. Взаимодействие с министерством пропаганды уже не было настолько хорошим, в особенности, когда министр доктор Геббельс был делегатом тотальной войны.

Серватиус: После провозглашения тотальной войны Заукель подчинялся Геббельсу?

Тимм: Отношения никогда не были ясными. По моему мнению нужно так смотреть на это: делегат тотальной войны получил обширные полномочия во всех задачах и таким образом фактически являлся вышестоящим в отношении ГБА.

Серватиус: В чём заключались отношения с другими властями, например с рейхсминистерством продовольствия?

Тимм: Взаимодействие с рейхсминистерством продовольствия было очень хорошим. Отношения с государственным секретарём Бакке всегда были особенно хорошими, насколько я мог судить. Были также постоянные совещания между экспертами обеих ведомств по вопросам продовольствия в целом.

Председатель: Доктор Серватиус, какая дату у объявления тотальной войны?

Серватиус: Свидетель знает, когда была объявлена тотальная война?

Тимм: Я не помню дату.

Серватиус: Это было после падения Сталинграда. Я не могу назвать вам точную дату.

Председатель: Пожалуйста, продолжайте.

Серватиус: Что касается отношений с Гиммлером, какое взаимодействие было с этим ведомством?

Тимм: Я ничего не знаю о каких-то тесных отношениях между ГБА и Гиммлером. В рабочем штабе Заукеля был связной от рейхсфюрера СС, в особенности по любым полицейским вопросам которые могли возникнуть в связи с распределением рабочей силы.

Серватиус: Что это были за вопросы?

Тимм: Всяческие вопросы, в особенности вопрос нашивок в связи с использованием иностранцев.

Серватиус: И, наверное также по вопросам колючей проволоки?

Тимм: Да, вопросам колючей проволоки и всем вопросам возникавшим в полицейской сфере.

Серватиус: И также вопрос воспитательно-трудовых лагерей?

Тимм: Так как я не являлся экспертом в этих вопросах, я не могу вспомнить и не знаю были ли об этом какие-то подробные совещания.

Серватиус: Итак, я бы хотел перейти к связи с властями оккупированных территорий.

С кем вели переговоры и к кому нужно было обращаться при поступлении запросов на оккупированные территории?

Тимм: Нужно было обращаться к соответствующим районным правительствам –

военным командующим, рейхскомиссарам или кому-то подобному.

Серватиус: Какое положение имели заместители Заукеля?

Тимм: Заместители были организованы и предназначались быть людьми которые должны оказывать прямое и решающее влияние на выполнение планов, инструкций и приказов Заукеля.

Однако, данную цель так и не достигли, так как они не могли добиться успеха. Я помню, что генеральный уполномоченный поэтому намеревался просить Гитлера о более обширных инструкциях и более обширных полномочиях.

Кажется, помню, что генеральный уполномоченный однажды объявил о том, что он узнал от самого Гитлера или от его окружения, что Гитлер не был настроен расширять эти полномочия, так как он не мог освободить местные правительства, в особенности военных командующих от их обширной ответственности и полномочий, таким образом генеральный уполномоченный имел лишь один путь, продвигать свои пожелания при помощи канала прямых переговоров.

Серватиус: Почему заместители не смогли добиться успеха?

Тимм: Заместители могли только пытаться консультироваться с существовавшими региональными правительствами, но оппозиция была настолько сильной, что они не могли получить никакого веса.

Серватиус: Эти заместители не занимали одновременно другую должность?

Тимм: Так как они не могли иметь самостоятельное положение, заместители в целом включались в существующие местные администрации в результате переговоров. За небольшими исключениями им поручалось руководство трудовым сектором или включали в сектор экономики и рабочей силы.

В целом их придавали к штабам военных командующих как административных сотрудников и такое положение они неукоснительно занимали.

Серватиус: Значит это было сочетанием двух и больше должностей в одном лице?

Тимм: Это было, в некоторой мере, сочетанием разных должностей занимаемых одним лицом, из которых, без сомнения, самой важной была должность начальника отдела в существовавшем региональном правительстве.

Серватиус: Кто организовал такое двойственное положение?

На этом настаивал Заукель или ответственные региональные власти?

Тимм: Насколько я знаю, это возникло в результате бесед с заинтересованными региональными правительствами по вопросу заместителей. Региональные правительства вообще не хотели, иметь в своих районах каких-либо людей независимых от их администрации и имевших специальные полномочия.

Серватиус: Таким образом это воспрепятствовало инициативе о заместителях?

Тимм: Их инициативу как её изначально планировали без сомнения ограничили.

Серватиус: Как Заукель осуществлял свои полномочия принимая инструкции?

Тимм: Полномочие принимать инструкции ведомствам за рубежом в целом

осуществлялись при помощи направления инструкций, директив и распоряжений по обычным административным каналам через центральные ведомства.

Серватиус: Он мог принимать инструкции, чтобы охватить всё происходящее там, или же были другие ведомства которые занимались вербовкой рабочей силы?

Тимм: К сожалению, тогда обстановка была такой, что даже после назначения генерального уполномоченного по распределению рабочей силы остальные ведомства постоянно вмешивались в вопросы рабочей силы или сами проводили вербовку – то есть, ведомства которые не имели ни полномочий ни власти делать это.

Председатель: О каком времени он говорит; он говорит: «В то время»?

Серватиус: Я не совсем понял.

Председатель: Я говорю, какое время. Он сказал: «В то время». В какое время? О каком времени он говорит?

Серватиус: [*Обращаясь к свидетелю*] О каком времени вы говорите?

Тимм: Это время, когда был назначен генеральный уполномоченный по распределению рабочей силы.

Серватиус: Когда он был назначен?

Тимм: Он был назначен в марте 1942.

Серватиус: Как проводилась вербовка? Она была добровольной? Как вы можете разграничивать типы?

Тимм: Принципиально вербовка проводилась на добровольной основе ввиду технической точки зрения – то есть, с точки зрения использования завербованной рабочей силы – только добровольная вербовка могла привести к успеху. То есть только добровольная вербовка могла дать людей которые были счастливы и готовы работать и которые могли дать необходимую производительность.

Серватиус: В этом заключалась точка зрения которую подчеркивал Заукель?

Тимм: В течение всего времени, что я работал с Заукелем в министерстве труда я никогда не слышал о каких-либо событиях которые бы указывали на какой-то другой взгляд. Он постоянно подчеркивал, что основой вербовки должна быть добровольность.

Серватиус: Да. Он издал много директив и произнёс много речей. Но разве он в узком кругу…

Председатель: Доктор Серватиус и свидетель, постарайтесь делать паузу между фразами и между вопросами и ответами? Фразы свидетеля продолжаются, в то время как если бы он делал паузу это бы дало переводчикам шанс.

Серватиус: Да.

[*Обращаясь к свидетелю*] Заукель издал ряд директив и произносил речи об этом. Он не давал более точных указаний о руководстве ведомством?

Тимм: Инструкции которые мы получали всегда принципиально согласовывались с указаниями которые он давал в широком кругу на представительных или похожих

совещаниях.

Серватиус: Каким был результат добровольной вербовки? Рабочие поступали только в результате такой вербовки, то есть на основе условий описанных им?

Тимм: Да.

Серватиус: Приблизительно сколько их было?

Тимм: Я конечно не могу дать точные цифры. Думаю, мне кажется, можно сказать, что около 2-3 миллионов рабочих можно считать добровольными рабочими.

Серватиус: Остальные рабочие поступили в соответствии с законами об обязательном труде которые были введены в этих странах?

Тимм: Да.

Серватиус: Каким по вашей оценке должно быть количество этих людей?

Тимм: С трудом могу дать оценку. Что-то около 2-3 миллионов можно считать добровольцами, остальная цифра должна быть похожей.

Серватиус: Людей также депортировали. Вы понимаете, что имеется в виду под депортацией?

Тимм: Если можно спросить, это означает людей которых перевозили по военным или похожим причинам? Мне не совсем ясно, что вы имели в виду.

Серватиус: Вы не знаете, что такое депортации?

Тимм: Вы имеете в виду принудительные депортации, не так ли? Я не могу вспомнить и ничего не знаю о таких мерах в связи с деятельностью генерального уполномоченного по распределению рабочей силы.

Серватиус: В связи с получением, вербовкой и призывом рабочей силы, есть ряд серьёзных обвинений в связи с возникавшими злоупотреблениями. В какой мере вы об этом знали?

Тимм: Я понимаю ваш вопрос как означающий злоупотребления при самой вербовке?

Серватиус: Да.

Тимм: У меня нет практических сведений о самой вербовке. Насколько я мог видеть общую ситуацию, о серьёзных злоупотреблениях, таких как вы упоминаете в своём вопросе не сообщали ГБА. Вчера в ответе я отмечал, что я знал о случае окруженного кинотеатра, и что я не могу вспомнить никаких событий превосходящих это по тяжести.

Серватиус: Теперь я перехожу к условиям в Германии. Вы, что-нибудь слышали о худших условиях здесь? Наверное вы читаете газеты и знаете, что означает такое обвинение. Вы были одним из людей больше всего участвовавших в этом, что вы знали?

Тимм: Жалобы на обращение с иностранцами тоже шли к ГБА по разным каналам. Они ссылались в основном постоянно на вопросы одежды и питания и колючей проволоки и вопрос нашивок, обозначений иностранных рабочих.

Серватиус: Свидетель, обвинение говорит здесь о преступлениях против

человечности.
Тимм: Да.
Серватиус: Это только то, что происходило ежедневно в нормальной администрации, или это, так сказать, то, о чем сообщалось?
Тимм: Те вещи какие вы называете катастрофическими, доктор, не доходили до моего сведения, потому что если бы они доходили, я бы о них сейчас помнил.
Серватиус: Кто следил за исполнением приказов, и как это доводили до вашего сведения или как это должны были доводить до вашего сведения?
Тимм: Разные органы занимались надзором за работой иностранных рабочих. Это было пять или шесть разных ведомств. В частности был Германский трудовой фронт, который на основе решения фюрера потребовал себе вопрос обращения и ухода за иностранными рабочими. И могу я сказать в связи с этим, что постоянно говорилось о том, что это поручение выходило за рамки приказа отданного генеральным уполномоченным по распределению рабочей силы Германскому трудовому фронту и, что в некоторой степени он был обязан решением вышестоящего органа осуществлять задачи социального обеспечения и контроля за обращением и т.д. Об этом фундаментальном вопросе были постоянные совещания между ведомством ГБА и Германским трудовым фронтом и это позже привело к соглашению согласно которому ГБА также передал этот вопрос Германскому трудовому фронту. Чтобы урегулировать эти вопросы, Германский трудовой фронт создал центральную инспекцию, чья задача заключалась в том, чтобы следить за иностранными рабочими во всем Рейхе. Кроме этой центральной инспекции, также функционировало ведомство распределения рабочей силы в Германском трудовом фронте.
Серватиус: Мы сейчас перейдем к этому.
Тимм: Да.
Серватиус: Какой была связь между ведомством Заукеля и инспекцией Трудового фронта? Как поддерживались контакты?
Тимм: В первую очередь, человек из Германского трудового фронта работал как связной в техническом штабе Заукеля…
Серватиус: Кто это был?
Тимм: Это был господин Хофманн. И во-вторых, центральная инспекция Германского трудового фронта постоянно проводила совещания по инспекционной деятельности на которые приглашали ГБА.
Серватиус: Этот связной, Хофманн, предположительно докладывал о том, что он слышал от Трудового фронта?
Тимм: Да.
Серватиус: Что он сообщал?
Тимм: Вещи которые охватывали тоже самое о чём я сказал.
Серватиус: Германский трудовой фронт имел данную задачу ещё до создания

ведомства Заукеля?

Тимм: Германский трудовой фронт считал, как и я, так как несколько…

Серватиус: Свидетель, вы должны мне ответить. Германский трудовой фронт имел эту задачу до того как пришёл Заукель?

Тимм: Да.

Серватиус: Считалось, что его полномочия ограничивались тем фактом, что был назначен Заукель?

Тимм: Я сейчас объяснял, что это в целом считали задачей, самой обширной, и когда вновь назначенный генеральный уполномоченный по распределению рабочей силы настолько интенсивно занялся этими делами, он видел в этом определенное ограничение его задачи.

Серватиус: И об этом договорились Лей и Заукель?

Тимм: Да.

Серватиус: По чьей инициативе было заключено соглашение?

Тимм: Насколько я помню предложение являлось итогом пожелания Германского трудового фронта.

Серватиус: И в чём заключалась цель?

Тимм: Конечно я могу высказать только своё личное мнение. Мне кажется цель заключалась в том, чтобы в любом случае выразить тот факт, что Германский трудовой фронт в целом был компетентным в этих вопросах.

Серватиус: Кто представил соглашение, Заукель…?

Председатель: У нас нет соглашения между Леем и Заукелем?

Серватиус: Его предъявило обвинение.

Председатель: Если у нас оно есть, мы не хотим его личных воспоминаний об этом, не так ли?

Серватиус: Свидетель далеко ушёл. Я бы хотел знать, кто предложил его и подготовил, и когда оно было подписано. Есть две даты в сноске к этому документу насколько я сегодня помню.

Герцог: Господин председатель, указанный документ был предъявлен трибуналу. Это документ номер PS-1913.

Серватиус: Это в моей документальной книге, в первой документальной книге, страница 79. В английской книге это страница 74. Здесь в первом тексте можно найти…

Председатель: К чему это? Нет никакой пользы в получении доказательств у свидетеля, который сказал о том, что не помнит детали о документе который у нас имеется. Мне не кажется, что есть хотя какая-то польза вдаваться в то кто предложил это соглашение.

Серватиус: [*Обращаясь к свидетелю*] Были и другие инспекции. Например гауляйтер был уполномоченным агентом ведомства распределения рабочей силы. В какой мере гауляйтер докладывал о вещах происходивших в своём гау во время

распределения рабочей силы?

Тимм: Гауляйтеров назначил своим уполномоченными агентами генеральный уполномоченный по распределению рабочей силы в соответствии с со своим распоряжением номер 1, с задачей заниматься именно этим вопросом.

Серватиус: О чём они докладывали?

Тимм: Я не знаю никаких письменных докладов от гауляйтеров по этому вопросу, по крайней мере, ничего заслуживающего внимание. Вряд ли какие-то письменные доклады от гауляйтеров приходили по данному вопросу, по крайней мере не в наше ведомство.

Серватиус: Пользуясь случаем я бы хотел выяснить вопрос о положении гауляйтеров как уполномоченных агентов распределения рабочей силы в отношении к трудовым отделам гау. Гауляйтер был председателем трудовых отделов гау или в какой взаимосвязи они находились друг к другу?

Тимм: В административных и кадровых вопросах, председатель трудовых отделов гау несомненно подчинялся генеральному уполномоченному по распределению рабочей силы или рейхсминистру труда. Но генеральный уполномоченный сделал обязанностью этих председателей поддержание постоянного контакта с гауляйтерами и подготовку постоянных докладов о вещах которые происходили в области их работы. В частности, если существовали какие-нибудь трения или трудности в гау, они должны были обращаться к гауляйтеру за помощью.

Серватиус: Если я правильно вас понимаю, партия как таковая не имела никакого отношения к фактическому использованию рабочей силы?

Тимм: Кажется так. Если вопрос рассматривать таким образом, я бы сказал, что учреждение генерального уполномоченного подчеркивало политический аспект распределения рабочей силы и что гауляйтеры, согласно их более-менее разным мнениям занимались распределением рабочей силы.

Серватиус: Как орган по ухода и контроля?

Тимм: Да, по всем вопросам касательно распределения рабочей силы.

Серватиус: Поймите свидетель, ваши показания касательно ваших сведений о событиях с большим скептицизмом принимает обвинение. Неофициально вы не слышали и не видели вещи которые, если и не доходили до вас официально, разумеется должны были дать вам повод более тщательно их изучить?

Тимм: Конечно, здесь и там слышали о случаях плохого обращения с иностранными рабочими. Как только такие вещи доходили до моего сведения я всегда рассматривал их официально и соответственно готовил доклад или занимался ими. В таких случаях, сразу проводили необходимые расследования и делали всё, чтобы выяснить дело.

Серватиус: Такие отдельные случаи не являлись общим симптомом?

Тимм: Мне так не кажется. В любом случае, события которые можно назвать катастрофическими никогда не доходили до моего сведения. Как я уже сказал, почти

всегда это были вещи связанные с обращением – то есть, вопросами проживания в лагерях, одежды и тому подобного.

Серватиус: Какой была производительность и мораль рабочих?

Тимм: Производительность иностранных рабочих отличалась. Производительность восточных рабочих была особенно хорошей. В целом, ввиду этой производительности, была большая потребность в восточных рабочих. Производительность также была очень хорошей в частности у квалифицированных французских рабочих…

Серватиус: Довольно. Итак, я снова должен вернуться к вашим связям с оккупированными территориям. Вы принимали участие в переговорах с властями оккупированных территорий?

Тимм: Не на востоке. Несколько раз я ездил на Запад с генеральным уполномоченным и принимал участие в переговорах.

Серватиус: Вы находились с ним однажды, когда он посещал генерала Фалькенхаузена?

Тимм: Да, я присутствовал на переговорах.

Серватиус: Какого характера были эти переговоры, что касалось атмосферы? Они были напряжёнными, дружескими, какими они были?

Тимм: Совещания с генералом Фалькенхаузеном на которых я присутствовал в целом были сравнительно короткими. У меня было ощущение о том, что эти два господина не интересовались друг другом…

Председатель: Какое имеет значение, были они напряженными или дружескими или короткими?

Серватиус: Генерал Фалькенхаузен дал письменные показания, которые здесь предъявили, в которых он сказал, что Заукель дал ему приказы и вёл с ним переговоры таким образом который вызвал у него сильнейшую оппозицию.

Председатель: Если вы хотите возразить письменным показаниям Фалькенхаузена вы можете предъявить их свидетелю, если вы это пытаетесь сделать.

Серватиус: Сейчас их у меня нет. Я опускаю этот вопрос.

[*Обращаясь к свидетелю*] Вы были во Франции?

Тимм: Да.

Серватиус: Вы присутствовали на переговорах с французскими властями?

Тимм: Я присутствовал на переговорах с Лавалем, который тогда был премьером.

Серватиус: Какого характера были эти переговоры?

Тимм: Можно точно сказать, что переговоры проходили в очень дружеской манере.

Серватиус: Французы не заявляли никаких жалоб?

Тимм: Делали индивидуальные жалобы. Помню, что жалобы были особенно по вопросу перевода заработной платы.

Серватиус: Я бы хотел спросить вас заявлялись ли жалобы об обращении, методах вербовки, принудительных мерах и так далее – заявлялись ли жалобы о таких

вещах?

Тимм: Нет, я не помню никаких таких жалоб. Я бы разумеется запомнил их если бы они были.

Серватиус: У меня ещё есть немного вопросов об отношениях Заукеля с центральной плановой комиссией. Лично вы постоянно представляли Заукеля в центральной плановой комиссии. Правильно?

Тимм: Да, несколько раз.

Серватиус: Каким было положение центральной плановой комиссии, что касалось Заукеля?

Тимм: Центральная плановая комиссия была органом четырёхлетнего плана. Её задача, в части ГБА, заключалась в том, чтобы собирать запросы на рабочих от крупных работодателей и рассматривать эти запросы на регулярных заседаниях. Так как генеральный уполномоченный по распределению рабочей силы сам не мог судить о значении использования рабочих на разных производствах, данный вопрос решался в центральной плановой комиссии. Некоторые промежутки времени предпринималась попытка по возможности, составить баланс рабочих, можно сказать в связи…

Председатель: Подсудимый Заукель рассказал нам всё об этом, не так ли?

Серватиус: Да.

Председатель: Тогда нет никакой необходимости вдаваться в это с ещё одним свидетелем.

Серватиус: Да, господин председатель.

[*Обращаясь к свидетелю*] Вам известно положение Шпеера?

Тимм: Да.

Серватиус: Каким было положение Шпеера в отношении к Заукелю и наоборот? Шпеер мог в частности отдавать приказы Заукелю?

Тимм: Шпеер был генеральным уполномоченным по вооружению, в то время как Заукель был генеральным уполномоченным по распределению рабочей силы, и Шпеер придерживался точки зрения, что он, как министр вооружений, должен иметь решающие полномочия во всех вопросах относящихся к производству вооружений, то есть по сырью, углю и соответственно распределению рабочей силы.

Серватиус: Шпеер мог отдавать Заукелю приказы и указания или на самом деле отдавал их?

Тимм: Формально, да. Как я уже сказал, вопрос был не совсем ясен, и две концепции сталкивались. В действительности всегда было определенное трение между двумя людьми, потому что министерство вооружений более-менее хотело получить власть давать указания. Это трение в целом прояснялось в результате бесед, или обмена письмами между двумя людьми. Иногда это приводило к тому, что можно назвать «примирительным совещаниям» под председательством

рейхсминистра Ламмерса, как бывало в то время.

Серватиус: Каким был результат этих совещаний, этих примирительных совещаний?

Тимм: Эти совещания приводили к соглашениям, которые как я помню, несколько раз готовили в письменной форме, и в по моему мнению они вели к нарастающему усилению влияния министерства вооружений в вопросах распределения рабочей силы.

Серватиус: У меня больше нет вопросов к свидетелю.

Председатель: Кто-нибудь из защитников желает задать ещё вопросы?

Флекснер: Свидетель, в связи с вашим последним заявлением, я бы хотел задать один вопрос. Вы свидетельствовали о трении между подсудимыми Заукелем и Шпеером, потому что Шпеер требовал право давать указания. Я правильно вас понимаю если предположу, что это трение возникло ввиду того факта, что Заукель энергично оспаривал право принимать инструкции?

Тимм: Как я хотел сказать в своём последнем ответе, трудности состояли в том, что Шпеер, как генеральный уполномоченный по вооружениям сказал: «Я должен иметь контроль за всеми вещами относящими непосредственно к производству. Поэтому для меня меня важно руководство распределением рабочей силы..».

Флекснер: Свидетель, я это понимаю, мой вопрос только в том, что это трение возникло ввиду того, что Заукель категорически отказывался признать право принимать инструкции которое как вы говорите принял Шпеер?

Тимм: Как генеральный уполномоченный по распределению рабочей силы Заукель ощущал себя компетентным и ответственным за все вопросы касательно этого.

Флекснер: В отношении запросов министерства вооружений, которые он не считал оправданными, Заукель не придерживался точки зрения, что он был ответственным только перед фюрером?

Тимм: Я не помню ничего конкретного. Он был генеральным уполномоченным…

Председатель: Разумеется это весьма далеко от того, что мы рассматриваем. Он говорит, что трение разрешилось на совещаниях. Что ещё здесь обсуждать?

Флекснер: Это последний вопрос который я хотел задать свидетелю.

Свидетель вы говорили о совещаниях которые предположительно состоялись с министром Ламмерсом. В стенограмме заседания от 11 июля 1944 и 4 января 1944, которые здесь ранее предъявили, нет никакого упоминания о таких совещаниях. Я был бы благодарен вам, если бы вы могли сказать мне о каком заседании с Ламмерсом вы думали?

Тимм: К сожалению, я не могу указать никаких точных дат заседаний. Я знаю только о том, что генеральный уполномоченный по распределению рабочей силы несколько раз хотел доложить об этих обстоятельствах фюреру, и что два человека, насколько я помню, согласовали, что эти вопросы нужно обсудить с фюрером. Однако, потом для того, чтобы избежать постоянного вынесения вопросов перед

фюрером они согласились обсудить вопросы с рейхсминистром Ламмерсом.

Флекснер: Вы не может привести какие-либо детали этого?

Тимм: Только если – например я помню, что обсуждали вопрос заблокированных предприятий во Франции.

Флекснер: Очень хорошо.

Председатель: Обвинение желает провести перекрёстный допрос свидетеля?

Герцог: Свидетель, вы были членом национал-социалистической партии?

Тимм: Да.

Герцог: С какой даты?

Тимм: В 1933 я подал заявление. В моём заявлении сначала отказали, и насколько помню одобрили в 1934 или 1935.

Герцог: Вы были членом СА?

Тимм: Я был недолго членом СА. Я вышёл из СА, когда началась процедура моего исключения из СА, и я ушёл.

Герцог: Вы были членом СС?

Тимм: Нет.

Герцог: В чём заключались ваши функции до того как вы пришли в ведомство Заукеля?

Тимм: Я работал в том отделе рейхсминистерства труда который имел службу занятости, профессиональную подготовку и службу обучения.

Герцог: Когда вы впервые встретили Заукеля?

Тимм: Насколько я помню, я впервые встретил Заукеля, когда он посетил государственного секретаря Зирупа в рейхсминистерстве труда и отдельных чиновников приглашали, чтобы представить ему.

Герцог: И когда это произошло?

Тимм: Я не могу дать вам точную дату. Кажется это было спустя несколько недель после назначения Заукеля генеральным уполномоченным по распределению рабочей силы.

Герцог: Какой была ваша должность в то время, когда Заукель был назначен генеральным уполномоченным по распределению рабочей силы?

Тимм: Я был в отделе занятости и пособий по безработице – отделе занятости…

Герцог: А в конце, какой была ваша должность?

Тимм: Тогда я был министериальратом в рейхсминистерстве труда.

Герцог: Скажите где в Берлине находились ведомства Заукеля?

Тимм: Я не понял вопрос.

Герцог: Скажите где в Берлине находились ведомства Заукеля?

Тимм: В Берлине, сам Заукель работал в Доме Тюрингии, в то время как специальные управления предоставило рейхсминистерство труда в здании рейхсминистерства труда на Саарландштрассе 96, и какие-то, после уничтожения части здания, находились в альтернативных кварталах рядом с Берлином.

Герцог: Спасибо. Таким образом ведомства на Саарландштрассе находились под управлением Заукеля? Правильно?

Тимм: Ведомство на Саарландштрассе 96 не было новым зданием, это было рейхсминистерство труда. По распоряжению фюрера два управления предоставили для исполнения задач ГБА.

Герцог: Следовательно документ под названием «Делегат четырёхлетнего плана, генеральный уполномоченный по распределению рабочей силы, Берлин ЮЗ 11, Саарландштрассе 96» исходит из ведомства Заукеля?

Тимм: Я не совсем понял?

Герцог: Документ который имеет следующее название: «Делегат четырёхлетнего плана, генеральный уполномоченный по распределению рабочей силы…»

Председатель: Почему бы не показать ему документ?

Герцог: Я показываю вам документ номер L-61, который был предъявлен трибуналу в ходе последних нескольких заседаний. Данный документ содержит, как вы видите, следующее название в верхнем левом углу: «Делегат четырёхлетнего плана, генеральный уполномоченный по распределению рабочей силы». А в правом верхнем углу: «Берлин ЮЗ 11, Саарландштрассе 96». Он датирован 26 ноября 1942 и следовательно исходит от ведомств Заукеля. Правильно?

Тимм: Данный документ исходит от ГБА, следовательно от ведомства Заукеля.

Герцог: Спасибо. Вы представляли Заукеля на совещаниях центральной плановой комиссии четырёхлетнего плана?

Тимм: Так или иначе я представлял его, или я ходил вместе с ГБА на заседания. Не всегда, но часто.

Герцог: Когда вы представляли его там, вы получали указания перед тем как идти туда, не так ли?

Тимм: Когда нам нужно было идти на крупные или более важные совещания, мы информировали Дом Тюрингии о том, что должны были идти на заседания и мы получали свои указания о том как мы должны представлять ГБА на этих заседаниях.

Герцог: И, когда вы возвращались с этих встреч, вы докладывали о них Заукелю, не так ли?

Тимм: После заседаний мы так или иначе докладывали о результатах совещания ему лично или через личных консультантов.

Герцог: Значит Заукель должен был брать ответственность за заявления которые вы делали на различных заседаниях? Правильно?

Тимм: Как чиновника, моей обязанностью было убеждаться, когда я делал доклады на заседании и удостовериться…

Герцог: Я спросил не об этом. Вы ответите на мой вопрос? Вы получали указания до начала совещаний. Потом вы докладывали Заукелю о том, что обсуждали на этих совещаниях. Соответственно Заукель был ответственным за то, что там обсуждали, не так ли?

Тимм: Если мне позволят объяснить…
Председатель: Разве это не вопрос права, а не доказательство?
Герцог: Да, конечно, господин председатель.

[*Обращаясь к свидетелю*] Недавно вы заявили, что беседы на которых вы присутствовали в Париже имели дружеский характер. Вы помните участие в конференции 12 января 1943?

Тимм: Сейчас я не могу это вспомнить просто по дате. Я принимал участие, но не могу сказать по теме беседы присутствовал я или нет.
Герцог: Я уже предъявлял документ номер F-809 трибуналу. Он содержит стенограммы этого совещания. В ходе совещания Лаваль помимо прочего, сказал Заукелю:

> «Это больше не вопрос политики сотрудничества; скорее, с французской стороны это жертва, а с германской стороны политика принуждения…
>
> Мы не можем предпринять никакое политическое мероприятие не столкнувшись с каким-то германским органом который поставил себя на наше место.
>
> Я не могу гарантировать меры которые я сам не могу предпринимать.
>
> Мне невозможно быть простым агентом немецких мер по принуждению».
>
> Вы думаете это дружеские замечания?

Тимм: Я не понял одно слово: «Вам кажется, что это…»?
Герцог: «…дружеские замечания». Вы сказали, что эти беседы были дружескими. Я привёл вам фрагмент из содержания этих бесед. Вы также говорите, что они дружеские?
Тимм: Я могу только подтвердить дух переговоров в которых я принимал участие. Я не узнаю эти заявления в той форме как вы их мне привели.
Герцог: Если бы вы знали о них, вы бы также сказали, что это были дружеские беседы?
Председатель: Его там не было. Он сказал о том, что не знал об этом. Мы сами можем судить по тону был ли он дружеским.
Герцог: Свидетель, ранее вы заявили о том, что не имели никаких сведений о принудительных депортациях.
Тимм: Я сказал о том, что не знал ни о каких принудительных депортациях в рамках полномочий ГБА, и я не знаю ни о каких депортациях.
Герцог: Вы помните совещание состоявшееся 15 и 16 июля в Вартбурге, на котором вы присутствовали и на котором собрались Заукель, ряд начальников трудовых отделов гау и люди которые работали с Заукелем?
Тимм: В Вартбурге было совещание председателей трудовых отделов гау. Я был на этом совещании.

Герцог: Вы помните, что выступали там?
Тимм: Да.
Герцог: Вы помните заявления которые делали о методах вербовки?
Тимм: Я не очень это помню, нет.
Герцог: Я покажу вам документ номер F-810, который я предъявил трибунал под номером RF-1507. Трибунал найдёт фрагмент который я хочу предъявить свидетелю на странице 10.

Вы говорили о совещаниях которые генеральный уполномоченный по распределению рабочей силы имел с Вермахтом о его содействии в принудительной вербовке и вы сказали: «Фюрер одобрил использование принудительных мер в высшей степени».

Вы отрицаете, что вы знали о том, что рабочих вербовали в результате принудительных депортаций?
Тимм: Я прошу немного времени. Я пока не нашёл место. Мне раньше это не показывали.

Это записи сделанные кем-то из присутствовавших, предположительно военным командующим в Париже. Моих заявлений по данному вопросу здесь нет, но я должен полагать, что ГБА, в виду трудной…
Герцог: Посмотрите пожалуйста на страницу 8, параграф IV?
Тимм: Страница 8, да.
Герцог: В параграфе IV на странице 8:

> «Учитывая использование европейской рабочей силы и проблемы, методы и средства для этого Тимм сделал следующие заявления: 1) Северная Европа; 2) Юго-восток; 3) Италия; 4) Франция».

Затем мы переходим к фрагменту о котором я просил вашего объяснения, потому что вы сделали это заявление. Ответьте на это. Вы также отрицаете осведомлённость о том факте, что эти депортации были принудительными?
Тимм: Я не собираюсь ничего отрицать. Я могу только сказать, что Заукель наверное имел полномочия от фюрера использовать все разумные средства, чтобы ускорить получение рабочих.

Во Франции были введены и проводились меры, которые даже если были одобрены Лавалем, тогдашним премьером, вместе с тем можно назвать принудительными.
Герцог: Спасибо. У меня к вам последний вопрос. В этой цитате вы говорите: «Фюрер одобрил…». Если фюрер, что-то одобрял, это означает, что ему что-то предложили. Это не факт?
Тимм: Насколько помню, гауляйтер Заукель всегда докладывал о результатах своих бесед в Париже фюреру. Возможно, что он докладывал фюреру по вопросу методов вербовки которые он обсуждал с Лавалем, и у него было принято, как я уже сказал в своих показаниях, всегда убеждаться в одобрении фюрера, для того, чтобы не

работать вопреки идеям фюрера.

Герцог: Спасибо. Больше нет вопросов.

Серватиус: Свидетель, последний предъявленный вам документ, L-61, из Саарландштрассе не подлинный, но содержит слова: «Подпись, Заукель». Подсудимый Заукель сообщил мне, что возможно он подписал это не сам, а что его могли проинформировать лишь в общих чертах, о том, что были письма о том или другом – рутинная канцелярская переписка – и он мог уполномочить их подписать. Такое возможно.

Тимм: Похоже было так, управления на Саарландштрассе…

Председатель: Доктор Серватиус, Заукель заявил об этом в показаниях или вы говорите нам то, что он сказал вам? Вы помните?

Серватиус: Не могу сказать точно говорил ли он это здесь.

Председатель: Продолжайте.

Серватиус: [*Обращаясь к свидетелю*] Отвечайте на вопрос.

Тимм: Да. Так как Заукель продолжал исполнить свои обязанности гауляйтера в Веймаре, иногда случалось, что до него не доходили вещи. Управления на Саарландштрассе направляли свои проекты личному консультанту в Дом Тюрингии и вполне возможно – как я знаю по собственным сведениям об условиях, что содержание проектов доводилось по телефону и личным консультантам разрешалось подписываться от имени генерального уполномоченного.

Серватиус: Почта была настолько обширной, что он мог не понимать точный смысл отдельных писем?

Тимм: Мне трудно судить об этом.

Серватиус: Довольно. Еще один вопрос: фюрер – Заукель – Шпеер. Это правда, что подсудимый Заукель говорил вам о том, что фюрер приказал ему выполнять требования Шпеера?

Тимм: Я не знаю делалось ли именно такое заявление.

Серватиус: Мы показали вам документ в котором Лаваль жалуется на поведение германских властей. Эта жалоба относилась к деятельности Заукеля или он сказал Заукелю об этих жалобах и не поблагодарил его за его отношение?

Тимм: Я вспоминаю по беседам с Лавалем, что Лаваль постоянно высказывал свою благодарность Заукелю за принятие мер и средств упрощавших вопросы которые он предлагал. Лаваль придавал особое значение – пользуясь его выражением – налаживанию климата и атмосферы, и возможностью лично беседовать с Гитлером, и он просил Заукеля оказать ему услугу. Насколько мне известно, Заукель на самом деле готовил такие беседы и Лаваль благодарил его за это.

Серватиус: У меня больше нет вопросов к свидетелю.

Биддл: Работа ГБА заключалась в том, чтобы замещать рабочих который забирали в армию из промышленности. В основном это была ваша работа, не так ли?

Тимм: Задача ГБА была гораздо обширнее, так как раньше все задачи…

Биддл: Что же, понимаю, но это являлось частью вашей работы, не так ли?
Тимм: Да.
Биддл: Хорошо. Итак, следовательно вам заранее говорили о том сколько людей армия забрала из промышленности, не так ли, для того, чтобы вы могли провести оценку?
Тимм: Цифры устанавливала центральная плановая комиссией. Задача центральной плановой комиссии заключалась именно в том, чтобы планы подготовленные ОКВ…
Биддл: Минуточку. Меня не волнует кто изучал цифры, но ваша организация, разумеется имела сведения о нуждах армии, о количестве людей которое армия забрала из промышленности. Вы имели эту информацию, не так ли?
Тимм: Количество людей подлежащих призыву доводилось до центральной плановой комиссии.
Биддл: Хорошо, доводилось до центральной плановой комиссии. А потом, они забирали из промышленности людей в которых не нуждалась армия, не так ли? Я имею в виду евреев. Ои забирали евреев из промышленности, не так ли? Вчера Заукель сказал, что еврейский народ забирали из промышленности. Вы это признаете, не так ли?
Тимм: Да. Евреев устраняли из промышленности.
Биддл: Хорошо, и я полагаю центральной плановой комиссии давали количество евреев которых забирали из промышленности, не так ли?
Тимм: Не знаю. На совещаниях на которых я присутствовал…
Биддл: Вы не считаете, что так должно было быть, если они должны были выяснить количество пополнений. Так должно было быть, не так ли?
Тимм: Я не могу судить об этом, потому что я знал только об общем количестве людей подлежащих призыву, независимо от еврейского вопроса. Я не решусь высказывать мнение, я не знаю.
Биддл: Вы не знаете о том, что Гиммлер и СС говорили центральной плановой комиссии количество евреев подлежащих изъятию из промышленности, заместить которое было нужно? Вам известно, что это факт, не так ли?
Тимм: Нет.
Биддл: Не известно?
Тимм: Нет. Я знаю только о том, что мы получали определённые заявления рейхсфюрера СС о том, что людей забирали из промышленности, и ввиду возражений генерального уполномоченного, который должен был производить замену – я помню, что эту меру частично отменили.
Биддл: И вам известно, что одна из обязанностей рейхсфюрера СС состояла в удалении евреев из промышленности? Вам это известно?
Тимм: По заявлениям в докладах я знаю о том, что евреев должны были удалять из промышленности.

Биддл: Это всё.
Председатель: Свидетель может удалиться и трибунал уйдет на перерыв.

[*Объявлен перерыв*]

[*Свидетель Гильдебрандт занял место свидетеля*]

Председатель: Назовите своё полное имя.
Гильдебрандт: Хуберт Гильдебрандт
Председатель: Повторяйте за мной эту присягу: «Клянусь господом всемогущим и всевидящим, что я скажу чистую правду и не утаю и не добавлю ничего».

[*Свидетель повторил присягу*]

Председатель: Вы можете сесть.
Серватиус: Свидетель, вы работали в ведомстве Заукеля, это правильно?
Гильдебрандт: Да.
Серватиус: Вы подчинялись Тимму. Какой была ваша особая область?
Гильдебрандт: В рейхсминистерстве труда с 1930 я занимался вопросами касавашимися рабочей силы в железной и металлургической промышленности, химической промышленности и текстильной промышленности. После 1940 я также занимался вопросами касательно рабочих на Западе.
Серватиус: Региональными вопросами на Западе?
Гильдебрандт: Да, во Франции, Бельгии и Голландии, некоторыми из вопросов.
Серватиус: Вы должны помнить о паузе после ответа. Вы имели какую-нибудь общую мысль о том, что происходило в ведомстве Заукеля?
Гильдебрандт: Нет, не имел.
Серватиус: Но вы принимали участие в совещаниях штабов?
Гильдебрандт: Да, я присутствовал на большей их части.
Серватиус: И таким образом вы выясняли, в определенной мере, то, что происходило в других отделах?
Гильдебрандт: Да.
Серватиус: Я хочу особо спросить вас об условиях во Франции. Каким было положение генерального уполномоченного по распределению рабочей силы во Франции?
Гильдебрандт: Генеральный уполномоченный по распределению рабочей силы во Франции, также как в остальных оккупированных странах назначил особых заместителей которые передавали его пожелания и помогали выполнять эти пожелания и эти задачи. Организация всей рабочей силы с оккупированных западных территорий оставалась в руках германских военных или гражданских

ведомств там.

Серватиус: Значит он не имел собственной организации?

Гильдебрандт: Первый заместитель во Франции попытался создать собственную организацию, но спустя короткое время он столкнулся с оппозицией германских административных ведомств и ведомство которое он создал между тем принял военный командующий.

Серватиус: Каким было положение военного командующего?

Гильдебрандт: Военный командующий был и оставался ответственным за всё распределение рабочей силы в своём районе, а также за рабочую силу направленную из его района в Германию.

Серватиус: Каким было положение германского посольства?

Гильдебрандт: Германское посольство играло ведущую роль во всех переговорах которые нужно было вести генеральному уполномоченному или его заместителям с ведомствами французского правительства.

Серватиус: Каким было положение французского правительства в отношении распределения рабочей силы?

Гильдебрандт: Французское правительство заключало с генеральным уполномоченным соглашения касательно проведения его программы и приказывало собственным ведомствам выполнять определённые задачи, в особенности, когда во Франции была введена обязательная трудовая повинность. Оно публиковало необходимые указы и давало нужные указания подчинённым ведомствам.

Серватиус: И кто имел исполнительную власть, чтобы вербовать рабочую силу? Это делали французы или немцы?

Гильдебрандт: Нужно различать два периода. Когда это ещё был вопрос вербовки добровольцев, до осени 1942 эти добровольцы могли являться в германские ведомства и французские ведомства, а также в вербовочные агентства которые создавали германские фирмы, и какие-то органы Вермахта. После введения обязательной трудовой повинности, административное исполнение указов лежало целиком на французских властях.

Серватиус: И, что происходило, когда кто-то не являлся?

Гильдебрандт: Тогда приходила первая повестка от французских властей, а затем повторные повестки, и если это не давало результата французские власти вызвали французскую полицию.

Серватиус: Тех кто не приходил не доставляли в суды?

Гильдебрандт: Я полагаю, что такое могло происходить. Я точно не знаю.

Серватиус: Германские или французские суды?

Гильдебрандт: Французские суды согласно французским правилам.

Серватиус: Как бы вы оценили количество добровольных работников которые приехали из Франции в Германию?

Гильдебрандт: Количество добровольных работников из Франции, до середины

1942, но я могу дать только приблизительные цифры по памяти…

Серватиус: Пожалуйста, только приблизительную цифру.

Гильдебрандт: Что-то вроде 200 000. После введения в ходе 1942 указа об обязательной трудовой повинности, ещё оставались добровольные вербовки в довольно большом масштабе. Количество добровольцев было временами значительно больше чем количество призывников, поэтому больше половины всей рабочей силы завербованной во Франции состояло из добровольцев. Характерно, что женщин вербовали только при наличии добровольного согласия. Для них не было никакой обязательной повинности. Более того в отношении поставок принудительной рабочей силы, следует заметить, что эта цифра была формальной. На самом деле эти люди поступали добровольно, но по экономическим причинам, или принимая во внимание своих родственников или друзей в родных городах, они придавали значение их призыву. У нас были принудительные партии рабочей силы которые официально оформляли только потом. Такие просьбы доходили до германских трудовых ведомств в особенности в последние месяцы перед концом войны, и министерство иностранных дел просило генерального уполномоченного одобрять такие просьбы и это делали.

Серватиус: Вы, что-нибудь слышали в вашем ведомстве о вербовочных мерах, таких как окружение церквей, кинотеатров и похожих мест во Франции?

Гильдебрандт: Нет, я не знаю ни о какой подобной вербовочной мере. Я знаю, что во Франции, а также в Бельгии удостоверения личности контролировали у членов возрастных групп которых вызывали на регистрацию.

Серватиус: Вы наверное тоже были в Париже, и говорили там с германскими властями, правильно?

Гильдебрандт: Да. Каждый раз как я был в Париже я пользовался возможностью побеседовать с сотрудниками учреждений о текущих событиях.

Серватиус: Они не рассказывали вам о вещах которые вас удивляли?

Гильдебрандт: При проведении каждой крупной задачи мы, конечно имели определенные сложности, и некоторые эксцессы. Однажды, помимо прочего мне доложили о том, что были невозможные условия в «Pepiniere» - лагере, своего рода транзитном лагере для людей которые должны были уезжать. Об этих условиях тут же сообщили мэру города Париж которыq исправил положение. Затем были нарушения при вербовке в Марселе, где вербовочные агенты занимались вымогательством. Это тоже немедленно прекратили.

Кроме этого, довольно большое количество отдельных случаев доводили до меня. Это были небольшие трудности с отпусками, заработной платой и тому подобным, которые я каждый раз передавал в компетентные учреждения для принятия мер.

Серватиус: В ваши официальные обязанности входило следить за такими вещами?

Гильдебрандт: Поскольку они попадали в мою область, я сразу же предпринимал

необходимые шаги. Поскольку они оказывались делом других ведомств я сразу же передавал их этим ведомствам для рассмотрения.

Серватиус: Свидетель, я не спрашивал о том, что делали вы, а о том, являлось ли вашей официальной обязанностью следить за этими вещами.

Гильдебрандт: Общие проблемы вербовки и программы статистического учёта находились в моей области деятельности. Вопросами размещения, оплаты и перевозкой занимались другие отделы. Конечно, когда я узнавал о плохих условиях моя обязанность заключалась в том, чтобы сразу их расследовать, хотя бы в интересах дальнейшей вербовки.

Мы считали очень важным, чтобы каждое злоупотребление должно было немедленно прекращаться, потому что только так можно было гарантировать дальнейшую вербовку добровольцев. Следовательно призыв рабочей силы рассматривали как крайнее средство.

Серватиус: Свидетель, я бы хотел знать, являлось это вашей официальной обязанностью или моральной обязанностью следить за такими вещами?

Гильдебрандт: В данном случае это была моя моральная обязанность, также как и официальная обязанность.

Серватиус: Что касается способа перевозки, у меня есть один вопрос. Упоминались непорядки при перевозке. Вот почему я бы хотел попросить вас рассказать нам о том какие шаги вы предпринимали, чтобы за транспортами прибывавшими из Франции следили и руководили. Вы можете это кратко описать?

Гильдебрандт: В ведомстве военного командующего во Франции был создан специальный отдел который занимался перевозками. Для каждого человека которого отправляли, уже была установлена фирма куда его должны были отправить. Вербовка проводилась на основе запланированных контрактов и чётких условий труда, поэтому было известно какой маршрут будет выбран для поездки. Транспорты составляли так, чтобы взять как можно больше, для того, чтобы определенное количество рабочих ехало в одном направлении и на одну фирму.

Серватиус: Свидетель, эти детали ещё меньше интересны нежели вопрос о том как вы осуществляли эти перевозки и держали на контроле, когда происходило нечто необычное в пути.

Гильдебрандт: Приводя несколько деталей, я лишь хотел отметить, что была тщательная поверка каждого человека предназначавшегося для Германии. Для каждого транспорта был точный список людей и фирм куда их направляли. Транспортам давали проводников которые доставляли их к месту назначения и там их передавали председателям региональных трудовых отделов, чья обязанность заключалась в том, чтобы дальше о них позаботится.

Серватиус: Я бы хотел представить вам конкретный случай. Здесь сообщали о случае с грузовым поездом который ушёл из района Саара, и когда его открыли, спустя несколько дней, большинство людей в нём замерзли насмерть. Вы имели

контроль за такими поездами? Вам должны были об этом доложить? Этот поезд могли направить по вашим приказам? Как вы это объясните?

Гильдебрандт: О таком инциденте мне бы стало сразу же известно. Так как об идущих поездах сообщали заранее председателям региональных трудовых отделов, нас сразу информировали, когда они не приезжали. Такое часто случалось, а именно, когда в пути возникали трудности из-за какой-то чрезвычайной ситуации, и транспорт задерживался – например, в последние дни войны, когда приходилось расчищать заторы вызванные бомбардировками. Затем мы сразу же могли запрашивать о транспортах, что всегда делали. Я ничего не знаю о случае о котором вы говорите.

Серватиус: Свидетель, вам следует говорить медленнее. Переводчики не успевают.

Выскажете своё мнение об этом инциденте, который я описал, о поезде с людьми которые замерзли насмерть в районе Саар.

Гильдебрандт: Инцидент не мог случиться с транспортом завербованных. Транспорты хорошо готовили.

Серватиус: Вы это уже говорили.

Гильдебрандт: Да.

Серватиус: Тогда как вы объясните, случай с таким транспортом?

Гильдебрандт: Я впервые узнал из прессы в течение последних месяцев, что СС тоже организывали транспорты в Германию, и что условия как вы сейчас описали, как говорилось имелись в наличии.

Серватиус: Свидетель, вы присутствовали на переговорах между Заукелем и Лавалем?

Гильдебрандт: Да, я часто присутствовал.

Серватиус: В какой атмосфере проходили эти переговоры?

Гильдебрандт: Эти переговоры проходили в дружеской манере, но иногда, в особенности, когда обещания со стороны французского правительства не держали, случались весьма острые споры. Однако любые реальные трудности как правило не возникали на этих переговорах. Проводились приготовления по количеству людей которых должны были направить в Германию. Принципиально, Лаваль всегда был готов предоставлять рабочую силу в распоряжение Германии.

Серватиус: И какими в частности были отношения между Лавалем и Заукелем? Лаваль хорошо говорил о Заукеле или нет?

Гильдебрандт: Господин Лаваль время от времени высказывал свою благодарность за то как вещи упрощали для Франции. Например, в отношении статуса французских военнопленных, женам французских рабочих дали разрешение навещать своих мужей и заниматься помощью родственникам французских рабочих в Германии. Все эти вещи, как я сказал, принимали форму соглашений в которых одна сторона предоставляла рабочую силу в распоряжение другой стороны, и эта сторона в свою очередь возвращала рабочую силу или предоставляла другие

преимущества. Лаваль разумеется постоянно высказывал своё срочное желание сделать больше для Германии если бы он получал политические преимущества. Таким образом, он постоянно просил генерального уполномоченного позволить ему вести дискуссии с фюрером для того, чтобы создать во Франции благоприятную атмосферу для дальнейших усилий.

Серватиус: Эти дружеские отношения преобладали до конца?

Гильдебрандт: До последних переговоров, которые как я думаю состоялись в конце 1944.

Серватиус: Господин председатель, мне кажется вопрос «releve» и «преобразования» уже достаточно выяснили, поэтому нет необходимости снова спрашивать об этом свидетеля.

[*Обращаясь к свидетелю*] Свидетель, каким образом проводились переговоры с германским военным командующим? Заукель там приказывал? Он был высшей властью или военный командующий?

Гильдебрандт: Переговоры никогда не проводили в форме передачи приказов. Генеральный уполномоченный описывал ситуацию в Германии и то, что нужно…

Серватиус: Свидетель, вы можете быть очень кратким.

Гильдебрандт: Я хочу сказать только следующее: конечно, военный командующий как и в случае гражданской администрации в Голландии, был более заинтересован в получении заказов нежели в направлении рабочей силы в Германию, и это приводило к конфликту. Однако власти, приходилось в каждом случае убеждать в том, что эту рабочую силу нужно направить в Германию – на сельскохозяйственную работу, например, чего нельзя было сделать в Голландии, а также в ряд отраслей германской промышленности вооружений.

Серватиус: Свидетель, теперь несколько вопросов о Бельгии и Северной Франции: Положение Заукеля в отношение начальства было таким же как во Франции и всё происходило похожим образом или было по-другому?

Гильдебрандт: Нет, условия были такие же как во Франции, только при том, что заместители генерального уполномоченного с самого начала были включены в военную администрацию.

Серватиус: Вы получали какие-нибудь доклады или узнавали о чём-то лично про непорядки на этой территории?

Гильдебрандт: Да. Были отдельные случаи непорядков. Например, однажды мне сообщили, что репрессалии[93] должны были принять в отношении родственников возрастных групп которые не явились, когда их вызвали. Мы сразу же это прекратили обсудив вопрос с представителями военного командующего.

Серватиус: И как Заукель вёл переговоры с военным командующим?

Гильдебрандт: Он тоже говорил им о том, что он хотел. Фон Фалькенхаузен,

[93] Репрессалии — в международном праве правомерные принудительные меры политического и экономического характера, которые применяются одним государством в ответ на неправомерные действия другого государства.

конечно тоже интересовался в первую очередь выполнением заказов для германской промышленности вооружений в Бельгии, но также было согласовано, что рабочую силу тоже нужно направлять в Германию. Он разумеется предпринимал частые усилия, чтобы защитить студентов, школьников и членов молодёжных возрастных групп.

Серватиус: Свидетель, я покажу вам протокол допроса генерала фон Фалькенхаузена от 27 ноября 1945. Я хочу, чтобы вы взглянули на несколько фраз. Если вы возьмете страницу 2, вы найдете там в середине страницы, в ответ на вопрос: «Свидетель в состоянии…».

Председатель: Что за номер у документа?

Серватиус: Это документ номер RF-15.

[*Обращаясь к свидетелю*] Это следующий вопрос:

«Свидетель в состоянии уточнить нам ограничения его полномочий и компетенции в администрации распределения рабочей силы»?

Ответ генерала фон Фалькенхаузена:

«До определённого времени на моей территории было трудовое ведомство которое занималось вербовкой добровольных рабочих. Я уже не помню точную дату – может быть осенью 1942, когда трудовой отдел передали Заукелю, и с тех пор я только должен был выполнять его приказы».

Такое положение военного командующего в отношении к Заукелю верное?

Гильдебрандт: Это не совсем правильно в нескольких пунктах. В Бельгии не просто был один трудовой отдел, а ряд трудовых отделов которые занимались вербовкой добровольцев, а также ряд вербовочных отделов которые работали с ними. Однако с самого начала эти трудовые организации работали под надзором полевых комендатур в Бельгии. Эти полевые комендатуры были учреждениями военного командующего. Не было вопроса передачи работы генеральному уполномоченному. До назначения своих заместителей он мог только направлять запросы напрямую военной администрации, генералу фон Фалькенхаузену, но не напрямую в трудовой отдел.

Серватиус: Какими были условия в Голландии? Кто там являлся компететным главой района?

Гильдебрандт: Это был рейхскомиссар.

Серватиус: А там был заместитель Заукеля при нём?

Гильдебрандт: Да, там тоже был заместитель, который был сотрудником администрации рейхскомиссара.

Серватиус: Кто там издавал указы о трудовой службе?

Гильдебрандт: Рейхкомиссар.

Серватиус: А кто проводил вербовку? Германские или голландские ведомства?

Гильдебрандт: Насколько помню, там были голландские трудовые учреждения.

Главами этих трудовых учреждений были немцы, остальные сотрудники были в основном голландцами. Эти учреждения предпринимали необходимые шаги по распределению рабочей силы.

Серватиус: Итак, у меня есть ещё один вопрос касательно Германии. Металлургическая промышленность находилась в вашей сфере, не так ли?

Гильдебрандт: Да.

Серватиус: Например Крупп?

Гильдебрандт: Да.

Серватиус: Какие доклады вы получали об условиях на производствах Круппа в вопросе обеспечения рабочих?

Гильдебрандт: Я не получал никаких неблагоприятных докладов о Круппе. Личный консультант генерального уполномоченного, ландрат Берк, часто посещал производства Круппа и сообщал мне о просьбах фирмы и сложившемся впечатлении, но он никогда не говорил, что подобающей заботы не предоставляют иностранным рабочим. Лично я никогда не посещал фирму Круппа во время войны.

Серватиус: У меня больше нет вопросов к свидетелю.

Председатель: Кто-либо из немецких защитников желает задать вопросы? Обвинение?

Герцог: Господин председатель, здесь у нас такая же проблема. Трибунал уже слушал объяснения об этом. Трибунал обладает документами которые я предъявил, и таким образом у меня нет вопросов к свидетелю.

Председатель: Свидетель может удалиться.

[*Свидетель покинул место свидетеля*]

Серватиус: Тогда с разрешения трибунала я вызову свидетеля Штотфанга.

[*Свидетель Штотфанг занял место свидетеля*]

Председатель: Вы назовёте своё полное имя?

Штотфанг: Вальтер Штотфанг.

Председатель: Повторяйте за мной эти слова: «Я клянусь господом, всемогущим и всевидящим, что я скажу чистую правду и не утаю и не добавлю ничего».

[*Свидетель повторил присягу*]

Председатель: Вы назовёте своё полное имя?

Штотфанг: Вальтер Штотфанг.

Председатель: Повторяйте за мной эти слова: «Я клянусь господом, всемогущим и всевидящим, что я скажу чистую правду и не утаю и не добавлю ничего».

[*Свидетель повторил присягу*]

Председатель: Вы можете сесть.
Серватиус: Свидетель какую должность вы занимали при Заукеле?
Штотфанг: Я был личным консультантом генерального уполномоченного по распределению рабочей силы.
Серватиус: Когда вы приняли эту должность?
Штотфанг: Год спустя после прихода на должность генерального уполномоченного по распределению рабочей силы, это было 19 апреля 1943.
Серватиус: Свидетель Тимм был там, когда вы пришли?
Штотфанг: Да.
Серватиус: И свидетель Гильдебрандт?
Штотфанг: Да.
Серватиус: Какие приказы вы получили, когда пришли?
Штотфанг: Генеральный уполномоченный по распределению рабочей силы не дал никаких особых личных указаний, потому что его основные принципы можно было ясно видеть в его распоряжениях и в его программе, и я начал работать только год спустя.
Серватиус: До этого вы уже были в министерстве труда?
Штотфанг: Да, я связан с такой работой с 1926, и последние 8 лет я был личным помощником государственного секретаря, доктора Зирупа в министерстве труда.
Серватиус: Это сильно изменилось, когда вы перешли к Заукелю.
Штотфанг: Нет.
Серватиус: Что ваши коллеги по ведомству говорили вам о работе в целом, и отношении Заукеля к работе?
Штотфанг: Работу как таковую проводили в соответствии с принципами и распоряжениями, которые не сильно отличались от предыдущих. Конечно на практике, они были более далеко идущими нежели до этого.
Серватиус: Вы работали с Заукелем близко в своей области? Вы были его личным помощником.
Штотфанг: Насколько требовалось для выполнения обязанностей генерального уполномоченного по распределению рабочей силы. Заукель был не только генеральным уполномоченным по распределению рабочей силы, но одновременно он оставался рейхсштатгальтером и гауляйтером Тюрингии. Кроме того, в течение последних полутора лет его деятельности, он был сильно занят строительством подземной фабрики в Кале, в Тюрингии, поэтому он…
Серватиус: Мы вернемся к этому позже.
Штотфанг: …мог бывать в Берлине время от времени, самое большее раз в неделю, часто полдня.

Серватиус: И в чём заключалась ваша задача как его личного консультанта?
Штотфанг: Мы должны были принимать входящую почту, выбирать то о чём нужно было докладывать и передавать остальное в компетентные ведомства. Также мы должны были представлять вновь поступившие проекты генеральному уполномоченному.
Серватиус: Кто созывал совещания штабов? Вам известно?
Штотфанг: В целом это делало ведомство.
Серватиус: Вы всегда присутствовали на этих совещаниях?
Штотфанг: Да, с того момента как я пришёл на должность.
Серватиус: Вы принимали участие в совещаниях на которых отдельные сотрудники возвращались из так называемых инспекционных поездок и делали свои доклады?
Штотфанг: Позже такого не было или очень редко. Это было только в начале.
Серватиус: То, что вы присутствовали или проводились эти инспекционные поездки?
Штотфанг: Нет, то, что делали доклады.
Серватиус: Позже было меньше докладов?
Штотфанг: Да.
Серватиус: В чём была причина этого?
Штотфанг: Я не знаю причину.
Серватиус: В течение времени, что вы присутствовали, вы узнавали, что-то особо шокирующее о непорядках в Германии? Мы включим транспорты в Германию, транзитные лагеря, сами мастерские, лагеря и фабрики.
Штотфанг: Лично я узнавал о некоторых непорядках в связи с инспекционными поездками которые я делал по приказам, но это сразу же обсуждалось в компетентных ведомствах и предпринимались шаги, чтобы прекращать их.
Серватиус: Заукель должен был работать с рядом ведомств. Этому была какая-то особая оппозиция?
Штотфанг: За исключением двух случаев, нет.
Серватиус: Что это были за случаи?
Штотфанг: Одним была партийная канцелярия и другим рейхсфюрер СС и глава германской полиции.
Серватиус: Вам известно о конкретных примерах в случае рейхсфюрера СС?
Штотфанг: Общее обращение с иностранными рабочими – в частности поступавшими с Востока – насколько это устанавливал рейхсфюрер СС или принципы установленные рейхсфюрером СС противоречили идеям генерального уполномоченного по распределению рабочей силы. Рейхсфюрер СС не был склонен удовлетворять далекоидущие требования генерального уполномоченного по распределению рабочей силы. Тоже самое случалось в других направлениях, в случае главы партийной канцелярии.
Серватиус: В каких направлениях?

Штотфанг: Например, что касалось социального страхования. В данном случае партийная канцелярия считала, что равенство с немецкими рабочими было неоправдано ни по практическим ни по политическим основаниям, как и высокая оплата труда.

Серватиус: И, что Заукель говорил на это?

Штотфанг: Он старался, снова и снова, урегулировать все эти вопросы в соответствии со своими принципами. В некоторых вещах он явно не добился успеха, а в остальном он добивался успеха после больших усилий. Я бы напомнил вам о равном статусе предоставленном восточным рабочим который фактически ввели в марте 1945 в результате распоряжения.

Серватиус: Вы получали какие-нибудь специальные доклады от гауляйтеров которые были назначены заместителями по распределению рабочей силы, или вы говорили с гауляйтерами?

Штотфанг: Были инструкции о том, что инспекционные поездки соответствующих гауляйтеров нужно было отслеживать, чтобы таким образом можно было обсуждать с ними всякие вопросы относившиеся к делу.

Серватиус: Вы принимали участие в заседаниях центральной плановой комиссии?

Штотфанг: Однажды я ходил на заседание центральной плановой комиссии с генеральным уполномоченным по распределению рабочей силы.

Серватиус: Свидетель, вы упомянули март 1945 как дату, когда восточным рабочим предоставили равенство с остальными рабочими. Вы не ошиблись в годе – 1944? Я покажу вам распоряжение.

Штотфанг: Насколько я помню, это был март 1945.

Серватиус: Господин председатель, сейчас я покажу это свидетелю, мы увидим это.

[*Обращаясь к свидителю*] Какими были отношения между Шпеером и Заукелем?

Штотфанг: Видимо назначение генерального уполномоченного по распределению рабочей силы было в результате предложения министра Шпеера фюреру.

Серватиус: Я сошлюсь на документ 58 в документальной книге номер 2, страница 167 немецкого текста и страница 156 английского текста. Это распоряжение касательно условий работы восточных рабочих, от 25 марта 1944, и я читаю параграф 2:

> «Заработная плата.
> Для восточных рабочих применяются такие же условия по заработной плате как для других иностранных рабочих. Восточным рабочим заработная плата выплачивается только за фактически выполненную работу».

Председатель: Как заработная плата сравнивалась с заработной платой немецких рабочих?

Штотфанг: Существовало фундаментальное правило о том, что она должна быть

основана на немецкой заработной плате за одинаковую работу для того, чтобы избежать дополнительных доходов для производств которые использовали восточных рабочих.

Серватиус: Вы помните совещание на котором Геббельс высказал своё мнение Заукелю о политике последнего касательно социальных вопросов и вопросов заработной платы?

Штотфанг: Да.

Серватиус: Вы может описать нам это?

Штотфанг: Лично я не принимал участия в этом совещании. Я знаю об этом по описанию которое дал мне мой коллега доктор Гильдебрандт, который присутствовал на встрече вместе с гауляйтером Заукелем.

Это была первая дискуссия между двумя господами после того как рейхсминистр Геббельс стал уполномоченным по тотальной войне. На этом совещании министр Шпеер тоже присутствовал, и в ходе совещания рейхсминистр, доктор Геббельс упрекнул генерального уполномоченного по распределению рабочей силы в том, что его предыдущие мероприятия…

Председатель: Он говорит нам сейчас, не так ли, о том, что ему говорил Гильдебрандт?

Серватиус: Да.

Председатель: Что же, Гильдебрандт был свидетелем и его об этом не спросили.

Серватиус: Была путаница в двух свидетелях. Они прибыли недавно. Я прошу разрешения данному свидетелю сказать о том, что ему говорил Гильдебрандт. Это можно объяснить тем, что свидетель был здесь очень короткое время.

Председатель: Доктор Серватиус, трибунал не считает, что вам следует разрешить спрашивать об этом.

Серватиус: Существовали какие-нибудь трудности со Шпеером?

Штотфанг: Сначала, нет. В течение лет возникали сложности из-за фундаментально противоположных идей двух человек.

Председатель: Мы рассматривали отношения между Заукелем и Шпеером.

Серватиус: Да, я снимаю вопрос.

[*Обращаясь к свидетелю*] Какое отношение имели ведомства к использованию заключенных концентрационных лагерей? Они этим занимались?

Штотфанг: Нет.

Серватиус: Вы не получали доклады о том, что рабочая сила исчезала из других производств, и таким образом становилась рабочими концентрационных лагерей?

Штотфанг: Об этом не получали никаких докладов.

Серватиус: Вам известно, что рабочих из концентрационных лагерей использовали в больших количествах на работе?

Штотфанг: В целом общей практикой полиции было направлять заключённых на работу.

Серватиус: Вы не получали об этом никаких докладов, не так ли?

Штотфанг: Нет. Предпринимались усилия получить влияние в той мере, чтобы иметь у трудовой администрации доклады касательно использования заключенных концентрационных лагерей, для того, чтобы их можно было учитывать в общем планировании распределения рабочей силы. Но трудовые ведомства не получали эти доклады.

Серватиус: У меня есть ещё несколько вопросов касательно контрольных учреждений, и других контролирующих ведомств, которые создали для того, чтобы обследовать условия рабочих в Германии. Вам известно насколько иностранные рабочие тоже были включены в эту систему контроля? Прежде всего я думаю о ведомстве посла Скапини. Как работало это ведомство? Вы об этом, что-нибудь слышали?

Штотфанг: Я немного знаю о ведомстве Скапини. Я знаю о его существовании, но по моим лучшим сведениям ведомство Скапини в основном занималось социальным обеспечением французских военнопленных нежели социальным обеспечением французских гражданских рабочих, потому что для последних существовало специальное ведомство под руководством господина Брунетона. Но в целом иностранных рабочих представлял Германский трудовой фронт. Так называемые посреднические организации Рейха были созданы повсеместно от центрального управления, через гау в небольшие районы и каждый использовал несколько человек которые посещали лагеря, выслушивали жалобы и вели переговоры с ведомствами Германского трудового фронта или другими ведомствами трудовой администрации.

Серватиус: Это были немецкие работники о которых вы говорите?

Штотфанг: Нет, они были иностранными работниками из зарубежных стран, фактически почти из каждой страны.

Серватиус: На самих фабриках, рабочие имели каких-нибудь представителей которые имели контактного, связного человека с надзорными органами Германского трудового фронта.

Штотфанг: По моим сведениям, нет.

Серватиус: Для восточных рабочих тоже было контрольное учреждение. Вам известно это учреждение?

Штотфанг: В ведомстве Розенберга было специальное учреждение для этой цели.

Серватиус: Как работало это учреждение? Вы, что-нибудь о нём слышали?

Штотфанг: Да. Оно имело регулярный контакт с технически компетентными ведомствами трудовой администрации.

Серватиус: И с кем должно было связываться это учреждение если оно получало жалобы? Трудовой фронт, ведомство Заукеля или министерство труда? К кому они должны были идти?

Штотфанг: Это зависело от характера непорядка или жалоб которые поступили.

Серватиус: Я приведу вам пример – жалобы на условия труда.
Штотфанг: В таком случае нужно было сначала идти в компетентный местный трудовой отдел для того, чтобы сделать подробные запросы и понять общие условия или фактические условия.
Серватиус: А если это был вопрос проживания или питания, к кому нужно было идти?
Штотфанг: Сначала в ведомства Германского трудового фронта, которым по распоряжению генерального уполномоченного по распределению рабочей силы, кажется по распоряжению номер 4 – была поставлена общая задача следить за иностранными рабочими.
Серватиус: И Трудовой фронт дальше докладывал вам?
Штотфанг: В рамках своей компетенции они старались навести порядок.
Серватиус: Значит, фактически Трудовой фронт был высшим органом в вопросах жалоб на социальное обеспечение рабочих?
Штотфанг: Если вы так говорите, то, да.
Серватиус: Кто надзирал за обращением с военнопленными? Жалобы приходили к Заукелю?
Штотфанг: Нет.
Серватиус: Кто был ответственным за это?
Штотфанг: Высшее командование вооруженных сил.
Серватиус: Государственная инспекция тоже была контрольным органом. Какое отношение имел Заукель к государственной инспекции?
Штотфанг: Должно быть это неточное обозначение. Я не знаю, что вы имеете в виду под государственной инспекцией.
Серватиус: Я имею в виду профессиональную инспекцию, государственную профессиональную инспекцию.
Штотфанг: В Германии профессиональные инспекции принципиально являлись компетентными за защиту рабочих на фабриках. Что касалось защиты рабочих на фабриках, она должна была следить за тем, что распоряжения которые издавали и были в силе, исполнялись и соблюдались. Таким образом в случае жалоб она была компетентным органом.
Серватиус: Другие ведомства обвиняли Заукеля в том, что он слишком хорошо следил за рабочими? И разве не было случаев, когда это вызывало гнев некоторых иностранных рабочих?
Штотфанг: Да. Такие обвинения шли из трёх мест. Первое, от вышеуказанных учреждений, которые заявляли общие возражения и сопротивлялись далекоидущим требования генерального уполномоченного по распределению рабочей силы. Это ведомства Бормана и Гиммлера. Это зашло настолько далеко, что генерального уполномоченного по распределению рабочей силы даже подозревали в пробольшевизме.

Серватиус: У меня больше нет вопросов к свидетелю.
Председатель: Кто-нибудь из других защитников желает задать какие-либо вопросы?

[*Ответа не последовало*]

Председатель: Обвинение желает?

[*Ответа не последовало*]

Председатель: Свидетель может удалиться.

[*Свидетель покинул место свидетеля*]

Серватиус: Господин председатель, я не знаю прибыл ли свидетель Егер?
Председатель: Мне сказали, что нет.
Серватиус: Я полагаю, что он будет здесь в понедельник и я бы предложил, чтобы сейчас мне позволили предъявить некоторые документы, или вероятно допрос свидетеля Гёца, который в документальной книге. Вероятно я могу сослаться на несколько фрагментов. Это очень длинные письменные показания и они проливают кое-какой свет связанный с ними вопрос и облегчают понимание.
Председатель: Наверное у вас есть какие-то замечания о ваших документах, не так ли, которые займут время до часа?
Серватиус: Господин председатель, документальные книги содержат в основном распоряжения которые принял Заукель, и они охватывают то о чём здесь говорили свидетели и сам подсудимый в качестве свидетеля. Насколько возможно, книга поделена на разделы рассматривающие конкретные темы, но так как распоряжения которые принимали часто применяли к нескольким предмета одновременно, отдельные разделы в данной книге пересекаются.

Я принципиально сошлюсь на том I, там включены все распоряжения, которые я не хочу читать по-отдельности. Я бы хотел только обратить особое внимание на распоряжения о полицейских вопросах. Это документ 6, который на странице 16, документ 10 на странице 20 и документ 15 на странице 25. Эти документы…
Председатель: Вы понимаете, что должны приобщить в качестве доказательства каждый документ или ряд документов которые вы хотите приобщить к материалам дела? Недостаточно просто поместить их в документальную книгу. Будьте добры назвать документ который вы желаете приобщить в качестве доказательства.
Серватиус: Эти документы включены в сборник законов который уже предъявлен.
Председатель: Вы имеете в виду всё? Вся вещь предъявлена?

Серватиус: Да, насколько я знаю. Это документ номер PS-3044: «Распоряжения, указы, объявления».

Председатель: Что же, наверное только небольшую часть PS-3044 читали и таким образом, до тех пор пока он не переведён на четыре языка, он не составляет часть материалов дела. Доктор Серватиус, если вы исследуете вопрос и приобщите то, что хотите приобщить в качестве доказательства утром в понедельник, это будет вполне удовлетворительно.

Серватиус: Но я могу сослаться на них сейчас и затем предъявить документы в понедельник?

Председатель: Да.

Серватиус: Эти три указа и распоряжения рейхсфюрера СС я предъявил для того, чтобы показать какие усилия предпринимались, чтобы внести улучшение даже в такую трудную область. Распоряжение номер 6 было издано вскоре прихода Заукеля на должность, и нужно признать, что это было сделано для того, чтобы сделать fait accompli[94].

Следующее распоряжение, документ номер 10, уже показывает улучшение. Он касается колючей проволоки и рабочих отгулов, и это ещё сильнее ослабили в следующем документе номер 15, это распоряжение номер 4, которое уже предъявили, это наверное самое важное первое распоряжение, которое описывает фундаментальные полномочия и директивы, а также методы вербовки, перевозки и обращения в Германии.

Распоряжение номер 16 рассматривает использование восточных рабочих и приводит первые основополагающие правила, потому что до тех пор не было никакого единообразного правового регулирования.

Затем я перехожу к документу номер 19, который на странице 54 английского текста. Это распоряжение и письмо Заукеля трудовым отделам гау и гауляйтерам от 14 октября 1942, касательно хорошего обращения с иностранными рабочими. Это письмо вмешательство со стороны Заукеля, чтобы устранить плохие условия и исправить некоторые злоупотребления о которых ему сообщали. Я цитирую здесь в немецком тексте на странице 59 следующее…

Председатель: Что же, думаю, этот документ уже цитировали, не так ли?

Серватиус: Часть документа уже упоминали.

Председатель: Какую часть не цитировали?

Серватиус: Это страница 59 в моей книге, в английском тексте страница 54.

Председатель: Страница 54 – только заголовок.

Серватиус: Заголовок: «Распоряжение и письмо Заукеля от 14 октября 1942» и на следующей странице начинается текст. Первая страница содержит только название распоряжения.

Председатель: Но страница 55 английского текста, начало документа уже читали.

---

[94] Свершившийся факт (фр.)

Серватиус: Начало уже читали.

Председатель: Тогда зачем вам нужно это читать?

Серватиус: Я бы хотел прочитать целиком для того, чтобы показать насколько Заукель…

Председатель: Что же, начиная со слов «если в гау недавно говорили» это уже читали, внизу этого абзаца.

Серватиус: У меня здесь снова короткая пометка. Если это уже читали, тогда мне не нужно снова это читать. Я отказываюсь от оглашения.

Документ номер 20 на странице 56 в английской документальной книге рассматривает обязательную трудовую повинность для иностранной женской прислуги и показывает правила действовавшие в то время…

Председатель: Какой документ?

Серватиус: Документ номер 20.

Председатель: Продолжайте.

Серватиус: …настоящим особо отмечалось, что принудительная перевозка иностранной женской прислуги не проводилась, и в заявлении Заукель подчеркивает, что только добровольных рабочих нужно было брать для домашнего использования.

Распоряжение номер 21 вводит трудовую книжку. Это в английском тексте на странице 57. Цель трудовой книжки заключалась в том, как заявил здесь Заукель, чтобы упростить регистрацию рабочей силы, для того, чтобы можно было учитывать её и не терять контроль. Прежде всего, в связи с этим, должно было быть выделение земли восточным рабочим как объяснял подсудимый Заукель. Должна была быть составлена центральная картотека и при помощи неё планировалось организовать регулярную перевозку рабочих домой. Это была подготовительная мера к трудовой книжке.

Затем мы переходим к документу номер 22 от 23 июля 1943, который касается ограничения длительности использования восточных рабочих. В связи с этим сказано, что длительность использования должна быть 2 года, с определенными изменениями и что должны быть условия для отпуска, и премии должны выплачивать за работу. Должен был быть отпуск в Германии и при определенных обстоятельствах отпуск домой. Для отпусков в Германии, как можно здесь видеть, должны были быть созданы специальные отпускные лагеря для восточных рабочих. Причина заключалась в том, что в связи с транспортными условиями и другими обстоятельствами эти рабочие не могли поехать домой, в особенности если они были с территорий которые уже не были оккупированы Германией.

Затем следует распоряжение номер 13. Это документ номер 23, страница 62 в английской книге документов. Данное распоряжение касается сохранения порядка на фабриках и производствах. Это распоряжение на основе которого можно

было предпринимать меры по поддержанию дисциплины. Я предъявил его для того, чтобы показать, что это действовало и для немцев и для иностранных рабочих, а не распоряжение которое дискриминирует восточных рабочих.

Теперь я ссылаюсь на документ номер 26. Это страница 66 в английской книге документов. Это распоряжение от 25 июля 1944 согласно которому положение женской домашней прислуги с Востока принципиально должно было быть равным немецкой домашней прислуге. Регулируется рабочее время, а также нерабочее. Оно гласит: «Каждую неделю восточная работница имеет соответствующее свободное время».

Вопрос отпусков регулировался в параграфе 7, так, что отпуск предоставляется после 12 месяцев работы на территории Рейха.

Председатель: В документе 26 цифры правильные, страница 67 английской книги документов? Рабочее время находится между 6 часами утра и 9 часами ночи?

Серватиус: Там сказано: «Обычное рабочее время, включая периоды отдыха и подготовку к работе находится в промежутке между 6 часами 00 минутами и 21 часом 00 минутами, при условия, что не требуются иные условия». Это не означает, что работа продолжалась с 6 часов утра до 9 часов ночи. Это означает, что между этими двумя временными промежутками эти люди должны были работать. Они не могли работать до 6 часов утра и эти девушки не могли работать после 9 часов ночи. Нельзя…

Председатель: Я спросил только о том правильные ли цифры.

Серватиус: Цифры правильные.

Документ 27 касается положения иностранных рабочих на фабриках. Это распоряжение Германского трудового фронта и там есть одно-два важных заявления. Вот пример:

> «Удовольствие от работы и готовность немецких рабочих ни в коем случае нельзя ставить под угрозу преимущественным обращением с иностранными рабочими.
>
> Что касается обращения с иностранными рабочими следует учитывать то, что они прибыли в Германию добровольно и оказывают нам свои услуги при выполнении задач военного значения. Для того, чтобы поддерживать их желание работать, условия их договоров следует уважать, и следует предоставлять им справедливое обращение и полный уход».

Документ 28 соглашение между Леем и Заукелем вводящее надзор центральной инспекции. Его уже предъявило обвинение.

Документ 30 подробно касается задач и гласит:

> «Государственной инспекции в отношении распределения рабочей силы, вопросов доверительного управляющего Рейха и администрации поручаются следующие задачи:

> Надзор за исполнением моих правил и распоряжений. На основе сведений полученных практическим путём государственная инспекция вносит предложения, предлагает улучшения и способствует взаимному обмену опытом».

Последний документ в данной книге рассматривает создание французских учреждений. Это в английской книге документов на странице 79 под названием «Французские ведомства по уходу за французскими рабочими работающими в Рейхе».

Мне кажется я уже читал здесь документ. На этом, я закончил первую книгу документов.

Председатель: Очень хорошо. Мы откладываемся.

[*Судебное разбирательство отложено до 10 часов 3 июня 1946*]

День сто сорок пятый

Понедельник, 3 июня 1946

Утреннее заседание

Председатель: Доктор Серватиус.

Серватиус: Господин председатель, свидетель Егер должен появиться через полчаса. Я прочитаю некоторые другие документы из своей документальной книги если трибуналу угодно.

На последнем заседании я прочитал все документы из первой документальной книги за исключением документа Заукель-16, который я по ошибке упустил. Это брошюра для восточных рабочих. Мне не нужно читать её, но я сошлюсь на неё.

Я предъявил как экземпляр Заукель-1 «Справочник по использованию рабочей силы», и в данном экземпляре мы находим следующие документы которые я частично читал и некоторые прочитаю сейчас: Документы Заукель -12, 13, 15, 22, 28, 58(а), 67(а), 82, 83, 85, 86 и 88.

Затем я предъявил экземпляр Заукель-2, «Специальный выпуск Reichsarbeitsblatt», а именно «Условия использования восточных рабочих и советско-русских военнопленных», который содержит следующие документы: документы Заукель-6, 32, 36, 39, 47 и 52.

Затем экземпляром Заукель-3, я предъявил «Манифест генерального уполномоченного по распределению рабочей силы», документ Заукель-84.

Затем экземпляр Заукель-4, «Законы о труде: сборник германских законов», который содержит документы Заукель-16, 31 и 49.

Как экземпляр Заукель-5, я предъявил книгу «Боевые речи Фрица Заукеля». Это документ Заукель-95.

Как экземпляр Заукель-6 предъявлена «Национал-социалистическая государственная деятельность в Тюрингии, 1932-33». Это содержится в документе Заукель-96.

Экземпляр Заукель-7, «Национал-социалистическая государственная деятельность в Тюрингии, 1933-34» находится в документе Заукель-97.

Я снова предъявил как экземпляр Заукель-8 публикацию под названием «Европа работает в Германии», которую уже предъявили как документ RF-5.

Затем я представляю письменные показания сына Заукеля, Дитера Заукеля,

которые очень короткие. Они ссылаются на эвакуацию лагеря Бухенвальд о которой говорили, что её приказал Заукель. Я прочитаю восемь строк из письменных показаний:

> «Между приблизительно 4 и 7 апреля 1945, я присутствовал, когда мой отец гауляйтер Фриц Заукель проводил совещание в своём кабинете. В тот раз обсуждался вопрос лагеря Бухенвальд и было решено следующее: ряд охранников должны были остаться в лагере до прибытия противника для того, чтобы передать ему заключенных».
>
> – это третья книга документов Заукеля, документ Заукель-94, страница 247.
>
> Я клянусь в правдивости вышеуказанного заявления в целях предъявления Международному военному трибуналу в Нюрнберге.
>
> Я готов поклясться под присягой в правдивости моего заявления. Шёнау, 22 марта 1946. Дитер Заукель».

В экземпляре USA-206, документе PS-3044, который уже предъявлен, содержались следующие документы из тома II, которые я прочитаю позже: Заукель-7, 10, 14, 18, 19, 27 и 41.

Документы которые пока не читали в официальных сборниках законов. Я отложил в сторону отдельные законы в библиотеке. Я не знаю нужно ли предъявлять их по-отдельности или же достаточно сказать в каком томе «Reichsgesetzblatt» их можно найти.

Председатель: Они в вашей книге документов?

Серватиус: Да. Это короткие фрагменты из официальных законодательных газет. В каждом случае приводятся относящиеся к делу фрагменты.

Председатель: Доктор Серватиус, думаю было бы удобнее если бы вы присвоили им номера экземпляров, если они в вашей книге, но я не совсем понимаю как это здесь собрано. Вы сказали нам, что номер 1 содержал большое количество других номеров. Итак, номер 1 это регистрационный номер?

Серватиус: Номер 1 это регистрационный номер, и этот экземпляр содержит эти документы с номерами которые они имеют в книге документов.

Председатель: В книгах?

Серватиус: Да.

Председатель: Что же, понимаю.

Серватиус: Таким образом вы предъявляете только – до сих пор вы предъявили только девять экземпляров.

Серватиус: Да.

Председатель: И значит вы собираетесь присвоить этим различным законам которые вы имеете в своих книгах дополнительные номера экземпляров. Они будут 10-…

Серватиус: Я не знаю нужно ли предъявлять эти законодательные газеты как

экземпляры. Насколько я знаю они уже предъявлены, потому что они в официальном сборнике законов из «Reichsgesetzblatt» за 1942 и 1940. Конечно, я могу взять отдельные номера и предъявить их.

Председатель: Не будет ли лучше если вы предъявите их, скажем как, экземпляр 10, и затем скажете нам номера в своих книгах которые содержатся в номере 10?

Серватиус: Тогда было бы нужно предъявить подлинный текст из сборника законов. Я хотел этого избежать.

Председатель: Мы можем вынести о них судебное уведомление.

Серватиус: Тогда я прошу трибунал вынести о них судебное уведомление. Я отмечу в каких томах можно найти эти документы. Это будет «Reichsgesetzblatt» 1942 в котором документы Заукель-8, 11 и 17; «Reichsgesetzblatt» 1940 который содержит документ Заукель-45; «Reichsgesetzblatt» 1943 который содержит документ Заукель-21…

Председатель: Минуточку. Каким был первый «Reichsgesetzblatt»? Тот, что содержит 8, 11 и 17?

Серватиус: 1942.

Председатель: Ах, да.

Серватиус: Вторым был «Reichsgesetzblatt» 1940 с документом Заукель-45. Третьим был «Reichsgesetzblatt» 1943 с документом Заукель-21. Четвёртый «Reichsarbeitsblatt» 1940, документ Заукель-33…

Председатель: Какой год?

Серватиус: 1940. «Reichsarbeitsblatt», документ Заукель-33. Пятый «Reichsarbeitsblatt» 1942, который содержит документы Заукель-9, 35, 40, 46, 50, 51, 64(а). Шестой «Reichsarbeitsblatt» 1943, содержит документы Заукель-20, 23, 37, 42, 43, 44, 48, 54, 55, 57, 60, 60(а), 61, 62, 64 и 68.

И последний, «Reichsarbeitsblatt» 1944, имеет документы Заукель-26, 30, 38, 58, 59, 65 и 89.

Сейчас я кратко пройду документальную книгу. Я начну с документальной книги Заукеля 2, документ Заукель-32 «Приказы и распоряжения об использовании военнопленных». Это соглашение от 27 июля 1939. Это фрагмент касательно военнопленных и в статье 31 приводится запрещённый труд.

В следующем документе Заукель-33, есть распоряжение рейхсминистра труда «Использование военнопленных на рабочих местах». Там подробно приводятся типы работы на которой использовали этих военнопленных. В число типов работы не входит производство вооружений, но входит работа на фабриках, сельское хозяйство, дорожная работа, каналы и дамбы военного значения, работа на кирпичных заводах и так далее, о чём можно подробно прочитать.

В документе Заукель-35 мы можем видеть как использовались военнопленные, а именно в результате взаимодействия между лагерем военнопленных и подрядчиками, и то как контракт регулировал условия в которых

использовались военнопленные. Из этого можно видеть, что трудовая вербовка Заукеля не имела к этому никакого отношения.

В документе Заукель-36 мы находим циркулярный указ об обращении с военнопленными – меморандум об обращении с военнопленными, который был совместно разработан ОКВ и министерством общественного просвещения и пропаганды:

> «Обращение с военнопленными: с военнопленными следует обращаться таким образом, чтобы вся их производительная сила могла приносить пользу промышленности и продовольственной экономике. Чтобы гарантировать это, необходимо достаточное питание».

Это я хотел подчеркнуть.

Документ Заукель-37 касается вопроса улучшения статуса, а именно преобразования военнопленных в гражданских рабочих для работы важной для войны Германии. Это показывает как в данном случае они получали особое жалование, такое как жалование на поддержание отдельного хозяйства, так называемая благотворительная оплата. Это показывает, что с такими рабочими обращались как с гражданскими рабочими.

Следующий документ, Заукель-38, в тех же чертах и касается посещения родственниками французских, бельгийских и голландских военнопленных и итальянских военных интернированных в Рейхе. Там сказано:

> «Посещения французских, бельгийских и голландских военнопленных, а также итальянских военных интеренированных допускаются только женам, родителям, детям, братьям и сестрам, которые работают в Германии или имеют дома в Эльзасе или Лотарингии, и только в воскресенья и праздничные дни».

Это показывает, что на самом деле статус военнопленных прекращался.

Документ Заукель-39 - меморандум в отношении общих условий применявшихся в использовании военнопленных. Это касается рабочего времени: «Ежедневное рабочее время, включая время марша к работе и с работы, не должно быть чрезмерным». И в ещё одном фрагменте сказано: «Военнопленный имеет право на продолжительный период отдыха в 24 часа в воскресенье, при возможности…».

В пункте 7 сказано, что ни работодатель, ни его родственники, ни его работники не имеют права применять никаких карательных мер в отношении военнопленного.

Затем следует фрагмент о размещении и ещё один о проживании в лагерях. Это документ Заукель-40, который вводит на основании приказа Заукеля номер 9– инспекцию проживания, питания, отопления и уборки лагерей рабочими используемыми в лагерях. Он датирован 14 июля 1942. Там сказано:

> «До 10 августа 1942 все трудовые отделы должны провести проверку

всех промышленных предприятий использующих иностранную рабочую силу в соответствующих районах для того, чтобы установить исполняются ли надлежащим образом правила и распоряжения о проживании, питании и обращении со всеми иностранными работниками и работницами и военнопленными. Моё желание состоит в том, чтобы отделения НСДАП и ДАФ приняли в данной проверке соответствующее участие. Там где выявят недостатки, управляющему производством следует предоставить время для их устранения».

Далее, в 2(а) сказано, что должно быть предусмотрено питание зимой. И наконец: «Все фабрики должны предусмотреть для лагерей и общежитий отопление при установлении холодной зимы для того, чтобы своевременно было заказано топливо». Распоряжение заявляет в конце о том, что рабочие оплачиваемые фабриками должны использоваться для уборки лагерей.

Затем есть документ Заукель-18, меморандум для управляющих производствами и восточных рабочих который содержит лагерные правила. Введение гласит:

«В ответ на пожелание генерального уполномоченного по распределению рабочей силы, гауляйтера Заукеля я рекомендую, чтобы сотрудники своевременно удостоверялись в том, что правил принятых в отношении использования восточных рабочих придерживаются внутри учреждений».

Это показывает, что снова подчеркивался контроль.

Лагерный распорядок далее гласит:

«Восточные рабочие, вы найдете в Германии заработок и хлеб, и своей работой вы обеспечиваете поддержку своих семей…»

Биддл: Вы не могли бы суммировать эти документы короче?

Серватиус: Документ Заукель-41 показывает, что уход за восточными рабочими являлся особой задачей Германского трудового фронта.

Документ Заукель-42 рассматривает такой же предмет. Он прежде всего подчеркивает значимость профессиональной инспекции и говорит о том, что следует сразу же предпринимать все необходимые меры для социального обеспечения иностранных рабочих и сразу же устранять все недостатки. Инспектора и местные власти должны работать совместно с Трудовым фронтом. Это принял рейхсминистр труда Зельдте, а не Заукель, что делает очевидным то, что Заукель не стал рейхсминистром труда.

В документе Заукель-43 есть объяснения лагерного распорядка на которые я позднее подробнее сошлюсь. Но в документе Заукель-43 я бы хотел снова подчеркнуть положение профессиональной инспекции. Здесь вопрос ответственности за гигиену и уничтожение вредителей, и в конце сказано: «Надзорным органом в соответствии с новым порядком является профессиональная

инспекция…»

Документ Заукель-44 содержит уточнения о спальнях: их размер, количество коек и оказание медицинской помощи. Это снова подписано рейхсминистром труда Францем Зельдте, а не Заукелем.

Следующая группа документов касается пищи. Документ Заукель-45 это закон о проверке мяса, который рассматривает вопрос о том насколько мясо низшего качества пригодно для потребления. Этот закон тоже имел определенное значение в отношении свидетеля.

Председатель: Доктор Серватиус, по вопросу проверки мяса, нам не требуется дальнейшая информация об этом.

Серватиус: Документ Заукель-46 просто показывает, что иностранные рабочие получали свои продуктовые карточки, когда покидали лагерь.

Документ Заукель-47 распоряжение рейхсминистра продовольствия и сельского хозяйства и показывает, что он был ответственным за нормирование продовольствия. Документ также приводит пайки. Я назову только несколько: для обычных рабочих, 2600 грамм хлеба в неделю. Это увеличивается и можно прочитать, если вопросы значения…

Председатель: Страница 128 показывает, что военнопленных использовали в промышленности вооружений, не так ли? Страница 128.

Серватиус: Там сказано: «Пайки советских военнопленных работающих в промышленности вооружений или на производствах если они проживают в лагерях…» и затем следует перечень пайков. Я не понимаю как это показывает…

Председатель: 128 в английском тексте, строки 4-12: «Уход за больными. Все военнопленные и восточные рабочие и работницы, которые работали в промышленности вооружений…».

Серватиус: Там сказано: «Все военнопленные и восточные рабочие…которые использовались в промышленности вооружений…». Промышленность вооружений это не производство оружия.

Документ Заукель-48 ссылается только на закон – я вижу отдел переводов пропустил короткий абзац, но я могу обойтись без него. Заголовок обозначает тему. Он ссылается на продовольствие в пути домой. Таким образом это касается обеспечения для поездки обратно.

Документ Заукель-49 показывает регулирование там где можно было предоставить дополнительную пищу, и особые диеты в больницах тоже предусматривались.

В следующей группе, рассматривается вопрос заработной платы. Первое распоряжение - Заукель-50.

Председатель: Насколько далеко – мне кажется достаточно если вы назовете группу и затем скажете нам, что она рассматривает.

Серватиус: Да. Это из документов Заукель-50-59, опуская документ Заукель-56.

Вопросы заработной платы и уровня оплаты труда включаются сюда. Нужно изучить их более внимательно если эти вопросы станут более важными. Таким образом, сейчас я не буду делать об этом никаких конкретных заявлений.

Третья документальная книга Заукеля это группа документов содержащих правовые приказы. Документы Заукель-60-68 ссылаются на медицинское обеспечение. Мне кажется здесь тоже не нужно проходить отдельные документы, потому что они будут представлять интерес, только когда будет рассматриваться предмет.

Председатель: Называйте нам группу и говорите о чём она, и мы сможем просмотреть это.

Серватиус: Да. Это касается медицинского ухода и как я сказал детали станут интересными только, когда вопрос станет важным. Нет смысла говорить об этом сейчас.

Следующая группа это выступления Заукеля по теме распределения рабочей силы и они содержатся в справочнике. Я бы хотел сослаться конкретно на одну – речь от 6 января 1943, которая была произнесена после совещания между Заукелем и Розенбергом. В начале сказано: «Генеральный уполномоченный по распределению рабочей силы 5 и 6 января…».

Председатель: Какая страница?

Серватиус: Это 204 в моей книге и в английском тексте это тоже должна быть страница 204.

Председатель: Наверное эти 8000 должны быть 800.

Серватиус: Да, должно быть 800. Я также уже упоминал этот документ и читал основные части.

Документы Заукель-82 и 83 тоже упоминались в важных моментах.

Документ Заукель-84 манифест который уже подробно представляли.

Документ Заукель-85 показывает общеобязательные принципы которым следовал Заукель, которые хорошо известные принципы. Основной факт, что после 1943 они показывали такую же тенденцию какая была раньше.

Документ Заукель-86, более поздняя речь – речь от 24 августа 1943 перед председателями трудовых отделов гау. Здесь снова в своей речи перед ответственными председателями трудовых отделов гау Заукель подчеркивает своё основное отношение, как он часто заявлял здесь. Он придерживается такого же отношения 17 января 1944 – то есть документ Заукель-88, когда он снова подчеркивает этим председателям, что:

> «С иностранными рабочими нужно обращаться лучше. Приёмные лагеря не должны быть примитивными, скорее они должны быть рекомендацией о нас».

И в конце:

> «Чем больше я делаю для иностранных рабочих работающих в

Германии, чем лучше я с ними обращаюсь, чем больше я влияю на них – тем больше их производительность труда».

И это было незадолго – 2 месяца – до того как он смог поставить других иностранных рабочих на один уровень с немецкими рабочими.

Председатель: Мы слышали, что объяснял подсудимый Заукель…

Серватиус: Прошу прощения?

Председатель: …что проводилась работа. И скажите нам где группа их выступлений – сколько идет в группе?

Серватиус: Это документ Заукель-89.

Документ Заукель-94 я уже читал. Документы Заукель-95, 96, 97 я уже читал в необходимом объеме. И на этом я подхожу к концу представления документов.

Теперь идут письменные показания свидетеля Карла Гёца которые включены в документальную книгу. Я предъявляю их как экземпляр номер 10, письменные показания Карла Гёца. Это опросный лист который был предъявлен очень рано и поэтому рассматривался в очень сокращённой форме, так как тогда были неясными детали. Соответственно свидетель отвечал очень коротко и не мог сказать ничего конкретного по ряду вопросов. Там где он отвечает на вопросы, он ссылается на введение которое он написал, и в ответе на вопросы поставленные обвинением он тоже ссылается на это введение. Таким образом мне кажется, что я могу также прочитать это введение насколько необходимо.

Письменные показания от 20 марта 1946. В этом введении на второй странице, я бы хотел обратить внимание на совещание в Париже. Свидетель Гёц был банковским экспертом в Веймаре. Он раньше знал Заукеля и работал в его штате экспертов. Он был с ним в Париже и принимал участие в переговорах с Лавалем. Там он говорит:

«Переговоры переросли в обширную беседу, которую, насколько я мог судить, вели в подобающей и вежливой манере. Лаваль принял к сведению предложения Заукеля и согласился уступить его просьбе. Но он внёс контрпредложения…».

Не думаю, что нужно вдаваться в детали, потому что то о чём шли переговоры имеет небольшое значение. Он говорит на третьей странице:

«Во время совещания в Париже порядок был похожим. Лаваль занял более упорную позицию и отмечал большие трудности которые возникнут при вербовке дополнительных рабочих. Он особо подчеркивал необходимость не лишать французский рынок труда его лучших сил».

Думаю я могу продолжить на странице 4. Свидетель говорит в пункте 5:

«Моя последняя миссия по просьбе Заукеля заключалась в том, чтобы убедиться возможно ли при помощи использования наших банковских

связей закупить дополнительное количество пшеницы в Румынии и Венгрии – около 50000-100000 тонн было цифрой. Эта пшеница должна была быть использована как дополнительная пища для иностранных рабочих в форме легкого ужина».

Затем он говорит, что этот проект не удался ввиду обстоятельств. Он приводит общее впечатление о Заукеле и коротко говорит:

«Заукель обратился к этой задачей с энергией и задором свойственными ему. Он постоянно отмечал какие условия были нужны для успеха его задачи и постоянно подчеркивал, что большой обязанностью всех властей было следить за тем, чтобы с рабочими корректно обращались на своих рабочих местах».

Затем он описывает детали:

«Прежде всего, он требовал, чтобы у иностранных рабочих в лагерях не складывалось ощущение лишения свободы. Он потребовал снять всю колючую проволоку».

Он продолжает говорить:

«…Заукель говорил, что рабочие должны возвращаться в свои родные страны как пропагандисты».

Затем свидетель приводит важное заявление касательно информации о жестокостях и плохих условиях. Я бы хотел прочитать кое-что со страницы 6, чтобы показать что за человек свидетель Гёц. Он говорит…

Председатель: Из какой страницы ваш фрагмент?

Серватиус: Страница 6 или страница 266 книги документов в верху страницы.

Председатель: Да. Продолжайте.

Серватиус: Он говорит:

«Я также чувствую, что должен сказать, что после моего ареста Гестапо, после истории 20 июля 1944[95], Заукель говорил обо мне с РСХА (Кальтенбруннер). Не могу сказать в какой мере моё освобождение из концентрационного лагеря Равенсбрюк[96] стало возможным из-за этого.

Далее я желаю заявить, что я не получал от Заукеля никакого материального вознаграждения, наград или премий.

Я считал важным скрывать от него мои внутриполитические убеждения и мои связи с Герделером[97] и Попицем[98]. В своёй слепой

---

[95] Заговор 20 июля или Заговор генералов — заговор германского Сопротивления, прежде всего военных вермахта, с целью убийства Гитлера, государственного переворота и свержения нацистского правительства. Кульминацией заговора стало неудачное покушение на жизнь Гитлера 20 июля 1944 года.

[96] Равенсбрюк — концентрационный лагерь Третьего Рейха, располагавшийся на северо-востоке Германии в 90 км к северу от Берлина около одноимённой деревни, сейчас ставшей частью города Фюрстенберг. Существовал с мая 1939 до конца апреля 1945 года. Был определён как «охраняемый лагерь заключения для женщин». Крупнейший женский концентрационный лагерь нацистов.

[97] Карл Гёрделер (1884 — 1945) — германский политический деятель, один из руководителей консервативного крыла

верности Гитлеру – и несмотря на нашу старую дружбу – он бы в противном случае передал меня Гестапо из которого он постарался освободить меня в ноябре 1944».

Я прочитал это заранее и теперь возвращаюсь на страницу 265, потому что свидетель который тогда работал в штабе Заукеля, заявляет о своём отношении к вопросу который представляет для нас большой интерес. Он говорит:

«Теперь, узнав из публикаций о степени жестокостей в концентрационных лагерях, я ломаю голову над тем как указанная картина может согласовываться с событиями на которые пролили свет. Хотя я думал об этом неделями, я не могу найти этому объяснения».

Председатель: Какая это страница? Страница 265?

Серватиус: Страница 265. Это почти вверху страницы. Там где английский текст, не могу сказать, но должна быть страница 265.

Председатель: Да.

Серватиус:

«С одной стороны я вижу иностранных рабочих, мужчин и женщин которые свободно передвигаются в большом количестве и общаются с немецким населением. Французы и бельгийцы с которыми я беседовал из личного интереса, обычно были рады слышать свой родной язык, дружески общались, надеялись, что война скоро закончится и критиковали свою работу, но редко когда резко. На другой стороне находится полностью невыносимое зрелище недавно раскрытых массовых жестокостей. Слышали о том, что иностранных рабочих судили и приговаривали – они разумеется подвергались такому же произволу и таким же методам наказания как местные, но не так, что выносились массовые приговоры. Но это на самом деле не имело никакого отношения к распределению рабочей силы. Я считаю невозможным примирить то, что я слышал и то, что я видел в те дни с нынешними откровениями. Либо таким было развитие в последние полтора года, когда я не мог наблюдать за ситуацией ввиду моего ареста и моего возвращения в страну, или же существовало, кроме регулярного распределения рабочей силы, масштабное использование заключенных концентрационных лагерей. Может быть Заукель не мог уследить за вещами и не информировался или своими приказами и устными заявлениями занимался самообманом, чего я не могу не понять».

антигитлеровского заговора. Казнён после провала заговора.

[98] Эдуард Попиц (1884 − 1945) — немецкий экономист и государственный деятель, участник заговора 20 июля против Адольфа Гитлера. Казнен после провала заговора.

Я считал эти заявления особенно важными, потому что свидетель стоял на стороне людей 20 июля 1944 и разумеется внимательно наблюдал, и нужно придавать большое значение его суждению.

Что касается самих вопросов, вопрос номер 1 и его ответ, я считаю не относящимся к делу; также 2, 3, 4, 5 и 6. Всё это маловажные ответы.

На вопрос номер 10. Страница 276:

«Кто был ответственным за проживание, обращение и питание иностранных рабочих после их прибытия к месту работы»?

Ответ:

«Единственная вещь которую я слышал это то, что с момента работы начиналась ответственность управляющих производствами и в большинстве случаев особых подчинённых работников».

Вопрос 11:

«Какие приказы Заукель принимал по обращению с рабочими на фабриках»?

Свидетель в своих ответах ссылается на введение которое я прочитал.

Следующие вопросы – 13, 14, 15, 16 и 17 – не относятся к делу.

Вопрос 18:

«Заукель получал доклады о неправильных условиях? Какие меры он предпринимал? Вам известны отдельные случаи»?

Ответ:

«Я помню только один случай. Заукелю сообщили о том, что рабочие определенной фабрики всё также размещались в лагере окруженном колючей проволокой. Я не могу вспомнить название фабрики. Я слышал о том, что он немедленно приказал убрать ограждение».

Затем мы переходим к вопросам заданным обвинением. Я считаю, что вопрос номер 1 не относится к делу, так как он рассматривает личные, неофициальные отношения с Заукелем, и то как он с ним познакомился. Он познакомился, когда был военнопленным.

Председатель: Доктор Серватиус, господин Биддл думает, что обвинение вправе попросить прочитать всё, что оно желает из этих опросных листов.

Герцог: Обвинение, господин председатель не желает читать какие-либо отрывки из этого опросного листа.

Председатель: Доктор Серватиус, вам известно, что свидетель Егер присутствует, не так ли?

Серватиус: Да, он присутствует.

Председатель: Вам известно, что он присутствует.

Серватиус: Тогда, с разрешения трибунала я вызову свидетеля Егера.

[*Свидетель Егер занял место свидетеля*]

Председатель: Назовите, пожалуйста своё полное имя?
Егер: Доктор Вильгельм Егер.
Председатель: Повторите за мной эту присягу: «Я клянусь господом – всемогущим и всевидящим, что я скажу чистую правду и не утаю не добавлю ничего».

[*Свидетель повторил присягу*]

Председатель: Вы можете сесть.
Серватиус: Свидетель, во время войны вы работали врачом на фирме Круппа в Эссене и вам был доверен медицинский уход за лагерями иностранных рабочих? Это правда?
Егер: Да.
Серватиус: Кто был ответственным там?
Егер: Я был назначен фирмой Круппа на которую я работал, когда возникла перемена в уходе за иностранными рабочими и общественная организация здравоохранения приняла это.
Серватиус: Вас не назначал на этот пост Германский трудовой фронт?
Егер: Нет. Договор который фирма Круппа заключила со мной был подготовлен через Германский трудовой фронт.
Серватиус: Если я правильно вас понимаю, вы не заключали договор напрямую с Трудовым фронтом, но у вас были обязательства перед Германским трудовым фронтом, не так ли?
Егер: Я никогда не чувствовал, что я имел какое-нибудь отношение к Трудовому фронту в данном отношении.
Серватиус: Свидетель, вы не направляли постоянные доклады в Германский трудовой фронт об условиях в лагерях?
Егер: Это происходило только в нескольких случаях, насколько я могу вспомнить. В целом я направлял эти доклады в органы общественного здравоохранения и в фирму Круппа.
Серватиус: Вы не докладывали также в профессиональную инспекцию?
Егер: Не всегда. Я докладывал о нескольких случаях в отдел здравоохранения города Эссена, но только в отдельных случаях, когда мне казалось особо важным, информировать общественное здравоохранение.
Серватиус: Вам известен отдел общественного здравоохранения?
Егер: Да.
Серватиус: С кем был связан этот отдел?
Егер: Это было в Эссене.
Серватиус: Я не имею в виду местность, а с каким ведомством он был связан: Это был не Германский трудовой фронт?

Егер: Не могу сказать точно. Я знаю только о том, что это был отдел общественного здравоохранения Эссена.

Серватиус: Вам известно, что иностранные рабочие находились под заботой и контролем Германского трудового фронта?

Егер: Да.

Серватиус: Также и в отношении здравоохранения?

Егер: Однажды я встречал комиссию из Трудового фронта в моём лагере.

Серватиус: Вам известно учреждение лагерных врачей гау?

Егер: Подобное учреждение должно было быть создано в Эссене, но этого не произошло. Тогда, когда началась эпидемия тифа, я предложил сотруднику по здравоохранению, кто был доктором Гейнцем Бюлером из Мюльхайма, о том, что нужно, создать что-то. Затем на заседании обсуждали мою идею, но я больше ничего не слышал об учреждении гау для лагерных врачей.

Серватиус: Это будет сделано. В скольких лагерях вы осуществляли надзор?

Егер: Это отличалось. Сперва, может быть 5 или 6, потом может быть 17 или 18, и позже снова упало до меньшей цифры. Но я сейчас не смогу сказать вам точную цифру.

Серватиус: В чём заключался характер вашей работы?

Егер: Прежде всего, я предназначался для того, чтобы гарантировать медицинский уход иностранным рабочим.

Серватиус: Вы имели какое-нибудь отношение к лечению больных?

Егер: Только, когда их приводили ко мне, и когда я был в лагерях. Я всегда лично занимался отдельными случаями в лагерях всякий раз, когда инспектировал их.

Серватиус: Вы имели не только надзорное качество, но и сами лечили?

Егер: Всякий раз, когда я был в лагере со мной консультировались лагерные врачи и я им советовал.

Серватиус: В чём заключалась работа лагерных врачей?

Егер: Лагерные врачи имели свои ежедневные обязанности в лазарете и заботились о пациентах в целом.

Серватиус: Значит ваша работа была надзорной?

Егер: Да, надзорной.

Серватиус: Свидетель, обвинение непрерывно допрашивало вас вне зала суда?

Егер: Да.

Серватиус: Вы раньше были в Нюрнберге в этом здании?

Егер: Да.

Серватиус: Вы дали письменные показания об условиях в лагерях Круппа?

Егер: Да.

Серватиус: Я представлю вам эти письменные показания. Это письменные показания от 15 октября 1945. Вы дали эти письменные показания как свидетель обвинения?

Егер: Насколько помню, да.

Серватиус: Теперь я спрашиваю вас, настаиваете ли вы на заявлениях которые сделали тогда?

Егер: Да.

Серватиус: Я прочитаю вам ваши заявления: «Я, доктор Вильгельм Егер, практикующий в Эссене…»

Председатель: Доктор Серватиус, мы не можем читать ему весь документ. Вы можете предъявить ему, всё, что хотите оспорить.

Серватиус: Очень хорошо.

[*Обращаясь к свидетелю*] Почти в середине первой страницы вы говорите:
«Как старший врач лагерей я проводил инспекции различных лагерей.
В это время, в октябре 1942 года, я нашел следующие условия…» - и
вы продолжаете – «Восточные рабочие содержались в лагерях на
Зойманнштрассе,Шпендлерштрассе, Гриперштрассе,Германиаштрасс,
Дехеншуле…».

Председатель: Вы это оспариваете?

Серватиус: Да.

Председатель: То где были эти лагеря?

Серватиус: Да, это то, о чём я хочу его спросить.

[*Обращаяст к свидетелю*] Эти лагеря существовали в то время и были заселены?

Егер: Насколько я помню. Нужно учитывать, что до начала моей работы я вообще не знал, что существовали лагеря. На заседании на которое меня вызвали, где были врачи разных национальностей, прежде всего я спросил, что это были за лагеря. Они не знали, и потом был предоставлен список лагерей. Затем…

Серватиус: Свидетель, здесь вы поименно называли лагеря, и при этом не уверены в том, что эти лагеря существовали в то время, в октябре 1942?

Егер: Я указал лагеря которые существовали в начале моей деятельности, насколько я смог вспомнить. Я должен был ездить в каждый лагерь лично и должен был полагаться целиком на себя.

Серватиус: Далее, касательно пищи восточных рабочих – если вы посмотрите на вторую страницу документа – вы говорите следующее:

«Рацион для восточных рабочих был совершенно недостаточным.
Они получали на тысячу калорий меньше, чем составлял минимум
для каждого немца…».

Председатель: Доктор Серватиус, ниже названий лагерей он говорит: «Все эти лагеря были окружены колючей проволокой и тщательно охранялись». Я понимаю, вы это оспариваете?

Серватиус: Лагеря были окружены колючей проволокой и тщательно охранялись, как здесь сказано?

Егер: В начале, да.

Серватиус: Но вам не известно, что это было точно также во всех лагерях, не так ли?

Егер: Лагеря которые я посещал, где я был неизвестен, например, Крамерплац и Деxеншуле тщательно охранялись, и я должен был показывать свои документы, чтобы попасть внутрь.

Серватиус: Я повторю вопрос касательно пищи. Вы сказали, что восточные рабочие получали 1000 калорий в день в сравнении с минимумом для немцев. В то время как немецкие рабочие которые выполняли тяжелую работу, получали в день 5000 калорий, восточные рабочие которые выполняли одинаковую работу получали только 2000 калорий в день. Это правда?

Егер: Это было правдой в начале моей деятельности. Пища для восточных рабочих – как можно видеть из списков – определялась количественно и была разница между восточными рабочими и немецкими рабочими. Указанные 5000 калорий давали особым категориям немецких рабочих которые выполняли самую тяжелую работу. Это давали не каждому.

Серватиус: Свидетель, я предъявляю вам таблицу калорийности.

Я предъявляю трибуналу копию этой таблицы. Это точная таблица калорийности на которую были вправе рассчитывать отдельные категории рабочих. Она начинается с 9 февраля 1942 и показывает отдельные нормы для разных категорий рабочих и на последней странице есть итог средних норм калорийности которые выделены.

Здесь в итоге показано, группа 1. Восточные рабочие и советские военнопленные: работа средней тяжести – 2156 калорий; тяжёлая работа – 2615 калорий; очень тяжёлая работа – 2909; за сверхурочную и ночную работу – 2244. Вы знакомы с этими цифрами?

Егер: Приблизительно.

Серватиус: Сравните это с тем, что получали немецкие рабочие: обычный потребитель – 2846 калорий; тяжелая работа – 3159; очень тяжелая работа 3893; сверхурочная и ночная работа 2846 калорий. Это соответствует вашему заявлению согласно которому вы сказали, что немецкие рабочие выполнявшие самую тяжелую работу получали 5000 калорий, в то время как восточные рабочие получали 2000 калорий?

Председатель: Нам очень трудно следить за цифрами пока вы не указали нам точную страницу. Вы на последней странице?

Серватиус: Это итог.

Председатель: Что же, на какой вы странице?

Серватиус: На последней странице, последний лист справа. Первые группы продовольствия 1, 2, 3 на разных страницах и затем на последней странице, с правой стороны за группой 3, которая касается поляков, есть итог по калориям для

восточных рабочих, для немцев и для поляков. Если вы сравните количество калорий в столбцах, это должно совпадать с тем, что заявил свидетель. Он выделил очень тяжелую работу и сказал о том, что немцы получали 5000 калорий, таблица показывает, что они получали только 3839. Он также говорит, что восточные рабочие получали 2000 калорий; в то время как согласно таблице, они получали 2900 – то есть вместо пропорции 5000/2000, это 2900-3800 – округленно приблизительно 1000 калорий, а не как сказал свидетель 3000 калорий. Это правильно? Вы настаиваете на своём заявлении? Нужно было сделать разницу…

Председатель: Я не услышал ответ свидетеля.

Додд: Думаю было бы полезнее для трибунала и разумеется для обвинения, если бы было установлено, кто подготовил эту таблицу и охватывают или нет цифры приведённые здесь лагеря в которых данный свидетель имел полномочия. Глядя на неё, я не могу сказать где она была составлена, за исключением обложки где сказано:

> «Согласно пищевой таблице доктора Германа Шалля, главного врача санатория «Westend». Вычисления контролируемых продуктов для лагерей фирмы Круппа…»

Но эти вещи можно подготовить скопом и представить свидетелям. До тех пор пока нет какого-то обоснования, думаю это неподобающий способ проводить перекрёстный допрос.

Серватиус: У меня есть письменные показания которые могут доказать откуда исходит таблица.

Председатель: Вы, когда-нибудь видели эту таблицу раньше?

Серватиус: Это письменные показания свидетеля Гана.

Егер: Мне задали вопрос, пожалуйста?

Серватиус: Свидетель имеет подлинник. Он прикреплен. Могу я попросить свидетеля вернуть мне документ?

Егер: Я хотел сделать об этом заявление.

В начале моей деятельности пища восточных рабочих явно отличалась от пищи немецких людей, а также от пищи так называемых западных рабочих – французов, бельгийцев и так далее. Из цифр можно понять, что даже при том, что это прямо не сказано, по крайней мере была разница в 700-800 калорий. В начале, до мне, кажется февраля или марта 1943, восточные рабочие не получали никаких дополнительных пайков за сверхурочные часы, тяжёлую работу или очень тяжелую работу. Эти дополнительные нормы были предоставлены только после того как Заукель приказал об этом, и это было, если я правильно помню в начале 1943. Тогда, насколько помню, восточных рабочих поставили в одинаковые условия с немецкими рабочими в части продовольствия, и они получали дополнительные пайки за сверхурочную, тяжелую и очень тяжелую работу, которых они вообще раньше не получали.

Серватиус: Свидетель, если правильно вас понимаю, вы хотите сказать, что данная таблица может быть правильной, но в действительности рабочие не получали то, что указано в таблице. Я правильно вас понимаю.

Егер: Даже по таблице вы можете понять разницу.

Серватиус: Вы говорили о разнице в 3000 калорий, в то время как таблица показывает разницу приблизительно в 1000 калорий.

Егер: Я уже сказал, что были отдельные категории рабочих выполнявших самую тяжелую работу – такие как кочегары и шахтеры и они получали до 5200 калорий. Однако, это не являлось правилом. Только очень особые рабочие получали 5200 калорий.

Серватиус: Значит то, что вы здесь говорите неправильно, потому что вы об этом не сказали. Вы в общем говорите, что, в то время как немецкий рабочий который выполнял самую тяжелую работу получал 5000 калорий, восточный рабочий который выполнял такую же работу получал в день только 2000 калорий. Однако, это общее заявление, и оно не показывает, что вы ссылались на исключительные случаи в отдельных группах работников. Это правильно?

Егер: Так я это понимал, и мне кажется вы это понимаете.

Председатель: Итак, откуда поступила таблица, и вы её приобщаете? Вы её приобщаете?

Серватиус: В письменных показаниях есть утверждение и свидетель чётко сказал в то время, что рабочие выполнявшие самую тяжелую работу получали 5000 калорий если они были немцами, а если они были восточными рабочими они получали только 2000 калорий. Это совершенно ясное заявление в письменных показаниях, которое не соответствует таблице.

Председатель: Вы приобщаете её в качестве доказательства?

Серватиус: Да.

Председатель: Что это будет? Каким номером будет?

Серватиус: Это будет экземпляр Заукель-11.

Председатель: Письменные показания ссылаются на таблицу?

Серватиус: Я спросил, потому что я оспаривал достоверность письменных показаний.

Председатель: Нет, я спросил письменные показания ссылаются и опознают таблицу, таблицу которую свидетель имеет на руках.

Серватиус: Да.

Председатель: Доктор Серватиус, вы предъявляете письменные показания Вальтера Гана. Эти письменные показания упоминают таблицу и говорят откуда исходит таблица, и кем она была составлена, и на что ссылается?

Серватиус: Письменные показания которые здесь как документ номер D-288 не упоминают таблицу, а только письменные показания которые предъявил я. Теперь я понимаю, что это письменные показания свидетеля Гана и таблица прикреплена, и

она охватывает письменные показания свидетеля. Этот документ я предъявляю в качестве доказательства.

Председатель: Я сказал, письменные показания Вальтера Гана – они опознают и прилагаются к таблице? Какая страница? Как вам известно там семь страниц. Мы не можем найти пока вы нам не скажете.

Серватиус: В немецком тексте на странице 4.

Председатель: Что же, вы имеете в виду там где сказано: «Количество калорий содержащееся в данной пище можно видеть по таблице калорийности подготовленной мной, что охватывает весь период войны?». Это вы имеете в виду? Это на странице 4 нашей копии. Это под заголовком С: «Обеспечение пищей французских военнопленных и итальянских военных интернированных».

Серватиус: Это там, я уже сказал, на странице 4 немецкого текста, где сказано, что пайки были основаны на калориях, и что калорийность пищи можно увидеть по вычислениям которые охватывают всю продолжительность войны. Это прилагаемый документ.

Председатель: При том, что сказано, что прилагается документ он не ссылается на него по названию.

Серватиус: Но документ приложен, таким образом очевидно, что он должен относится к этому.

Председатель: Очень хорошо.

Додд: Господин председатель, я не хочу оспаривать это, но – может быть я не понимаю – думаю мы вправе знать, когда была составлена таблица и кем. Эти письменные показания говорят, что это приложение. Может быть её подготовил Ган, но мы пока не знаем и этот свидетель не давал показаний о ней, и представитель не сказал нам.

Председатель: Господин Додд, положение такое, не так ли: человек по имени Вальтер Ган дал письменные показания прилагаемые к данной таблице. Эти письменные показания датированы, я полагаю…

Додд: Да, 1946.

Председатель: …после дачи письменных показаний данным свидетелем и подробно отвечает на показания данные свидетелем.

Додд: Да. Что я хотел понять, заключалось в том, что эта таблица касательно которой свидетеля перекрёстно допрашивают видимо не была составлена в то время, когда он нёс ответственность за эти лагеря, и из допроса не видно, что это так, и я думаю это придало бы больше весомости доказательствам полученным в результате перекрёстного допроса.

Я бы хотел отметить, что защита Заукеля заключается в том, что он не имел никакого отношения к питанию и уходу за этими рабочими после того как они приезжали в Германию, и что это была ответственность ДАФ. Думаю было бы полезнее если бы защитник выяснил это, для того, чтобы мы узнали признаёт ли он

ответственность после того как они приезжали и в этом ли заключается смысл перекрёстного допроса.

Председатель: Продолжайте.

Серватиус: Господин председатель…

Председатель: Минуточку. Трибунал не думает, что нужно прерывать перекрёстный допрос. Вы можете продолжать.

Серватиус: Обвинение сейчас сделало утверждение против Заукеля. Если сегодня обвинение считает, что Заукель не был ответственным за события на фабриках, а скорее управляющий производством был ответственным и, что он не был ответственным за военнопленных, а что за них были ответственными вооруженные силы, тогда я не нуждаюсь в данном свидетеле.

Председатель: Пожалуйста, продолжайте перекрёстный допрос.

Серватиус: Свидетель, вы сделали кое-какие заявления касательно одежды восточных рабочих. Вы сказали, что они спали в той же одежде в которой приехали с Востока, и что почти все они не имели пальто и таким образом были вынуждены использовать свои одеяла – даже в холодную и дождливую погоду, нося свои одеяла вместо пальто.

Так было всегда или временно? Это было общей практикой или отдельным случаем?

Егер: Для того, чтобы избежать недопонимания, я должен снова сказать: в начале моей деятельности я полностью полагался на себя. Не было никакого лагерного начальства. Не было никого кто работал со мной. Таблицы калорийности и таблицы обмундирования были составлены позже.

Руководство лагеря которое существовало, согласно Гану – если я правильно помню, только с февраля или апреля 1943. Этап который я собирался описать и описывал здесь, относится строго ко времени, когда я начал свою работу. Тогда условия были на самом деле такими какими я их описал, и я должен был работать с этим. Это также включало одежду, как я подтвердил. Эти люди оставались в том же состоянии как и по прибытию, что касалось одежды, довольно долго, и насколько я помню они ничего не получали тогда.

Серватиус: Что делалось в связи с этим?

Егер: Я доложил об этих условиях как можно скорее. Не помню, когда. Как можно понять, намерение заключалось в том, чтобы создать швейные мастерские, обувные мастерские и другие мастерские в лагерях, и какие-то из них действительно создали.

Серватиус: Один вопрос. В целом вещи улучшались в течение вашей деятельности или ухудшались?

Егер: Они не ухудшались после 1943. Конечно после первых крупных воздушных налётов, всегда была большая путаница. Много сгорало в огне. Я помню, что однажды ночью 19000 человек стали бездомными, и конечно, также сгорала одежда и нижнее белье. Естественно занимало некоторое время, чтобы восполнить эти

потери.

Серватиус: Эти условия были вызваны фирмой Круппа или недостаточным надзором со стороны Трудового фронта?

Егер: Как я сказал, я видел сотрудников Трудового фронта лишь однажды в лагере. Тогда эта комиссия действительно раскритиковала условия. Это было в лагере Крамерплац и фирма Круппа была оштрафована из-за условий. Но это был единственный раз, когда я вообще имел связь с Трудовым фронтом.

Серватиус: Фирма Круппа как-либо возражала улучшениям, чтобы Трудовому фронту приходилось вмешиваться?

Егер: Не могу сказать. Я не имел никакого влияния на это и ничего об этом не знал, потому что я должен был заниматься только медицинскими вопросами и не принимал участия в заседаниях фирмы Круппа или Трудового фронта. Я мог только готовить доклады.

Серватиус: Свидетель, вы также сделали заявления об условиях здравоохранения, и вы сказали, что обеспечение медицинскими инструментами, повязками, медикаментами и другим медицинским оборудованием было совершенно неадекватным в этих лагерях. Это правда, или были такие исключительные случаи, или такие условия были всё время?

Егер: Такими я увидел лагеря в октябре 1942 и медленно вынужден был выяснять эти условия. Поздне, конечно было лучше.

Серватиус: Там вы говорите, что количество болевших восточных рабочих было вдое выше чем количество немецких рабочих, что туберкулёз особенно преобладал, и что процент был в четыре раза выше среди восточных рабочих чем среди немцев. Это правильно?

Егер: Так было дело в начале, когда мы получали рабочих которые вообще не проходили никакого медицинского обследования. Когда я ездил по лагерям, я слышал от лагерных врачей и лично видел в связи с инспекциями, что было очень много больных. Цифра была значительно выше чем среди немцев, как я мог тогда понять.

Серватиус: И, что делала в связи с этим фирма Круппа?

Егер: После того как мы выяснили, что нам нужно заниматься туберкулёзом, мы провели многочисленные обследования, даже рентген-исследования. Затем тех кто болел туберкулёзом отделяли от остальных и направляли в больницу Круппа на лечение.

Серватиус: Затем вы упоминали тиф, и сказали, что он тоже был широко распространен среди рабочих.

Егер: Я лично этим занимался, так как у нас было около 150 случаев.

Серватиус: Когда?

Егер: За весь период с 1942 по 1945.

Серватиус: Сколько рабочих было у вас за это время?

Егер: О, это отличалось.
Серватиус: Дайте хотя бы приблизительную цифру.
Егер: Что же, если я правильно помню, может быть 23000-24000, может больше. Позже было около 9000. Но цифры отличались.
Серватиус: Вы считаете правильным, если 150 человек из такого большого количества заболели тифом за такой длительный промежуток времени, говорить, что он был очень распространённым среди рабочих?
Егер: Да, так как у нас вообще не было тифа среди немецкого населения. Поэтому такое заявление может быть оправдано. Если среди населения в 400000 или 500000 – такого какое было в Эссене в то время – вообще не было тифа, и если затем взять в среднем из 20000 150 случаев среди 20000, тогда заявление вполне можно сделать.
Серватиус: Другими словами вы придерживаетесь своего заявления о том, что правильно говорить, что тиф был распространён. Кроме того, вы говорите, что носителями этих заболеваний были мухи, вши, клопы и остальные вредители, которые мучили проживавших в этих лагерях. Это было правдой для всех лагерей?
Егер: Так было дело почти во всех лагерях, когда я начал свою работу. Затем фирма Круппа создала станцию дизинфекции, которую сразу размбомбили. Затем её восстановили и снова уничтожили.
Серватиус: Вы говорите, что в случае болезни рабочие должны были ходить на работу до тех пор пока лагерный врач не устанавливал, что они непригодны к работе. В лагерях Зойманнштрассе, Гриперштрассе,Германиаштрассе и Капитал-Леманштрассе не было ежедневного времени консультаций, и что в этих лагерях лагерные врачи появлялись только каждый второй или третий день. Соответственно рабочие были вынуждены ходить на работу до тех пор пока не появлялся врач? Это правильно?
Егер: Естественно рабочий должен был работать до тех пор пока лагерный врач не признавал его негодным. Так же было с немецким населением. Я врач врачебной комиссии и знаю, что во многих случаях человек должен был ходить на работу если он сам не говорил о болезни, разницы в этом не было.
Серватиус: И вы говорите, что так было дело в указанных лагерях, что не было никакого реального времени для консультаций, что означало, что человек мог сказать о болезни?
Егер: Но он мог пойти к врачу. Так как там не было никаких врачей, я специально сделал так, чтобы всякий раз, когда возможно люди приходили ко мне во время моей консультации – ко мне лично.
Серватиус: Но вы сказали там…
Председатель: Думаю нам лучше прерваться.

[*Объявлен перерыв*]

Серватиус: Свидетель, вы сейчас сказали о том, что рабочие могли сказать о болезни, даже, когда не было врача, что для них было предусмотрено нечто другое. Там вы говорите о том, что эти лагеря посещали только какждый второй или третий день компетентные лагерные врачи, что вследствие этого рабочие, несмотря на заболевания, должны были являться на работу до тех пор пока там не появлялся врач. Это правильно?

Егер: Это неправильно. Если кто-либо сообщал о болезни, он должен был идти к врачу, или врача уведомляли.

Серватиус: Свидетель, я бы хотел ещё раз вернуться к предмету распространения тифа. Сколько было смертей?

Егер: Было только три или четыре смертельных случая, и они случились только потому, что были слишком поздно диагностированы. Я всегда лично занимался случаями тифа и сразу направлял их в больницу, так как я был ответственным за это.

Серватиус: Затем вы говорите в другом месте, на странице 2:

> «Они должны были получать небольшое количество мяса в неделю. Для этой цели предписывалось употреблять только мясо низших сортов, забракованное ветеринарами, как, например, конину или мясо, пораженное туберкулезом».
>
> Это означает, что иностранные рабочие получали испорченное мясо?

Егер: Нужно уточнить выражение «мясо низшего сорта». Это означало, что оно не поступало по результатам ветеринарного контроля в общее потребление, но после определенной обработки было пригодно к человеческому питанию. Даже в мирное время и потом, немецкое население покупало такое мясо. Во время войны немецкое население получало на свои купоны двойное количество «мяса низшего сорта».

Серватиус: Значит ветеринары допускали его употребление?

Егер: Мясо которое сначала забраковали допускали для употребления человеком после его обработки.

Серватиус: Значит выражение «забракованное ветеринарами» означает, что оно было сначало забраковано, а потом допущено?

Егер: Да, затем допущено.

Серватиус: Свидетель, относительно лагеря французских военнопленных на Ноггератштрассе вы сказали следующее:

> «Данный лагерь был разрушен во время воздушного налета, и его жители около полугода содержались в выгребных ямах, собачьих конурах и в старых пекарнях».
>
> Это верно?

Егер: Так я узнал об этом лагере.

Серватиус: И вы лично видели это полгода?

Егер: Я был там только три раза. Мне это так описывали, и я увидел лагерь в таком

состоянии. Насколько я смог установить, он был в таком состоянии 4 месяца, затем был воссоздан.
Серватиус: Свидетель, меня интересуют собачьи конуры. Сколько там было собачьих конур? Это на самом деле были собачьи конуры или только лишь уничижительное замечание о каких-то других жилищах?
Егер: Это было моё выражение, потому что заключённые совместно построили и сколотили эти хижины.
Серватиус: Тоже самое правда для уборных, или, что это означает?
Егер: Это было место где врач проводил консультации.
Серватиус: Это была бывшая уборная или уборная которая использовалась?
Егер: Бывшая уборная.
Серватиус: Значит эта была бывшая уборная, которая была перестроена?
Егер: Она не была перестроена, она была как есть.
Серватиус: Уборная также использовалась?
Егер: Не использовалась.
Серватиус: Затем вы говорите, что там не было никаких столов, стульев или шкафов в этом лагере.
Егер: Такого тоже не было.
Серватиус: Свидетель, вы давали присягу показаниям которые вы видели?
Егер: Да, тем, что я видел раньше.
Серватиус: Вы уверены в том, что это те показания которые вы сейчас держите в руках?
Егер: Дома в Хемнице я зачеркивал разные вещи в протоколе допроса, который мне предъявили и ставил инициалы на поправках…
Серватиус: Эта самая фраза, не так ли…
Председатель: Пожалуйста не прерывайте его.
Серватиус: Пожалуйста продолжайте.
Егер: Я должен полагать, что это верный протокол.
Серватиус: Тот, что перед вами?
Егер: Да, тот, что у меня.
Серватиус: Вы не можете определить какие отрывки вы зачеркивали? Было много таких отрывков или отдельные слова?
Егер: Нет, иногда целые фразы.
Серватиус: И вы дали присягу этому?
Егер: Да. После внесения изменений, я дал присягу под протокол.
Серватиус: Господин председатель, я бы хотел обратить внимание трибунала на тот факт, что данное заявление находилось в материалах Круппа в начале разбирательства и, что оно было значительно короче, и что ряд фраз о которых свидетель дал здесь присягу отсутствовал в том заявлении. Поэтому я бы предложил, чтобы обвинение представило подлинник, который как говорит

свидетель изменяли, для того, чтобы было понятно, что он написал. Насколько я знаю, он вычеркнул тогда несколько тех самых фраз которые он сейчас повторил.

В качестве примера я назову то, что он заявил о том, что в данном лагере не было ни стульев, ни столов ни шкафов. Это фраза которая вычеркнута. Таким образом свидетель тогда сомневался, и не давал присягу об этих фактах.

Председатель: Я не знаю о чём говорите. Перед нами то, что названо заявление под присягой, которое было предъявлено в качестве доказательства и подписано свидетелем. Свидетель сейчас говорит о том, что заявление правильное, с учётом любых заявлений которые вы получили от него в ходе перекрёстного допроса.

Серватиус: Он сказал, что это могут быть целые фразы. Я бы хотел попросить обвинение предъявить подлинник с вычеркнутыми отрывками, потому что я видел два заявления: короткое в котором эти фрагменты видимо отсутствуют, и полное, как то, что перед нами и которое как говорит свидетель сокращалось.

Председатель: Всё, что говорит свидетель, не так ли, это то, что изначально ему представили в определенной форме? Он внёс определённые поправки. Затем, когда поправки внесли – я не знаю, была ли это точная копия или нет – затем он подписал это и дал присягу и это тот документ, что мы имеем.

Серватиус: Господин председатель, моё утверждение такое: документ который перед нами не показывает зачеркнутое. Слова которые были вычеркнуты остались в документе.

Председатель: Вы можете задать свидетелю любой вопрос об этом.

Серватиус: Как вы обозначали свои исправления?

Егер: Я перечеркивал отрывки чернилами и ставил своё имя рядом с поправкой. Конечно, сегодня сложно, и я не могу сказать, что я исключил тогда, так как я не сохранил копию.

Серватиус: Господин председатель, если бы документ который перед нами воспроизвели правильно то эти перечеркнутые отрывки нужно показать, в особенности если свидетель говорит, что он поставил свои инициалы на полях.

Председатель: Вы подписали документ после того как он был точно скопирован? Свидетель вы подписали документ после того как он был точно скопирован? Вам известно, что такое точная копия, не так ли?

Егер: Да, я постараюсь вспомнить точно.

Мне представили документ. Я внёс поправки, и затем подписал три или четыре заявления. Затем эти протоколы забрали, и в тот же день или на следующий, я был в Эссене и дал присягу под протокол. Затем я получил протокол который я прочёл в суде.

Серватиус: Это была точная копия без каких-либо изменений?

Егер: Это была точная копия. Я точно не помню, на самом деле не могу.

Серватиус: А почему вы внесли эти поправки?

Егер: Протокол появился так. Капитан Харрис пришёл ко мне и допросил меня об

этом. Велась запись и затем капитан Харрис, как я думаю, составил этот протокол и попросил меня его подписать.

Серватиус: И почему вы внесли эти поправки?

Егер: Потому, что я не мог дать присягу таким вещам – вещам которые я исключил я не мог дать присягу.

Серватиус: Это было неправильно, или заходило слишком далеко?

Егер: Отчасти заходило слишком далеко, думаю можно так сказать, и отчасти было неправильно – конечно, неумышленно. Но я должен был внести эти поправки, и сделал их.

Серватиус: Свидетель, если я покажу вам документ в котором я отмечу красным отрывки которые вы исключили, вы узнаете эти отрывки?

Егер: Это очень трудно, так как я не могу вспомнить.

Серватиус: Тогда у меня больше нет вопросов.

Додд: Мне это не ясно. Я не знаю, заявляет ли защитник, что мы имеем другой документ, тот который не предъявили. Я не знаю о таком. Мы предъявили только тот, что имеем…

Председатель: У вас есть этот подлинник или с…

Додд: Подготовили ряд таких, и все они подписаны как подлинники. Первый был копией сделанной машинисткой, остальные копии. Это была совместная британо-американская команда которая допрашивала свидетеля и эту единственную копию передали нам и мы её предъявили. Это единственное, что мы видели.

Председатель: Я вижу в удостоверении о переводе есть ссылка на удостоверение от 14 октября 1945, подписанное капитаном Н. Уэббом…

Додд: Да.

Председатель: Вы найдете это в конце документа, я думаю.

Баллас: Как бывший защитник господина Круппа фон Болена, я желаю сделать заявление об этом.

В папке Круппа которую защитник Круппа…

Председатель: Минуточку. Какое вы имеете к этому отношение? Сейчас мы рассматриваем предложение доктора Серватиуса об этом документе, который сейчас рассматривает…

Баллас: Извиняюсь. Я вас не совсем понял, ваша честь.

Председатель: Сейчас мы рассматриваем документ номер D-288. Вы не имели к этому документу никакого отношения.

Баллас: Да, этот документ касается меня. Папка Круппа…

Председатель: Минуточку. Какое вы имеете право говорить об этом? Вы просто бывший защитник Круппа.

Баллас: Я хочу помочь обяснить дело. Сейчас я выступаю за доктора Симерса, защитника адмирала Рёдера.

Председатель: Но как подделка этих письменных показаний обвинением может вам

помочь? Вы не можете иметь к этому никакого отношения.

Баллас: Я лишь хотел сослаться на разные версии документа.

В папке Круппа есть документ D-288 который значительно короче этого документа D-288, который предъявило обвинение в деле Заукеля. Тогда я обратил внимание доктора Серватиуса на эту разницу и мы сверили по пунктам разницу. Таким образом есть два документа – один подлинник D-288 и один в папке Круппа который отличается от документа представленного в деле Заукеля.

Председатель: Но этот документ был подписан этим свидетелем. Может быть есть какой-то другой подписанный документ который положили в папку Круппа, но этот свидетель сказал, что он подписал этот документ. Следовательно мне это не кажется материальным.

Баллас: Я просто хотел обратить ваше внимание на тот факт, что есть два разных документа.

Председатель: Да, спасибо. Есть, кто-либо из других защитников кто хочет задать вопросы свидетелю?

[*Ответа не последовало*]

Председатель: Тогда, господин Додд, вы хотите допросить повторно?

Додд: Нет, сэр – за исключением того, что я бы хотел сказать в отношении вопроса трибунала об удостовернии о переводе где указано имя капитана Н. Уэбба, мне сообщили о том, что это относится к удостоверению которое прилагается ко всем британским документам и это удостоверение которое идёт совместно для цели переводчиков. Без сомнения это то, что нужно. Однако, мне нужно выяснить в документальной комнате и понять. Лучше так. Но мои британские друзья говорят, что это так – они направили удостоверение, и единственное возможное объяснение в том, что удостоверение с ошибкой в дате. Но в любом случае я это выясню.

Председатель: Свидетель имел подлинник этих письменных показаний?

Додд: Кажется имел. Я понял, что он имел то, что у трибунала.

Председатель: Он признал подпись?

Додд: Что же, понимаю так. Я могу спросить.

[*Обращаясь к свидетелю*]

Додд: Свидетель, вы видели подпись? Это ваша подпись?

Егер: Да.

Додд: Фактически, я лично беседовал с вами об этом, и вы сказали мне, что это заявление которое вы сделали. Вы это помните? Вы припоминаете, когда вы и я беседовали, и вы сказали мне, что это было ваше заявление? Вы просмотрели его и прочитали.

Егер: Да.

Додд: Вы прочитали на английском языке и на немецком языке, не так ли? Вы немного знаете английский язык?

Егер: Немного, да.

Председатель: Свидетель, вам вручили документ. Он на немецком языке, не так ли?

Егер: На немецком языке.

Председатель: И он подписан вами, не так ли?

Егер: Да.

Председатель: В нём есть какой-нибудь фрагмент который вы хотите исключить?

Егер: Могу я сначала прочитать документ?

Председатель: Да, можете прочитать как можно быстрее.

Додд: Пока свидетель читает документ, я бы хотел сообщить трибуналу, что мы позвонили в документальную комнату и офицер нам сказал, что там есть только один документ D-288 и он тут, нет подписанного дубликата, как заявил защитник Круппа.

Егер: Да, здесь есть изменение которое написано карандашом, на странице 2. Я зачеркнул это, но это не написано мною.

Серватиус: Господин председатель, могу я предъявить документ, который получил от защитника Круппа в начале? У меня тоже есть английский документ, документ номер 288 и отрывки предположительно зачеркнутые в то время выделены мной красным. Я бы хотел представить данный документ для сведения суда, мне кажется это поможет внести ясность в вопрос. Там вычеркнуто много отрывков.

Председатель: Нет, доктор Серватиус, это другой документ, я так это понимаю.

Серватиус: Да.

Председатель: Нам он не нужен. У нас имеется документ подписанный свидетелем, и мы спросили его о том есть ли, что-нибудь, что не формирует часть подлинного документа который он подписал.

Егер: На странице 1 сказано: «Условия во всех этих лагерях были крайне плохими». Я бы наверное ограничил это заявление, потому что…

Председатель: Минуточку, свидетель, мы не хотим знать, считаете ли вы, что выразились слишком сильно. Мы лишь хотим знать представляет ли документ который вы подписали – точно представляет документ который вы подписали. Если есть, что-то что вы сейчас хотите изменить, вы можете сказать об этом сейчас.

Егер: Протокол как есть у меня, я бы не хотел никак изменять.

Председатель: Я хочу задать вам несколько вопросов. Военнопленных использовали у Круппа во время вашего надзора за этими лагерями?

Егер: Я не надзирал за лагерями военнопленных. Это неправильное выражение. Я получал разрешение посетить лагеря военнопленных которые находились в исключительной компетенции Вермахта и мне говорили о том, что эти военнопленные работали на Круппа.

Председатель: Были какие-нибудь люди которые работали в лагерях, которые упоминались при этом, военнопленные?
Егер: В Хёгштрассе.
Председатель: Там работали военнопленные, не так ли?
Егер: Да.
Председатель: У Круппа?
Егер: На производствах Круппа, да.
Председатель: Что это была за работа?
Егер: Эти вещи не входили в мою компетенцию. Это зависело от их профессии – слесари наверное работали в слесарной мастерской. Но было много неквалифицированных рабочих. Но я естественно не могу указать вам все подробности, эти вопросы не входили в мою компетенцию. Я занимался этими людьми только как врач.
Председатель: Очень хорошо.

[*Свидетель покинул место свидетеля*]

Додд: Господин председатель, я нашёл это удостоверение, и это то как я описал это трибуналу. Это удостоверение капитана Вебера из британской армейской службы в том, что он получил копию этого документа от американской команды, и это подписано им, капитаном Х. Вебером, корпус МВТ, британская армия, европейский сектор.
Председатель: На этом ваше дело закончилось, доктор Серватиус?
Серватиус: Да. Есть ещё два свидетеля, Бидерман и Мишке. Я могу отказаться от обеих свидетелей.

Затем мы пока не имеем письменных показаний под присягой, опросных листов от доктора Фосса, доктора Шарманна, свидетеля по имени Маренбах, и свидетеля Лойче, который был экспертом в ведомстве Заукеля. Мы получили опросные листы свидетелей Дарре[99] и Зельдте, но их пока не перевели. Я предъявлю их как только их переведут.
Председатель: Очень хорошо.
Серватиус: Тогда я завершил своё дело.
Председатель: Итак, защитник подсудимого Йодля.
Экснер: Уважаемый суд, с вашего любезного разрешения я представлю своё дело следующим образом. Прежде всего, я вызову подсудимого Йодля для дачи показаний и использую все документы, с единственным исключением, во время допроса и представлю их суду.

---

[99] Рихард Дарре (1895 — 1953) — руководитель Главного расово-поселенческого управления СС. Рейхсминистр продовольствия (1933—1942). Обергруппенфюрер СС (9 ноября 1934). Американским военным трибуналом приговорён к 7 годам лишения свободы, досрочно освобождён в 1950.

Мне не требуется утомлять трибунал долгими чтениями. У меня есть три документальных книги, которые пронумерованы, Йодль 1, Йодль 2 и тому подобное – и я в каждом случае процитирую страницу, которая находится в левом верхнем углу на каждой странице перевода. Нумерация одинаковая как и в оригинале; они соответствуют. С сожалением скажу, что документы не точно в таком порядке, в котором я их прочитаю и это частично из-за факта, что они получены слишком поздно и отчасти по иным факторам. У меня всё ещё нет нескольких опросных листов, в частности одного очень важного для меня. Я надеюсь, что я смогу представить их позднее. Мне было одобрено пять свидетелей, но я могу отказаться от одного из них. Четыре оставшихся свидетеля займут немного времени.

Теперь, с любезного разрешения трибунала, я бы хотел вызвать подсудимого Йодля для дачи показаний.

[*Подсудимый Йодль занимает место свидетеля*]

Председатель: Вы назовёте своё полное имя?
Йодль: Альфред Йодль.
Председатель: Повторите за мной эту присягу: «Я клянусь господом – всемогущим и всевидящим – что я скажу чистую правду – и не утаю и не добавлю ничего.

[*Подсудимый повторяет клятву*]

Председатель: Вы можете сесть.
Экснер: Генерал-полковник Йодль, в англо-американском судебном досье сказано, что вам 60 лет. Это ошибка. Недавно вам исполнилось 56. Когда вы родились?
Йодль: Я родился в 1890, 10 мая.
Экснер: Вы родились в Баварии и оба ваших родителя происходят из старых баварских семей. Вы избрали военную профессию; что явилось основной причиной вашего выбора?
Йодль: Мой прапрадедушка был офицером; мой отец был офицером; дядя был офицером; мой брат стал офицером; мой тесть был офицером – я могу также сказать, что военная профессия была у меня в крови.
Экснер: И теперь я бы хотел что-нибудь услышать о вашем политическом отношении. Какие политические партии, существовавшие в Германии до 1933, являлись близкими вам по духу?
Йодль: Как офицеру все политические партии находились полностью в стороне от меня; особенно остатки от довоенного периода. Если вы посмотрите на окружение, из которого я пришёл, отношение моих родителей, должен сказать, что я был бы близок к Национал-либеральной партии[100] и её идеям. В любом случае, мои

[100] Национал-либеральная партия Германия – политическая либеральная партия Германской империи существовавшая

родители никогда не голосовали ни за кого кроме национал-либералов.

Экснер: Скажите нам в нескольких словах о своём отношении к Веймарской республике.

Йодль: Верный своей присяге я служил Веймарской республике честно и беззаветно. Если бы я это не делал, я бы ушёл в отставку. Более того, демократическая система и демократическая конституция не являлись чуждыми идеями для нас южных немцев, так как наша монархия тоже была демократической.

Экснер: И какими были ваши отношения с фон Гинденбургом[101]?

Йодль: Я знал Гинденбурга. Меня командировали к нему после его первого избрания рейхспрезидентом, когда он проводил свой первый отпуск в Дитрамсцелле. Затем я провёл день с семьей Гинденбурга в их поместье Нойдоке вместе с фельдмаршалом фон Манштейном[102]. Я могу лишь сказать, что я восхищался им; и когда он в первый раз был избран рейхспрезидентом, я считал это первым симптомом возврата самоуважения немецкого народа.

Экснер: Каким было ваше отношение к национал-социалистической партии?

Йодль: Национал-социалистическая партия вряд ли была известна и вряд ли заметна до Мюнхенского путча[103]. Это был путч втянувший Рейхсвер во внутриполитическое развитие. Тогда, за несколькими исключениями, он выдержал своё испытание на верность. Но после этого путча существовал определённый раскол во взглядах офицерского корпуса. Отличались мнения о ценности или бесполезности Гитлера. Я был всё же чрезвычайно скептичным и не убежденным. Гитлер не производил впечатление до тех пор, когда, во время лейпцигского процесса не дал гарантию, что он возражал любому подрыву Рейсхвера.

Экснер: Вы присутствовали на митингах, где выступал Гитлер?

Йодль: Нет, никогда.

Экснер: Скажите нам, каких лидеров партии вы знали до 1933.

Йодль: Я знал только тех кто раньше был офицерами: например, Эппа[104], Хюнлайна[105] и Рёма[106]. Но я больше не имел с ними никакой связи или контакта

с 1868 по 1918 гг. активно поддерживала политику О. фон Бисмарка в 1868-1879 гг.

[101] Пауль фон Гинденбург (1847 — 1934) — немецкий военный и политический деятель. Видный командующий Первой мировой войны: главнокомандующий на Восточном фронте против России (1914—1916), начальник Генерального штаба (1916—1919). Прусский генерал-фельдмаршал (2 ноября 1914). президент Германии (1925—1934). Первый и единственный в истории Германии человек, избранный главой государства на всенародных выборах.

[102] Эрих фон Манштейн (1887 — 1973) — немецкий генерал-фельдмаршал, участник Первой и Второй мировых войн, военный преступник. Британским военным трибуналом был приговорён к 18 годам лишения свободы. Досрочно освобождён в 1953.

[103] «Пивной путч» (известен также как путч Гитлера и Людендорфа) — неудачная попытка захвата государственной власти, предпринятая Национал-социалистической рабочей партией во главе с Гитлером и генералом Людендорфом 9 ноября 1923 года в Мюнхене.

[104] Франц Ксавер фон Эпп (1868 — 1946) — германский военачальник и нацистский политический деятель, генерал пехоты (21 июля 1935), рейхсляйтер НСДАП (3 августа 1933), обергруппенфюрер НСКК (1 июля 1932), обергруппенфюрер СА (1 января 1933).

[105] Адольф Хюнлайн (1881 — 1942) — государственный деятель нацистской Германии, корфюрер Национал-социалистического моторизованного корпуса, генерал-майор вермахта, рейхсляйтер.

[106] Эрнст Рём (1887 — 1934) — один из лидеров национал-социалистов и руководитель СА. Вместе с другими руководителями СА был убит по приказу Гитлера в «ночь длинных ножей»

после их ухода из Рейхсвера.
Экснер: До захвата власти вы читали книгу «Mein Kampf[107]»?
Йодль: Нет.
Экснер: Вы читали её позднее?
Йодль: Я частично читал её позднее.
Экснер: В чём заключалось ваше мнение по еврейскому вопросу?
Йодль: Я не являлся антисемитом. Я считаю, что ни одна партия, ни одно государство, ни один народ и ни одна раса – даже каннибалы – не плохие или хорошие сами по себе, но только по-отдельности. Конечно, я знал, что еврейство, после войны и морального распада возникшего после мировой войны, вышло в Германии на первый план, самым провокационным образом. Это не была антисемитская пропаганда; это были факты, о которых сильно сожалели и сами евреи. Вместе с тем, я решительно возражал любому государственному беззаконию, любому обобщению и любым эксцессам.
Экснер: Обвинение утверждает, что все подсудимые взывали: «Германия проснись, смерть евреям».
Йодль: Что касалось меня, такое утверждение ошибочное. В любой период своей жизни я соприкасался с отдельными евреями. Я был гостем евреев и некоторые евреи посещали мой дом. Но они были евреями которые признавали своё отечество. Они были евреями, чьи человеческая ценность бесспорна.
Экснер: Вам случалось использовать своё влияние в интересах евреев?
Йодль: Да и это тоже.
Экснер: Вы знали о том, что правительство Рейха в 1932 году учитывало возможность попыток его свержения и стремилось обезопасить себя в этом плане?
Йодль: Разумеется я знал об этом, так как, когда я приехал в Берлин, я не обнаружил в тогдашнем оперативном отделе никакой подготовки к войне, но я нашёл приготовления к использованию Рейхсвера внутри страны, против крайних леваков также как и крайне правых. Существовали планы по манёврам некого рода в связи с этим, в которых я сам участвовал.
Экснер: Каким было ваше отношение к назначению Гитлера рейхсканцлером в 1933 году?
Йодль: Назначение Гитлера рейхсканцлером явилось для меня полной неожиданностью. В тот вечер, когда я возвращался домой с товарищем, через взволнованные толпы, я сказал ему: «Это больше чем смена правительства; это революция. И насколько далеко она нас заведет неизвестно». Но имя Гинденбурга, который легализовал эту революцию и имена таких людей как фон Папен, фон Нейрат, Шверин-Крозиг[108] оказывали на меня успокаивающее влияние и давали мне

[107] «Моя борьба» — книга Адольфа Гитлера, сочетающая элементы автобиографии с изложением идей национал-социализма.
[108] Иоганн Шверин фон Крозиг (1887 — 1977) — немецкий политический и государственный деятель, по образованию юрист. В 1932—1945 годах министр финансов Германии. Американским военным трибуналом приговорён к 10 годам

определенную гарантию того, что не будет никаких революционных эксцессов.

Экснер: Об этом я бы хотел прочитать часть из допроса генерала Форманна[109]. Это страница 208 третьего тома моей документальной книги. Я бы хотел обратить внимание трибунала на то, что страница 208 в верхнем левом углу – я предъявляю подлинник – ссылается на периоду с 1933. Йодль тогда находился группе управления и Форман находился в его группе. Я читаю пункт 2:

> «Йодль, который тогда был майором генерального штаба, в 1933 являлся руководителем моей группы. Он полностью разделял взгляд начальника командования армией того времени, генерала фон Хаммерштейна[110] и полностью возражал Гитлеру и партии».

Теперь я пропущу несколько строчек; они не так важны. Затем в центре страницы, я продолжаю:

> «Когда 30 января 1933 Гитлер был назначен рейхсканцлером, Йодль был встревожен и изумлён. Я чётко вспоминаю что 30 или 31 января, по его просьбе, я должен был созвать на совещание офицеров его группы. На этом совещании он объяснил, что Гитлер был призван быть главой Рейха согласно существующей конституции и действующим законам. Не нам было критиковать это, в особенности поведение рейхспрезидента и фельдмаршала фон Гинденбурга. Мы должны подчиняться и исполнять свой долг как солдаты. Таким образом подобной критики новых мер вводимых новым канцлером, не должно было быть в будущем, так как она была несовместима с его и нашей позицией.
>
> Вся его речь показывала огромную озабоченность и опасение относительно грядущего развития ситуации…»

Председатель: Доктор Экснер, было бы подходящее время прерваться.

[*Объявлен перерыв до 14 часов*]

Вечернее заседание

Председатель: Итак, сэр Дэвид, вы собираетесь показать эти ходатайства.

Максвелл-Файф: Да, милорд.

Меня интересует, могу ли я на время оставить номер 1, который

лишения свободы, досрочно освобождён в 1951.

[109] Николаус фон Форманн (1895 — 1959) — немецкий военный деятель, участник обеих мировых войн, генерал танковых войск (27 июня 1944 год).

[110] Курт фон Хаммерштейн-Экворд (1878 — 1943) — немецкий генерал-полковник, который некоторое время занимал пост главнокомандующего Рейхсвера. Был известен как убежденный противник Гитлера и нацистского режима.

рассмотрит мой друг генерал Руденко, потому что он будет рассматривать другое, и могу ли рассмотреть то, что имею сам?

Председатель: Да.

Максвелл-Файф: Второе в интересах подсудимого Кальтенбруннера и ходатайство о перекрёстном допросе трёх свидетелей чьи письменные показания использовало обвинение. Первый Тифенбахер, и он рассматривал условия в Маутхаузене[111], второй Кандут, который рассматривал тоже самое, третий, Штроп[112], рассматривал принятие приказов от подсудимого Кальтенбруннера Штропом как СС-Polizeifuhrer[113] Варшавы. Обвинение полагает, что в этих случаях будет достаточно перекрёстного допроса при помощи опросных листов. Далее, я не знаю…

Председатель: Опросные листы это всё о чём просили, разумеется в случае – во всех трёх.

Максвелл-Файф: Мы не имеем возражения перекрёстным опросным листам до тех пор пока они не доставлены сюда в качестве свидетелей.

Милорд, следующее ходатайство в интересах подсудимого фон Нейрата об использовании господина Франсуа-Понсе[114] в качестве свидетеля. Обвинение будет благодарно если трибунал позволит отложить это на день или два, так как мои французские коллеги ожидают указаний из Парижа, и они пока не получили ответ. Не думаю, что это воспрепятствует делу подсудимого фон Нейрата. Будет своевременный ответ до того как возникнут трудности.

Затем, милорд, следующее ходатайство в интересах подсудимого фон Шираха. Думаю всё, что хотят, это использовать письменные показания доктора Отто Вильгельма фон Вакано[115]. Письменные показания на 12 страницах и весьма академичное заявление о воспитательной философии проводившейся в школах Адольфа Гитлера. Обвинение считает, что вопрос полность пройден самим подсудимым фон Ширахом, а также свидетелями Гёпкеном и Лаутербахером[116] и оно считает, что письменные показания будут кумулятивными и повторяющимися. Но, конечно, это письменные показания, это не вопрос устного свидетеля, и если трибунал считает, что этому быть, обвинение не желает безосновательно настаивать на своём возражении.

---

[111] Маутхаузен — немецкий концлагерь около города Маутхаузен в 1938—1945 годах. Концлагерь представлял собой систему, состоящую из центрального лагеря и 49 филиалов, разбросанных по всей территории бывшей Австрии (Остмарка).

[112] Юрген Штроп (1895 — 1952) — группенфюрер СС, генерал-лейтенант полиции (9 ноября 1943) и генераллейтенант войск СС (1 октября 1944). Один из руководителей подавления восстания в Варшавском гетто. Казнён по приговору польского суда.

[113] Начальник полиции (нем.)

[114] Андре Франсуа-Понсе (1887 – 1978) – французский политик и дипломат. Посол Франции в Германии в 1931-1938.

[115] Отто фон Вакано (1910 – 1997) – немецкий археолог и филолог. В 1934-1939 сотрудник аппарата фон Шираха как рейхсюгендфюрера. Лектор в школах Адольфа Гитлера.

[116] Хартман Лаутербахер (1909 — 1988) — партийный, политический и государственный деятель эпохи «Третьего Рейха», заместитель рейхсюгендфюрера НСДАП, начальник штаба Гитлерюгенда (22 мая 1934 года — 8 августа 1940 года), гауляйтер Южного Ганновера — Брауншвейга (2 декабря 1940 года — 8 мая 1945 года), обергруппенфюрер СС (30 января 1944 года), группенфюрер СА (20 апреля 1940 года), обергебитсфюрер (5 июля 1933 года).

Председатель: Письменные показания уже перевели?
Максвелл-Файф: Что же, я разумеется получил английский текст – я прочитал английский перевод, милорд, поэтому я полагаю, что это перевели на другие языки.

Далее, ходатайства подсудимых Гесса и Франка о направлении опросного листа генералу Доновану[117]. Если я могу кратко обозначить возражение, это тот же самый пункт, что и по ходатайству от 2 мая 1946 о господине Паттерсоне[118] из военного департамента Соединённых Штатов. Возражение обвинения такое же, как то, что, когда вы подвергаете свидетеля перекрестному допросу на предмет достоверности, вы связаны его ответом, и, по мнению обвинения, вам не нельзя приводить доказательства, противоречащие этому. Таким образом это тот же самый пункт, взаимоотношения между свидетелем Гизевиусом[119] и управлением стратегических служб Соединённых Штатов.

Следующее ходатайство от имени подсудимого Шпеера об одобрении определённых документов которые имеются. Обвинение не имеет никакого возражения ходатайству. Оно оставляет за собой право заявить любое индивидуальное возражение, когда документы представят на процессе.

Милорд, далее чисто формальное ходатайство от имени подсудимого Йодля, чьё дело сейчас в процессе, использовать письменные показания доктора Лемана[120]. Этому нет возражения.

Далее ходатайство от имени подсудимого Гесса…

Председатель: Сэр Дэвид, это ходатайство уже заслушивали. Мы полностью слышали аргументацию об этом и трибунал это рассмотрит.
Максвелл-Файф: Как угодно вашей светлости.

Затем я думаю остаётся только ходатайство подсудимого Кейтеля об использовании указа Гитлера от 20 июля 1944 и обвинение не имеет этому возражения.

Милорд, думаю я рассмотрел всё за исключением первого, что рассмотрит мой друг генерал Руденко – ходатайство подсудимого Геринга.

Руденко: Господа судьи, советское обвинение уже неоднократно излагало свою точку зрения в связи с ходатайствами защиты о вызове свидетелей по вопросу о расстреле немецко-фашисткими преступниками польских военнопленных в Катынском лесу. Мы стоим на той позиции, что этот эпизод преступной деятельности гитлеровцев вполне доказан представленным советским обвинением

---

[117] Уильям Донован (1883 —1959) — американский юрист и сотрудник спецслужб, руководитель Управления стратегических служб во время Второй мировой войны и некоторое время после.
[118] Роберт Паттерсон (1891 —1952) — американский политик. Занимал пост военного министра США в администрации президента США Гарри Трумена в 1945-1947.
[119] Ханс Бернд Гизевиус (1904 — 1974) — сотрудник немецкой полиции и абвера армии Германии, один из активных участников заговора против Адольфа Гитлера.
[120] Рудольф Леман (1890 – 1955) — немецкий военный юрист, начальник правового управления Верховного главнокомандования Вермахта, генералоберштабсрихтер. Осуждён американским трибуналом к 7 годам лишения свободы.

сообщением специальной государственной комиссии по установлению и расследованию обстоятельств расстрела немецко-фашисткими захватчиками в Катынском лесу военнопленных польских офицеров. Этот документ представлен советским обвинением под номером СССР-54, 14 февраля 1946 года, принят трибуналом и в силу статьи 21 устава не подлежит оспариванию.

В настоящее время защита вновь заявила ходатайство о вызове трёх дополнительных свидетелей: психиатра Штопфера[121], бывшего адъютанта саперной части Боммерта и бывшего референта штаба армейской группы «Центр» Эйхборна.

Мы возражаем против вызова этих лиц в судебное заседание по следующем мотивам:

Вызов в качестве свидетеля психиатра Штопфера следует считать совершенно нецелесообразным, так как трибунал не может интересовать вопрос о том каким образом составлялось заключение комиссии опубликованное в гитлеровской «Белой книге[122]». Каким бы образом не составлялось это заключение, факт расстрела немцами поляков в Катыни является с бесспорностью установленным советской чрезвычайной государственной комиссией.

Сам Штопфер не является судебным врачом, а врачом-психиатром, включенным в свое время в состав гитлеровской комиссии не по принципу его компетентности в области судебной медицины, а как представитель немецко-фашистского военного командования.

Бывший адъютант – капитан Боммерт сам является соучастником преступлений в Катынском лесу находясь в составе саперной части производившей расстрелы и как заинтересованное лицо не может дать способствующих объективному уяснению обстоятельств дела показаний.

И третье, референт штаба армейской группы «Центр» также не может быть допущен в качестве свидетеля, так как ему вообще ничего не было известно о лагере польских заключённых и Эйхборн вообще не мог знать всего того, что относится к данному делу. Те же соображения относятся к его потенциальным показаниям о том, что немцы не производили никаких массовых расстрелов поляков в районе Катыни, кроме того Эйхборн не может рассматриваться как беспристрастный свидетель.

Независимо от этих частных возражений, которые выражают точку зрения всех обвинителей советское обвинение особо подчеркивает, что зверские преступления немцев в Катыни были расследованы особой авторитетной государственной следственной комиссией со всей тщательностью и результатом этого расследования явилось установление того факта, что преступления в Катыни совершены немцами и являются лишь одним звеном в цепи многих зверских

[121] Франц фон Штокерт (1899-1967) – немецкий психиатр. В 1940-1945 занимал медицинские должности в различных частях в группе армий «Центр».

[122] Сборники дипломатических и иных документов, как немецких так и захваченных призванные оправдать ведение войны Германией. Публиковались с 1939.

преступлений совершенных гитлеровцами, многочисленные доказательства которых уже были представлены суду.

В силу изложенного советское обвинение категорически настаивает на отклонении ходатайства защиты.

Я исчерпал своё заключение.

Председатель: Защитник Кальтенбруннера, сэр Дэвид был прав, не так ли, сказав о том, что вы просили только о перекрёстных опросных листах, которым обвинение не возражает?

Кауффман: Господин председатель, я не имею возражения опросным листам, но я бы тогда попросил, чтобы эти свидетели были заслушаны в моём присутствии вне этого зала суда, и потом на основании этого допроса, впоследствии можно было предъявить трибуналу опросные листы.

Председатель: Но свидетели здесь?

Кауффман: Господин председатель, не знаю.

Председатель: Мы одобрили опросные листы, и теперь вы просите перекрёстные опросные листы, вот о чём я спрашиваю и это вообще не включает доставку сюда свидетелей. Перекрёстные опросные листы будут им направлены, они на них ответят. Если, и по какой-либо причине, на перекрёстные опросные листы ответят, вы хотите заявить дальнейшее ходатайство, вы можете это сделать.

Кауффман: Правило суда до сих пор заключалось в том, что как я понимаю, я имею право перекрёстно допрашивать в этом зале суда если обвинение представляет здесь письменные показания этих свидетелей. В этом заключалось до настоящего времени распоряжение суда.

Председатель: Думаю это зависит от сути письменных показаний. Если это важный вопрос, не сомневаюсь – мы никогда не принимали никакого общего распоряжения, но в целом мы позволяли доставлять сюда свидетеля для перекрёстного допроса если предмет имеет значение, но если вопрос малозначительный, тогда мы очень часто распоряжались о том, что должны были быть перекрёстные опросные листы.

Кауффман: Могу я добавить к этому одну фразу? Я считаю показания крайне важными. Суду наверное известно содержание.

Председатель: В вашем ходатайстве вы опять говорите, что три опросных листа были использованы обвинением с тем пониманием, что лица давшие показания подлежали перекрёстному допросу. Я полагаю это означает перекрёстные опросные листы. Это не говорит перекрёстный допрос, это говорит перекрёстный опрос. Вы хотите доставить их сюда для перекрёстного допроса?

Кауффман: Это то, что я намерен был сделать, пока не принято моё первое предложение. По моему мнению, моё предложение проще, и сэкономило бы время. Оно предлагает, чтобы мне позволили присутствовать на опросе свидетелей вне зала суда.

Председатель: Что же, мы понимаем вашу точку зрения, доктор Кауффман и

рассмотрим это.

Кауффман: Спасибо.

Штамер: Могу я сделать короткое заявление в связи с ходатайством генерала Руденко?

Генерал Руденко желает возразить моему ходатайству о доказательствах ссылаясь на статью 21, как мне кажется, устава. Мне не кажется, что данная норма противоречит моему ходатайству. Конечно это правда, что правительственные доклады являются доказательством…

Председатель: Доктор Штамер, думаю трибунал уже распорядился о том, что эта статья не мешает вызывать свидетелей, но генерал Руденко в дополнение к аргументации основанной на статье 21 также привёл конкретные причины почему он сказал, что эти конкретные свидетели не те свидетели которых следует вызвать. Он сказал о том, что один из них психиатр, а другой не может дать никаких ценных показаний. Мы бы хотели выслушать вас об этом.

Штамер: В отчете представленном Советским Союзом, сделано обвинение в том, что военнослужащие инженерного штаба который располагался рядом с Катынью осуществили казнь польских офицеров. Они названы по именам, и я привожу контрдоказательства – а именно, военнослужащих этого же штаба – чтобы доказать, что в течение всего времени, что данный штаб там располагался там не происходило никаких убийств польских офицеров. Я считаю это важным утверждением и представлением относящихся к делу доказательств. Нельзя устранить свидетеля говоря о том, что он был вовлечён в деяние. В связи с этими людьми, это пока не установлено и вообще не упоминалось в материалах дела. Эти люди которых я назвал, никак не указаны в русском материале как принимавшие участие в деянии. Кроме этого, я считаю, что не может быть речи о том, чтобы устранить свидетеля говоря о том, что он совершил деяние. Это то, что нужно доказать заслушав его.

Председатель: Что касается психиатра, он был членом германской комиссии?

Штамер: Да.

Председатель: Он её член?

Штамер: Да. Он присутствовал на эксгумации, и он установил по состоянию трупов, что казни должны были быть совершены за некоторое время до оккупации германской армией.

Председатель: Но фактически в ходатайстве не сказано о том, что он был членом. Сказано, что он находился во время посещения военной комиссией, он знает о том как готовилось решение комиссии.

Штамер: Не думаю, что он был назначен членом, но он принимал участие в этой инспекции и в обязанностях связанных с этим. Насколько мне известно, он был полковым врачом в неком полку поблизости – он был полковым врачом из штаба полка поблизости.

Председатель: Очень хорошо, мы рассмотрим ваши аргументы.

Тогда, защитник фон Нейрата согласен с тем, чтобы вопрос отложили? Защитник фон Нейрата здесь? Его здесь нет? Тогда очень хорошо, мы это рассмотрим.

Тогда, защитник подсудимого Шираха, вы желаете сказать, что-то в ответ на сказанное сэром Дэвидом?

Нельте: Мой коллега доктор Заутер попросил меня, при необходимости, представлять интересы подсудимого фон Шираха.

Что касается заявления сэра Дэвида, я должен сказать лишь то, что по мнению подсудимого фон Шираха, свидетель фон Вакано, который подготовил и подписал письменные показания, сделает заявления по ряду пунктов о которых господин фон Ширах не высказался, когда допрашивался в качестве свидетеля. Поэтому я прошу суд изучить эти письменные показания, чтобы определить не содержат ли они отдельные пункты которые будут иметь значение в связи с обвинениями против фон Шираха и затем решить о его допуске.

Председатель: Тогда защитник подсудимых Гесса и Франка хочет, что-нибудь сказать про ходатайство об опросном листе генералу Доновану? Доктор Зейдль, мы уже слушали аргументацию об этом.

Зейдль: Мне нечего добавить к аргументам которые я уже представил по ходатайству о получении официальной информации из военного департамента. Я также отзываю свою просьбу о решении по моему первому ходатайству, которые заключалось в получении информации из военного департамента. Однако пока не решено о том, следует ли направить опросный лист военному секретарю Паттерсону.

Председатель: Очень хорошо, вопрос будет рассмотрен. Не было никакого возражения остальным трём ходатайствам, поэтому не требуется заслушивать аргументацию. Тогда трибунал рассмотрит все эти вопросы.

Итак, доктор Экснер, если вас это лично устраивает, трибунал считает, что вы можете говорить быстрее по наушникам.

Экснер: До перерыва, мы услышали о том, что вы сказали своим офицерам, когда Адольф Гитлер вошёл в правительство. Теперь я бы хотел услышать, что вы почувствовали в связи с назначением Гитлера главой государства в 1934.

Йодль: Объединение двух должностей в одном лице сильно меня озадачило. Когда мы лишились Гинденбурга, мы лишились фельдмаршала любимого Вермахтом и всем немецким народом. Чего мы получим от Гитлера, мы не знали. Правда, результат плебисцита был настолько подавляющим, что можно сказать, закона выше чем такая популярность не могло существовать. Таким образом, мы солдаты совершенно оправданно дали присягу Адольфу Гитлеру.

Экснер: Обвинение говорит о ваших близких отношениях с Гитлером. Когда вы лично узнали Адольфа Гитлера?

Йодль: Меня представил фюреру фельдмаршал Кейтелем в командном поезде 3

сентября 1939, когда мы ехали на восточный польский фронт. В любом случае это был первый день, когда мы с ним обменялись фразами.

Экснер: Два дня спустя после начала войны?

Йодль: Два дня спустя после начала войны.

Экснер: Фюрер доверял вам?

Йодль: Это происходило очень постепенно. Фюрер имел определенное недоверие ко всем офицерам генерального штаба, особенно из армии, так как тогда он всё ещё являлся крайне скептичным к Вермахту в целом.

Вероятно, я могу, процитировать его заявление, которое часто слышали: «У меня реакционная армия, христианский» - иногда он также говорил – «имперский флот и национал-социалистические воздушные силы».

Отношения между нами сильно менялись. В начале, почти до конца кампании на Западе, существовала значительная сдержанность. Затем его доверие ко мне возрастало больше и больше до августа 1942. Затем возник большой кризис и его отношение ко мне было язвительным и неприветливым. Это длилось до 30 января 1943. Затем отношения улучшились и были особенно хорошими, искренними, после итальянского предательства в 1943 отстранёнными. Последний год характеризовался многочисленными резкими спорами.

Экснер: В какой мере фюрер доверял вам свои политические планы?

Йодль: Лишь настолько, насколько нам требовалось знать их для нашей военной работы. Конечно, начальнику оперативного штаба вооруженных сил политические планы вообще-то больше нужны чем командиру батальона, так ибо политика является частью стратегии.

Экснер: Он разрешал дискуссии по политическим вопросам между ним и вами?

Йодль: Дискуссии о политических вопросах для нас солдат в целом не допускались. Один пример особенно характерный. Когда в сентябре 1943, я доложил фюреру, что фашизм в Италии умер, так как партийные эмблемы срывали повсюду, вот, что он сказал: «Такую нелепицу может докладывать только офицер. Очевидно, что генералы не разбираются в политике».

Легко понять, что после таких замечаний желание каких-либо политических дискуссий была невелико.

Экснер: Следовательно политическими и военными вопросами занимались раздельно?

Йодль: Да, строго разделялись.

Экснер: У вас была возможность консультировать его в военных вопросах или нет?

Йодль: Консультации по военным вопросам полностью зависели от текущих обстоятельств. Тогда, когда он сам был полон сомнений, он часто обсуждал военные проблемы неделями и месяцами, но если вещи являлись чёткими в его уме или если он имел сформировавшееся спонтанное решение, всем дискуссиям наступал конец.

Экснер: Здесь часто обсуждали систему поддержания секретности. Вы также

являлись субъектом данной секретности?

Йодль: Да и в такой степени, которую я на самом деле впервые понял во время данного процесса. Фюрер информировал нас о событиях и происшествиях в начале войны – то есть, усилиях остальных стран предотвратить эту войну и даже положить ей конец после её начала – только в той мере, в какой о данных событиях публиковалось в прессе. Он говорил с политиками и партией совершенно иначе, чем с Вермахтом; и с СС тоже по-другому.

Секретность, касательно уничтожения евреев и событий в концентрационных лагерях, являлась шедевром секретности. Она также являлась шедевром обмана Гиммлером, который показывал нам солдатам поддельные фотографии в частности об этих вещах и рассказывал нам истории о садах и плантациях в Дахау[123], о Варшавском гетто[124] и Терезиенштадте[125], которые создавали у нас впечатление, что они являлись высокогуманными учреждениями.

Экснер: Новости извне не доходили до ставки фюрера?

Йодль: Ставка фюрера являлась чем-то средним между монастырём и концентрационным лагерем. Там были многочисленные проволочные ограждения и много колючей проволоки окружавшей её. Там были посты на дорогах ведущих в неё, чтобы охранять её. В центре находилось так называемое кольцо безопасности номер 1.

Постоянные пропуска на вход в это безопасное кольцо не давали даже моему штабу, только генералу Варлимонту. Каждый охранник должен был проверять каждого офицера, которого он не знал. Помимо докладов об обстановке, только самые редкие новости из внешнего мира проникали в эту святая святых.

Экснер: Но, что насчёт зарубежных газет и радио докладов?

Йодль: Среди зарубежных газет, мы очень внимательно изучали иллюстрированные американские и английские газеты, так как они давали нам очень хорошую информацию о новых вооружениях. Сами зарубежные новости получал и цензурировал отдел гражданской прессы ставки. Мне давали только представлявшее военный интерес. Доклады касавшиеся внутренней политики, полиции или текущей ситуации запрещались.

Экснер: Как проходило ваше сотрудничество с фюрером?

Йодль: Оно проходило так: каждый день я делал, по крайней мере, два доклада об

---

[123] Дахау — один из первых концентрационных лагерей на территории Германии. До начала Второй мировой войны в Дахау содержались люди, считавшиеся по разным причинам «загрязняющими» арийскую расу, согласно расовой теории. Это были политические противники нацистского режима, прежде всего коммунисты, социалисты, оппозиционные режиму священнослужители, а также душевнобольные, проститутки, наркоманы и др.

[124] Варшавское гетто — еврейское гетто в Варшаве, созданное нацистами в период оккупации Польши. За время существования гетто его население уменьшилось с 450 тысяч до 37 тысяч человек.

[125] Терезиенштадт (нем. Theresienstadt, Терезинское гетто) — нацистский концентрационный лагерь, располагавшийся на территории бывшего гарнизонного города Терезин в Чехии, на берегу реки Огрже. Создан в ноябре 1941 года на базе тюрьмы гестапо. За годы войны в этот лагерь попали около 140 тысяч человек (среди них 15 тысяч детей), из которых около 33 тысячи погибли, а 88 тысяч были депортированы в Освенцим или другие лагеря смерти и были убиты.

обстановке. Недавно даже с негодованием утверждали, что я участвовал в 119 совещаниях. Я принял участие больше чем в 5000 совещаний. Эти обсуждения обстановки и доклады о военной обстановке одновременно были временем принятия приказов. На основании докладов о событиях, фюрер немедленно решал, какие приказы следует отдать на следующие несколько дней.

Я работал так: когда заканчивался мой доклад, я шёл в комнату ожидания. Там я сразу же составлял сообщения по телетайпу и приказы на следующие несколько дней и пока доклады об обстановке ещё продолжались, я зачитывал эти проекты фюреру для его одобрения. Затем Варлимонт брал их с собой в мой штаб, откуда их рассылали.

Экснер: Вы тоже были на политических беседах?

Йодль: Могу я добавить – для полноты картины нужно сказать, что я не слышал многих вещей, которые обсуждались во время этих докладов об обстановке. То же самое правда для фельдмаршала Кейтеля, который работал похожим образом.

Экснер: Политические вопросы тоже выносили на обсуждении обстановки и в какой мере вы присутствовали на дискуссиях политического характера?

Йодль: Как я уже сказал в начале, политические проблемы обсуждали только в степени необходимой для наших военных мероприятий. Также в случае, когда политическое и военное руководство собиралось вместе, когда присутствовал рейхсминистр иностранных дел, обсуждались проблемы, которые лежат на границе между политикой и ведением войны. Я не принимал участия в исключительно политических беседах с зарубежными нейтральными или союзными политиками, или с рейхсминистром иностранных дел. Я даже не принимал участия в дискуссиях по организации, вооружению и управлению оккупированными территориями, так как чисто военные дискуссии об обстановке, в которых я должен был участвовать, часто длились или требовали почти 6-8 часов в день. Мне на самом деле требовалось время для своей работы.

Экснер: Здесь часто заявляли, что было невозможно возражать фюреру. Вы имели какой-нибудь успех в возражениях?

Йодль: Нельзя сказать, что было невозможно возражать фюреру. Очень много раз я возражал ему самым категорическим образом, но были моменты, когда на самом деле нельзя было ответить ни слова. Также своими возражениями я убеждал фюрера воздержаться от многих вещей.

Экснер: Вы можете привести пример?

Йодль: Было большое количество оперативных вопросов, которые не интересуют суд, но в сфере интереса суда, было, например, намерение Гитлера денонсировать Женевскую конвенцию. Я предотвратил это, потому что я возражал.

Экснер: Существовали иные возможности повлиять на Гитлера?

Йодль: Если было невозможно открытое разногласие, чтобы предотвратить, что-либо, что по моим самым сокровенным убеждениям я должен был предотвратить,

всё же были средства часто используемой мною тактики затягивания, своего рода пассивное сопротивление. Я откладывал работу над вопросом и ожидал психологически благоприятного момента для повторного вынесения вопроса.

Такой порядок случайно оказался успешным, например, в случае намерения предавать определённых низколетящих лётчиков суду Линча[126]. Это не увенчалось успехом в случае с приказом коммандос[127].

Экснер: Мы поговорим об этом позднее. Следовательно, фюрер приказывал это сам.

Свидетель Гизевиус в ответ на вопросы обвинения, сказал: «Йодль имел ключевое положение у Гитлера».

Вы видели данного свидетеля или слышали о нём или как-либо иначе?

Йодль: Я не имел такой чести. Я услышал имя данного свидетеля здесь впервые и увидел его впервые в суде.

Экснер: Чем, если вообще чем-то вы могли повлиять на Гитлера не делать что-то?

Йодль: Очевидно, я мог давать фюреру только выдержку о событиях. В виду его склонности принимать эмоциональные решения я естественно был особенно осторожен в представлении непроверенных докладов подготовленных агентами. Если свидетель имел в виду это своим общим термином «ключевое положение», он не ошибся. Но если он намеревался этим подразумевать, что я скрывал от фюрера жестокости, совершаемые нашим Вермахтом или жестокости совершаемые СС, тогда это абсолютная неправда. Кроме того, как об этом известно свидетелю?

Напротив, я сразу же докладывал о любых подобных новостях фюреру, и никто не мог остановить меня в этом. Я приведу примеры: здесь читали письменные показания капитана Шейдта[128]. Он свидетельствовал о том, что обергруппенфюрер Фегелейн[129] рассказал начальнику генерального штаба, генерал-полковнику Гудериану[130] и генерал-полковнику Йодлю о жестокостях совершенных бригадой СС[131] Каминского[132] в Варшаве. Это абсолютная правда. Десять минут спустя я доложил о данном факте фюреру и он немедленно приказал распустить эту бригаду. Когда я услышал по американскому радио, от моего начальника прессы о расстреле

[126] Суд Линча (линчевание, англ. lynching, the Lynch law) — убийство человека, подозреваемого в преступлении или нарушении общественных обычаев, без суда и следствия, обычно уличной толпой, путём повешения. Практиковался в США в отношении афроамериканцев после Гражданской войны.

[127] Британские коммандос — специальные подразделения британской армии, сформированные в июне 1940 года по распоряжению премьер-министра Великобритании Уинстона Черчилля с целью проведения рейдов на оккупированной немцами территории континентальной Европы.

[128] Вильгельм Шейдт (1912 – 1954) – немецкий офицер. В 1941-1945 сотрудник отдела военной истории ОКВ.

[129] Герман Фегелейн (1906 — 1945) — немецкий военный деятель, группенфюрер и генерал-лейтенант войск СС (1944). Муж младшей сестры Евы Браун. Расстрелян в последние дни войны по приказу Адольфа Гитлера.

[130] Гейнц Гудериан (1888 — 1954) — генерал-полковник германской армии (1940), генерал-инспектор бронетанковых войск (1943), начальник Генерального штаба сухопутных войск (1945), военный теоретик.

[131] 29-я гренадерская дивизия СС «РОНА» (1-я русская) — одна из дивизий СС, созданная 1 августа 1944 г., из бригады Каминского РОНА. Род войск — пехота. Первый командир — бригадефюрер СС Б. В. Каминский

[132] Каминский Бронислав Владиславович (1899 — 1944) — коллаборационист, обер-бургомистр Локотского Окружного Самоуправления (автономной территории в тылу германских войск), создатель и руководитель РОНА, ваффен-бригадефюрер (генерал-майор) войск СС (1 августа 1944). Расстрелян немцами.

120 американских пленных возле Мальмеди[133], я немедленно, по своей собственной инициативе, начал расследование через командующего Западом для того, чтобы доложить результат фюреру. Когда невообразимые ужасы совершённые ротой усташей[134] в Хорватии дошли до моего сведения, я немедленно доложил об этом фюреру.

Экснер: Я бы хотел сейчас вас прервать. В своём дневнике документе номер PS-1807, вы пишите, 12 июня 1942 – страница 119, вторая документальная книга:

> «Германская полевая полиция разоружила и арестовала роту усташей из-за жестокостей совершенных против гражданского населения в Восточной Боснии».

Я бы хотел здесь добавить, что это заслуживает внимания, потому что данная рота усташей была чем-то вроде войск СС в Хорватии и сражалась на германской стороне. Из-за жестокостей, германская полевая полиция арестовала роту усташей.

> «Фюрер не одобрил данную меру, которую предприняли по приказу командира 708-й дивизии, так как она подрывает авторитет усташей на котором зиждется всё хорватское государство. Это обязательно окажет более пагубное влияние на мир и порядок в Хорватии чем волнение населения, вызванное этими жестокостями».

Это был тот инцидент, о котором вы сейчас подумали?

Йодль: Да.

Экснер: У вас есть другой пример?

Йодль: После принятия приказа о коммандос, я докладывал фюреру о нарушениях международного права противником, только, когда, он бы точно услышал о них по другим каналам. Я докладывал о случаях мероприятий коммандос и захвате коммандос, только когда я мог быть совершенно уверен в том, что он услышит о них по другим каналам. В этом отношении я пытался предотвратить любые новые спонтанные эмоциональные решения.

Экснер: Возможно, было удержать Гитлера?

Йодль: К сожалению, нет.

Экснер: Я не понимаю.

Йодль: Я могу только сказать, к сожалению нет. Были бесконечные пути, по которым фюрера информировали о военных вопросах. Каждый отдельный человек и каждое ведомство могло передавать доклады напрямую в адъютантское управление. Фотограф, направленный фюрером, чтобы фотографировать на фронте, считал

[133] Бойня у Мальмеди — военное преступление, совершённое Waffen-SS 17 декабря 1944 года в пригороде Мальмеди Баугнеце в бельгийской провинции Льеж в ходе Арденнского наступления. После сдачи в плен немцами были расстреляны 86 американских солдат.

[134] Усташи (хорв. Ustaše — «восставшие», «повстанцы» от хорв. Ustanak, восстание, ед.ч. — уста́ш; хорв. Ustaša), также известные как Усташи — хорватское революционное движение — до апреля 1941 года хорватская фашистская ультраправая, националистическая, клерикальная организация, основанная Анте Павеличем в 1929 году в Италии. С апреля 1941 года по май 1945 года стояла во главе Независимого государства Хорватия (НГХ).

подходящим использовать эту возможность, чтобы тоже докладывать фюреру по военным вопросам. Когда я возразил этому, фюрер ответил: «Меня не волнует от кого я слышу правду; главное, что я её слышу». Однако, эти доклады, не были докладами о жестокостях, но о прямо противоположном. К сожалению, по каналам враждебным Вермахту, подстрекательские доклады против правильного и рыцарского отношения Вермахта доходили до фюрера. Это доклады которые приводили к таким решениям которые вели к жестоким мерам. Огромного ущерба можно было бы избежать, если бы мы солдаты были в состоянии удерживать фюрера.

Экснер: Какую роль играл Канарис[135] в связи с этим?

Йодль: Канарис видел фюрера дюжину раз. Канарис мог докладывать ему о том, что он хотел и о чём угодно, что знал. Мне кажется, что он знал гораздо больше меня, так как я занимался исключительно оперативным ведением войны. Но он никогда не говорил ни слова. Он никогда не говорил мне ни слова, и совершенно ясно, почему; этот свидетель находился в самых лучших отношениях – этот человек, который сейчас мертв, был в самых лучших отношениях с Гиммлером и Гейдрихом[136]. Это было необходимо, для того, чтобы они не заподозрили об этом логове заговорщиков.

Экснер: Свидетель Гизевиус много говорил о мятежах и намерениях осуществить путч. Вы лично когда-нибудь что-нибудь узнавали о таких планах?

Йодль: Я никогда не слышал ни одного слова или намёка на какой-нибудь мятеж или о каких-нибудь планах осуществить путч.

Экснер: В любое время, до или во время войны, вы бы считали мятеж возможным или обещающим?

Йодль: Свидетель, говоря о мятежах, как обычно умыл руки. Лишь это подтверждает мне, что он никогда не думал об этом всерьез. Результаты Капповского путча[137] в 1921, Гитлеровского путча 1923, хорошо известны. Если требуется больше доказательств, есть результат 20 июля 1944. Тогда никто больше не надеялся на победу в подлинном смысле слова. Несмотря на это, в этом мятеже, в этом покушении не восстал, ни один солдат, ни одна часть Вермахта, ни один рабочий. Все исполнители и все путчисты оказались одинокими. Чтобы свергнуть такую систему была бы нужна революция мощнее, гораздо мощнее, чем революция национал-социалистов. И за такой революцией должна была стоять масса рабочих и большинство Вермахта в целом, а не просто командир Потсдамского гарнизона, о

---

[135] Вильгельм Канарис (1887 — 1945) — немецкий военный деятель, адмирал, начальник службы военной разведки и контрразведки в нацистской Германии (1935—1944). Участник заговора против Гитлера. Казнён 9 апреля 1945 года.

[136] Рейнхард Гейдрих (1904 — 1942) — государственный и политический деятель нацистской Германии, начальник Главного управления безопасности Рейха (1939—1942), заместитель (исполняющий обязанности) протектора Рейха Богемии и Моравии (1941—1942). Обергруппенфюрер СС и генерал полиции (с 1941). Убит в результате покушения чешских подпольщиков.

[137] Капповский путч — мятеж, предпринятый консервативными силами в 1920 году против правительства Веймарской республики.

котором говорил свидетель.

Но как можно вести войну не на жизнь, а на смерть с другими странами и одновременно осуществлять революцию и ожидать получить что-то положительное для немецкого народа, я не знаю. Только гении, которые жили в Швейцарии могут судить об этом. Германский Вермахт и немецких офицеров не готовили к революции. Однажды прусские офицеры ударили мечами об землю – это был единственный революционный поступк германских вооруженных сил известный мне. Это было в 1848 году[138]. Если сегодня, люди, которые активно содействовали в приведении Гитлера к власти, которые принимали участие в законах, которые мы солдаты, со своей присягой верности Адольфу Гитлеру обязаны были поддерживать, если эти люди требовали революции и бунта Вермахта, когда им больше не нравился человек или когда происходили изменения, тогда я могу назвать это лишь безнравственным.

Экснер: Трения и кризисы возникали в ваших отношениях с Гитлером? Вы уже намекали на кое-что в связи с этим.

Йодль: Мне проще написать об этом книгу, чем дать краткий ответ. Я бы хотел сказать только то, что помимо многих восторженных моментов, наша жизнь в ставке фюрера была в длительной перспективе мучением для нас солдат; так как она не являлась военной ставкой, а гражданской и мы солдаты, были там гостями. Не просто где-то быть гостем 5 ½ лет Я бы хотел добавить лишь одно. Среди немногих офицеров, которые решались смотреть фюреру прямо в лицо, и говорить тоном и манерой заставлявшими слушателей затаить своё дыхание, потому что они опасались катастрофы – к таким офицерам относился и я сам.

Экснер: Приведите нам пример такого кризиса в ваших отношениях с Гитлером.

Йодль: Худший кризис был в августе 1942 в Виннице, когда я защищал генерал-полковника Гальдера[139] от неоправданной критики. Это являлось моей оперативной проблемой, подробности которой не интересуют суд. Никогда в своей жизни я не испытывал такого всплеска ярости от человека. С того дня он никогда не приходил на ужин.

Экснер: В вашу столовую?

Йодль: Нет, он никогда за остаток войны не пришёл в столовую. Доклад об обстановке больше не делали в моей картографической комнате, а в квартирах фюрера. В каждом докладе об обстановке с того дня принимал участие офицер СС. Восьми стенографистам приказали находиться там, и с тех пор они записывали каждое слово. Фюрер отказался пожимать мне руку. Он редко или вообще со мной не здоровался. Такая ситуация длилась до 30 января 1943. Он сказал мне, через фельдмаршала Кейтеля, что он больше не может работать со мной и что меня

[138] Имеется в виду революция в Германии 1848-1849 гг.

[139] Франц Гальдер (1884 —1972) — военный деятель Германии, генерал-полковник (1940 год). Начальник Генерального штаба сухопутных войск вермахта в 1938—1942 годах.

должен будет заменить генерал Паулюс[140], как только Паулюс возьмёт Сталинград.
Экснер: Вы сами не пытались за это время уйти из ОКВ?
Йодль: В течение всего этого времени, каждый новый день, я просил генерала Шмундта[141] проследить за тем, чтобы меня, наконец, направили на должность на фронте с горными войсками в Финляндии. Я хотел отправиться туда. Но ничего не случилось.
Экснер: Обвинение утверждает, что вы пользовались хорошим расположением фюрера, и что фюрер выражал вам свою любезность. Насколько это правда?
Йодль: Мне не нужно тратить на это много слов. То, что я сказал на самом деле правда. Боюсь, то, что сказало обвинение это воображение.
Экснер: Также говорилось, что вы были амбициозны в своей военной карьере. Что насчёт этого?
Йодль: Если обвинение имеет в виду, что как так называемого политического солдата меня повышали слишком быстро, оно ошибается. Я стал генералом в пятьдесят лет. Это совершенно нормально. В июле 1940, когда я был назначен генералом артиллерии, правда, что я пропустил звание генерал-лейтенанта, но лишь случайно. Более молодой генерал воздушных сил, Ешшонек[142], начальник генерального штаба Люфтваффе, был повышен до генерал-фельдмаршала авиации. Тогда Шмундт сказал фюреру: «С Йодлем можно вероятно сделать также». Соответственно, вскоре после заседания Рейхстага[143], фюрер решил повысить и меня – до генерала артиллерии. Этот Ешшонек, который гораздо младше меня, стал генерал-полковником гораздо быстрее меня. Цейтцлер[144], который раньше был моим подчиненным, стал генерал-полковником одновременно, что и я.
Председатель: Я думаю, мы прервёмся.

[*Объявлен перерыв*]

Председатель: Мы будем откладываться вечером в 4:30.
Экснер: Мы обсуждали, в какой степени вы пользовались расположением фюрера, то есть относительно –

Вы не получали от Гитлера исключительных наград?
Йодль: К своему удивлению, когда закончился кризис в Виннице, 30 января 1943, я получил от фюрера золотой партийный значок. Это была единственная награда

---

[140] Фридрих Паулюс (1890 — 1957) — немецкий военачальник (с 1943 года — генерал-фельдмаршал) и командующий 6-й армией, окружённой и капитулировавшей под Сталинградом.
[141] Рудольф Шмундт (1896 - 1944) — генерал пехоты вермахта, участник Первой и Второй мировых войн. Адъютант А. Гитлера с 1938 по 1944. Убит во время покушения на Гитлера.
[142] Ганс Ешоннек (1899 — 1943) — деятель Люфтваффе, генерал-полковник. В 1939-1943 начальник генерального штаба воздушных сил. После начала массированных налётов союзной авиации на Германию застрелился.
[143] Рейхстаг — высший представительный и законодательный орган в Германии времён Веймарской республики, а также формально при национал-социалистах.
[144] Курт Цейтцлер (1895 — 1963) — немецкий генерал-полковник, участник Второй мировой войны. В 1942—1944 годах начальник генерального штаба сухопутных войск (ОКХ).

полученная от фюрера.

Экснер: За все 5 ½ лет войны?

Йодль: Да.

Экснер: Вы получали подарок или пожертвование от Гитлера или от партии?

Йодль: Ни пфеннига. Чтобы ничего не скрывать, я должен упомянуть факт, что в ставках мы получали пачку кофе от фюрера на каждое рождество.

Экснер: Вы приобретали какое-нибудь имущество на территориях оккупированных нами или получали какой-нибудь подарок или памятный знак?

Йодль: Вообще ничего. Когда в обвинительном заключении находится фраза о том, что подсудимые обогащались с оккупированных территорий, что касается меня у меня есть только одно слово, и я должен быть откровенным – это клевета на достоинство немецкого офицера.

Экснер: Во время войны вы сберегли, что-то из своего жалования генерал-полковника. Как вы вкладывали эти деньги?

Йодль: Все мои сбережения в этой войне сейчас в облигациях Рейха…

Председатель: Он сказал, что не смог сберечь ни пенни. Его об этом ещё перекрёстно не допрашивали.

Экснер: В течение всего периода войны вы находились с Гитлером и следовательно должны реально знать его лучше. Поэтому я хочу спросить вас о характеристиках личности фюрера, но суд не любит повторений. Поэтому расскажите нам совсем кратко, что именно в поведении Гитлера особенно влияло на вас, что вас особо впечатляло? Какие вещи вам не нравились?

Йодль: Гитлер был лидером в исключительной степени. Его знания и его интеллект, его риторика и его сила воли побеждали в конце каждого духовного конфликта со всеми. Он сочетал необычайную степень логики и ясности мысли, скептицизм и избыток воображения, которым часто предвидел, то, что случиться, также очень часто сбиваясь с пути. Я действительно поражался ему, когда зимой 1941-42, своей уверенностью и энергией, он укрепил колебавшийся Восточный фронт; ибо тогда, как в 1812 катастрофа была неминуема. Его жизнь в ставке фюрера не являлась ни чем кроме как долгом и работой. Умеренность его образа жизни была впечатляющей. Не было ни одного дня в течение этой войны…

Председатель: Минуточку. Доктор Экснер, как вы сказали, трибунал уже слышал подобные вещи снова и снова. Мы в этом не заинтересованы.

Экснер: Вероятно, вы можете рассказать трибуналу нечто, что он слышал не так часто, а именно, что вам не нравилось в личности Гитлера.

Председатель: Я не думаю, что сказанное таким общим образом, представляет какой-либо интерес для трибунала, что ему не нравилось в Гитлере. Я имею в виду, он не может разобраться со своим собственным делом?

Экснер: Вы чувствовали, что вы лично были близки фюреру?

Йодль: Нет; вообще никак.

Экснер: Все ваши отношения являлись по сути официальными?

Йодль: Да, чисто официальными. Я не входил в его ближний круг, и он не знал обо мне больше того, что меня зовут Йодль, и следовательно предполагалось, что я выходец из Баварии.

Экснер: Кто входил в его ближний круг?

Йодль: В основном вся старая гвардия со времени, когда партия находилась на стадии развития: прежде всего Борман, первоначальные секретарши, его личный врач и политические или эсэсовские адъютанты.

Экснер: Ваша речь к гауляйтерам использована обвинением, чтобы доказать, что вы являлись безусловным сторонником фюрера и его восторженным приверженцем. Скажите нам, как получилось, что вы произнесли эту речь?

Йодль: Борман предложил данную речь фюреру и фюрер приказал это, хотя я произнёс данную речь очень неохотно, в основном из-за нехватки времени. Но в целом желание заключалось в том, чтобы в тот кризисный период…

Экснер: Когда была эта речь?

Йодль: В ноябре 1943. Этому предшествовало итальянское отступничество. Это было время тяжёлых воздушных атак. В тот момент естественно было нужно дать политическому руководству дома полностью неприкрашенную картину общей военной обстановки, но и одновременно наполнить их некоторым количеством доверия к верховному руководству. Эта речь, которая называлась «Стратегическое положение Германии в начале пятого года войны», очевидно, не могла быть произнесена блокляйтером, она могла быть произнесена только офицером оперативного штаба, и таким образом я произнёс данную речь.

Экснер: В чём заключалось содержание той речи?

Йодль: Содержание, как я уже сказал, являлось полномасштабной картиной стратегической обстановки. Здесь, перед трибуналом естественно прочитали только введение. Данное введение рисовало картину, того, что лежало позади нас, но не с политической точки зрения, а скорее со стратегического угла. Я описал оперативную необходимость всех операций, так называемых агрессивных войн. Никоим образом я не отождествлял себя с национал-социалистической партией, но, как подобает офицеру генерального штаба, со своим верховным главнокомандующим; тогда это больше не являлось вопросом национал-социализма или демократии. Вопросом было «быть или не быть» немецкому народу. И в Германии тоже были патриоты, а не только в соседних государствах; и я буду считать себя в числе таких патриотов пока я дышу. Более того, не важно кто говорит, но важно, что он говорит и о чём говорит. Кроме этого, я могу также заявить, что я произносил такую же речь командующим военных округов и старшим офицерам армии резерва.

Экснер: Начало и конец речи содержат панегирик партии и фюреру, что неоспоримо. Почему вы включили это в чисто объективную военную речь?

Йодль: Мне было невозможно начать подобную речь с критических замечаний о партии или о своём верховном главнокомандующем. Нужно было создать доверие между офицером и партийным лидером; так как данное доверие было нужно не только для того, чтобы речь имела смысл; такое доверие являлось предпосылкой победы. Более того, я бы хотел сделать важное замечание; то что обвинение представило как документ номер L-172…

Экснер: Это речь гауляйтерам?

Йодль: Это вообще не речь гауляйтерам; это не та речь, которую я произнёс. Это ничего больше чем версия речи для «мусорной корзины». Это первый черновой проект, который полностью пересмотрели и изменили, потому что он содержал много вещей, которые были неважными. Всё ядро речи, а именно раздел о ситуации в то время, часть касавшаяся противника и средств в его распоряжении и его намерений, всё это исчезло. В этом документе содержались вещи из многих сотен заметок для речи которую я направил в свой штаб. Я скомпилировал свою речь из этих заметок и затем я вернул весь этот материал своему штабу.

Экснер: Значит это не рукопись вашей речи?

Йодль: Это никоим образом не рукопись, это выглядит совершенно иначе.

Экснер: Теперь мы вернёмся к другому пункту. Каких руководителей партии вы узнали со времени захвата власти до начала войны?

Йодль: Не считая солдат, только рейхсминистра Фрика. Я был с ним дважды, когда нужно было обсуждать вопросы реформы Рейха.

Экснер: И каких из подсудимых присутствующих здесь вы знали до 1939 или до начала войны?

Йодль: Из подсудимых здесь, я знал только рейхсмаршала, гросс-адмирал Рёдера, фельдмаршала Кейтеля и министра Фрика; никого другого.

Экснер: Между тем, вы сами занимались с национал-социалистической литературой?

Йодль: Нет.

Экснер: Вы принимали участие в партийных съездах Рейха?

Йодль: В 1937 году, в своём официальном качестве, я участвовал на последних трёх днях в Нюрнберге, когда был смотр Трудовой службы, СА и Вермахта.

Экснер: Вы принимали участие в поминовениях в Мюнхене, то есть, каждый год 9 ноября?

Йодль: Нет, я там на самом деле не присутствовал.

Экснер: Вы можете рассказать нам, в чём заключалась ваша позиция в отношении полувоенных подразделений партии?

Йодль: Эти полувоенные организации выросли как грибы после захвата власти; но только СА при Рёме попытались побороться за власть. Свидетель Гизевиус сказал здесь, что никакого путча Рёма не было. Это верно, но он почти состоялся. Тогда в военном рейхсминистерстве мы были вооружены до зубов, и Рём был настоящим

революционером, а не диванным мятежником. Когда фюрер вмешался в июне 1934[145] больше не было конфликтов между Вермахтом и СА. Вермахт становился всё более подозрительным к подразделениям СС, которые с этого момента чрезвычайным образом увеличились. Армия, можно смело сказать, никогда не соглашалась с таким дуализмом двух вооруженных организаций внутри страны.

Экснер: Теперь я бы хотел процитировать различные отрывки из вашего дневника – документа номер PS-1780, страница 2 первого тома документальной книги – для того, чтобы показать, что Йодль снова и снова занимался этим проникновением СС в армию. 19 апреля – то есть второй параграф – или до этого, 22 марта, есть запись об этом. Затем 19 апреля: «Г. посещает начальника управления вооруженных сил; говорит ему о своих сомнениях касательно развития СС».

Во французском переводе «Г.» заменили на «Гейдрих». Конечно, это не имеет никакого смысла, так как Гейдрих разумеется не имел никаких сомнений касательно развития СС; но «Г.» совершенно очевидно относится к «Гальдеру», который являлся генерал-квартирмейстером. Мне неизвестно внесена ли данная поправка во французской документальной книге. С сожалением скажу, что я заметил довольно много ошибок в переводе в английской и французской документальных книгах и в связи с этим обратился к генеральному секретарю за внесением поправок. Я должен разумеется сказать, что такое большое количество ошибок в переводе создаёт сомнительное впечатление, особенно если «Г» заменяют словом «Гейдрих», и начальник вооруженных сил связывается с одной из самых неприятных фигур в СС. Должен сказать, что я полон сомнений – я должен подчеркнуть это – потому что в ходе последних нескольких месяцев сотни документов предъявляли трибуналу перевод которых мы не могли проверить. Когда мы сделали проверку по одному поводу, мы обнаружили довольно много дефектов, как недавно доктор Симерс.

Председатель: Доктор Экснер, вы предположительно должны задавать вопросы. Вы же сейчас делаете какие-то длинные заявления.

Экснер: Я бы хотел сослаться на предпоследний пункт от 3 февраля, на той же странице…

Председатель: Профессор Экснер, мы не можем позволить защитнику делать длинные заявления, которые не являются доказательством. Вы не можете делать подобные заявления. Если есть какой-нибудь неправильный перевод, вы можете обратить на это наше внимание, но это не делается так, делая общие заявления о переводе документов.

Экснер: Господин председатель, я больше не желаю давать объяснения, но бы хотел процитировать отрывки из моей документальной книги относящиеся к 3 февраля…

---

[145] «Ночь длинных ножей» — расправа Гитлера над штурмовиками СА, произошедшая 30 июня 1934 года. Кодовое название — операция «Колибри». Поводом для расправы послужила нелояльность штурмовиков во главе с Эрнстом Рёмом и подозрения в подготовке путча.

Председатель: Вы поправили один видимо неправильный перевод или неправильную интерпретацию буквы «Г». Что же, вы можете так делать снова, если потребуется, в иных местах. Вы не можете делать общие заявления об этом.

Экснер: Я буду читать только то, что допускается. Я зачитаю выдержки из документальной книги, без всякой критики. Я больше ничего об этом не скажу.

Председатель: Очень хорошо.

Экснер: Здесь сказано, 3 февраля:

> «Генерал Томас[146], сообщает, что офицер связи с министерством экономики…подполковник Друз, навестил его по приказу Шахта. Он считал, что СС воспользуются всеми средствами, чтобы бросить подозрения на Вермахт и прижать его к стенке в нынешнем слабом состоянии».

Затем под датой 10 февраля сказано:

> «Говорят, что Гиммлер огорчён тем, что старшие офицеры Вермахта выдвинули против него неслыханные обвинения».

Затем вероятно ещё один отрывок из следующего документа, на странице 4 документальной книги, снова тот же самый дневник, документ номер PS-1809, запись от 25 мая 1940:

> «План неограниченного расширения СС звучит в целом подозрительно».

Вы, даже тогда имели сомнения об опасностях такого дуализма, который упоминали?

Йодль: Как человек, очень хорошо разбиравшийся в истории, я имел много сомнений об этом. Не только я имел сомнения, но даже во время войны я довольно открыто высказывал эти сомнения Гиммлеру и Борману.

Экснер: Как получилось, что Гиммлер получал больше и больше влияния в военных сферах?

Йодль: Это можно объяснить тем фактом, что фюрер имел чувство – которое вероятно в целом было правильным – что большая часть офицерского корпуса противостояла его идеям. Он видел в этом отношении не только внутриполитическую угрозу, но также видел в этом опасность для победы, которая как он верил, должна была быть достигнута только безжалостными методами.

Экснер: И какие практические результаты возникли в результате этого?

Йодль: Практически результаты были такими: подразделения СС громадно увеличились; полиция получила власть, которая распространялась даже на оперативную сферу армии и позднее были созданы высшие руководители СС и полиции; разведывательная служба была передана СС – где, кстати, она была организована Кальтенбруннером гораздо лучше, чем раньше – армию резерва

---

[146] Георг Томас (1890 – 1946) генерал пехоты, один из руководителей военной экономики Германии. Участник заговора 20 июля 1944 против А. Гитлера.

передали под юрисдикцию Гиммлера и наконец, также всю организацию по делами военнопленных.

Экснер: В своём дневнике вы выражаете удовлетворение назначением фюрером генерала фон Браухича[147] в качестве главнокомандующего армией. Тогда существовал выбор между ним и генералом Рейхенау[148]. Почему вы были рады выбору Браухича?

Йодль: Генерал фон Рейхенау был известен как подлинно политический генерал, и я опасался, что вероятно он мог не иметь сомнений пожертвовать всеми старыми добрыми традициями армии ради нового режима.

Экснер: Я бы хотел сослаться в этой связи на дневник Йодля, документ номер PS-1780, первый том с записью от 2 февраля 1938, второй параграф, и снова запись от 3 февраля 1938 находящуюся на странице 7, где он выглядит особенно радостным:

> «Начальник управления вооруженных сил сообщает мне, что битва выиграна. Фюрер решил, что генерал фон Браухич должен быть назначен главнокомандующим армией».

Председатель: Не думаю, что вам требуется это читать. Это просто говорит о том, что он был в пользу фон Браухича.

Экснер: Вы думали о конкретных последствиях для генералов связанных с назначением фон Рейхенау?

Йодль: Да. Не было никаких сомнений в том, что старшие генералы, такие как Рундштедт, Бок[149], Адам[150], Лист[151], Гальдер и так далее, никогда не подчинят себя фон Рейхенау.

Экснер: После такого введения, давайте перейдем к преступлениям против законов войны и человечности, которые вменяются вам. Осталось очень мало времени. Поэтому, я бы хотел выяснить ваше участие в указе о комиссарах[152]. Вам был представлен проект высшего командования армии об обращении с советскими комиссарами, и вы поставили пометку на полях данного проекта на основании чего обвинение вменило вам…

---

[147] Вальтер фон Браухич (1881 — 1948) — главнокомандующий сухопутных войск (1938—1941), генерал-фельдмаршал немецкой армии (с 1940). Умер в госпитале для военнопленных.

[148] Вальтер фон Рейхенау (1884 — 1942) — генерал-фельдмаршал (с 1940). Во время Второй мировой войны командовал 6-й армией вермахта. Брал Париж (1940), Киев (1941) и Харьков (1941). Один из немногих высших военачальников вермахта, активно поддерживавших нацизм.

[149] Федор фон Бок (1880 — 1945) — немецкий военачальник, генерал-фельдмаршал. Командующий группы армий «Центр» во время вторжения в СССР. Командовал наступлением на Москву осенью 1941 года. Убит во время налета американской авиации.

[150] Вильгельм Адам (1877 — 1949) — офицер немецкой армии (с 1939 года генерал-полковник), служил в Баварской армии, рейхсвере и вермахте; начальник Войскового управления (аналог генштаба) рейхсвера в период до Адольфа Гитлера.

[151] Вильгельм Лист (1880 — 1971) — немецкий генерал-фельдмаршал (с 1940), участник Первой и Второй мировых войн. Командовал крупными соединениями во время летнего наступления Германии в СССР в 1942. Американским трибуналом был приговорён к пожизненному заключению. Освобождён досрочно.

[152] Приказ о комиссарах - официальное название Директивы об обращении с политическими комиссарами, был издан верховным командованием вермахта 6 июня 1941 года, за две недели до начала войны Германии против Советского Союза. Приказ предусматривал немедленный расстрел всех взятых в плен политработников Красной Армии как «носителей сопротивления».

Председатель: Какой номер у документа?

Экснер: Номер документа PS-884, экземпляр номер СССР-351, страница 152, второй том моей документальной книги. В целом это набор пометок на докладе.

[*Обращаясь к подсудимому*] Вероятно, прежде всего, вы можете сказать нам: какую связь вы имеете к данному вопросу, то есть, обращению с комиссарами?

Йодль: Я не принимал участия в подготовке данного проекта. В то время я не занимался ни военнопленными ни вопросами военного права. Но мне представили проект после его передачи фельдмаршалу Кейтелю.

Экснер: Хорошо. Теперь вы добавили: «Мы должны считаться с возможностью репрессалий против немецких лётчиков. Поэтому лучше подойти ко всем этим действиям как к репрессалиям».

Что вы имеете в виду данным заявлением?

Йодль: Намерение фюрера которое было изложено в данном проекте единодушно отвергалось всеми солдатами. Об этом также шла очень жаркая дискуссия с главнокомандующим армией. Это сопротивление завершилось характерной фразой фюрера: «Я не могу требовать, чтобы мои генералы понимали мои приказы, но я требую, чтобы они их исполняли». Итак, в этом случае, своей пометкой я хотел отметить фельдмаршалу Кейтелю новый путь, который мог позволить обойти данный приказ который потребовали.

Экснер: Обвинение, как вы, возможно помните, сделало данный приказ настолько серьезным обвинением против германских военных властей, потому что он был подготовлен до начала войны. Эти пометки датированы 12 мая 1941, и там вы говорите: «Лучше заклеймить всю акцию как возмездие». Что вы имеете этим в виду?

Йодль: Правильно, что из-за идеологической оппозиции большевизму, фюрер рассчитывал на возможное разрешение о комиссарах (указ) как несомненный факт. Он был убеждён в своей правоте и приводил свои причины, говоря: «Я вёл войну против коммунизма 20 лет. Я знаю коммунистов, но вы их не знаете». Я должен добавить, что мы тоже, конечно, в определенной степени находились под влиянием того, что писала литература всего мира о большевизме с 1917. Мы тоже имели некоторый опыт, например, красной республики в Мюнхене[153]. Несмотря на это, я считал, что прежде всего мы должны подождать и понять действительно ли комиссары будут действовать так как ожидал от них фюрер; и если бы подозрения подтвердились, мы бы могли воспользоваться репрессалиями.Вот, что я имел в виду своей пометкой на полях.

Экснер: То есть, вы хотели подождать до начала войны; затем вы хотели подождать до получения опыта войны; и потом вы хотели предложить меры, которые, при необходимости, можно было рассматривать как репрессалии против методов борьбы

---

[153] Баварская советская республика — кратковременное государственное образование, провозглашённое советом рабочих и солдатских депутатов 6 апреля 1919 в Мюнхене. Просуществовало до 3 мая 1919 года.

используемых противником. Что вы имели в виду, когда сказали: «Следовательно, лучше заклеймить всю акцию как возмездие»? Что вы имеете в виду под «притянуть как»? Данные слова переводятся обвинением как…

Робертс: Милорд, в допросе, моего учёного друга, доктора Экснера, он несколько минут задаёт подсудимому очень длинные наводящие вопросы о том, что означает отрывок в этом письме. В моём представлении, это вообще не доказательство свидетеля, это речь доктора Экснера и попрошу его сейчас не задавать ещё один.

Экснер: Я всё же думаю, что необходимо представляя доказательства установить, что думал подсудимый, когда он писал эти слова.

Председатель: Вы слышали от меня по нескольким поводам, что когда защитник задаёт наводящие вопросы, которые вкладывают ответ в уста свидетеля, для трибунала это имеет мало веса. Совершенно очевидно, что если вы хотели задать вопрос о том, что имел в виду свидетель своей пометкой, он мог бы ответить; и это правильный способ задать вопрос, а не предлагать ему ответ.

Экснер: Прежде всего, я поставил вопрос, и затем как мне кажется, я подытожил основные положения сказанного свидетелем.

Также есть сложность в переводе, которую я бы хотел преодолеть; то есть, я не уверен в этом. То место где сказано: «Поэтому лучше всего подойти к ним, как к репрессалиям, переведено на английский язык «лучше заклеймить всю акцию» , а на французском языке «stigmatiser[154]». Мне кажется, что это было бы не совсем правильно и как бы следовало сказать: «Лучше обращаться с этим как с репрессалией» и по-французски говорить «traiter»[155].

[*Обращаясь к подсудимому*] Что случилось потом?

Йодль: Мне кажется, нужно объяснить выражение «aufziehen». Немецкое слово «aufziehen» тоже имеет в себе нечто сомнительное. Здесь было однажды сказано, что такое замечание является типичным для подсудимого Йодля, когда он говорил о военных делах. Это не означает, как предполагает обвинение «выдавать одно за другое». Скорее, я бы сказал дословно: «Мы должны подойти к этим операциям по-другому», то есть «взяться за них». Так, мы говорили например: «Я представлял новые виды оружия фюреру совсем по-другому», это значит или в другой последовательности или в другом виде». Таким образом, среди нас, солдат, глагол который я употребил здесь, означает ни больше, ни меньше, как взяться за что-нибудь и «представить что-либо», «устроить», но вовсе не «выдавать одно за другое».

Экснер: Вы имеете в виду, что этот глагол, не имеет второго смысла указывающего на обман?

Йодль: Нет.

Председатель: Теперь мы прервёмся.

---

[154] Клеймить (фр.)
[155] Относиться (фр.)

[*Судебное разбирательство отложено до 10 часов 4 июня 1946*]

День сто сорок шестой

Вторник, 4 июня 1946

Утреннее заседание

[*Подсудимый Йодль вернулся на место свидетеля***]**

Экснер: Генерал, вчера вечером мы начали рассматривать военные преступления, но сегодня, прежде всего, я бы хотел задать вам несколько предварительных вопросов. Какое положение и какие задачи являлись вашими в период войны?

Йодль: Я должен был заниматься всей работой генерального штаба касавшейся оперативно-стратегического ведения войны. Затем, мне подчинялся отдел военной пропаганды, чьёй обязанностью было взаимодействовать с прессой и, в-третьих, я был главой ведомства, которое в целом, должно было распределять средства связи различным родам войск Вермахта. Вся эта сфера работы настолько занимала моё время, что как правило я работал ночь напролет, до трёх часов утра. У меня вообще не было времени заниматься другими вещами. Я уже вынужден был делегировать своему личному адъютанту почти всю свою работу с прессой, который должен был получать ежедневную информацию.

Экснер: Эти задачи, которые вы сейчас назвали, все были задачи, связанные с вашим ведомством, и им являлся оперативный штаб вооруженных сил, начальником которого вы являлись, не так ли?

Йодль: Да, начальником, которого я был.

Экснер: И того отдела оперативного штаба, главного и самого важного, которым был оперативный отдел?

Йодль: Да, операции.

Экснер: И большинство ваших задач было связано с этим отделом. Обвинение говорит, что вы являлись начальником штаба фельдмаршала Кейтеля. Вы согласны?

Йодль: Это неправильно, так как уже показывали организацию, которую объясняли здесь во время дела фельдмаршала Кейтеля. Есть большая разница. Как начальник штаба, я был бы помощником фельдмаршала Кейтеля, занимавшимся всеми его обязанностями. Однако, я являлся лишь начальником одного из многих управлений подчиненных фельдмаршалу Кейтелю.

Начиная с 1941 года стало практикой для меня и моего оперативного

отдела докладывать фюреру напрямую по всем вопросам, касавшимся стратегии, в то время как фельдмаршал Кейтель, используя мой отдел квартирмейстера как своего рода личный рабочий штаб, взял на себя все остальные задачи.

Экснер: Вы, как начальник оперативного штаба вооруженных сил, имели полномочия отдавать приказы?

Йодль: Нет – или даже только через свой рабочий штаб. Я подчинялся фельдмаршалу Кейтелю и даже сам Кейтель не являлся командующим, а лишь начальником штаба. Но в ходе этой войны я естественно лично решал многие оперативные детали и подписывал их сам. Не было никакого несогласия в таких вопросах с главнокомандующими, так как я имел их доверие, и я работал с ними в самых лучших условиях.

Экснер: Для кого-нибудь извне, довольно непросто понять, что хотя у вас не было никаких полномочий отдавать приказы, фактически, здесь предъявлено столь много приказов, фактически подписанных вами, и подписанных разными способами – иногда вашим полным именем, иногда «Й», первой буквой вашей фамилии. Пожалуйста, объясните разницу.

Йодль: Нужно различать так: распоряжения, которые фюрер подписывал лично, если у них был оперативный характер, содержат мои инициалы в конце, в нижнем правом углу; и это означает, что я, по крайней мере, помогал в формулировании приказа. Затем были приказы, также исходящие от фюрера, хотя и не подписанные им лично, но подписанные «по приказу, Йодль», но они всегда начинались с фразы: «Фюрер распорядился» или данная фраза находилась где-то в приказе. Должна была быть преамбула, обычно приводившая причины приказа и потом, он бы гласил: «Следовательно, фюрер распорядился».

Экснер: И в чём заключалась разница между этими двумя группами приказов? Почему одна группа приказов подписывалась фюрером, а другая только вами?

Йодль: Разница заключалась только в том, что приказы, подписанные мной имели меньшую значимость.

Экснер: Итак, были другие приказы, которые не начинаются с «фюрер распорядился», но вместе тем подписанные вами. Что с ними?

Йодль: Эти приказы, как правило, подписывали: «Начальник высшего командования вооруженных сил, по приказу, Йодль». Это были такие приказы, которые исходили от меня, то есть, от меня или мой штаб сформулировал их. Лично фюрера и фельдмаршала Кейтеля вероятно информировали об этих приказах, но не в каждом случае.

Затем были другие приказы, содержавшие мой инициал на первой странице, в верхнем правом углу. Это были приказы отданные другими отделами. Мой инициал «Й» на первой странице просто официальное уведомление, чтобы показать, что мне представили приказ. Но это не означало, что я читал его так как если, изучив первую страницу, я видел, что распоряжение касалось вопроса не

связанного с моей сферой работы, тогда я ставил на нём инициал и откладывал в сторону, для того, чтобы сэкономить время.

Экснер: Итак, есть ещё один большой том документов, из которых некоторые использовались как самое инкриминирующее доказательство против вас; они не приказы, но итоговые заметки. Вы можете прокомментировать это?

Йодль: Эти итоговые записи были средством, используемым в штабах высшего уровня для удобства людей, у которых не было времени изучать огромные папки. Итоговые записи содержали, в краткой, сжатой форме, описание того или иного вопроса, часто взгляды других ведомств и иногда даже предложения. Однако, важно то, что это не был приказ; это не был проект приказа, но они формировали основу для приказа.

Экснер: Вероятно в ситуацию лучше внести ясность если вы сможете объяснить это трибуналу в связи с черновыми заметками, касавшимся комиссаров, которые мы затронули вчера. Это PS-884, экземпляр СССР-351; том II моей документальной книги, страница 152.

Перед тем как вы начнете, я бы хотел обратить внимание трибунала на ошибку в переводе. На странице 152, под цифрой I, сказано:

> «ОКХ представило проект для инструкций относительно политических сотрудников и т.д…относительно комиссаров…».

Английский перевод гласит: «Высшее командование армии представляет заявление…»; но это проект. И я не совсем понял по-французски; сказано: «Confirmation des instructions[156]». Таким образом очевидно должен быть «projet[157]».

В любом случае немецкий подлинник гласит:

> «ОКХ представило проект для инструкций относительно обращения с политическими сотрудниками и т. д., для единообразного применения приказа отданного 31 марта 1941».

И это комиссары. Всё это сжатый проект. Пожалуйста, вы объясните, что это означает?

Йодль: Данный документ типичный. Прежде всего, он содержит проект другого ведомства высшего командования армии, не дословный, а краткую, сжатую форму. Затем, во-вторых, под цифрой II, на странице 153, взгляды ещё одного ведомства – рейхсляйтера Розенберга – излагаются. Затем под цифрой III, содержится предложение моего собственного штаба.

Таким образом, весь вопрос далёк от приказа, каким он стал. И в итоговом проекте подобном этому, я естественно делал очень много, можно сказать, обрывистых заметок на полях служивших гидом для дальнейшего рассмотрения и обсуждения или решения вопроса в целом. Следовательно нельзя применять одинаковый критерий как если бы это применялось к хорошо сформулированным

[156] Подтверждение инструкций (фр.)
[157] Проектом (фр.)

словам находящимся в самом приказе.

Экснер: Хорошо. Довольно с итоговым проектом и вашими пометками.

Теперь мы переходим к весьма деликатной теме приказа коммандос. Данный вопрос рассматривали здесь по различным поводам; и на самом деле он выходит за пределы данного суда в своём значении и последствиям, как нам известно из газет.

Я бы хотел услышать от вас, что-нибудь о факторах, которые привели к данному приказу. Данный приказ это документ PS-498, экземпляр номер USA-501. У меня его нет в моей документальной книге, но я попросил генерального секретаря предоставить его в распоряжение трибунала на различных языках. Надеюсь это было сделано.

Затем есть пояснительное распоряжение в дополнение к основному приказу; оба подписаны фюрером. Это документ PS-503, экземпляр номер USA-542.

Робертс: Это PS-498. Это в документальной книге Кейтеля и Йодля, номер 7, страница 64.

Экснер: Первый приказ адресован войскам; второй, пояснительный приказ адресован главнокомандующим. Первый приказ угрожает вражеским солдатами смертью, если они участвуют в бандитской войне; и он, в данной связи, ссылается на коммюнике Вермахта.

Сначала вы можете объяснить связь между приказом коммандос и коммюнике Вермахта от 7 октября 42-го?

Йодль: Могу я попросить трибунал, в качестве исключения, позволить мне рассмотреть подробности. Очень многое зависит от данного приказа; не моя личность, моя персона не имеет значения на этом процессе, но здесь под вопросом честь немецких солдат и немецких офицеров, которых я здесь представляю.

Приказ коммандос неотделим от объявления в коммюнике Вермахта от 7 октября 1942, так как данное уведомление в коммюнике Вермахта провозгласило фактический приказ коммандос.

Экснер: И кто был ответственным за данное уведомление в коммюнике Вермахта? Кто его написал?

Йодль: Данное коммюнике Вермахта от 7 октября 1942 – на самом деле это было дополнение к коммюнике – исходило в основном от меня. Это касается опровержения доклада британского военного министерства, вопроса который я не буду обсуждать далее, так как это очень деликатный пункт. Обвинение особо не желает, чтобы это затрагивали.

Экснер: Но данное дополнение…

Председатель: Доктор Экснер, нам неизвестно – по крайней мере я не видел документа от 7 октября 1942, и насколько нам известно обвинение не заявляло никаких возражений любому ответу на любые английские документы.

Экснер: Я желал представить документ, но заявили возражения.

Председатель: Что имеется в виду, когда подсудимый говорит, что обвинение не желает, чтобы он представил это или ответил на это?

Экснер: Вероятно, он ссылается на факт, что нам не позволили представить это коммюнике Вермахта, но он может кратко привести нам его содержание.

Председатель: Что же, может быть это вопрос перевода, но если он просто имеет в виду, что никаких доказательств не приводилось обвинением по предмету, конечно, нет возражения, чтобы он об этом сказал, но когда он говорит, что обвинение не хочет, чтобы он представлял или не хочет, чтобы он отвечал о документе, это самое неподобающее заявление.

Экснер: Да, понимаю.

[*Обращаясь к подсудимому*] Вероятно, вы можете кратко рассказать нам о содержании данного коммюнике Вермахта от 7 октября 1942. Мне кажется, у вас оно есть в вашей документальной книге.

Председатель: Нет, но доктор Экснер, это не совсем то, что имею в виду. То, что подсудимый сказал заключалось в том, что обвинение не хочет, чтобы он рассматривал этот предмет.

Экснер: Да.

Председатель: Итак, если такое замечание было сделано, это неподобающее замечание. Обвинение, предположительно не имеет никакой связи с защитой по данному предмету, за исключением того, что оно предъявило это в качестве доказательства в этом деле.

Экснер: [*Обращаясь к подсудимому*] Вы поняли? Вы не должны говорить, что вам не позволили затрагивать данный предмет. Вероятно, вы дадите нам объяснение о том, что вы имели в виду?

Йодль: Данное коммюнике прямо связано с приказом коммандос. Важен только последний абзац данного коммюнике Вермахта. Это было написано лично фюрером, как уже заявлял фельдмаршал Кейтель и профессор Яррейс зачитывал его здесь трибуналу. Это фраза, которая гласит:

> «…в будущем со всеми террористическими и саботажными войсками британцев и их пособников, которые не действуют как солдаты, а как бандиты немецкие войска будут обращаться как с таковыми и будут безжалостно ликвидировать в бою повсюду, где обнаружат».

Экснер: И затем вам дали указание отдать подробный приказ в отношении…

Председатель: Минуточку. Минуточку.

Подсудимый, трибунал хочет знать: вы сказали, что приказ коммандос появился изначально в сообщении Вермахта от 7 октября 1942 который, в основном исходил от вас, и что данное сообщение опровергало английское заявление военного министерства, которое обвинение не захотело, чтобы вы рассматривали. Что вы имеете этим в виду?

Йодль: Этим я имел в виду, что мой защитник намеревался предъявить полное

коммюнике Вермахта от 7 октября 1942 как документ в качестве доказательства. Но он воздержался от этого, когда обвинение возразило документу.

Максвелл-Файф: Милорд, я, разумеется, никогда не возражал данному документу. Я спросил господина Робертса, и он говорит мне, что тоже никогда ему не возражал; и, насколько нам известно, никто от имени обвинения никогда не возражал ему. Я разумеется сам не возражаю; как член английского правительства во время, когда данный вопрос возник, я никогда не слышал чего-либо об этом ранее; но у меня вообще нет возражения.

Экснер: Могу я, что-нибудь сказать?

Председатель: Да.

Экснер: Если здесь произошло недоразумение, мы будем тем более довольны, и мы представим данное коммюнике Вермахта так или иначе вечером или завтра.

Я бы хотел внести ясность в один пункт относительно вопроса, который господин председатель задал подсудимому. Подсудимый сказал, что коммюнике Вермахта, в основном исходило от него, но что фюрер дописал дополнительную фразу…

Председатель: Доктор Экснер, если вы хотите, поправить что-либо, сказанное мною, вы должны делать это при помощи свидетеля, а не самого себя. Вы не вправе давать показания. Вы даёте показания только при помощи свидетели.

Экснер: Да.

[*Обращаясь к подсудимому*] Пожалуйста, скажите ещё раз, какую часть коммюнике Вермахта написали вы, и какую часть добавил фюрер.

Йодль: Вся первая часть данного коммюнике Вермахта вообще не имела никакого отношения к войскам коммандос, но касалась хорошо известного случая о связывании немецких военнопленных на пляже Дьеппа[158]. Я позднее сошлюсь на это снова.

Председатель: Вы имеете в виду, что я был прав, говоря, что основная часть исходила от вас?

Йодль: Да, абсолютно. Первая часть данного коммюнике Вермахта была сформулирована мной и содержит аутентичное опровержение заявления британского военного министерства переданного по британскому радио.

Данное заявление британского военного министерства было ложным, и я установил причины, почему оно было ложным на основании записей, фотографий и письменных показаний, которыми мы обладали. Первоначально данное дело не имело никакого отношения к коммандос и репрессалиям. Это было включено в коммюнике Вермахта в результате дополнения фюрера, которое начинается с фразы: «Следовательно, высшее командование Вермахта, вынуждено распорядиться

---

[158] Битва за Дьеп, также операция «Раттер», позднее — операция «Юбилей» — морской десант вооруженных сил Великобритании и Канады на французское побережье Ла-Манша и атака на оккупированный немцами порт Дьеп на севере Франции в 1942 году.

о следующем».

Экснер: И сочли необходимым довести данное объявление в коммюнике Вермахта в форме приказа к исполнению. Фюрер потребовал от вас проектов приказа к исполнению?

Йодль: Когда фюрер написал эту последнюю дополняющую фразу, он обратился ко мне и фельдмаршалу Кейтелю и потребовал, чтобы за общим объявлением в коммюнике Вермахта последовал приказ к исполнению. И он добавил: «Но я не хочу никаких военно-полевых судов».

Экснер: Вы подготовили проект?

Йодль: У меня было очень много сомнений, которые не смогло развеять внимательное изучение Гаагских правил войны. Ни фельдмаршал Кейтель ни я, не подготовили такой проект; но сотрудники моего штаба, по собственной инициативе, запросили проекты и взгляды у различных ведомств. Таким образом, появился документ PS-1263, к которому я перейду позже.

Председатель: Это документ PS-1263?

Экснер: 1263. Это страница 104, том II моей документальной книги, PS-1263, RF-365; но мы рассмотрим это позже.

Председатель: Вы сказали страница 204?

Экснер: Нет, страница 104, том II.

[*Обращаясь к подсудимому*] Пожалуйста, продолжайте.

Йодль: Моё желание полностью отличалось. Моё намерение заключалось в том, чтобы вообще избежать приказа, и скорее я ожидал, что в результате объявления в коммюнике Вермахта – объявления которое разумеется не останется в тайне, но которое было передано в эфире на весь мир – британское военное министерство снова обратиться к нам, либо напрямую или через Женеву, как делали в нескольких предыдущих случаях. И я надеялся на то, что таким образом всё дело переложат на министерство иностранных дел. Однако, этого не случилось. Британское военное министерство хранило молчание.

Тем временем прошло 10 дней и ничего не было сделано. Затем 17 октября генерал Шмундт, главный адъютант фюрера пришёл ко мне и сказал, что фюрер требует приказа на исполнение. Я дал ему следующий ответ, слово в слово:

> «Пожалуйста, передайте ему мои наилучшие приветствия, но я не отдам такой приказ». Шмундт засмеялся и сказал: «Что же, я не могу ему так сказать» и мой ответ был: «Очень хорошо, тогда скажите фюреру, что я не понимаю, как такое распоряжение можно оправдать международным правом».

На этом он ушёл. Теперь я понадеялся на то, что меня попросят прийти к фюреру для того, чтобы наконец, спустя многие месяцы, я снова смог лично с ним переговорить.

Экснер: И это совпало с кризисом в Виннице?

Йодль: Да. Так или иначе я хотел возможности рассказать ему о своих сомнениях или же быть вовсе вышвырнутым. Любая возможность помогла бы мне, но ни то, ни другое не произошло. Несколько минут спустя Шмундт позвонил мне по телефону и сообщил мне, что фюрер собирается лично подготовить приказы. 18 октября Шмундт снова лично пришёл и принёс с собой эти два приказа от фюрера – приказ войскам и пояснение командирам.

Председатель: Вы ссылаетесь на два документа, которые перед нами?

Йодль: Эти два документа, PS-498 и PS-503. Бумаги, предъявленные трибуналу как документы не являются подлинниками фюрера; я лично передал подлинники во Фленсбурге. Документы, которые находятся в руках трибунала являются копиями с подлинников или мимеографированными копиями из моего штаба.

Экснер: Теперь, я бы хотел вставить вопрос. Вы упоминали, что ваш штаб прорабатывал какие-то детали и вы ссылались на PS-1263, который предъявлен трибуналу – страница 104 тома II. В данном документе вы написали два замечания на странице 106. Первое замечание на странице это «нет». Во французском переводе это non[159] пропущено, и следует его добавить. На этой же странице немного ниже, вашим почерком сказано: «Это тоже не пойдет» и ваш инициал «Й» за Йодля.

Вы можете объяснить, что это в целом означает?

Йодль: Как я уже сказал, сотрудники моего штаба – как можно видеть под первой цифрой на странице 104 – по собственной инициативе запросили предложения, во-первых, от управления разведки, Канариса, потому что у него была группа экспертов по международному праву, и во-вторых от юридического управления Вермахта, поскольку в конце концов, здесь речь шла о правовой проблеме.

На странице 106, в параграфе «a», есть предложение управления разведки:

> «С членами террористических и саботажных войск которые выявлены…без формы или в немецкой форме, будут обращаться как с бандитами…либо если они попали в немецкие руки вне боевых операций, их немедленно следует доставлять к офицеру на допрос. Затем ими должен заниматься военно-полевой трибунал».

Это было совершенно невозможно, так как, наткнувшись на солдата в гражданской одежде, нельзя знать, кем он был. Он мог быть шпионом или бежавшим военнопленным или вражеским лётчиком, который спас свою жизнь, выпрыгнув из своего самолёта и теперь надеялся спастись в гражданской одежде. Это нужно было устанавливать опытному офицеру-дознавателю, а не военно-полевому трибуналу состоявшему из лейтенанта, двух унтер-офицеров и двух солдат. В параграфе «b»…

Экснер: И по этой причине вы написали «нет»?

Йодль: По этой причине я написал «нет».

В параграфе «b» предлагалось, что если такие саботажные группы

[159] Нет (фр.)

захватывали в форме, нужно было докладывать оперативному штабу вооруженных сил, который должен был решать, что нужно делать. Но в таком случае оперативный штаб вооруженных сил принял бы на себя функцию военного суда и такого тоже никогда не могло быть.

На самом деле я должен был требовать это для себя, благодаря своему обширному опыту, я понимал эти проблемы немного чётче чем некоторые мои подчиненные.

Экснер: И вы отвергли это предложение. Вы сказали, что вы также имели тяжкие сомнения о приказе фюрера. Теперь вы расскажите суду, какие у вас были сомнения?

Йодль: Прежде всего, я имел ряд сомнений о его законности. Во-вторых, приказ был расплывчатым и также он не был достаточно ясным для практического применения. В частности, в этом случае, я считал военные суды абсолютной необходимостью. Я хорошо знал, что даже судьи могут иногда, сознательно или нет, находится под принуждением и могут выносить приговор не строго в соответствии с законом, но, по крайней мере, они представляли собой какую-то гарантию против злоупотребления правосудием.

Экснер: Таким образом, если я понял вас правильно, вы хотели ввести какие-то правовые процедуры. Что вы имеете в виду под неясным и расплывчатым?

Йодль: Теория заключалась в том, что солдаты, которые своими действиями ставят себя вне законов войны, не могут требовать обращение в соответствии с законами войны. Это основной общепризнанный принцип международного права, как например, в случае шпиона или franc-tireur[160].

Цель данного приказа заключалась в том, чтобы запугать британские войска коммандос, которые использовали такие методы войны. Но приказ фюрера пошёл дальше и сказал, что все войска коммандос должны были истреблять. В этом заключался пункт в отношении которого я имел тяжкие сомнения.

Экснер: Какие юридические сомнения у вас имелись?

Йодль: Просто такое сомнение – что на основании данного приказа, солдат тоже будут истреблять…

Председатель: Подсудимый, не нужно говорить настолько медленно, если можно, говорите быстрее.

Йодль: Я опасался, что будут истреблять не только вражеских солдат, которые, используя выражение фюрера, действительно вели себя как бандиты, но также достойных вражеских солдат. В дополнение – и это было особенно невыносимо для меня – в самом конце документа PS-503 приказывалось, чтобы солдат расстреливали после их пленения и допроса. Что было для меня полностью неясным было общим юридическим положением, а именно, пользуется ли солдат который действовал как

[160] Вольные стрелки (фр.) – термин используемый для обозначения иррегулярных военных формирований, во время Второй мировой войны такое название имели два крупных отряда Движения сопротивления во Франции.

бандит юридическим статусом военнопленного, или же в связи с его предыдущим поведением он уже поставил себя за рамки такого правового статуса.

Экснер: Под этим вы подразумеваете Женевскую конвенцию?

Йодль: Да, и имею в виду Женевскую конвенцию.

Экснер: Вы могли понять мысль, что с вражескими солдатами, которые действовали в несолдатской манере не следовало обращаться как с солдатами?

Йодль: Да, я вполне мог её понять, и другие тоже могли, так как фюрер получал очень ожесточённые доклады. Мы захватили все приказы канадской бригады, которая высадилась в Дьеппе и эти приказы представили мне в подлинниках. Эти приказы говорили о том, что всякий раз, по возможности, немецким пленным должны были связывать руки. Но спустя какое-то время, от командующего Западом, я получил подлинные доклады и показания свидетелей, с фотографиями, которые явно убедили меня в том, что много человек из организации Тодта, отцы семейств, безоружные, старые люди, которые носили на руке повязку со свастикой – такой был их знак – были связаны верёвкой вокруг их шей и конец веревки затягивался вокруг их согнутых ног так, чтобы они душили сами себя.

Я могу добавить, что я спрятал данные фотографии от фюрера, и не рассказал ему об этих тяжёлых инцидентах которые мне подтвердили. Я скрывал их от немецкого народа и от министерства пропаганды. Затем пришло сообщение английского радио с категорическим опровержением, что каких-либо немецких солдат связывали в Дьеппе.

Некоторое время спустя, войска коммандос совершили нападение на остров Саерск. Снова мы получили доклады о том, что немецких пленных связывали.

Наконец мы захватили так называемый британский приказ о ближнем бое. Для фюрера это явилось последней каплей, я тоже изучил его очень внимательно. Эти инструкции по ближнему бою иллюстрировали как можно связывать людей, чтобы таким образом они душили сами себя, и точно было сказано, за какое время наступит смерть.

Экснер: Таким образом, причины, которые Гитлер привёл для своего приказа 498 были на самом деле основаны на достоверно доложенных фактах. Я отмечу, что Гитлер ссылался на пленных, которых связывали, пленных которых убивали, и что преступники, такие как коммандос…

Председатель: Вы пересказываете показания неточным образом, потому что подсудимый только, что сказал, что он скрывал эти вещи от Гитлера. Теперь вы говорите, что Гитлер знал о них. Это не то, что сказал свидетель.

Экснер: Тогда, я должен спросить вас, вам докладывали о фактах на которых был основан данный приказ.

Йодль: Мне кажется, у трибунала есть документ PS-498. В нём фюрер впервые делает общее заявление о том, что с некоторого времени наши противники в своём

ведении войны использовали методы, которые нарушают международную Женевскую конвенцию. Я должен поддержать данное заявление как правдивое основываясь на докладах, которые, к сожалению, мы получали с лета 1941. Я не желаю вдаваться в отдельные случаи. Был неслыханный инцидент с британской подводной лодкой в Эгейском море. Был приказ в Северной Африке о том, чтобы немецким военнопленным не давали воды перед допросом. Было большое количество таких докладов.

Председатель: Подсудимый, трибунал думает, что очень сложно вдаваться в отдельные инциденты, случавшиеся задолго до подготовки данного приказа, и вы сказали нам, в связи с чем был подготовлен приказ, а именно связывания; и теперь вы ссылаетесь на иные вещи, которые предположительно случились задолго до этого. Трибуналу кажется невозможным расследовать все эти вопросы, которые случились задолго до этого.

Йодль: Я больше не хочу говорить об этих вопросах. Я лишь хочу отметить, как я думаю должен, что в целом причины указанные фюрером для своего приказа не возникли из больного воображения, но основывались на действительных доказательствах в его и нашем распоряжении. Ибо, разумеется, есть большая разница, должен ли бы я признать, что существовало некое обоснование этому приказу или считать весь приказ открытым скандалом. Вот, что существенно в моём поведении. Но я постараюсь быть кратким. Тот факт, что много ранее осуждённых людей и преступников включали в коммандос, которые конечно были отчаянными людьми, подтверждался показаниями пленных; и тот факт, что пленных связывали, был очевиден из захваченных приказов и показаний свидетелей.

Председатель: Вы уже говорили нам об этом. Мы слышали это более чем однажды – что у вас имелись доказательства о том, что пленных связывали и что у вас имелись канадские приказы.

Экснер: Вероятно, вы можете сказать несколько слов по предмету убийства пленных.

Йодль: В заключение я хочу сказать, что я не видел ни одного приказа, ни одного захваченного приказа, которые распоряжались о смерти для немецких военнопленных, хотя это тоже была причина приказа фюрера. Но я должен объяснить, что британское военное министерство уведомляло нас – не могу вспомнить точно было ли это через Женеву или по радио – что очень просто могли возникнуть ситуации, в которых военнопленных должны были убивать – нет, скорее, в которых военнопленных должны были связывать, потому что в противном случае пришлось бы их убить. И поэтому, если в конце фюрер говорит, что найдены приказы, согласно которым коммандос принципиально должны были убивать пленных, тогда я думаю, он ссылался на британские инструкции по ближнему бою, в которых описан метод связывания, который приводил к смерти.

Экснер: И в этом заключается ваше участие в приказе коммандос?

Йодль: Моё участие состояло только в рассылке приказа или в том, чтобы его разослали, в соответствии с прямыми указаниями.

Экснер: Обвинение однажды сказало, что вы также подписали данный приказ – один из этих двух приказов, не знаю какой. Это не правильно?

Йодль: Нет, я подписал, только общее распоряжение о секретности одного из приказов.

Экснер: Да, мы сейчас разберёмся с этим. Вы могли отказаться от передачи данного приказа**?**

Йодль: Нет, если бы я отказался передать приказ фюрера, я был бы немедленно арестован; и я должен сказать, оправданно. Но как я сказал, я вообще был неуверен на самом ли деле это распоряжение нарушало полностью или в частично право; и до сих пор этого не знаю. Я убежден в том, что если собрать здесь совещание экспертов по международному праву, у каждого из них, вероятно, будет разное мнение по предмету.

Экснер: Генерал, вы можете говорить немного быстрее.

Вы бы могли внести контрпредложения?

Йодль: В любое другое время, наверное, да. Однако, тогда – во время конфликта с фюрером – мне вообще было невозможно лично переговорить с ним. Не могло быть и речи о том, чтобы поднять вопрос на общем совещании об обстановке. Поэтому, я стремился при исполнении данного приказа следовать самому великодушному отношению, и был уверен в том, что главнокомандующие будут делать также.

Экснер: И что вы имеете в виду под великодушием? Этот приказ можно было интерпретировать по разному?

Йодль: Да. Приказ предлагал два способа избежать обращения с действительно достойными солдатами как с преступниками. Если войска коммандос, по большей части ведущие бои ночью, не уничтожали, а брали в плен, что, как правило, было почти во всех случаях, это уже являлось определённым подтверждением того, что наши войска не считали этих людей бандитами. Затем задача главнокомандующих заключалась в том, чтобы провести расследование. Если это была чисто разведывательная операция, вся акция вообще не попадала под приказ коммандос и о ней не докладывали как о рейде коммандос. Однако, если операцию на самом деле проводило саботажное и диверсионное подразделение, нужно было изучать снаряжение. Нужно было выяснить носят ли люди гражданскую одежду под формой; носят ли они знаменитые подмышечные пистолеты, которые автоматически стреляли, когда руки поднимали вверх, чтобы сдаться; или же пользовались ли они другими недостойными методами в бою. Затем главнокомандующие могли принять решение по итогу такого расследования. Мне кажется, что так это было вполне возможно – и фактически такое случалось много раз, можно говорить о куче случаев – что расстрела храбрых, достойных солдат избегали.

Экснер: Лично вы могли оказывать какое-либо влияние на практики, которым следовали войска?

Йодль: Я пытался по различным поводам оказывать своё влияние. Когда мне докладывали о том, что взяли в плен подразделение коммандос– чего в соответствии с распоряжение фюрера не допускалось – тогда я не поднимал вопросов или возражений. Я вообще не докладывал фюреру об операциях коммандос, которые добивались небольшого успеха. И наконец, я часто отговаривал от слишком резкого взгляда, как в случае с Пескарой[161], который фельдмаршал Кессельринг[162] уже описывал здесь, когда я смог убедить фюрера в том, что участвовало только разведывательное подразделение.

Экснер: Много подразделений уничтожили на самом деле?

Йодль: Операции коммандос значительно уменьшились в результате публичных объявлений в коммюнике Вермахта. Мне кажется, что всего случилось не более чем 8 или 10 случаев.

Временно, в течение месяцев июля и августа 1944, о сильно возросших количествах убитых террористов сообщалось в коммюнике Вермахта; однако, это были не войска коммандос, а мятежники, которых убивали в сражениях во Франции. Это можно подтвердить, если трибунал прочитает документ PS-551, цифра 4. Там приводится приказ – это USA-551, на странице 117.

Робертс: Милорд, это страница 70 книги 7.

Йодль: Или страница 117 нашего тома II. Там приказано…

Экснер: Что приказано? Сейчас я бы хотел разобраться с другим документом, документом PS-532.

Председатель: Время прерваться.

[*Объявлен перерыв*]

Экснер: Относительно приказа коммандос, я хочу упомянуть документ PS-532, экземпляр номер RF-368, который в нашей документальной книге 2, страница 113.

Документ предъявляли по предыдущему поводу, и я возражал ему, потому что он не был подписан или даже скорее зачеркнут.

Объясните, почему вы перечеркнули проект приказа, который содержался в данном документе?

Йодль: Непосредственно после написания проекта приказа, командующий Западом, запросил о том, чтобы теперь, после вторжения, приказ коммандос следовало совсем отменить. Я одобрил это предложение. Проект, представленный мне здесь, который

[161] В 1943-44 итальянский провинциальный центр Пескара неоднократно подвергался воздушным налётам союзников вызвавшим большие потери в мирном населении.

[162] Альберт Кессельринг (1885 — 1960) — генерал-фельдмаршал люфтваффе. С 1941 командующий германскими войсками на Юго-Западе Европы. Британским военным трибуналом был приговорён к смертной казни. Приговор был заменён на лишение свободы и он был досрочно освобождён в 1952.

отменял приказ только частично, а именно относительно непосредственного района береговых плацдармов и этой части Бретани, немного дальше района береговых плацдармов, где высадки парашютистов проходили тогда ежедневно.

Председатель: Во время вашего возражения документ не был отклонён? Вы сказали нам, что вы возражали документу. О чём я спрашиваю вас это, что сделал трибунал по вашему возражению? Он поддержал его или отклонил?

Экснер: Возражение было удовлетворено и я думаю, документ был исключен. Не думаю, что ошибаюсь.

Председатель: Что же, почему вы предъявляете его сейчас?

Экснер: Тогда я не просил исключения документа. Я просто заявил возражение о том, что не упоминались факты, что проект приказа в документе был перечёркнут, и что он явно имеет рукописную пометку Йодля на полях.

Председатель: Минуточку. Либо документ был приобщён в качестве доказательства либо нет; и ему либо присвоили регистрационный номер или нет, и как я понял, ваше возражение было отклонено.

Робертс: Фактически этому возражал доктор Экснер после присвоения французского регистрационного номера RF-368; и после обсуждения, он был исключён из протокола, английская стенографическая запись ссылается на страницу 3631[163]. Милорд, я думаю факт в том, что и обвинение и защита согласились с тем, что Йодль написал это; и следовательно, я уверен в том, что не может быть вопроса о его допустимости, ни от имени обвинения ни защиты. Милорд, разумеется я планировал с разрешения трибунала, провести об этом перекрестный допрос; и у меня нет ни малейшего возражения предъявлению этого моим другом доктором Экснером.

Председатель: Очень хорошо. Следовательно, он может остаться RF-368.

Экснер: Вы продолжите?

Йодль: Тогда моё намерением заключалось в том, чтобы полностью избавиться от приказа коммандос. По этой причине я написал рядом с фразой под цифрой 4: «Это как раз то, что они не должны» - вся первая страница. Однако, от этого не было пользы, потому что в тот самый день фюрер принял совершенно иное решение по запросу командующего Западом и его решение содержится в документе PS-551.

Экснер: PS-551, экземпляр USA-551. Это содержится во втором томе на странице 115; это приказ об обращении с людьми, относящимися к коммандос. Данный приказ содержит ваше следующее рукописное замечание: «Похожие акции следует предпринимать на итальянском театре военных действий». Это страница 117.

Кратко объясните содержание данного приказа и причину вашего замечания.

Йодль: Это можно быстро объяснить. В том приказе были установлены

---

[163] См. Стенограмма Нюрнбергского процесса. Том V / Пер. с англ. и составление — Сергей Мирошниченко, 2019. — (Первопубликация), стр. 350-351.

территориальные границы ограничивающие применение приказа коммандос, который отныне должен был применяться только к вражеским операциям позади командных пунктов корпусов, но не в боевом районе береговых плацдармов. Это были территориальные ограничения, которые до сих пор не устанавливались и не были приказаны; я немедленно отдал данный приказ для итальянского театра боевых действий, потому что в Италии также существовал сухопутный фронт боевых действий. Если бы данный приказ ввели на практике в Италии, это бы означало, что никакая операция коммандос, которая начиналась с высадки на побережье не считалась бы операцией коммандос, потому что все высадки проходили на линии фронта командных пунктов корпусов. Таким образом, я стремился применять такие же облегчённые условия ко всему итальянскому театру боевых действий.

Экснер: Я хочу зачитать лишь один параграф на странице 116. Это второй параграф под номером 1. В первом параграфе сказано: «…приказ остаётся в силе…» Но второй параграф гласит:

> «За исключением вражеских солдат в форме непосредственно в районе боевых действий у береговых плацдармов – то есть в районе боёв дивизий на фронте – а, так же резервных войск включая командование корпусов, в соответствии с пунктом 5 основного приказа…».

Слово «Generalkommando» означает «командование корпусов» и это не совсем правильно перевели на английский и французский языки. Данное ограничение приказа определенными районами было, основываясь на комментарии Йодля, также применимым для итальянского театра боевых действий.

Итак, наконец – но перед этим, у меня есть ещё один важный вопрос…

Председатель: Что вы сказали про перевод?

Экснер: Да; слово «командование корпусов» перевели на французский как Region Militaire[164]. Region Militaire это не совсем ясно.

Председатель: И на английском языке?

Экснер: И в английском сказано «командование корпуса» Это правильно. Английский правильный: «Командование корпуса». Это тоже самое, что «Generalkommando».

Председатель: Доктор Экснер, трибунал предпочёл бы, чтобы вы обращали внимание трибунала на всё то, что вы говорите, является неправильным переводом, нежели заявляли о том, что это неправильный перевод. Я называю это вопросом мнения о том правильный или нет перевод. Не вам говорить о том, что перевод неправильный. Вы можете обращать на это наше внимание и говорить, что вы полагаете, что это неправильный перевод. Но сейчас, скажите нам также: в одной копии данного документа PS-551, кажется подпись или инициал Варлимонта. В

[164] «Военный округ» (фр.)

другой, в вашей версии перевода, кажется подпись подсудимого Кейтеля. Какое этому объяснение?

Робертс: Милорд, могу я сделать предположение? Думаю, суд должен получить оригинал из комнаты регистрации. PS-551 фактически состоит из трёх документов. Первый это проект, измененный карандашом; второй проект с инициалом «B» - то есть Варлимонт, с карандашной пометкой Йодля в конце распространяющей это на Италию; и третья это окончательный приказ в котором карандашная пометка Йодля и включено изменение в рассылку по Италии. Таким образом, на самом деле это три документа, и последний мимеографированный документ с мимеографированной подписью Кейтеля. Это видно по первоначальному проекту.

Председатель: Продолжайте, доктор Экснер.

Экснер: [*Обращаясь к подсудимому*] Обвинение подчеркивает, что вы приняли строжайшие инструкции о секретности данного документа, и что вы приказали разослать его только на уровень командиров во избежание его попадания в руки противника любой ценой. Вы приняли эти инструкции для второго приказа, пояснительного приказа, PS-503. Вы можете объяснить, почему вы приказали о такой строжайшей секретности?

Йодль: Данные инструкции по секретности на самом деле относились только к документу PS-503.

Экснер: Это, я могу добавить, во втором томе моей документальной книги, на странице 102. Это приказ о секретности, подписанный Йодлем.

[*Обращаясь к подсудимому*] Вы продолжите?

Йодль: Особая секретность данного приказа была совершенно неизбежной. Прежде всего, его направляли только командирам. Во-вторых приказ содержал много подробной информации о значительном уроне германскому Вермахту, который уже был причинен из-за этих операций коммандос и урон всё так же могли причинять при определенных обстоятельствах. Если бы приказ попал во вражеские руки, он бы точно стимулировал противника наращивать этот особый тип войны. В-третьих приказ, PS-498, можно было рассматривать как репрессалию. Но последняя фраза в документе PS-503, фраза которую легко можно опознать как более позднее дополнение – так как приказ выглядит законченным до неё – эта фраза, должен сказать, возмутила меня и была одной из причин почему я настоял на такой особо строгой секретности для данного приказа.

Председатель: На какую фразу вы ссылаетесь?

Йодль: Я ссылаюсь на последнюю фразу документа PS-503, которая гласит:

> «Если имеется польза временно сохранить одного или двух человек для допроса, их следует расстреливать сразу же после допроса».

Я не могу доказать это…

Председатель: Это не 503, не так ли?

Экснер: PS-503.

Председатель: Вы не напечатали весь 503 в своей документальной книге, не так ли?
Экснер: К сожалению, PS-503 не в ней, а только приказ о секретности, страница 102. Однако, я прямо просил, чтобы его представили трибуналу.
Йодль: Могу я добавить, что данная фраза стала источником всех проблем. Войска пользовались данной фразой и принципиально или как правило, не убивали коммандос, но брали их в плен.
Экснер: Вы сказали, что вас возмутила последняя фраза. Вы также были убеждены в том, что это противоречит международному праву?
Йодль: В этом тоже могли быть сомнения. Но я считал это неприятным с человеческой точки зрения, потому что, если кто-то стреляет в человека, я думаю, что это подло сначала выпытать из него всю информацию.
Экснер: Я хочу задать ещё один вопрос, про то, что вы упоминали до перерыва. Вы сказали, что не докладывали фюреру обо всём; вы не докладывали ему обо всех рейдах коммандос. Это совершенно ясно. Но вы также сказали, что вы не докладывали информацию, которую получали от противника – убийствах и тому подобном. Что вы этим подразумеваете?
Йодль: Я докладывал о результатах Дьеппа и скажем так, нарушениях международного права, которые как мы считали, совершили там – связывании немецких пленных и тому подобном. Была лишь одна вещь о которой я не доложил, а именно о связывании некоторых людей относящихся к организации Тодта таким образом, чтобы они душили сами себя. Я не докладывал об этом и это не появилось ни в одном приказе или коммюнике Вермахта.
Председатель: Подсудимый уже говорил нам об этом, зачем об этом снова спрашивать, я не знаю.
Экснер: Я думал, что это не совсем понятно.

[*Обращаясь к подсудимому*] Теперь мы переходим к другому предмету, приказу относительно Ленинграда и Москвы. Как появился приказ Гитлера о судьбе Ленинграда и Москвы? Это С-123, второй том, страница 145 моей документальной книги; он предъявлен под номером СССР-114. Это приказ говорящий о том, что капитуляция не должна приниматься. Как возник данный приказ?
Йодль: В начале второго абзаца появляется фраза: «Моральное оправдание данной меры ясно всему миру». Теперь я это объясню. Первая причина заключалась в докладе фельдмаршала фон Лееба[165], командующего группой армий «Север» у Ленинграда. Он докладывал о том, что население Ленинграда уже начало стекаться к его линиям на юге и западе. Он отмечал, что для него было бы абсолютно невозможно прокормить эти миллионы людей из Ленинграда и обеспечить их если бы они попали в его руки, потому что ситуация со снабжением группы армий тогда

[165] Вильгельм фон Лееб (1876 — 1956) — немецкий генерал-фельдмаршал, участник Первой и Второй мировых войн. В начале войны против СССР командующий группой армий «Север». Был осуждён американским военным трибуналом к 3 годам лишения свободы.

являлась прискорбной. В этом заключалась первая причина. Однако незадолго до этого, Киев был оставлен русскими армиями и как только мы заняли город один за одним произошли колоссальные взрывы. Большая часть внутреннего города была уничтожена огнём; 50 000 человек стали бездомными; немецкие солдаты были привлечены к борьбе с пожарами и понесли значительные потери, из-за подрыва при пожаре массы взрывчатки. Сначала местный командующий в Киеве думал, что это было саботажем со стороны населения, пока мы не обнаружили схему подрыва, включавшую 50 или 60 целей в Киеве, которые уже подготовили к уничтожению незадолго до этого; и эта схема была правильной, как показало расследование инженеров. По крайне мере 40 целей были подготовлены к подрыву, и большая их часть должна была быть подорвана при помощи радиосигнала. Я лично держал в своих руках эту схему. Это подтверждало…

Председатель: Не думаю, что нам нужно вдаваться в подробности о Киеве. Это касается Ленинграда. Подсудимый может кратко заявить о сути того, что он говорит, случилось в Киеве, но мы не можем расследовать подробности этого.

Экснер: Господин председатель, подсудимый хотел показать, что существовали опасения, что события в Киеве повторятся в Ленинграде.

Председатель: Я вполне это понял, но если бы он сказал, что у него были планы подрыва Ленинграда, это был бы совершенно иной вопрос, и он бы мог раскрыть его более подробно. Но я говорю о том, что мы не можем вдаваться в подробности о Киеве.

Экснер: Нет. Я лишь хочу сослаться, не цитируя на мой экземпляр AJ-15 (документ Йодль-50), на странице 149 моего второго тома. Это доклад об этих взрывах в Киеве. Мы больше не будем затягивать этим вопросом. Я лишь хотел донести это до сведения трибунала.

[*Обращаясь к подсудимому*] Пожалуйста, продолжайте.

Йодль: Тогда в заключение мне нужно сказать, что фюрер всегда ожидал, что то, что случилось в Киеве, в Харькове и Одессе также случиться в Ленинграде и возможно в Москве. Это являлось решающей причиной, почему данный приказ, который написали, он устно передал высшему командованию армии. И приказу придавало дополнительный вес, то, что русское радио сообщало о том, что Ленинград заминирован и будет обороняться до последнего человека.

Цель данного приказа заключалась исключительно в том, чтобы защитить немецкие войска от таких катастроф которые уже случились; так как целые штабы взлетали на воздух в Харькове и Киеве. По этой причине фюрер принял данный приказ, который я в свою очередь, по его прямой просьбе, оформил в письменном виде. Поэтому приказ начинался со слов: «Фюрер вновь решил» - это означает «ещё раз», «второй раз».

Экснер: В чём заключалась причина для приказа оставить проходы на восток в окружении Ленинграда и Москвы?

Йодль: Нам не нужны были эти массы населения. У нас был опыт Парижа. Там даже потребовалось использовать транспортное пространство четырёх дивизий и весь поезд снабжения «Бавария», который мог снабжать десятки тысяч людей, чтобы спасти население от голода. В Ленинграде это было бы совершенно невозможно, потому что в первую очередь, железнодорожные пути были разрушены; пути пока не перешили на нашу колею, и ситуация со снабжением была очень сложной. Было бы никак не возможно помочь этим миллионам людей; там была бы настоящая катастрофа. Отсюда идея выдавливания их на восток, на русские территории; идея, между тем, не согласующаяся с утверждением, которое здесь делали о том, что мы хотели истребить славян.

Экснер: Теперь я перехожу к другому предмету. Французский обвинитель обвинил вас в приказанном в документе UK-56 – который является экземпляром RF-335 в моей документальной книге, второй том, страница 153 – приказании о депортации евреев, соответственно отданном как начальником военного штаба, политического приказа.

Вы объясните, как появился данный приказ?

Председатель: Думаю, перевод прошёл неправильно. Вы сказали, по крайней мере, я записал – страница 153.

Экснер: Страница 155. Прошу прощения, это на странице 155 второго тома моей документальной книги. Сам приказ на странице 156.

[*Обращаясь к подсудимому*] Пожалуйста, отвечайте.

Йодль: Я должен объяснить в связи с данным документом, что депортация евреев из Дании обсуждалась на совещании, на котором я не присутствовал. Гиммлер предложил это фюреру и фюрер одобрил это или приказал это. Я был проинформирован либо генералом Шмундтом или послом Хевелем.

Затем по инструкциям, доставленным мне Шмундтом, я передал подробности приказа военному командующему в Дании. Заголовок или даже, адрес сообщения телепринтом показывает, что он был направлен в два ведомства, а именно министерство иностранных дел и командующему германскими войсками в Дании. Это два принципиальных ведомства, которым он предназначался. Рейхсфюрер СС получил письмо только для сведения, что отмечено на нём в соответствии с нашей канцелярской практикой. Он не должен был предпринимать действий в связи с ним, это был приказ не для него, а просто для сведения. Он уже знал о решении фюрера.

Я никоим образом не приказал о депортации евреев, но я написал: «Депортация евреев будет произведена рейхсфюрером СС…».

Экснер: Это под цифрой 2?

Йодль: Цифра 2. Будь это приказ, он должен был быть адресован рейхсфюреру СС и должен был быть сформулирован как то так: «Рейхсфюрер СС должен депортировать евреев из Дании». Но он прямо противоположный. Цифра 2

информирует генерала фон Ханнекена[166] в Дании о том, что он не имеет никакого отношения к данному делу, но, что этим руководит рейхсфюрер СС. Но об этом следовало сказать генералу фон Ханнекену, потому что существовало военное положение. Он имел исполнительную власть в Дании, и если бы что-нибудь подобное провели без его уведомления он мог сразу же возражать этому и запретить это.

Вопрос показался мне настолько срочным, что для того, чтобы избежать инцидентов, я проинформировал военного командующего в Дании об этом по телефону, совершенно открыто и без учёта секретности. Французское обвинение упоминало неосмотрительность, которая позволила большинству евреев спастись из Дании в Швецию; предположительно возможным это сделал этот телефонный звонок.

Поэтому, наконец, я повторяю, что я был далёк от приказания о депортации евреев; я просто проинформировал ответственного военного командующего о том, что он не имел никакого отношения к предмету. Кроме того, как я услышал потом, сделав запросы, этих евреев забрали в Терезиенштадт, где о них заботился и навещал Красный крест; и даже датский посланник заявил, что он лично удовлетворен обращением с ними.

Экснер: Могу я обратить внимание трибунала на то, что я считаю неадекватным переводом на английский и французский языки. Под цифрой 1 на странице 156 второго тома слово «добровольцы» не появляется в переводе. Там сказано: «Рейхсфюрер СС разрешил вербовать добровольцев из бывших военнослужащих датских сил, которых следовало освободить…». Слово «добровольцы» пропущено в английском переводе; французский язык просто говорит hommes – «людей».

[*Обращаясь к подсудимому*] Вы на самом деле не имели никаких дел в вопросах оккупированных территорий; они находились вне вашей компетенции. Как тогда получилось, что вы подписали данный приказ?

Йодль: В действительности это дело меня вообще не касалось. Я подписал приказ, потому что фельдмаршал Кейтель находился в тот день в отъезде.

Экснер: Так как мы сейчас говорим о евреях, расскажите суду, что вы знали об уничтожении евреев? Я напоминаю вам, что вы находитесь под присягой.

Йодль: Я знаю то насколько невероятно звучат эти объяснения, но очень часто невероятное это правда, а вероятное неправда. Я могу лишь сказать, полностью сознавая свою ответственность, что я никогда не слышал, ни намёка, ни письменного, ни высказанного об уничтожении евреев. По одному единственному случаю у меня были сомнения, и это было, когда Гиммлер говорил о восстании в еврейском гетто[167]. Я не совсем верил в такую героическую борьбу, но Гиммлер

---

[166] Герман фон Ханнекен (1890 – 1981) – немецкий военачальник, командующий германскими войсками в Дании с 1942 по 1945.

[167] Восстание в Варшавском гетто — еврейское вооружённое сопротивление попытке нацистской Германии ликвидировать остатки Варшавского гетто в оккупированной Польше во время Второй мировой войны. Восстание

немедленно показал фотографии, показывающие бетонные блиндажи, которые построили там, и он сказал: «Не только евреи, но также польские националисты нашли там убежище, и они оказывают ожесточенное сопротивление». И этим он устранил мои подозрения.

Председатель: Вы говорите о Варшаве?

Йодль: Я говорю о восстании в Варшавском гетто, о котором я услышал из личного доклада Гиммлера представленного в нашем присутствии, в присутствии солдат ставки фюрера. Гиммлер говорил только о восстании и ожесточённой борьбе. Что касалось полиции, так называемых оперативных групп, айнзацгрупп или айнзацкоманд – концепции, между тем, о которой я впервые услышал подробно здесь – от самого фюрера никогда не было никакого объяснения кроме того, что эти полицейские подразделения были необходимы для подавления восстаний, мятежей и партизанских действий до того как они перерастут в угрозу. Это не являлось задачей для вооруженных сил, а для полиции и по этой причине полиция должна была входить в оперативные районы армии. Я никогда не имел никакой частной информации об уничтожении евреев; и честное слово, я уверен на сто процентов, я услышал обо всех таких вещах впервые после завершения войны.

Экснер: Что вы знали о концентрационных лагерях…

Председатель: Не думаю, что необходимо указывать на то, что вы не можете говорить о том, что не объясняли фюреру, вы можете лишь говорить, только о том, что не объясняли вам. Перевод, который я слышал, что касается этих айнзацгрупп, о том что, о них не объясняли фюреру.

Переводчик: Фюрером.

Председатель: Фюрером?

Переводчик: Да, милорд.

Йодль: Я сказал о том, что фюрер никогда не приводил нам никакой другой причины присутствия полицейских сил нежели его заявление о том, что были необходимы полицейские меры.

Председатель: Я неправильно услышал перевод.

Экснер: Вам, что-нибудь известно о концентрационных лагерях или что вы о них знали? Пожалуйста будьте кратким.

Йодль: Я могу коротко сказать о том, что я знал о существовании концентрационных лагерей в Дахау и Ораниенбурга[168]. Некоторые офицеры подразделений однажды посетили Ораниенбург в 1937 и дали мне очень восторженные отчёты о нём. Впервые я услышал название Бухенвальд весной 1945. Когда упоминалось название, я думал, что это новый лагерь подготовки войск; и я сделал запросы. Заключенных всегда описывали как немецких преступников-

---

продолжалось с 19 апреля по 16 мая 1943 года

[168] Ораниенбург — один из первых концлагерей, организованный нацистами после захвата власти в Германии в 1933 году. В нём содержали политических противников нацистов, арестованных в берлинском регионе — в основном коммунистов и социал-демократов.

рецидивистов и некоторых застарелых политических противников, которые однако, как Шушниг[169] или Нимеллёр[170], находились в своего рода почетном аресте. Я никогда не слышал ни единого слова о пытках, депортированных или военнопленных, крематориях или газовых фургонах, мучениях напоминающих инквизицию и медицинских экспериментах. Я могу лишь сказать, что даже если бы я услышал об этих вещах, я бы не поверил в них до тех пор пока не увидел своими глазами.

Экснер: Французский обвинитель зачитал заявление германского полицейского генерала Панке[171], согласно которому вы присутствовали на совещании с Гитлером 30 декабря 1942, когда должны были обсуждать террор и контртеррор и тому подобное и убийства-репрессалии. Что вы на это скажете?

Йодль: Думаю, это было 30 декабря 1943.

Экснер: Разве так?

Йодль: В некоторых пунктах заявление правильное в других неправильное. Во время данного совещания, по крайней мере, пока я присутствовал слово «убийство» никогда не упоминалось. Фюрер сказал:

> «Я хочу бороться с саботажным террором и атаками, возникающими сейчас в Норвегии, точно таким же оружием. То есть, если датская фабрика, работающая на Германию взрывается, что тогда происходило, тогда фабрика, работающая исключительно на датчан тоже будет взорвана. Если какие-то наши укреплённые пункты атакуют террористы, что тоже происходило, этих террористов будут охотиться, окружать и истреблять в бою, я не хочу военно-полевых судов, которые только создают мучеников».

Однако, он не сказал и не предложил, чтобы безвинных датчан следовало убивать в качестве репрессалии. Я могу лишь сказать, что, в моём присутствии и в присутствии фельдмаршала Кейтеля, не говорили ничего другого. И вновь очень спорный вопрос с точки зрения международного права не вправе ли армия следовать методам борьбы своих противников применяя контрмеры, в частности в такой войне как война franc-tireur и при мятежах таких как эти. Мне это кажется очень спорным пункт.

Экснер: Вы только, что сказали: «Пока я присутствовал». Вы не присутствовали во время всего совещания? Вы можете вспомнить?

Йодль: Не думаю, что даже в моё отсутствие делали какие-нибудь другие

[169] Курт фон Шушниг (1897 — 1977) — австрийский государственный и политический деятель. Федеральный канцлер Австрии (1934—1938); также в 1932-1938 годах занимал ряд министерских постов в австрийском правительстве.

[170] Мартин Нимёллер (1892 — 1984) — немецкий протестантский богослов, пастор протестантской евангелической церкви, один из самых известных в Германии противников нацизма, президент Всемирного совета церквей.

[171] Гюнтер Панке (1899 - 1973), один из высших офицеров СС, обергруппенфюрер СС и генерал полиции. С 1942 по 1945 высший руководитель полиции и СС в Дании. Датским судом был приговорён к 20 годам лишения свободы. Освобождён досрочно.

заявления. Как раз во время совещания я вышел к телефону и отсутствовал короткое время, вероятно 15 минут.

Экснер: Теперь мы переходим к партизанской борьбе. Партизанская борьба и партизаны часто упоминались здесь. Вы можете кратко сказать, чем являлись партизаны?

Йодль: Непросто это чётко определить, учитывая все типы борьбы принятые в этой войне, но есть пять характеристик:

1) Партизанская группа боевое подразделение сформированное позади собственного фронта; 2) она без или частично в форме 3) это не органическая часть вооруженных сил хотя она получает от них свои приказы; 4) она должна быть в состоянии или в целом в положении…

Председатель: Нам не требуется лекция об этом вопросе.

Экснер: Что же, тогда нам приблизительно известно, что такое партизаны. Теперь я хочу спросить вас о борьбе против партизанских групп. Прежде всего, я должен зачитать, то, что мы слышали здесь о партизанах, документ L-180, USA-276, который содержится во втором томе моей документальной книги, страница 121. Это полный доклад айнзацгруппы в акциях против партизан; это приложение номер 9. То, что находится на странице 122, думаю, важно. Прежде всего, под римской цифрой I, цифра 5, я цитирую:

> «В крупных городах, особенно с промышленными производствами, Советы перед вступлением германских войск сформировали так называемые истребительные батальоны (то есть батальоны уничтожения)…»
>
> Затем под римской цифрой III:
>
> «…задачи и методы борьбы различных партизанских групп стали известны…отчасти из захваченных боевых директив самих партизан. Данное заявление захваченных партизан…знаменательно: «Партизан должен уничтожать всё до чего может добраться…»

И потом, в одном из «боевых указаний для партизанских групп» полученной нами от командующего армией тылового района «Север», мы находим заявление:

> «Создавать невыносимые условия для противника и его союзников на оккупированных им территориях. Оказывать сопротивление всем мероприятиям противника».

И затем приводятся инструкции взрывать мосты, уничтожать дороги и т. д. Я не буду читать всё. В последнем параграфе, который у меня на странице 123, прямо сказано, что партизаны должны грамотно себя маскировать, что они иногда появляются как крестьяне или работают в полях как только германские силы оказываются поблизости. Свидетель фон дем Бах-Зелевски[172] заявил здесь о том, что

---

[172] Эрих фон дем Бах (1899 — 1972) — обергруппенфюрер СС, генерал полиции и генерал войск СС. В 1942-1944

борьбу против партизан проводили в беспорядке. Он имел в виду, что этим не руководили из высших инстанций. Вас должны были информировать об этом. Это правильно?

Йодль: Нет, это неправильно. Данный эксперт по борьбе с партизанами очевидно имеет плохую память. Я обращаю внимание на документ F-665, в документальной книге 2, страница 126. Здесь первая страница приводит директиву по партизанской войне. Она называется «Инструкции по партизанской войне» и подписана лично мной 6 мая 1944. Трибунал увидит, что во второй фразе сказано, что…

Экснер: Страница 126.

Йодль:…инструкционная брошюра номер такая-то «Инструкция по партизанской войне на Востоке» принятая ОКВ, оперативным штабом вооруженных сил, датированная 11 ноября 1942, отменяется. Это подтверждает, что, по крайней мере, с 11 ноября 1942, войска имели в своём распоряжении инструкции принятые оперативным штабом вооруженных сил о том, как следовало вести борьбу против партизан.

Экснер: Могу я обратить внимание на мой документ AJ-1, страница 133. Это письменные показания пастора Веттберга; я не хочу читать это. Пастор Веттберг связался со мной, потому что он сам принимал участие в борьбе против партизан, и он подтвердил, что борьбой отлично руководили ещё до принятия новых инструкций, то есть, с 1942. В 1944 вы приняли эту новую директиву без разрешения Гитлера; это верно?

Йодль: Да.

Экснер: Что заставило вас это сделать? Это был необычный шаг?

Йодль: Я хочу заявить, что я не представил данную директиву фельдмаршалу Кейтелю или фюреру, потому что это противоречило всем существовавшим приказам. Я позднее детально докажу, что она даёт указания для всех так называемых партизан во Франции и Югославии – партизанские районы в России теперь находились на наших фронтовых линиях, чтобы с ними незамедлительно обращались как с регулярными боевыми подразделениями и таким образом как с военнопленными.

Я предпринял такой необычный шаг, потому что после расстрела офицеров английских воздушных сил в Сагане я убедился в том, что фюрер больше не озадачен идеей прав человека и также, потому что после 1 мая 1944 я лично чувствовал ответственность за вопросы международного права, так как в тот день ведомство «Канариса» было распущено и зарубежный отдел, вместе с отделом международного права оказались под моим командованием. Я решился не терпеть и не принимать участия в любых таких нарушениях международного права с нашей стороны и действовал соответствующим образом с этого дня до конца войны.

В данном приказе я объявлял всех партизан и поддерживавших их и даже

начальник штаба антипартизанской борьбы. После войны был несколько раз судим, умер в тюремной больнице.

тех, кто носил гражданскую одежду, регулярными войсками и военнопленными, задолго до того как Эйзенхауэр[173] – только 7 июля 1944 – потребовал, чтобы террористам во Франции предоставили такой статус.

Экснер: Обвинение утверждает, что борьба против партизан была лишь кодовым наименованием, под которым убивали евреев и славян; это правда?

Йодль: Борьба против партизан была ужасной реальностью. В июле 1943 цитируя некоторые цифры, в России произошло 1560 случаев железнодорожного саботажа. В сентябре было 2600, то есть 90 в день. Была опубликована книга Пономаренко[174], которую цитировала американская газета о 500 000 немцев убитых партизанами. Если зачеркнуть ноль в данной цифре, это является значительным достижением мирного советского населения. Но книга также утверждала, что население сильно обозлилось, что убийства и террор участились, и что мирных квислинговских бургомистром убивали. В любом случае на Востоке шла огромная борьба.

Экснер: В данной связи, я бы хотел обратить внимание трибунала на запись в дневнике Йодля, документе PS-1807. Это на странице 119 второго тома моей документальной книги. Под 25 мая сказано: «Генерал-полковник Гальдер обращает внимание фюрера на возросшую партизанскую активность…»

Председатель: Минуточку. Я думаю, подсудимый заявил, что в этой его директиве от 6 мая 1944 был приказ о том, чтобы с повстанцами обращались как с военнопленными. Вы покажете нам этот фрагмент?

Экснер: Подсудимый, вы назовёте отрывок?

Йодль: Это под цифрой 163, на странице 131.

Экснер: Страница 131 второго тома.

Йодль: Могу я это прочитать?

Экснер: Да.

Йодль:

> «Со всеми партизанами захваченными во вражеской форме или гражданской одежде или сдавшимися во время боя принципиально следует обращаться как с военнопленными. Тоже самое применяется ко всем лицам, выявленным в непосредственном районе боевых действий, которых можно считать поддерживающими партизан, даже когда в отношении них не подтверждается боевая деятельность. Партизаны в немецкой форме или форме союзной армии, подлежат расстрелу после тщательного допроса, при захвате в бою. С дезертирами, независимо от их одежды» - и, я могу добавить, даже одетыми в немецкую форму – «принципиально следует обращаться хорошо. Партизаны должны об этом услышать».

---

[173] Дуайт Эйзенхауэр (1890 — 1969) — американский государственный и военный деятель, генерал армии (1944), 34-й президент США (20 января 1953 — 20 января 1961).

[174] Пономаренко Пантелеймон Кондратьевич (1902 — 1984) — видный советский партийный и государственный деятель, генерал-лейтенант (1943). В 1942-1943 начальник центрального штаба партизанского движения.

Председатель: Минуточку. Что же, вероятно – сейчас 1 час – мы можем прерваться.

[*Объявлен перерыв до 14 часов*]

Вечернее заседание

Экснер: Я имею один дальнейший вопрос, касательно партизанского регулирования. Обвинение вменяет вам то, что вы при помощи номера 161 партизанских правил – уважаемый суд, что в документальной книге использованной последней, F-665, страница 130 тома II – были ответственным за уничтожение целых деревень и даже всего населения деревень во Франции. Пожалуйста, вы прокомментируете это?

Йодль: Мне кажется, это противоречит правде. При помощи номера 161, я уменьшал коллективные меры и коллективные наказания о которых фюрер распоряжался без ограничений, до такой степени, которая разрешалась статьей 50 Гаагских правил сухопутной войны. В данной статье коллективное наказание запрещалось до тех пор, пока всё население не являлось одинаково виновным в любых террористических действиях. Таким образом, этим номером 161, я не приказал сжигать деревни, даже в исключительных случаях, а напротив я сказал, что такие коллективные меры можно использовать только в самых исключительных случаях и затем только с одобрения командира дивизии, так как у него имелся бы трибунал и он мог провести судебное следствие.

Я не желаю затруднять трибунал любыми остальными своими заслугами, о чём можно прочитать в данном документе. Я обсуждал хорошее обращение с населением; необходимость оставлять им предметы первой необходимости, и т. д. Мне кажется, в любом случае, что данный документ на самом деле служит образцом того как подобную войну можно поставить в рамки международного права. Я сделал это, так как я был убеждён в том, что тогда французское движение Маков[175], а также мятеж Тито[176] постепенно перерастали в обычную войну.

Теперь о случае со 2-й танковой дивизией СС[177] приведенном в качестве примера вещей, к которым я привёл в результате данного номера 161. Я могу

[175] Маки (фр. Maquis) — часть движения Сопротивления во Франции нацистским оккупационным войскам во время Второй мировой войны, представлявшая собой по преимуществу вооружённые группы партизан, действовавших в сельской местности.

[176] Иосип Броз Тито (1893 — 1980) — югославский революционер и политический деятель. Лидер Югославии с 1945 года вплоть до своей смерти в 1980-м. С декабря 1937 возглавлял КПЮ. Был председателем Союза коммунистов Югославии с 1966 года. В 1941 – 1945 руководитель партизанского движения в Югославии.

[177] 10 июня 1944 рота «Ваффен-СС» разрушила деревню Орадур-сюр-Глан в департаменте Верхняя Вьенна в оккупированной нацистами части Франции и истребила 642 жителя деревни, в том числе женщин и детей.

сказать, лишь то, что поведение танковой дивизии СС было ответственностью командира. Я узнал об этом только месяцы спустя. Я благодарен французскому обвинению, за представление данного документа, и я благодарен также за заявление о том, что движение Маков в начале было не чем иным как войной franc-tireur, героизм которых я не оспариваю.

Экснер: Теперь мы переходим к другой проблеме, низколетящим лётчикам. Из документа PS-731, страница 139 второй документальной книги и страницы 144 тома II моей документальной книги – из этих документов можно понять, что из различных источников вносили предложения об обращении с вражескими лётчиками, которые совершали вынужденные посадки. Прежде всего, расскажите нам, причину для этого, и в чём заключалось ваше отношение к таким предложениям?

Йодль: Я попытаюсь быть как можно более кратким. Причина заключалась в том, что многочисленные сообщения получали от людей, атакованных отдельным самолётом вопреки международному праву. Фюрер требовал контрмер и такое происхождение у меморандума PS-731, экземпляр RF-1407. Это не проект приказа и ещё меньше приказ. Это записка, содержащая предложения сделанные Люфтваффе в связи с этим. Пока не было речи о линчевании. Тот факт, что я лично вообще занялся данной проблемой находит своё объяснение в ответственности, которую как я упоминал ранее, как мне казалось, осталась на мне с 1 мая в вопросах международного права. Пометка, которую я сделал на документе уже читали. Я возражал одному параграфу – случай который я при этом считал полностью допустимым в соответствии с международным правом. Это позднее зачёркнули и заменили заявлением, о том, следовало считать убийством если стреляли в одного из наших солдат приземлившегося на парашюте. Я написал это возражение на документе PS-735. Концепция линчевания…

Экснер: Для содействия трибуналу я бы хотел заявить, где находится данный отрывок. Замечание, сделанное Йодлем его почерком находится на странице 144 документальной книги. Различные предложения вносились в связи с данным меморандумом, и затем Йодль добаваляет: «К номеру 3…»; и затем есть пометка.

[*Обращаясь к подсудимому*] Пожалуйста, прокомментируйте это.

Йодль: Моя пометка была: «Министерство иностранных дел согласно с номером 3b?» - а именно, что расстрел наших лётчиков, которых сбили и приземлившихся на землю, считали подлым террористическим актом.

Экснер: Этот номер 3b на той же самой странице, вверху.

Йодль: Я лишь хотел добавить, что линчевание было предложено в статье Геббельса опубликованной в «Volkischer Beobachter». Чем больше я занимался данной проблемой, тем сильнее было очевидно, что вообще ничего нельзя добиться подобными мерами, так как никто не мог захватить виновного низколётящего лётчика, так как он либо спасался, либо разбивался вдребезги о землю. Это привело

бы только к полному убийству лётчиков. Поэтому, я решил – в полном согласии с фельдмаршалом Кейтелем – организовать провал этой акции. Суд может видеть, что между документом PS-731, который составлен 21 мая и документом PS-735, прошло 16 дней за которые ничего не было сделано. Когда 6 июня я получил довольно длинный доклад и поставил на нём пометку: «Недостаточно, мы должны начать всё сначала; как убедиться в том, что с другими вражескими лётчиками не будут обращаться также? Должна ли предусматриваться некая юридическая процедура или нет»? Если я написал это, тогда уважаемый суд, это абсолютное доказательство, если вы учтёте мой общий метод работы, что у меня не было никакого другого намерения кроме затянуть и отложить вопрос до тех пор пока вопрос не решится сам собой. И в этом случае это получилось. Ни один военный орган не отдал приказ. Мы даже не дошли до того, чтобы подготовить проект приказа. Единственное, что мы имели было клочками бумаги. Это доказывалось и будет доказано дальше тем, спустя много месяцев фюрер выдвигал в отношении нас тяжелейшие обвинения, и против Люфтваффе в частности, в торпедировании его приказа.

Экснер: Теперь мы переходим к чему-то совершенно другому. Начальник ОКВ, в письме, написанном в 1941, назвал вас и Варлимонта своими представителями для сотрудничества с министерством Розенберга по оккупированным восточным территориям. Это документ PS-865, экземпляр USA-143. Как это работало на практике?

Йодль: Вообще никак. Кроме одного совещания в 1943 касавшегося отношения к народам Востока я вообще не имел никакой связи с министерством Розенберга. Единственное сотрудничество, которое шло постоянно заключалось в ведении пропаганды моим отделом, так как все листовки, которые он составлял и которые разбрасывал в России сначала обсуждали с министерством восточных оккупированных территорий.

Экснер: Тогда, почему вы вообще были назначены? Зачем это было нужно?

Йодль: Это был чисто формальный вопрос, потому что министр, доктор Ламмерс написал в целом каждой из высших властей Рейха попросив назначить заместителя, и фельдмаршал Кейтель тоже назначил заместителя.

Экснер: Мы перейдем к чему-то совершенно новому. Вам показывали довольно странный документ С-2, экземпляр USA-90. Он не содержится в моей документальной книге, но суд об этом сразу вспомнит. Это подборка в табличной форме в которой определенные инциденты существенные в международном праве приводились в первом столбце. Во втором столбце есть примеры; в третьем и четвёртом…

Робертс: Это страница 163 в большой документальной книге.

Экснер: Это схематическая подборка, которая излагает на одной стороне определенный инцидент и на другой перечисляет последствия данного инцидента:

его оценку в свете международного права, его использование для пропаганды и тому подобное.

Вы объясните, как так получилось? Это действительно очень странный документ. Двенадцать нарушений международного права изложены с нашей стороны, и мне кажется, 13 нарушений у противника.

Йодль: Не думаю, что данный документ вообще такой примечательный. Он был составлен в конце 1938, незадолго до Мюнхенской конференции[178]. Так как я, в своём отделе, не знал точно, будет ли вооруженный конфликт или нет и так как тогда положения международного права не были ясны нам, я хотел, рассмотрев различные примеры, выяснить у экспертов по международному праву, в чём заключалось тогдашнее отношение к таким нарушениям. Каждый офицер в моём отделе затем ломал свою голову в поисках примера, и мы попытались охватить каждую отрасль международного права при помощи конкретных примеров. Я считаю важным заметить, что даже тогда мы вели речь о концепции международного права. Вообще не может быть сомнения в том, что я одиночку несу ответственность за обдумывание этих примеров. Но если требовалось рассмотреть исключение в ответ на эти примеры, то есть суждение о нормах международного права или обоснование в соответствии с правилами войны, я могу лишь сказать, что это не исходило от меня, это исходило от ведомства Канариса. Впрочем, это показывает очень аккуратное и почтительное отношение к международному праву, особенно относительно воздушной войны. В любом случае это было на более высоком уровне тем, то, что происходило на практике.

Экснер: Следовательно, было намерение совершать данные нарушения международного права?

Йодль: Вовсе нет, но как тот, кто знаком с историей войн, я знал о том, что ещё никогда не было ни одной войны в этом мире, войны в которой бы не происходили нарушения международного права.

Если вероятно, последует возражение, что почти в конце параграфа появляется: «Объяснение министерства пропаганды», я бы хотел сказать, что это идёт в конце, после обоснования в соответствии с законами войны и суждением с точки зрения международного права, и что адмирал Бюркнер[179], который дал ответ, сам ссылался на это, что пропаганду можно применять на практике только после разъяснения аспектов международного права. Более того весь вопрос являлся предварительным, так как министерство иностранных дел и различных начальников управлений Вермахта сперва нужно было выслушать по данному предмету.

---

[178] Мюнхенское соглашение 1938 года — соглашение, составленное в Мюнхене 29 сентября 1938 года и подписанное 30 сентября того же года премьер-министром Великобритании Невиллом Чемберленом, премьер-министром Франции Эдуардом Даладье, рейхсканцлером Германии Адольфом Гитлером и премьер-министром Италии Бенито Муссолини. Соглашение касалось передачи Чехословакией Германии Судетской области.

[179] Леопольд Брюкнер (1894 – 1975) – немецкий адмирал. С 1938 по 1945 занимал руководящие должности в системе германской военной разведки.

Экснер: Я просил адмирала Бюркнера в качестве свидетеля по данному вопросу, но мне это на самом деле кажется слишком малозначительным вопросом и поэтому я откажусь от вызова этого свидетеля.

[*Обращаясь к подсудимому*] Я хочу задать вам следующий вопрос в данной связи: в чём заключалось ваше отношение в целом к ограничениям, возлагаемым на ведение войны международным правом?

Йодль: Я признавал и расценивал международное право с которым я хорошо познакомился, как предпосылку достойного и гуманного ведения войны. Копии Гаагских правил ведения сухопутной войны и Женевской конвенции всегда лежали у меня на столе. Мне кажется, что своим отношением к приказу о комиссарах, к линчеванию и к намерению отказаться от Женевской конвенции – резко отвергнутому всеми главнокомандующими и всеми родами войск Вермахта и министерством иностранных дел – я доказал, что я пытался, насколько было для меня возможно, соблюдать международное право.

Конечно, есть обилие доступных положительных доказательств. Важные документы, вероятно будут представлены моим защитником. Я сошлюсь лишь на поведение германского Вермахта в Норвегии, вопрос в котором я принимал участие. Я ссылаюсь на партизанские правила…

Экснер: Я предъявляю документ AJ-14, страницы 99 и 100 в моей документальной книге, том I. Это особые директивы для поведения в ходе оккупации Норвегии и Дании, директивы, которые поэтому, были приняты, когда данные страны были оккупированы. Есть несколько очень характерных фраз содержащихся в данном документе, фраз которые я бы хотел прочитать. Вы найдёте на странице 98, цифру I:

> «Военная оккупация Дании и Норвегии проводится в с целью обеспечения нейтралитета данных стран. Цель следует осуществлять мирным способом».
>
> Затем на странице 99, вверху сказано:
>
> «Директивы для поведения в личном общении с норвежским населением.
>
> Каждый военнослужащий должен помнить, что он не входит во враждебную страну, но что войска выдвигаются в Норвегию для защиты страны и для безопасности её жителей.
>
> Таким образом, необходимо соблюдать следующее:
>
> «I. Норвежцы имеет сильно развитое национальное самосознание. Более того норвежский народ чувствует себя привязанным к остальным нордическим народам.
>
> Следовательно избегать всего, что может ранить национальное достоинство».
>
> Цифра 2 тоже очень характерная. Затем я перейду к цифре 4:
>
> «Дом норвежца свят согласно старой германской концепции.

> Гостеприимство предоставляется великодушно. Собственность неприкасаема. Дом остаётся…»

Председатель: Не нужно всё это читать. Одного параграфа достаточно, чтобы показать характер документа, не так ли?

Экснер: Тогда я сделаю упоминание об остальном из документа, который я не буду читать и попрошу трибунал принять официальное уведомление о данном документе.

Затем есть директива, документ AJ-16…

Председатель: Доктор Экснер, но этот последний документ, кажется, не подписан подсудимым, не так ли?

Экснер: [*Обращаясь к подсудимому*] Какое отношение вы имели к данному документу? Вы…

Йодль: Он подписан фон Фалькенхорстом[180], но хорошо известно, что мы – оперативный штаб вооруженных сил и штаб фон Фалькенхорста – составляли одно целое в норвежском предприятии. Я принял участие в подготовке данного документа, и я представил его фюреру и фюрер одобрил это. Об этом даже есть запись в моём дневнике.

Экснер: Затеи идет документ AJ-16, который я настоящим предъявляю.

«Специальные указания по управлению и умиротворению в оккупированных районах Голландии, Бельгии и Люксембурга». Это страница 161, том II моей документальной книги. Я процитирую только со страницы 162 для того, чтобы сэкономить время. Вероятно я прочитаю, последнюю фразу: «Международное право следует строго соблюдать в каждом случае». Но я прошу трибунал вынести судебное уведомление о других правилах.

В связи с этим я бы хотел упомянуть документ PS-440, экземпляр GB-107, в моей документальной книге 2, страница 164 – директива номер 8 о ведении войны, датированная 20 ноября 1939. Она говорит в отношении задач воздушных сил – я прочитаю последний параграф:

> «Местности, особенно крупные открытые города и производства не атакуются без вынужденной военной необходимости, ни в голландских ни в бельгийско-люксембургских районах. – подпись Кейтель».

Вы тоже это подготовили?

Йодль: Я подготовил этот приказ.

Экснер: Затем мы можем сослаться на правила по борьбе с партизанами, вопрос, который здесь тоже обсуждали.

Йодль: И я бы хотел сослаться на то, о чём как мне кажется я уже заявлял, о том, что я приказал немедленно расследовать инцидент Мальмеди.

---

[180] Николаус фон Фалькенхорст (1885 — 1968) — германский военачальник времен Первой и Второй мировых войн. Именно он осуществлял операцию «Везерюбунг», в результате которой были завоеваны Дания и Норвегия. Командующий армией «Норвегия» в 1940-1944. Был приговорён к смертной казни британско-норвежским судом вт 1946. Позднее наказание было смягчено до 20 лет лишения свободы. В 1953 вышел на свободу

Экснер: Вы постоянно держали в уме аспекты международного права, там где речь шла о ваших приказах?

Йодль: Мне кажется, я уже сказал об этом. Я очень внимательно изучал международное право на предмет наличия в своих приказах. Я не желаю задерживать суд знаниями полученными мной из данных правил, так как это они неполные, но я бы хотел завершить, сказав, что ввиду того факта, что не существовало никаких правил регулирующих воздушную войну, возникала прискорбная путаница в уточнении – например, между мятежом и законной военной силой; между franc-tireur, бандитом и разведчиком; между шпионом и разведчиком; отрядами уничтожения и саботажниками. В любое время при помощи самолёта восстание можно превратить в законную войну; и законная война, с другой стороны, может стать состоянием мятежа. Такое влияние десантирование войск и сброс припасов с воздуха оказали на международное право.

Экснер: В связи с этим, я бы хотел предъявить письменные показания Лемана, экземпляр AJ-10 (Документ номер Йодль-63). Данный документ не предъявляли суду, потому что только вчера обвинение заявило о своём согласии использовать эти письменные показания. Мне кажется это письменные показания главного военного прокурора, доктора Лемана. Если трибунал объявит эти письменные показания допущенными. Я могу, вероятно просто сослаться на них…

Председатель: Где это?

Экснер: Я предъявляю их, но их пока не перевели, так как мы получили разрешение на это, только вчера в суде.

Робертс: Так как сэр Дэвид вчера сказал, что нет никакого возражения письменным показаниям, хотя в действительности не было распоряжения допускающего письменные показания Лемана. Милорд, они очень короткие, особенна та копия, что есть у меня, и я думаю, что нет причины возражать им.

Экснер: Тогда, для того, чтобы сэкономить время, я просто сошлюсь на них; и я прошу трибунал прочитать данные заявления доктора Лемана. Они кажутся мне существенными, так как, в конце концов, он высший юрист в германском Вермахте, главный военный прокурор Леман, который приводит здесь свою информацию.

Председатель: Вам лучше присвоить им номер экземпляра.

Экснер: Ваша честь, да, я присвоил ему номер экземпляра AJ-10.

Председатель: Да.

Экснер: Данный господин упоминает правовые дискуссии, которые он тем временем вёл с Йодлем, и он приводит нам отношение Йодля к правовым вопросам.

Генерал, и теперь в связи с преступлениями против законов войны есть один последний вопрос, который привлекает наше внимание. Многочисленные записи в журнале боевых действий, приказы и т. д., являются предметом серьезных обвинений против вас. У вас имелась возможность до вашего плена, уничтожить весь этот материал?

Йодль: Да, между 3 мая и 23 мая у меня было время и досуг сжечь каждый лист бумаги, но я дал указания своему штабу не уничтожать не одну папку, так как я не чувствовал, что есть, что скрывать. Я передал, когда меня взяли в плен полные папки, и прежде всего особо важные, все подлинники директив фюрера начиная с 1940 американскому офицеру.

Экснер: И теперь я перехожу к предполагаемым преступлениям против мира. Прежде всего, нам нужно выяснить, какие посты вы занимали в течение этого критического периода. Пожалуйста скажите, какие посты вы занимали с 1933.

Йодль: С 1932 по 1935 я был в отделе, который позднее назвали оперативным отделом армии. С середины 1935 по октябрь 1938 я был начальником отдела национальной обороны в управлении Вермахта, которое позднее назвали ОКВ.

Экснер: Это означает, что управление Вермахта на самом деле являлось ОКВ?

Йодль: Да, позднее. С октября 1938 незадолго до польской кампании я был артиллерийским командиром в Вене и в Брюнне, в Моравии; и с 27 октября 1939…

Экснер: Пожалуйста, минуточку. 27 сентября?

Йодль: Нет – даже с августа. С 27 августа 1939 я принял должность и задачи начальника генерального штаба.

Экснер: Теперь, давайте рассмотрим данный период. Вы лично занимались военными планами в 1932-35, когда вы находились в так называемом армейском управлении?

Йодль: Тогда в оперативном отделе не было никакой подготовки, за исключением боевых директив по импровизированному охранению восточной границы. Это была ополченческая организация, и проводилась подготовка, чтобы эвакуировать всю германскую границу в случае вражеской оккупации. Вот и всё.

Экснер: Вы имели какое-нибудь отношение к объявлению всеобщей воинской повинности?

Йодль: Нет, я не имел к этому никакого отношения. Мне кажется, я услышал об этом за день.

Экснер: В чём заключались ваши обязанности как начальника отдела национальной обороны с июня 1935 по октябрь 1938?

Йодль: На этой должности я должен был разрабатывать оперативно-стратегические директивы в соответствии с указаниями моих начальников, Кейтеля и Бломберга[181]. Приходилось изучать и прояснять проблему руководства Вермахтом; готовить исследования и учения для больших манёвров Вермахта в 1937. Я должен был надзирать за академией Вермахта; я должен был разрабатывать проекты законов в связи с приказом о всеобщей воинской обязанности и единообразную подготовку к мобилизации в гражданском секторе, то есть, государства и народа. Так называемый секретариат комитета обороны Рейха подчинялся мне.

---

[181] Вернер фон Бломберг (1878 — 1946) — немецкий военачальник, генерал-фельдмаршал, в 1933—1938 годах министр обороны Рейха(с 1935 — военного министерства) Германии

Экснер: Пожалуйста, скажите мне, кем вы тогда были? Какое у вас было воинское звание?

Йодль: Я получил эту должность, пока был подполковником; и в 1936 – мне кажется – я стал полковником.

Экснер: Вы принимали какое-нибудь участие в законе об обороне Рейха?

Йодль: Нет, данный закон возник до моего прихода в управление Вермахта.

Экснер: Но обвинение вменяет вам участие в нём на основании дополнения, которые вы сделали к документу PS-2261, экземпляр USA-24, который находится в томе I, страница 9. В данном документе сказано: «Прилагается копия закона об обороне Рейха от 21 мая 1935…» Подпись Бломберга и это датировано 24 июня. Затем идёт дополнительный параграф: «Берлин, 3 сентября 1935. В группу экономической обороны 1a, передана копия, подпись Йодль». Что вы можете об этом нам сказать?

Йодль: Бесспорно, это действующий закон Рейха копию которого я должен был передать в один из отделов. Мне больше нечего об этом сказать.

Экснер: Лично вы не принимали участие в подготовке самого закона?

Йодль: Нет.

Экснер: Вы являлись членом совета обороны Рейха?

Йодль: Нет.

Экснер: Вы являлись членом комитета обороны Рейха?

Йодль: Я был им автоматически с момента принятия мной руководства отделом национальной обороны. На десятом заседании данного собрания экспертов 26 июня 1935, генерал фон Рейхенау назначил меня как своего заместителя.

Экснер: В чём заключался смысл данного комитета? Мне кажется, это уже обсуждали, так что будьте как можно более кратким.

Йодль: В нескольких словах: в этом комитете готовилась единообразная мобилизация, не армии, а мобилизация государства и народа, соответствующая военной мобилизации. Эти планы излагались в мобилизационных руководствах приводящих окончательные цифры и разные стадии напряжённости.

Экснер: В чём заключались различные стадии напряжённости?

Йодль: Мы узнали об этом из Франции и приняли это. Французы имели систему, согласно которой мобилизация проводилась в пять этапов согласно степени существовавшей напряженности.

Председатель: Нам нужны подробности этого? Не достаточно сказать, что это было скопировано у Франции?

Экснер: Очень хорошо.

[*Обращаясь к подсудимому*] Вероятно, вы можете сказать нам, что это означало; почему мы приняли такую систему стадий напряжённости? В чём заключалась причина?

Йодль: Цель заключалась в том, чтобы иметь в нашем распоряжении кое-какие

средства – как было принято тогда во всей Европе, для того, чтобы добиться ускоренной готовности к войне до издания публичного приказа о мобилизации.

Экснер: Комитет обороны Рейха занимался вооружением?

Йодль: Нет. Он вообще не занимался вооружением.

Экснер: Комитет по обороне Рейха занимался политическими планами или намерениями?

Йодль: Он не имел никакого отношения к политическим проблемам.

Экснер: А, что насчёт войны?

Йодль: Он занимался только мобилизацией.

Экснер: Это означает, определённой, конкретной войны…

Йодль: Мобилизация необходима для любой возможной войны.

Экснер: В этом комитете вы сами занимались мобилизационными справочниками. Правильно?

Йодль: Да. Мне кажется, я уже объяснял это. В данных руководствах излагались и перечислялись детали обо всех основных властях Рейха в соответствии со степенью напряжённости.

Экснер: Что вы имеете в виду под основными властями Рейха?

Йодль: Я имею в виду все министерства.

Экснер: Вы имеете в виду гражданские власти?

Йодль: Да, гражданские власти. И подготовка проводимая ими должна была соответствовать военной подготовке.

Экснер: В чём состояла подготовка в демилитаризованной зоне[182]?

Йодль: Подготовка в демилитаризованных зонах была связана только с эвакуацией, то есть с оставлением районов западнее Рейна в случае французской оккупации.

Экснер: Мне кажется, мы уже долго это обсуждали, и в этой связи я бы хотел обратиться к документу ЕС-405, экземпляр GB-160, страница 11 моей документальной книги, первый том, где упоминается десятое заседание. Вас обвиняют в распоряжении о высшей секретности касательно всех этих приготовлений, которые согласно вашему описанию, являлись мерой чисто оборонительного характера. Почему всё это секретно?

Йодль: Сохранение в тайне подобных мер само собой разумеется во всём мире. Для нас в Германии это было особенно важно, так как годами гражданские власти не знакомились с военными вопросами, и мне казалось особо важным, чтобы в зарубежных странах не возникало никакого недопонимания, такого, как случилось на этом процессе в связи с «освобождением[183]» Рейна.

---

[182] Рейнская демилитаризованная зона — территория Германии на левом берегу Рейна и полоса на его правом берегу шириной в 50 км, установленная Версальским мирным договором в 1919 году с целью затруднить нападение Германии на Францию. В этой зоне Германии запрещалось размещать войска, возводить военные укрепления, проводить маневры и т. д.

[183] Очистка (нем.) – Йодль имеет в виду эпизод во время перекрёстного допроса Г. Геринга, когда данное слово было переведено как «освобождение».

Экснер: И зачем вы распорядились о секретности? Для того, чтобы не беспокоить зарубежные страны?

Йодль: Тогда мы были даже слабее чем в период, когда имели армию в 100 000 человек. Эта армия в 100 000 была развалена на сотни небольших групп. Это было время нашего величайшего бессилия и в тот период мы должны были быть чрезвычайно осторожными, чтобы избежать всяческих трений с зарубежными странами.

Экснер: В чём заключались военные планы тех дней?

Йодль: Я уже сказал о том, что существовали боевые директивы для пограничной охране Востока. Я также разработал инструкции для командующего в Восточной Пруссии на случай изоляции его от Рейха в результате внезапного нападения Польши.

Экснер: Тогда вы знали о каких-либо немецких стремлениях атаковать?

Йодль: Вообще не было ни мысли, ни разговора.

Экснер: Что же, я бы хотел процитировать одну фразу из двенадцатого заседания совета обороны Рейха. Это на странице 14 тома I моей документальной книги, документ EC-407, экземпляр GB-247. На том заседании подполковник Вагнер[184] из ОКХ сказал – кстати, кем он был?

Йодль: Позднее он стал генерал-квартирмейстером.

Экснер: Подполковник Вагнер сказал:

> «Исход войны» - то есть, прошлой войны – «полностью изменил военную и политическую ситуацию в случае будущей войны, а именно вызвав необходимость вести её в собственной стране».

Он сказал это 14 мая 1936. Что вы понимаете из этой фразы?

Йодль: Конечно, вероятно можно сказать…

Председатель: Доктор Экснер, конечно это заявление кого-то ещё и данное заявление говорит само за себя. Это не является предметом, который нам может интерпретировать свидетель.

Экснер: Очень хорошо.

[*Обращаясь к подсудимому*] Итак, позднее вы занимались вооружением в армейском управлении и позднее в отделе национальной обороны?

Йодль: Лично я вообще не имел никакого отношения к вооружению в подлинном смысле. Это являлось вопросом различных родов войск Вермахта – армии, флота и воздушных сил – и этим занимались и руководили их организационные штабы. Главнокомандующие обсуждали данные вопросы напрямую с фюрером. Но я надеюсь, и я не буду отрицать, что моя работа в генеральном штабе вносила вклад в реконструкцию германского Вермахта.

Экснер: Ваш дневник, PS-1780, не содержит ни слова о вооружении, и кажется

---

[184] Эдуард Вагнер (1894 — 1944) — немецкий генерал артиллерии, бывший также генерал-квартирмейстером в немецкой армии и членом заговора 20 июля. Покончил жизнь самоубийством.

очевидно, что тогда вы не занимались данной проблемой. В чём заключались ваши мысли по вопросу вооружения? Вы выступали в его пользу?

Йодль: Тогда, я считал также как мои начальники; и характерно, что за день до заявления о том, что будут сформированы 36 дивизий, Бломберг с Фричем[185] предложили фюреру, что следовало сформировать только 24 дивизии. Они опасались рассредоточения всей армии. Вероятно, они также опасались слишком бурной внешней политики, основанной на силах существовавших только на бумаге.

Экснер: Пожалуйста, ответьте на вопрос, который кажется важным для меня: какими были конечные сроки в связи с вооружением в 1935?

Йодль: Предусматривались различные этапы. Первый срок был установлен на 1942-43. Большая часть Западного вала[186] должна была быть завершена к 1945. План реконструкции флота длился до 1944-45.

Экснер: Тогда, что вы считали задачей вооружения?

Йодль: Поскольку было невозможно добиться всеобщего разоружения, цель заключалась в том, чтобы создать военный паритет между Германией и соседними странами.

Экснер: В этой связи я бы хотел обратиться к документу, который уже предъявлен – двухлетний доклад генерала Джорджа Маршалла[187]. Он уже предъявлен как Редер-19. У меня есть передо мной часть, часть которую я предъявил под номером AJ-3 (Документ Йодль-56). Страница 168. Относительно проблемы перевооружения, некоторые фразы бьют в точку.

Во втором абзаце на странице 6 или даже в последней фразе там, мы видим:

> «Мир не принимает всерьез желания слабого. Слабость слишком большой соблазн, в частности для жестокого, кто хочет богатства и власти».
>
> Затем на следующей странице есть ещё одна фраза:
>
> «Прежде всего, мы должны, как я думаю, исправить трагическое недопонимание, что политика безопасности это военная политика…»

Пожалуйста, вы можете сказать нам, каким тогда было отношение нашей военной силы к зарубежным странам.

Йодль: В 1935, когда мы создали 36 дивизий, Франция, Польша и Чехословакия обладали 90 дивизиями мирного времени и 190 дивизиями для войны. У нас почти не имелось никакой тяжёлой артиллерии, и строительство танков находилось на самых ранних стадиях. Концепцию оборонительного и наступательного вооружения

---

[185] Вернер фон Фрич (1880—1939), генерал-полковник Вермахта. В 1933 – 1938 главнокомандующий сухопутными войсками Германии.

[186] Западный вал или Западная стена (нем. Westwall), среди противников Германии также известен как «Линия Зигфрида» — система немецких долговременных укреплений, возведённых в 1936—1940 годах на западе Германии, в приграничной полосе от Клеве до Базеля — немецкая линия обороны на суше.

[187] Джордж Кэтлетт Маршалл-мл. (1880 — 1959) — государственный и военный деятель США, генерал армии (18 декабря 1944).

обсуждали здесь по разным поводам. Если вдаваться в подробности, это заведёт нас слишком далеко. Но я бы хотел сказать лишь то, что касалось Германии, с её географическим положением такая концепция не применима. Конференция по разоружению[188], тоже, спустя месяцы обсуждений, потерпела провал, потому что не удалось сформулировать такую концепцию.

Экснер: Я снова хотел бы процитировать эксперта, Джорджа Маршалла, на странице 168 моей документальной книги, из которой я только, что цитировал; и снова только одну фразу. Это в первом параграфе: «Единственно эффективную оборону нации сейчас можно поддерживать атакующей силой…».

Однако, сейчас обвинение утверждает, что вы должны были знать, что такое огромное перевооружение как немецкое перевооружение могло послужить только агрессивной войне. Пожалуйста, вы это прокомментируете?

Йодль: Мне кажется, это можно объяснить только выражением военного невежества. До 1939 года мы, конечно, были в состоянии уничтожить Польшу в одиночку. Но никогда, ни в 1938, ни в 1939, на самом деле не могли выстоять при концентрированной атаке этих государств вместе взятых. И если мы не рухнули уже в 1939, это лишь из-за того факта, что приблизительно 110 французских и британских дивизий на Западе полностью бездействовали против 23 немецких дивизий.

Экснер: Но скажите нам, когда реально началось интенсивное перевооружение?

Йодль: Реальное перевооружение началось уже после начала войны. Мы вступили в эту мировую войну с почти 75 дивизиями. Шестьдесят процентов нашего пригодного населения не было подготовлено. Армия мирного времени насчитывала, вероятно, 400 000, против 800 000 человек в 1914. Наши поставки боеприпасов и бомб, как уже показал свидетель Мильх, были до смешного малы.

Экснер: В этой связи я бы хотел зачитать вашу дневниковую запись. Страница 16 тома I моей документальной книги, которая PS-1780, USA-72. 13 декабря вы сказали:

> «После завершения проекта для «L» - то есть национальной обороны – «фельдмаршал сообщает о состоянии военного потенциала Вермахта, указав на основную проблему - неадекватные запасы боеприпасов для армии – 10-15 дней боёв равно шестинедельным поставкам».

Йодль: Это правильно, у нас имелось боеприпасов на 10-15 дней боя.

Экснер: Теперь я перехожу к вопросу оккупации Рейнланда.

Председатель: Давайте прервёмся.

[*Объявлен перерыв*]

---

[188] Конференция по снижению и ограничению вооружений Лиги Наций проходившая с 1932 по 1934 в Женеве. В октябре 1933 Германия покинула конференцию.

Экснер: Генерал, когда вы впервые услышали о планах оккупировать Рейнланд?
Йодль: 1 или 2 марта 1936; то есть почти за 6 дней до реальной оккупации. Я не мог услышать о них как-нибудь раньше, потому что до этого фюрер сам не принял решение.
Экснер: Вы и генералы имели военные возражения этой оккупации?
Йодль: Должен признаться, что у нас было беспокойное ощущение игрока, поставившего на кон всё состояние.
Экснер: У вас имелись юридические возражения?
Йодль: Нет; я не был ни экспертом по международному праву ни политиком. Политически говоря, говорилось о том, что соглашение между Чехословакией, Россией и Францией[189] аннулировало Локарнский пакт[190], тогда я принял это, как факт.
Экснер: Насколько сильными были наши силы в Рейнланде после оккупации?
Йодль: Мы заняли Рейнланд приблизительно одной дивизией, но только три её батальона вошли на территорию к западу от Рейна; один батальон вошёл в Аахен, один в Трир и один в Саарбрюкен.
Экснер: Три батальона. Это в действительности лишь символическая оккупация, разве нет?
Йодль: Да, и они действовали только символически.
Экснер: Вы предпринимали, что-нибудь, чтобы избежать военного конфликта из-за этой оккупации?
Йодль: Были серьезные доклады, которые приходили от наших военных атташе в Париже и Лондоне. Меня они не могли не впечатлить. Тогда мы предложили фельдмаршалу фон Бломбергу, что вероятно ему следует обсудить отвод этих трёх батальонов к западу от Рейна при условии, что французы отведут в четыре или пять раз больше людей от своей границы.
Экснер: Данное предложение когда-либо вносили?
Йодль: Да, его внесли фюреру, но он отказал в этом. Он очень грубо отказал в предложении генерала Бека[191] о том, что мы должны заявить о том, что мы не будем укреплять район к западу от Рейна. В этом заключалось предложение генерала Бека, в котором фюрер очень грубо отказал.
Экснер: Вы тогда думали, что акция была связана с какими-то агрессивными намерениями?
Йодль: Нет, не могло быть никакого вопроса об агрессивных намерениях.
Экснер: Почему нет?

---

[189] Имеются в виду советско-французский и советско-чехословацкий договоры о взаимопомощи 1935.
[190] Локарнские договоры 1925 года — семь договоров, ставших итогом переговоров, проходивших в швейцарском Локарно с 5 по 16 октября 1925 года и подписанных 1 декабря в Лондоне. Они вступили в действие 10 сентября 1926 года, когда Германия стала членом Лиги Наций.
[191] Людвиг Бек (1880 - 1944) — генерал-полковник германской армии (1938 год). Начальник генерального штаба сухопутных войск в 1935—1938 годах. Лидер выступления военных против Адольфа Гитлера 20 июля 1944 года. Казнен за участие в заговоре.

Йодль: Я могу только сказать, что учитываю обстановку в которой мы находились, только французская армия прикрытия могла разорвать нас на куски.

Экснер: Вы думаете, что тогда ведущие люди тогда имели агрессивные намерения?

Йодль: Нет, никто не имел агрессивных намерений, но конечно возможно, что в голове фюрера уже существовала идея, что оккупация являлась предпосылкой для его последующих действий на Востоке. Возможно, но я не знаю, потому что я не мог заглянуть в голову фюрера.

Экснер: Но вы не видели никаких внешних признаков этого?

Йодль: Нет, вообще ничего.

Экснер: Вы знали о так называемом завещании Гитлера датированном 5 ноября 1937[192], которое представили здесь?

Йодль: Я впервые услышал об этом, когда его читали в суде.

Экснер: Что вы знали об этом в то время?

Йодль: Фельдмаршал фон Бломберг проинформировал Кейтеля и Кейтель проинформировал меня о том, что была дискуссия с фюрером. Когда я попросил стенограмму, мне сказали, что никаких стенограмм вели. Я сошлюсь на свой дневник, документ PS-1780, как доказательство этого. То, что мне сказали вообще не являлось сенсационным и вряд ли сильно отличалось от чего-либо содержавшегося в общих директивах по подготовке к войне. Я могу только полагать, что фельдмаршал фон Бломберг тогда держал все эти вещи при себе, потому что он не мог поверить, что эти вещи когда-либо будут проводится.

Экснер: Существовал оперативный план против Австрии?

Йодль: Не существовало никакого оперативного плана против Австрии. Я категорически об этом заявляю.

Экснер: Теперь мы переходим к документу С-175, директиве, которая имеет номер экземпляра USA-69. Это в томе I; страница 18 и следующие страницы. Это директива по единообразной подготовке вооруженных сил в 1937 года. Обвинение цитировало план «Отто»[193] только из этой директивы, для того, чтобы сложилось впечатление, о том, что весь план заключался в кампании против Австрии. Пожалуйста, объясните, что означает эта директива.

Йодль: Это было одно из тех типичных стандартных приготовлений к войне, на любой возможный случай. Такие директивы выходили в Германии каждый год пока был генеральный штаб и всеобщая воинская повинность. Эти теоретические военные исследования проводили разницу между двумя случаями, а именно

---

[192] Протокол Хоссбаха— протокол заседания, состоявшегося 5 ноября 1937 года с участием Адольфа Гитлера, а также военного и внешнеполитического руководства Третьего рейха, на котором Гитлер изложил свои экспансионистские планы в Европе. Своё название протокол получил по имени протоколиста, военного адъютанта Гитлера полковника графа Фридриха Хоссбаха; Кроме Гитлера и Хоссбаха, на заседании присутствовали министр иностранных дел барон Константин фон Нейрат, военный министр фельдмаршал Вернер фон Бломберг, главнокомандующий сухопутными войсками Вернер фон Фрич, главнокомандующий военно-морскими силами адмирал Эрих Редер и главнокомандующий военно-воздушными силам Герман Геринг. Протокол датирован 10 ноября 1937 года.

[193] Кодовое наименование плана ввода войск в Австрию.

случаями войны, которые по своему характеру являлись политически вероятными или могли быть вероятными, и случаями которые не являлись вероятными. Что касалось первого, оперативный план должны были готовить армия и воздушные силы. Для последнего должны были выдвигать только соответствующие предложения. Если трибунал перейдет к странице 21 документа, там в конце страницы, часть 3, следующая фраза: «Следующие «особые случаи» необходимо в целом рассматривать высшему командованию без участия региональный властей…» и в числе таких случаев, на странице 22, особый «план Отто».

Экснер: На странице 18 данного документа директива, действующая с 1 июля 1937, вероятно по 30 сентября 1938, то есть немного больше чем год. Это, в свою очередь, заменяет ещё одну похожую директиву, на которую ссылаются в первом параграфе, которую подготовили для тех же самых проблем. Вы принимали участие в дискуссиях по австрийскому плану?

Йодль: Нет, я не принимал участия в каких-либо дискуссиях.

Экснер: В судебном досье сказано, что 12 февраля 1938 вы находились в Оберзальцберге. Кейтель уже прояснил это. Ваша запись в дневнике от 12 марта 1938, следовательно, основана только на отчёте полученном вами от Кейтеля; это правильно?

Йодль: Да. Это просто запись о кратком отчете, данном мне генералом Кейтелем о том дне, наверное, немного приукрашенная.

Экснер: Но затем она говорит, вечером 11 февраля: «Генерал Кейтель с генералами фон Рейхенау и Шперрле[194] в Оберзальцберге. Шушниг и Г.Шмидт[195] подверглись очень сильному политическому и военному давлению». В английском и французском переводе сказано, что Шушниг и Шмидт были «опять подверглись очень сильному политическому и военному давлению». Данное слова «опять» не появляется в моём немецком оригинале.

Итак, вы предлагали обманные манёвры против Австрии? Это вменяют вам.

Йодль: Я не предлагал никаких обманных манёвров. Фюрер приказал их, и я не думаю, что они незаконные, потому что мне кажется, что игру в мировую историю, в политику и войну всегда вели краплёными картами. Но фюрер приказал это и об этом сказано в записи в моём дневнике. Я обеспечивал военной информацией и документами Канариса о том, где дислоцировались наши гарнизоны, какие манёвры проводились. Канарис обрабатывал их и затем распространял их в Мюнхене.

Экснер: Что вы думали о цели…

Йодль: Мне сказали, что задача заключалась в том, чтобы оказать определённое давление для того, чтобы Шушниг, когда он вернётся домой, придерживался

---

[194] Хуго Шперрле (1885 — 1953) — немецкий военный деятель, генерал-фельдмаршал Люфтваффе во Второй мировой войне.

[195] Гвидо Шмидт (1901 — 1957) — австрийский дипломат и политик, министр иностранных дел Австрии с 1936 по 1938 год.

соглашения заключенного в Оберзальцберге.

Экснер: За какое время до самого вступления в Австрию вы знали о таких намерениях?

Йодль: 10 марта утром незадолго до 11 часов, я услышал об этом впервые.

Экснер: И когда внесена запись?

Йодль: 12-го. Это было когда генерал Кейтель и генерал Вибн[196], который тогда временно являлся начальником оперативного штаба вооруженных сил, были внезапно вызваны в рейхсканцелярию, и я впервые услышал о намерении.

Экснер: Тогда вы подготовили план или что?

Йодль: Фюрер удивил их, сказав, что интересующим вопросом была австрийская проблема; и тогда они вспомнили, что существовал план генерального штаба под названием «Отто». Они послали за мной и за этой директивой, и узнали от меня, что такая директива действительно существовала, но что на практике вообще ничего не было готово. Так как это был только теоретический план и подготовленный исключительно на случай реставрации в Австрии, и так как сейчас такая реставрация не ожидалась, высшее командование армии фактически ничего не сделало.

Экснер: Как вы сами понимали всю австрийскую акцию?

Йодль: Мне казалось, что это будет семейная ссора, которую сама Австрия разрешила в результате своей внутренней политики в самое короткое время.

Экснер: И что заставляло вас так думать?

Йодль: Мои собственные знания об Австрии. От родственников и знакомых, от германо-австрийского альпийского клуба, к которому я принадлежал, от того кто знал австрийские горы, находясь в более близком контакте с Австрией нежели чем с северной Германией, и я знал, что в этой стране правительство долгое время существовало вопреки воли народа. Крестьянское восстание в Штирии являлось характерным примером.

Экснер: Поход в Австрию проводили по предложению С-175?

Йодль: Нет, это было совершенной импровизацией нескольких часов с соответствующим результатом. Семьдесят процентов всех бронированных машин и грузовиков растянулись по дороге из Зальцбурга и Пассау к Вене, потому что водителей забрали со своего обучения и поставили им эту задачу.

Председатель: Подсудимый, вы только, что сказали, не так ли, что фюрер сказал им, что это была проблема Австрии? Вы так сказали, разве нет?

Йодль: Я сказал о том, что фюрер проинформировал генерала Кейтеля и генерала Вибна об том утром 10 марта. Он не говорил со мной и до того дня я также не говорил с фюрером.

Председатель: Я лишь хотел знать дату. Вы сказали, это было 10 марта?

Йодль: Да, 10 марта, утром.

[196] Макс фон Вибн (1888 – 1980) – немецкий генерал. Сотрудник ОКВ с 1938 по 1941.

Экснер: Это верно, что только части мирного времени выступили в приграничные районы, на австрийскую территорию?

Йодль: Да, это факт, что только части мирного времени, которые предназначались для парада в Вене на самом деле выступили. Все подразделения, которые могли потребоваться для военного конфликта, скажем, с Чехословакией или Италией, остановились в последний момент и не пересекали границу.

Экснер: Например, колонны с боеприпасами?

Йодль: Нет, всё осталось позади.

Экснер: Была какая-нибудь медлительность среди политического руководства в последний момент?

Йодль: 11 марта, вечером, я имел новости из рейхсканцелярии о том, что Вермахт не должен был передвигаться, но чтобы полиция пройдет через Вермахт и пойдёт в одиночку. Однако вечером, 11 марта в 20 часов 30 минут, ко мне пришло окончательное решение, которое заключалось в том, что Вермахт в конце концов должен был выдвигаться. Я не смог выяснить причину такой медлительности.

Экснер: Значит, что это вовсе не было на самом деле силовым вторжением?

Йодль: Нет, это была чисто мирная оккупация. Это характеризуется моим предложением начальнику оперативного отдела армии, о том, что ему нужно было иметь оркестры маршировавшие во главе колонн и чтобы все водители точно надели очки, так как в противном случае их бы ослепили цветы которые в них бросали.

Экснер: В чём заключалось значение приказа подписанного вами относительно похода в Австрию? Он представлен вам под документальным номером С-182, экземпляр USA-77. Вы помните это, не так ли?

Йодль: Да, я помню. Это не более чем письменная запись о чём-то, что ранее приказали устно и о том, что уже выполнили. Поймите, данный письменный приказ, пришёл бы слишком поздно.

Экснер: И в чём значение документа С-103, экземпляр USA-75, относительно возможной стычки с чешскими войсками или итальянскими войсками на австрийской территории? Как вы пришли к этому?

Йодль: Это основано на запросе генерального штаба армии. Они хотели знать, даже в случае малейшей возможности, как войскам вести себя. Я разъяснил вопрос по телефону через генерала Шмундта, с фюрером, и затем я оформил его решение в письменном виде по его приказу.

Экснер: И как прошла операция?

Йодль: Она прошла именно так как ожидали. Был праздник и триумфальный поход, такие какие мир, наверное, редко, когда видел – при том, что сегодня никто не хочет это признать. Население вышло встречать нас уже ночью; пограничные заграждения сняли и все германские войска назвали этот поход войной цветов.

Экснер: Теперь мы переходим к вопросу Чехословакии. Вы принимали участие в совещаниях 21 апреля 1938 и 28 мая 1938, которые обвинение описало как

совещания заговорщиков?

Йодль: Я не принимал участия ни в одном из этих совещаний.

Экснер: Что за работу генерального штаба вы проводили по плану «Зеленый[197]» - который, конечно, операция по Чехословакии?

Йодль: Я должен снова сослаться на документ С-175, который на странице 17 первого тома моей документальной книги. В этой общей директиве по единообразной подготовке к войне, рассмотрены или должны были рассматриваться два важных плана: оборонительное развёртывание против Франции если она начнёт боевые действия – «план Красный[198]» и наступательное развёртывание – «план Зелёный» – против Чехословакии. Это бы работало точно также, даже если бы мы не имели острого конфликта с Чехословакией, потому что войну на два фронта – проблема с которой мы всегда сталкивались – никогда нельзя было вести или выиграть иначе чем посредством атаки на самого слабого. Данная директива, что касалось плана «Зелёный», должна была быть переработана в тот самый момент, когда Австрия автоматически стала новым районом сосредоточения. Таким образом, 20 мая 1938, мной был подготовлен новый проект для плана «Зеленый», который начинался с привычных слов: «Я не намерен атаковать Чехословакию военным образом в ближайшем будущем при отсутствии провокации…»

Экснер: Минуточку. Данная цитата это документ PS-388, экземпляр USA-26. Этот документ датирован 20 мая 1938. «Я не намерен атаковать Чехословакию военным образом в ближайшем будущем при отсутствии провокации …». Теперь, пожалуйста, продолжайте.

Йодль: Это было 20 мая. 21-го, спустя день, случился ужасный инцидент. Чехословакия не только мобилизовала, но даже выступила к нашим границам. Начальник чехословацкого генерального штаба объяснил это Туссену[199] сказав, что 12 германских дивизий сконцентрированы в Саксонии. Я могу лишь сказать – и мой дневник доказывает это, что ни один немецкий солдат не был выдвинут. Ничего, абсолютно ничего не происходило.

Экснер: В этой связи, думаю мне следует обратить внимание трибунала на опросный лист – экземпляр AJ-9 (Документ Йодль-62). Это опросный лист представленный генералу Туссену, который тогда был германским военным атташе в Праге. Он подтверждает мобилизацию в то время. Третий том, 199 – страница 201 документа, внизу, есть следующий вопрос: «В чём заключалась причина чехословацкой мобилизации в мае 1938?»

И он ответил:

«Моё личное мнение в том, что чехословацкое правительство желало

---

[197] План «Грюн» (нем. Fall Grün — Зеленый план) — кодовое наименование военной операции немецкого руководства по ликвидации Чехословакии до начала Второй мировой войны.

[198] Красный план, Рот-план, План «Рот» (нем. Fall Rot) — стратегический план войск Германии, на случай войны с Францией.

[199] Рудольф Туссен (1891 – 1968) – немецкий офицер. Военный атташе посольства Германии в Чехословакии.

> вынудить своих политических союзников занять чёткую позицию. Кречи[200], начальник чехословацкого генерального штаба, проинформировал меня, как о причине мобилизации о том, что он имел точную информацию о том, что 10-12 германских дивизий сконцентрированы в районе Дрездена, и что он больше не может нести ответственность не предпринимая контрмер».

С другой стороны следует упомянуть дневниковую запись Йодля, том I, страница 26:

> «Намерение фюрера не заниматься чешской проблемой изменилось ввиду стратегической концентрации чешских войск 21.V, которая была осуществлена без какой-либо угрозы со стороны Германии и без какого-либо повода. Ввиду сдержанности Германии это может привести к потере престижа фюрера, а этого он больше не хочет терпеть. Поэтому 30 мая был издан новый приказ в отношении «Зелёного плана».

[*Обращаясь к подсудимому*] Это из дневника Йодля, страница 26, первый том. Пожалуйста, теперь продолжайте.

Йодль: Это была информация, которую я получил, частично от генерала Кейтеля и частично от тогдашнего майора Шмундта, о впечатлении произведённом на фюрера. Результат заключался в том, то, что он лично изменил мой проект от 20 мая и поставил в начале следующие слова:

> «Моё непреклонное решение в том, что Чехословакия должна быть уничтожена за разумный срок путём военной акции. Решение по моменту политической и военной возможности является вопросом для политического руководства».

Экснер: Эти слова появляются в документе PS-388, на который я уже ссылался, который экземпляр USA-26. Это приказ от 30 мая 1939.

[*Обращаясь к подсудимому*] Пожалуйста, расскажите нам кратко, в чём заключалось содержание директивы?

Йодль: В этом приказе от 30 мая фюрер упоминал три возможности о том, как мог возникнуть конфликт с Чехословакией: 1) Без особенной причины – политически невозможно и не обсуждается; 2) после продолжительного периода напряжённости – самый нежелательный, ввиду отсутствия элемента неожиданности; 3) самое лучшее решение, после инцидента, такого, какие случались тогда почти ежедневно и который оправдает нас морально перед миром если мы решим вмешаться.

Кроме того, было команда о том, что в первый день армия должна прорвать укрепления для того, чтобы расчистить путь для свободных операций манёвренных войск, танковых дивизий, таким образом, чтобы спустя 4 дня создалось такое положение, что военное положение Чехословакии стало

---

[200] Людвик Кречи (1890 – 1972) – начальник генерального штаба вооруженных сил Чехословакии в 1938-1939.

непригодным к обороне.

Экснер: Зачем всю директиву переработали в июне?

Йодль: Вся директива С-175 была тщательно пересмотрена в июне. Это было сделано, потому что 1 октября начинался новый мобилизационный год и, потому что данную директиву С-175 в любом случае планировали применять до 30 сентября 1938. Старая директива была, конечно, всё ещё в действии до 1 октября, но утратила силу 1 октября, из-за той директивы которую я подготовил 24 июня или 18 июня. В этой директиве план «Зеленый» упоминался в смысле намерения фюрера – а именно, то, что непосредственная цель его политики заключалась в том, чтобы с 1 октября 1938 – не до, а с 1 октября 1938 – следовало использовать любую благоприятную возможность, чтобы решить проблему Чехословакии, но только если Франция не вмешается и не выступит и Великобритания тоже.

Я подтверждаю, что не существовало никакой даты приказов о начале войны против Чехословакии. В директиве от 30 мая дата вообще оставалась открытой; и новые инструкции С-175 от 18 июня заявляли только с 1 октября, про первую благоприятную возможность.

Экснер: Это на странице 29 нашей документальной книги, второй параграф: «Я решил с 1 октября…».

Йодль: Я, вероятно, могу завершить весь вопрос, сказав, чтобы быть откровенным, что на самом деле до 14 сентября, что касалось военных сил, ничего не происходило.

Экснер: Я снова ссылаюсь на запись в дневнике Йодля, том I, страница 32. Это выдержка из документа PS-1780, экземпляр USA-72 и это запись от 14 сентября 1938:

> «В полдень объявлено, что в Чехословакии опубликован приказ о всеобщей мобилизации… Однако, она не состоялась, при том, что приблизительно восемь возрастных групп призвали в срочном порядке. Судетские немцы массово пересекают границу, мы попросим к 17 часам 30 минутам, предложения второго отдела ОКХ, по усилению пограничной охраны вдоль чешской границы в военных округах VIII, IV, XIII и XVII. Фюрер даёт разрешение из Мюнхена».

Председатель: Что вы прочитали?

Экснер: Я читал со страницы 32 моей документальной книги; том I, страница 32, и это выдержка из дневника Йодля от 14 сентября, следовательно, запись сделана в разгар критического периода.

[*Обращаясь к подсудимому*] В чём заключались эти военные меры, которые вводили?

Йодль: 13 или 14 сентября в Чехословакии были призваны восемь возрастных групп. Мы использовали усиление пограничной охраны для того, чтобы можно было принять многих бежавших судетских немцев.

17 сентября фюрер сформировал фрайкор[201] Генлейна[202], вопреки предыдущей договоренности и не сказав нам заранее. Ранее было согласовано, что эти судетские немцы призывного возраста должны были вступать в армию резерва.

Приблизительно в это же время начались политические дискуссии. Самая первая в Бергхофе уже состоялась. 23 сентября Бенеш[203] приказал мобилизацию в Чехословакии и только теперь, и в соответствии с политическими дискуссиями, началось военное развёртывание против Чехословакии.

Я вообще не сомневался в том, что это будут использовать случай неподчинения Чехословакии какому-либо соглашению, которое мы заключим с западными державами; фюрер чётко заявил, что он будет вести переговоры, только если Франция и Англия не вмешаются политическим или военным образом.

Экснер: Вы сделали ещё две записи в своём дневнике, 22 и 26 сентября, которые подтверждают, что вас тогда волновало. Заявление, сделанное капитаном Бюркнером, в первом томе моей документальной книги, на странице 34; снова выдержка из PS-1780, датированная 22 сентября:

«Капитан Брюкнер, начальник иностранного отдела, докладывает, что согласно перехваченному международному телефонному разговору между Прагой и местным чешским советником посольства, германское посольство в Праге штурмовали. Я немедленно связался по телефону и телеграфу с Прагой через полковника Юппе[204].

10 часов 50 минут: Бюркнер докладывает, что инцидент не подтвердился. Министерство иностранных дел переговорило с нашим посольством.

10 часов 55 минут: устанавливаю связь с Прагой и с Туссеном. На мой вопрос о том, как идут дела, он отвечает: «Спасибо, превосходно». Главнокомандующий воздушными силами, которого проинформировали о первом докладе, с предложением, что он должен обдумать меры, на случай если фюрер примет решение немедленно бомбить Прагу, проинформирован через 1с о ложном докладе, который мог иметь своей целью спровоцировать нас на военную акцию».

Затем 26 сентября сказано:

---

[201] Добровольческий корпус судетских немцев (Судетско-немецкий фрайкор), или Немецко-судетский легион, — паравоенная организация (фрайкор, ополчение), образованная нацистами из судетских немцев под командованием Конрада Генлейна, лидера Судетско-немецкой партии (SdP). Сформирована по приказу рейхсканцлера Германии Адольфа Гитлера 17 сентября 1938 — в период апогея Судетского кризиса.

[202] Конрад Генлейн (1898 — 1945) — немецкий нацистский политический деятель Судетской области. Лидер чехословацких фольксдойче, основатель Судето-немецкой партии в Чехословакии. Покончил жизнь самоубийством после попадания в американский плен.

[203] Эдвард Бенеш (1884 — 1948) — государственный и политический деятель Чехословакии (Чехии). Второй президент Чехословакии в 1935—1948 годах (фактически в период с 1935 по 1938 и с 1945 по 1948 год, в 1938—1945 годах за границей.

[204] Ганс Юппе (1889 – 1973) – немецкий офицер. Генерал-лейтенант. В 1943-1945 уполномоченный Вермахта в Хорватии.

«Важно, чтобы ложные доклады не привели нас к военным акциям до ответа Праги».

Обвинение заявило о том, что задолго до 1 октября было решено о дате агрессии. Скажите мне, какое значение эта дата, 1 октября 1938, имела для плана «Зелёный»?

Йодль: Мне кажется я уже сказал об этом. Я объяснял, что начался новый мобилизационный год, и что ни в одном приказе не содержалось чёткой даты начала кампании против Чехословакии.

Экснер: Вы верили в то, что конфликт можно локализовать?

Йодль: Я был точно убежден в этом, потому что я не мог представить, что фюрер, в том положении, в котором мы находились, начнёт конфликт с Францией и Британией, который приведёт нас к немедленному краху.

Экснер: И записи в вашем дневнике, наверное, показывают вашу озабоченность инцидентами?

Йодль: Да. В моём дневнике 8 сентября есть ссылка на беседу с генералом Штюльпнагелем. Согласно этому, Штюльпнагель в тот самый момент сильно волновался, что фюрер отступит от своего чётко определенного отношения и позволит быть втянутым в военную акцию, несмотря на угрозу французского вмешательства.

Согласно записи в моём дневнике я ответил, что на самом деле в тот момент, я точно также разделял его волнения.

Экснер: Это запись, которую трибунал найдёт на странице 26 первого тома моей документальной книги. Снова это выдержка из документа PS-1780, и это запись от 8 сентября 1938.

[*Обращаясь к подсудимому*] Вы уже говорили нам, не так ли, в чём заключались ваши волнения? В нашей слабости?

Йодль: Не могло быть и речи при пяти боевых дивизиях и семи резервных дивизиях на западных укреплениях, которые были не чем кроме как стройкой, выстоять против 100 французских дивизий. Это было по-военному невозможно.

Йодль: 24 августа, в письме, адресованном Шмундту, вы ссылались на значение инцидента для задач Вермахта в данном случае. Вас в этом серьезно обвиняют, и я хочу, чтобы вы рассказали мне о значимости данного заявления.

Ваша честь, это PS-388, и это на странице 35 первого тома. Это выдержка из часто цитируемого документа PS-388: это доклад, подготовленный во время приказа «X» и предварительных мер.

[*Обращаясь к подсудимому*] Пожалуйста, скажите, что вы запланировали в данной работе генерального штаба?

Йодль: Приказ фюрера от 30 мая, который я уже объяснял, при условии, что дело когда-нибудь дойдет до этой акции, не оставлял другого выбора, кроме как атаковать в заранее установленный день. Это могло последовать только в результате

инцидента, потому что без провокации об операции не могло быть и речи и её не должны были предпринимать если бы прошло слишком много времени.

Армия для того, чтобы приготовиться к такому внезапному прорыву чешских укреплений, запросила 4 дня на подготовку. Если бы ничего не случилось спустя эти 4 дня, военные приготовления больше нельзя было сохранить в тайне и исчезал элемент внезапности. Таким образом, не оставалось ничего другого, кроме спонтанного инцидента в Чехословакии, который бы 4 дня спустя привел к военной акции или дате о которой решили заранее. В таком случае инцидент должен был случиться в течение этих 4 дней, которые армия просила для развёртывания.

Требования фюрера, нельзя было фактически разрешить каким-то другим образом с точки зрения генерального штаба. Моё письмо майору Шмундту предназначалось, чтобы объяснить фюреру такую сложную ситуацию.

Тогда инциденты случались каждый день. Могу я напомнить вам, что после первой частичной мобилизации в Чехословакии судетские немцы подлежавшие призыву на военную службу в основном избегали явки. Они бежали на границу Германии и чехословацкая пограничная полиция стреляла в них. Пули ежедневно залетали в Германию. Всего более чем 200 000 судетских немцев пересекли границу таким образом.

С такой точки зрения, концепция инцидента была не настолько подлой и преступной как могло быть, например, если бы мирная это было связано с мирной Швейцарией. Поэтому если я сказал, насколько сильно мы были заинтересованы в таком инциденте, это предназначалось, чтобы выразить, что если вообще можно прибегнуть к военной акции – все это, конечно чистая теория – можно использовать такой инцидент в качестве casus belli[205].

Экснер: И как вы объясните ваше такое замечание: «…до тех пор пока разведывательное управление не приказало организовать данный инцидент в любом случае»?

Это конец страницы 38 во втором параграфе. Это выдержка из PS-388.

Йодль: Да, у меня имелось слишком много сведений о европейской военной истории, чтобы не знать о том, что вопрос первого выстрела – видимой причины войны, не внутренней причины войны – играет важную роль в каждой войне и для каждой стороны.

Ответственность за начало войны всегда приписывади противнику; это характерно не только для Германии, но и для всех европейских наций, которые когда-либо воевали друг с другом. В случае Чехословакии самая глубокая причина войны была совершенно видна. Мне не нужно описывать условия в которых оказалось 3 ½ миллиона немцев, которые должны были сражаться против своего народа. Я сам мог наблюдать эту трагедию в своём доме. В данном случае, самая

---

[205] Казус белли (лат. casus belli — «случай (для) войны», «военный инцидент») — юридический термин времён римского права: формальный повод для объявления войны.

глубокая причина войны была твёрдо установленной и лорд Ренсимен[206], который прибыл с миссией из Лондона[207], вообще в этом не сомневался. В такой ситуации, я разумеется, не имел никаких моральных угрызений преувеличивая один из таких инцидентов, и противодействуя энергичным ответом на чешские поступки и деятельность, раздувая и преувеличивая такой инцидент для того, чтобы если политическая ситуация это позволила и Англия и Франции не вмешались бы, во, что верил фюрер, мы могли найти реально очевидную причину провести акцию.

Экснер: Уважаемый суд, есть один пункт, на который я желаю обратить ваше внимание. По моему мнению, это скорее ошибка в переводе. Я ссылаюсь на второй абзац снизу, на странице 36. Это сообщение об инциденте. Второй предпоследний абзац на странице 36 заявляет: «…чтобы план «Зелёный» можно было привести в действие в результате инцидента в Чехословакии, который даст Германии провокацию для военного вмешательства». Перевод на английский язык последних слов это «провокация»; «anlass» перевели как «провокация».

Председатель: Что вы сказали? Какова замена?

Экснер: Мне кажется перевод неправильный. Я не абсолютно уверен, но я хочу обратить внимание трибунала на это. «Anlass» означает на французском языке «pretexte[208]» - что нам известно как «предлог».

Председатель: Но, доктор Экснер, нет никакой разницы в смысле слов, будь то «провокация» или будь то «причина».

Экснер: «Провокация» звучит более агрессивно, не так ли? Я лишь хочу обратить ваше внимание на это. В немецком языке это «причина», а не «провокация»

[*Обращаясь к подсудимому*] Итак, обвинение называет эти соображения, которые мы сейчас обсуждали, преступными идеями и связывает их с предположительно запланированным убийством германского посла в Праге. Как сказано, мы планировали это убийство для того, чтобы иметь повод выступить против Чехословакии. Что вы на это скажете?

Йодль: Это, конечно гротеск. Этот пример, что фюрер предположительно упоминал в своих разговорах с фельдмаршалом Кейтелем, что германского посла убьют пражане, даже не был известен мне. Генерал Кейтель не рассказывал мне, я услышал об этом лишь здесь. Впрочем, думаю бесполезно продолжать обсуждать это, так как мы делали совершенно противоположное. Мы отдали генералу Туссену приказ охранять германское посольство в Праге и охранять жизней людей в нём, потому что фактически, одно время им серьезно угрожали.

Экснер: Это подтверждается экземпляром AJ-9, документ Йодль-62, третий том

---

[206] Уолтер Ренсимен (1870 — 1949) — политический деятель Великобритании, министр, лорд, президент Тайного совета.

[207] Целью миссии, продолжавшейся с 3 августа по 16 сентября 1938 года, было посредничество во время переговоров между правительством Чехословакии и судетско-немецкой партией, основанной К. Генлейном и сотрудничавшей с Гитлером.

[208] Предлог (фр.)

документальной книги, страница 200. Это снова опросный лист генерала Туссена, который был тогда военным атташе в Праге. Третий вопрос следующий:

«Правда или нет, что летом 1938 вы получили приказ защищать германское посольство в Праге и защищать жизни всех немцев в посольстве»?

И его ответ:

«Да это правда. Я помню данный приказ, дали мне по телефону, наверное, в сентябре 1938…» - и так далее и тому подобное.

Затем в вопросе 4:

«Правда, что германское посольство…»

Председатель: Свидетель уже сказал, что так и было.

Экснер: [*Обращаясь к подсудимому*] Тогда я лишь ссылаюсь на показания Туссена. Дополнительно сказали о том, что инцидент подстроили мы. Нам не требуется вдаваться в подробности этого. Инцидент случился на самом деле?

Йодль: Нет, не было ни подготовки к инциденту, и он не требовался. Инциденты нарастали день за днём, и решение было политическим и совершенно другим.

Экснер: Значит эта пометка, которую мы часто читали, оставалась чисто теоретической, не так ли?

Йодль: Это была просто бумажная работа, идея которая вообще не обязательно потребуется.

Но как только стало ясно, что начались политические дискуссии, я прилагал постоянные усилия, чтобы предотвратить провокации, видимо желаемые со стороны чехов, ведущие к любым военным мероприятиям с нашей стороны.

Экснер: Державы-подписанты в Мюнхене в конце сентября знали о военных приготовлениях Германии? Государственные деятели знали, о том, что мы вели военную подготовку?

Йодль: Обвинение создало у меня отчётливое впечатление, что об этом стало известно только сегодня, и что об этом было неизвестно осенью 1938 в Мюнхене. Но это совершенно невозможно. Весь мир знал о призыве восьми возрастных групп в Чехословакии в сентябре. Весь мир знал о всеобщей мобилизации 23 сентября. Политический корреспондент «The Times[209]» написал статью от 28 сентября против чехословацкой мобилизации. Никто не удивился, что сразу после подписания Мюнхенского пакта, 1 октября, мы вступили в…

Председатель: Доктор Экснер…

Экснер: Что же, на этом предмет завершён.

Правда, что в августе 1938 вы подготовили новый оперативный план, о котором вы уже говорили 7 июля? Новый план основанный на предыдущем?

Йодль: Да. Ещё до решения достигнутого Мюнхенским пактом, я по собственной

[209] «Времена» — ежедневная газета в Великобритании, одна из самых известных мировых газет. Выходит в печать с 1785 года.

инициативе, подготовил секретный оперативный план по защите всех германских границ. Он был организован так, что границы должны были только оборонять, в то время как костяк армии нужно было держать в резерве в центре Германии. Этот полный план был доступен здесь во время моего допроса. Теперь его уже нет в документе PS-388, но на него есть ссылка.

Экснер: На странице 40, том I нашей документальной книги, я снова читаю выдержку из PS-388. В самом конце сказано следующее:

> «…после завершения «Зелёного», должно быть возможно привести в действие временное развёртывание».
>
> И потом:
>
> «…сначала Вермахт гарантирует оборону германских границ, включая вновь приобретённые земли, в то время как костяк армии и воздушных сил останется в нашем распоряжении. Такое будущее развёртывание «обороны границ» следует проводить по-отдельности на различных фронтах».

Почему вы подготовили развёртывание к «обороне границ»? В чём заключалась причина этого?

Йодль: Причина заключалась в том, что как только необходимость операции против Чехословакии стала излишней, в результате решения проблемы каким-то образом, мы бы вообще не имели никакого плана развёртывания. И так как ни о каком другом намерении фюрера мне было неизвестно, я по собственной инициативе подготовил план для такой операции, который был бы подходящим к любому случаю.

Экснер: Вам что-либо известно о намерениях фюрера, после Мюнхенского соглашения, идти дальше и оккупировать Богемию и Моравию?

Йодль: Нет, у меня и мысли не было об этом. Я знал из его речи от 26 сентября, в которой он сказал: «Теперь мы решили последнюю проблему».

Я верил в такую гарантию, и это подтверждается фактом, что в течение тех дней – это было приблизительно 10 или 11 сентября – я предложил фельдмаршалу Кейтелю, тогда генералу Кейтелю, что он должен попросить британскую делегацию, о прибытии которой объявили, приехать в Иглау в Моравии, потому что многим немцам, которые жили там угрожали вооруженные чехословацкие коммунисты. Это конечно предложение, которое я никогда бы не сделал если бы у меня была хотя бы какая-то мысль, что фюрер вынашивает какие-либо дальнейшие намерения, касающиеся Богемии и Моравии.

Экснер: Эти дальнейшие намерения фюрера запротоколированы 21 октября 1938 в директиве. Вы знали о ней в ОКВ, или каким было положение?

Йодль: Нет, я не знал об этом. Я это не видел. Я увидел её впервые в этом зале суда во время предварительных допросов.

Экснер: Тогда вас перевели…

Йодль: Меня перевели в Вену в качестве командира артиллерии 44-й дивизии

расквартированной там.
Экснер: Это было в конце октября, не так ли?
Йодль: Конец октября.
Экснер: Как вы представляли себе дальнейшее военное развитие? Но, конечно вы уже на это отвечали.
Йодль: На самом деле, я ожидал облегчения политической напряженности и мирный период. Я это могу точно сказать.
Экснер: И что случилось с вами потом?
Йодль: Так как я не знал ни о каких других планах, я перевёз свой дом, в Вену забрав с собой всю мебель. Естественно я бы никогда этого не сделал, если бы имел малейшую мысль о том, что грядёт война, потому что я знал, что в случае войны я должен был стать начальником оперативного штаба вооруженных сил и должен был вернуться в Берлин. Я попросил генерала Кейтеля помочь мне стать с 1 октября 1939 командиром 4-й горной дивизии в Рейхенхалле, и вновь, просьба, которая бы никогда не пришла в мою голову если бы у меня была какая-либо мысль о том, что произойдет.
Экснер: Как командир артиллерии в Вене вы оставались на связи с ОКВ?
Йодль: Нет, вообще вряд ли. У меня не имелось никаких связей с ОКВ. Я не получал никаких военных документов от ОКВ за всё время этого периода.
Экснер: И кто информировал вас о ситуации в то время?
Йодль: Никто. В течение этого времени, я не знал больше о том, что будет происходить или о том, что планировали чем какой-нибудь лейтенант в моей артиллерии.
Экснер: У вас была частная переписка с Кейтелем?
Йодль: Я получил одно письмо от генерала Кейтеля. Я думаю, это было в конце июля 1939. Он лично принёс мне хорошие новости о том, что вполне вероятно я стану командиром 4-й горной дивизии в Рейхенхалле с 1 октября, и что генерал фон Зоденштерн[210] станет начальником оперативного штаба вооруженных сил, теперь на мирной основе, с 1 октября.
Экснер: Вы помогали готовить план оккупации оставшихся частей Чехословакии?
Йодль: Нет, не помогал. Во время оккупации я некоторое время оставался в Вене и временно стал начальником штаба 18-го армейского корпуса в Вене. Затем, позднее, меня перевели в Брюнн в Чехословакии вместе со всей 44-й дивизией.
Экснер: Когда вы услышали обо всём деле?
Йодль: Это было из приказов моего штаба дивизии, что я услышал об этой операции в марте 1939, где-то заранее за два-три дня.
Экснер: Этот поход в Чехословакию являлся осуществлением «Зелёного плана» который вы первоначально подготовили?

---

[210] Георг фон Зоденштерн (1889 – 1955) – немецкий генерал. Начальник ряда штабов групп армий на Восточном и Западном фронтах.

Йодль: Нет; он больше не имел к этому никакого отношения. Были совершенно иные войсковые подразделения, и даже половины войск предусмотренных в 1938 не использовали для похода в Чехословакию в 1939.

Экснер: Итак, в течение того периода, когда вы находились в Вене, 23 мая 1939 было совещание с фюрером, которое часто здесь упоминалось, касательно несоблюдения нейтралитета, и т. д. Часто говорили, что Варлимонт присутствовал там, в качестве вашего представителя. Каким было положение? Он был вашим представителем?

Йодль: С большим упорством снова и снова говорят о том, что генерал Варлимонт принимал участие в совещании в качестве представителя Йодля, или даже однажды сказали, как его помощник. Так вопрос не стоит. Он был моим преемником, но не моим представителем. И даже если повторять это снова и снова, это не станет правдой. Он был моим преемником.

Экснер: Вы покинули ОКВ, не так ли?

Йодль: Да, я полностью покинул ОКВ. Тот факт, что совершенно случайно позднее Варлимонт стал моим заместителем, не имеет вообще никакого отношения к событиям мая 1939.

Экснер: Когда вы впервые услышали об этой встречи в мае 1939?

Йодль: Здесь в Нюрнберге в 1946.

Экснер: Между тем вы имели какой-либо контакт с руководителями партии, или с австрийскими национал-социалистами?

Йодль: Нет, вообще нет; ни с кем.

Экснер: Или с этими подсудимыми здесь?

Йодль: Нет, с ними тоже.

Экснер: Однажды в это время фюрер приезжал в Вену с Кейтелем. Думаю они находились там 2 дня или как то так. Вы докладывали ему по этому поводу?

Йодль: Да, приехав из Праги он совершенно ненавязчиво посетил Вену, и по тому поводу я сказал несколько слов генералу Кейтелю, но я не говорил с фюрером.

Экснер: Вас не представили ему?

Йодль: Нет.

Экснер: Каким должно было быть ваше военное назначение?

Йодль: Как я уже сказал, в случае войны я должен был стать начальником оперативного штаба вооруженных сил.

Экснер: Что насчёт ваших личных частных планов в то лето?

Йодль: В то лето я уже имел билеты на круиз по восточному Средиземноморью на 23 сентября 1939.

Экснер: На 23 сентября путешествие…

Йодль: Путешествие должно было начаться в Гамбурге; я уже оплатил билеты.

Экснер: Когда вы оплатили билеты? Вы помните?

Йодль: Я купил билеты во второй половине июля.

Экснер: Когда вы вернулись в Берлин?
Йодль: Я абсолютно не уверен в точной дате, но я представляю, что это было 23 или 24 августа – согласно телеграмме, которая неожиданно застала меня в Брюнне.
Экснер: Если бы вы не получили эту телеграмму, когда вы должны были ехать в Берлин?
Йодль: В случае всеобщей мобилизации я всё равно должен был поехать в Берлин.
Экснер: И теперь вы должны были явиться к фюреру в Берлин?
Йодль: Нет, я не явился к нему. Конечно, я явился к генералу Кейтелю и начальникам генеральных штабов армии и воздушных сил и главнокомандующему флотом.
Экснер: Господин председатель, я завершил этот предмет, и я думаю, что было бы подходящее время прерваться.
Председатель: Вы можете сказать нам сколько вы хотите продолжать?
Экснер: Я очень сильно надеюсь – разумеется это будет завтра утром, ну скажем до полудня?
Штейнбауэр: Господин председатель, как защитник доктора Зейсс-Инкварта, я прошу от имени своего клиента о том, чтобы ему позволили отсутствовать на заседаниях два дня, чтобы подготовить свою защиту.
Председатель: Разумеется.

[*Судебное разбирательство отложено до 10 часов 5 июня 1946*]

День сто сорок седьмой

Среда, 5 июня 1946

Утреннее заседание

[*Подсудимый Йодль вернулся на место свидетеля*]

Пристав: С позволения трибунала, сообщаю о том, что подсудимый Зейсс-Инкварт отсутствует.

Краус: Господин председатель, по согласованию с обвинением я прошу разрешения предъявить меморандум Гитлера, касательно четырёхлетнего плана 1936. Это заверенная копия, заверенная британским офицером в лагере Дастбин. Я присвоил ей номер Шахт-48. На вечернем заседании 1 мая мой друг доктор Дикс ссылался на этот меморандум, который тогда не был включен в материалы дела. Доктор Шахт затем цитировал несколько фрагментов из этого меморандума. Председатель заявил о том, что мы сможем предъявить меморандум позднее при условии, конечно, что обвинение согласится. Обвинение согласилось, и поэтому я надеюсь, что теперь мне будет разрешено предъявить его.

Кроме того, я вручил ряд английских переводов. Сожалею, что пока не смог сделать переводы на остальные языки и прошу разрешения обеспечить эти переводы позднее.

Председатель: Доктор Краус, до тех пор пока другие переводы фактически не подготовили, документы не становятся частью материалов дела.

Краус: Нет. Доступны английские переводы, а другие пока не готовы. Могу я предъявить их позднее?

Председатель: Да, разумеется. И тогда они станут частью материалов дела.

Краус: Да, дополнением к документальной книге.

Экснер: Генерал-полковник, вчера вы рассказали нам, что вы являлись начальником оперативного штаба вооруженных сил в течение войны и, что ваша основная задача состояла в подготовке военных оперативных планов. Это правильно, не так ли?

Йодль: Это правильно.

Экснер: Тогда, откуда вы получали свои планы? Кто решал о том, какие планы вы должны были готовить?

Йодль: Это было точно также как любом другом военном штабе. Главнокомандующий – в данном случае лично фюрер – получал данные для принятия решений: карты, обзор сил наших и противника, и информацию о

противнике. Затем он принимал свои решения, и потом я собирал для работы свой генеральный штаб, придавая этим решениям военную форму необходимую для всего механизма Вермахта.

Экснер: Итак, в ходе этих задач и исследований вы также должны были работать над операциями, которые на самом деле не осуществили.

Йодль: Я подготовил очень много таких операций. Из общего количества операций, для которых я подготовил приказы и инструкции, была только одна о проведении которой я знал точно; это была операция против Югославии. В случае всех остальных оперативных планов, решение о том будут ли они осуществляться или нет, оставалось неопределенным долгое время.

В качестве примера оперативных планов, которые были подготовлены во всех подробностях, но которые не были проведены, я называю вторжение в Англию, поход в Испанию, захват Гибралтара, захват Мальты, захват полуострова Рыбачий рядом с Петсамо и зимняя атака на Кандалакшу на мурманской железной дороге.

Экснер: Значит, эти ваши задачи охватывали все театры военных действий?

Йодль: В начале войны работа моего генерального штаба вообще не относилась ко всем театрам боевых действий, но указания фюрера шли только к родам войск Вермахта – то есть к армии, флоту и воздушным силам; и только в норвежской кампании обстоятельства сложились так, что оперативный штаб вооруженных сил сделали ответственным за театр военных действий. И такое условие полностью изменилось, когда в начале 1942 фюрер сам принял верховное командование армией. Кессельринга уже спрашивали об этом, но ответа не было. Однако, это происходило по той причине, что фюрер как верховный главнокомандующий вооруженных сил, не мог отдавать приказы через Йодля себе самому как главнокомандующему армией и затем исполнять их через генерал-полковника Цейтцлера. Соответственно возникло разграничение. С этого момента он, с генеральным штабом армии, руководил всем Восточным фронтом, в то время как оперативный штаб вооруженных сил стал ответственным за работу генерального штаба на всех остальных театрах военных действий.

Экснер: Итак, свидетель, фельдмаршал Паулюс заявил трибуналу, что ОКВ было ответственным за приказ удерживать Сталинград; и фактически, и Кейтеля и Йодля постоянно обвиняли в зарубежной прессе в отдаче этого катастрофического приказа. Это правда?

Йодль: Нет, это неправда. Свидетель, к которому я чувствую глубочайшую симпатию и с которым я работал самым товарищеским образом, вообще не мог ничего знать об этом. Факты следующие: в момент нависшей опасности, решение о том, что Сталинград следует удержать было принято фюрером в ходе личной беседы с генерал-полковником Цейтцлером и вопреки совету последнего. Цейтцлер так сказал мне после возвращения с этой беседы. На более позднем этапе, когда метели уже бушевали в степях Дона, вопрос прорыва Сталинградского гарнизона

обсуждался снова. Фельдмаршал Кейтель, генерал-полковник Цейцтлер и я присутствовали по этому поводу.

Председатель: Доктор Экснер, я не совсем понимаю, как это относится к делу, хотя фельдмаршал Паулюс и мог сказать что-нибудь об этом. Я имею в виду, что он мог дать какие-то показания о сражении в Сталинграде, и он несомненно это сделал, но я не понимаю как это относится к нашему делу, или как это связано с делом Йодля.

Экснер: Господин председатель, на этом вопрос снят. Это было необходимо, чтобы внести ясность в ошибку фельдмаршала Паулюса. Но на этом вопрос уже снят.

[*Обращаясь к подсудимому*] Теперь мы переходим ко времени, когда вас отозвали из Вены в Берлин в 1939. Какое положение дел вы обнаружили в Берлине по прибытию?

Йодль: Я обнаружил полностью непостижимое состояние дел в Берлине – по крайней мере, непостижимое для меня. Никто не знал, что было правдой, а что блефом. Пакт с Россией[211]укрепил наши надежды на сохранение мира, надежды, которые неминуемо возросли и укрепились неожиданной отменой атаки приказанной на 26 августа. Никто из солдат, с кем я говорил, не ожидал тогда войны с западными державами. Ничего не готовилось за исключением операций для нападения на Польшу.

Было только оборонительное развёртывание войск на Западном вале. Силы, дислоцированные там были настолько слабыми, что мы даже н могли иметь по человеку во всех укреплениях. Однако фактические усилия по сохранению мира, усилия о которых я услышал от рейхсмаршала, имя Далеруса[212] – все эти переговоры оставались неизвестными для меня постольку, поскольку этого не публиковали в прессе. Но есть одна вещь, которую я могу сказать в заключение. Когда объявление войны получили от Англии и Франции, это было как удар под дых для нас солдат, которые сражались в Первую мировую войну. Я доверительно слышал от генерала Штапфа[213] – сегодня это уже не конфиденциально – что рейхсмаршал отреагировал точно также.

Экснер: Вам известно, когда Польша мобилизовалась?

Йодль: Это я не могу сказать. Я знаю только о том, что когда я прибыл в Берлин и был в самый первый раз проинформирован генералом фон Штюльпнагелем о ситуации и нашей силе, польское развёртывание уже шло вдоль границы, также как и немецкое.

Экснер: Уже это отвечает на обвинения предъявленные против вас в судебном досье, а именно «планирование против Польши».

---

[211] Договор о ненападении между Германией и Советским Союзом (также известен как пакт Молотова — Риббентропа) — межправительственное соглашение, подписанное 23 августа 1939 года главами ведомств по иностранным делам Германии и Советского Союза.

[212] Биргер Далерус (1891 – 1957) – шведский предприниматель, дипломат-любитель, друг Г. Геринга. В августе 1939 пытался убедить правительство Великобритании оказать давление на Польшу.

[213] Отто Штапф (1890 – 1963) – немецкий генерал. С 1942 по 1944 руководитель Экономического штаба «Восток»

Вы подготовили план против Польши?

Йодль: Нет. Ни единой строчкой чернил, я не участвовал в подготовке польской войны.

Экснер: Тогда я правильно скажу, чтобы суммировать, что когда вы оставили Берлин, ещё не было плана против Польши?

Йодль: Нет.

Экснер: И когда вы вернулись в Берлин, план был готов?

Йодль: Да. План нападения был полностью разработан.

Экснер: Вы слышали речь фюрера от 22 августа 1939, которую часто здесь цитировали?

Йодль: Нет; в тот день я всё ещё находился в Вене.

Экснер: Когда вы услышали об этой речи?

Йодль: Впервые здесь в Нюрнберге.

Экснер: Вы помните встречу в специальном поезде фюрера 9 сентября 1939, описанную здесь генералом Лахузеном[214]? Вы можете это вспомнить?

Йодль: Да, я прекрасно помню эту встречу.

Экснер: В чём заключался предмет беседы в то время пока вы находились в поезде фюрера?

Йодль: Я встретил фюрера в так называемом командном вагоне, в комнате с картами, где находились фельдмаршал Кейтель, Канарис и Лахузен; и затем Канарис сделал краткий доклад об информации полученной с Запада и высказал мнение о том, что французская атака на сектор Саарбрюкена неминуема. Фюрер возразил этому, и я тоже. Помимо этого больше ничего не обсуждалось.

Экснер: Значит заявление Лахузена верное о том, что вы находились только на этой конкретной части дискуссии?

Йодль: Что касается меня у меня нет ни слова возражения против заявления Лахузена. Абсолютно правильно.

Экснер: Во время процесса часто упоминались артиллерийская и воздушная бомбардировка Варшавы. Вы принимали участие в отдаче приказов об этом?

Йодль: Да, я принимал участие постольку, поскольку главнокомандующий армией обратился к фюреру за разрешением артиллерии обстрелять Варшаву, как только завершится развёртывание артиллерийских подразделений. Фюрер отказал в этом. Он сказал: «То, что происходит там из-за поляков это безумие». Он приказал мне подготовить новые листовки – что я лично и сразу сделал – и снова сбросить их над Варшавой. Лишь, когда это повторное требование прекратить безнадёжное сопротивление оказалось абсолютно безуспешным, он санкционировал артиллерийскую бомбардировку и воздушные атаки на крепость Варшаву – и я подчеркиваю слово «крепость».

[214] Эрвин Лахузен (1897 — 1955) — австрийский военачальник. В 1939-1944 занимал ряд руководящих постов в военной разведке Германии.

Экснер: Отдавая приказы, вы имели какое-либо отношение к координации немецких и советско-русских операций?

Йодль: Да. Когда мы еще находились в трёх днях марша от Вислы, меня проинформировали к моему большому удивлению – мне кажется, представитель министерства иностранных дел – в то время как я вошёл в ставку фюрера, что Советская Россия оккупирует польские территории…

Председатель: Подсудимый, если для вас это удобно, думаю вы можете говорить немного быстрее.

Йодль: …что польские территории к востоку от согласованной демаркационной линии будут оккупированы советско-русскими войсками в назначенное время. Когда мы подходили к этой согласованной демаркационной линии, которая была показана мне на карте – линией была восточнопрусско-литовская граница, Нарев, Висла, Сан - я телефонировал нашему военному атташе в Москве и проинформировал его о том, что мы вероятно сможем дойти до отдельных пунктов демаркационной линии на следующий день. Вскоре меня проинформировали по телефону о том, что русские дивизии ещё не готовы.

Когда, послезавтра, мы дошли до демаркационной линии и должны были пересечь её преследуя поляков, я снова получил новости из Москвы, в 02 часа 00 минут о том, что советско-русские дивизии займут свои позиции вдоль всего фронта в 04 часа 00 минут. Данный манёвр был проведен пунктуально, и затем я подготовил приказ германским войскам, чтобы повсюду, где они вступали в контакт с войсками Советского Союза, и по согласованию с ними, они должны были отходить к демаркационной линии.

Экснер: Вам известно, в какой день всё это случилось?

Йодль: Не могу сказать точно, когда войска достигли линии, но я бы сказал, что это было приблизительно 14 или 15 сентября.

Экснер: Теперь мы рассмотрим вопрос агрессивных войн против нейтральных стран…

Председатель: Доктор Экснер, всё, что подсудимый сейчас рассказывает нам, кажется мне просто тратой времени, без всякого отношения к данному делу, и почему вы позволяете ему делать это, я не знаю.

Экснер: Вас обвиняют в использовании своего личного влияния и ваших близких отношений с фюрером для нападения на серию нейтральных государств. Скажите мне, это правда?

Йодль: Нет, неправда. Я помню, что свидетель здесь говорил о зловещем влиянии, ключевой позиции зловещего характера – в любом случае, чем-то зловещем. Но моё влияние на фюрера к сожалению не являлось настолько большим как могло быть, или вероятно даже должно было быть в виду занимаемого мною положения. Причина лежит в мощной личности этого деспота, который никогда не выносил советчиков.

Йодль: Когда вы впервые услышали о плане возможной оккупации Норвегии?

Йодль: Фюрер впервые сказал мне – думаю в середине ноября 1939 – в любом случае, спустя довольно длительное время после первой беседы с ним гросс-адмирала Рёдера. На этом первом совещании, которое мне кажется, состоялось 10 октября, я пока ни о чём не услышал и фюрер ни о чём меня не проинформировал. Но в середине ноября он переговорил со мной об этом. Я впервые узнал о подробностях во время устного доклада главнокомандующего флотом, который состоялся 12 ноября и на котором я присутствовал.

Экснер: В данной связи я обращаю ваше внимание на документ С-64, экземпляр GB-86, страница 46 документальной книги. Но мне не требуется вслух это читать. Том I, страница 46.

В чём заключалась точка зрения фюрера?

Йодль: Общее отношение фюрера тогда заключалось – это также письменно установлено в письменном виде: «Я вовсе не заинтересован в расширении театров военных действий, но если опасность оккупации Норвегии Англией реально существует и если это правда, тогда ситуация была бы совершенно иной».

Экснер: Что-нибудь тогда приказали?

Йодль: Тогда ничего не приказали, но он просто дал мне указание в целом обдумать проблему. Предварительная работа, как подтверждается документами, началась 27 января 1940.

Экснер: Это можно видеть из документа С-63, экземпляр GB-87.

Вы тогда считали, что гарантия данная Гитлером в декабре и октябре 1939 о том, что норвежский нейтралитет будут уважать – вы считали, что эта гарантия была дана с целью убаюкать Норвегию в безопасности, как предполагает обвинение?

Йодль: Это утверждение можно чётко опровергнуть при помощи нескольких дат, которые я перечислю. Эти гарантии, эти политические гарантии, были даны фюрером – или правительством Рейха, я не знаю какая – 2 сентября и 6 октября. 9 октября фюрер прочитал и подписал знаменитый меморандум известный как документ L-52. Я не знаю осведомлён ли трибунал о том факте, что это был личный меморандум фюрера.

Экснер: Это документ L-52, экземпляр USA-540. Он напечатан на странице 48, тома I моей документальной книги.

В данном меморандуме – кто подготовили данный меморандум?

Йодль: Данный меморандум, как я думаю, очевидно, из документа, пошёл к трём главнокомандующим и начальнику высшего командования вооруженных сил. Он был продиктован слово в слово самим фюрером и был подготовлен за две ночи.

Экснер: Я прочитаю параграф 2, напечатанный на странице 48 моей документальной книги:

«Нордические государства:

> Их нейтральность, если не возникнут совершенно непредвиденные обстоятельства, может быть принята и на будущее. Продолжение германской торговли с данными странами выглядит возможным даже в случае длительной войны».

Йодль: Не может быть и речи, что фюрер, в этом чрезвычайно секретном меморандуме, мог бы упоминать что-то кроме своей подлинной цели в то время. Это, однако, тем более понятно, что только днем позже, а именно 10 октября, гросс-адмирал Рёдер впервые сообщил фюреру об этих опасениях.

Экснер: Оккупация Норвегии была очень тяжёлым решением для руководства?

Йодль: Это было ужасно тяжёлое решение. Вкратце – это означало азартную игру всем германским флотом. Результатом было то, что нам пришлось оборонять береговую линию более чем в 3000 километров, что означало почти 300 000 человек в бездеятельности. Решение, поэтому, опиралось на действительно достоверную информацию о том, что Норвегии угрожала реальная опасность. Это причина, почему нет никакой точной даты для операции «Weserubung[215]» и причина почему, я позже предложил, чтобы силы для норвежской операции, в случае необходимости, и для атаки на Западе следовало полностью отделить друг от друга.

Экснер: В чём заключались причины, почему оккупацию требовалось подготовить в каждой детали?

Йодль: Причины совершенно открыто и чётко приводятся в приказе от 1 марта 1940, который является документом С-174…

Экснер: Это экземпляр GB-89.

Йодль: Да, мы в любом случае должны были быть готовы.

Председатель: Это документ PS-174, или какой?

Экснер: Он не напечатан в моей документальной книге. Он ссылается на документ, который британское обвинение представило как экземпляр GB-89.

Председатель: Но 174 должен означать что-нибудь, разве не должен?

Экснер: Документ С-174.

Робертс: Милорд, это С-174.

Председатель: С-174. Очень хорошо.

Робертс: И он был предъявлен господином Элвином Джонсом, в документальной книге 3.

Председатель: Да.

Экснер: Итак, в своём дневнике вы говорите, что фюрер искал оправдание. Смысл здесь уже объясняли, но вам лучше знать в чём смысл, поскольку вы сами это написали. Что это означает?

Йодль: Фюрер в те дни говорил, когда я написал это – не в дневнике, а в своём

---

[215] Датско-норвежская операция или Операция «Везерюбунг» (нем. Fall Weserübung), также: «Учения на Везере» или «Везерские манёвры» — немецкая операция по захвату Дании (Везерюбунг-Зюйд (нем. Weserübung-Süd)) и Норвегии (Везерюбунг-Норд (нем. Weserübung-Nord)) во время Второй мировой войны.

блокноте, в записной книжке – он говорил: «Чтобы осуществить подобное решение мне требуется абсолютно надёжная информация которой я на самом деле смогу оправдать такое решение перед миром и доказать, что оно было необходимо. Я не могу сказать, я услышал это от господина Квислинга[216]…». И по этой причине он особо озадачивал разведку в то время, для того, чтобы получить гораздо более точную информацию для фюрера об этих многочисленных докладах которые мы получали…

Экснер: Итак, гросс-адмирал Рёдер объяснил факты, из которых можно было сделать вывод о планах Англии. Вам есть, что добавить к этому, или вопрос снят?

Йодль: В целом, гросс-адмирал Рёдер уже представил всю информацию. Есть одна вещь, которая остаётся в моей памяти и которая также записана в моём блокноте. Это особое подначивание, за которое совершенно открыто выступала французская пресса о том, чтобы в любом случае Германия должна была быть отрезана от шведских поставок руды. Тогда прошла миноукладка в норвежских территориальных водах; и затем случился «Altmark[217]», что согласно моим исследованиям международного права, являлось грубейшим нарушением соглашения устанавливающего права и обязанности нейтральных государств в морской войне, и статей 1 и 2…

Экснер: Относительно первых двух пунктов, которые упомянул свидетель, я бы хотел обратить внимание на документ PS-1809 – то есть, его дневник, экземпляр GB-88, страница 53 тома I моего сборника. Там есть запись от 10 марта:

> «Новости о финско-русских переговорах очень радостны с политической точки зрения. Французская пресса от них в ярости, потому что считается необходимым отрезать Германию от шведской руды».
>
> И затем запись от 25 марта:
>
> «Англичане начали притеснять или обстреливать наши торговые суда в датских и норвежских территориальных водах».
>
> Теперь, пожалуйста, скажите нам, что привело к решению о нападении?

Йодль: Окончательное решение фюрера было принято 2 апреля на основе двух частей информации. Первое, доклады от флота относительно повторявшихся обстрелов германских торговых судов в норвежских и датских территориальных водах. Второе, доклад Канариса о том, что британские войска и транспорты находились в состоянии готовности в северной части английского восточного побережья.

---

[216] Видкун Квислинг (1887 - 1945) — норвежский политический и государственный деятель, коллаборационист, национал-социалист, активно сотрудничал с Германией в период Второй мировой войны. Министр-президент Норвегии в 1942-1945 гг. Казнён по приговору норвежского суда.

[217] «Альтмарк» — танкер, вспомогательное судно крейсера кригсмарине «Адмирал граф Шпее», подвергшееся в 1940 году абордажу со стороны британского корабля в территориальных водах нейтральной Норвегии с целью освобождения пленных.

Экснер: Какими были бы последствия для нас, если бы Англия попала туда первой?
Йодль: В этом я могу сослаться на показания гросс-адмирала Рёдера и могу лишь сказать, что как только Норвегия оказалась бы в британских руках война была бы наполовину нами проиграна. Мы были бы стратегически окружены на северном фланге и из-за слабости нашего флота мы были бы неспособны снова это исправить.
Экснер: Позднее было обнаружено бесспорное доказательство того, что британский план действительно существовал?
Йодль: Мы захватили все материалы британской бригады высадившейся на Намсосе и в других местах. Мы застали врасплох и взяли в плен британского военного корреспондента Ромилли[218] в Нарвике, где он ждал, что-то другое нежели прибытие германских кораблей, в противном случае он бы избежал плена. На вопрос о том, что он хотел сообщать о войне в мирном Нарвике, он вообще не смог дать нам никакой информации.

Позднее мы захватили все материалы французского генерального штаба, часть которых уже была представлена защитником адмирала Рёдера. Особенно поучительными и сильно заинтересовавшими меня, были дневники английских офицеров и некоторых сержантов, которых мы взяли в плен в Норвегии. По крайней мере, они подтверждали одну вещь, а именно, что все эти войска уже грузились и отходили от берега в тот момент, когда наш германский флот вышел к Норвегии.
Экснер: Я бы хотел снова сослаться на две записи в дневнике, страница 54, том I моей документальной книги, запись от 24 апреля и запись от 26 апреля. Там сказано:

> «Майор Солтманн сообщает о допросе англичан и представляет дополнительные важные документы, среди них секретный список армии. В полдень первые пленные прибыли в Берлин. Их допрашивают в бараках Александра и подтверждается подлинность приказов. Весь материал передан министерству иностранных дел».

В заключение, я также обращаю ваше внимание снова на опросный лист Солтманна. Это документ AJ, номер 4, экземпляр Йодль-57, который я сейчас представляю; страница 173 тома II. Мне не требуется зачитывать его вслух; я просто обращаю ваше внимание на ответы Солтманна на вопросы 4 и 5.

Теперь последний вопрос, о норвежском деле. Английский представитель обвинения сказал о том, что это показывает какой была честь солдат которые атаковали Норвегию и затем использовали ложь и оправдания. Что вы на это скажете?
Йодль: Обвинение соответственно поставило чисто оперативную проблему на уровень солдатства или человеческой чести. До сих пор такого в мире не было принято. Я могу лишь сказать о том, что я не нападал на норвежцев, ни прибегал к лжи и оправданиям. Но я использовал всю свою силу, чтобы внести вклад в успех операции, которую я считал абсолютно необходимой с целью предупредить

[218] Гайл Ромилли (1916 – 1967) – британский журналист, племянник У. Черчилля, попал в плен немцам в мае 1940.

похожую акцию со стороны англичан. Если когда-нибудь сорвут печати с архивов, тогда правильность моего отношения будет ясно показана. Но даже если это была ошибка, честность моего субъективного мнения в то время никак нельзя изменить.
Экснер: Теперь мы обсудим войну на Западе. После завершения польской кампании уже существовал оперативный план нападений на Западе?
Йодль: Нет. Начнём с того, что не было никакого плана атаки на Западе, но, напротив, в частности в армии, было широко распространённым мнение, что война сойдёт на нет, если мы будем молчать на Западе. Это зашло настолько далеко, что главнокомандующий армией даже преобразовал дивизии моторизованной пехоты в крепостные дивизии, и забрал у них всё их мобильное снаряжение.
Экснер: Во время польской кампании вы уже знали о том каким были намерения фюрера касательно Запада?
Йодль: Фюрер сам сомневался во время польской кампании. Он тоже не находил никакого правдоподобного объяснения полному бездействию французских и английских войск во Франции, которые только изображали фиктивную войну с помощью своих военных коммюнике. В реальности на фронте ни разу не выстрелили. Но к концу сентября, если я правильно помню, фюрер осознал, что раз Англия вступила в войну, она будет сражаться до печального конца.
Экснер: Как офицер генерального штаба вы должны быть способны ответить на следующее вопросы лучше, чем кто-либо ещё. Мы могли, с чисто стратегической точки зрения, оставаться исключительно в обороне, что касалось Запада?
Йодль: Я буду очень кратким, поскольку такие проблемы прямо не связаны с данным процессом. Я лишь скажу, что это было бы величайшей возможной стратегической ошибкой, потому что превосходство, которым мы обладали тогда, обязательно бы уменьшалось пропорционально нашей отсрочке в его агрессивном использовании; ибо Англия постоянно доставляла дальнейшие войска во Францию, также как и Франция из своей колониальной империи.

Мне кажется больше мне не нужно говорить об этом.
Экснер: Я обращаю ваше внимание на документ С-62, экземпляр GB-106, том I моей документальной книги, страница 56. Однако, мне не требуется, читать его вслух. Это директива по ведению войны и содержит основные идеи о которых мы уже непосредственно высказались.
Йодль: Вероятно, важна ещё одна вещь. Фюрер серьезно воспринимал эту угрозу, что мы не сможем сохранить наше превосходство в длительной перспективе, так что он на самом деле хотел атаковать зимой, хотя все без исключения солдаты, не советовали ему этого.
Экснер: Здесь внимание можно обратить на наш документ, том I, страницы 48 и 49. Это меморандум фюрера о ведении войны на Западе, из которого Йодль уже цитировал документ L-52, экземпляр USA-540. Детальное обоснование этого на странице 49 моей документальной книги.

Почему тогда Франция не атаковала без нарушения нейтралитета Голландии, Люксембурга и Бельгии?

Йодль: Для фюрера не являлось мелочью создавать новых противников, обладающих силами в 500 000 человек, которых представляли голландские и бельгийские силы. Это привело к проведению атаки на Западе действительно меньшими силами, а именно, со 110 дивизиями против приблизительно 135 вражеских. Ни один военный командир не сделал бы этого за исключением крайнего случая.

Экснер: Итак, в чём заключались причины?

Йодль: Мы были не в состоянии прорвать линию Мажино[219] в её сильнейших точках, которые бы тогда остались незахваченными – а именно, между Рейном и люксембургской границей или верхнем Рейном где горы Вогез были дополнительным препятствием в прорыве через этот Западный вал, эту линию Мажино. Для этой цели не хватало тяжёлой артиллерии, но это была не моральная причина; фактически, скорее аморальная.

Большая опасность лежит в том факте, что такая затянувшаяся атака на укрепления открывала нас для атаки в тылу объединенным прорывом английских и французских моторизованных войск через Бельгию и Голландию; и они находились к северу от Лиля с заведёнными моторами, можно сказать, с этой самой задачей. И решающий фактор заключался в том, что имея много докладов, которые доходили до нас, фюрер и мы сами, солдаты, явно находились под впечатлением, что нейтралитет Бельгии и Голландии на самом деле лишь притворный и обманчивый.

Экснер: Как вы пришли к такому выводу?

Йодль: Отдельные доклады не сильно интересные. Однако, было бесконечное количество докладов от Канариса. Они дополнялись и подтверждались нам письмами от дуче, Муссолини[220]. Но что абсолютно подтверждалось и полностью достоверно, что я лично мог видеть на картах каждый день, было ночными полётами королевских воздушных сил туда и обратно, полностью игнорирующих почти нейтральные голландские и бельгийские территории. Это, безусловно, укрепляло в нас убеждение о том, что даже если бы две страны желали – и вероятно в начале они так и желали – они бы не смогли длительно оставаться нейтральными.

Экснер: Какую опасность означала бы для нас оккупация Бельгии и Голландии англичанами и французами?

Йодль: Эти опасности были совершенно чётко обозначены фюрером, сначала в его меморандуме, документе L-52, который непрерывно цитировали. Там, на странице

---

[219] Линия Мажино — система французских укреплений, на границе с Германией от Бельфора до Лонгийона. Была построена в 1929—1934 годах (затем совершенствовалась вплоть до 1940 года). Длина около 400 км. Названа по имени военного министра Андре Мажино.

[220] Бенито Муссолини (1883 - 1945, Джулино-ди-Медзегра, Медзегра, Ломбардия) — итальянский политический и государственный деятель, публицист, лидер Национальной фашистской партии (НФП), диктатор, вождь («дуче»), возглавлявший Италию как премьер-министр в 1922—1943 годах. Казнен итальянскими партизанами.

48 документальной книги, в последнем параграфе на странице, есть ссылка на огромную важность Рура – что, между прочим, выглядит совершенно достаточным даже сегодня.

В своём выступлении от 23 ноября 1939 к главнокомандующим – документ PS-789 или экземпляр USA-23 – он снова описывает, на странице 59, том I документальной книги, именно то какой будет угроза для рурского района если однажды британские и французские войска внезапно окажутся в этом районе. Он ссылался на то, что там «Ахиллесова пята», и вот, в чём это заключалось для германской военной стратегии.

Экснер: И он сказал там, на странице 59 нашей документальной книги:

> «Мы имеем ахиллесову пяту: Рурский район. Военная стратегия зависит от обладания Рурским районом. Если Англия и Франция прорвутся через Бельгию и Голландию в Рур, мы будем в величайшей опасности».

Йодль: Я, конечно, не мог и не смогу, поклясться в абсолютной точности многочисленных докладов Канариса, но материал, захваченный потом – и в связи я этим я обращаю ваше внимание на совещание верховного военного совета в Лондоне 17 ноября 1939 – в целом подтвердили точность докладов разведки.

Экснер: Предположительно у вас не имелось тогда причины сомневаться в честности Канариса, не так ли?

Йодль: Нет. Тогда не было ни малейшей причины для сомнения.

Экснер: Да. Но теперь возникли некоторые сомнения о его честности.

Итак, германская атака изначально планировалась в ноябре 1939. Почему фюрер откладывал её снова и снова? Перед нами не менее 17 приказов о переносе времени атаки.

Йодль: Не совсем правильно говорить, что фюрер приказал атаку на середину ноября, но скорее он хотел приказать атаку на время, когда метеорологи могли спрогнозировать приблизительно 6 или 7 дней ясной, морозной погоды. Но метеорологам это не удалось. Временами они думали, что могут спрогнозировать такую погоду, и тогда велась вся подготовка к атаке. Затем они снова отменяли свои прогнозы погоды и последние приготовления к атаке сразу же прекращались. Вот почему мы так часто готовились к нападению, а затем воздерживались от его осуществления.

В связи с этим я получал доклад Канариса о том, что одно подразделение французской армии уже пересекло одну часть бельгийской границы. Я не знаю, правда ли это.

Экснер: Обвинением вменяет вам сначала обман этих стран, а потом вторжение в них. Пожалуйста, скажите нам, что вам есть сказать в связи с этим.

Йодль: Тоже самое, что уже говорил. Я не был ни политиком, ни главнокомандующим Вермахта. У меня складывалось впечатление – и, на самом

деле, впечатление которое можно подтвердить, что фактически нейтралитет этих двух стран больше не уважали. И, что касается этичности моего поведения, я должен сказать, что это была преданность – ибо преданность на самом деле этическая основа военной профессии. И то, что я был далёк от превращения этого кодекса преданности в слепой кодекс верности рабов, я считаю, без сомнения доказано всем характером моих предыдущих показаний. Тем не менее, нельзя обойти тот факт, что в частности в таких особых оперативных вопросах, не может быть никакого другого курса для солдата кроме преданности.

И если обвинение сегодня вообще в состоянии предъявлять здесь обвинения немецким офицерам, это заслуга этической концепции верности храбрых солдат.

Экснер: Теперь мы переходим к Балканам. В своём дневнике, документе PS-1809, 19 марта вы сделали следующую запись: «Балканы должны оставаться спокойными». Это на странице 61 тома I моей книги, экземпляр GB-88, документ PS-1809, запись от 19 марта. В начале сказано:

> «Фюрер вернулся с конференции с дуче излучая радостью и большое удовлетворение. Полное единодушие…Балканы должны оставаться спокойными».

Что это значит?

Йодль: Господин профессор, я должен вас поправить. Это не мой дневник.

Экснер: Да. Что же, тогда я должен поставить здесь ещё один вопрос. Ваш дневник и ваши дневники, постоянно обсуждают. Объясните что это – что мы рассматриваем. Один дневник настоящий, а другой нет?

Йодль: Есть только один дневник и это документ PS-1780, который с 1937 по 1938 год, и я использовал его для записей каждым вечером.

Экснер: И теперь этот дневник, документ PS-1809, что это такое?

Йодль: Я не вёл дневник во время войны, но конечно, я исписал дюжину небольших блокнотов. Когда один из блокнотов был исписан, я отмечал красным важные отрывки на полях и моя секретарша позднее их копировала, так как они могли быть важными для написания истории войны и для официального журнала боевых действий оперативного штаба вооруженных сил. Примером будет документ PS-1809.

Экснер: Вы проверяли то, что составляла ваша секретарша?

Йодль: Нет, я это не проверял, и никогда снова этого не видел. Потом он попал в руки обвинения.

Экснер: Итак, ещё есть третий, который всегда цитировали здесь как дневник. Это журнал оперативного штаба вооруженных сил.

Председатель: Вы сказали, он попал в руки обвинения. Вы имеете в виду, что это не был один из документов которые вы передали обвинению?

Йодль: Нет. Я вообще не знал, куда ушли выдержки из моего блокнота. Обвинение

захватило их так или иначе. Остальное выдержки и частичные выдержки из официального журнала боевых действий оперативного штаба вооруженных сил.

Экснер: И кто вёл этот официальный журнал боевых действий оперативного штаба вооруженных сил? Не вы?

Йодль: Нет. Его всегда вёл высококвалифицированный эксперт выбранный мною.

Экснер: Вы его проверяли?

Йодль: Окончательную проверку проводил доктор Шрамм[221], профессор Гёттингенского университета.

Экснер: Мы заслушаем его в качестве свидетеля.

Вы проверяли записи, сделанные в этом официальном журнале боевых действий, или нет?

Йодль: Обычно на это у меня не было времени, но если бы генерал Шерфф[222] прочитал его и нашёл, что-то особенное он бы обратил на это моё внимание.

Экснер: Что же, достаточно с выяснением этого.

Теперь мы снова переходим к вопросу Балкан. В вашем так называемом дневнике сказано: «Балканы должны оставаться спокойными». Что это значило?

Йодль: Это короткая запись о заявлении фюрера – а именно о том, что он полностью согласен с Муссолини в том, что Балканы должны оставаться спокойными.

Экснер: И мы на самом деле не пытались насколько возможно сохранить Балканы спокойными?

Йодль: Да. Мы прилагали для этого неослабные усилия. Наше отношение к Югославии было настолько тактичным как если бы мы имели дело с примадонной. Дело зашло настолько далеко, что когда мы должны были готовить греческую кампанию фюрер даже отказал в предложении генерал-квартирмейстера армии о том, чтобы пломбированные поезда – поезда снабжения – следовало направить через Югославию, что было бы допустимо в соответствии с международным правом. Более того, мы оказывали давление на Болгарию для того, чтобы она не участвовала в намечавшейся атаке на Грецию, в конце концов, чтобы не тревожить Турцию. И даже после греко-итальянской кампании[223], фюрер всё ещё надеялся на то, что конфликта, настоящей войны между Германией и Грецией можно было избежать.

Экснер: Здесь я ссылаюсь на директиву номер 18, напечатанную на странице 66 тома I, нашей документальной книги, которая содержит выдержку из документа PS-444, экземпляра GB-116, и там мы находим следующее заявление в предпоследнем абзаце:

---

[221] Перси Шрамм (1894 – 1970) – немецкий историк. Профессор Гёттингенского университета в 1929-1963.

[222] Вальтер Шерфф (1898 – 1945) – немецкий офицер и историк. Покончил жизнь самоубийством в американском плену.

[223] Итало-греческая война — война между Италией и Грецией, продлившаяся с 28 октября 1940 до 23 апреля 1941 года.

«Подготовительные мероприятия высшего командования по ведению войны в ближайшем будущем следует проводить в соответствии со следующими руководящими принципами…»

И затем в предпоследнем абзаце на этой странице сказано:

«На использование железной дороги через Югославию не следует рассчитывать в целях развёртывания тех сил…»

Йодль: Эта программа была полностью разбита самовольным итальянским поступком, о котором рейхсмаршал и гросс-адмирал уже сделали заявления. Я должен сделать только короткое дополнение. Италия, как обычно, была бита, и направила ко мне начальника оперативного штаба верховного главнокомандования с криком о помощи. Но, несмотря на такое бедствие фюрер не вмешался в войну в Албании. Он не отправил туда ни одного немецкого солдата, хотя вопрос рассматривался. Он приказал только готовить к следующей весне операцию против Греции с началом из Болгарии. При том, что это являлось основной целью оккупации залива Салоник, соответственно оказывая непосредственную поддержку итальянцам и только в случае, которого точно следовало ожидать, английских дивизий высаживающихся в результате итальянского безумия. В этом случае было решено считать всю Грецию оперативным районом, поскольку мы не могли допустить базирования королевских воздушных сил в непосредственной близости от румынских нефтяных месторождений. И такое непредвиденное обстоятельство очень ясно показано в приказе, который предъявлен трибуналу как документ PS-1541, экземпляр GB-117, страницы 63 и 64 документальной книги. Я бы хотел процитировать два отрывка, два очень коротких отрывка из него. В параграфе 2, подпараграфе b страницы 63, говорится:

«Операция Марита[224]». «Мой план таков» - я цитирую – «…направить эти силы прямо через Болгарию, для оккупации северного эгейского побережья, при необходимости всей материковой Греции».

И затем я цитирую со страницы 64, параграф 4, подпараграф А:

«Основная задача операции оккупация эгейского побережья и залива Салоник. Может оказаться необходимым продолжение атаки на Лариссу и полуостров Коринф».

Из этих условных приказов совершенно очевидно, что оккупация всей Греции намечалась, только если бы нас вынудила к этому высадка английских войск, о которой тогда ещё не было речи.

Председатель: Трибунал прервётся.

[*Объявлен перерыв*]

---

[224] Греческая операция, также известная как операция «Марита» (6 апреля—30 апреля 1941) — общее название военных действий во время вторжения нацистской Германии в Грецию в апреле 1941 года.

Экснер: Вы сказали, мы планировали оставить Югославию нейтральной. Итак, данный план видимо изменился в результате путча Симовича[225]. Почему это событие изменило нашу политику в отношении Югославии?

Йодль: Этот путч против законного правительства, офицеров вмешавшихся в политику, сразу после вступления Югославии в Тройственный пакт[226] явно имел антигерманскую направленность. Мы стояли на пороге кампании против Греции, против всей Греции, так как тем временем английский дивизии высаживались там и эту кампанию можно было вести только с гарантированно нейтральной Югославией позади нас.

Председатель: Доктор Экснер, различные лица из подсудимых – подсудимые Геринг и Кейтель – рассматривали политические аспекты вступления Германии в Югославию. До тех пор пока в показаниях подсудимого нет чего-либо нового, это выглядит полностью кумулятивным.

Экснер: Тогда будьте любезны просто сказать нам, есть ли у вас, что-то новое, что можно добавить к этому – какие-то документы, и т. д.

Йодль: Мне есть кое-что добавить, что касается меня лично.

Председатель: Ничего не прошло – английский язык не прошёл. Пожалуйста, попытайтесь снова. Повторите то, что вы сказали.

Йодль: У меня есть кое-что ещё добавить касающееся меня лично относительно югославской проблемы…

Председатель: Нет. До нас ничего не доходит. Подсудимый, продолжайте. Вас спросили о том, есть ли сказать что-то новое.

Йодль: Да, у меня есть кое-что личное.

Экснер: Да, расскажите.

Йодль: В то утро, когда фюрер спонтанно приказал немедленно подготовить атаку на Югославию, я предложил ему или по крайней мере, я напомнил ему, что после концентрации наших войск сначала нам следует выяснить реальную ситуацию, политическую ситуацию при помощи ультиматума. Он отказался это сделать. Он сказал: «От этого нет никакой пользы». Фельдмаршал Кейтель уже подтверждал это.

Экснер: Скажите мне, это было 27 марта?

Йодль: Да, это было 27-го. Могу я привести подтверждение этому. Вечером 27-го был отдан приказ…

Председатель: Я не думаю, что это требуется, если подсудимый Кейтель так сказал, и вы так говорите, и об этом нет перекрестного допроса.

Экснер: Но я чувствую, что в этом есть нечто важное.

---

[225] Душан Симович (1882 — 1962) — югославский военачальник, премьер-министр Югославии (27 марта 1941 — 12 января 1942; с апреля 1941 в изгнании).

[226] Берлинский пакт 1940 года, известный также как Пакт трёх держав 1940 года или Тройственный пакт — международный договор (пакт), заключённый 27 сентября 1940 года между главными державами Оси Германией, Италией и Японией сроком на 10 лет. Берлинский пакт предусматривал разграничение зон влияния между странами Оси при установлении нового мирового порядка и военной взаимопомощи.

Йодль: Да, текст на странице 71. Если суд сравнит эту фразу на странице 71, параграф 1, с фразой на странице 69 документальной книги, будет заметна разница. Страница 69 содержит приказ подписанный фюрером, и он начинается с фразы, которую я процитирую:

> «Военный путч в Югославии изменил политическую ситуацию на Балканах. Даже если она сделает заявление в верности, Югославию следует считать нашим врагом и соответственно разбить как можно скорее».

По дате видно, что это появилось 27 марта. Я работал над ней всю ночь в рейхсканцелярии, что является очередным подтверждением внезапного характера всего дела. В 4 часа утра 28-го, как сказано на странице 71, я вручил следующую памятную записку, эту оперативную памятную записку, нашему связному с итальянским высшим командованием генералу фон Ринтелену[227]. В ней я написал – я цитирую:

> «Если политические события требуют вооруженного вмешательства против Югославии, германское намерение…» и т. д.

В этом примере, должен признать, я немного зашёл в политическую сферу, но сделав так я думал, что если Германия безусловно не выяснит политическую ситуацию, вероятно Италия сможет сделать это.

Экснер: Следующий документ также доказательство внезапности этого решения, и у меня он напечатан на странице 73, том I. Это приказ, отданный высшим командованием армии на основании этих директив – приказ по развёртыванию войск для операции. Это документ R-95, экземпляр GB-127, страница 73 из тома I, как я уже заявлял, и там сказано:

> «В результате изменения политической ситуации…» и т. д. – и потом – «там будут сконцентрированы…» - и потом последний абзац говорит – «операции присвоят кодовое наименование «Проект 25».

Генерал-полковник, я спрашиваю вас, что можно понять из этого?

Йодль: Приказ не был отдан до 3 апреля…

Экснер: Нет, 30 марта.

Йодль:…30 марта.

Экснер: Операция получила кодовое наименование «Проект 25?»

Йодль: Кодовое наименование для данной операции было впервые озвучено спустя три дня после путча, что подтверждает, что она не планировалась в 1937 как однажды здесь говорили.

Экснер: И теперь, лишь один последний вопрос об этом балканском деле. Греческий нейтралитет всё еще сохранялся 24 марта 1941, когда мы дали разрешение Люфтваффе атаковать её территорию на Крите? В этой связи я

---

[227] Энно фон Ринтелен (1891 – 1971) – немецкий генерал. В 1940 – 1943 уполномоченный генерал при штаб-квартире итальянских вооруженных сил.

ссылаюсь на документ С-60, экземпляр AJ-13. Это приказ от 24 марта 1941, который как я сейчас сказал, санкционировал воздушные атаки на Крит и также греческое судоходство. Итак, что насчёт греческого нейтралитета 24 марта 1941?

Йодль: С точки зрения международного права на эту дату он больше не существовал. Англичане тем временем высадились на Крите и в Пирее, и мы узнали об этом уже 5 или 6 марта. Таким образом приказ, соответствовал всем принципам международного права. Но завершая проблему Югославии, я могу добавить, что утверждение сделанное обвинением о том, что план атаки на Югославию исходил из ведомства Йодля, это заявление, которое ни на чём не основано.

Председатель: На какой документ вы ссылались? 24 марта 1941? Вы сказали 360, что для нас ничего не обозначает.

Экснер: 24 марта, который документ С-60, экземпляр AJ-13.

Председатель: Спасибо. Какая страница?

Экснер: Страница 76, том I

[*Обращаясь к подсудимому*] Теперь мы переходим к вопросу Советского Союза. Сколько войск у нас было на Востоке во время западной кампании?

Йодль: Сначала было 10 дивизий, которые в ходе западной кампании уменьшились до 6 или 5 дивизий.

Экснер: Что вынудило нас направлять войска на Восток после западной кампании?

Йодль: Уведомление от командующего на Востоке о том, что такими слабыми силами мы не сможем поддерживать порядок в Польше ни охранять демаркационную линию.

Экснер: В своём дневнике – так называемом дневнике – документе PS-1809, том I, моей документальной книги, страница 83, вы пишете 24 мая: «Ситуация на Востоке становиться угрожающей из-за русской угрозы против Бессарабии». Это 24 мая 1940. Это то, что вы записали в своём дневнике. Как вы пришли к такому выводу?

Йодль: Причиной заключалась в сообщении от Канариса сообщавшем о концентрации 30 русских дивизий против Бессарабии. Выражала ли запись мою обеспокоенность или это была идея фюрера, которую я записал, я уже не могу сказать.

Экснер: Что же, 6 сентября 1940 вы подписали приказ заявляющий о том, что перегруппировка не должна создавать впечатление о подготовке наступления. Как это следует понимать?

Йодль: Данный приказ, подписанный мною вначале интерпретировали как попытка скрыть намеченную атаку на Россию.

Экснер: Минуточку. Я хочу указать трибуналу на спорный приказ. Это страница 78, том I, документ PS-1229, экземпляр USA-130. Это приказ Йодля, адресованный службе разведки, и там сказано:

> «Восточный район будет укомплектован усиленными подразделениями в ближайшие недели. К концу октября, должно быть

достигнуто положение, показанное на прилагаемой карте».

Уважаемый суд, и теперь я с сожалением должен отметить пропуск в английском и французском переводах. Следующий параграф пропущен и он очень важен для понимания всего документа. Он говорит, а именно: «Для работы нашей разведывательной службы, так же как и для ответов на вопросы, задаваемые русской разведывательной службой…»

Председатель: Этого нет в нашем документе. Какой параграф вы читаете?

Экснер: В параграфе 2 в моей документальной книге, страница 78.

Председатель: Это не перевели.

Экснер: Об этом я и говорю. Это ошибка. Поэтому я сейчас его продиктую или медленно зачитаю.

Председатель: Вы хотите, чтобы это перевели?

Экснер: Да.

Председатель: Понимаете, параграф 2 вообще не переведён. Там ничего нет.

Экснер: Эти три строчки вообще не перевели, но они являются самыми важными.

Председатель: Тогда, просто прочитайте это через наушники. Читайте отрывок.

Робертс: Милорд, полный документ в британской документальной книге 7, страница 102.

Председатель: Большое спасибо. Продолжайте.

Экснер:

> «Для работы нашей разведывательной службы, так же как и для ответов на вопросы, задаваемые русской разведывательной службой, применяются следующие принципы…»

Йодль: Указания ведомству Канариса издавались мной каждый шесть недель. Они формировали основу для так называемой контрразведывательной работы, которую я здесь не желаю подробно обсуждать. В данном случае для меня имело значение это, чтобы слабые силы которые мы держали на Востоке в то время казались сильнее. Например, это чётко видно из параграфа 3 который говорит, и я цитирую:

> «В заявлениях о ситуации со снаряжением сил, особенно танковых дивизий, рекомендуется при необходимости преувеличивать».

Я также отмечал в следующем абзаце, что нужно было преувеличивать противовоздушную оборону. Всё это делалось из-за того, что тогда возникла тревога о возможности русской операции против Румынии. Смысл этого приказа заключался в том, чтобы напугать их этим, и это предназначалось только для разведки. Если бы 6 сентября, я уже знал о каком-либо агрессивном намерении против России, я бы точно сказал обратное; так как этим приказом, как я его отдал, я бы работал в интересах Гизевиуса и его друзей – а именно, я бы информировал русских о том, что мы начали развёртывание войск.

Экснер: Итак, когда вы впервые услышали об опасениях фюрера о том, что Россия может оказаться враждебной к нам?

Йодль: Впервые 29 июля 1940, в Бергхофе рядом с Берхтесгаденом.

Экснер: В связи с чём?

Йодль: Фюрер отвёл меня в сторону после дискуссии об обстановке и совершенно неожиданно сказал мне о том, что он обеспокоен тем, что Россия до зимы может оккупировать больше территории в Румынии и что румынский нефтяной район, который был conditio sine qua non[228] для нашей военной стратегии, таким образом будет отнят у нас. Он спросил меня, не сможем ли мы развернуть наши войска немедленно, чтобы быть готовы к осени противопоставить мощные силы любому русскому намерению. Это почти точные слова, которые он использовал и все остальные версии ложные.

Экснер: Вы только, что назвали озабоченность Гитлера по поводу захвата румынских нефтяных месторождений. Сделал ли фюрер что-нибудь в связи с этим опасением?

Йодль: Именно на основании данной беседы – когда я протестовал тем, что было совершенно невозможно провести развертывание войск в то время, так как это заняло бы 4 месяца – фюрер приказал о том, чтобы была проведена подготовка к развёртыванию. Сразу были отданы два приказа. Мне кажется, один от 9 августа. Он назывался «Восстановление Востока» и включал все меры для улучшения подготовки к развёртыванию на восточной территории. Второй приказ отдали 27 августа. У нас его здесь нет, но о нём записано в журнале боевых действий штаба руководства войной на море.

Экснер: Да, это страница 85, том I моей документальной книги. Там есть запись, в самом конце страницы, в журнале боевых действий штаба руководства войной на море:

> «Перевод 10 дивизий и 2 танковых дивизий в Генерал-губернаторство, на случай оперативного вмешательства необходимого для защиты румынских нефтяных месторождений».

Председатель: Доктор Экснер, кажется вы читаете со страницы 85. Не так ли?

Экснер: Да, со страницы 85. Это страница 85 немецкой версии. Вероятно, нумерация страниц не совсем совпадает с нумерацией в английской версии. Это запись: «Перевод 10 дивизий и 2 танковых дивизий в Генерал-губернаторство».

Председатель: Да, я понял.

Йодль: Эта запись доказательство намерений фюрера в то время в отношении укрепления на Востоке.

Экснер: Что же, когда фюрер отдал приказ о подготовке атаки?

Йодль: Первый приказ для рассуждения об атаке или обсуждении о какой-либо вообще агрессивной операции, был письменно отдан оперативным штабом вооруженных сил и представлен фюреру 12 ноября. Это документ PS-444…

Экснер: Это на странице 66, том I моей документальной книги.

---

[228] Непременное условие (лат.)

Йодль: …он уже известен трибуналу. Но этому первому приказу, который известен мне, предшествовали устные указания фюрера главнокомандующему армией.

Экснер: Это можно понять из самого документа, а именно из страницы 67, которая гласит:

> «Независимо от результатов этих дискуссий, все приготовления на Востоке, о которых приказано устно следует проводить».

Таким образом это доказательство того, что предшествовали устные приказы и подготовка.

Йодль: Однако, я не в состоянии сказать, когда эти устные указания были даны армии.

Экснер: Скажите мне, в этих заявлениях, которые Гитлер сделал вам, было какое-либо упоминание о таких вещах как расширение «жизненного пространства[229]», и продовольственная база как причина завоевательной войны, и тому подобное.

Йодль: В моём присутствии фюрер никогда даже не намекал на какую-либо иную причину, чем чисто стратегическую и оперативную. Можно сказать, что месяцами подряд он беспрестанно повторял:

> «Нельзя сомневаться. Англия надеется на этот окончательный удар кинжалом против нас на континенте, иначе бы она прекратила войну после Дюнкерка. Частные или секретные соглашения уже разумеется заключили. Русское развёртывание безошибочно. Однажды мы внезапно станем жертвой хладнокровного политического вымогательства или же на нас нападут».

Но в противном случае, при том, что можно говорить об этом неделями напролёт, мне не было сказано ни одного слова кроме чисто стратегических причин.

Экснер: Согласно получаемым докладам, как развивалась военная обстановка на Востоке после польской кампании?

Йодль: Когда мы впервые столкнулись с русскими в польской кампании, отношения были довольно холодными. Нам тщательно мешали получать любую информацию об их войсках или снаряжении. Были постоянные неприятные инциденты на Сане. Русские стреляли во всё, в бегущих поляков или в немецких солдат, и там были раненые и убитые; и демаркационная линия колебалась в многочисленных случаях. Необычайно мощные силы использованные Россией для оккупации балтийских стран, Польши и Бессарабии поражали нас с самого начала.

Экснер: Доклады, которые вы получали, содержали указания на военные подкрепления для Красной армии?

Йодль: Из карт, которые представляли каждые несколько дней, которые были основаны на докладах разведки и информации из отдела радиоперехватов,

---

[229] Жизненное пространство (Lebensraum) - термин национал-социалистической пропаганды, отражавший планы заселения германскими народами территорий в Восточной Европе.

формировалась следующая картина: летом 1940 было около 100 русских дивизий вдоль границы. В январе 1941 было уже 150 дивизий; и приводились их номера, соответственно доклады были надёжными. В сравнении с этой силой, могу добавить, что англо-американо-французские силы действовавшие из Франции против Германии никогда, по моим сведениям, не насчитывали 100 дивизий.

Экснер: Гитлер пытался выяснить ситуацию дипломатическими средствами?

Йодль: Он пытался сделать это на хорошо известной конференции[230] с Молотовым; и я должен сказать, что я возлагал большие надежды на эту конференцию, так как военная ситуация для нас солдат была следующей: с определенно нейтральной Россией в нашем тылу – Россией которая дополнительно снабжала нас – мы не могли проиграть войну. О вторжении, таком которое состоялось 6 июня 1944, не могло быть и речи, если бы мы имели в нашем распоряжении все силы, которые мы использовали и потеряли в этой безмерной борьбе в России. И мне никогда в голову не приходило, что государственный деятель, который, в конце концов был стратегом, без необходимости упустит такую возможность. И это факт, что он месяцы боролся сам с собой по поводу этого решения, определенно находясь под влиянием идей предложенных ему рейхсмаршалом, главнокомандующим флотом, а также министром иностранных дел.

Экснер: На основании полученных докладов, как выглядела дальнейшая ситуация для обеих сторон?

Йодль: Разведывательная служба работала уже с января 1941. Дивизии на наших границах и также вдоль румынской границы росли стремительно. 3 февраля 1941 начальник генерального штаба армии проинформировал фюрера об операциях, которые он сам намеревался проводить. Одновременно он представил карту, показывающую русское войсковое развёртывание. Карта показывала – и это подтверждалось документами – что там было 100 пехотных дивизий, 25 кавалерийских дивизий…

Председатель: Доктор Экснер, нам требуются все эти стратегические подробности планов, которые готовились германским генеральным штабом?

Экснер: Самое большое значение в том, чтобы установить картину перед лицом генерального штаба. Если подавляющую концентрацию русских войск не…

Председатель: Но это не то, о чём он рассказывает. Он рассказывает нам о феврале 1941. ОКВ подготовило планы, чтобы показать развёртывание германских войск.

Экснер: Это план, который разрабатывался…

Председатель: Не думаю, что требуется вдаваться в такие подробности как рассказывать нам, сколько там было кавалерийских полков.

Экснер: [*Обращаясь к подсудимому*] Пожалуйста, расскажите нам в общих чертах, как Гальдер изобразил вам ситуацию после докладов в феврале 1941. Только одна

---

[230] Имеются в виду переговоры 13-14 ноября 1940 В.М. Молотова и А. Гитлера в Берлине.

цифра: сколько дивизий было развёрнуто?

Йодль: Я уже говорил, что в феврале 150 русских дивизий было развёрнуто против нас.

Председатель: Он это уже говорил.

Экснер: И сколько находилось на нашей стороне?

Йодль: Я бы хотел сказать в ответ на это, что одновременно с этим, как докладывал генералом Гальдером, только началось наше развёртывание. И далее, я бы хотел отметить, что согласно документу С-39, экземпляр USA-138, страница 92 первой документальной книги, это ясно из изучения этой документальной книги – это график развёртывания – что только к 1 июня были подтянуты собственно ударные соединения в составе 14 танковых дивизий и 12 мотострелковых дивизий. Фактически они не перемещались до 10 июня. Я упоминаю это для того, чтобы нельзя было сказать о том, что атака Германии была очевидной уже в феврале 1941. Об этом не было речи.

Экснер: Обвинение особо подчёркивает, что данный план нападения на Советскую Россию был подготовлен задолго до этого. Вероятно вы можете сказать, что-нибудь ещё об этом?

Йодль: Я объясню этот предмет в нескольких словах. Нам требовалось использовать 10 000 поездов для такого развёртывания. Если бы можно было перегонять по 100 в день это бы заняло 100 дней, но мы никогда не достигали такой цифры. Таким образом, по чисто техническим причинам это развёртывание уже заняло четыре месяца.

Экснер: События в Югославии как-нибудь повлияли на решение фюрера?

Йодль: Они дали ему окончательный импульс. До того времени фюрер сомневался. 1 апреля, не раньше, он решил атаковать; и 1 апреля он приказал подготовку атаки к 22 июня. Сам приказ об атаке – то есть, реальное начало кампании – был отдан только 17 июня, что также подтверждается документами.

Экснер: Значит, по вашему мнению, фюрер вёл превентивную войну. Последующий опыт доказывает, что это была военная необходимость.

Йодль: Несомненно, это было чисто превентивная война. То что мы выяснили позднее оказалось огромной русской подготовкой напротив наших границ. Я опущу эти детали, но я могу лишь сказать, что хотя мы добились тактической внезапности дня и часа, стратегической внезапности не было. Россия была полностью готова к войне.

Экснер: В качестве примера, вероятно, вы можете рассказать трибуналу о количестве новых аэродромов, которые были обнаружены на русско-польской территории?

Йодль: Я вспоминаю приблизительно, что там было около 20 аэродромов в восточной Польше и что между тем они увеличились больше чем на сотню.

Экснер: Совершенно кратко, с учётом таких условий каким был бы результат если

бы Россия нас опередила?

Йодль: Я не хочу вдаваться в стратегические принципы, в операции за линией фронта, но я могу коротко сказать, что мы никогда не были достаточно сильны, чтобы защищать себя на Востоке, как доказали события начиная с 1942. Это может звучать гротеском, но для того, чтобы оккупировать такой фронт в 2000 километров нам, по крайней мере требовалось 300 дивизий; и мы никогда их не имели. Если бы мы ждали вторжения, и русская атака одновременно взяла нас в клещи, мы бы точно проиграли. Следовательно, если политическая предпосылка являлась верной, а именно, что нам угрожала такая атака, тогда с военной точки зрения была оправдана превентивная атака. Политическую обстановку, нам солдатам, представляли в таком свете, соответственно мы руководствовались этим в своей военной работе.

Экснер: Теперь, несколько вопросов касательно Японии. В чём значение директивы 24 от 5 марта 1941 о сотрудничестве с Японией? Она уже упоминалась, но это не ясно. Это страница 94, том I нашей документальной книги, что документ С-75, экземпляр США-151. Гросс-адмирал Рёдер, давая показания, уже кое-что говорил об этой директиве. Вы можете рассказать мне что-то новое?

Йодль: Документ очень важный. Во-первых, я должен признаться. До сих пор меня обвиняли просто в получении этого документа. Но он исходил от меня, я это разрешил. Он был разработан моим штабом в группе флота. Соответственно, я знал об этом документе лучше чем кто-либо ещё. Это не оперативный приказ, это наставление для немецких офицеров.

Экснер: Что это означает?

Йодль: Все немецкие офицеры, которые официально или неофициально вступали в контакт с японскими офицерами должны были точно говорить о том, в чём заключались цели германской политики, а именно, атака Англии даже на Дальнем Востоке и соответственно удержание Америки вне войны.

Экснер: В параграфе 3, подпараграфе А, данной директивы мы читаем:

> «Следует подчёркивать, что общая цель этой войны сокрушить Англию как можно скорее и соответственно удержать Соединенные Штаты вне войны».

Йодль: Такая директива была нужна для того, чтобы беспечные заявления немецких офицеров, не использовались офицерами японской армии и флота в своих политических целях. По этой причине министерство иностранных дел тоже получило копию, как показано в списке рассылки внизу страницы 96. Такого бы никогда не было в случае оперативного приказа. Вот почему фюрер тоже не подписал это.

Экснер: Цели германского флота также высказаны вверху страницы 96. Они гласят следующее:

> «Более того, атаки на остальные британские базы – на американские

> военно-морские силы, только если вступление в войну Соединенных Штатов нельзя предотвратить – способны разбить вражеские силы в этих местах».

И значит, мы снова находим стремление предотвратить вступление Соединенных Штатов в войну и напасть на них, только если ничего другого не останется.

Йодль: Я бы хотел добавить, что целью данного документа не являлось оказать влияние на Японию, так как это было бы политической акцией; это просто была директива для всех офицеров говорящая им о том, что говорить в таком случае.

Экснер: Гросс-адмирал Рёдер уже рассказывал нам при помощи каких военно-морских приказов, он стремился удержать Соединенные Штаты вне войны. Вам есть что добавить к этому?

Йодль: Только один пункт, который гросс-адмирал не упоминал. Он исходит из документа С-119 и экземпляра Йодль-37. Это можно прочитать на странице 98 документальной книги номер 1.

Экснер: Страница 98 тома I, экземпляр Йодль-37, который мы предъявляем. Там мы находим: «Особые правила поведения во время оккупации Дании и Норвегии». И затем…

Йодль: Нужно прочитать только последнюю фразу.

Экснер: Пожалуйста, прочтите это.

Йодль:

> «Все военные корабли и торговые суда под флагом США, а также самолёты, исключаются из запрета на плавание или пролёт».

Экснер: И эта последняя фраза внизу страницы 98. Параграф говорит о запрете кораблям, торговым судам, самолётам и т. д., покидать порт, за исключением американцев.

Йодль: И таким образом, во всех военных мероприятиях штаба руководства войной на море, Америке долгое время предоставлялось исключительное положение.

Экснер: До атаки Японии на Америку, вы имели какие-либо официальные дела с японскими офицерами?

Йодль: Нет, ранее нет.

Экснер: Вообще нет?

Йодль: Нет.

Экснер: Вы ожидали атаку на Пирл-Харбор?

Йодль: Атака стала полной неожиданностью. Это было полной неожиданностью для меня, и я почувствовал, что это было неожиданным для фюрера; так как он пришёл, в середине ночи, в мою комнату с картами для того, чтобы передать новости фельдмаршалу Кейтелю и мне. Он был совершенно удивлен.

Экснер: Теперь я бы хотел, чтобы вы внесли ясность в ошибочную интерпретацию

письма от Фалькенштейна[231]. Это страница 81, том I нашей документальной книги. Письмо, документ PS-376, экземпляр USA-161, находится там. Письмо от Фалькенштейна вам, кажется так?

Йодль: Нет, нет.

Экснер: Нет?

Йодль: Нет, генералу фон Вальдау[232], из оперативного штаба воздушных сил.

Экснер: Оно гласит:

> «В виду будущей войны против Америки, фюрер рассматривает вопрос оккупации атлантических островов».

Это может быть интерпретировано как то, что он намеревался напасть на Америку: «В виду будущей войны против Америки, фюрер рассматривает…» Что это означало, и как вы это интерпретировали?

Йодль: Это совершенно очевидно. Тогда на самом деле уделяли внимание оккупации атлантических островов, вещи которую фюрер всегда хотел сделать.

Экснер: С какой целью?

Йодль: Как некую базу безопасности, следовательно передовой пост на случай американской интервенции; и поэтому, мы должны были принимать во внимание такую идею. При том, что флот также как и оперативный штаб вооруженных сил и начальник высшего командования вооруженных сил чётко это отвергали, по крайней мере мы должны были рассмотреть эти вопросы теоретически; вот, о чём он рассказывает генералу фон Вальдау в этом письме.

Кроме того, тоже самое написано в документе, позднее в приказе, документ PS-444, именно так как написано здесь.

Экснер: Мы имели вообще какой-то интерес в расширении войны?

Йодль: Лично я, нет. Я могу только сказать, что пространство от Нордкапа до Тобрука и от Бреста до Ростова-на-Дону по моему мнению было слишком большим.

Экснер: И мы были заинтересованы в войне Японии с Америкой?

Йодль: Нет, мы бы предпочли нового и мощного союзника, не имея нового и мощного противника.

Экснер: Мы втягивали Италию в войну?

Йодль: Не знаю, как это делалось политически, но после краха Франции, когда Италия тоже пожелала принять активное участие в войне, мы пытались предотвратить это, мы солдаты в ОКВ. Но нам удалось отложить её интервенцию на 4-6 дней; фюрер не смог совсем отказать. Но за время всей войны от Италии не было для нас пользы, скорее только бремя; и это подтвердят грядущие историки войны.

Экснер: Что касается обвинений в преступлениях против мира. Я бы хотел сослаться на относящиеся к делу документы, которые предъявили Геринг,

---

[231] Сигизмунд фон Фалькенштейн (1903-1971) – немецкий офицер ВВС.

[232] Отто фон Вальдау (1898 – 1943) – генерал авиации Люфтваффе. В феврале 1939 – апреле 1942 начальник оперативного штаба Люфтваффе. Погиб в авиакатастрофе.

Риббентроп, Рёдер и Дёниц. Не знаю, является ли такая ссылка вообще необходимой согласно процессуальным правилам.

Теперь один последний вопрос. Обвинение представило всю эту серию кампаний как преднамеренный и согласованный план завоевания, который вы, как заговорщик, инициировали и исполнили. Что вы на это скажете?

Йодль: Мне кажется, я уже поправил такую совершенно искаженную картину своими показаниями. Война против Польши началась без всякого моего участия в её подготовке. Она переросла в мировую войну вопреки надеждам всех солдат. Для этой войны приходилось постоянно импровизировать. Кроме плана нападения на Польшу ничего не было готово. Не было достаточно ни бомб, ни боеприпасов. Тогда ни один солдат не думал о Норвегии, Бельгии, Голландии, Югославии, Греции или даже России. Никаких военных соглашений не было достигнуто с Италией или с Японией.

Я признаю заявление начальника американского генерального штаба, генерала Маршалла, абсолютно верным почти в каждом пункте.

Экснер: Господин председатель, у меня больше нет вопросов.

Председатель: Кто-либо из защитников подсудимых хочет задать какие-либо вопросы?

Латернзер: Генерал, как начальник оперативного штаба вооруженных сил, вы долгие годы являлись ведущим офицером генерального штаба германских вооруженных сил?

Йодль: Да.

Латернзер: В ходе вашей военной деятельности вы также довольно долгое время являлись преподавателем военной академии?

Йодль: Не самой военной академии, а курсов генерального штаба, которые предшествовали военной академии и которые тогда проводили при отдельных штабах округов.

Латернзер: Так как всё наше военное руководство выходцы из профессионального класса офицеров генерального штаба, я прошу вас рассказать нам кратко о том, как этих офицеров готовили в военной академии. Пожалуйста, ограничьте себя исключительно следующими положениями:

Как или даже, сколько времени выделялось на инструктирование наступлению; затем пропаганде для агрессивных войн; и отношению к международному праву и политике?

Председатель: Трибунал считает, что данный вопрос совершенно не относится к делу.

Латернзер: Если суд считает данные вопросы не относящимися к делу, я отказываюсь от ответов на данные вопросы.

Генерал-полковник, вам известна точка зрения обвинения о том, что военное руководство предположительно сформировало группу с целью

развязывания агрессивных войн и в ходе этих войн совершало преступления против военного права и законов человечности. Пожалуйста объясните трибуналу ваше отношение к этому, в частности о том действительно ли высшее военное руководство сформировало такую группу.

Йодль: Я никогда не понимал идею о такой группе и никогда не пойму её. Это тоже самое как если бы пассажиры пассажирского корабля должны были собраться на океанском лайнере и там сформировать часть – или были обязаны сформировать часть – под руководством капитана. Эта так называемая группа высокопоставленных офицеров, возможно, могла существовать в имперские времени как абсолютная сущность, но даже тогда неполноценная. Но тут, после национал-социалистической революции, эти группы были полностью сломаны во всех сферах жизни, политически, философски и идеологически. Целью объединявшей их была военная профессия и обязательная преданность.

Председатель: Вероятно, нам лучше прерваться сейчас.

[*Объявлен перерыв до 14 часов*]

Вечернее заседание

Латернзер: Генерал-полковник, перед оккупацией Чехословакии 10 августа 1938 была встреча в Бергхофе между Гитлером и военным руководством, на которой вы тоже присутствовали. Пока это совещание ещё не обсуждали, и я хочу спросить о предмете этого совещания.

Йодль: Во время этого совещания, фюрер выступал только перед офицерами генерального штаба, и произносил речь, которая длилась почти два с половиной часа про общую военно-политическую обстановку. В частности, он рассматривал судетско-немецкую проблему и сказал, что она должна решиться во, что бы то ни стало. Он описывал различные возможности и в частности, дал понять, что он намерен решить вопрос без вмешательства Франции и Англии и был убежден в успехе.

Латернзер: В этом заключался предмет совещания?

Йодль: Да, это было основным предметом.

Йодль: Вам известно по какой причине главнокомандующие трёх родов войск вооруженных сил и их начальники не присутствовали?

Йодль: Я знаю причину, потому что главный адъютант, майор Шмундт, заранее сообщил мне об этом до совещания. Он сказал мне, что намерение фюрера состояло в том, чтобы поговорить непосредственно со старшими офицерами Генерального штаба в то время, когда они не будут находиться под влиянием своих слишком

критически настроенных главнокомандующих и, таким образом, не будут склонны сопротивляться или критиковать.

Латернзер: Но тогда, во время того совещания, вместе с тем была значительная критика со стороны этих офицеров, не так ли?

Йодль: Не могу сказать, что там была критика, но один из генералов считал, что он может или должен обратить внимание фюрера на такую возможность, что, в конце концов, Франция и Англия могут вмешаться, если он сделает, что-нибудь против Чехословакии. Это был генерал фон Виттерсгейм[233].

Латернзер: Гитлер позднее снова следовал принципу исключать высшее военное руководство из таких совещаний?

Йодль: Фюрер делал так довольно часто. Я скажу, что он делал это принципиально. Например, после безуспешной атаки на плацдарм у Неттуно, к юго-западу от Рима, он приказал младшим офицерам, которые принимали участие в этих битвах, от командиров полка до командиров рот, прибыть в ставку фюрера. Днями он лично опрашивал каждого из них наедине без их начальников. Он делал тоже самое, очень часто с офицерами воздушных сил, которых он опрашивал без главнокомандующего воздушными силами.

Латернзер: Генерал-полковник, вы присутствовали во время большинства совещаний об обстановке у Гитлера. Могли командиры находившееся тогда в ставке фюрера принимать участие в таких совещаниях без затруднений?

Йодль: До тех пор пока во время этих совещаний по обстановке обсуждались только те вещи которые уже случились, фюрер был великодушен с теми кто присутствовал, но как только обсуждалось что-либо, что касалось будущих операций – например, наступления в России в 1942 – командующие группами армий Западного фронта не могли принимать участие; и наоборот, постольку поскольку это касалось его намерений, он мог инициировать, чтобы этих офицеров должны были информировать по официальным причинам.

Латернзер: Значит в таких случаях, созывался так называемый «ближайший круг» на совещание об обстановке?

Йодль: Правильно. И было так, что главный адъютант объявлял от имени фюрера о том, что теперь пройдёт дискуссия с самом узком кругу в которой смогут принять участие такие-то и такие-то офицеры.

Латернзер: Во время таких совещаний об обстановке, вы часто слышали энергичные возражения со стороны командующих группами армий? Кто заявлял такие возражения и по какому поводу? Пожалуйста, ограничьте себя наиболее важными примерами.

Йодль: Я могу дать вам только очень короткий ответ на этот вопрос; в противном случае, мне бы пришлось говорить об этом час. Я могу сказать, что ни одно

[233] Густав фон Виттерсгейм (1884 – 1974) – немецкий генерал. В 1941-1942 командовал танковыми подразделениями на территории СССР.

совещание не прошло без того, чтобы старые традиционные концепции, если можно так их назвать, относительно операций не вступали в конфликт с революционными концепциями фюрера. Следовательно, кроме вероятно единичных операций во время первой части войны, я могу сказать, что всякий раз, когда доклад делал командующий группой армий, была стычка мнений. Я могу назвать имена всех командующих группами армий, которые когда-либо занимали посты. Я не знаю никого к кому бы это не относилось.

Латернзер: Конечно же, вы знали, всех командующих группами армий, не так ли?

Йодль: В течение первой половины войны, я знал всех командующих вплоть до командующих группами армий. В течение второй половины войны, на Востоке были командующие группами армий, которых я не знал. Так как по большей части они не были выходцами из генерального штаба, а были строевыми офицерами, поэтому я мог не знать некоторых из них.

Латернзер: Генерал-полковник, мог, например, командующий группой армий явиться на дискуссию с Гитлером без затруднений?

Йодль: Командующие группами армий не могли этого сделать. Командующие группами армий, прежде всего, должны были попросить главнокомандующего армией до тех пор пока он существовал. Когда главнокомандующего армией больше не стало, командующие группами армий обращались в управление военных адъютантов или же обращались к начальнику генерального штаба армии за разрешением сделать доклад, чего сами по себе командующие не могли сделать.

Латернзер: Значит, если командующий из группы армий намеревался протестовать какой-то мере, которую не считал правильной, тогда он должен был идти к главнокомандующему своей группой армий, который в свою очередь должен был идти к главнокомандующему отдельным родом войск вооруженных сил; таким образом это был практически единственный канал, по которому можно было заявить возражения Гитлеру обычным официальным способом?

Йодль: Это совершенно верно. Все военные ведомства так делали, и это делали ряд лет.

Латернзер: Что вам известно о попытке Гиммлера настроить Гитлера против генералов? Когда я говорю «генералов» я имею в виду тех, которые являются «группой».

Йодль: Вероятно, я уже ответил на это, когда жаловался на то, что мы не были в состоянии предотвратить получение фюрером военных докладов и новостей из безответственных источников. Было заведено, что полицейские круги особенно постоянно пользовались возможностью через Гиммлера критиковать традиционное, или – как они это называли – реакционное, гуманистическое, рыцарское отношение высшего военного руководства, для того, чтобы суровые приказы фюрера о жестоких акциях – как он называл это – можно было отстоять. Так было постоянно. Далеко не все они были причастны и не против всех командующих генералов, но

против многих.

Латернзер: Генерал-полковник, вы всё же не совсем ответили на мой вопрос. Я спросил, знали ли вы, что-нибудь о попытке Гиммлера сделать Гитлера враждебным, по причинам о которых я надеюсь, вы расскажите мне.

Йодль: Что же, итог того, что я сейчас описал, заключался в том, что Гиммлер ездил к фюреру и конечно лично ему докладывал, конечно в частном порядке. Он жаловался на некоторых командующих, все они из армии; и мы знали об этом, потому что на следующий день фюрер внезапно начинал заявлять какие-то возражения каким-то командующим, при том, что мы не знали почему и что вызвало плохое настроение.

Латернзер: Какими были отношения между ОКВ и ОКХ?

Йодль: До войны и в течение первой части войны отношения между высшим командованием вооруженных сил и высшим командованием армии затруднялись значительными трениями. Однако, причина была внутривоенная. Ввиду создания высшего командования вооруженных сил группа генерального штаба должна была выйти из под юрисдикции начальника генерального штаба армии и находилась, должен сказать, даже выше генерального штаба армии и отдавала ему приказы. К этому созвездию, конечно с большим недоверием относились в генеральном штабе армии. Однако, я могу добавить, что фельдмаршалу Кейтелю и мне, и многим разумным офицерам, удалось полностью преодолеть такую напряжённость по ходу войны.

Латернзер: Генерал-полковник, думаю, этого достаточно в связи с этим.

Военное руководство обвиняют в ненужном затягивании безнадёжной войны. Что вам известно об усилиях фельдмаршалов фон Рундштедта и Роммеля[234] после успеха вторжения?

Йодль: Я помню совещание с этими двумя командующими, когда фюрер и я вылетели в ставку, которую подготовили к северу от Реймса. Это был приблизительно июль 1944. Во время этого совещания, и фельдмаршал фон Рундштедт и в частности Роммель безошибочно описали серьёзность всей ситуации во Франции, характеризуемую огромным превосходством англо-саксонских воздушных сил, против которых были беспомощными сухопутные операции. Я помню совершенно чётко, что фельдмаршал Роммель спросил фюрера в конце: «Мой фюрер, что вы на самом деле думаете о дальнейшем развитии войны?». Фюрера довольно разозлило это замечание, и он резко ответил: «Этот вопрос вас не касается. Оставьте это мне».

Латернзер: Вы читали письмо, которое фельдмаршал фон Клюге написал Гитлеру незадолго до смерти?

Йодль: Я стоял рядом с фюрером, когда он получил это письмо. Он открыл конверт,

---

[234] Эрвин Роммель (1891 — 1944) — немецкий генерал-фельдмаршал (1942) и командующий войсками Оси в Северной Африке. Покончил жизнь самоубийством после неудачного покушения на Гитлера.

прочитал письмо и затем дал прочитать его мне. Оно говорило прямо противоположное, тому, что я ожидал. Фельдмаршал фон Клюге начал своё письмо с чрезмерного восхваления личности фюрера и непоколебимости в ведении войны. Он говорил о том, что гораздо сильнее симпатизировал его идеям, чем понимал фюрер. Он начинал свою задачу на Западе полный уверенности. Но так как обещанной поддержки наших воздушных сил не предоставили, теперь он убедился в том, что ситуация была безнадёжной, и его последняя воля была в том, чтобы заключить мир. Вот, вкратце, что содержалось в письме.

Латернзер: Генерал-полковник, вы можете привести дальнейшие примеры усилий командующих закончить безнадёжную войну?

Йодль: Ни один командующий не мог затрагивать политический вопрос, потому что завершение войны это не военное, а политическое решение. Но я должен сказать, косвенно не было ни одного офицера на ответственной должности, который бы не говорил фюреру прискорбно, честно, и открыто о том, какой была военная обстановка и не описывал её как безнадёжную – как на самом деле и оказалось в конце. Я и сам высказывал такой взгляд в письменном виде в памятной записке фюреру.

Латернзер: У меня есть несколько вопросов относительно различных кампаний.

В чём заключалось отношение высшего командования армии, в частности фельдмаршала фон Браухича, к австрийской кампании?

Йодль: Вечером перед походом в Австрию, приблизительно в 2 часа утра, я находился с фельдмаршалом фон Браухичем. Я обнаружил его в унылом настроении. Я не видел для этого никакой причины, но видимо он был убеждён в том, что этот поход в Австрию может привести к военному конфликту с Италией или Чехословакией. Или вероятно с политической точки зрения он не совсем был доволен этому намечавшемуся увеличению южнонемецкого элемента в Рейхе. Не знаю. Но в любом случае он был удручён.

Латернзер: В чём заключались причины напряжения которое существовало между Гитлером с одной стороны и военным руководством с другой после польской кампании?

Йодль: Конфликт тогда был особенно серьезным, потому что главнокомандующий армией и много высших генералов придерживались взгляда, который я описал этим утром – а именно, что мы должны оставаться спокойными на Западе до конца войны. Так как это снова был политический аргумент, который они могли использовать, главнокомандующий армией тогда представил фюреру военную аргументацию. Данная аргументация заключалась в том, что учитывая условия, в которых тогда находилась наша армия, она была бы не в состоянии нанести поражение французской армии в наступлении, усиленной британской армией. Это чрезвычайно огорчило фюрера и его огорчение постоянно выражалось в каждой речи к командующим. Вся речь от 23 ноября, весь меморандум который он написал

10 октября можно объяснить только в свете этого конфликта.

Латернзер: Обвинение, в качестве основы обвинительного заключения группы, представило ряд письменных показаний. Я бы хотел попросить вас высказать свои взгляды в связи с письменными показаниями номер 12, документом PS-3710, экземпляр USA-557, которые дал Вальтер Шелленберг[235]. Там на странице 1 Шелленберг свидетельствует, что во фронтовой зоне айнзацгруппы СД полностью находились в подчинении армий – то есть, тактически, технически и с точки зрения войсковой службы, так он говорит в своих письменных показаниях. Генерал-полковник, это правда?

Йодль: Это правда, только в весьма ограниченной степени. Я должен начать свой ответ сказав, что я не был знаком с идеей айнзацгрупп и айнзацкоманд пока не попал в Нюрнберг. Я должен сказать это совершенно открыто, даже рискуя быть названным «Парцифалем[236]», но это факт. Я знал только о полиции. Оперативная территория армии разделялась на три сектора. Линия фронта называлась зоной боевых действий и шла приблизительно до места, куда могла достать вражеская артиллерия. В этом секторе всё, вообще все, во всех отношениях подчинялось армии. Но в этом секторе не было никакой полиции – за исключением тайной полевой полиции, которая в любом случае полностью подчинялась армии.

Латернзер: Тайная полевая полиция на самом деле являлась частью дивизии, не так ли?

Йодль: Да, она это были войска дивизии, которые проводили полицейскую работу в войсках. Затем шёл тыловой район армий, который находился под командованием армейских генералов и за ним находились коммуникации армии, которые включали все подразделения снабжения и службы генерал-квартирмейстера армии. В этом основном секторе – который являлся крупнейшим сектором включающим 97 процентов всего оперативного района – вся полиция и все, что не относилось к армии, органически не находилось под командованием армии, что касалось задач, но подчинялось полиции, подчинялось рейхсфюреру СС Гиммлеру. Лишь с точки зрения обслуживания войск – то есть, в отношении их снабжения или передвижений во время наступления или отступления – армия, конечно, имела право отдавать приказы войскам относительно их перемещений и их сосредоточения.

Латернзер: Шелленберг заявляет о том, что в тыловых оперативных районах и тыловых районах армии эти айнзацгруппы подчинялись армии лишь в части снабжения; и что касалось приказов и задач, подчинялись главному управлению безопасности Рейха. Это правильно?

Йодль: Это верно. Вся полиция получала приказы о том, что она должна была

[235] Вальтер Шелленберг (1910 — 1952) — начальник внешней разведки службы безопасности (SD-Ausland — VI управление РСХА), бригадефюрер СС Член НСДАП с 1933 года. Осужден американским военным трибуналом к 6 годам лишения свободы.

[236] Парцифаль — герой куртуазного эпоса. Миф о Парцифале образует одну из ветвей сказания о короле Артуре и его рыцарях, входит в цикл романов Круглого стола.

делать только от Гиммлера.

Латернзер: Шелленберг также заявляет далее в своих письменных показаниях номер 12, документ PS-3710, экземпляр USA-557, что такое подчинение в отношении обслуживания войск также включало дисциплинарный вопрос. Это правда?

Йодль: Это ошибка. Армейский офицер никогда не мог наказать сотрудника полиции или СС.

Латернзер: Как установлено, основная задача этих айнзацгрупп заключалась в том, чтобы осуществлять массовое уничтожение евреев и коммунистов. Шелленберг заявляет в своих письменных показаниях номер 12, что он был убеждён в том, что командующих групп армий и армий чётко информировали об этих задачах по официальным каналам. Поскольку Шелленберг заявил о таком убеждении в своих письменных показаниях я прошу вас привести нам свои, потому что я думаю я вправе полагать, что вы находились в числе лучше всего информированных офицеров вооруженных сил.

Йодль: Я, конечно не могу судить точно, с чем на самом деле сталкивались командующие пока они находились вместе на фронте, но я могу сказать с абсолютной уверенностью, что я никогда не видел приказа, который раскрывал, что эти полицейские подразделения направлялись в оперативные районы для какой-то другой задачи, нежели поддержание порядка и спокойствия, с полицейской точки зрения и раскрытие мятежей и партизанских действий. Я никогда не видел доклада или приказа, который содержал, что-то иное чем это.

Латернзер: Генерал-полковник, вы считаете, что командующие армиями или группами армий потерпели бы такие условия не заявив протест?

Йодль: Я считаю, что об этом не может быть и речи, потому что даже в случае небольших инцидентов они заявляли самые жесткие протесты. Сотни документов, которые представлены здесь обвинением показывают как войска на фронте возражали мерам которые они считали недопустимыми с гуманной точки зрения или опасными для мира и порядка на оккупированных территориях. Я напомню вам лишь меморандум Бласковица[237], который был одним из первых.

Латернзер: Вы читали этот меморандум?

Йодль: Нет, я не читал его. Я лишь слышал об этом.

Латернзер: Кроме того, обвинение предъявило письменные показания номер 13 капитана Вильгельма Шейдта[238]. Это документ PS-3711, экземпляр USA-558. Шейдт говорит в этих письменных показаниях и я цитирую со страницы 2: «Хорошо известно, что партизанская война проводилась с жестокостью обеими сторонами».

Я пропускаю фразу. Он продолжает говорить:

---

[237] Йоханнес Бласковиц (1883 — 1948) — германский военачальник, генерал-полковник. Покончил жизнь самоубийством находясь под американским арестом.

[238] Вильгельм Шейдт (1912 – 1954) – немецкий офицер. В 1941-1945 сотрудник отдела военной истории ОКВ.

> «Без всякого сомнения, эти факты должны были быть известны руководящим офицерам оперативного штаба ОКВ и генеральному штабу армии. Дальше, было хорошо известно, что Гитлер сам считал, что единственным успешным методом ведения войны против партизан было применение самых жестоких наказаний в порядке устрашения».

Заявление капитана Шейдта верное, а именно о том, что ведущие офицеры оперативного штаба вооруженных сил и генерального штаба армии знали о жестокости используемой обеими сторонами в партизанской борьбе?

Йодль: То, что мы знали о ведении партизанской войны уже предъявлено трибуналу. Я сошлюсь на инструкции, которые я подписал относительно борьбы с партизанами в документе F-665, экземпляр RF-411. Она начинается с длинного экскурса в то как партизаны вели эту войну. Конечно, не мы это не придумали. Это выбрали из сотни докладов. То, что войска в такой борьбе, видя методы используемые противником, со своей стороны не были бы очень мягкими можно охотно представить. Несмотря на это, директивы, которые мы принимали, никогда не содержали ни слова о том, что нельзя брать никаких пленных в таких боях с партизанами. Наоборот все доклады показывали, что количество взятых в плен было больше количества убитых. Взгляд фюрера о том, что борьбу войск против партизан не следовало ограничивать, достоверно подтверждается многими спорами, которые я, как и начальник генерального штаба армии, имели по этому поводу с фюрером.

Латернзер: Что если командующие получали доклады о жестокостях совершенных собственными солдатами?

Йодль: Тогда их предавали военно-полевому суду. Это снова установлено в документах. Я напомню вам приказ, принятый фюрером, который начинается с фразы: «Мне докладывают, что отдельных солдат вооруженных сил предали военно-полевому суду из-за своего поведения при борьбе с партизанами».

Латернзер: И это была единственная вещь которую мог предпринять командующий в подобном случае?

Йодль: Никакого другого пути не было. И даже при таких приказах он всегда действовал в соответствии со своим правовым суждением. Кто мог остановить его так делать?

Латернзер: Обвинение также представило письменные показания номер 15, генерала Рёттигера[239], документ PS-5713, которому присвоен номер экземпляра USA-559. Это письменные показания генерала Рёттигера говорят, в середине страницы 1:

> «Из документов, которые были мне показаны, я понял, что приказ от высших властей о наиболее жестоком обращении в антипартизанской

[239] Ганс Рёттигер (1896 — 1960) — германский военный деятель, генерал танковых войск Вермахта, генерал-лейтенант Бундесвера.

войне имеет в виду сделать возможным безжалостное уничтожение евреев и других нежелательных элементов при использовании для этой цели военных действий самой армии против партизан».

Военное руководство самого высшего уровня придерживалось какой-нибудь такой точки зрения и в чём тогда заключалась их окончательная цель?

Йодль: Нет. Конечно, легко быть мудрым задним умом. Я тоже узнал о многих вещах сегодня то, чего я не знал раньше. Однако, эти сведения не относятся вообще ко всему здесь, потому что рядом с партизанами не было никаких евреев. В основном, эти партизаны были фанатичными русскими бойцами – в основном белорусами – и были твердыми как сталь. И, на вопрос, поставленный моим защитником, даже свидетель Бах-Зелевски был вынужден признать, что среди партизан не было евреев.

Что касается уничтожения славян, я могу лишь сказать, что славяне, убитые в партизанской борьбе насчитывали не более чем одну двенадцатую или одну тринадцатую от количества которое в обычных, масштабных битвах с советско-русскими армиями потеряли русские убитыми и ранеными. Что касается цифр, они вообще не имеют весомости. Следовательно, это совершенно ошибочный взгляд.

Латернзер: Следующие письменные показания, номер 16, этого же генерала Рёттигера, предъявлены обвинением как документ PS-5714, экземпляр USA-560. В последней фразе генерал Рёттигер заявляет следующее, и я цитирую:

«Хотя, вообще, особые задачи соединений СД были хорошо известны и проводились с ведома высших военных властей, мы возражали против таких методов, насколько это было возможно, в связи с возникавшей опасностью для наших войск».

Другими словами генерал Рёттигер в своих письменных показаниях утверждает, что особые задачи подразделений СД видимо осуществлялись с ведома высшего военного руководства. Если это правильно, тогда, вы генерал-полковник, должны были знать о задачах и на эти вопросы вы уже…

Йодль: Да, я уже отвечал. Я никогда не говорил ни с одним офицером у которого были сведения об этих вопросах и мне не рассказывали о них.

Латернзер: Также, по делу против генерального штаба и ОКВ, обвинение представило письменные показания 17, документ PS-3715, экземпляр номер USA-562. Эти письменные показания исходят от фюрера СС Роде[240], Роде заявляет вверху страницы 2:

«В доказательство этого может быть приведен приказ ОКХ и ОКВ, где говорилось, что все взятые в плен партизаны, например евреи, агенты и политические комиссары, должны быть немедленно переданы СД

[240] Эрнст Роде (1894-1955) – генерал-майор полиции и бригадефюрер СС. Начальник комадного штаба Ваффен-СС при рейхсфюрере СС в 1941-1945.

> для применения особых мер. Этот приказ также содержит положение о том, что в антипартизанской войне не следует брать пленных, кроме вышепоименованных».

Генерал-полковник, существовал подобный приказ о том, чтобы в партизанской борьбе не брали пленных?

Йодль: Такого приказа никогда не существовало. Я никогда не видел такой приказ. Он не содержался в инструкциях о партизанской борьбе. Кроме этого, практически каждое слово в данном заявлении неправда. Никогда не было приказа от ОКВ-ОКХ – то есть, приказа, который исходил от обоих ведомств. Евреи среди повстанцев. Это я уже разбирал. Агенты среди повстанцев. Агенты – это отдельная история. Политические комиссары. Это совершенно другое дело. Их никогда не передавали СД, для особого обращения – если их вообще передавали – потому что задача СД была совершенно иной. Их могли передавать полиции безопасности. Другими словами, каждое слова неправда.

Латернзер: Есть письменные показания номер 18, этого же фюрера СС Роде, которые обвинение предъявило как документ PS-3716, экземпляр номер USA-563. Роде заявляет, как следует из письменных показаний:

> «Насколько мне известно, айнзацгруппы СД, действовавшие совместно с отдельными группами армий, были полностью подчинены им как тактически, так и во всех других отношениях. Командующие подробно знали все о задачах и оперативных методах действий этих групп. Они оправдывали эти задачи и оперативные методы, поскольку они никогда не возражали против них».

Вам известен фюрер СС Роде?

Йодль: Нет, я его не знаю. Не думаю, что нужно много говорить об этом, потому что генерал полиции Шелленберг, который сам возглавлял такую айнзацгруппу и который реально должен знать, заявил совершенно чётко давая показания, в чьей юрисдикции он находился и от кого получал приказы.

Латернзер: Это был не свидетель Шелленберг; это был Олендорф[241].

Йодль: Олендорф? Да.

Латернзер: Итак, у меня есть несколько вопросов про приказ о комиссарах. Вы присутствовали на совещании, когда Гитлер устно отдал приказ о комиссарах командующим?

Йодль: Насколько помню, в самом начале он сказал только главнокомандующему армии или начальнику генерального штаба и нескольким офицерам ОКВ про этот приказ о комиссарах. Насколько могу вспомнить, он ссылался на данный приказ позднее, когда обращался к командующим. Мне кажется, что это было во время

---

[241] Отто Олендорф (1907 — 1951) — деятель германских спецслужб, группенфюрер СС и генерал-лейтенант полиции. Начальник III управления РСХА, занимавшегося сбором сведений о положении дел внутри страны, начальник айнзатцгруппы D. Казнён по приговору американского трибунала.

второго совещания, когда он использовал слова: «Я не могу ждать, что мои генералы понимают мои приказы, но я должен требовать, чтобы они им подчинялись».

Латернзер: Вам известны командующие, которые сопротивлялись этому приказу?

Йодль: Позднее кто-то рассказывал мне – не знаю, правда ли это – что фельдмаршал Роммель сжёг этот приказ. Но…

Латернзер: Это не воспоминание о приказе коммандос? Генерал-фельдмаршал Роммель был…

Йодль: О, да, это был приказ коммандос. Вы говорите о приказе про комиссаров, не так ли?

Латернзер: Да, правильно.

Йодль: Я помню, что были постоянные возражения от высшего командования армии, которое, к сожалению, должно было исполнят данный приказ, и так длилось долгое время. Офицеры генерального штаба конфиденциально говорили мне о том, что в основном его не исполняли. Я знаю об одном официальном ходатайстве поданном фюреру, чтобы официально отозвать этот приказ. Это было сделано, хотя я не могу вспомнить когда.

Латернзер: Кто заявил ходатайство?

Йодль: Высшее командование армии. Был ли это начальник генерального штаба или главнокомандующий, не могу сказать.

Латернзер: Когда внесли ходатайство?

Йодль: Мне кажется весной 1942.

Латернзер: Весной 1942? И это ходатайство…

Йодль: Я точно знаю, приказ был отозван.

Латернзер: Вы говорили с каким-либо командующим, который одобрял данный приказ?

Йодль: Нет. Все офицеры с которыми я говорил, считали, во-первых, что приказ следует отменить с гуманной точки зрения и во-вторых, что он был ошибочным с практической точки зрения.

Латернзер: Когда Гитлер устно привёл свои причины для этого приказа – и о некоторых из них вы уже сказали – он предположительно упоминал дополнительные причины сделать это. Я бы хотел, чтобы вы рассказали нам, в чём они заключались, чтобы мы могли ясно понимать предмет.

Йодль: Он сделал длинное объяснение – как он всегда делал, когда он чувствовал необходимым убедить кого-нибудь.

Латернзер: Он сказал…

Председатель: Эти причины разве не приводили?

Латернзер: Господин председатель, насколько я информирован, они ещё не приводились.

[*Обращаясь к подсудимому*] Во время совещания Гитлер сказал…

Председатель: Минуточку. Разве вы уже не приводили причины, которые, как вы говорите, Гитлер привёл для данного приказа?

Йодль: Я не привёл некоторые самые важные причины, на которые фюрер также указал. Они заключались…

Председатель: Минуточку.

Доктор Латернзер, я уже просил вас быть более кратким по многим поводам, когда вы допрашивали свидетелей и вы действительно потратили уже больше часа на штаб высшего командования. На каждого свидетеля, который приходит давать показания, вы тратите очень много времени и трибунал считает, что вы напрасно потратили много его времени. Сейчас, данный свидетель может привести любые дальнейшие причины, но я не хочу спорить об этом. Сейчас он может дать своё объяснение.

Йодль: Я должен лишь добавить, что фюрер сказал по этому поводу: «Если вы не верите в то, что я вам говорю, тогда прочитайте доклады от контрразведки, которые мы получили о поведении русских комиссаров в оккупированных балтийских странах. Тогда вы получите картину того, чего можно ожидать от этих комиссаров»

Он так сказал.

Латернзер: Я бы хотел задать вам вопрос о докладе в документе PS-884, предъявленном как экземпляр СССР-351.

Председатель: Пожалуйста, повторите номер.

Латернзер: Номер PS-884, это документ предъявленный русским обвинением 13 февраля, и это на странице 151 второй документальной книги генерала Йодля. Под номером II данного доклада, страница 153, есть следующее заявление. Я цитирую: «На это, рейхсляйтер Розенберг в меморандуме 3 предлагает…». Я не хочу читать дальше. Дальше фраза.

Я бы хотел спросить вас по какой причине этот номер 2 включили в этот доклад.

Йодль: Я могу лишь предполагать, потому что я не писал это. Но, не сомневаюсь…

Председатель: Поймите, нам не нужны его предположения. Если он может только предположить, тогда ему лучше не предполагать. Нам нужны показания, а не предположения.

Латернзер: Да, я опускаю этот вопрос. Я полагал, что у свидетеля были личные сведения об этом.

Свидетель, вчера вы сказали о том, что приказ коммандос от 18 октября 1942 был изменён – то есть, частично аннулирован по ходатайству командующего Западом. Кем был этот командующий Западом, который обратился за таким изменением?

Йодль: Генерал-фельдмаршал фон Рундштедт, и он обратился за отменой всего приказа.

Латернзер: Вам известен приказ генерала фон Рейхенау, который русское

обвинение предъявило 13 февраля как документ СССР-12? Он датирован 10 октября 1941. Вам известны причины принятия данного приказа?

Йодль: Да. Рейхенау тогда был командующим 6-й армией, и в его секторе находился город Киев. Этим утром я уже начал описывать события происходившие в Киеве в конце сентября, и в этом заключалась причина данного приказа.

Латернзер: Как командующие осуществляли свою юрисдикцию – строго или не настолько строго?

Йодль: Я знаю это, потому что доктор Леман…

Председатель: Это не имеет никакого отношения к обвинению против высшего командования. Против высшего командования нет обвинения в организации военно-полевых судов или неправильном управлении военно-полевыми судами.

Латернзер: Господин председатель, кажется я считаю по-другому в связи с этим. Если командующий слышал о каких-либо нарушениях дисциплины или жестокостях…

Председатель: Вам известно, что-нибудь в обвинительном заключении или что-нибудь в доказательствах, что вменяет высшему командованию или любому члену высшего командования, неподобающее поведение в военно-полевом суде или в связи с военно-полевым судом?

Латернзер: Нет. Я просто хочу выявить типичное отношение высшего командования.

[*Обращаясь к подсудимому*] Что вам известно о причинах массовых смертей случившихся среди русских военнопленных зимой 1941?

Йодль: Меня информировали о данном предмете, потому что несколько адъютантов фюрера направили туда лично, и они докладывали фюреру в моём присутствии. Речь шла в основном о массовых смертях после прошедшей крупной битвы в мешке под Вязьмой[242]. Причина массовых смертей была описана адъютантами фюрера как следующая: полуголодные окруженные русские армии оказывали фанатичное сопротивление в течение последних 8 или 10 дней. Они буквально жили на коре деревьев и корнях, потому что они отступили в непроходимые лесные районы и когда они попали в наши руки они были в таком состоянии, что они могли с трудом передвигаться. Невозможно было перевезти их. Ситуация в снабжении была критической, потому что железнодорожная система была уничтожена, а значит невозможно было вывезти их. Поблизости не было никакого жилья. Большинство из них можно было спасти немедленным лечением в госпитале. Вскоре начались дожди, и затем установился мороз и это причина почему такое большое количество пленных – в частности эти пленные из Вязьмы – погибли.

Это доклад адъютантов фюрера, которых направили для расследования. Похожие доклады поступали от генерал-квартирмейстера армии.

---

[242] Силам немецкой группы армий «Центр» удалось прорвать оборону советских войск и окружить западнее Вязьмы четыре армии в составе: 37 дивизий, 9 танковых бригад, 31 артиллерийский полк РГК.

Латернзер: Что вам известно об обстреле Ленинграда германской артиллерией? Вы помните, что свидетеля допрашивали здесь об этом?

Йодль: Я присутствовал на двух совещаниях, на которых сам фюрер встречал немецкого артиллерийского командующего, который был ответственным за артиллерию под Ленинградом. Он принёс с собой точную таблицу целей, и она показывала очень внимательно проработанную систему, согласно которой только ключевые заводы Ленинграда отмечались как обязательные цели, для того, чтобы подорвать силу сопротивления крепости. В основном это были фабрики, которые всё ещё производили боеприпасы. Боеприпасов для этой тяжёлой артиллерии, небольшая часть которых могла достать до центра Ленинграда, было столь мало, что нужно было сильно экономить их использование. Это были в основном захваченные во Франции орудия, и мы имели столько боеприпасов сколько захватили.

Латернзер: Вам известно, что свидетель утверждал о том, что, по его мнению, артиллерия умышленно уничтожала замки в Ленинграде. Вы видели таблицу целей для этой артиллерии?

Йодль: Да, я лично имел таблицу артиллерии в своём портфеле много недель. Только предприятия вооружения были обозначены в нём. Было бы безумием обстреливать, что-нибудь ещё. Конечно, каждый артиллерист знает, что из-за рассеивания снаряды могут падать повсюду.

Латернзер: Что вам известно о приказе Гитлера и ОКХ по уничтожать жилища и очаги во время отступления зимой 1941? В чём заключалась причина этого приказа?

Йодль: Причина…

Латернзер: Я ссылаюсь на приказ СССР-130. К сожалению, я не смог установить в какой день обвинение предъявило данный приказ. Я установлю это позднее и сообщу трибуналу.

Йодль: Во время той кошмарной зимней битвы, с температурой 48 градусов мороза, командиры на фронте докладывали фюреру в его ставку о том, что это была битва исключительно за тёплоё убежище. Те, кто не имел какого-нибудь обогрева – то есть, деревни с работающими печками – не могли держаться и сражаться на следующий день. Можно сказать это на самом деле была борьба за печки. И когда, из-за этого мы вынуждены были отступать, фюрер тогда приказал о том, чтобы эти очаги следовало уничтожать – не только дома, но также очаги нужно было взрывать – потому что в такой критической ситуации лишь это мешало русским преследовать. Поскольку в соответствии с Гаагскими правилами сухопутной войны, любой тип уничтожения допускается, который абсолютно необходим с военной точки зрения, мне кажется, что такой тип зимней войны – и это случилось только зимой – этот приказ может быть оправдан.

Латернзер: Что вам известно о деле Катыни?

Йодль: Об обнаружении массовых захоронений, я получил первый доклад от моего отдела пропаганды, который проинформировала рота пропаганды приданную

группе армий. Я слышал о том, что управлению криминальной полиции Рейха поручили расследовать дело и тогда я направил офицера моего отдела пропаганды на эксгумацию, чтобы проверить выводы иностранных экспертов. Я получил доклад, который в целом соответствует докладу, которые содержался в выпуске «Белой книги» думаю, министерства иностранных дел. Я никогда не слышал, чтобы кто-нибудь имел какие-нибудь сомнения о фактах, которые были представлены.

Латернзер: Вы также видели фильм, который русское обвинение показало в этом зале суда, и который показывал жестокости совершенные на югославском театре военных действий. Вы можете объяснить любые картины, которые вы вероятно ещё помните?

Йодль: Я верю в то, что каждая картина показанная в этом зале суда была и есть абсолютно правдивыми как картина. Это были захваченные фотографии. Но никогда не говорилось о том, что представляют собой фотографии. По пленке не ясно, была ли собака, терзающая человека сфотографирована в армейском центре собаководства.

Председатель: Это просто спор.

Латернзер: Я собирался остановить его.

Председатель: Да.

Латернзер: Я думаю об определенных фотографиях, в которые вы могли бы внести ясность: «Я помню ту фотографию полицейской собаки прыгающей на человека или манекен». Вы можете сказать…

Председатель: Вы спросили его об этих фотографиях и он говорит, что они все являются правдой – по его мнению - подлинными фотографиями; и он их не снимал. Он об этом ничего не знает, и всё, что он может сказать о них кажется нам оспариванием.

Латернзер: Я отзываю этот вопрос.

Генерал-полковник, Лувен[243] был захвачен так как свидетельствовал свидетель Ван дер Эссен? Свидетель ван дер Эссен[244] сказал о том, что Лёвен был захвачен без боя.

Йодль: Я убедился в том, что коммюнике вооруженных сил от, думаю, 18 мая содержит фразу: «Лёвен взят после тяжёлого боя». Но мне не кажется…

Председатель: Что это за место о котором вы спрашиваете?

Латернзер: Я спросил свидетеля о том, как был захвачен Лёвен: была ли там только эвакуация противника и потом оккупация или же за город пришлось сражаться. Свидетель заявил о том, что не было никакого сражения за Лёвен, и что это был особо презренный поступок.

Председатель: Как это касается генерального штаба?

---

[243] Лувен — один из университетских центров Бельгии, 16 мая 1940 в результате артиллерийского обстрела Вермахтом сгорела университетская библиотека с более чем 1 млн. книг.

[244] Леон ван дер Эссен (1883 – 1963) – бельгийский историк, профессор Католического университета Лёвена.

Латернзер: Что же, господин председатель, в этом случае, я не знаю кого следует винить в этом событии. Я не вижу никакой связи ни с кем из подсудимых; и если некого за это винить, мы должны исключить событие в целом.

Председатель: Это одно из событий, предъявленных в обвинительном заключении?

Латернзер: Нет, обвинительное заключение не ссылается на это.

Председатель: И доказательства, доказательства касаются этого?

Латернзер: В обвинительном заключении на это нет никакой ссылки, а в доказательствах, свидетель которого представили заявил о том, что университет Лёвена был умышленно уничтожен германской артиллерией, при том, что не было никакой причины обстреливать город.

Председатель: Я не уловил место – но, продолжайте.

Йодль: Я знаю, что коммюнике вооруженных сил от 18 мая 1940 содержало фразу: «Лёвен взят после тяжёлого боя». При том, что коммюнике германских вооружённых сил умалчивало некоторые вещи, разумеется оно бы никогда не говорили заведомую неправду. Я могу так сказать, потому что я его редактировал.

Латернзер: Вчера вы уже говорили об Орадуре. Я просто хотел спросить вас, что фельдмаршал фон Рундштедт сделал по поводу данного события, когда ему сообщили об этом.

Йодль: Много недель спустя я узнал о том, фельдмаршал фон Рундштедт начал расследование и что была переписка о случае Орадур между фельдмаршалом Кейтелем, комиссией по перемирию и фельдмаршалом фон Рундштедтом.

Латернзер: Командующий Западом начал военно-полевые слушания?

Йодль: Он должен был так сделать, потому я читал заявление из суда СС в связи с этим событием.

Латернзер: Что явилось результатом этих слушаний?

Йодль: Не могу сказать.

Латернзер: Тогда я перехожу к последним пунктам. Сколько совещаний было перед наступлением в Арденнах в декабре 1944?

Йодль: Было четыре совещания о наступлении в Арденнах.

Латернзер: Вы присутствовали на всех?

Йодль: Я принимал участие во всех.

Латернзер: Была какая-нибудь просьба о приказе или же, когда-либо был отдан приказ на одном из этих совещаний расстреливать пленных во время наступления?

Йодль: Нет. Я могу также добавить, что ни разу во время какого-либо из этих совещаний не упоминалось ни единого слова, которое не касалось чисто военных соображений. Вообще не было речи о поведении войск.

Латернзер: Генерал-полковник, вы бы знали если бы такой приказ был отдан – предположим – фельдмаршалом фон Рундштедтом?

Йодль: Не может быть и речи о таком приказе. Он бы не мог быть отдан по военным каналам. Он мог быть отдан только через полицию – то есть Гиммлера или

СС.

Латернзер: Но тогда бы это не обязывало части вооружённых сил – то есть, армию?

Йодль: Не может быть речи, что какой-нибудь командующий из армии даже принял бы такой приказ; и мне не известен никакой приказ фюрера, который был направлен против обычных военнопленных.

Латернзер: Я ставлю этот вопрос, потому что свидетель ван дер Эссен также заявил, в этом зале суда о том, что судя по обращению с пленными, он должен был сделать вывод о том, что это являлось результатом приказа с вышестоящего уровня. Вот почему я задал этот вопрос.

Вам известно дело – дело коммандос?

Председатель: Я думал, вы задали свой последний вопрос. Вы сказали, что это был ваш последний вопрос.

Латернзер: Последние вопросы. Господин председатель я пройду за 5 минут. Я прошу принять во внимание тот факт, что генерал-полковник Йодль член обвиняемой группы, и фактически он тот офицер который лучше всего проинформирован, и что полтора часа для такого допроса не чрезмерное количество времени.

[*Обращаясь к подсудимому*] Вам известно дело коммандос, в котором участником был сын британского фельдмаршала Александра[245]?

Йодль: Да, я знаю дело.

Латернзер: Пожалуйста, расскажите мне об этом.

Йодль: Я услышал об этом деле из доклада – не могу точно вспомнить от кого он поступил. Я обсудил это с фельдмаршалом Кейтелем и я высказал взгляд, что не нужно было проводить военно-полевые слушания против лейтенанта, лишь потому что он надел германскую кепку во время такой акции. Судебные слушания в отношении него находились в производстве, и фельдмаршал Кейтель отдал приказ о том, чтобы слушания прекратили.

Латернзер: И слушания прекратили?

Йодль: Да.

Латернзер: А теперь, относительно размаха группы, ещё два вопроса: в чём заключалась компетенция заместителя начальника оперативного штаба вооруженных сил?

Йодль: Заместитель начальника оперативного штаба вооруженных сил - я бы сказал – руководил на практике, работой генерального штаба всех сотрудников, от которой я конечно, был в некоторой степени оторван, потому что я находился в так называемом кольце безопасности номер 1, а мой штаб находился в кольце безопасности номер 2 – то есть, снаружи; и всей работой генерального штаба в рамках внутреннего персонала руководил он, и если требовалось, он конечно действовал как мой заместитель.

---

245 Харольд Александер (1891 — 1969) — британский военачальник, фельдмаршал (1944).

Латернзер: Обвинение заявило о том, что заместитель начальника оперативного штаба вооруженных сил был ответственным за стратегическое планирование. Это верно?
Йодль: Нет. Я был в основном ответственным.
Латернзер: Значимость положения этого заместителя начальника оперативного штаба вооруженных сил равна одинакова значимости других должностей который собраны в обвиняемой группе?
Йодль: Нет, она гораздо ниже. Он не имел положения, командующего армией, ни положения начальника генерального штаба.
Латернзер: Большое спасибо; У меня больше нет вопросов.
Председатель: Мы прервёмся.

[*Объявлен перерыв*]

Председатель: Кто-либо из других защитников желает задать какие-нибудь вопросы?
Штамер: Генерал-полковник, вы присутствовали, когда в конце марта 1944 Гиммлер сообщил Гитлеру, во время совещания об обстановке, что около 80 офицеров королевских воздушных сил сбежали из лагеря шталаг[246] III, в Сагане?
Йодль: В тот момент, когда Гиммлер докладывал о данном факте, я находился не в большом зале в Бергхофе. Я находился в следующей комнате разговаривая по телефону. Было слышно очень громкую дискуссию. Я подошёл к занавеске, чтобы послушать, что происходит. Я услышал, что они говорили о побеге английских лётчиков из лагеря Саган.
Штамер: Рейхсмаршал Геринг присутствовал на этом совещании по обстановке?
Йодль: Рейхсмаршал Геринг не присутствовал на этом совещании по обстановке. Я в этом абсолютно уверен.
Штамер: В дальнейших беседах с рейхсмаршалом, вы узнали о том, что он думал о расстреле некоторых сбежавших офицеров?
Йодль: Из бесед с начальником генерального штаба Люфтваффе, я узнал о том, что рейхсмаршал был возмущен этим расстрелом и я знал, что именно в подобных ситуациях бывший офицер в нём который не одобрял подобные невероятные поступки проявлял свою сущность. Нужно отдать ему должное. Были непрерывные споры между ним и фюрером по этому поводу, которым я лично свидетель.
Штамер: У меня больше нет вопросов.
Бём: С разрешения суда, я задам свидетелю несколько вопросов.

Свидетель, вы были начальником оперативного штаба вооруженных сил и вам известны подразделения находившиеся в вашем распоряжении. Обвинение утверждает, что вы ожидали найти в СА боевое подразделение в первые дни

[246] Шталаг III – лагерь ВВС для военнопленных летчиков западных держав.

агрессивной войны на основании так называемого подразделения коммандос. Теперь я бы хотел спросить вас, известен ли вам термин коммандос в связи с использованием СА Вермахтом.

Йодль: Нет, это мне неизвестно. Я услышал слово подразделение коммандос впервые в связи с мероприятиями батальонов английских рейнджеров. Мы никогда не использовали такой термин.

Бём: Значит не стоял вопрос, что СА использовали как подразделение коммандос позади регулярных войск при вступлении в Австрию или при оккупации Судетов?

Йодль: Мне неизвестны случаи, в которых подразделения СА взаимодействовали при оккупации другой страны – за исключением фрайкора Генлейна; однако, он состоял в основном из судетско-немецких беженцев. Мне кажется во фрайкоре Генлейна, было несколько фюреров СА, которые раньше были офицерами.

Бём: Полк Feldherrnhalle[247] использовали как подразделение СА или как полк Вермахта в войне?

Йодль: Полк Feldherrnhalle точно был полком Вермахта. Я бы хотел сказать о том, что он воплощал традиции СА и в основном комплектовался из СА, но он вообще не имел отношения к верховному командованию СА. Это был полк Вермахта в полном смысле слова.

Бём: Вам, что-нибудь известно о том факте, что в 25 школах групп, и в трёх школах руководства СА, 22000-25000 руководителей и помощников руководителей ежегодно готовили для фронта, и что эти 22000-25000 руководителей и помощников руководителей использовали как таковых в Вермахте?

Йодль: Я ничего не знаю об этом и считаю невозможным, что Вермахт готовил своё руководство и помощников руководителей при помощи кого-то другого нежели собственные сотрудники.

Бём: Положение не такое, что всех членов СА призывали в Вермахт как обычных солдат и они должны были производиться в званиях точно также как любой солдат Вермахта?

Йодль: СА призывали в Вермахт также как и любого другого немца. Я знаю о многих случаях, когда высшие руководители СА начинали свою службу в Вермахте на самых низших позициях как солдаты или унтер-офицеры.

Бём: Затем обвинение также утверждает, что после 1934 СА подготовили не только 22 000-25000 руководителей и помощников руководителей, но что 25 000 офицеров, действительных и унтер-офицеров, СА подготовили для Вермахта. Вам, что-нибудь известно об этом?

Йодль: То, что я уже сказал о помощниках руководителей ещё больше правда в отношении офицеров. Офицеров готовили только в военных училищах армии и нигде больше.

---

[247] Подразделение СА сформированное в 1936, с 1939 регулярное подразделение Вермахта. Названо в честь места расстрела нацисткой демонстрации в Мюнхене в 1923.

Бём: Обвинение далее утверждает – и я спрашиваю, известно ли вам, что-нибудь об этом – что в ходе расширения военных усилий, 86 процентов профессионального руководящего состава было предоставили.

Йодль: Я не могу дать на это обязывающий ответ. Я не знаю об этом.

Бём: И обвинение далее утверждает, что СА направили 70 процентов из миллионов своих членов напрямую в Вермахт. Может быть, что 70 процентов членов СА прошли свою военную службу. Я хочу спросить взяли ли эти 70 процентов прямо из СА или они были призваны как обычные группы, что применялось ко всему годному к военной службе мужскому населению?

Йодль: Не придавали никакого значения СА, когда людей призывали к армию. Членов СА призывали также как любого другого немца, которого призывали на военную службу. Был или не был человек в СА, не имело ни малейшего значения.

Бём: Вермахт, когда-либо забирал подразделения связи СА, инженерные подразделения или кавалерийские подразделения или медицинские подразделения и использовал их в боях в составе или вне дивизии Вермахта?

Йодль: Лично я не знал ни о каких таких случаях где какое-то подразделение СА оказывалось в бою вне Германии во время войны.

Бём: Начальник оперативного штаба вооруженных сил имел связного с СА?

Йодль: Нет. Время от времени ко мне приходил офицер из верховного командования СА, и он в целом спрашивал о судьбе и состоянии полка Feldherrhalle, который пополнялся в основном из СА и позднее о танковом подразделении, которое также продолжало традиции Feldhemhalle СА.

Бём: Обвинение представило газету, которая показывает, что по случаю муштровки членов СА присутствовал фельдмаршал Браухич. Оно хочет показать этим близкую связь между подготовкой СА и Вермахта. Вы можете объяснить эту фотографию?

Йодль: Мне кажется это можно объяснить тем фактом, что фельдмаршал фон Браухич сопровождал начальника штаба Лютце[248], как раз, когда он инспектировал обычное подразделение СА, и его сопровождал фельдмаршал фон Браухич, потому что как я уже говорил, после путча Рёма у нас не имелось повода для конфликта с СА. В начале войны СА передали всё своё снаряжение, включая все палатки в распоряжение Вермахта. Я это чётко помню.

Бём: Этот визит фельдмаршала фон Браухича, когда он инспектировал членов СА мог быть частью официальной деятельности фельдмаршала?

Йодль: Нет, я считаю это было актом учтивости.

Бём: С точки зрения заговора в котором здесь обвиняют СА, вам известно, что говорили о том, что это всегда была задача, особенно в 1933-1939 годах, готовить Германию и особенно молодёжь, к трудной завоевательной войне прививая, усиливая и поддерживая воинственных дух в Германии, в особенности среди молодёжи? Вам, что-нибудь известно в связи с этим по личным наблюдениям?

---

[248] Виктор Лутце (1890 — 1943) — начальник штаба СА в 1933 – 1943. Погиб в автомобильной катастрофе.

Йодль: Мне ничего об этом неизвестно. То что СА, как подразделение партии, тоже стремились развивать патриотический дух в своих рядах, проводить физическую подготовку, само собой разумеется. Что касается подготовки к агрессивным войнам, никто такого никогда не делал.

Бём: Но это здесь утверждали в отношении СА. Вы считаете, что это неправда?

Йодль: У меня нет никакой причины думать, что это правда.

Бём: У меня больше нет вопросов.

Хорн: Генерал-полковник, 26 августа 1939 был установлен день икс для нападения на Польшу. Это, правда, что 25 августа приказ о нападении был отозван по срочной просьбе Риббентропа, потому что согласно сообщению, которое получило министерство иностранных дел, Великобритания ратифицировала союзный договор заключенный с Польшей 6 апреля 1939, и Риббентроп сказал фюреру о том, что выступление германских войск следовательно будет означать войну с Великобританией?

Йодль: Я не могу ответить на ваш вопрос в целом, но я кое-что об этом знаю. Когда 25-го к нашему большому удивлению мы получили приказ: «Атака назначенная на 26-е не состоится», я позвонил тогдашнему майору Шмундту – фельдмаршала Кейтеля там не было – и спросил в чём дело. Он коротко сказал мне о том, что незадолго до этого рейхсминистр иностранных дел сообщил фюреру о том, что Британия заключила пакт – пакт о взаимопомощи – с Польшей и по этой причине он мог ожидать британского вмешательства в войну с Польшей. По этой причине фюрер отозвал свой приказ о наступлении. Вот, что я тогда узнал.

Хорн: Весной 1941, после путча Симовича, фюрер проводил совещание с главнокомандующими родов войск Вермахта и подсудимый фон Риббентроп был позднее вызван на это совещание. Это правда, что на этом совещании фон Риббентроп представлял точку зрения о том, что до военной акции, следует попытаться урегулировать разногласия с Югославией дипломатическими средствами? Как Гитлер отреагировал на данное предложение?

Йодль: Я особо хорошо вспоминаю этот инцидент, потому что приблизительно за 1 час до этого я сказал фюреру тоже самое, что нам следовало выяснить ситуацию ультиматумом. Спустя час, не зная об этом, рейхсминистр иностранных дел сделал такое же замечание и ему пришлось значительно хуже чем мне. Фюрер сказал:

> «Вот как вы понимаете обстановку? Югославы поклянутся в том, что черное это белое. Конечно, они говорят, что не имеют воинственных намерений и когда мы вступим в Грецию, они ударят нам в спину».
>
> Я очень точно вспоминаю это заявление.

Хорн: Генерал-полковник, это правда, что министерство иностранных дел с самого начала войны с Россией полностью устранили из восточных вопросов, что Риббентроп жаловался лично и через своего связного посла Риттера[249], и что он не

---

[249] Карл Риттер (1883 — 1968) — дипломат, руководящий сотрудник министерства иностранных дел Германии. В

добился успеха своими предложениями фюреру?

Йодль: Я знаю, что посол Риттер, который часто приходил проведать меня, постоянно жаловался в частных беседах на то, что такую обширную область деятельности отняли у министерства иностранных дел, и я должен полагать, что это мнение не только посла Риттера, но и мнение всего министерства иностранных дел, а также министра иностранных дел.

Хорн: В своих показаниях вы уже упоминали тот факт, что Вермахт был против намерения Гитлера отказаться от Женевской конвенции. Вам известно, что Риббентроп тоже энергично возражал намерению Гитлера и что после того как вначале возражения Вермахта тоже отвергли, Риббентроп смог убедить Гитлера отказаться от своего намерения?

Йодль: Скажем так, я не могу это полностью подтвердить. Одну вещь я знаю точно: министерство иностранных дел письменно проинформировало меня о неблагоприятном отношении к предложению или идеи фюрера. Для меня это было решающим доказательством того, что рейхсминистр иностранных дел придерживался такой точки зрения. Я зафиксировал такую неблагоприятную позицию министерства иностранных дел – вместе с неблагоприятным отношением армии, флота и Люфтваффе – в коротком меморандуме, и представил его фюреру. В какой степени рейхсминистр иностранных дел лично возражал фюреру в этом вопросе, я не могу сказать точно.

Хорн: Это правда, что фон Риббентроп выступал против связывания английских военнопленных в качестве репрессалии за связывание немецких военнопленных и по согласованию с ОКВ убедил фюрера прекратить эту меру?

Йодль: Это правда. Рейхсминистр иностранных дел, министерство иностранных дел, постоянно призывали фюрера отменить приказ касательно связывания канадских пленных и следует полагать, что эти многие возражения, которые тоже поддерживались ОКВ, наконец, привели к отмене приказа.

Хорн: На вечернем заседании во вторник вы обсуждали вопрос летчиков-террористов. В связи с этим вы заявили о том, что делая запросы и замечания вы хотели предотвратить повод для решения относительно запланированного обращения с этим вопросом. Обвинение предъявило два документа по данному вопросу. Один был записью о предполагаемой беседе между Риббентропом, Герингом и Гиммлером в Клессхайме, другой мнение посла Риттера, которого уже упоминали. Я бы хотел услышать от вас, известно ли вам, что-нибудь об отношении Риббентропа к обращению с вопросом лётчиков-террористов, особенно выступал ли Риббентроп, за то чтобы с данным вопросом обращались в соответствии с Женевской конвенцией и думал ли он о том, что возможно отступать от этой конвенции только если решающие военные потребности требовали это, и даже в этом случае только лишь прямо обозначив заранее гарантирующим державам, что

1940—1945 годах являлся офицером связи министерства при Верховном командовании Вермахта.

планировалось отступить от Женевской конвенции?

Председатель: Доктор Хорн, не могли бы вы поставить вопрос более коротко; что он об этом знает?

Хорн: Генерал-полковник, это правда, в отношении вопроса о лётчиках террористах, что фон Риббентроп, также как Вермахт был против отступления от Женевской конвенции, и он представил данный взгляд Гитлеру?

Йодль: На это я могу сказать – снова из бесед с послом Риттером – что я знал о том, что рейхсминистр иностранных дел выступал за официальную процедуру, то есть, официальное уведомление о том, что мы больше не считаем определенные акты террора относящимися к обычной войне. В этом заключалась первоначальная точка зрения министерства иностранных дел. На это я тогда сказал, что фюрера это наверное не заинтересует, о чём я сделал вывод из его устных указаний. Как оказалось, предложение, подобное тому, которое намеревался сделать рейхсминистр иностранных дел, так и не было выдвинуто, по крайней мере, я никогда его не видел.

Хорн: Вам, что-нибудь известно о мирной инициативе английских офицеров от имени генерала Александера, подержанной английским правительством в 1943?

Йодль: Я хорошо знаю, что тогда, в Афинах, англичанин – кажется это был английский капитан – установил с нами контакт. Этот капитан сказал, что он прибыл из английской ставки в юго-восточном районе. Я присутствовал, когда рейхсминистр иностранных дел доложил фюреру об этом, и я знаю, что он предложил, испытать этот контакт и понять какие результаты это принесёт. Это было сделано: фюрер согласился, но я больше ничего об этом не слышал и видимо ничего не произошло.

Хорн: Вам, что-нибудь известно о каких-нибудь дальнейших мирных попытках Риббентропа особенно после польской кампании, после Дюнкерка и в 1943?

Йодль: Я знал только о попытках и намерениях после кампании на Западе. Тогда фюрер говорил с каждым довольно открыто и откровенно. Лично я, и рейхсминистр иностранных дел, слышал согласие фюрера на то, чтобы мир с Англией заключили в любое время если бы нам вернули часть наших бывших колоний.

Хорн: Это правда, что подсудимый фон Риббентроп предлагал Гитлеру, чтобы венгерским евреям, постольку, поскольку они желали это сделать, позволили эмигрировать?

Йодль: Я это тоже вспоминаю. Вскоре после оккупации Венгрии нашими войсками, приблизительно в начале мая 1944, было совещание в Бергхофе, на котором нужно было принять решение. Фюрер хотел услышать наши взгляды на то следует ли распустить венгерскую армию или её следовало оставить как есть. В конце дискуссии, которая носила чисто военный характер, рейхсминистр иностранных дел сказал фюреру: «Мы не можем выслать всех венгерских евреев на корабле в какую-то нейтральную страну?». Фюрер ответил: «Легче сказать, чем сделать. Думаете это

возможно? Никто их не возьмёт. Кроме того, это технически невозможно». Так я вспоминаю эту беседу.
Хорн: Вчера вы говорили об изгнании датских евреев и сказали, что эта высылка состоялась по приказам Гиммлера. Мне представили письменные показания полковника Милднера[250], в которых утверждается, что данная высылка состоялась по приказам рейхсминистра иностранных дел. Это заявление, правда?
Йодль: До этого совещания Гиммлера-фюрера, которое заставило меня послать сообщение телетайпом командующему Вермахтом в Дании, я никогда не слышал ни слова о депортации евреев из Дании, и я никогда не слышал о том, что министерство иностранных дел принимало в этом какое-то участие.
Хорн: Вы когда-либо узнавали об основном отношении подсудимого фон Риббентропа к еврейскому вопросу?
Йодль: Кроме этого предложения о венгерских евреях, я не вспоминаю никакой беседы с рейхсминистром иностранных дел, на которой я присутствовал, в которой было какое-нибудь упоминание евреев.
Хорн: Спасибо. У меня больше нет вопросов.
Краус: Меня интересует знать, сколько дивизий были готовы 1 апреля 1938? Меня интересует эта ключевая дата, потому что в тот день прекратилась финансовая помощь Рейхсбанка. Вы можете сказать мне сколько дивизий были готовы 1 апреля 1938?
Йодль: Тогда было приблизительно готовы около 27 или 28 дивизий– то есть, в отношении личного состава и материальной части.
Краус: Генерал-полковник, вы можете сказать мне, как их создавали?
Йодль: Не могу сказать точно.
Краус: Приблизительно?
Йодль: Я знаю, что только одна танковая дивизия была тогда готова, одна кавалерийская дивизия, одна горная дивизия, и остальное, наверное, пехотные дивизии. Другие танковые дивизии пока не обеспечили и они существовали только как подлежащие формированию части.
Краус: Я бы хотел знать, в какой степени это вооружение увеличилось между этой датой и началом войны 1 сентября 1939 – то есть, увеличилось с 27 дивизий?
Йодль: С осени 1938, картина стала гораздо более благоприятной, потому что приготовления в промышленности вооружений теперь приносили результаты, и много снаряжения доставляли для дивизий; также, потому что с этого времени, начали прибывать обученные возрастные группы. Таким образом, поздней осенью 1938, мы были в состоянии создать приблизительно 55 дивизий – включая дивизии резерва – даже при том, что некоторые из них были слабо оснащены. В 1939 – как я уже говорил, по моим воспоминаниям – было между 73 и 75 дивизиями.
Краус: Таким образом, количество дивизий созданных после марта или апреля 1938,

[250] Рудольф Милднер (1900 – 1953) – штандартенфюрер СС, в 1943 г. начальник Гестапо в Дании.

послу ухода президента Шахта из Рейхсбанка, увеличилось на 200 процентов за 15 или 16 месяцев, в то время как заняло больше трёх лет, чтобы создать 27 дивизий?

Йодль: Это, правда, за исключением того, что этим 55 дивизиям или даже эти 75, не хватало оснащения также как небольшому количеству весной 1938. Но тот факт, что с этого времени вооружение шло гораздо быстрее заключался в – как я сказал – в самом характере вещей.

Краус: Спасибо, у меня больше нет вопросов.

Кауффман: Свидетель, вчера вы свидетельствовали о том, что разведывательная служба при Кальтенбруннере была лучше организована, чем раньше. Пожалуйста, скажите мне, какое положение занимал Кальтенбруннер во время вашего пребывания в ОКВ?

Йодль: Я встретил Кальтенбруннера, когда…

Председатель: Секундочку. Доктор Кауффман вы задали общий вопрос. Нам приводили все должности Кальтенбруннера более чем единожды. Это то, что вы хотите знать?

Кауффман: Господин председатель, Кальтенбруннер лишь довольно общим образом свидетельствовал о факте, что его разведывательная служба была связана с военной разведывательной службой. Данный свидетель может рассказать нам в чём заключалась связь военной разведывательной службы с остальной разведывательной службой, в особенности в отношении размаха и влияния на политику в целом.

Председатель: Я не понял, что вы спросили его о чём-то про разведывательную службу. Вы задали ему довольно общий вопрос об отношениях которые он имел с ОКВ в то время, когда подсудимый был связан с ОКВ, в совершенно общих терминах. Это может включать ответ, который займет около часа.

Кауффман: Могу я повторить вопрос, который видимо не прошёл правильно?

Свидетель, вчера вы свидетельствовали о том, что при Кальтенбруннере вся разведывательная служба была лучше организована чем раньше – то есть, при Канарисе, я спрашиваю вас какое положение имел Кальтенбруннер внутри разведывательной службы.

Йодль: Кальтенбрунннер…

Председатель: Какой конкретно вопрос вы хотите задать? Трибунал не думает, что вам следует задавать общие вопросы подобного характера. Если у вас есть, что-нибудь конкретное, о чём вы хотите узнать, вы можете спросить об этом.

Кауффман: Что делал Кальтенбруннер во время дискуссий об обстановке, которые проходили ежедневно?

Председатель: Доктор Кауффман, вряд ли возможно представить более общий вопрос чем этот в связи с Кальтенбруннером: в чём заключалась его деятельность за ряд лет?

Кауффман: Господин председатель, я сказал, во время доклада об обстановке, то

есть, ежедневных военных совещаниях – как вёл себя Кальтенбруннер? Что он делал? Что он говорил? Он докладывал? В чём заключались его доклады? По моему мнению, это конкретный вопрос.

Председатель: О каком времени вы спрашиваете?

Кауффман: Я спрашиваю о времени после его назначения начальником главного управления безопасности Рейха, времени с 1943. Это единственное время, которое обсуждается.

Председатель: Разумеется вы можете спросить его про конкретные совещания. Почему не спросить его о конкретных совещаниях, если вам известно о каких-нибудь?

Кауффман: Так я и планировал.

Свидетель, вы понимаете в чём заключается вопрос? Скажите мне, пожалуйста?

Йодль: Насколько помню, до весны 1945, когда ставка окончательно не переехала в рейхсканцелярю в Берлине, Кальтенбруннер не принимал никакого участия в дискуссиях по обстановке. Я не могу вспомнить, что когда-нибудь видел его на дискуссии в ставке фюрера.

Кауффман: Простите меня, вы имеете в виду 1944 или 1945?

Йодль: 1945. С весны 1945 – то есть, с конца января, я часто встречал Кальтенбруннера в рейхсканцелярии. До этого он приезжал в ставку фюрера время от времени, и беседовал со мной там – особенно про передачу разведывательной службы Канариса – но он не присутствовал на совещаниях по обстановке с фюрером.

Кауффман: Он не представлял письменные доклады о военной обстановке?

Йодль: До того как он принял разведывательную службу у Канариса – он принял её 1 мая 1944 – до того как он принял разведывательную службу, он время от времени направлял мне очень хорошие доклады из юго-восточного района, и эти доклады сначала привлекли моё внимание к его опыту в разведывательной службе. Затем он принял разведывательную службу и хотя я сначала был против этого, после выражения ему своих взглядов я даже поддерживал его, так как у меня сложилось впечатление, что человек знал своё дело. После этого, конечно, я постоянно получал доклады от Кальтенбруннера, как раньше получал их от Канариса. Я не только получал ежедневные доклады от агентов, но время от времени он направлял мне, то что я называл политической сводкой на основании отдельных докладов агентов. Эти обширные доклады о политической ситуации повсюду за рубежом привлекали моё внимание, потому что они суммировали всю нашу военную ситуацию с откровенностью, печалью и серьезностью, чего вообще не замечалось в докладах Канариса.

Кауффман: Свидетель, вы также вчера показали, что после завершения ежедневного совещания о военной обстановке, Гитлер собирал вокруг себя

доверенных лиц и своих политических людей. Теперь я спрашиваю: Кальтенбруннер находился в этом круге доверенных лиц?

Йодль: Я никогда не слышал о Кальтенбруннере находившемся в частном кругу фюрер, и никогда не видел его там. То, что я видел, было чисто официальным отношением.

Кауффман: Спасибо, у меня больше нет вопросов.

Кранцбюлер: Генерал-полковник, гросс-адмирал Дёниц обвиняется в призыве флота продолжать сражаться весной 1945. Вы сами как ответственный военный консультант, рекомендовали фюреру капитулировать в то время?

Йодль: Тогда я не рекомендовал ему капитулировать. Тогда об этом не могло быть и речи. Ни один солдат не сделал бы этого. От этого не было бы никакой пользы.

Кранцбюлер: Даже после неудачи наступления в Арденнах в феврале 1945?

Йодль: Даже после неудачи наступления в Арденнах. Фюрер понимал обстановку, в целом, также как и мы, и наверное, быстрее нас. Следовательно нам не нужно было говорить в связи с этим.

Кранцбюлер: В чём заключались причины не делать это?

Йодль: Зимой 1944 было много причин не делать это, помимо того факта, что вопрос капитуляции или прекращения сопротивления касается только верховного главнокомандующего. Причины против заключались, в основном в том, что мы не сомневались, что может быть только безоговорочная капитуляция, так как остальные страны не оставили нам сомнений в том, что нас ждёт, это полностью устранил тот факт, что мы захватили английское «Затмение[251]» - господа из британской делегации знают, что это такое. Это были точные указания о том, что должна была делать оккупирующая держава в Германии после капитуляции. Итак, безоговорочная капитуляция означала, что войска прекратили бы сражаться там где они находились на всех фронтах и были взяты в плен противником стоящим перед ними. Случилось бы тоже самое, что случилось зимой 1941 в Вязьме. Миллионы пленных пришлось бы срочно размещать в лагерях в разгар зимы.

Прежде всего, люди всё ещё находившиеся на Восточном фронте, которые насчитывали около 3 ½ миллионов, попали бы в руки противника на Востоке. Наше стремление заключалось в том, чтобы спасти как можно больше людей направив их в западный район. Это можно было сделать стягивая два фронта ближе друг к другу. Это были чисто военные мнения, которых мы придерживались на последних этапах войны. Мне кажется, что спустя годы можно будет больше сказать об том, нежели я могу сказать или желаю сказать сегодня.

Нельте: Генерал-полковник, как долго вы знали фельдмаршала Кейтеля?

Йодль: Мне кажется, я встретил его в 1932, когда он был начальником организационного отдела армии.

---

[251] Операция «Затмение» - приказ по вооруженным силам Англии и США предусматривающий занятие районов определенных к оккупации.

Нельте: И с этого времени, за исключением времени, когда вы находились в Вене, вы всегда работали с ним?

Йодль: Было время, когда фельдмаршал Кейтель не был в военном министерстве, а в поле. Мне кажется, это было в 1934-35. Тогда я потерял его из вида. В противном случае я был с ним всё время.

Нельте: Ваша работа с ним была только официальной или вы имели с ним личные отношения?

Йодль: В течение лет, в результате всего того, что мы прошли вместе, эти отношения стали очень личными.

Нельте: Обвинение охарактеризовало фельдмаршала Кейтеля как одного из самых могущественных офицеров Вермахта. Оно вменило ему использование такого положения, чтобы влиять на фюрера. Другие круги представленные здесь называли Кейтеля слабым и обвиняли его в неспособности добиваться своей цели в своей должности.

Я не хочу задавать никаких вопросов, которые задавали раньше и на которые отвечали, но есть вопросы на которые раньше отвечали по-разному – как вы слышали – и только такой человек может ответить на них, человек который проработал с фельдмаршалом больше десятилетия. Поэтому, пожалуйста, расскажите мне кратко – сокращая свои фразы – какими были официальные отношения между Кейтелем и Гитлером.

Йодль: Официальные отношения между фюрером и фельдмаршалом Кейтелем были точно такими, как между фюрером и мной, но на немного ином уровне. Они были чисто официальными, особенно в начале. Они перемежались, как в случае всех остальных высших офицеров, постоянными стычками между революционером и прусским офицером связанным традициями.

Нельте: Значит эти стычки, возникавшие из-за разницы во мнениях, были ежедневным событием?

Йодль: Они были ежедневным событием и в свою очередь приводили к крайне неприятным сценам, таким сценам которые заставляют стыдиться, так как старший офицер, должен был слушать такие вещи в присутствии молодых адъютантов. Запись в моих дневнике подтверждает, что, например 19 апреля 1940, фельдмаршал Кейтель бросил свой портфель на стол и вышел из комнаты. Это факт.

Нельте: Могу я спросить в чём заключалась причина?

Председатель: Нет, доктор Нельте. Если вы хотите, чтобы он подтвердил доказательства приведенные подсудимым Кейтелем, почему бы вам не спросить подтверждает ли он это?

Нельте: Господин председатель, это вопросы, которые я не представлял фельдмаршалу Кейтелю. Моя линия опроса стала необходимой из-за допроса подсудимого…

Председатель: Вопрос, что вы поставили ему был: какими были его отношения с

фюрером? Вы бы могли не ставить его так широко и разумеется вы охватили это с подсудимым Кейтелем.

Нельте: Я обсуждал это с Кейтелем.

Председатель: Вы ставили вопрос Кейтелю и Кейтель отвечал на это очень долго.

Нельте: Господин председатель, после опроса Кейтеля, здесь появился свидетель, который дискредитировал заявление фельдмаршала Кейтеля, если то, что он говорит, является правдой. Следовательно, для того, чтобы внести ясность, я должен…

Председатель: Это именно та самая причина, почему я спросил вас, хотите ли вы, чтобы данный свидетель подтвердил, то что сказал подсудимый Кейтель и - если бы вы это сделали – почему вы не спросите его, подтверждает ли он доказательства по Кейтелю.

Нельте: Генерал-полковник, вы слышали, что мы можем упросить вопрос об этом. Я представлю вам то, что сказал здесь свидетель Гизевиус, в этом зале суда, о фельдмаршале Кейтеле. Это в основном противоречит тому, что говорил фельдмаршал Кейтель и остальные свидетели допрошенные о Кейтеле. Я отмечаю, что Гизевиус не говорил о своих собственных сведениях, но что он получал информацию из ОКВ. Если вы хотите рассмотреть это, пожалуйста, ответьте сейчас на вопрос: по вашим сведениям о таких вещах, правда то, что говорил фельдмаршал Кейтель под присягой – и то, что подтвердили другие, за исключением Гизевиуса – или правда то, что сказал Гизевиус?

Йодль: Правда только то, что сказал фельдмаршал Кейтель. Я испытывал эту тысячу дней. То что сказал в связи с этим свидетель Гизевиус является общими фигурами речи. Кроме Гитлера, не было человека могущественней, не было и не могло быть влиятельного человека рядом с ним.

Нельте: Свидетель Гизевиус упоминал пример, чтобы доказать, что Кейтель мешал представлять определённые доклады Гитлеру. Поскольку вы принимали участие в этом документе, я бы хотел представить вам данный документ и попросить вас прокомментировать его. Это документ PS-790. Данный документ не фактическое изложение стенограммы, а запись для дела, как вы поймёте. Это о «Белой книге» которую готовили про предположительные нарушения бельгийского и голландского нейтралитета. И в этой связи свидетель Гизевиус сказал:

> «Кажется, я должен привести ещё два примера, которые считаю особенно существенными. Прежде всего, всеми средствами пытались настроить Кейтеля предупредить Гитлера перед вторжением в Бельгию и Голландию, и сказать ему – то есть Гитлеру – что информация представленная Кейтелем о предполагаемом нарушении нейтралитета голландцами и бельгийцами была ошибочной. Контрразведка – то есть Канарис – «должен был подготовить такие доклады, которые бы инкриминировали голландцев и бельгийцев.

> Адмирал Канарис тогда отказался подписать эти доклады…Он непрерывно говорил Кейтелю о том, что эти доклады, которые предположительно подготовило ОКВ были ошибочными.
> Это один пример, когда Кейтель не передал Гитлеру, то, что должен был».

Генерал-полковник, я прошу вас подтвердить, после того как вы посмотрели на документ, что эти записи показывают, что от фельдмаршала Кейтеля и вас ждали прикрытия ложных докладов, и что на основании доклада Канариса – содержащегося в части А – ОКВ отказалось прикрывать эту «Белую книгу». Это правда?

[*Ответа не последовало*]

Председатель: Что же, если вы понимаете вопрос, отвечайте.
Йодль: Я понимаю вопрос, и я хотел бы кратко установить здесь факты и сказать как это было на самом деле если смогу не задохнуться от отвращения.

Я присутствовал, когда Канарис прибыл в рейхсканцелярию с этим докладом фельдмаршалу Кейтелю и представил ему проект «Белой книги» министерства иностранных дел. Фельдмаршал Кейтель затем просмотрел книгу и внимательно выслушал существенные замечания сделанные Канарисом по желанию министерства иностранных дел, о том, что разведывательные данные требуют вероятно какого-то улучшения, что он должен был подтвердить, что военная акция против Голландии и Бельгии была абсолютно необходимой, и что, как сказано здесь, и не доставало последнего реально грубого нарушения нейтралитета. Прежде чем Канарис сказал следующее слово, фельдмаршал Кейтель бросил книгу на стол и сказал: «Я не настаиваю на этом. Как я могу взять ответственность за политическое решение? В этой «Белой книги», слово в слово, доклады, которые вы сами – Канарис – давали мне».

Потом Канарис сказал: «У меня точно такое же мнение. Я считаю, совершенно лишнее подписывать этот документ Вермахтом и докладов, которые мы здесь имеем, в целом, совершенно достаточно, чтобы установить нарушения нейтралитета, которые происходят в Голландии и Бельгии». И он рекомендовал фельдмаршалу Кейтелю не подписывать это.

Так это происходило. Фельдмаршал взял книгу с собой, и мне неизвестно, что случилось потом. Но точно одно, что воображаемые доклады этого господина Гизевиуса переворачивают всё с ног на голову. Все эти доклады о нарушениях нейтралитета шли от тех людей которые теперь утверждают, что мы их ложно подписывали. Это один из самых отвратительных инцидентов в мировой истории.
Нельте: Генерал-полковник, адмирал Канарис играл роль в этом деле. Гизевиус сказал: «Невозможно, чтобы адмирал Канарис по собственной инициативе

представил срочный доклад Гитлеру». Он утверждает, что Канарис давал доклады фельдмаршалу Кейтелю, который не представлял их. Я спрашиваю вас, это правда?

Йодль: Конечно, я не следил за каждым документом приходившем к фельдмарщалу Кейтелю, но фельдмаршал Кейтель представлял всё, о чём считал, что нужно знать фюреру. Я уже сказал о том, что если бы Канарис был не доволен в связи с этим, он бы мог пойти к фюреру напрямую. Ему только нужно было пройти в следующий кабинет и сообщить главному адъютанту фюрера или ему нужно было сказать мне.

Председатель: Если вы не знаете, почему бы вам так не сказать? Если вам неизвестно передавал он это фюреру или нет, так и скажите.

Нельте: Я лишь спросил, правдивы ли показания о том, что адмирал Канарис не мог пойти к Гитлеру. Я хотел вашего ответа на данный вопрос.

Йодль: Фактически, он ходил к фюреру дюжину раз.

Нельте: Если бы он захотел он мог попасть в любое время?

Йодль: Абсолютно, в любое время.

Председатель: Итак, скажите мне на какой странице стенографических записей эти показания Гизевиуса?

Нельте: Показания о Кейтеле в расшифровке заседания от 26 апреля 1946[252].

Председатель: Очень хорошо.

Нельте: Теперь я хочу показать вам два письменных показания, которые вы подписали совместно с фельдмаршалом Кейтелем, которые также предъявлены трибуналу. Это письменные показания номер Кейтель-9, высшее командование Вермахта и генеральный штаб, и письменные показания номер Кейтель-13, развитие условий во Франции 1940-1945 и военная компетенция.

Вы помните, что подписали эти письменные показания?

Йодль: Да, подписал.

Нельте: И если вы уверены в этом, вы помните содержание?

Йодль: Да.

Нельте: Вы подтверждаете точность ваших письменных показаний?

Йодль: Я подтверждаю это заявление.

Нельте: Я не буду читать эти письменные показания или их часть. О предмете перевооружения – то есть, о генерале Томасе, которого тоже приводили здесь в качестве источника информации – я бы хотел задать несколько вопросов.

Вам известно, что обвинение предъявило здесь объёмную книгу, документ PS-2353, которая описание перевооружения, написанная генералом Томасом. Так как генерала Томаса тоже приводил здесь свидетель Гизевиус в качестве источника информации, я должен спросить вас о Томасе. В его письменных показаниях, которые прилагаются к документу PS-2353, он сказал о том, что 1 февраля 1943, он был освобождён из ОКВ. Вам известно, правда это или нет.

[252] См. Стенограмма Нюрнбергского процесса. Том XI / Пер. с англ. и составление — Сергей Мирошниченко, Новочеркасск /2021. — (Первопубликация), стр. 249-254.

Йодль: Насколько могу вспомнить, он был назначен в группу офицеров по особым поручениям высшего командования Вермахта. Следовательно, он находился в распоряжении фельдмаршала Кейтеля.
Нельте: У него имелось никакого особого назначения, когда он был доступен для особых поручений?
Йодль: Он принял несколько задач, после этого, как мне кажется.
Нельте: Я лишь хотел удостовериться в том, что также после 1 февраля 1943, генералу Томасу ОКВ также ставило задачи, в особенности о том, чтобы написать эту книгу, которую здесь предъявили, это правда?
Йодль: Это правда, что его использовали в написании того, что можно было назвать «Историей перевооружения».
Нельте: Каким было его отношение к фельдмаршалу Кейтеля?
Йодль: Я знаю, что время от времени, когда эти двое работали вместе – это было только до войны и в самом начале войны, отношения были хорошими.
Нельте: Вам известны доклады генерала Томаса касательно перевооружения?
Йодль: У меня нет никаких конкретных воспоминаний о каких-либо докладах о нашем перевооружении. Я могу лишь вспомнить доклады о военном потенциале наших противников. Я это помню.
Председатель: Доктор Нельте, вы собираетесь задержаться, потому что без десять минут пятого, и если вы не собираетесь закончить вечером, нам лучше прерваться.
Нельте: Мне нужно ещё четверть часа.
Председатель: Тогда мы откладываемся.

[*Судебное разбирательство отложено до 10 часов 6 июня 1946*]

День сто сорок восьмой

Четверг, 6 июня 1946

Утреннее заседание

[*Подсудимый Йодль вернулся на место свидетеля*]

Нельте: Генерал, вчера в ответе на мой последний вопрос о генерале Томасе вы сказали о том, что он регулярно готовил доклады о военном потенциале вражеских держав вам и фельдмаршалу Кейтелю. Эти важные доклады всегда представлялись Гитлеру?

Йодль: Эти доклады, с детальным графическим описанием, эскизами и схемами, регулярно представляли фюреру и часто случались ожесточённые дискуссии, потому что фюрер считал такое представление вражеского потенциала чересчур преувеличенным.

Нельте: Вы и фельдмаршал Кейтель разделяли точку зрения, что представления генерала Томаса были хорошо обоснованными?

Йодль: И фельдмаршал Кейтель и я считали, что после самого внимательного изучения вражеских достижений в производстве вооружений, эти заявления Томаса несомненно были полностью точными.

Нельте: Вы слышали свидетель Гизевиус говорит, что Томас предположительно является противником военного руководства Гитлера. В ходе лет и в подготовленных докладах, вы когда-либо понимали данный факт?

Йодль: Я такого не замечал. Единственная вещь, которую я замечал заключалась в том, что он возражал такому преувеличенному оптимизму которому обычно предавался фюрер и вероятно в основном он был пессимистом нежели оптимистом.

Нельте: Генерала Томаса уволили с должности главы управления экономики вооружений ОКВ в результате усилий Кейтеля?

Йодль: Нет, ко времени ухода в отставку с действительной службы генерал Томас находился в подчинении министра Шпеера, но министра Шпеера больше не интересовало работать с ним, и он попросил фюрера о том, чтобы его уволили из управления вооружений, которое принял министр Шпеер. И это было сделано фельдмаршалом по приказу фюрера.

Нельте: Следовательно я могу установить…

Председатель: Доктор Нельте, как показания генерала Томаса относятся к делу Кейтеля – как вопрос о том действовал ли генерал Томас вопреки предполагаемым интересам Германии или нет относится к делам Кейтеля и Йодля? Показания

Гизевиуса относились к делу подсудимого Шахта. Мне кажется – и я думаю, трибуналу – совершенно не относятся к делу подсудимого которого вы представляете ни к делу подсудимого Йодля. Какое нам дело до того действовал ли генерал Томас для того, чтобы сместить и свергнуть Гитлера или нет?

Нельте: Вопрос, который касается подсудимого Кейтеля в том представлял и поддерживал ли фельдмаршал Кейтель доклады передаваемые Томасом. Свидетель Гизевиус говорил здесь, ссылаясь на Томаса в качестве источника информации, что эти доклады Томаса скрывали от Гитлера. Поэтому эти показания…

Председатель: Мы вчера это прошли и сейчас подсудимый Йодль сказал, что доклады Томаса представляли фюреру. Но, что я хотел вам заметить, заключалось в том, что вопрос о том честно ли Томас готовил свои доклады или нет совершенно не относится к делу.

Нельте: На мой взгляд, не в отношении достоверности источников информации Гизевиуса, но я снимаю этот вопрос. Однако, в этой связи я должен задать ещё один вопрос относительно другого источника информации, Канариса.

[*Обращаясь к подсудимому*] Канарис был регулярным и частым гостем в ставке фюрера и вашем гостем. Какими были отношения между фельдмаршалом Кейтелем и его старейшим начальником управления?

Йодль: Отношения между фельдмаршалом Кейтелем и Канарисом с первого до последнего дня была заметно дружескими, и к сожалению первого слишком слепым доверием.

Нельте: Могу я спросить, какими были отношения после 20 июля?

Йодль: Я знаю, что даже после 20 июля фельдмаршал Кейтель не верил в обвинения против Канариса и, что после ареста Канариса, он деньгами поддерживал его семью.

Нельте: Какими были отношения между Канарисом и Гейдрихом?

Йодль: Я однажды упоминал это. Канарис всегда старался поддерживать особенно хорошие отношения с Гиммлером и Гейдрихом, для того, чтобы они имели к нему недоверия.

Нельте: Что вы можете сказать об отношении фельдмаршала Кейтеля к плану Гитлера в октябре 1939, плану нападения на Западе?

Йодль: Я знаю о том, что фельдмаршал Кейтель видимо сильно находился под впечатлением отношения главнокомандующего армии и генерального штаба армии и тоже озвучивал предупреждения против нападения на Западе. Я это знаю, хотя у меня нет об этом личного опыта, но Шмундт говорил мне об этом позднее – я знаю, что тогда он также спорил с фюрером, что привело к первому прошению об отставке. Это то о чём я могу сообщить согласно тому, что рассказывал мне Шмундт; сам я не свидетель этому, фельдмаршал Кейтель не говорил мне об этом лично.

Нельте: В документе PS-447, который предъявило обвинение – эти руководящие принципы для особых задач принятые в директиве номер 21 – под I, 2b, это

известный теперь параграф, согласно которому в оперативном районе армии, рейхсфюреру СС от имени фюрера поручалась особая задача в связи с подготовкой политического управления, вытекающего из неизебжного конфликта между двумя противоположными политическими системами. Довольно для краткой цитаты. Я не буду вручать вам документ, поскольку вы, разумеется, с ним хорошо знакомы и сокращая дело, я лишь попрошу вас рассказать суду о том как фельдмаршал Кейтель отреагировал не принятие этого приказа.

Йодль: Требование фюрера посягнуть на суверенитет армии со стороны Гиммлера и полиции в её оперативном районе привели к дням ожесточённых споров с фюрером. Такие же споры шли, когда Тербовен[253] был назначен в Норвегию. Нужно лишь прочитать записи в моём дневнике, PS-1780. Конечно, сегодня я знаю, почему фюрер настаивал на этой точке зрения при любых обстоятельствах и почему он вводил полицию, подчиненную Гиммлеру, в оперативный район. Это противоречило всем прежним соглашениям с полицией и с Гиммлером, но в конце концов фюрер провел эту меру, несмотря на сопротивление по всей линии.

Нельте: Обвинение здесь утверждает, что в 1940, фельдмаршал Кейтель отдал приказ убить генерала Вейгана, в то время начальника генерального штаба французской армии. Данное заявление в основном опирается на показания свидетеля Лахузена. У меня есть несколько коротких вопросов об этом. Фельдмаршал Кейтель был компетентен отдать приказ об убийстве генерала?

Йодль: Нет. Вообще любой смертный приговор должен был утверждаться фюрером.

Нельте: Что же, я естественно не имею в виду смертный приговор – в связи с этим.

Йодль: Что же. Вообще ни у кого не было полномочий приказывать совершить убийство.

Нельте: Я спрашиваю это, потому что показания Лахузена создают впечатление, как если бы этот приказ отдал фельдмаршал Кейтель адмиралу Канарису. Если мы признаём, что подобный приказ был отдан Гитлером, это было бы политически важным актом учитывая значение Вейгана.

Йодль: Несомненно.

Нельте: Это бы не было глупейшим поступком с учётом политики?

Йодль: Прежде всего это было бы преступление…

Председатель: Доктор Нельте, это всё оспаривание и вы ставите свои вопросы в совершенно наводящей форме. По сути, возражение в том, что это аргументация. Продолжайте.

Нельте: Если бы такой приказ отдали, это могло остаться для вас неизвестным?

Йодль: Я не могу представить, что фельдмаршал Кейтель которому поручили приказать об убийстве не поговорил бы со мной.

---

[253] Йозеф Тербовен (1898 — 1945) — государственный, военный и партийный деятель Германии. Обергруппенфюрер СА (1936). Рейхскомиссар Норвегии в 1940 – 1945. Покончил жизнь самоубийством.

Нельте: Что именно вы слышали о деле Вейгана[254]?

Йодль: Я никогда не слышал ни одного слова о деле Вейгана. Я услышал только одну вещь, когда Гиммлер докладывал фюреру в моём присутствии: «Я предоставил Вейгану очень хорошую виллу в Бадене. Он полностью обеспечен так, что может быть доволен». Это единственная вещь, что я слышал в которой фигурировало имя Вейгана.

Нельте: Свидетеля Лахузена также заслушивали по делу генерала Жиро[255]. Вам, что-нибудь известно о деле Жиро, которое привлекло много внимания?

Йодль: Я ещё меньше слышал про дело Жиро. Вскоре после успешного побега Жиро, фельдмаршал Кейтель однажды сказал мне в беседе, что он поручил Канарису следить за Жиро, для того, чтобы он не смог, как того опасался фюрер сбежать в Северную Африку и там руководить формированием колониальной армии против нас или, для того, чтобы он мог быть арестован в случае если он воссоединится со своей семьей на фактически оккупированной территории. Вот, что он мне рассказывал. Несколько месяцев спустя он снова мне сказал: «Теперь я снимаю это поручение с Канариса, потому что фюрер передал это Гиммлеру. Если есть два ведомства занимающиеся этим будут только трудности и разногласия». Третий раз я услышал про дело Жиро, когда фельдмаршал Кейтель сказал мне о том, что заместитель Жиро – мне кажется это был конец 1943 или весна 1944 – обратился к контрразведывательной службе и сказал, что Жиро, который не мог согласится с де Голлем[256] в Северной Африке, спросил не может ли он вернуться во Францию. Тогда я сказал фельдмаршалу Кейтелю, что мы должны с этим немедленно согласиться, потому что для нас это было чрезвычайно политически благоприятно. Это единственное, что я когда-либо слышал про дело Жиро. Ничего более.

Нельте: Позавчера вы говорили о беседах в поезде фюрера в сентябре 1939, на которых также присутствовал генерал Лахузен. В этой связи вы сказали: «У меня нет никаких возражений заявлению Лахузена». Но, чтобы избежать недопонимания, я бы хотел, чтобы вы сказали, означает ли это, что все показания Лахузена, который также ссылался на Жиро и Вейгана, достоверные и правильные или только часть относительно вашего присутствия в поезде фюрера?

Йодль: Конечно, я имел в виду только те заявления Лахузена, которые он сделал обо мне. Что касается остальных заявлений, которые были сделаны здесь, у меня есть собственное мнение, но вероятно здесь это неуместно.

Нельте: Вчера, в ответе на вопрос доктора Штамера, вы говорили о споре по поводу случая с 80 офицерами РАФ[257], которые сбежали. Для того, чтобы внести ясность в

---

[254] Максим Вейган (1867 — 1965) — французский военный деятель.

[255] Анри Жиро (1879 — 1949) — французский военачальник, армейский генерал, участник двух мировых войн

[256] Шарль де Голль (1890 — 1970) — французский военный и государственный деятель, генерал. Во время Второй мировой войны стал символом французского Сопротивления. Основатель и первый президент Пятой республики (1959—1969).

[257] Аббр. с англ. Royal Air Force – Королевские воздушные силы Великобритании.

данный вопрос, который тяжкая ноша против фельдмаршала Кейтеля, я бы хотел знать следующее: вы слышали, что Кейтель решительно возражал тому, что захваченных офицеров РАФ передали Гиммлеру, то есть, Гестапо?

Йодль: Когда я стоял у занавески одну или две минуты, я слышал, что прежде всего фюрер сказал:

> «Это неслыханно. В десятый раз сбегает дюжина пленных офицеров. Эти офицеры огромная опасность. Вы не понимаете» - означало Кейтеля – «что из-за 6 миллионов иностранцев, которые пленные и рабочие в Германии, они лидеры, которые могут организовать мятеж. Это результат беспечного отношения комендантов. Этих сбежавших офицеров воздушных сил следует немедленно передать Гиммлеру».
>
> И затем я услышал ответ фельдмаршала Кейтеля:
>
> «Мой фюрер, некоторые из них уже возвращены в лагерь. Они снова военнопленные. Я не могу отдать их».

И фюрер сказал: «Очень хорошо, пусть остаются там». Это то, что я слышал собственными ушами в тот момент, пока телефонная беседа снова не отвлекла моё внимание.

Нельте: Потом вы снова говорили с фельдмаршалом Кейтелем об этом инциденте?

Йодль: Мы ехали вместе обратно из Бергхофа в Берхтесгаден. Фельдмаршал Кейтель был вне себя, так как в пути наверх он рассказал мне о том, что он бы не докладывал о побеге этих лётчиков фюреру. Он надеялся, на то, что на следующий день их бы всех вернули. Он был в ярости от Гиммлера, который немедленно доложил об этом фюреру. Я сказал ему, что если фюрер, в виду общей ситуации в Германии, видел такую огромную опасность в побеге зарубежных офицеров, тогда Англию нужно было уведомить, для того, чтобы приказ можно было отменить – все офицеры которые были пленными должны были предпринять попытку побега.

Должен сказать открыто, что тогда никто из нас даже не думал о том, что этих схваченных лётчиков могут расстрелять. Так как они не совершили ничего кроме побега из лагеря, что немецкие офицеры тоже делали дюжину раз. Я представлял, что он хотел убрать их из дисциплинарного воздействия армии, которое, разумеется, по его мнению, было бы слишком мягким, и хотел заставить их работать некоторое время в качестве наказания в концентрационном лагере в подчинении Гиммлера. Так я это представлял.

Нельте: В любом случае, в вашем присутствии и в том, что вы слышали, приказа Гитлера Гиммлеру расстрелять этих офицеров не отдавали?

Йодль: Я знаю это совершенно точно, так как я знаю, что я почувствовал, когда внезапно получил новости о том, что их расстреляли.

Нельте: Теперь я бы хотел задать вам несколько коротких заключительных вопросов.

Трибунал спрашивал подсудимого Кейтеля во время дачи показаний,

подавал ли он письменные прошения об отставке. Вы присутствовали. Что вы можете сказать суду об усилиях Кейтеля уйти в отставку со своей должности?

Йодль: Первый случай который я упоминал недавно должно быть весной 1940, из-за западной кампании. Шмундт рассказывал мне об этом, но я лично его не видел. Второй случай, о котором я знаю точно был в 1941, ноябрь, когда был сильнейший спор между фюрером и фельдмаршалом Кейтелем и фюрер использовал выражение: «Я имею дело с болванами».

Председатель: Нам не требуются эти подробности. Я имею в виду, если он может рассказать нам, когда Кейтель пытался уйти в отставку…

Йодль: Второй случай был осенью 1941. После спора, фельдмаршал Кейтель написал прошение об отставке. Когда я вошёл в комнату, его пистолет лежал перед ним на столе и я лично забрал его.

Председатель: Доктор Нельте, я сказал вам, что трибунал не хочет подробностей, и теперь нам начали рассказывать подробности об отставке, о том как её готовили.

Нельте: Суду не важно знать, насколько серьезно стоял вопрос, что подсудимый Кейтель даже хотел использовать свой пистолет?

Председатель: Он вдается в подробности про конкретный стол на который положили документ. Он прилагал усилия в письменном виде, чтобы уйти в отставку. Это важно.

Нельте: Вы можете свидетельствовать, о том случае, когда фельдмаршал Кейтель письменно вручил свою отставку?

Йодль: Я сам видел её и читал вступление.

Нельте: Если подобные вещи случались часто, как вы заявили в ходе ваших показаний, и заходили настолько далеко, как показывает инцидент с пистолетом, как получилось, что Кейтель всегда оставался?

Йодль: Потому фюрер не отдалял его от себя ни при каких-обстоятельствах. Он абсолютно отказывался разрешить ему уйти. Мне кажется, что предпринимались различные попытки в данном направлении также из других источников, но фюрер не позволял ему уйти. Во-вторых, конечно наши взаимоотношения были такими, что, в конце концов, мы вели войну за существование в которой офицер, в дальней переспективе, не мог оставаться дома и вязать чулки. Снова и снова чувство долга перебарывало руку и заставляло нас выносить все трудности.

Нельте: Поймите, что генералам нужно держаться за «верность в верность» и что долг может доходить только до того предела, когда он не оскорбляет человеческого достоинства. Вы когда-либо думали об этом?

Йодль: Я много думал об этом.

Председатель: Разумеется это не вопрос для защитника. Это аргументация, не так ли? Это аргументация, а не показания. Это неподобающий вопрос.

Нельте: Я закончил.

Тома: Свидетель это правда, что Розенберг в середине января 1943, вручил вам и

генералу Цейтцлеру проект прокламации к народам Восточной Европы?

Йодль: Это правда. Это было после дискуссии об обстановке. Розенберг присутствовал в ставке. Он попросил меня и Цейтцлера пройти на секунду в следующую комнату и сказал, что он хотел доложить фюреру о прокламации к восточным народам, и что он бы хотел сначала представить это нам. Я помню это.

Тома: Вы ещё помните содержание?

Йодль: Это была очень обширная уступка относительно суверенитета этих отдельных восточных государств. Это была откровенная попытка, при помощи политики примирения побороть беспорядок и антагонизм к германской системе.

Тома: Вы высказали Розенбергу ваше удовлетворение этой прокламацией?

Йодль: Мы тогда сказали, что это всегда являлось нашей идеей, но мы сомневались в том не слишком ли это поздно.

Тома: В чём заключался успех этого меморандума?

Йодль: Розенберг рассказал мне после совещания, фюрер, как он часто делал, отложил вопрос в долгий ящик; то есть не отверг его, но сказал: «Отложите в сторону».

Тома: У вас сложилось впечатление о том, что предложения Розенберга возникли из озабоченности угрозами вызванными методами Коха?

Йодль: Несомненно, это была попытка противодействовать тем методам, которые постепенно использовал Гиммлер и в частности Кох.

Тома: Спасибо, у меня больше нет вопросов.

Ханзель: Стратегические задачи дивизий Ваффен-СС подчинялись вам?

Йодль: С дивизиями Ваффен-СС, в отношении задач, в целом обращались также как с дивизиями армии.

Йодль: Сколько было дивизий Ваффен-СС, по вашим воспоминаниям? Пожалуйста, назовите также количество дивизий Вермахта, чтобы мы могли сравнить.

Йодль: В начале войны, мне кажется, мы начинали с тремя дивизиями СС. Количество увеличилось вплоть до конца войны оценочно до 35-37 дивизий, по сравнению с количеством армейских дивизий, которое варьировалось, но которое можно дать примерно как около 280, 290, 300.

Ханзель: Каким был порядок создания новых дивизий? Кто решал будет ли такая дивизия дивизией Ваффен-СС или дивизией Вермахта?

Йодль: Как только фюрер приказывал сформировать новую серию дивизий, он говорил, после консультаций с Гиммлером, что столько-то и столько-то дивизий следовало создать и столько-то и столько-то дивизий Ваффен-СС. Он определял число.

Ханзель: Существовал некий стандарт или это делалось произвольно?

Йодль: У меня сложилось впечатление, что создавая дивизии СС, фюрер хотел идти настолько далеко насколько возможно.

Ханзель: И что вы считаете – когда вы говорите «мог», что вы считаете

ограничением?

Йодль: Ограничение заключалось в том, что солдаты дивизий Ваффен-СС должны были быть добровольцами; очень скоро настало время, когда Гиммлер вынужден был докладывать: «У меня больше нет пополнений для дивизий» и с этого времени возникла ситуация, что когда на военную службу приходили люди, самые сливки забирали СС, и этих людей, даже если они были строгими католическими крестьянскими сыновьями, призывали в дивизии СС. Я лично получал об этом горькие письма от крестьянских жён.

Ханзель: В связи с призывом в Ваффен-СС, который вы сейчас описали, политические взгляды брали в расчёт? Призывника сначала опрашивали политически каким-то образом перед тем как передать его Ваффен-СС или это не принимали во внимание?

Йодль: Нет, решающим было то, являлся ли парень крупным, выглядел здоровым и обещал быть хорошим солдатом. Это было решающим.

Ханзель: Вчера вы сказали о том, что при отборе призывников не принимали во внимание относился ли человек к СА или нет. Тоже самое правда о членстве в общих СС? В том смысле, не брали во внимание то относился ли призывник к общим СС ни при призыве, ни при подготовке или при повышении?

Йодль: Не в такой явной степени как в случае с СА. Мне кажется, что большинство людей из общих СС приходили в Ваффен-СС и вызывались добровольцами. Но мне также известно, что очень много так не делали и их призывали обычным путём в армию, для того, чтобы с ними обращались в армии также как и с остальными немцами.

Ханзель: Тогда если правильно вас понял, было много членов из общих СС с одной стороны которые служили в армии; и с другой стороны, было много тех кто не принадлежал ни к партии, ни к СС, но служил в Ваффен-СС?

Йодль: Правда, это не относится к самому началу войны, но это абсолютная правда второй половины войны.

Ханзель: И вторая половина войны включала большее количество?

Йодль: Несомненно, что – вторая половина – я всегда называю так часть после больших потерь в первой русской кампании 1941.

Ханзель: Насколько сильными в итоге были Ваффен-СС в конце войны, приблизительно?

Йодль: Около 480 000 человек.

Ханзель: И к этому числу прибавились бы потери, то есть убитые и пленные?

Йодль: Да, их следовало бы добавить.

Ханзель: И у вас есть на уме какие-либо цифры об этом?

Йодль: Трудно оценить это в отношении СС.

Робертс: Подсудимый, вы сказали трибуналу два дня назад, что вы солдат по крови, не правда ли?

Йодль: Да, это верно.
Робертс: Очень хорошо, и вы сказали вчера, что вы находитесь здесь для того, чтобы защитить честь германского солдата, это правильно?
Йодль: Да, я прилагаю к этому все усилия.
Робертс: Очень хорошо. И вы считаете себя честным солдатом?
Йодль: Да, я делал это полностью сознательно.
Робертс: И вы заявили также, что вы являетесь правдивым человеком?
Йодль: Да, я охарактеризовал себя таким, и я таким и являюсь.
Робертс: Очень хорошо. Не считаете ли вы, что вы запятнали свою честь действиями, которые, как вы говорите, вы должны были совершать в течение последних шести-семи лет?
Йодль: Моя честь, конечно, не была запятнана, ибо ее я оберегал лично
Робертс: Очень хорошо. Итак, вы говорите, что ваша честь не запятнана?

Действительно ли в течение последних шести-семи лет, когда, как вы сказали, вы должны были предпринять различные действия, ваша правдивость оставалась на том же высоком уровне?

[*Ответа нет*]

Робертс: Можете ли вы ответить на этот вопрос?
Йодль: Я думаю, что я слишком глуп для этого вопроса.
Робертс: Очень хорошо, если вы считаете себя слишком глупым, то я не настаиваю на ответе. Я оставлю этот вопрос и перейду к следующему.

В 1935 году вы были подполковником и возглавляли отдел внутренней обороны вооруженных сил Германии. Это правильно?
Йодль: Совершенно верно.
Робертс: Это отдел «L» — Landesverteidigung[258]. Это правильно?
Йодль: Да, это верно.
Робертс: Фельдмаршал фон Бломберг был вашим начальником?
Йодль: Фельдмаршал фон Бломберг не являлся моим непосредственным начальником, но одним из начальников.
Робертс: Приходилось ли вам много работать с фельдмаршалом фон Бломбергом?
Йодль: Я неоднократно делал ему лично доклады, но, естественно, не так часто, как начальник управления Вермахта.
Робертс: Присутствовали ли вы вместе с ним на совещаниях штаба?
Йодль: Совещаний в большом кругу при фон Бломберге я не посещал. Я думаю, что редко был там кто-либо, кроме генерала Кейтеля, меня и, возможно, еще начальника другого отдела.
Робертс: Можно ли их было назвать совещаниями штаба?

[258] «Национальная оборона» (нем.)

Йодль: Нет, те совещания состоялись у начальника управления Вермахта.
Робертс: Посещали ли вы совещания штаба?
Йодль: Да, конечно, я ведь принадлежал к штабу.
Робертс: Очень хорошо, я так и думал.

Сейчас, пожалуйста, обратите внимание на документ С-139, представленный в качестве доказательства под номером USA-53. Прежде всего, посмотрите на подпись. Там имеется подпись фон Бломберга, не так ли?
Йодль: Да. Это подписано фон Бломбергом.
Робертс: Хорошо. Здесь идет речь об операции «Schulung[259]». Помните ли вы, что означала операция «Schulung»?

[*Ответа нет*]

Робертс: Это означает реоккупацию Рейнской области, не так ли?

[*Ответа нет*]

Робертс: Вы можете ответить на мой вопрос?
Йодль: Я смогу ответить, как только прочту это.
Председатель: Подсудимый, вопрос был следующий: Помните ли вы, что означала операция «Schulung»? Мне кажется, нет необходимости читать документ для того, чтобы ответить на этот вопрос.
Йодль: По моим воспоминаниям, которые, возможно, зародились в процессе изучения документов здесь, в Нюрнберге, понятие «Учения» означало подготовку для занятия линии Рейна после эвакуации немецкими войсками западного побережья Рейна в случае французских санкций…
Робертс: Очень хорошо, я согласен.
Йодль: Но здесь – следует больше сказать в данной связи.
Робертс: Секундочку. В таком случае идет речь о реоккупации Рейнской области. Вы с этим согласны?
Йодль: Нет, здесь речь идет не о реоккупации Рейнской области: Это совершенно неверно, здесь...
Робертс: Давайте в таком случае вместе посмотрим на этот документ и познакомимся с его содержанием. Прежде всего, этот документ датирован 2 мая 1935 г.:

«Для операции». Этот документ был, очевидно, настолько секретным, что его не могли даже доверить стенографистке. Весь документ полностью написан от руки и представляет собой рукопись. Не так ли?

---

[259] «Учения» (нем.)

[*Ответа нет*]

Робертс: Вы можете ответить на этот вопрос? Разве вы не видите, написан этот документ от руки или нет?
Йодль: Да, он написан от руки.
Робертс: Почему же вы сразу не сказали этого? Сейчас посмотрим на этот документ. Он исходит от рейхсминистра обороны, то есть от фон Бломберга, не так ли? Это второй экземпляр — «Для личной передачи». Он предназначается для начальника высшего командования, начальника военно-морского командования и рейхсминистру авиации.

Для операции вооруженных сил, которая была разработана на последнем заседании штаба», — вот поэтому-то я вас и спрашивал о том, посещали ли вы совещания штаба, — я и установил кодовое слово «Schulung».

Затем я очень кратко коснусь содержания:

> «Эта операция представляет собой совместное действие трех родов войск. Она должна быть выполнена...» - и затем несколько ниже идет фраза, с которой мы очень хорошо знакомы: «Нанесение внезапного и молниеносного удара.
> Необходимо это держать в строжайшей тайне... численность мирного времени...»
> И номер 3:
> «Всякое улучшение нашего вооружения даст возможность расширить и улучшить подготовку».
> И затем:
> «Я спросил высшее командование армией: «Сколько дивизий готовы к этим действиям?»
> Не батальонов, как вы сказали вчера.
> «Подкрепление недостаточно сильных частей, находящихся там...»,— это значит на западе...,—«должно идти за счет дивизий, находящихся в Восточной Пруссии, которые могут быть немедленно переброшены туда по железной дороге или морем… Верховное командование флотом должно обеспечить безопасность доставки этих частей из Восточной Пруссии морем, в случае если не будет возможности использовать железнодорожный транспорт».

К чему бы еще могли относиться эти секретные инструкции и причем секретные настолько, что они должны были содержаться только в рукописном виде, если не к реоккупации Рейнской области?
Йодль: Если вы мне разрешите дать хотя бы краткое объяснение, то суд сэкономит много времени.
Робертс: Пожалуйста, подсудимый, сначала отвечайте на мой вопрос, а затем

давайте свои объяснения, конечно, если они будут краткими. Мой вопрос заключается в следующем: к чему еще могло это относиться, если не к реоккупации Рейнской области?

Йодль: Я не ясновидец. Я не знаю этого документа. Я его никогда не читал. Я в это время не находился в управлении Вермахта, здесь совсем другие подписи, — я был в оперативном отделе армии. Я никогда не видел этой бумаги и никогда о ней не слышал. Если вы посмотрите на дату 2 мая 1935 г., то вы документально убедитесь в этом, так как я поступил в управление Вермахта лишь в середине июня 1935 года. Таким образом, я могу на основании моего образования, полученного в генеральном штабе, представить лишь несколько своих предположений, но суд ведь не желает слышать предположения.

Робертс: Очень хорошо. В том именно и заключается ваш ответ, что вы, присутствуя на заседаниях штаба и слушая заявления фельдмаршала фон Бломберга, не можете сказать трибуналу, что означает этот секретный приказ?

Йодль: Это было до меня, в это время я не был при фон Бломберге.

Робертс: Хорошо. Сейчас обратитесь, пожалуйста, к документу ЕС-405.

Пусть он прочитает – немецкая книга, страница 277.

Милорд, это страница 26. Разве у него нет немецкой книги?

Председатель: Подсудимый, вы сказали, что помните о том, что операция «Schulung» означала подготовку к операции в Рейнской области, не так ли?

Йодль: Нет, сказал обратное. Я сказал, что слово «Учения» я услышал в первый раз здесь, на суде, и долго думал над тем, что это могло быть.

Председатель: Хорошо. Трибунал будет иметь возможность точно установить, что вы сказали, по стенографическим записям. Итак, вы сейчас утверждаете, что вы не говорили о том, что слово «Schulung» означало подготовку к реоккупации Рейнской области? Неправда ли?

Йодль: Я хочу сказать, что я как офицер оперативного отдела генерального штаба должен был знать, какие военные приготовления производились тогда.

Председатель: Но это не то, о чем я вас спрашиваю. Сейчас я хотел бы знать, как вы только что ответили на поставленный вам вопрос относительно того, помните ли вы, что означала операция «Schulung». Что вы ответили на этот вопрос? Возможно, что ваш ответ был неправильно переведен? Что вы сказали?

Йодль: Я сказал:

> «Что я, кажется, припоминаю, но не знаю, возникло ли это представление в процессе изучения документов здесь или это представление об «Учениях» относится к прошлому времени и означает те приготовления, которые были предусмотрены для реоккупацин немецкими войсками западного побережья Рейна и для занятия линии на Рейне в случае французских санкций, ибо это было единственное, чем мы тогда занимались».

К этому относились все эти операции по отводу войск, о которых затем, так или иначе, упоминалось в документе ЕС-405.

Робертс: Что же, вы помните дату первого документа, 2 мая 1935. Сейчас я ссылаюсь на документ ЕС-405 в большой документальной книге 7, страница 261, и это на странице 277 немецкой книги, 277. Итак, свидетель в этом документе говорится о совещании – я хочу, чтобы вы взглянули, пожалуйста, на страницы 43 и 44 оригинала, который есть у вас. У вас есть 43 и 44?

Йодль: 43 и 44, да.

Робертс: Очень хорошо. Вы видите, что это протокол совещания рабочего комитета совета обороны Рейха. Этот документ датирован 26 июня 1935 г. В разделе под буквой «F» написано: «подполковник Йодль…об участии в подготовке к мобилизации», а первые три абзаца посвящены вопросу общей мобилизации, и я не хочу их зачитывать, но четвертый абзац гласит следующее:

> «Демилитаризованная зона требует особого отношения. В своей речи от 21 мая 1935 г. и в других высказываниях фюрер заявил, что условия Версальского договора[260] и Локарнского пакта относительно демилитаризованной зоны сейчас выполняются. В ответ на памятную записку французского поверенного в делах от 17 июня 1935 г. касательно вопроса о «вербовочных отделов в демилитаризованной зоне» германское правительство заявило, что ни гражданские власти по набору, ни другие учреждения в демилитаризованной зоне не получали права проводить какие бы то ни было мероприятия по мобилизации, а именно формирование, обмундирование и вооружение любого воинского соединения, в случае войны или подготовки к войне».

Итак, если бы письмо фон Бломберга, написанное им от руки 2 мая 1935 г., касалось подготовки к внезапной реоккупации Рейнской области, то было бы нечестно со стороны фюрера заявить через девятнадцать дней, а именно 21 мая, что условия Локарнского пакта и Версальского договора выполняются. Не правда ли?

Йодль: Не это не было бы нечестным, так как если термин «Учения…

Председатель: Если позволите, я думаю это предмет комментирования.

Робертс: Милорд, конечно, я должен делать некоторые комментарии занимаясь со свидетелем. Несомненно, ваша светлость, поймёт, что я не стремлюсь отходить от данного правила, которое предположительно установлено для данного вопроса.

Председатель: Я думаю – трибунал думает, что вы не должны комментировать, а должны ограничиваться насколько возможно перекрёстным допросом о фактах.

Робертс: Что же, милорд – о решении вашей светлости – у меня, конечно, имеется очень обширный опыт в перекрёстных допросах во многих судах, и я подчиняюсь

[260] Версальский мирный договор — договор, подписанный 28 июня 1919 года в Версальском дворце во Франции, официально завершивший Первую мировую войну 1914—1918 годов.

решению вашей светлости, но очень сложно для допрашивающего перекрёстно полностью ограничивать себя фактами. Я постараюсь сделать как лучше.

[*Обращаясь к подсудимому*] Я продолжу оглашение:

«Поскольку в настоящее время следует избегнуть политических осложнений за границей при всех обстоятельствах, то поэтому в демилитаризованной зоне могут проводиться только те подготовительные меры, которые являются срочно необходимыми. Проведение таких приготовлений или намерения об их проведении должны содержаться в строжайшей тайне как в самой зоне, так и в остальной части Рейха...

Оружие, обмундирование, знаки различия, форма защитного цвета и другие предметы, связанные с мобилизацией, должны храниться спрятанными».

Сейчас я хочу сослаться на последний абзац, где говорится:

«Изложение директив о мобилизации в письменном виде разрешается только в тех случаях, когда это является абсолютно необходимым для благополучного проведения этих мероприятий в демилитаризованной зоне. Без всякого исключения все подобные материалы должны храниться в сейфах».

Вы собирали оружие и военную форменную одежду в демилитаризованной зоне, не правда ли?

Йодль: Это было оружие и предметы вооружения земельной полиции, полиции порядка и жандармерии. Там не было войск, и поэтому для них там не было и оружия.

Робертс: Разве полиция носила серую полевую военную форму

Йодль: Полиция, насколько я знаю, носила серо-зеленую или зеленую форму.

Робертс: В таком случае, зачем требовалось держать все это в строжайшем секрете, если речь шла только об обмундировании полиции?

Йодль: Это было снаряжение, предназначенное, кроме того, для усиления пограничной охраны, которую я уже говорил, намеревались...

Робертс: Подсудимый, вопрос заключается в следующем: зачем требовалась такая секретность, если вы не нарушали Версальского договора? Вы можете ответить на этот вопрос?

Йодль: О необходимости и причинах содержания в секрете всех этих мероприятий я уже подробно говорил в своих показаниях. Я констатирую, что во всей этой предварительной работе речь шла о том, что в случае оккупации левобережья Рейнской области Францией с помощью полиции, жандармерии и усиленной пограничной охраны построить заградительную линию у самого Рейна. Это было намерением в то время, и лишь на этот случай. Я уже показал под присягой, что о реоккупации Рейнской области я узнал лишь за шесть или восемь дней до нее.

Робертс: Я знаю, что вы это показали, и я хочу вам сказать, что ваши показания относительно данного вопроса являются совершенно неправильными, как, очевидно, и по многим другим вопросам. Вернемся
сейчас к первому абзацу, который я зачитывал. Вы сказали:

> «В ответ на памятную записку французского поверенного в делах… правительство Рейха заявило, что ни гражданские власти по набору, ни другие учреждения…не получали права проводить какие бы то ни было мероприятия по мобилизации а именно формирование, обмундирование и вооружение любого воинского соединения, в случае войны или подготовки к войне…»

Разве данный дополнительный параграф о вооружениях, снаряжении, знаках различия, серой полевой форме показывает, что французскому поверенному не говорили правду?

Йодль: Я лишь повторю ответ, данный французскому поверенному. Мне кажется это достаточно правдиво: никакие мобилизационные задачи, такие как хранение, снаряжение и вооружение подразделений на случай войны. Мысли о войне не было, никто не упоминал об этом ни единого слова.

Робертс: Я не повторяюсь, я представлю – могу я просто напомнить вам – и я думаю, у трибунала также есть копия – статью 43 Версальского договора.

Статья 42 определяла район, левый берег Рейна и правый берег к западу от линии, проведённой на 50 километров к востоку. Статья 43:

> «Равным образом запрещается в вышеуказанной зоне, содержание или сосредоточение вооруженных сил как постоянное, так и временное, так же как и всякие военные маневры, какого бы рода они ни были, и сохранение всяких материальных средств для мобилизации».

Я заявляю вам, что мероприятия, предпринимаемые вами, явно нарушали статьи Версальского договора. Вы согласны с этим?

Йодль: Нет, с этим я не согласен. Они предпринимались на случай если бы противник не соблюдал договор и атаковал нас снова, как произошло в районе Рура[261].

Робертс: Очень хорошо. Теперь я хочу обратить ваше внимание на документ, который, как считают, является вашей речью, это документ L-172. Свидетель? Некоторые места в этом документе написаны вашей рукой, не правда ли? Если хотите я могу сослаться на страницы. Если вы посмотрите на страницу…

Йодль: В нем содержится много, очень много перечёркнутого и замечаний, сделанных моей рукой. Но я…

Робертс: Спасибо, свидетель, что не стали затруднять меня с этим. Итак, является

---

[261] В период с 11 по 16 января 1923 года французские и бельгийские войска численностью первоначально 60 тыс. человек (позднее до 100 тыс.) оккупировали всю территорию Рурского региона, взяв находящееся там мощности по производству угля и кокса в качестве «производственного залога» в обеспечение исполнения Германией своих репарационных обязательств.

ли это речью или, вернее, заметками к вашей речи, которую вы произнесли перед гауляйтерами в Мюнхене 1943 году?

Йодль: Я уже ясно сказал, что это лишь черновые наброски, а не та речь, которая была произнесена мною, а первый проект и большая часть включает заметки моего штаба, которые он направил мне для подготовки данной речи. Я вычеркнул там целые страницы и отослал эти черновики обратно, и только потом я произнес свою речь.

Робертс: А теперь, я хочу проверить это, потому что вы говорили совершенно иное, не так ли, когда вас допрашивал один американский офицер по двум различным случаям? Вы сказали нечто иное, не так ли?

[*Ответа не последовало*]

Робертс: 8 октября прошлого года вас допрашивал по данному предмету полковник Томас Хинкель? Вы помните это? Вероятно, вы не помните дату.

Йодль: Нет. Ох, мы говорили о данном предмете несколько раз.

Робертс: Да и вы клялись, когда давали свои ответы дознавателям?

Йодль: Да.

Робертс: А теперь, чтобы освежить вашу память могу я прочесть, копию из стенографических записей допроса?

> «Я демонстрирую вам фотокопию ряда страниц лекции, которую вы предположительно прочли 7 ноября 1943, и спрашиваю вас, представляют ли данные страницы прочитанную вами лекцию. Для протокола, она идентифицирована как L-172».
>
> Затем ваш ответ:
>
> «Да. В настоящем не содержится ряд вещей, которые я объяснял с картой.
>
> Вопрос: Вы делали замечания, которые не отразились в письменном виде; это так?
>
> Ответ: Да, много частностей я изложил с картой в руках.
>
> Вопрос: Ваш рукописный почерк отражён на обложке?
>
> Ответ: Нет, не мой.
>
> Но остальные листы вы опознаёте как письменную версию лекции в Мюнхене?
>
> Ответ: Я не могу сказать была ли это лекция как таковая, потому что я вижу подпись Буттлара[262]. Это не сама лекция. Это материалы из брошюр, которые подготовили для меня».
>
> Затем:

---

[262] Хорст Буттлар-Бранденфельс (1900 – 1990) – немецкий генерал. Сотрудник оперативного штаба вооруженных сил Германии в 1942 по 1945.

«Вы опознаёте…»

Свидетель, следите?

«Вы опознаёте первые 29 страниц как составляющих лекцию, которую вы прочли?

Ответ: (просмотрев документ): Да, это моя лекция».

Вы хотите изменить данные ответы под присягой? Хотите?

Йодль: Я не читал расшифровку записей, которые там взяли. Я не знаю перевода. Я делал несколько других заявлений в данном отношении. Я заметил во втором допросе, что это в действительности не была моя речь, и что…

Робертс: Свидетель, я прочту второй. У меня он есть для вас. Он был 16-го…

Председатель: Подсудимый, вы закончили то, что вы хотели сказать?

Йодль: Нет, не закончил. Меня прервали.

Председатель: Тогда закончите то, что хотели сказать.

Йодль: Я хотел сказать, что перед тем как просмотрел весь документ, сначала, конечно, у меня сложилось впечатление, что это была копия, из которой я произносил речь. Однако, когда я посмотрел на него более внимательно в ходе допроса, я заметил, что это был лишь материал подобранный для данной речи, и я сказал ясно и чётко:

«Это содержит первый проект, очерк и мой итог. Вся середина лишь материал подготовленный моим штабом, и всё это не та речь которую я произносил».

Вот слово в слово то, что сказал полковнику Хинкелю.

Робертс: Хорошо. Разрешите мне прочитать сейчас протокол второго допроса от 16 ноября 1945 г., за четыре дня до начала процесса.

«Этот документ идентифицирован под номером L-172. Я показываю вам фотокопию документа, с тем, чтобы освежить этот вопрос в вашей памяти.

Насколько я помню ваши предыдущие показания, они были в отношении того, что первая часть документа является речью прочитанной вами на той встрече. Вторая часть состоит из различных мыслей, на основании которых готовилась речь; правильно?

Ответ: Минуточку, пожалуйста. В действительности это не моя лекция. Это конгломерат исписанных листов, которые отчасти являются моими собственными черновиками, то есть, введение; но все приложения являются основой для речи подготовленной моим штабом.

Фотокопии приложены к оригинальной лекции – фотографические копии – и также ряд карт, которые были разработаны также включались.

Это не моя лекция как таковая; и примечания, сделанные здесь

каллиграфическим почерком, не мои. Я своё собственное писал от руки.

Мне неизвестно происхождение данной копии. Скорей всего она была подготовлена для меня ОКВ, чтобы прочитать эту лекцию. Всё вместе это конгломерат различных исписанных листов, и он применим лишь с ограничениями. Однако…»

И послушайте это.

«…в общих чертах, это то, что я использовал для лекции».

Затем следующий вопрос:

«Мне кажется, ранее вы заявляли, что письменная речь это не то, что вы читали, как излагается в тексте, потому что вы вставляли различные замечания в ходе речи, в частности ссылаясь на карты представленные аудитории, с целью следовать обсуждаемым кампаниям. Это не так»?

Теперь послушайте:

«То, что я написал я действительно обсуждал, и я следовал данному тексту написанному мною. Но относительно текущей ситуации на различных фронтах» - и это части 3 и 4, где вы найдёте замечание «сказано экспромтом» - «У меня это было настолько чётким в уме, что мне не требовалось опираться в своей речи на какие-либо письменные заявления. Также я свободно ссылался на карты».

Затем последний вопрос по данному положению:

«Действительно ли документ, который находится перед вами, представляет собою, в общем, ту речь, которую вы произносили в Мюнхене в ноябре 1943 года?»

Вот ответ:

«Да, без сомнения, это примерно одно и то же. Все приложения в отношении различных театров военных действий и другие приложения я не использовал в своей речи. Я их возвратил».

Вы сейчас согласны с вашими ответами на том допросе?

Йодль: В общем и целом вы только подтвердили то, что я сказал. Однако, я не знаю, почему вы так долго об этом говорите. Дело совершенно ясное. Это…

Робертс: Об этом не волнуйтесь. Я знаю, что остановил вас; но я понял, что остановил вас от того, чтобы вы сказали нечто совершенно не относящиеся к делу, и в интересах времени я считаю своим долгом остановить вас. Не волнуйтесь о том, почему я должен делать нечто подобное.

Я хочу знать, представляет ли этот документ в основном то, о чем вы говорили в своей речи? Это ведь не такой материал, который следует просто выбросить в мусорную корзину?

Йодль: Введение и заключение, которые находятся здесь, в первом проекте,

конечно, в основных чертах, в конечном счете, были так произнесены. Однако, речь в целом была окончательно разработана на основании первого проекта; она была сокращена, изменена, часть была вычеркнута, и исправлены ошибки. И только потом получилась основная часть речи, которая здесь материальна. Этому нет подтверждения, и я не в состоянии сказать, действительно ли я говорил хотя бы одно предложение из тех, которые находятся здесь в первом проекте.

Робертс: Очень хорошо. Я это приму.

Йодль: Если вы дадите мне копию настоящей речи, я её узнаю.

Робертс: Это всё, что я могу вам дать. Свидетель, потому что это всё, что мы нашли.

Председатель: Я думаю, мы можем сейчас прерваться.

Робертс: Как угодно вашей светлости.

[*Объявлен перерыв*]

Экснер: Господин председатель, я бы хотел обратить внимание на следующее: когда моего клиента допрашивали здесь он слушал через переводчика, поскольку он не понимает английский язык. На основании этих показаний как я сейчас услышал был составлен протокол на английском языке. Эти протоколы он никогда не видел и не подписывал. И теперь эти протоколы, которые составили на английском языке, предъявили ему в переводе на немецкий язык. Я считаю, совершенно невозможно в таких обстоятельствах привязываться к отдельным словам подсудимого, которые содержались в этих протоколах. Он придерживается сказанного им, но он не может признать всё, что есть в этих протоколах, когда…

Председатель: Это правда. Мы будем иметь в виду эти факты. Трибунал будет иметь в виду этот факт, если вы обратили на это внимание.

Робертс: С позволения трибунала, я перехожу от этого пункта. Свидетель, как я думаю, сказал, что документ был основой для речи; я принимаю этот ответ и перехожу к другому пункту.

Будьте любезны передать свидетелю его дневник, PS-1780, немецкий С-113. И это страница 133 в большой документальной книге, страница 133.

Свидетель, я думаю, вы видели эту запись. Милорд, это 5 ноября 1937 я разбираю:

«Фюрер развивает свои идеи о намерениях на будущий курс и ведение политики…»

Страница 133 большой книги.

Председатель: Когда вы говорите, большая книга вы имеете в виду номер 7?

Робертс: Да, номер 7; извиняюсь. Я должен был привести номер.

[*Обращаясь к подсудимому*] 5 ноября 1937:

«Фюрер развивает свои идеи о намерениях на будущий курс и ведение политики главнокомандующими вооруженных сил…» - и т. д.

Есть разница в записи его идей подготовленной начальником вооруженных сил и главнокомандующим воздушными силами.

«…намерение L…» - это не означает ваш отдел, Landesverteidigung – намерение обдумать их на бумаге?

[*Ответа не последовало*]

Робертс: Свидетель, пожалуйста, отвечайте на мой вопрос.
Йодль: «Намерение L.» что значит, намерение отдела внутренней обороны иметь данные мысли на бумаге и передать их родам войск Вермахта.
Робертс: Очень хорошо. Итак, встреча, о которой вы говорите та, что мы называем совещанием Хоссбаха, не так ли, которая PS-386? Трибунал достаточно с ней знаком. Вы помните совещание, не так ли? Вы здесь его много раз читали?
Йодль: Да, но я не присутствовал на совещании. Я не вспоминаю того, что здесь зачитывалось.
Робертс: Я знаю, что вы не присутствовали. Но предположительно, вам, как главе отдела внутренней обороны, должны были говорить о том, что говорилось на совещании?
Йодль: Я уже заявлял относительно этого доклада, который я получил, что он никоим образом не был сенсационным. Директивы по подготовке с того времени доступны в суде в письменном виде; то, что мы готовили и разрабатывали соответственно подтверждается. У нас были приказы от 20 мая и 14 июня; они доступны.
Председатель: Подсудимый, вас лишь спросили о том говорили ли вам о том, что происходило на совещании. Об этом не требуется длинного заявления.
Робертс: Поймите, я пытаюсь ставить простые вопросы, и я прошу простых ответов. Меньше всего я хочу прерывать вас.

Вам говорили о том, что на совещании Гитлер говорил, что проблемой Германии является вопрос пространства?
Йодль: Нет, ни слова.
Робертс: Вам говорили, что Гитлер сказал, что немецкий вопрос может быть разрешён только силой?
Йодль: Нет.
Робертс: Сказали ли вам о том, что Гитлер заявил, что германское перевооружение фактически закончено?
Йодль: Нет.
Робертс: Наконец, последний вопрос, который я вам задам: сообщили ли вам о том, что Гитлер заявил, что первой целью в случае войны явятся Австрия и Чехословакия?
Йодль: Это сообщение об усиленной подготовке выступления против Чехословакии

имело место. Мне кажется, там говорилось об этом, но я могу сказать лишь, что те детали, которые мне сообщил фельдмаршал Кейтель, теперь я уже не помню, и я знаю только одно, что это не было для меня неожиданностью или сенсацией. Потребовалось лишь внести небольшие исправления уже изданных директив.

Робертс: Очень хорошо. Спасибо. Вы не присутствовали в Оберзальцберге, когда там находился фельдмаршал Кейтель вместе с Шушнигом?

Йодль: Нет, я не присутствовал там.

Робертс: Но Кейтель позднее вам сообщил, что там происходило?

Йодль: Он сделал несколько очень кратких замечаний по этому поводу в виде рассказа, так как меня это в большей степени не касалось.

Робертс: Делали ли вы в своем дневнике такую запись — это следующая запись после той, на которую я только что ссылался. Это запись от 11 февраля 1938 г.

> «Вечером 12 февраля Кейтель, Рейхенау и Шперрле прибыли в Оберзальцберг. Шушниг и Шмидт опять подверглись самому тяжелому военному давлению».
>
> Кейтель вам говорил об этом?

Йодль: Да, вы только вставили слово «опять», в моем дневнике этого нет. Я лично делал эту запись, в частности, потому, что Кейтель рассказал мне о том, что Рейхенау и Шперрле за обедом произносили воинственные речи, в которых они рассказывали о новом вооружении Германии.

Робертс: Очень хорошо. Затем, в марте, — я думаю, что это общеизвестно, — вы подписали или завизировали один или два приказа, касающиеся операции «Отто»?

Йодль: Да, но эта операция называлась тогда не «Отто», а походом в Австрию.

Робертс: Когда Гитлер узнал, что Шушниг собирался выяснить мнение народа путем плебисцита, он решил немедленно вторгнуться в страну, не так ли?

Йодль: Да. Мне рассказывали, когда он услышал, что здесь будет оказано необычное давление на общественное мнение путем плебисцита, то сказал: «Этого я ни за что не потерплю». Так мне рассказывали.

Робертс: Он бы не потерпел, чтобы об этом спрашивали общественное мнение?

Йодль: Нет, он не потерпел бы, чтобы с помощью этой хитрости было совершено какое-нибудь насильственное действие по отношению к общественному мнению. Так мне рассказывали.

Робертс: Таким образом, вооруженные силы Германии вошли затем в Австрию? Это правильно?

Йодль: Это правильно, вооруженные силы вошли в Австрию.

Робертс: И Австрия с этого дня получила все «блага» национал-социализма, это правильно?

Йодль: Это политический вопрос. В любом случае, вероятно, она стала счастливейшей страной на земле.

Робертс: Я спрашиваю, что она получила? Она получила СС, Гестапо,

концентрационные лагери, подавление противников и преследование евреев. Не правда ли?

Йодль: Это вопросы, которыми я не занимался. Об этом вы должны спросить тех, кто был уполномочен заниматься этим. Дополнительно она получила меня как артиллерийского командира; и она любила меня; я лишь хочу подтвердить это.

Робертс: Очень хорошо. Вы сказали, что люди кажется были рады видеть вас?

Йодль: Люди, которые находились под моей юрисдикцией были рады такому офицеру; это я могу сказать.

Робертс: Они должны были, хотели они того или нет, не так ли?

Йодль: Нет, они не должны были. В любом случае, за время долгого отсутствия, они точно не писали бы мне энтузиасткие письма, письма которые, я получал от этих австрийцев кому принадлежало моё сердце.

Робертс: Был единственный человек, который не был рад видеть вас, не так ли?

Йодль: Я такого не знаю.

Робертс: Не знаете?

Йодль: Нет.

Робертс: Что насчёт Шушнига?

Йодль: Я никогда не видел Шушнига. Он обо мне не знал и я не знаю его. Я не знаю…

Робертс: Он не радовался увидеть ваш приход, не так ли?

Йодль: Я не могу этого сказать.

Робертс: Что с ним случилось?

Председатель: Господин Робертс, мы знаем.

Робертс: Я это полностью понимаю. Я не могу представить свой вопрос недопустимым, но если вы не хотите, чтобы я его задавал – это один серии вопросов – я не буду.

Шушниг был помещён в концентрационный лагерь, не так ли?

Йодль: Мне говорили, что фюрер решил: « Я не хочу мученика, ни при каких обстоятельствах, но я не могу освободить его; я должен поместить его в «почётное» заключение. Такое впечатление было у меня всю войну.

Робертс: Почётное заключение?

Йодль: Это называлось почётным заключением.

Робертс: Что? Он являлся почётным членом Дахау?

Йодль: Это мне неизвестно. Это не те вопросы, которые вы можете поставить мне, так как я был солдатом, а не комендантом концентрационного лагеря.

Робертс: Это честь, от которой любой захочет избавиться.

Йодль: Я бы с радостью избавился от много из того, что произошло за эти годы.

Экснер: Пожалуйста, я должен протестовать против подобных вопросов, чисто политических и основывающихся на чисто юридических вопросах и предметах, на которые подсудимый не может отвечать из своих сведений. Был ли рад Шушниг это

не факт.

Робертс: Милорд, при всём моём уважении, эти вопросы совершенно уместные; они являются вопросами, которые задавали каждые представители, как от защиты, так и обвинения которые проводили перекрестный допрос.

Председатель: Господин Робертс, трибунал считает, что перекрёстный допрос правильный.

Робертс: Милорд, я перехожу от данного положения. Я благодарен вам.

[*Обращаясь к подсудимому*] Единственный вопрос, который я задам в заключение о том, что Шушниг содержался в тюрьме или в заключении несколько лет без каких-либо обвинений и какого-либо суда. Это правильно, не так ли.

Йодль: Может быть, я не знаю.

Робертс: Вы знали, — не правда ли? — когда вы подписывали этот приказ о походе в Австрию, что в мае 1935 года Германия дала заверение относительно того, что она будет соблюдать территориальную целостность государства Австрии, что 11 июля 1936 г. ваше правительство и правительство Австрии заключили соглашение о том, что Германия признает полный суверенитет федерального государства Австрии, вы знали об этих вещах?

Йодль: Я не знал этого в то время; меня как полковника генерального штаба это совершенно не касалось. Чтобы это дало?

Робертс: Я перехожу от Австрии этим последним вопросом. Имеется ли в вашем дневнике запись — эта выдержка есть в документе L-172, представляющая проект вашей речи относительно того, что Чехословакия после аншлюса была заключена в клещи и должна была пасть жертвой? Милорд это страница 290 книги 7. Вы помните этот отрывок?

Йодль: В первом проекте, который я составил, в процессе подготовки к моей речи для гауляйтеров, точно сказано, какие стратегические улучшения наступили в результате отдельных политических мероприятий фюрера. Я имел в виду только прошлое, и только эти стратегические последствия…

Робертс: Что же, но – снова я не хочу останавливать вас, но вы сказали, что – нечто подобное – и я дам вам документ если хотите - что Чехословакия была заключена в клещи и была обречена на то, чтобы пасть жертвой?

Йодль: В первом проекте я написал, что в результате занятия, аншлюсса, Австрии, стратегическое положение Чехословакии стало совершенно бесперспективным, потому что Чехословакия в любой момент может стать жертвой наступления со взятием ее в клещи. Эта оценка ее стратегического положения является неоспоримым фактом.

Робертс: Я принимаю этот ответ. Теперь я очень коротко коснусь вопроса о Чехословакии. Я лишь хочу разобраться с парой документов. Я хочу разобраться с пунктом 17, который трибунал найдёт на странице 29 книги 7. Он отмечен – если вы перевернёте – я сделал для вас закладку, свидетель, пункт 17.

Йодль: Да.

Робертс: Вы с ним знакомы?

Йодль: Да, я это знаю.

Робертс: Я не собираюсь читать их снова, потому что они недавно зачитывались; но ведь вы согласны с тем, как вы вчера сказали, что вопрос заключался в следующем: прежде всего нападение должно быть неожиданным; если вы вообще собирались напасть, то ваше нападение должно было быть внезапным?

Йодль: Да. На основании тех требований, которые поставил фюрер.

Робертс: Прежде всего, вы должны были внезапно напасть, а затем войскам понадобилось бы четыре дня для того, чтобы занять боевое положение?

Йодль: Так точно.

Робертс: И поэтому вы должны знать о времени и инциденте, который должен послужить причиной этого нападения; вы должны знать, когда именно произойдет этот инцидент?

Йодль: Да. Я сказал, что следует заблаговременно назначить срок, надо знать его заранее, иначе эти требования будут невыполнимы.

Робертс: Поэтому вы должны сами спровоцировать этот инцидент?

Йодль: Я вчера уже давал подробные показания по этому поводу. Следовало или использовать один из многих инцидентов, или, может быть, оказать некоторую помощь тому, чтобы вызвать такой инцидент, но, как я уже говорил, все это — такие же соображения генерального штаба, которые мы обнаружили у французов и которые вы считаете совершенно не относящимися к делу.

Робертс: В конце документа на странице 30 говорится о том, что либо вооруженным силам, либо контрразведке поручили бы организацию этого инцидента. Это последний абзац.

Йодль: Да. Я поэтому я написал: «...организация этого инцидента может быть поручена отделу контрразведки только в том случае, если...». Все это лишь теоретические разработки генерального штаба, сделанные им при ситуации, которую я вчера подробно изложил и которая состояла в том, что ежедневно происходили какие-то инциденты.

Робертс: Я знаю. Значит, если бы это произошло, миру было бы заявлено, что именно этот инцидент заставил Германию вступить в войну?

Йодль: Мне не кажется, что об этом бы сообщили миру. Скорее, мне кажется, миру бы сказали подлинную причину, которую, кроме того постоянно доводили в прессе, о том, что 3 ½ миллиона немцев нельзя использовать постоянно как рабов другого народа. В этом была суть.

Робертс: Если вы собирались сказать миру правду, какой же тогда был смысл организовать этот инцидент?

Йодль: Я могу только повторить то, что я подробно рассказал вчера. Я знаю историю слишком хорошо, чтобы не знать, что подобные вещи случались – вопрос в

том кто первый выстрелил. И Чехословакия тогда уже сделала тысячи выстрелов по нашей территории.
Робертс: Теперь я говорю, свидетель, с поправкой, что вы вообще не отвечаете на вопрос. Вопрос заключается в следующем: если было достаточно правды для того, чтобы оправдать ваше вступление в войну, то зачем же вы тогда хотели организовать инцидент? Если вы не сможете ответить на этот вопрос, то так и скажите.
Йодль: Да. Но совсем не доказано, что я хотел вызвать подобный инцидент. Я написал: «В случае…не». Мы никогда не готовили этого и в этом суть.
Робертс: Я не собираюсь с вами спорить. Я обозначил свою точку зрения и мы оставим это. Теперь я хочу по поводу другого вопроса сослаться на последний параграф документа, на страницу 29 того же документа:

> «Даже предупреждение дипломатических представителей в Праге невозможно до первого воздушного налета, хотя последствия могут быть серьезными в случае, если они сами станут жертвами такого нападения».
>
> Прочтите этот абзац, который уже известен трибуналу:
>
> «...имеется в виду смерть представителей дружественных или нейтральных держав».

Здесь речь идет о воздушном налете до какого-либо объявления или какого-либо предупреждения гражданского населения. Это так?
Йодль: Это означает, что этим письмом я указывал фюреру на то, что на основании его приказа, возможно, будут иметь место такие последствия.
Робертс: Вы бы назвали это террористической атакой? Террористической атакой?
Йодль: Нельзя сказать при каких обстоятельствах такая акция была бы начата. Всё это являлось теоретическими задачами нашего генерального штаба. Как и насколько это было бы воплощено на практике, этого нельзя сказать, справедливо или несправедливо; это зависело от политического решения.
Робертс: Я позднее покажу вам, как проводились в жизнь подобные указания в отношении других стран. На этом мы полностью закончим рассмотрение этого документа, и я оставлю вопрос о Чехословакии. Итак, 23 августа 1939 г. вы были отозваны в ОКВ с вашего прежнего поста в артиллерии. Это мы знаем, не так ли?
Йодль: Да, это так.
Робертс: Это являлось большим комплиментом, что вы должны находиться у фюрера, не так ли?
Йодль: Фюрер не являлся ответственным за моё возвращение. Мне неизвестно, знал ли он об этом вообще. Мне так не кажется.
Робертс: Очень хорошо. Один небольшой пункт, свидетель, вы говорили вчера суду или позавчера, что никогда не имели совещания с фюрером, я думаю до сентября 1939, но ваш дневник, 10 августа 1938 – на странице 136 книги 7 – ваш дневник

говорит, что вы присутствовали на совещании в Бергхофе с начальниками армий и групп воздушных сил. Вы тогда встречали фюрера?

Йодль: Того, что вы сказали в первой фразе, я не говорил. То, что я сказал, было слово в слово:

«3 сентября я был представлен фюреру фельдмаршалом Кейтелем и по этому поводу, в любом случае, я говорил с ним впервые».

Вот то, о чём я свидетельствовал, вчера, слово в слово. Я видел фюрера дюжину раз до того и я слышал его, когда он произносил свои большие речи, после, после того как он стал рейхсканцлером и верховным главнокомандующим.

Робертс: Да, я принимаю это. Похоже, что я ошибся. Хорошо, теперь о польской кампании. Правильно ли я вас понял, когда вы сказали, что Варшаву бомбардировали только после того, как были сброшены листовки?

Йодль: Да, это имело место во время осады Варшавы. Я хочу сказать, что террористический налет, который выразился в артиллерийском обстреле всего города, был произведен только после вторичного предупреждения.

Робертс: Это ведь исторический факт, что рано утром 1 сентября 1939 г. Варшава и целый ряд других польских городов подверглись бомбардировке до объявления войны? Разве это не является историческим фактом?

Йодль: Об этом историческом факте очень подробно говорил фельдмаршал Кессельринг, который хорошо это знает. Он сказал – и также рейхсмаршал – что в эту дату в Польше атаковались важные цели, а не население Варшавы.

Робертс: Очень хорошо. Вы совершенно правы, итак Кессельринг – если трибунал хочет ссылку, он давал показания о бомбардировке Варшавы, в английской расшифровке, страница 5731[263].

[*Обращаясь к подсудимому*] Итак, я предполагаю результат польской кампании естественно удовлетворил всех вас?

Йодль: Военное развитие в польской кампании, с военной точки зрения было для нас чрезвычайно удовлетворительным. Конечно, в жизни случаются вещи, дающие больше удовольствия, чем военная акция.

Робертс: А теперь, я хочу, чтобы вы посмотрели на письмо. Это – милорд, это новый экземпляр D-885, и это GB-484.

Это письмо написанное вами, не так ли? Это написано вами?

Йодль: Да.

Робертс: Очень хорошо. Итак, это написано полицай-президенту, доктору Карлу Швабе[264], Брюнн, Моравия, полицай-президиум, дата 28 октября 1939:

«Мой дорогой полицай-президент: Я сердечно благодарю вас за ваше радостное письмо от 22 сентября. Я был особенно рад этому. Эта

---

[263] См. Стенограмма Нюрнбергского процесса. Том VIII / Пер. с англ. и составление — Сергей Мирошниченко, Новочеркасск /2020. — (Первопубликация), стр. 161-162.

[264] Карл Швабе (1899 – 1946) – чешский судетско-немецкий деятель. Руководитель полиции и Гестапо в Брно. Штандартенфюрер СС. Казнён по приговору чехословацкого суда.

> замечательная кампания в Польше стала великим открытием для этой тяжелой и решительной борьбы и создала для нас необычайно благоприятную отправную точку как в политическом, так и в военном отношении. Самая трудная часть для народа и вооруженных сил всё ещё впереди». – я предлагаю прочитать это без комментариев и прокомментировать позже.
>
> Однако фюрер и его соратники полны величайшей уверенности; ибо лицемерные британцы не смогли задушить нашу экономику, и военном отношении нет повода волноваться. Решающей является воля народа к преодолению, и об этом позаботятся много сильных и преданных людей который сегодня находятся во главе округов. В этот раз мы покажем, что у нас лучшие нервы и большее единство. Полицай-президент, вы вносите весомый вклад в усмирение этих чехов не позволяя задирать им нос, в этом я убеждён».
>
> Тогда он очень радовался высокому признанию войск:
>
> «Вновь сердечно благодарю вас за вашу признательность, которая превосходит мой скромный вклад в сравнении с могучей личностью фюрера.
>
> Хайль Гитлер»

Почему вы назвали британцев лицемерными? Потому что они соблюдали договоры и не имели концентрационных лагерей и не преследовали евреев? Вот почему вы думали о том, что мы были лицемерными, потому что мы не нарушали договоров?

Йодль: Нет, причина не в этом. Причиной заключалась в том, что политическая ситуация в целом представлялась таким образом, и тогда я считал так на самом деле.

Робертс: Очень хорошо. Теперь мы рассмотрим:

> «Решающей является воля народа к преодолению, и об этом позаботятся много сильных и преданных людей который сегодня находятся во главе округов».

Кем были эти сильные и преданные люди? Это СС и Гестапо?

Йодль: Нет, это гауляйтеры.

Робертс: Гауляйтеры?

Йодль: Да.

Робертс: Что же, у нас тут есть один или два гауляйтера, например гауляйтер Заукель: крупной территории, такой как Тюрингия, он бы не смог много сделать сам? Ему бы потребовались СС или Гестапо, не так ли?

Йодль: Здесь речь вообще не об этом. Факт в том, что эти гауляйтеры на самом деле достойно руководили государственной организацией и администрацией. Несмотря на катастрофу, о людях заботились гораздо лучше, чем в 1914-18. Это бесспорно и делает честь этим людям.

Робертс: Они лучше заботились?

Йодль: Даже в самых ужасных условиях в конце каждый человек получал свой обычный паёк. Это образцовая организация, могу сказать только так.

Робертс: И образцовая, потому что не допускалось никакой оппозиции правительству и партии, не так ли?

Йодль: Разумеется, с одной стороны так проще, а с другой стороны, ведёт к ужасным катастрофам о которых, конечно, я услышал здесь впервые.

Робертс: Очень хорошо. Что же, письмо говорит само за себя, и я продолжу. Могу я спросить вас об этой фразе:

> «Полицай-президент, вы вносите весомый вклад в усмирение этих чехов не позволяя задирать им нос…»
>
> Что этим вы имели в виду?

Йодль: Поскольку он был полицай-президентом в Брюнне, его задача заключалась в том, чтобы следить за поддержанием порядка и спокойствия в Брюнне и не допустить чешского восстания за нашей спиной пока мы вели войну. Это само собой разумеется. Я вообще не говорил о том, что он должен был убивать или германизировать чехов, но он должен был поддерживать порядок.

Робертс: Очень хорошо. Я сейчас заканчиваю этот вопрос и перехожу к различным кампаниям на Западе. Что касается Норвегии, то, конечно, вам было известно, что ваша страна неоднократно давала свое торжественное слово соблюдать целостность Норвегии и Дании, не так ли?

Йодль: Вчера я говорил, относительно двух деклараций…

Робертс: Пожалуйста, отвечайте на мой вопрос, он очень простой.

Йодль: Да, тогда я, кажется, знал о них. Я полагаю, определенно, да.

Робертс: Очень хорошо. Мы знаем, что в начале войны было дано заверение с тем, чтобы успокоить все западные нейтральные державы. И затем было дано другое заверение, 6 октября, а вы говорите, что в ноябре Гитлер решил вторгнуться в Данию и Норвегию?

Йодль: Да, я уже подробно говорил об этом вчера

Робертс: Я это знаю. Пожалуйста, не стоит этого постоянно говорить. Вы поймёте, что я прошу вас рассмотреть тот же вопрос с иного угла. «Норвегия», как говорилось в вашей речи – и я цитирую со страницы 291 книги 7 – вероятно вам лучше дать это ему – страница 11 ваших записей…

> [*Обращаясь к подсудимому*] Милорд, в середине, под параграфом 8:
>
> «Тем временем мы стояли перед проблемой оккупации Норвегии и Дании…
>
> Прежде всего, грозила опасность, что Англия захватит Скандинавию и тем самым, кроме стратегического окружения с Севера, она приостановит ввоз железа и никеля, что является таким важным для нас с точки зрения военных целей. Во-вторых, это было связано с

удовлетворением наших собственных нужд на море» - «Notwendigkeite[265]» - такое слово, не так ли - «Notwendigkeiten»…

Милорд, должны быть «необходимых», а не «императивных» - «erforderten».

«...что сделало необходимым для нас обеспечить свободный доступ к Атлантике благодаря некоторому количеству воздушных и морских баз».

[*Обращаясь к подсудимому*] Вам нужны были воздушные базы и базы для подводных лодок, не так ли?

Йодль: Эти базы в военном отношении для нас представляли очень большую ценность, в этом нет никакого сомнения; но причиной их захвата, явились доклады, которые у нас имелись, об угрозе Норвегии.

Робертс: Что я вам предлагаю, вы поймите, это: тут, также как в случае с остальными малыми странами – в этом случае, вы просто нашли оправдание. Вы думали, что Англия может сделать нечто, хотя она не делала этого месяцы и вы нарушили нейтралитет Норвегии во время избранное вами. Верно?

Йодль: Для того, чтобы ответить на этот вопрос «да» или «нет» следует предпринять очень подробное исследование всех исторических документов с обеих сторон. Затем можно будет сказать правильно это или нет. До разрешения этого, существуют только субъективные мнения. У меня моё, у вас другое.

Робертс: Да. И я указываю вам на то, что Германия в каждом случае нарушала нейтралитет. Другие страны, союзники нет.

Йодль: В случае с Норвегией, англичане сделали это первыми в случае с «Altmark», миноукладкой и обстрелом германских кораблей в норвежских территориальных водах. Это бесспорно подтверждалось. В этом нет сомнения.

Робертс: «Altmark», свидетель, как вам известно, вообще не являлся оккупацией; это просто был акт британского флота по принятию британских пленных с германского тюремного корабля, и я представляю ваш флот, сделавший бы тоже самое, если бы представился шанс. В чём смысл говорить об «Altmark»? Это вообще не являлось оккупацией.

Йодль: Но это являлось нарушением международного права, что касалось норвежского суверенитета. Вы могли лишь запросить, чтобы Норвегия сделала это, но сами вы не могли вести боевые действия в норвежских водах. Я точно знаю правила в этой связи.

Робертс: Почему вы нарушили слово, данное Норвегии, и вызвали неслыханные страдания и нищету жителей этой страны, потому что британцы вошли в территориальные воды и приняли несколько сотен пленных? В чём логика? Почему от этого должны были страдать норвежцы?

Йодль: Вы процитировали лишь один небольшой пример из огромной реальной

[265] Неотложных (нем.)

картины английской оккупации, но их есть сотни.

Робертс: Это пример цитировали вы свидетель, а не я. Я не цитировал его.

Йодль: Я могу лишь сказать, что мы находились под определенно субъективным впечатлением, мы осуществили предприятие, в последнюю секунду, так как британские войска уже были погружены. Если вы сможете подтвердить мне, что это неправда, я буду вам чрезвычайно благодарен.

Робертс: Что же, а теперь я обращаю ваше внимание на единственное постороннее свидетельство, которое вы представили об этом, потому что его прочитали довольно спешно – вчера, если не ошибаюсь.

[*Обращаясь к трибуналу*] Милорд, это документальная книга Йодля 2, и это страница 174. Что же, милорд, это начинается на странице 174. Милорд это в верхнем правом углу. Страница 174 говорит, что Альбрехт Солтманн был опытным специалистом, который изучал материалы британской десантной бригады, и изучал дневники. Это на второй странице, и внизу страницы 175:

> «Документы и заявления пленных показывают, что незадолго до нашей высадки в Норвегии британские войска вторжения были погружены на эсминцы. На следующий день, они снова выгрузились и оставались в окрестностях порта загрузки. Затем они погрузились после германского вторжения в Норвегию. Какое намерение англичане преследовали погрузкой своих войск перед нашими высадками нельзя определить из документов и заявлений пленных. Намеревались ли они оккупировать Норвегию до нашего вторжения можно только предполагать, потому что пленные не дают точных заявлений в данном отношении. Предположения основываются на специальном снаряжении этих британских войск. Постольку поскольку я обозревал документы и заявления, сделанные пленными они не содержат подтверждений английских планов относительно Норвегии».
>
> И затем следующий вопрос:
>
> «Отсутствовали результаты из всех документов и заявлений, взятых у пленных в отношении того, что вторжением в Норвегию мы опередили англичан?
>
> Ответ: Да, информация в документах и заявлениях подготовленных пленными не может быть интерпретирована как означающая, что нашим вторжением мы опередили англичан. Однако, должно ли это считаться безошибочным доказательством я не могу судить».

И затем они разбираются с французскими документами, захваченными в железнодорожном поезде. Свидетель ничего о них не знает.

[*Обращаясь к подсудимому*] Достаточно слабое доказательство, не так ли, чтобы вторгнуться в Норвегию, вопреки всем договорам и всем гарантиям?

Йодль: Я совершенно согласен с вами в этом; вы совершенно правы. Но это лишь, потому что Солтманн к сожалению не являлся экспертом в данной сфере. Он даже не был офицером генерального штаба. Я забыл об этом. У нас были дальнейшие и совершенно противоположные доказательства, которые лежали у меня на столе; а именно, все команды осуществляемые английской десантной бригадой. Они подтверждали наши предположения абсолютно и определенно.

Робертс: Вторжение без какого-либо предупреждения или объявления войны?

Йодль: Это политический вопрос.

Робертс: Вы вчера говорили суду, что вы являлись приверженцем международного права, о том, как вы стремились соблюдать международное право. Вы знали, что это было вопреки международному праву, не так ли?

Йодль: Данные вопросы не находились в наших правилах, но только те положения, которые применялись Вермахтом. Концепция агрессивной войны не относилась ни к каких правилам. Мы следовали только Женевской конвенции и Гаагским правилам сухопутной войны.

Робертс: Я имею в виду если бы достойный немец держал своё слово, не так ли? Он не нарушал данное слово, не говоря о том, что он отойдёт от него, не так ли, достойный немец?

Йодль: Это кажется практикой, в целом соблюдаемой во всём мире, когда люди работают вместе, но не в сфере политики.

Робертс: Не было ли величайшим бесчестьем для Германии неоднократно нарушать данное ею слово? Или вы предпочтете не отвечать на этот вопрос?

Йодль: Нет, этот вопрос лучше было бы задать лицам, ответственным за политику Германии.

Робертс: Очень хорошо, оставим это. Сейчас я перехожу к вопросу о вторжении в Нидерланды, Бельгию и Люксембург.

У вас нет никаких сомнений по поводу документов относительно того, что в случае войны на Западе намерением Гитлера всегда было нарушить нейтралитет этих трех малых стран?

Йодль: Гитлер с самого начала издания своих приказов о наступлении на Западе намеревался пойти через Бельгию, но в отношении Голландии он долгое время делал оговорки, которые были отброшены лишь много позднее, кажется, в середине ноября. Итак, в отношении Голландии эти намерения не были твердыми. В отношении Бельгии они возникли довольно рано, в середине или в начале октября.

Робертс: Вы не смогли бы, конечно - я хочу сказать, что Германия, естественно, хотела вести наступательную войну и причем наступательную войну на территории другой страны. Такова была цель Германии, не так ли?

Йодль: Тогда целью Германии было победить в этой войне.

Робертс: Вы не смогли бы напасть на Запад, если бы не напали на Бельгию и не прошли бы через нее, не правда ли?

Йодль: Во всяком случае, наступление в другом месте было бы чрезмерно трудным и его осуществление находилось бы под большим вопросом. Об этом я уже говорил.

Робертс: Да. Вот, почему, конечно же, Франция построила линию Мажино, для того, чтобы вы не смогли напасть на неё фронтально.

Если бы вы обеспечили захват побережья Бельгии и Голландии, то вы тем самым обеспечили бы приобретение воздушных баз, с которых могли бы разбить Англию? Вы на это надеялись, не правда ли?

Йодль: Не подлежит никакому сомнению, что с занятием этого побережья стратегическое положение Германии в борьбе против Англии значительно бы улучшилось. Это верно.

Робертс: Да. Могу я напомнить вам, несколько документов которые уже известны трибуналу. Я не намерен их читать, но первый документ в очереди датирован PS-375, USA-84, датированный 25 августа 1938 г., относится ко времени осуществления плана «Зелёный».Это была оценка воздушных сил, которая в последнем абзаце документа, кажется, страница 11, гласит:

> «Бельгия и Нидерланды, находясь в руках Германии, будут представлять собой исключительное преимущество в воздушной войне против Великобритании…».

И армия должна была сказать, сколько времени займет эта операция.

Это было во время чехословацкого кризиса, не правда ли?

Йодль: Да, но мне кажется, этот документ здесь был уже назван смехотворным. Это труд какого-то капитана.

Робертс: Да, но, во всяком случае, его мнение оказалось очень правильным, если судить по тому, что случилось позднее.

Сейчас перейдем к следующему документу. Я знаю, вы находились в Австрии, но, несомненно, слышали об этом от Кейтеля. Это документ о совещании, которое состоялось 23 мая 1939 г. в канцелярии фюрера. Документ L-79, книга номер 7, страница 275, вы помните, что фюрер сказал:

> «Воздушные базы Бельгии и Голландии должны быть оккупированы. Заявления о нейтралитете следует игнорировать…
>
> В данном случае рассуждения о том, правильны или неправильны договоры, не имеют никакого значения… Армия должна будет занять те позиции, которые важны для военно-воздушного и военно-морского флота. Если Бельгия и Нидерланды будут успешно оккупированы и оккупация эта будет закреплена, если Франция будет также побеждена, то основные условия для успешной войны против Англии будут обеспечены…
>
> Ежедневные атаки германского воздушного флота и морского флота перережут ее жизненно-важные коммуникации».

Не было никакого сомнения относительно политики Гитлера в мае 1939

года. Не так ли?

Йодль: В суде я впервые услышал об этом совещании и о том, что там якобы говорилось и о вещах, которые предположительно тогда обсуждались; я не способен судить правильно ли это, так как я не слышал о них, даже от Кейтеля, и даже позднее.

Робертс: Слышали ли вы о речи, произнесенной фюрером 22 августа 1939 г.?

[*Обращаясь к трибуналу*] Я не знаю, имеется ли этот документ у суда. Он не в документальной книге; это документ PS-798 в документальной книге номер 4. Есть некоторые неточные копии, милорд.

[*Обращаясь к подсудимому*]

«Эти страны» - Голландия, Бельгия... «и Скандинавия будут защищать свой нейтралитет всеми возможными средствами. Англия и Франция не будут нарушать их нейтралитет».

Вы всегда думали, что Гитлер был хорошим пророком, не так ли? Вы думали, что Гитлер был правым судьей.

Йодль: Очень часто, да, очень часто.

Робертс: И он был хорошим судьей о том, что Англия и Франция сдержат своё слово, в то время как Германия нарушит своё.

Итак, значит это август. Теперь я хочу…

Йодль: Но этого я также не знаю.

Робертс: Очень хорошо. Я хочу перейти к документу, который вы представили вчера.

Председатель: Подождите минутку. Подсудимый, что вы имеете в виду, говоря, что вы этого не знаете? Вы хотите сказать, что вам неизвестен этот документ? Вы сказали: «Я не знаю этого».

Йодль: Я не знаю того, что в действительности говорил фюрер на совещании 22 августа. Я даже не знаю, какая дискуссия проходила, так как я находился в Вене. Я знаю об этом лишь из предположительных документов, которые представлены здесь.

Робертс: Я хочу приобщить весь документ L-52. Доктор Экснер, совершенно правильно, конечно, зачитал некоторые отрывки, но я хочу зачитать больше. У вас есть копии от трибунала?

Документ L-52 представляет собой меморандум Гитлера от 9 октября 1939 г. Я хотел бы указать, что за три дня до 9 октября 1939 г. Германия вновь повторила свои заверения западным нейтральным государствам.

Я хочу сослаться – некоторые отрывки вам уже читали; я хочу сослаться на другие.

[*Обращаясь к трибуналу*] Милорд, то, что я сейчас прочту, начинается с внешней страницы, 5-й страницы. Это страница 27 подлинника, что видно в правом верхнем углу.

[*Обращаясь к подсудимому*] Я читаю абзац на странице 25 вашего оригинала, свидетель.

> «Германские военные средства ведения длительной войны, что касается нашего основного противника, воздушные силы и подводные вооружения.
>
> Подводная лодка даже сегодня, при безжалостном использовании становится чрезвычайно угрозой для Англии. Слабость германских подводных вооружений состоит в большом расстоянии от места их деятельности, в чрезвычайной опасности таких походов, и в постоянной угрозе местам базирования. То, что Англия в настоящий момент не разместила между Норвегией и Шетландскими островами большие минные поля как Первую мировую войну, возможно связано – с учётом того, что воля вести войну вообще существует – с нехваткой необходимой материальной части для блокады. Но если война продлится дольше нужно будет считаться с затрудением использования нашими подводными лодками внутренних и внешних путей. Любое создание баз подводных лодок вне ограниченных домашних баз приведёт к огромному увеличению ударной силы этого вида вооружений».

Это скрытый намёк на норвежские базы, как вы думали, дающие доступ к Атлантике?

Йодль: Мне так не кажется. Мне кажется это в целом правильное военно-морское соображение также применимое к базе в Мурманске, которую например, мы уже имели в то время или в Испании, или в любом другом государстве, которое тогда было нейтральным; но это не ссылка к Норвегии, так как я заявил под присягой, что тогда, фюрер никогда не думал о Норвегии, никоим образом, до получения доклада от Квислинга.

Робертс: У меня есть ваш ответ. Итак, могу я продолжить зачитывать?

> «Германские воздушные силы: они могут добиться успеха в эффективных операциях против промышленного центра Англии и её южных и юго-западных портов, которые приобрели значимость во время войны, не будучи вынужденными вести наступательные действия с нашего небольшого побережья Северного моря используя обходные маршруты включающие долгие полёты. Если бы голландско-бельгийская территория оказалась в наших руках, англичанам и французам, с целью бить по промышленному сердцу Германии, требовалось бы покрывать в шесть раз больше расстояния необходимого германскому бомбардировщику для достижения действительно важных целей. Если бы у нас находились во владении Голландия, Бельгия или даже Дувр в качестве баз подскока для

германских воздушных атак, несомненно, Великобритания столкнулась бы со смертельным ударом, даже если бы потребовались величайшие репрессалии.

Такое сокращение воздушных маршрутов было бы ещё более важным для Германии, из-за наших величайших трудностей в поставках топлива. Каждые 1000 килограмм сэкономленного топлива это не только вклад в нашу национальную экономику, но и означают, что можно нести на самолёте дополнительные 1000 килограмм взрывчатки; то есть 1000 килограмм топлива становятся 1000 килограмм бомб. Это также приведет к экономии в самолётах, в механическом износе и поломках, и превыше всего, в бесценной крови наших солдат».

Затем я прошу вас перевернуть на страницу 41.

Милорд, есть две страницы, и ваша светлость, увидит «41» вверху страницы, со звёздочкой, и заголовок, «Германское нападение». У вашей светлости есть?

Председатель: Да.

Робертс:

«Германское нападение должно быть проведено с основной целью разбить французскую армию, но, во всяком случае, оно должно создать благоприятное исходное положение как предпосылку для успешного продолжения войны. При этих обстоятельствах единственно возможной областью для нападения является сектор между Люксембургом на юге и Неймегеном — на севере, исключая крепость Льеж. Задача…заключается в том, чтобы проникнуть в район Люксембурга, Бельгию и в Голландию в возможно короткое время, вступить в сражение с сопротивляющимися бельгийскими, французскими и английскими войсками и разбить их».

Я полагаю, что не могу не спросить вас, каково ваше мнение о том, было ли честным дать этим западным нейтральным странам гарантию 6 октября, а в этом меморандуме от 9 октября заявить, что это является единственно возможным способом для нападения. Я считаю, что это вопрос политики, не правда ли?

Йодль: Это вопрос политический, но заявления всегда делались только при условии соблюдения данными странами строжайшего нейтралитета. Но данный нейтралитет не соблюдался, так как британские лётчики летали над этим районом днём и ночью.

Робертс: Почему несчастные народы Нидерландов и Бельгии следовало уничтожать и калечить из-за британских лётчиков летающих над их территорией – уничтожать и калечить их германской армией? В чём вообще логика вашего замечания?

[*Обращаясь к трибуналу*] Милорд, есть один отрывок из документа который я хочу зачитать. Если ваша светлость, думает о перерыве, вероятно я могу

зачитать его, и потом я закончу с документом. Милорд, следующий абзац и это в конце страницы. Это напротив букв – номер L-52. Чуть выше: «Времени наступления».

[*Обращаясь к подсудимому*] Это ваша страница 52, свидетель, в самом начале, или прямо в конце страницы 51:

> «Все руководители должны твёрдо запомнить факт, что уничтожение франко-английской армии является основной задачей, достижение чего сделает возможным задействование германских воздушных сил против сердца британского сопротивления и последует в походящий момент».

Это означало террористические атаки на гражданское население?

Йодль: Вы долго меня спрашиваете о документе, который от первого до последнего слова написан фюрером, как я вам уже говорил. Вы представляете достаточно интересную картину о фюрере как стратеге и военном руководителе, и это интересует мир, но я не пойму как это касается меня. Эти мысли, которые фюрер изложил, как военный командир представляют огромный интерес для всех солдат мира. Но какое это имеет отношение ко мне? Я этого не понимаю.

Робертс: Свидетель, но могу я указать на то, что ваш собственный защитник представил его и вы ссылались на некоторые его части. Вот как это касается вас; вы сослались на него.

Йодль: Да.

Председатель: Мы прервёмся.

[*Объявлен перерыв до 14 часов*]

Вечернее заседание

Робертс: Свидетель, у меня есть только два вопроса о предполагаемой агрессии против малых стран. Вы посмотрите в свой дневник, PS-1809, за 8 мая 1940. Это страница 141 в документальной книге 7, и это на странице 115 немецкой документальной книги. Сама цитата это страница 143 в документальной книги 7; вверху страницы: «8 мая. Тревожные новости из Голландии, отмена отпусков, эвакуации, блокирование дорог, мобилизационные меры».

Вы опасались, что голландцы действительно могли предпринять некие шаги для обороны самих себя от вашего вторжения?

Йодль: Я был уверен, что голландцы будут защищать себя от Германии.

Робертс: Что вас встревожило, потому что вы думали, что голландцы могут подозревать, что вы собираетесь нарушить ваши договоры и гарантии?

Йодль: Я не понял вопрос.

Робертс: Я продолжаю:

> «Согласно разведывательным докладам британцы просили разрешения войти, но голландцы отказались. Согласно докладам, меры голландцев частично направлены против побережья и частично против нас. Невозможно получить ясную картину того не работают ли голландцы рука об руку с англичанами или они действительно хотят защищать свой нейтралитет против первого напавшего»

Отсюда ясно, не так ли, что у вас вообще не было информации о том, что нейтралитет голландцев будет нарушен?

Йодль: Этого не ясно из записи; это лишь краткая аргументация на основании обильных докладов, которые мы получили от Канариса к тому дню или ранее. Если бы им должны были следовать, должны были иметься доклады полученные до этой записи; запись ссылается на позднейшие доклады, а не на многие тысячи тех, что поступили ранее.

Робертс: Итак, 10 мая без всякого объявления войны эти три небольшие страны подверглись вторжению; им была противопоставлена вся военная мощь Германии, не правда ли?

Йодль: 10 мая началось наступление по всему фронту.

Робертс: Скажите, что вообще сделали эти страны, чтобы заслужить ужасы вторжения и несчастия, являющиеся следствием германской оккупации?

Йодль: Я здесь вновь могу сказать, что это вопрос исторического порядка. Я уже здесь изложил свою субъективную точку зрения по этому вопросу, которая состоит в том, что Англия и Франция вынудили эти страны отказаться от своего строго нейтрального поведения. Таково было мое субъективное впечатление.

Робертс: Их единственная вина заключалась в том, что они являлись препятствием для деятельности ваших воздушных баз и баз подводных лодок.

Йодль: Они не только стояли на пути, но и допускали действия несовместимые с нейтралитетом, они помогали Англии в войне против нас. Это моё субъективное впечатление.

Робертс: Итак, у меня остался – с разрешения трибунала, Я хотел бы задать один вопрос относительно Норвегии; лишь один; если мне разрешат вернуться к этому вопросу, то я хотел бы спросить вас относительно записей в вашем дневнике, документ PS-1809, страница 143 в документальной книги 7. У меня есть ссылка на немецкий язык, но это почти рядом. Я медленно прочту: «13 марта. Фюрер еще не отдал приказа о «W» - «Weser». Он все еще ищет предлога», — или, говоря вашими собственными словами, — «оправдания». На следующий день, 14 марта: «Фюрер еще не решил, какие причины выдвинуть в отношении учений на Везере».

Если у вас были достаточные основания для нарушения норвежского нейтралитета, почему же фюрер был не в состоянии найти эти основания?

Йодль: Потому что фюрер для этой операции считал необходимым иметь какое-нибудь документальное доказательство. До сих пор, имелись очень сильные указания на то, что было похоже на доказательства, но у нас пока не имелось документальных доказательств.

Робертс: Очень хорошо. Я оставляю эту часть дела и перехожу к вопросам о Югославии.

Я прошу вас взглянуть на документ PS-1746, страница 127 в документальной книге 7; немецкая книга - 112.

До того как мы перейдем к документу, подсудимый, скажите, Югославия ведь также получила от Гитлера заверения. Это ведь так, не правда ли? Или вы об этом не знаете?

Йодль: Не только Югославия со стороны Гитлера, но и мы получили такие заверения со стороны югославского правительства, которое за один день до того заключило с нами договор,

Робертс: Теперь найдите, пожалуйста, этот документ, на который я собираюсь сослаться. Там должен быть листок бумаги, озаглавленный: «Дискуссия», «Besprechung[266]». Вы нашли это? Это будет лист бумаги со словом «Besprechung».

Йодль: «Обсуждение ситуации в Югославии»; да.

Робертс: Да, правильно.

Йодль: Да.

Робертс: Датированный 27 марта 1941?

Йодль: Да.

Робертс: Теперь переверните страницу, мне кажется, это страница 2:

> «Фюрер полон решимости, не ожидая заявлений о лояльности со стороны нового правительства, провести все подготовительные мероприятия для того, чтобы уничтожить Югославию, как в военном отношении, так и как национальное единство. Не будет сделано никаких дипломатических запросов и не будет представлено никаких ультиматумов. Будут приняты к сведению заверения, которым нельзя доверять. Нападение начнется, как только будут готовы все необходимые для этого средства и войска. Важно приступить к действию возможно быстрее».

> Теперь я перехожу на страницу 3, свидетель:

> «В политическом отношении особенно важно, чтобы новый удар против Югославии был нанесен с безжалостной жестокостью и чтобы военные разрушения проводились с быстротой молнии».

> Теперь я перехожу к странице 5, свидетель:

> Главная задача военно-воздушных сил заключается в том, чтобы начать, возможно, быстрее разрушение наземных сооружений военно-

[266] Обсуждение (нем.)

воздушных сил Югославии и разрушить столицу — Белград путем налетов с воздуха».

Фюрер не намеревался предупредить гражданское население хотя бы за полчаса до атаки, не так ли?

Йодль: Я не знаю, какие мероприятия по подготовке к отражению налетов провело югославское правительство, но в момент путча оно немедленно сделало военные приготовления и развёртывало свои войска вдоль нашей границы.

Робертс: Могу задать вам следующий вопрос: одобряете ли вы как честный солдат нападение на город с многочисленным гражданским населением без объявления войны и даже без предупреждения хотя бы за полчаса?

Йодль: Я не придерживаюсь этого мнения. Я уже говорил, что я лично, и получасом или часом позднее рейхсминистр иностранных дел предложил ультиматум.

Робертс: Когда вы утратили воздушное превосходство и люди смогли отвечать, вас немцев сильно возбуждали террористические атаки, не так ли?

Йодль: Город в то же самое время являлся центром путчистского правительства, которое аннулировало договор заключенный с Германией и которое с того момента проводило приготовления вдоль всего фронта для войны с Германией.

Робертс: Что же, я собираюсь оставить данный инцидент. Вы помните, как вы ссылались на заметки в своей лекции? Они появляются на странице 127 – нет, милорд, она – я прощу прощения, они появляются на странице 292 книги 7 и 304 в немецкой. Вы ссылались на это как «интерлюдию» Вы помните? Немецкое слово это «Zwischenspiel» «интерлюдия». Такая ваша идея об интерлюдии?

Йодль: Чтобы быть юридически точным, вы имеете в виду первый проект моей лекции, а не мою лекцию, которая вам неизвестна. Однако, даже в первом проекте, я не могу вспомнить упоминания интерлюдии.

Робертс: Сколько гражданских, сколько тысяч, вы думаете, вы убили в первом акте той «интерлюдии» - в бомбардировке Белграда без предупреждения?

Йодль: Я не могу сказать, только десятую часть от убитых в Дрездене, например, когда вы уже выигрывали войну.

Робертс: Теперь я перехожу к предполагаемой агрессии против Союза Советских Социалистических Республик, о которой здесь шла речь.

Гитлер решил произвести нападение на Советскую республику в июле 1940 года, не так ли?

Йодль: В июле 1940 года он еще не принял этого решения.

Робертс: Я не хочу даром тратить время; так или иначе, мы знаем, что 22 июня 1941 г. Германия вторглась в Советский Союз, нарушив свой пакт о ненападении. Это исторический факт, не так ли?

Йодль: Да, неожиданное нападение 22 июня 1941 г. является историческим фактом, основой которого явилось мнение политических деятелей, которое выражается в том, что Советский Союз не придерживался этого пакта.

Робертс: Не думаете ли вы, что этот факт нарушения взятых на себя обязательств на много веков обесчестит имя Германии?

Йодль: Это могло бы быть, если бы историки после точного исследования русских документов представили точные доказательства того, что Россия не пыталась напасть на нас.

Робертс: Теперь я хочу спросить – переходя к совершенно другой части дела по пункту три и пункту четыре. Вам часто предъявляли документы. Я не хочу предъявлять это снова.

Вы помните, очевидно, приказ о плане «Барбаросса». Это документ С-50, в документальной книге 7, страница 187; и немецкая книга 146. Этот приказ распространялся вашим отделом, Wehrmachtfuhrungsstab, L, не так ли?

Йодль: Он был разработан в отделе квартирмейстера штаба оперативного руководства.

Робертс: Однако вы ведь согласитесь с тем, что само издание этого приказа явилось позором?

Йодль: Я согласен. Я уже говорил не было солдата, который бы не возражал этому приказу; они все возражали.

Робертс: Очень хорошо. Теперь мы знаем, что 17 июля – и это документ С-51, который в документальной книге 7, на странице 190, немецкая страница 150 – мы знаем, что тем же самым отделом WFSt, L[267] был отдан приказ о том, чтобы предыдущий приказ был уничтожен, но на его действие это не влияло, уничтожен на уровне корпусов. В чём заключалась цель уничтожения этого приказа?

Йодль: К сожалению я не могу вам сказать; я не помню приказ. Мне не кажется, что я когда-либо видел его, по крайней мере до суда.

Робертс: Вероятно вам лучше посмотреть на него свидетель, С-51, страница 190, книга 7; немецкая книга. Итак, он исходит от WFSt, L – то есть, Wehrmachtfuhrungsstab – отдел «L»; и затем «Q» за «квартирмейстера» в кавычках. Это ваше ведомство, не так ли?

Йодль: Это часть оперативного штаба вооруженных сил.

Робертс: Он подписан Кейтелем.

Йодль: Да. Но я не знаю этот приказ; впервые мне показали его в Нюрнберге; я никогда не видел его ранее. Я не знаю о чём он или какой приказ он отменял. Я уже говорил что данными вопросами военной юрисдикции занимался фельдмаршал Кейтель, и что он использовал мой отдел квартирмейстера в качестве рабочего штаба без моего участия в таких вопросах. Я не знаю приказа.

Робертс: И не можете предположить о какой-либо причине, почему его должны были уничтожить?

Йодль: Нет; я не могу вам дать какой-либо информации об этом.

Робертс: Теперь я перехожу к документу С-52, который ещё не предъявляли. Ваши

---

[267] Аббревиатура с немецкого: Оперативный штаб вооруженных сил – отдел национальной обороны.

светлости найдут это на странице 191 книги седьмой. Я предъявляю его как GB-485, и он в немецкой книге на странице 153.

[*Обращаясь к подсудимому*] Это еще один приказ Кейтеля. Он исходит из Wehrmachtfuhrungsstab, L. Затем в скобках стоит «I-op». Скажите, это ваше ведомство?

Йодль: Это отдел, совместно с которым я разрабатывал все оперативные вопросы.

Робертс: Вы помните этот приказ?

Йодль: Да, об этом приказе я помню.

Робертс: Полагаю, что вы принимали участие в его составлении, не так ли?

Йодль: Да, конечно, поскольку это оперативный приказ, это дополнение к директиве.

Робертс: Хорошо. Взгляните, пожалуйста, на параграфы 6 и 7. В параграфе 6 говорится:

> «Ввиду обширности оккупированных территорий на Востоке имеющиеся в наличии силы для установления безопасности на этих территориях будут достаточны только в том случае, если всякое сопротивление будет пресекаться не путем судебного преследования виновных, а путем распространения такого террора, который единственно будет в состоянии искоренить всякое стремление к сопротивлению.
>
> Соответствующие командующие должны нести ответственность за сохранение порядка? Командующие должны найти средства к тому, чтобы поддерживать порядок в районах, где охрана безопасности лежит на их ответственности, не путем посылки запросов на получение дополнительных сил, а путем применения драконовских мер».
>
> Это ужасный приказ, не правда ли?

Йодль: Нет, это вовсе не ужасный приказ, поскольку в нормах международного права предусмотрено, что население занятых областей должно выполнять приказы оккупационных властей и любой мятеж, любое сопротивление против армии оккупировавшей страны запрещено; фактически, это была война с партизанами и международное право не содержит средств по борьбе с партизанами. Принцип такой войны око за око и зуб за зуб и это даже не германский принцип.

Робертс: Это зуб и глаз невиновного?

Йодль: Это не вопрос невиновности. Он прямо говорит, «искоренить всякое стремление к сопротивлению». Это вопрос тех, кто сопротивляется, то есть, партизан.

Робертс: Свидетель, я не спорю с вами об этом. Я понял, что вы одобрили приказ.

Йодль: Я одобрил его в качестве оправданной меры соответствующей международному праву и направленной против расширения движения

сопротивления, которое использовало недостойные методы. Об этом у нас были доказательства.

Робертс: Очень хорошо. Теперь я хочу перейти к совершенно другому вопросу. Я хочу заняться приказом о «коммандос» и хочу предъявить два еще не предъявлявшихся документа, чтобы отследить историю подготовки данного приказа, потому что я предположу, что он был подготовлен в вашем ведомстве подчинённом вашей юрисдикции.

Передайте свидетелю, пожалуйста, PS-1266, который я приобщаю, милорд, GB-486.

Первый документ датирован 8 октября. Это меморандум из отдела «К» (квартирмейстера) Wehrmachtfuhrungsstab; это правильно, не так ли?

Йодль: Да.

Робертс: Это и есть тот приказ по радио, о котором вы упоминали?

Йодль: Да.

Робертс: Сначала это касается «связывания». Милорд, что не важно. Во-вторых, там приводится заявление, сделанное по радио 7 октября 1942 г., в котором говорится следующее:

> «В будущем со всеми террористическими и саботажными войсками британцев и их пособников, которые не действуют как солдаты, а как бандиты немецкие войска будут обращаться как с таковыми и будут безжалостно ликвидировать в бою повсюду, где обнаружат».

[*Обращаясь к подсудимому*] Что же, конечно, этот приказ не сильно значимый, не так ли? Он признаёт, что противник ведёт себя не как солдаты, а как бандиты, и говорит, что их можно истреблять в бою.

Но второй параграф:

«Заместитель начальника оперативного штаба…»

Это был Варлимонт, не так ли, свидетель?

Йодль: Да, это был Варлимонт.

Робертс: Да.

«…поставил срочную задачу «Q»:

«1) Подготовить приказ».

Посмотрите на номер 2:

> «Подобно приказу «Барбаросса», изданному в свое время, этот приказ также должен быть составлен в сотрудничестве с правовым управлением вооруженных сил и управлением контрразведки после того, как он будет тщательно продуман. Распространять его следует только среди командующих армий, и далее его можно передавать только устно. После ознакомления подлежит уничтожению».

Скажите, каков был характер этого приказа, который со столь большой тщательностью был составлен вашим отделом в сотрудничестве с правовым

отделом и контрразведкой?

Йодль: Мне кажется, что вы вначале упомянули документ С-50. Для меня не совсем ясно это выражение: «Приказ «Барбаросса».

Робертс:

> «В отношении содержания приказа следует иметь в виду следующее:
>
> ...В тех случаях, когда пленные временно заключаются под стражу в наших собственных интересах, лиц, о которых идет речь, следует передавать в руки СД через контрразведку после тщательного допроса, в котором также должна принимать участие СД.
>
> Их не следует ни при каких обстоятельствах размещать в лагерях для военнопленных».
>
> ...Этот приказ должен иметь обратную силу в отношении лиц, прибывших из Норвегии».

Эти лица, прибывшие из Норвегии, были английские «коммандос», которые взорвали в Норвегии электростанцию, не так ли?

Йодль: Это возможно, но я этого просто не знаю. Этого документа я никогда не видел здесь.

Робертс: Мне кажется, что я смогу напомнить вам об этом позднее.

Следующий документ я не читаю. Он кого-то по имени «доктор Хулле», которого я не знаю, и я не думаю, есть, что к этому добавить.

Следующий документ – третий в подшивке вашей светлости - датирован 9 октября и подписан: «Варлимонт». Он датирован 9 октября, свидетель?

Йодль: Да.

Робертс: Подписан Варлимонтом?

Йодль: Да, здесь подпись Варлимонта.

Робертс: В двух первых абзацах изложены факты, которые нам известны.

> «Фюрер желает, чтобы был издан приказ о соответствующем поведении военнослужащих.
>
> По настоянию штаба оперативного руководства правовым управлением вооруженных сил был составлен проект приказа.
>
> Вы должны совместно тщательно с ним ознакомиться и, если понадобится, привлечь к этому вопросу рейхсфюрера СС.
>
> Здесь речь идет о беседе между начальником контрразведки и заместителем начальника штаба оперативного руководства».

Затем в следующем документе содержится проект приказа, составленный правовым управлением:

> «Члены террористических и диверсионных отрядов британских вооруженных сил, которые явно нарушают правила честного ведения войны, будут рассматриваться как бандиты и подвергаться соответствующему обращению. Их следует беспощадно уничтожать

> как в бою, так и при побеге. Их следует временно арестовывать или, если они будут захвачены немцами не во время военных действий, их следует немедленно препроводить к офицеру для допроса, после чего передать в руки СД»
>
> Содержать их в заключении в лагере для военнопленных запрещается.
>
> Этот приказ должен получить распространение только среди командующих армий. Ниже его следует передавать только устно».

Скажите, вы помните, что вы разговаривали по телефону с начальником правового управления относительно этого приказа?

Йодль: Нет, я не помню этого.

Робертс: Хорошо. Взгляните, пожалуйста, на следующий документ. Он датирован 14 октября. Первоначально заголовок гласил: «Мероприятия репрессалий — военнопленные». Кто-то зачеркнул это и вместо этого написал: «Борьба против вражеских диверсионных отрядов».

> «Меморандум (беседа по телефону с начальником правового отдела вооруженных сил).
>
> Начальник правового отдела вооруженных сил беседовал с начальником штаба оперативного руководства вооруженных сил по телефону».
>
> Речь идет о вас, не так ли?

Йодль: Да, это был я.

Робертс:

> «Последний» - то есть вы – «сказал, что цель фюрера, данной акцией предотвратить метод ведения войны (заброску небольших подразделений, которые причиняют серьезные разрушения и затем сдаются)».
>
> Это являлось целью вашего приказа?

Йодль: Да, но используемые методы противоречили международному праву.

Робертс: Что же, это вопрос о котором вероятно ни мне, ни вам не спорить. Но если мне позволять задать вам вопрос: вы делали различие между британским лётчиком, который бомбардировал электростанцию с воздуха и британским парашютистом в форме, который высаживался рядом с ней и взрывал? Вы делали какое-либо различие в международном праве?

Йодль: Нет. Как таковое, уничтожение цели подразделением подрывников я считаю совершенно допустимым согласно международному праву; но я не считал допустимым надевать во время такой акции гражданскую одежду под военной формой и подмышечные пистолеты, стреляющие как только руки поднимались для сдачи в плен.

Робертс: Что же, есть две вещи, вы поймите, и один ответ, и я вообще не собираюсь спорить с вами, но когда, вы рассмотрите дело вы найдёте много, много случаев в

которых этих лиц казнили и на них не было ничего кроме формы.

Йодль: Мне кажется, такие случаи были достаточно редкими, чтобы путать этих людей с теми, кто носил гражданскую одежду.

Робертс: Что же, я не собираюсь спорить с вами, потому что есть другие документы и они должны, вероятно, быть подытоженны. Согласитесь ли вы с тем, что когда СД убивает, расстреливает действующего таким образом парашютиста, одетого в военную форму, а не в гражданское платье, согласитесь ли вы с тем, что это является простым убийством? Или же вы предпочли бы вообще не отвечать на этот вопрос?

Йодль: Я уже сказал, что если какой-либо солдат в полной военной форме проводит какую-либо операцию по взрыву или разрушению, я не считаю такое действие нарушением международного права. И поэтому я оказывал сопротивление приказу о «коммандос» в таком виде, в каком он был издан, почти до последнего момента...

Робертс: Я слышал ваш ответ и не буду более задерживаться на этом вопросе. Затем следует документ – я не хочу весь его зачитывать:

> «Начальник правового управления вооруженных сил высказался в отношении того, что в таких обстоятельствах следует учитывать пригодность приказа для опубликования. Статья 23с Гаагских правил сухопутной войны, которая запрещает убийства или ранение противника, который сложил оружие или невооружен либо если он безоговорочно сдался, должны быть разъяснены; когда правила сухопутной войны принимались такой способ ведения войны ещё не был известен и следовательно их правила к ним неприменимы».

А теперь, это была первая подшивка. Теперь я представляю вам…

Йодль: Я бы хотел коротко прокомментировать этот документ. Ни одного из этих документов я не видел прежде. Я их впервые вижу здесь; но они подтверждают, слово в слово, сказанное мной позавчера под присягой, что по своей собственной инициативе, члены моего штаба, так как они слышали, что фюрер потребовал исполнительный приказ, начали подготовительную работу по проекту такого приказа с правовым управлением и зарубежным управлением, но я не принял и не представлял каких-либо приказов фюреру.

Робертс: А теперь, я хочу представить вам другой документ, PS-1265.

Милорд, я приобщаю его как GB-487.

Итак, первый документ это подшивка с телетайпом датированным 13 октября и он подписан Канарисом. Свидетель, это так?

Йодль: Да, сообщение по телетайпу от Канариса.

Робертс: Да, и это телетайп в штаб OPS. Предмет «Обращение с военнопленными».

> «Относительно дискуссий и мер в развитие объявления ОКВ от 17 октября 1942 занято следующее общее отношение»:

Номер 1 не важен, он про связывание. Номер 2 важный:

«Обращение с саботажными подразделениями: саботажные подразделения являются солдатами и имеют право на обращение как с военнопленными. Саботажные подразделения в гражданской одежде или немецкой форме не имеет права на обращение как с военнопленными (francs-tireurs)»

Вы конечно, согласитесь, с верностью этого, не так ли? Остальное в документе не важно. Вы согласны, не так ли, с мнением в параграфе 2, как человека знакомого с международным правом?

Йодль: Да, я согласен с параграфом 2; он полностью соответствует моему мнению; он полностью согласуется с моей точкой зрения.

Робертс: Теперь я перехожу к следующему документу.

Обратитесь, пожалуйста, к документу, который озаглавлен: «Разговор по телефону, Содержание: письмо Ausland Abwehr[268] от 13.10. 42» Милорд, это откуда я только, что читал.

«Мнение правового управления вооруженных сил – параграф 2, то есть ссылается на мнение Канариса – фундаментально согласны.

Однако, возможно поддержать следующую линию мысли относительно особых случаев:

Боевые методы, такие как существуют теперь намечалось предотвращать задолго до создания Гаагских правил сухопутной войны, в частности как результат войны в воздухе. Особое внимание обращается на массовое использование парашютистов в диверсионных целях. Всякий, кто, будучи солдатом, совершает диверсионные акты с намерением сдаться в плен без боя, после того как он совершит диверсию, не поступает как честный солдат. Он неправильным образом использует права, предоставленные ему статьей 23-с, во время создания которой не предполагалось подобных методов ведения войны. Неправильное использование заключается в злоупотреблении сдачей в плен без боя после успешного совершения акта диверсии.

Это мнение о неприемлемости диверсионных отрядов можно, безусловно, поддерживать при условии, что мы также применим к себе эти условия».

На этом документе, наверху, имеются ваши инициалы, не так ли?

Йодль: Я читал этот документ. Он содержит точку зрения правового отдела ОКВ, которая по этому вопросу совпадает с точкой зрения фюрера. Она, в частности, подтверждает вполне соответствующую международному праву возможность нарушения международного права при известном условии, которое выражается в немедленной сдаче после боя в плен и тем самым в избавлении себя от опасностей

---

[268] Зарубежная разведка (нем.)

войны. Эту точку зрения можно оспаривать. Я не совсем разделяю ее, но это была точка зрения высшего правового отдела в то время.

Робертс: Очень многие храбрые солдаты сдаются, когда их окружают превосходящие силы противника, не правда ли? Многие германские солдаты тысячами сдавались в Бизерте и Тунисе. Каким образом это ставило их вне рамок международного права или его защиты?

Йодль: Но это были солдаты, которые сдавались в плен в обычных условиях войны, которые всегда признавал и фюрер. Это очень спорный случай, и с точки зрения международного права здесь возможны колебания. Но, как я уже сказал, эта мысль не принадлежит мне, она не имела ко мне никакого отношения. Я только принял ее к сведению.

Робертс: Очень хорошо. Милорд, средний документ, письмо подписанное «Леман», который был главой правового управления. Он просто подтверждает телефонный разговор, который я зачитал, и я не думаю, что необходимо зачитывать его снова. Оно перед подсудимым.

[*Обращаясь к подсудимому*] А теперь, последний из этих документов перед тем как приказ был окончательно и принят, суд уже видел, потому что он приобщался.

Это PS-1263, RF-365, это было в документальной книге Йодля, номер 2, страница 104.

Вы посмотрите на оригинал, пожалуйста.

Есть досадный пропуск на странице 110 в книге доктора Экснера, как я точно установил, непреднамеренный. Вы посмотрите на документ, датированный 15 октября 1942?

Милорд, я думаю, что он первый в вашей прошивке. Это страница 110. Это первый в отдельных документах. Это страница 110 книги доктора Экснера, и я извиняюсь перед ним, потому что я только, что заметил рукописную пометку. Она была закрыта, и я не видел это. Я извиняюсь.

Милорд…

Эта записка, не так ли свидетель, подписана Варлимонтом, вашим заместителем 15 октября. Я думаю, что вы найдёте её во второй документальной книге в вашей папке. Я не хочу зачитывать всё снова, потому что это читали, но вы увидите: «Предложение Amt Ausland Abwehr будет представлено в приложении 1».

Трибунал найдёт приложение 1, в котором он говорит – в котором, предлагается, под буквой «А», чтобы саботажные подразделения, которые носят форму предавались военно-полевому суду. Я не затрудняю вас этим более. И потом «В»; члены саботажных подразделений, которые являются виновными в недостойном поведении после захвата передаются в особое заключение. Вы говорите, что этого также не было?

И затем, если вы вернётесь к 15 октября, всего на два параграфа ниже:

> «Начальник WR» - то есть правового управления – «сделал заявление о том, что приказ следует подготовить таким образом, чтобы он учитывал наши собственные интересы…»

Свидетель, это «наши собственные интересы»? «Учитывать наши собственные интересы»?

Йодль: Да, «наши собственные интересы».

Робертс:

> «…наши собственные интересы учитывающие будущее ведение войны. Таким образом, он хотел бы избежать ответных мер, которые возникнут на нашем пути. Саботаж является существенной частью ведения войны во время тотальной войны; мы сами значительно развили такой метод борьбы».

И вы написали напротив этого, не так ли, «но англичане используют данный метод больше»?

Йодль: Да, это несомненный факт, что в то время войны англичане использовали его больше чем мы.

Робертс: Является ли это причиной для составления... приказа такого рода в целях того, чтобы попытаться лишить англичан намерения использовать диверсионные отряды?

Йодль: Нет, это вовсе не было причиной. Это лишь отрицание заявления, что мы сильно развили такой метод борьбы; отсюда моё замечание: «Да, но англичане делают это сильнее чем мы». Это, конечно, не имело никакого отношения к причине приказа.

Робертс: Тогда я не собираюсь занимать ещё время этим отдельным документом, кроме – у вас есть документ, датированный 14 октября с 1, 2, 3, 4, в конце? Я думаю это на отдельной странице, 1, 2, 3, 4.

Йодль: Да.

Робертс: В нём говорится:

> «С учётом мнения – для предотвращения вражеской борьбы в войне с использованием саботажных войск – следующие вопросы должны быть разъяснены до формулирования приказа:
>
> 1) Имеется ли у нас самих намерение забрасывать саботажные подразделения в зоне тыловых районов противника или в глубоком тылу?
>
> 2) Кто забросит больше саботажных войск, противник или мы?
>
> 3) Можем ли мы установить принцип: саботажные войска не ведут законную войну; они уничтожаются в бою без пощады?
>
> 4) Придаём ли мы внимание сначала аресту отдельных членов данных групп для допроса контрразведкой, а не немедленному убийству?»

Такими являлись соображения, которые обсуждались в вашем ведомстве

перед подготовкой приказов.

Йодль: Они являлись вопросами – не точками зрения – вопросами, которые были подняты оперативным штабом вооруженных сил в результате коммюнике вооруженных сил. К счастью, представление данных документов подтверждает совершенную правильность всего сказанного мною 2 дня назад. Штаб, правовое управление и зарубежное управление ломали свои головы и взвешивали как они могли подготовить исполнительный приказ включающий дополнения к коммюнике фюрера. Ни они, ни я не пришли к выводу, и не сделали предложений фюреру; ничего не было сделано. Вот почему я заявлял здесь позавчера и это то, к счастью, то что вы сами подтвердили, представив данные документы.

Робертс: Вы сказали, я думаю, что часть приказа фюрера вызвала ваше отвращение?

Йодль: Да.

Робертс: И вы говорили в своём допросе, что рассылка данного приказа была одной из вещей, которые шли против ваших внутренних убеждений – одна из нескольких вещей. «Вашим внутренним убеждениям» - используя ваши подлинные слова.

Йодль: На предварительном допросе я сказал, что это являлось одной из нескольких – или единственной – приказа полученного мной от фюрера, который я, себе на уме, полностью отвергал.

Робертс: Вы отвергали это, но этих молодых парней расстреливали, не так ли?

Йодль: Я уже описывал точно как командующие на фронте, решительно поддерживали меня, интерпретирую данный приказ наиболее мягким возможным способом; действительно, только несколько таких инцидентов случилось, и мне кажется большинство – в любом случае, почти всё что дошло до моего сведения – были сильно оправданы, потому что методы борьбы этих людей не являлись методами честных солдат.

Робертс: Поймите, вы говорили о «ваших внутренних убеждениях». Я думаю Кейтель говорил о «совести». Но мы бы ничего не услышали об этих убеждениях и совести, если бы Германия не проиграла войну?

Йодль: Нет, тогда бы мы могли услышать о задушенных в Дъеппе на похожем процессе.

Робертс: Уже очень поздно – теперь, я хочу разобраться с несколькими примерами, очень, очень быстро, об исполнении приказа, как вы сказали всего несколько раз. Я, прежде всего, хочу сослаться на UK-57, что на странице 309 документальной книги 7, немецкая копия страница 33 – немецкая копия страница 344. Извиняюсь, я привёл вам ошибочный номер. Я могу прочитать это. Это доклад с инициалами Кейтеля.

> «16 сентября 1942» - заметьте дату, это более чем за месяц до вступления в силу приказа коммандос – «10 англичан и 2 норвежца высадились на норвежском побережье, одетые в форму британского горнострелкового полка, тяжёловооруженные и снаряженные взрывчаткой любого назначения. После преодоления пересечённой

местности они взорвали важные сооружения на электростанции Гломфъорд 21 сентября. Немецкий часовой был застрелен. Норвежским рабочим угрожали хлороформом в случае сопротивления. Для этой цели англичане были снаряжены шприцами с морфием. Семь участников акции были арестованы. Остальные скрылись в Швеции».

Затем следуют семь имен, которые я зачитывал суду, я думаю, в январе. Они были расстреляны 30 октября 1942. Это было бы, расстрелом в результате приказа, который вы распространили, хотя его ещё не существовало, когда эти люди взрывали электростанцию. Вы говорили мне недавно, что электростанция это уместная военная цель. Эти люди были в форме. Вы можете начать оправдывать это?

Йодль: Нет, я не могу оправдать этого, и я не оправдаю это. Я считаю это совершенно незаконным, потому что данный приказ точно не являлся ретроактивным, но я не знал об этом деле тогда. UK-57 я прочёл первую и вторую часть здесь впервые; третью часть я прочёл в апреле 1944.

Робертс: А теперь, есть остальные образцы обращения с предметом, которые я не собираюсь представлять вам. На них ссылались ранее, и я не хочу кумулятивности. Я хочу, чтобы вы – или вероятно я сначала задам вам один вопрос.

Я думаю, излагалось, то, что о любой акции предпринятой по этому приказу фюрера должно было докладываться в сообщении Вермахта?

Йодль: Да, так было приказано.

Робертс: Да, я хочу привести вам пример сообщения Вермахта.

PS-526, USA-502, милорд, это 7а, страница 15. Это датировано 10 мая 1943, немецкая страница 21 из маленькой книги.

[*Обращаясь к подсудимому*] Есть пометка от сектора «Q» вашего штаба.

«30 марта 1943 в Тофтефъорде был замечен вражеский катер. Катер был подорван противником. Экипаж: 2 убито, 10 взято в плен.

Катер был отправлен из Скалловея (Шетланды) норвежским флотом.

Вооружение: два пулемёта Кольта, два станковых пулемёта, небольшой передатчик…1000 килограмм взрывчатки…

Задача: Формирование организации для саботажа на укрепленных позициях, артиллерийских позициях, штабах и казармах, мостах…

Приказ фюрера исполнен СД.

Сообщение Вермахта от 6 апреля объявил следующее:

В северной Норвегии в результате боя уничтожено вражеское саботажное подразделение, приблизившись к берегу».

Это была ложь не так ли?

Йодль: Я подтвердил это коммюнике от 6 апреля, которое включало полученное от командующего в Норвегии, так как я получил его 6 апреля; такая короткая

формулировка всегда исходила от командующего на фронте. Но то, что случилось в действительности, изложено в данной записке от 10 мая 1943, которую, к превеликому сожалению, я никогда не видел, потому что 10 мая 1943 я выехал на поезде в Бад Гастейн для начала лечения нескольких случаев люмбаго; и значит, к сожалению, я видел данный документ впервые в Нюрнберге. Я сожалею, потому что это был бы один из нескольких случаев, в которые я мог вмешаться.

Робертс: Свидетель, да, но – пусть это будет напротив вас – потому что вы увидели, что акция не предпринималась 10 мая; она была предпринята 6 апреля. Посмотрите на последний параграф:

> «Сообщение Вермахта от 6 апреля объявило следующее:
> …в результате боя уничтожено вражеское саботажное подразделение приблизившись к берегу».

В то время как, они были взяты в плен и затем расстреляны как собаки СД.

Йодль: Да, я только, что это сказал. Перед этим докладом от 6 апреля, я ничего не слышал обо всём деле, но только 10 мая это дошло до нашего сведения, и тогда оперативный штаб вооруженных сил подготовил эту записку. Всё расследование таких случае проводилось разведывательной службой, ведомством Канариса, вместе с полицией безопасности; это было не СД; это ошибка; это была полиция безопасности.

К сожалению, я не знал таких подробностей; разведывательная служба знала о них. Я занимался всем делом только, потому что я редактировал коммюнике вооруженных сил; иначе бы я никогда не занимался приказом коммандос; я был совершенно невиновен в этом.

Робертс: Я хотел бы привести вам еще один пример. Это документ PS-2610.

Милорд, это в маленькой документальной книге 7а, страница 23, немецкая маленькая книга страница 41.

Теперь я хочу, чтобы вы заметили, свидетель, это единственный документ на который я опираюсь, который не является одним из ваших захваченных показательных немецких документов. Этот документ является отчетом из отдела военного прокурора армии США. Здесь говорится о пятнадцати американских военнослужащих, расстрелянных согласно этому приказу. Если вы посмотрите на вторую страницу:

> «В ночь на 22 марта 1944, 2 офицера и 13 призывников особого разведывательного батальона армии Соединенных Штатов выгрузились с одной из лодок флота Соединенных Штатов на итальянском побережье возле Стационе де Фрамура. Все 15 человек являлись военнослужащими армии Соединенных Штатов и находились на военной службе Соединенных Штатов. Когда они высадились, они были по уставу одеты в форму армии Соединенных Штатов и не имели гражданской одежды. Их задачей было

уничтожение железнодорожного туннеля по основному пути между ла Специя и Генуей. Эта железнодорожная линия использовалась германскими силами для снабжения своих боевых подразделений у Кассино и берегового плацдарма Анцио фронтов».

Это было хорошей военной целью, тот тоннель, не так ли?

Йодль: Да, военная цель, абсолютно.

Робертс: И всех 15 человек расстреляли из-за приказа, который вы рассылали…

Йодль: Я не понял. Приказа который – который я рассылал; да.

Робертс: Который вы разослали 19 октября. Вы разослали дополнительный приказ к приказу фюрера, к последнему параграфу которого, я думаю, вы испытывали отвращение.

Йодль: Более правильно говорить «который вы должны были рассылать».

Робертс: Я сейчас подниму этот вопрос. Я не согласен. Я не должен с вами спорить, но должен задать некоторые вопросы.

Генерал Достлер[269], который приказал расстрелять этих людей, он сам, поймите, также был расстрелян по приговору военно-полевого суда.

Я собираюсь теперь перейти от приказа коммандос…

Йодль: Могу я сказать, что-нибудь об этом документе?

Робертс: Да, всё что хотите.

Йодль: Я никогда ничего не слышал об этом случае. По крайней мере, я не помню о нем. Насколько мне известно, он никогда не появлялся в коммюнике вооруженных сил, потому что генерал Достлер не докладывал об инциденте, своему командиру Кессельрингу, который смог бы добиться, и мог добиваться, иного развития данного дела.

Робертс: Почему вы говорите, что вы должны были рассылать данный приказ? Никто не может, принудить другого рассылать приказ об убийстве, пока он этого не сделает.

Йодль: Я подробно объяснял, что данный приказ не мог быть просто интерпретирован как приказ об убийстве, но что самые серьезные и оправданные сомнения могли возникнуть относительно международного права и относительно справедливости приказа. В любом случае, вам следует полностью учитывать такую деликатную ситуацию, потому что даже сейчас, при моём положении здесь, я не могу сказать и не могу сделать, как я хочу, о том, что я испытал за эти 5 ½ лет.

Робертс: Вы бы могли отказаться. Вы бы могли сказать остальным генералам, могли сказать, не так ли: «Мы достойные офицеры. Мы не опубликуем и не примем таких приказов»?

Йодль: Разумеется, в иных обстоятельствах это бы могло быть возможно, первое, если бы тогда у меня не было конфликта с фюрером, и во-вторых, если бы

[269] Антон Достлер (1891 — 1945) — немецкий офицер, Генерал пехоты во время Второй мировой войны. Расстрелян по приговору американского трибунала.

британское военное министерство упростило бы мою задачу. Однако, данные события и заявления сделанные британцами 2 сентября вызвали у фюрера ярость, против которой я был бессилен. Тому насколько я пытался сопротивляться, этот документ сам по себе лучшее доказательство, потому что угроза наказания и тщательное обоснование для него были направлены лично против меня.

Председатель: Господин Робертс, было бы подходящее время для перерыва?

[*Объявлен перерыв*]

Робертс: Я хотел бы задать вам несколько вопросов относительно депортации евреев из Дании. Пожалуйста, вы посмотрите на новый экземпляр, D-547, который я приобщаю как GB-488. Этот документ был адресован в оперативный штаб ОКВ командующим в Дании и датирован 20 сентября 1943 г. Это до телетайпа, который предъявили два дня назад:

> «Фюрер в принципе согласился с телеграммой Беста[270] о том, что еврейская проблема в Дании будет в скором времени разрешена путем депортации.
>
> Проведение этого мероприятия следует провести в то время, пока ещё существует военное положение. Нельзя точно установить, имеются ли достаточные полицейские силы для ареста евреев и их семей. Общее число евреев достигает примерно 6000 человек, из которых большинство проживает в Копенгагене. Для армии проведение этого мероприятия явилось бы тяжелой нагрузкой…
>
> Я полагаю, что результаты депортации будут весьма чувствительны…
>
> Выпуску военной промышленности будет нанесен ущерб. Необходимо будет примириться со значительными неполадками».
>
> Здесь на обороте имеется ваше замечание:
>
> «Мне ничего об этом неизвестно. Если командующим армией в Дании должно было быть проведено какое-либо политическое мероприятие, то высшее командование вооруженных сил должно получить об этом сведения через министерство иностранных дел».
>
> Соответствует ли это действительности?

Йодль: Да. Я сейчас не могу вспомнить об этом документе, однако это замечание действительно было сделано мной, и это доказывает то, что я до сих пор не знал, что, очевидно, этот вопрос обсуждался в Дании несколькими днями раньше и командующий войсками в Дании возражал

против этого. После этого я написал: «Я ничего об этом не знаю, это политическое

---

[270] Вернер Бест (1903 — 1989) — официальный юрист нацистской партии, обергруппенфюрер СС (20 апреля 1944), уполномоченный Рейха в оккупированной Дании (1942—1945). Датским судом был приговорён к пожизнённому заключении. Освобождён досрочно.

мероприятие. Если политическое мероприятие должно проводиться в Дании, то министерству иностранных дел следует сообщить
нам об этом».

Робертс: Я пропускаю один или два незначительных документа. Прошу вас обратиться к документу, датированному 1 октября 1943 г. – пятому или шестому документу в папке вашей светлости, номер D-547, датированному 1 октября 1943. Этот документ адресован из Дании высшему командованию германских вооруженных сил. Я цитирую:

> «Уполномоченный Рейха в Дании сделал следующий доклад рейхсминистру иностранных дел:
>
> 1. Арест евреев будет проведен в ночь с 1 на 2 октября. Из Зееланда их вывезут на пароходах…
>
> 2. Если я не получу указаний противоположного характера, я не намерен сообщать об этом мероприятии против евреев ни по радио, ни в печати» – и затем
>
> «3. …я намереваюсь оставить собственность эвакуированных евреев нетронутой для того, чтобы захват этой собственности не мог быть вменен нам в вину в качестве причины или одной из причин, вызвавших подобные действия».

Затем вы рассматриваете – автор, говорит об обратной стороне этих действий, и затем ставится один вопрос: «Известно ли рейхсфюреру СС?» Ответ гласит: «Рейхсфюрер СС об этом осведомлен и выражает свое согласие». Затем идет приписка, сделанная от руки почерком Йодля: «фюрер согласен». Это ваш почерк?

Йодль: Да, это мой почерк, но это замечание относится лишь к освобождению интернированных датских солдат.

Робертс: Хорошо, я понимаю.

Йодль: И затем в этом документе важно еще и то, что командующий в Дании пишет, что он намерен «оставить нетронутым имущество эвакуированных евреев». Он сказал:

> «…я намерен оставить нетронутым имущество эвакуированных евреев…».
>
> Он в то время имел исполнительную власть.

Робертс: Следующий документ, датированный 2 октября 1943 г. адресованный оперативному штабу ОКВ из Дании. Я цитирую:

> «Мероприятие в отношении евреев было проведено германской полицией в ночь с 1 на 2 октября без всяких инцидентов».

И затем последний документ, датированный 3 октября 1943, в оперативный штаб ОКВ:

> «Согласно заявлению уполномоченного Рейха, рейхсфюрер СС приказал, чтобы только рейхсфюрер СС как лицо, приказавшее

еврейскую акцию получил точные цифры об арестах.

Следовательно, уполномоченный, не дал цифр командующему германскими войсками в Дании. 232 еврея были переданы полиции через сборные пункты сторожевым батальоном Копенгагена».

Чем являлся сторожевой батальон Копенгагена?

Йодль: Я не могу этого сейчас сказать; я не знаю, как это осуществлялось. Это могло быть подразделение полиции; могло быть армейское; я не могу сказать с уверенностью. В любом случае, это было подразделение, которое использовалось только для сторожевой службы. Но интересно то, что я записал: «Данный вопрос нам совершенно безразличен», что подтверждает, что я не был заинтересован в деле, и отказался как-либо в нём участвовать.

Робертс: Да, я понял. Прежде всего, вы сказали, что сторожевой батальон мог не быть частью Вермахта. Вы…

Йодль: Это не точно. Я не желаю оспаривать принадлежность. В армии также были сторожевые батальоны, но равно и в полиции могло быть сторожевое подразделение. Я не могу сказать это точно, но генерал фон Ханнекен должен иметь информацию об этом.

Робертс: Но вы же были «достойными немецкими солдатами», что вы вчера упоминали, которых призывали, сгонят евреев в паутину СС?

Йодль: Нет здесь говорится: «…осуществляются полицией» и мне не кажется, что какое-либо подразделение Вермахта занималось депортацией евреев. Мне так не кажется; Вермахт отвергал такое.

Робертс: Грязную работу, не так ли?

Йодль: Мне не кажется, что это происходило; мне так не кажется.

Робертс: Затем идет приписка, сделанная вашей рукой: «Это нам совершенно безразлично». Вам было совершенно безразлично, сколько евреев было вывезено; это вас совершенно не интересовало?

Йодль: Я не хотел этого сказать. Однако это доказывает, что это было политическое мероприятие, с которым я не имел ничего общего. Я надеюсь, моё отношение к еврейскому вопросу, было чётко разъяснено.

Робертс: Куда отправляли евреев, в Аушвиц[271]?

Йодль: Нет. Французское обвинение читало это здесь; этих евреев о которых мы сейчас говорили передавали в Терезиенштадт; несколько пожилых людей умерло там, но со всеми обращались хорошо, и они получили одежду и продовольствие. У меня была такая же информация и данный документ датского правительства это подтверждает.

Робертс: Вы в это верите, не так ли?

---

[271] Концентрационный лагерь и лагерь смерти Освенцим (Концентрационный лагерь и лагерь смерти Аушвиц — комплекс немецких концентрационных лагерей и лагерей смерти, располагавшийся в 1940—1945 годах к западу от Генерал-губернаторства, около города Освенцим, который в 1939 г. указом Гитлера был присоединён к территории Третьего рейха, в 60 км к западу от Кракова.

Йодль: Да, мне так кажется, потому что датское правительство тут это подтверждает; в этом суде это подтверждалось самим обвинением.

Робертс: Я хотел бы теперь перейти к другой теме — к вопросу насильственного труда. Говорили ли вы в своей речи –посмотрите на запись вашей речи, страницы 38 и 39, и это страница 298 документальной книги 7, большой абзац, который начинается на странице 38 копии свидетеля. Там есть отрывок; Я думаю, этот лист озаглавлен «38». Вы смогли найти это для него.

> «Эта проблема недостатка рабочей силы привела к мысли о более тщательном использовании рабочей силы, имеющейся на оккупированных нами территориях. Понятия о правильном или неправильном смешались. Я считаю, что в отношении рабочей силы было сделано все, что могло быть сделано. И там, где этого еще не было сделано, по всей вероятности, в политическом отношении казалось более выгодным не прибегать к насильственным мерам для того, чтобы такой ценой установить порядок и добиться экономических успехов. Однако, по моему мнению, уже пришло время предпринять подобные шаги в Дании, Голландии, Франции и Бельгии со всей энергией и решительностью, не останавливаясь ни перед чем, делая это также и для того, чтобы заставить тысячи бездельников работать по возведению укреплений, то есть на работе, являющейся сейчас более важной, чем что бы то ни было. Необходимые в этой связи приказы уже были отданы (Документ L-172, экземпляр USA-34)».
>
> Вы об этом помните?

Йодль: То, что я составил однажды такой проект, в этом не может быть сомнений.

Робертс: И что же?

Йодль: Однако это не является доказательством того, что я это сказал.

Робертс: Но были ли отданы необходимые приказы о том, чтобы гражданское население оккупированных территорий работало по возведению немецких укреплений?

Йодль: В большинстве стран был издан закон о трудовой повинности. Вы, возможно, этого не знаете, но в Дании, Голландии, а также в Бельгии местные фирмы, которые сами доставали себе рабочих, которые им были положены по закону, сами производили работы на строительстве этих укреплений и население этих районов особо радовалось этому, потому что укрепляя своё побережье, они удостоверялись, что вторжение не случиться у них по-соседству. И, конечно, они были сильно заинтересованы в предотвращении вторжения, которое как они знали уничтожит всё. Хотя это звучит удивительно, местные жители работали на этих укреплениях, некоторые из них с величайшим энтузиазмом. Это факт.

Робертс: Нет, я вас не останавливаю. Но ведь были же отданы необходимые

приказы — об этом идет речь в последнем предложении — заставлять этих людей, насильно заставлять их, если они не хотели, работать на строительстве оборонительных укреплений. Я не говорю о людях, которые соглашались, а о тех, которые отказывались.

Йодль: Я понял. Я не знаю деталей этих событий, поскольку я не занимался этими вопросами. Однако я знал, что в оккупированных странах были введены законы о трудовой повинности.

Робертс: Очень хорошо. Я оставлю это, если вы сказали всё, что хотели сказать. Теперь взгляните, пожалуйста, на новый документ — PS-1383, который я приобщаю как GB-489. Это отчет об обсуждении текущей военной обстановки от 12 декабря 1942 г. Страницы 65 и 66, слова Йодля:

> «Военный командующий во Франции докладывает; число французских рабочих, вывезенных в Рейх, начиная с 1 июня, превысило сейчас 220 тысяч. По грубому подсчету, в Берлине сейчас имеется 100 тысяч рабочих-специалистов».

Скажите, установили ли вы, сколько человек из этих 220 тысяч прибыли добровольно?

Йодль: Я не могу это сказать. Здесь я лишь прочитал выдержку из донесения, которое было приложено к отчету об обстановке во Франции. Этот крупномасштабный обмен между военнопленными и рабочими уже был в действии и подробно описывался Заукелем.

Робертс: Я перейду к следующему вопросу. Я хочу задать вам всего два вопроса относительно Шталага авиации III в Сагане.

Вы вчера показали, что после случая расстрела, происшедшего в Сагане, вы больше не считали Гитлера «гуманным». Вы говорили это?

Йодль: Я уже сказал вчера, что в тот момент у меня было впечатление, что он отступает от всех человеческих понятий права.

Робертс: Вы думали, что он был гуманным до марта 1944?

Йодль: До того времени, я лично не знал ни о какой акции, которую нельзя было законно оправдать, по крайней мере международным правом. Все его предыдущие приказы, насколько мне известно, могли быть оправданы неким образом. Они являлись репрессалиями. Но данный акт не являлся репрессалией.

Робертс: Согласитесь ли вы со мной — я не употребляю слишком сильного выражения, — что расстрел этих пятидесяти летчиков являлся типичным убийством?

Йодль: Я вполне с вами согласен, я считаю это явным убийством.

Робертс: Как могли достойные генералы идти на службу к убийце с неустанной верностью?

Йодль: Я не служил с неустанной верностью после этого события, но я делал всё в своей власти, чтобы избежать дальнейшей несправедливости.

Робертс: Теперь я перехожу к другому вопросу, к вопросу о разрушениях, произведенных в Норвегии. Это документ PS-754. Его ещё не приобщали. Я приобщаю его как GB-490. Этот документ подписан вами, не так ли?

Йодль: Этот документ давно известен мне, и он подписан мною.

Робертс: Хорошо. Он датирован 28 октября 1944 г. и исходит из вашего штаба. Этот документ был направлен верховному командованию армии, главнокомандующему войсками в Норвегии, рейхскомиссару в Норвегии, а также командованию флота.

> «Ввиду того что население Северной Норвегии не желало эвакуироваться добровольно, фюрер согласился с предложениями, выдвинутыми рейхскомиссаром, и приказал, чтобы все норвежское население к востоку от фьорда Линген было эвакуировано силой в интересах их собственной безопасности и что все их жилища должны быть сожжены дотла.
>
> Командующий войск в Северной Финляндии несет ответственность за безусловное выполнение приказа фюрера. Только таким путем можно предотвратить то, чтобы русские со своими сильными войсками не использовали эти жилища, а также при помощи людей, знакомых с местностью, не преследовали нас во время наших операций отступления зимой, через значительный промежуток времени не появились бы неподалеку от наших позиций в Лингене. В данном случае не должно иметь места никакого сочувствия к гражданскому населению».

Линген находится на крайнем севере Норвегии, на западном побережье, не так ли?

Йодль: Нет, на северном побережье. Этот город расположен там, где Финляндия ближе всего соприкасается с полярным побережьем и до Норвегии остается совсем небольшое пространство.

Робертс: Этот приказ был выполнен, о чем можно судить на основании норвежского отчета, документ UK-79, который трибунал найдёт как последний документ в маленькой книге 7а, страница 26 норвежского доклада, внизу страницы, страница 26:

> «В результате продвижения русских войск и отступления германской армии, немцы в октябре — ноябре 1944 года стали впервые в Норвегии применять политику «выжженной земли». Были изданы приказы о том, что гражданское население должно эвакуироваться, а все жилища, транспортные средства и другие сооружения должны быть уничтожены. В результате этого было разрушено 30 тысяч домов, помимо того нанесен ущерб 12 тысячам мелких строений, выразившийся в сумме 176 миллионов крон».

И затем, для фотографий трибунал перевернет на страницы 62 и 63; 62 это

копия немецкого приказа и 63 это фотография руин рыболовецкой деревни.

Свидетель, это был жестокий приказ, не так ли?

Йодль: Нет не так. Я хочу сделать несколько пояснительных замечаний об этом. Типично, так как я всегда говорил, данного приказа требовал от фюрера рейхскомиссар Тербовен, а не солдаты, вопреки воле которых он был.

Во-вторых, данный приказ не осуществлялся, потому что иначе города Киркенес, Хаммерфест и Альта сегодня больше бы не существовали. Всё это города к востоку от фьорда Линген. На практике данный приказ смягчался нашими войсками по согласованию со мной, и в разговорах с моим братом, который командовал в том регионе – и кого я хотел вызвать в качестве свидетеля, поскольку я ожидал представления данного документа – это смягчалось до такой степени, что фактически, уничтожалось только необходимое с военной точки зрения и то, что могло быть оправданным согласно статье 23 Гаагских правил сухопутной войны. Иначе, ни одного города или дома не осталось бы сегодня в северной Норвегии; и если вы поедите туда, вы увидите, что эти города всё еще стоят и не уничтожены.

Командующий вооруженными силами в Норвегии сильно протестовал против такого отношения Тербовена, и я повторял эти возражения фюреру в похожих терминах, но вместе с тем он требовал, чтобы данный приказ был отдан. Мы, следуя своим гуманистическим сантиментам, выполняли этот приказ лишь в той части, в которой это было необходимо с военной точки зрения. Таковы факты.

Робертс: Я думаю, вы говорили, когда вас допрашивали, что ваш брат жаловался об этом приказе, не так ли?

Йодль: Да, вполне, он был в ярости от него.

Робертс: Очень хорошо. Теперь я собираюсь перейти к двум документам относительно обращения с норвежским гражданским населением.

Они находятся в вашей документальной книге 1, страницы 99 и 100 – что же, они начинаются на странице 98. Это правила о поведении при оккупации Дании и Норвегии. И они являлись инструкциями войскам по обращению с жителями вежливо и по-хорошему и поведению себя с тактом. Это правильно, разве нет?

Йодль: Да, это правильно.

Робертс: И им следовало говорить, что они вступали в Норвегию для защиты страны и безопасности их жителей. Кажется это на странице 99. Это довольно эвфемистическое описание внезапного вторжения без объявления войны, не так ли?

Йодль: Да, но сначала это проводилось в целом в честной мирной манере.

Робертс: С вашей точки зрения?

Йодль: Нет, также с точки зрения норвежцев. Самые крайние вещи…

Робертс: Что же, вам известно, мы видели – мы видим в докладе норвежского правительства фотографию за фотографией этих городов и деревень разбомбленных до руин. Это являлось вашей идеей образцовой оккупации?

Йодль: То что было разбомблено в день высадки вряд ли стоит упоминать; всего

лишь несколько береговых батарей и несколько укреплений, но не городов. Деревни уничтожались позднее в битве с английской бригадой у Домбаса и Лиллехаммера, но ничего не уничтожалось, когда страна была впервые оккупирована. Тогда норвежцы только стояли на своих причалах, с руками в карманах и наблюдали с большим интересом.

Робертс: Свидетель, и естественно, если бы вы смогли высадиться без сопротивления и оккупировать страну без сопротивления, так было бы для вас лучше? Это очевидно, не так ли?

Йодль: Да, несомненно; это было бы даже лучше; и с норвежцами точно бы обращались лучше во время оккупации, если бы Тербовен не пришёл.

Робертс: Итак, я хочу, чтобы вы посмотрели на часть этого документа, которая, вполне уместно, конечно, не зачитывалась.

Это приложение 5, которая будет частью, милорд, я полагаю, экземпляра AJ-14, номера который присвоили документу, когда его предъявляли в ходе основного допроса. Но я передаю трибуналу, копии приложения 5, потому что оно не появилось в документальной книге Йодля.

[*Обращаясь к подсудимому*] Что же, теперь, приложением 5, я могу описать сказку с печальным концом документа:

> «Руководящие принципы по отношению войск в оккупированных районах.
>
> Только» - я не читаю несколько первых параграфов – Только в случае оказания гражданским населением сопротивления или враждебного поведения могут осуществляться следующие решения:
>
> 1) Если гражданское население оказывает сопротивление или если имеется угроза нападений, следует принципиально использовать арест, заложников. Заложников следует арестовывать только по приказам командира полка или командира равного ранга.
>
> При размещении и питании заложников следует помнить, что они задержаны не за преступления. Заложники и население информируются о том, что заложники будут расстреляны при любой враждебной акции. Предшествующее санкционирование командиром дивизии сохраняется…»
>
> Затем:
>
> «Вооруженное сопротивление гражданского населения следует сокрушать силой оружия»
>
> Последняя фраза на этой странице:
>
> «Смертная казнь налагается за насилие любого рода против германских вооруженных сил. Немедленные суды будут проводиться военно-полевом суде. Командир полка, может назначить военно-полевой суд, включающий одного капитана, одного сержанта, одного

капрала, понятых, выносящий приговор в письменном виде. Вердиктом будет смертная казнь при наличии вины, иначе оправдывать. Приговор будет исполняться непосредственно после утверждения приговора командиром полка.

Следующее необходимо считать актами насилия: саботаж, уничтожение наших линий связи, перерезание телефонных проводов, разрушения, и т. д».

Немного резко, не так ли? Только смертная казнь?

Йодль: Инструкции, являлись, слово в слово соответствующими нашим директивам, которые во время мира, были изложены группой экспертов по международному праву в сотрудничестве с министерством иностранных дел и немецкими профессорами международного права. Было бы лучше, если эти, наши военные инструкции, наши военно-полевые процедуры были изложены до начала войны, которым следовали бы повсеместно. Наши официальные директивы излагались по вопросу заложников с точки зрения международного права, и нет сомнения, что согласно международному праву применимому к 1939, взятие заложников допускалось.

Робертс: Я предложу вам, так как вы затронули положение, что нигде в международном праве вы не найдете легализации расстрела заложников.

Йодль: Тогда это чётко не запрещалось никаким международным правом. Мне кажется это открытый вопрос. В нашей директиве, даже в справочнике по тактике, концепция взятия заложников излагалась годами.

Робертс: Это могло быть так, и я не хочу спорить с вами об этом. Я предложу вам, что Гаагские правила защищают жизни гражданских в оккупированных странах, до тех пока они не совершают преступления, конечно, и также запрещают коллективное наказание невиновных.

Если вы больше не хотите говорить об этом – я не хочу останавливать вас если вы так сделаете.

Йодль: Я могу лишь подытожить и сказать, что каждое слово здесь соответствует директивам применимым в германской армии и эти директивы не являлись незаконными. Но можно спорить об этой проблеме с экспертами по международному праву.

Робертс: Очень хорошо. Итак, вы посмотрите на один другой документ касающийся Норвегии? Это D-582.

Милорд, это новый документ, и я приобщаю его как GB–491.

[*Обращаясь к подсудимому*] Это тот документ, который исходил из вашего ведомства?

Йодль: Да. Он исходил от оперативного штаба вооруженных сил, сектора квартирмейстера.

Робертс: Он вам известен или нет?

Йодль: Я не могу его вспомнить, но на нём есть мои некоторые пометки, и я несомненно видел документ.

Робертс: О, да. Свидетель, где эти пометки?

Йодль: Они на обратной стороне сообщения телетайпом.

Робертс: О, я понял, что вы имеете в виду, да. Что же, рассмотрим прежде всего – я забыл, что вам дали более чем один документ. Вы возьмёте прежде всего документ датированный 2 февраля 1945? Я думаю он сверху.

Йодль: На документе нет моих замечаний, а значит я не могу сказать точно, что его видел.

Робертс: Просто взгляните на него и скажите мне, видели ли вы его.

Йодль: Я не думаю, что это видел – я не вспоминаю, чтобы когда-либо читал его.

Робертс: Что же, тогда, я не думаю, что будет правильным перекрестно допрашивать вас об этом документе.

Милорд, в таком случае, я прошу отозвать его, и я не приобщаю его в качестве доказательства.

Председатель: Я думаю, подсудимый сказал, что он был из его ведомства.

Робертс: Очень хорошо, тогда. Я сделаю – сделаю это.

[*Обращаясь к подсудимому*] Подсудимый, вы увидите, что говорит документ. Он датирован 2 апреля 1945; он касается…

Йодль: 2 февраля.

Робертс: Это 2 февраля. Он касается доклада рейхскомиссара Тербовена фюреру. Он говорит:

> «Ответственные за покушения и осуществление саботажа незаконные элементы внутри Норвегии с буржуазно-национальным большинством и коммунистическим меньшинством, также как и отдельные группы, которые напрямую идут из Англии или Швеции…
>
> Буржуазно-национальное большинство противостоит коммунистическому меньшинству в концепции саботажа и убийств и в частности относительно их степени и характера. Это сопротивление…стало заметно слабее в течение прошлого года войны.
>
> Официальные ведомства правительства в изгнании, как например крон-принц Улаф[272], так называемый главнокомандующий норвежскими вооруженными силами, и различные другие, призывают население в речах и приказах осуществлять саботаж. Как результат есть хорошая возможность подавить здесь любого поддерживающего правительство в изгнании как интеллектуального зачинщика или пособника.
>
> Целью грядущих мер следовательно должно быть: «а) усиление власти

[272] Улаф V (1903 — 1991) — король Норвегии с 1957 года, сын короля Норвегии Хокона VII.

и противодействие против саботажников угрозами самым влиятельным классам руководителей в буржуазном лагере; b) соответственно всё большее и большее усиление антагонизма между буржуазией и коммунистами…»

И затем «Предложения». Это предложения из вашего ведомства, видимо:

«1. В частности влиятельных представителей открыто анти-германского и антинационал-социалистического класса промышленников расстреливать без суда по обвинению в том, что они являются интеллектуальными зачинщиками или пособниками и заявляя, что они осуждаются в рамках проведения полицейских расследований.

2. Похожих людей из того же круга направлять в Германию для работы на укреплениях.

3. В случаях, когда обстоятельства являются наиболее подходящими, слушания проводятся судом полиции и СС, с исполнением приговора о смертной казни публично».

Есть другие предложения, которые мне не требуется зачитывать. И потом предпоследний абзац:

«Фюрер лишь частично согласился с этими предложениями. В особенности в связи с усилиями по защите от актов саботажа он отказал во взятии заложников. Он отказал в расстреле влиятельных норвежских представителей без суда» - что подчёркнуто синим карандашом».

Это ваш синий карандаш?

Йодль: Нет, не мой.

Робертс: Вы поймите, это заметный документ, свидетель, потому что это один из примеров, в которых ваше ведомство предложило курс того, что я предположу как жестокую акцию, которую фюрер сразу отверг.

Йодль: Господин Робертс, мне кажется, вы где-то ошиблись. Никакого предложения здесь не делалось, но оперативный штаб вооруженных сил уведомил военного командующего в Норвегии о том, что сказал фюреру рейхскомиссар Тербовен. Он докладывал фюреру, сначала об общей ситуации и потом сделал предложения, упомянутые здесь; и оперативный штаб вооруженных сил, который очевидно имел представителя на той встрече – я не был там – немедленно уведомил военного командующего о благообразных предложениях его друга Тербовена.

Вот то, что случилось и эти предложения шли далеко – они были слишком даже для фюрера. Но они не являлись нашими предложениями.

Робертс: Свидетель, очень хорошо, я услышал ваш ответ и суд учтёт его. Его можно принять. Документ говорит сам за себя.

Председатель: Вы прочитаете первое – описание темы «Ориентирование

относительно доклада рейхскомиссара Тербовена фюреру»?

Робертс: Да. Это первое – то есть предмет, не так ли, свидетель «Ориентирование относительно доклада рейхскомиссара Тербовена фюреру?» Чьё ориентирование? Вашего ведомства?

Йодль: Ориентирование горной армии, то есть генерала Бёмё[273]. Генерал Бёмё как командующий 20-й горной армии высшего командования, уведомляется о докладе фюреру рейхскомиссара Тербовену, для того, чтобы он знал, что предлагал его друг Тербовен. Это не более чем информация о том, что Тербовен сказал фюреру. Я не могу сказать вам, кто присутствовал; я там не был. Всё дело не исходило от меня; я никогда его не видел.

Робертс: Что же, теперь, второй документ, это от Тербовена Борману от 28 октября 1944. То, что относительно эвакуации востока от Лингена. Я не думаю, что мне требуется это читать. Потом, следующий документ, может быть второй документ, это телетайп от 6 апреля 1945, от оберфюрера Фелиса[274], оберфюрера СС в оперативный штаб, и оно говорит:

> «В соответствии с инструкциями ОКВ (WFSt)… датированными 29 марта 1945, с членами норвежского движения сопротивления которые входят в организованные подразделения и которых легко опознать как комбатантов по нарукавным повязкам или иным знака различия следует обращаться как с военнопленными».
>
> И затем оберфюрер СС говорит:
>
> «Я считаю приказ совершенно нетерпимым. Я ясно объяснил это подполковнику Хассу и майору Бенце из оперативного штаба вооруженных сил, которые находились там. В Норвегии имеются изолированные появления групп в форме, но сражений пока не имеется. Направлялись запросы в штаб обороны в Лондоне о том следует ли оказывать сопротивление в случае акции германской или норвежской полиции. Пока нет никакой партизанской или иной борьбы в Норвегии. Однажды, захваченные члены военной организации в форме потребовали обращения как с военнопленными. Если данное требование удовлетворить в данный момент, результатом будет активная борьба со стороны созданных военных организаций. Пожалуйста добейтесь отмены приказа оперативного штаба вооруженных сил».
>
> И вы, вы высказались об исключении изъятия, не так ли?
>
> «Возражение оправданно. Норвегия имеет собственное правительство.

---

[273] Франц Бёмё (1885 — 1947) — австро-немецкий офицер, генерал горнострелковых войск, военный преступник. В 1941 и 1944 командующий германскими войсками в Сербии. Покончил жизнь самоубийством во время судебного процесса в американском трибунале.

[274] Хейнрих Фелис (1906 – 1945) – с 1940 по 1945 командир СД и Зипо в Норвегии. Покончиль жизнь самоубийством во время задержания союзниками.

Любой, кто сражается против этой страны мятежник. Другой вопрос в случае норвежских войск которые забрали в Англию и оттуда доставили для борьбы по приказу Англии».

Это ваша заметка?

Йодль: Да.

Робертс: И вы стоите на ней, не так ли? Я имею в виду – это является вашим мнением сегодня?

Йодль: Да, именно так. Я считаю с точки зрения международного права, что членов движения сопротивления против собственного норвежского правительства разумеется нельзя было считать обычными войсками, а мятежом, восстанием. Но если норвежские войска прибывали в Норвегию из Англии, тогда они были обычными солдатами. И сегодня, у меня также же мнение на основании международного права.

Робертс: Что вы называете их собственным норвежским правительством, марионеточное правительство, которое создали немцы?

Йодль: В любом случае, там было правительство Квислинга; и в любом случае, говоря сейчас с точки зрения международного права, мы оккупировали страну и следовательно, согласно международному праву, были оправданы в принятии законов и их правоприменении. Это предпринималось согласно международному праву и сопротивление против него рассматривалось во всём мире как восстание. Тоже самое относится к Германии сегодня.

Робертс: Теперь, я хочу достаточно кратко разобраться с тремя другими предметами, и затем я закончу. Я хочу сначала разобраться с тем, что вы говорили относительно предложения Гитлера о выходе из Женевской конвенции. Вы сказали, что вы были настойчивы в предотвращении выхода из Женевской конвенции?

Йодль: Да.

Робертс: Не взглянете ли вы на документ С-158, GB-209. Я думаю у вас есть неточные копии него; он не в документальной книге. Он был представлен обвинением по делу Дёница и озаглавлен: «Выдержки из протокола совещания у Гитлера 19 февраля 1945г.».

«19 февраля 1945г. на совещании присутствовал главнокомандующий флотом.

Фюрер рассматривает вопрос о том, следует ли Германии отказаться от Женевской конвенции. Так как не только русские, но также западные державы нарушают международное право своими действиями против беззащитного населения и жителей округов, кажется необходимым следовать такому же курсу с целью показать противнику, что мы определились бороться всеми средствами за наше существование и также призвать наш народ сопротивляться до последнего. Фюрер приказал главнокомандующему флотом учесть за

и против и заявить о своём мнении».

Затем, ниже, милорд - главнокомандующий флотом на совещании у Гитлера 20 февраля говорит следующее:

«Главнокомандующий флотом сообщил генералу Иодлю и представителю министра иностранных дел — послу Хевелю[275] о своих взглядах относительно возможного отказа Германии от Женевской конвенции. С военной точки зрения нет никаких оснований для совершения этого шага в отношении ведения войны на море. Напротив, отрицательные стороны берут перевес над преимуществами; даже с общей точки зрения командующему флотом кажется, что это мероприятие не принесет никаких преимуществ. Было бы лучше, если бы мероприятия, которые мы считаем необходимыми, были проведены без предупреждения и любой ценой была соблюдена видимость для внешнего мира. Начальник штаба оперативного руководства вооруженных сил и посол Хевель пришли к полному согласию».

Вы сказали, что согласились со словами Рёдера: «Нарушайте Женевскую конвенцию, но не говорите миру о том, что вы так поступаете».

Йодль: Гросс-адмирала Дёница.

Робертс: Совершенно верно, Дёница. Прошу прощения. Это то, что вы сказали, не так ли?

Йодль: Нет. Всё дело, как я сказал, в уведомлении адмирала Вагнера о совещании из которого можно понять лишь то, что гросс-адмирал Дёниц не одобрил, и что он предположительно сделал замечание в конце. Я вряд ли могу рассчитывать на такое замечание сегодня, потому что единственная причина которую привёл нам фюрер заключалась в том, что это должно предотвратить дезертирство огромного количества немецких солдат на Западе вследствие вражеской пропаганды о хорошем обращении. Я не могу объяснить это замечание, и в своём письменном проекте который я подал фюреру и который содержит отношение флота, этой фразы не было, а только сравнивались недостатки и преимущества. Недостатки преобладали, всё это было полностью непрактичным и невозможным и поэтому не было осуществлено. Больше я не могу сказать. Свидетели подтвердят моё заявления.

Робертс: Я сейчас предъявлю вам ваш собственный документ D-606.

Милорд, это пока не регистрировали. Я приобщаю его как экземпляр GB-492.

[*Обращаясь к подсудимому*] Этот документ подписан вами, не так ли? Здесь речь идет о нарушении Женевской конвенции. Я хотел бы, чтобы вы прежде всего сказали, подписан ли вами этот документ? Он подписан вами? Пожалуйста,

---

[275] Вальтер Хевель (1904 — 1945) — немецкий дипломат во время Второй мировой войны и в межвоенный период, активный член НСДАП. Представитель МИД Германии при ставке Гитлера.

ответьте на мой вопрос: он вами подписан?

Йодль: Да, здесь, в конце документа имеется моя подпись.

Робертс: Что же, это там где обычно находится подпись. Теперь, он датирован 21 февраля 1945, и он написан на листе с вашим бланком. И затем «Записи о докладе представленном фюреру 23 февраля начальником оперативного штаба. Изучались следующие вопросы».

Милорд, я не предлагаю зачитывать его весь или что-нибудь такое. Если свидетель будет следить за мной, я прочитаю всё, что он захочет. Но это обсуждение различных преимуществ и недостатков выхода из различных международных соглашений и я думаю я не совершу несправедливость к свидетелю, если я скажу об утилитарной, нежели моральной точкой зрения.

Йодль: Да, совершенно верно. Так как единственной целью было добиться успеха у фюрера документ соответственно сформулировали.

Робертс: Хорошо. Теперь я хотел бы огласить последний абзац.

Милорд, это предпоследняя страница документа вашей светлости, в самом низу:

«С. Предложение ОКВ:

В настоящий момент отрицательные стороны отмены соглашений, которых мы до сих пор придерживались, во всяком случае, намного превышают преимущества. Так же как мы в 1914 году совершили ошибку, когда мы торжественно объявили войну всем государствам, которые в течение длительного времени хотели вести войну против нас, и таким образом возложили на свои плечи всю вину за войну перед всем внешним миром; так же как было неверным признать, что необходимость — отметьте слово «необходимость» — прохода через Бельгию в 1914 году была нашей собственной виной, в той же степени сейчас было бы неверным открыто отказаться от обязательств, налагаемых международным правом, которые мы приняли на себя, и, таким образом, вновь выступить перед внешним миром в качестве виновных.

Соблюдение принятых на себя обязательств ни в коей мере не требует, чтобы мы налагали на себя ограничения, которые мешали бы нам вести войну. Например, если англичане потопят госпитальное судно, то это должно быть использовано в целях пропаганды, как это и делалось до настоящего времени. Это, конечно, нисколько не мешает нам тотчас же потопить английское госпитальное судно в качестве репрессалии, а затем выразить свое сожаление, сославшись на то, что это было ошибкой, так же как это делают англичане».

Это звучит не очень благородно, не правда ли?

Йодль: Я могу по этому поводу лишь сказать, что это был метод, при помощи

которого только и можно было добиться успеха у фюрера. Если бы я пришёл к нему с моральными или чисто юридическими аргументами, он бы сказал: «Избавьте меня от таких глупых разговоров» и он бы приступил к выходу из конвенции, но такие вещи вынудили его пересмотреть шаг и соответственно его не делать.

Вы должны, в конце концов, доверится мне в том, что в конце 5 ½ лет я лучше всего знал, как достичь хороших результатов у него и избежать плохих. Моей целью являлось добиться успеха, и я его добился.

Робертс: Но поймите, вы там выражали сожаление, тому факту, что вы говорили миру правду в 1914. В 1914 вы сказали, что вы отнеслись к договорам как к мусору. Теперь вы говорили: «Как глупо было говорить миру правду в 1914. Мы должны были говорить ему некую неправду, и тогда бы у нас была репутация получше».

Йодль: Это был аргумент, который фюрер часто использовал. Если можно повторять его аргументы в такой форме снова и снова, его можно было сильнее склонить к принятию и прочтению предложений. Следовало предотвратить спускание им на тормоза наших предложений в приступе ярости и немедленного объявления денонсации. Такому приходилось следовать. Если нельзя делать хорошее открыто, лучше делать это в окружную чем не делать вообще.

Робертс: Теперь я перехожу к совершенно иному положению: вы признавали принципы нацистской партии?

Йодль: Нет.

Робертс: Вы считали, что успешное соединение между нацистской партией и Вермахтом, приведёт обновлению и восстановлению Германии после 1933?

Йодль: Это должно было случиться, и я надеялся долгое время, что так случиться; на самом деле, в целом отношения улучшались по ходу лет и в особенности во время войны. Сначала они были слабыми, очень слабыми.

Робертс: Вы писали – пожалуйста, я читаю из вашей речи, L-172. Это страница 290 документальной книги 7 и это страница 6 ваших лекционных записей, страница 290 документальной книги 7 и 203 немецкой:

> «Факт, что национал-социалистическое движение своей борьбой за внутреннюю власть подготовило этап для внешнего освобождения от оков диктата Версаля мне не требуется преувеличивать в данном кругу. Однако, я хочу упомянуть, насколько чётко всё мыслящие обычные солдаты осознавали какую важную роль играет национал-социалистическое движение в пробуждении воли к борьбе, в подпитке силы борьбы и в вооружении немецкого народа. Несмотря на все существующие добродетели тот маленький Рейхсвер не мог выполнить такую задачу, из-за ограниченного радиуса действия. Именно, к этому фюрер стремился и с успехом достиг добившись соединения двух сил».
>
> Это представляет ваше честное мнение или нет?

Йодль: Да, это исторический факт, неоспоримая историческая правда. Движение этого добилось; это так.

Робертс: Очень хорошо. Тогда, теперь я хочу представить вам предпоследний документ, который я приобщаю.

Милорд, он не приобщался. Это PS-1808. Я приобщаю его как GB-493.

[*Обращаясь к подсудимому*] Вы произнесли речь, не так ли, после покушения на Гитлера, своему штабу? И это является записями вашей речи от 24 июля?

Йодль: Я никогда не видел документа раньше; я вижу его впервые. Я не знаю о каких-либо записях сделанных о речи.

Робертс: Что же, пройдем поэтапно. Вы произносили речь своему штабу вскоре после покушения на Гитлера – 24 июля 1944?

Йодль: Да, даже с перевязанной головой.

Робертс: Во-вторых, этот документ, который перед вами, этот документ поступил из ваших материалов? Посмотрите на обложку если необходимо.

Йодль: Я так полагаю. Он озаглавлен «Журнал боевых действий оперативного штаба вооруженных сил». Наиболее, похоже, что это записи майора Шрамма.

Робертс: Позвольте мне начать с начала этих записей. Посмотрим, сможете ли вы вспомнить, что говорили. Вы начали, сказав: «20-го июля было самым мрачным днём в германской истории, которые видели до сих пор, и который останется таковым на всё время»?

Йодль: Да вполне возможно.

Робертс: Почему это был настолько мрачный день для Германии? Потому что кто-то попытался убить человека, которого вы теперь признаёте убийцей?

Йодль: Я должен был – в тот момент, когда я должен был взлететь на воздух из-за трусливого, коварного поступка одного из моих товарищей, вместе с многими оппонентами режима – вероятно я должен был это одобрить? Для меня это было худшей вещью. Если бы человек с пистолетом в руках застрелил фюрера и затем сдался, это была бы совершенно другая вещь. Но такую тактику я считаю совершенно омерзительной для любого офицера. Я говорил под впечатлением тех событий, которые были худшими, что я знал, и придерживаюсь сегодня того, что говорил.

Робертс: Я не хочу с вами спорить, но вы думаете, что это более трусливо чем расстрелять 50 американских солдат, которые высадились в северной Италии для уничтожения военной цели, расстрелять их как собак?

Йодль: Несомненно, это тоже было убийством. Но не задача солдата судить о своём главнокомандующем. Истории или всевышнему делать это.

Робертс: Очень хорошо. У меня есть ещё три вопроса.

Милорд, я собираюсь прочитать со страницы 2 этого документа, приблизительно 10 строк сверху. Это начинается с «Фюрер…»

[*Обращаясь к подсудимому*] Я прочту это медленно, вероятно вы сможете узнать это.

«Фюрер игнорировал эти и другие вещи, и теперь предполагаемые убийцы пожелали устранить его как «деспота».

Вы помните, что говорили это или нечто такое? Вы смогли найти место?

«Фюрер игнорировал эти и другие вещи, и теперь предполагаемые убийцы пожелали устранить его как «деспота».

Вы это помните?

«И это в то время как, они сами знали о том, что фюрер не пришёл к власти силой, а был вознесён любовью немецкого народа».

Вы вспомнили, что говорили это.

Йодль: Да, это правда. Он пришёл к власти, вознесенный любовью немецкого народа. В этом отношении у меня огромный опыт. Над ним довлела любовь народа и солдат.

Робертс: Вознесенный – я прошу прощения, вы закончили? Я не хочу прерывать вас.

Йодль: Да, я разобрался с вопросом.

Робертс: Вознесённый любовью немецкого народа. Вы забыли СС, Гестапо и концентрационные лагеря для политических противников, не так ли?

Йодль: Я говорил вам насколько мало, к сожалению, я знал обо всех таких вещах, почти ничего. Конечно, зная о таких вещах, я говорил бы по-другому.

Робертс: Я принимаю ваш ответ, и я представляю вам последний документ.

Милорд, это новый документ, PS-1776; я приобщаю его как GB-494.

[*Обращаясь к подсудимому*] Просто взгляните; он подписан вами не так ли?

Йодль: Да.

Робертс: Значит он подписан вами. Итак, вы говорили этому суду, что вы возражали террористическим атакам. Просто взгляните на то, что говорит документ. Итак, заметьте первую дату 30 июня 1940. Это после временного падения Франции?

«Начальник WFA[276]»

Продолжение войны против Англии.

Если политические средства будут безрезультатны, сопротивление Англии будет сломлено силой:

a) ведением войны против Англии в метрополии.

b) расширением войны на переферию.

Относительно пункта a) есть три возможности:

1) Осада…

---

[276] Аббревиатура с нем. Wehrmacht-Führungsamt – оперативное управление Вермахта до августа 1940, он же оперативный штаб вооруженных сил.

2) Террористические атаки против английских центров населения.

3) Высадка войск…»

И теперь я прочту в качестве примера исторического пророчества:

«Окончательная победа Германии над Англией это вопрос времени».

Затем я спускаюсь на несколько параграфов:

«Наряду с пропагандой и временными террористическими атаками – объявляемыми как акции репрессалий – растущее ослабевание английского продовольственного снабжения парализует волю её народа к сопротивлению и окончательно сломает и таким образом вынудит правительство к капитуляции…» - подписано – «Йодль».

«Террористические атаки против английских центров населения» - вы хотите сказать, что-нибудь в оправдание данного предложения?

Йодль: Да, несколько замечаний. Данное предложение, которое является лишь подборкой заметок, подтверждает три вещи:

Прежде всего, что 30 июня 1940 я не знал о каком-либо намерении или возможности вступления в войну с Россией, иначе я бы не написал: «Окончательная победа Германии над Англией это вопрос времени».

Во-вторых, я признаю озвучивание мысли, которая позднее в совершенстве была осуществлена англо-американскими воздушными силами.

В-третьих, эта мысль пришла ко мне только после нападения на гражданское население, начавшееся и продолжающееся английскими воздушными силами, несмотря на месяцы усилий и непрерывные предупреждения со стороны фюрера.

Это исторический факт, подтвержденный многими документами, что фюрер пытался сделать всё возможное, чтобы избежать такой формы воздушной войны против населения. Но уже тогда стало ясно, что он не добьется успеха.

Робертс: Свидетель, а теперь я закончил. Вы заметите, что все документы представленные вам, за исключением одного американского доклада, они все являются немецкими документами, исходящими во время тех событий, о которых я перекрёстно допрашивал.

Перед лицом этих документов, вы всё ещё говорите, что вы являетесь достойным солдатом и правдивым человеком?

Йодль: Не только я всё еще утверждаю это, но я также думаю, что представление данных документов действительно и достаточно конкретно это подтверждает.

Председатель: Трибунал отложен.

[*Судебное разбирательство отложено до 10 часов 7 июня 1946*]

День сто сорок девятый

Пятница, 7 июня 1946

Утреннее заседание

[*Подсудимый Йодль вернулся на место свидетеля*]

Председатель: Трибунал будет отложен эти вечером в 4 часа для заседания в закрытом режиме. Трибунал будет заседать завтра в открытом режиме с 10 часов до часа.

Покровский: Вы показали, что были начальником оперативного отдела ОКВ. Это был центральный отдел ОКВ, не так ли?

Йодль: Я не совсем понял последнюю часть вашего вопроса.

Покровский: Являлся ли оперативный отдел – центральным, главным отделом ОКВ?

Йодль: С учётом значения деятельности этого отдела можно с уверенностью сказать, что штаб оперативного руководства был одним из
важнейших отделов ОКВ.

Покровский: Не по этой ли причине вы замещали Кейтеля в его отсутствие?

Йодль: Я в большинстве случаев замещал его лишь по оперативным вопросам. По вопросам военного министерства его замещал высший начальник, как правило, адмирал Канарис.

Покровский: Вы отрицаете, что вы были заместителем Кейтеля?

Йодль: Когда Кейтеля не было в главной ставке, фюрер все, что хотел передать ОКВ, передавал мне, так как я был старшим по чину офицером.

Покровский: Вы помните показания свидетеля Вагнера о том, что либо Кейтель, либо вы представляли ОКВ на всех ответственных совещаниях, где присутствовал этот свидетель — адмирал Вагнер? Вы помните эти показания?

Йодль: Я не совсем понял вопрос из-за сложностей в переводе.

Покровский: Возможно. Я повторю его. 13 мая, здесь в суде свидетель Вагнер. Вы вспомнили, нет? Сказал, что на всех…

Йодль: Да, я помню свидетеля Вагнера. Он заявил, что фельдмаршал Кейтель и я присутствовали на всех обсуждениях обстановки. Это неоспоримый факт.

Покровский: Он сказал: либо фельдмаршал Кейтель, либо генерал-полковник Йодль. Не так ли? Вы улавливаете разницу в постановке вопроса?

Йодль: В 99 процентах всех случаев мы оба присутствовали при обсуждении обстановки.

Покровский: Так вот если отбросить какие-нибудь формальные соображения и формальные моменты, правильно будет сделать вывод о том, что именно вы, Йодль, фактически являлись заместителем Кейтеля в глазах у Гитлера, в глазах у всего офицерского корпуса, и у всей военной машины Германского Рейха? Это будет правильно или нет?

Йодль: В отдельных случаях, когда фельдмаршала Кейтеля там не было, и в незначительных вещах, да, но когда возникали важные вещи я мог связаться с ним по телефону, в любое время, и вряд ли случалось, чтобы я замещал его. Он никогда не болел и никогда не ходил в отпуск. Когда он был в отъезде, он находился в ставке в Берлине.

Покровский: Ну, тогда я напомню вам такой факт, который вы подтвердили здесь 6 июня, давая показания суду о мотивах по которым вы подписали документ RF-1438. Вы сказали, что он не имел никакого отношения к вашей прямой работе, там речь шла о Дании, о вывозе евреев из Дании. И вы подписали этот документ хотя он не имел никакого отношения к оперативной работе, подписали именно потому, что в это время не было Кейтеля, не так ли? Это верно?

Йодль: Это абсолютно правильно. Это был срочный вопрос и нужно было подписать незамедлительно.

Покровский: Хорошо. Таких документов мы можем найти много, но я не считаю нужным тратить время на дальнейшее уточнение этого вопроса. Скажите, можно ли признать правильным, что вы были в курсе работы проводимой ОКВ, что вы хорошо знали, какими вопросами в данное время занимается ОКВ?

Йодль: Только в ограниченной степени – в отдельных вопросах. Я вообще не был осведомлен обо всём, что происходило во многочисленных ведомствах в Берлине. Это было совершенно невозможно. Это меня не касалось. Я уже свидетельствовал, что моё время было настолько занято, что я должен был делать больше, чем у меня имелось времени.

Покровский: Хорошо. Вы заставляете меня ещё раз вернуться к тому вопросу с которым я уже хотел покончить. Вы сейчас посмотрите на наш новый документ СССР-476. Кейтель. Дайте ему. Это выдержки из показаний Кейтеля от 9 ноября 1945. Там записано так:

> «Вопрос: Разве могло быть такое положение, что генерал Йодль без вашего ведома мог провести такое совещание?»
>
> Речь идёт, милорд, о совещании в Рейхенхалле.
>
> Ответ фельдмаршала Кейтеля:
>
> «Это очень возможно, потому что я часто находился в разъездах и генерал-полковник Йодль вполне был вправе собрать такое совещание, так как в моём отсутствии он был моим заместителем».

Вы нашли это место Йодль? Вы прочли это?

Йодль: Полковник Покровский, конечно, вам очень сложно следить за этими военными вопросами. Это смешно. Разумеется я могу спрашивать офицеров своего штаба. Мне не нужно для этого созывать встречу. Это были мои офицеры генерального штаба с которыми я работал в Рейхенхалле. Разумеется, я мог пойти к ним. Это было моё ведомство и моя обязанность.

Покровский: Подсудимый Йодль, от того, что…

Председатель: Я не думаю, что требуется так повышать голос.

Покровский: Я думаю, что вы всё таки не ответили на два моих вопроса. Первое, прочли ли вы этот документ?

Я хочу, чтобы вы сказали: прочли вы или нет? Вот то место которое я огласил на первой странице?

Йодль: Да. Здесь фельдмаршал Кейтель говорит: «…, так как я часто находился в официальных поездках…».

Покровский: Вы не должны читать второй раз. Я уже прочитал. Я хочу, чтобы вы сказали, вы прочли или нет, это место?

Йодль: Да, я прочитал, там где сказано…

Покровский: И второй вопрос…

Йодль: …просить генерал-полковника Йодля.

Покровский: Нет, вы читаете дальше того места, которое меня сейчас интересует. Насчёт того, что «мы должны спросить генерал-полковника Йодля» - мы ещё подойдём к этому месту, вы можете быть спокойны. А вот насчёт того, что Кейтель часто уезжал, и что вы были его заместителем, это верно или нет?

[*Ответа не последовало*]

Покровский: Я не слышу ответа.

Йодль: Я уже говорил, что, время от времени, он уезжал на фронт день или как то так и, что он несколько раз был в Берлине несколько дней, но он находился в тех ведомствах которые подчинялись ему. Я находился один со своим оперативным штабом и я мог делать всё, что угодно со своими штабом. За всё время войны я никогда не созывал совещания с другими ведомствами как заместитель фельдмаршала Кейтеля. Я ничего не понимал в этих вопросах.

Покровский: Вы произнесли очень много слов, но не дали мне ясного ответа на очень простой и короткий вопрос: подтверждаете или не подтверждаете вы, правильность того, что показал Кейтель? «Да» или «нет». Это же проще сказать, не так ли?

Йодль: В этом суть…

Покровский: Хорошо.

Йодль: …но записанное смешно.

Покровский: Оценивать будем потом. Мне важно установить факты.

Я предъявляю суду еще один наш документ, СССР-263. Варлимонта работавшего с вами. Генерала Варлимонта. Это выдержки из показаний другого офицера, работавшего с вами, генерала Варлимонта.

Ознакомьтесь с тем местом, которое у вас отмечено. А я его здесь зачитаю. Это будет быстрее.

Вопрос, который был поставлен Варлимонту.

«Когда впервые штаб ОКВ получил задание подготовить план нападения на Советский Союз?»

Вы нашли это место Йодль?

[*Обращаясь к помощнику*] Пойдите и покажите ему, что вы сунули ему и убежали.

Йодль: Тот, что передо мною – отрывок, который отмечен красным – содержит заявление Варлимонта об организации ведомств ОКВ. На следующей странице нечто о приготовлениях к нападению на Советский Союз.

Покровский: Теперь вы нашли? Очень хорошо.

«Когда впервые штаб ОКВ получил задание подготовить план нападения на Советский Союз?»

Ответ Варлимонта:

«Лично я впервые услышал об этом плане 29 июля 1940 г. В этот день генерал-полковник Йодль прибыл в специальном поезде на станцию Рейхенхалле, где находился отдел «D» штаба оперативного руководства».

Вы нашли это?

Йодль: Так точно.

Покровский: Милорд, я думаю, что у меня нет необходимости зачитывать значительную часть показаний Варлимонта, потому что речь идет об известном факте — о созыве того совещания, где Йодль дал директиву своим оперативным работникам готовить план нападения на Советский Союз этот документ уже принят судом как доказательство.

Варлимонт говорит: «Йодль ошеломил нас этим сообщением, к которому мы не были подготовлены». Вы нашли это место? Возьмите документ в руки, посмотрите.

[*Ответа не последовало*]

Покровский: Йодль, возьмите документ в руки и посмотрите правильно ли это оглашено.

Председатель: Это не прошло правильно? Минуточку.

Экснер: Я лишь хотел обратить внимание трибунала на тот факт, что перевод и

передача плохо доходят до нас настолько плохо, что я с трудом что-то понял. Временами я слышу только половину вопроса, и я удивлён, что подсудимый вообще может отвечать.

Председатель: Теперь прошло лучше? Перевод теперь проходит лучше?

Экснер: Я считаю, что перевод сам по себе слабый, не только техническая передача. Часто очень сложно понять вопрос – они вообще не имеют смысла. И мой коллега доктор Штамер, подтверждает это. Поэтому нам сложно.

Председатель: Что же, нам лучше продолжить и посмотреть, может быть, станет лучше.

Покровский: Я хотел, чтобы вы прочли для себя ещё одну фразу только. Это то место где, Варлимонт говорит, кому было поручено выполнение задания и как реагировали на это офицеры. Он показывает: «Йодль ошеломил нас этим сообщением» - это та же первая страница, середина страницы примерно. Вы нашли?

Йодль: Я не смог найти фразу, которые вы только что прочли: «Йодль ошеломил нас». Я не могу найти эту фразу.

Покровский: Я тогда начну с предыдущего предложения. Может быть вам будет легче.

> «Кроме меня, он приказал явиться также трём другим старшим офицерам…полковнику фон Лоссбергу[277], фон Фалькенштейну и капитану Юнге[278]».
>
> Нашли?

Йодль: Так точно.

Покровский: Благодарю вас.

> «Йодль ошеломил нас этим сообщением…к которому мы не были подготовлены».
>
> И потом несколько ниже:
>
> «Йодль заявил, что фюрер решил подготовить войну против России. Фюрер это обосновал тем, что война с Россией должна произойти так или иначе, так лучше будет, если эту войну провести в связи с уже происходящей войной» и т. д.
>
> Вы нашли это место?

Йодль: Так точно.

Покровский: Очень хорошо. Теперь я хочу, чтобы вы прочли ещё один абзац из документа СССР-476, который вам только, что давали. На первой странице Йодль, вот тот который вы начали читать первый раз, а я вам сказал, что мы к нему подойдем. Кейтеля спрашивают, знает ли он, что-нибудь об этом совещании, и он говорит:

---

[277] Бернгард фон Лоссберг (1899 – 1965) – немецкий генерал. Сотрудник оперативного штаба вооруженных сил в 1938-1942.

[278] Вольф Юнге (1903 – 1964) – немецкий военно-морской деятель. В 1938-1943 референт высшего командования флота. В 1943-1944 командир линкора «Тирпиц».

«Мне ничего не известно об этом совещании, я впервые о нём услышал уже будучи в заключении».

Вы нашли это место?

Йодль: Нет. Я не нашёл это, но я это припоминаю. Я недавно это читал.

Покровский: Я хочу, чтобы он у вас был. Нам не нужно никакой неясности. Вы видите, что несколько дальше он говорит о том, что вы и впоследствии ему не докладывали об этом совещании, не так ли? Вы подтверждаете это или нет? Кейтель показал правильно?

Йодль: На само деле нет такой вещи как конференция в этих военных вопросах. У вас есть конференции в гражданской и парламентской жизни, но у нас нет конференций. Я побеседовал со своими офицерами генерального штаба как я часто делал. Поэтому это…

Покровский: Простите я вас перебью. Вы потом добавите всё то, что хотите сказать, но я хочу получить прямой ответ на вопрос: правильно ли сказал Кейтель, что вы ему не докладывали об этом совещании, это так или нет?

Йодль: О самом совещании я, безусловно, ничего не говорил ему, да это и не играет никакой роли…

Покровский: Очень хорошо.

Йодль: …однако о том, что сказал мне фюрер, мне кажется, я хорошо помню, что доложил ему об этом, так как это был весьма важный вопрос, и он позже в связи с этим вопросом составил меморандум. Так что он, безусловно, узнал об этом. Однако это лишь предположение, которое я могу сделать с довольно большой уверенностью.

Покровский: Хорошо. Я вполне удовлетворен вашим ответом. И для завершения своей первой группы вопросов, хочу задать вам последний по этому разделу: не находите ли вы, что только заместитель начальника ОКВ, а не любой ответственный сотрудник, совершенно самостоятельно – без ведома Кейтеля, без его указаний, без доклада ему хотя бы post-factum – решали такие вопросы, как подготовка плана нападения на государство? Вы поняли меня?

Йодль: Я понял ваши слова, но не их смысл. Прежде всего, вы вставили в свой вопрос ложное утверждение. Вы утверждаете, что я не докладывал о подготовке плана по нападению на нейтральную страну фельдмаршалу Кейтелю. Такое утверждение с вашей стороны я опроверг вчера под присягой. На этой встрече не шло речи о нападении на Советский Союз. Речь шла про оборону от советского нападения на румынские нефтяные районы. Это установлено в документе С-170, журнале боевых действий флота.

Покровский: Это всё, что вы хотели сказать по этому вопросу?

Йодль: Мне кажется этого достаточно.

Покровский: Хорошо. Я не собираюсь с вами дискутировать. Но хочу только сказать, что у нас есть два доказательства относящихся к этому совещанию. Ваши

показания, в котором вы отрицаете факт подготовки плана нападения на Советский Союз; и показания другого участника этого совещания, Варлимонта, который прямо говорит, что речь шла именно о разработке плана нападения на Советский Союз и что эта директива их страшно поразила. Я не собираюсь больше заниматься этим вопросом, но хочу спросить вас вот о чём…

Йодль: Если вам интересно, я могу объяснить разницу.

Покровский: Нет она меня сейчас не интересует.

Правильно ли будет сказать, что вы были первым или одним из первых руководящих штабных работников гитлеровской Германии, занявшихся подготовкой мероприятий по нападению на СССР еще летом 1940 года? Вот тут я хочу услышать ваш ответ. Вам понятен вопрос?

Йодль: Да, вопрос понятен и мой ответ в том, что вероятно я был первым, кто узнал об озабоченности фюрера о русском политическом отношении. Я, однако, не был первым, который занялся подготовкой к нападению на Советский Союз. Я, к моему большому удивлению, узнал здесь от свидетеля Паулюса, что задолго до того, как мы вообще согласно приказу начали заниматься этим вопросом в генеральном штабе сухопутных сил составлялись проекты наступления. Я не могу совершенно точно заявить, каким образом это произошло. Может быть, об этом знает генерал-полковник Гальдер. Я могу высказать лишь предположения по этому вопросу.

Покровский: Предположения нас интересуют очень мало, мы больше занимаемся фактами. Вы заявили позавчера, 5 июня, что нападение на СССР которым Германия нарушила свой договор об отношениях с Советским Союзом, носило характер превентивной войны. Не так ли вы сказали?

Йодль: Да, это я сказал. Это была превентивная война.

Покровский: Хорошо. По вашему мнению. Вы помните из показаний Мильха, из показаний Рёдера, из показаний Геринга, из показаний Паулюса и Кейтеля, что они были против войны с СССР. Я оглашу вам одну фразу из показаний Кейтеля здесь, на суде, чтобы вам легче было вспомнить.

Кейтеля допрашивал генерал Руденко, главный обвинитель от СССР и задал ему такой вопрос.

> «Вопрос: Вы заявили, что вы специально ходили с предложением к Гитлеру, чтобы он изменил свои замыслы в отношении Советского Союза?
>
> Ответ Кейтеля: Да, не только изменить этот план, но вообще оставить эти планы, то есть не вести войну».
>
> Вы помните это показание Кейтеля?

Йодль: Да, я помню его. Я знаю также и меморандум.

Покровский: Очень хорошо. Не находите ли вы странным, что человек, в данном случае вы, который всячески пытается откреститься от того факта, что он был

заместителем Кейтеля, утверждает здесь на суде и перед Гитлером, что он лучше Кейтеля был проинформирован о положении дел и поэтому брал на себя смелость выступать с утверждениями, идущими вразрез с позицией Кейтеля, Паулюса, Рёдера, Геринга и Мильха?

Йодль: Я не понял этого.

Покровский: Я уточню, очень охотно. Кейтель не видел ни какой необходимости в том, что вы называете «превентивной» войной, и все те лица, которые были мной перечислены, тоже не видели никакой необходимости в превентивной войне, они не верили в то, что Советский Союз хочет напасть на Германию. А вы утверждали, что война носит именно превентивный характер, теперь вам понятен мой вопрос?

Йодль: Я это понимаю.

Покровский: Очень хорошо, вы хотели бы дать на него ответ?

Йодль: Да, я могу дать объяснение. Прежде всего, точно неизвестно какую позицию занимал фельдмаршал Кейтель весной 1941 относительно данного вопроса. Во-вторых, главнокомандующий флотом и главнокомандующий воздушными силами – при всём уважении к этим господам - в целом понимали проблему, только с точки зрения военно-морской или воздушной стратегии, и они не видели никакой опасности от русского флота или русских воздушных сил. То, что происходило на суше, конечно меньше их интересовало. Этим объясняется, что сильнейшая оппозиция шла от Люфтваффе и флота; и только армия, в данном случае, была более склонна, понимать огромную опасность, с которой она сталкивалась. Но, несмотря на это, каждый из нас, включая меня, решительно предостерегали фюрера от такого эксперимента, который нужно было бы провести только если бы не осталось никакого другого способа. Я не возьмусь судить были ли исчерпаны политические возможности; я не могу об этом судить.

Покровский: Хорошо. Я удовлетворен вашим ответом, и в частности тем, что вы нарушение международного договора и нападение на Советский Союз изволите характеризировать словом «эксперимент». Я хочу, чтобы вы посмотрели документ 86…

Председатель: Не думаю, что вы должны делать подобные комментарии. Вы должны задавать вопросы, а не комментировать.

Покровский: Это замечание, милорд, связано с моим следующим вопросом.

[*Обращаясь к подсудимому*] Я хочу, чтобы вы посмотрели документ PS-865. Вы имеете этот документ?

Йодль: Да он передо мной.

Покровский: Очень хорошо. Отвечая на вопросы защитников, вы сказали, что Ламмерс чисто случайно назвал вас сотрудником Розенберга. В ваших руках документ, очень короткий, который я сейчас зачитаю вслух, — документ, подписанный Кейтелем. Это письмо, совершенно секретное от 25 апреля 1941 г, оно адресовано Розенбергу в собственные руки. Там сказано:

«Начальник канцелярии направил мне копию указа фюрера, которым он назначил вас своим уполномоченным по разработке в центре вопросов восточноевропейского пространства. От верховного командования вооруженными силами я поручаю участие в разработке этих вопросов начальнику оперативного штаба вооруженных сил — генералу от артиллерии Йодлю и в качестве его заместителя генерал-майору Варлимонту. Прошу, чтобы ваше учреждение сносилось только лично с ними.

Преданный вам Кейтель».

Что вы скажете по поводу этого документа на вопрос о том, не припоминаете ли вы, что и по линии аппарата Розенберга, вы и Варлимонт, как ваш заместитель в этом вопросе, были уполномочены ОКВ еще в апреле 1941 года разрабатывать практические вопросы, связанные с гитлеровской экспансией на Восток? Вы поняли мой вопрос?

Йодль: Вчера я уже сказал суду, всё, что можно сказать об этой формальности. Министр Ламмерс направил всем рейхсминистерствам вместе с этим отношением письмо точно такого же содержания. Он просил каждое министерство назначить своего уполномоченного и заместителя, и, таким образом, генерал-фельдмаршал Кейтель назвал тех двух офицеров, которые были в ставке. Я никогда не работал с Розенбергом и мне этого не требовалось делать – за исключением единственной беседы с ним, которую я упоминал вчера. Только мой отдел пропаганды совещался с министерством оккупированных восточных территорий о листовках – совершенно обычных вопросах, которые каждый солдат может понять.

Покровский: Кстати, по вопросу о солдатах. Вы упорно утверждаете, что занимались исключительно военно-оперативными вопросами и не занимались вопросами политики. Я правильно вас понял?

Йодль: Я уже давал эти пояснения вчера, постольку, поскольку политика не была составной частью стратегии. В некоторой степени политика касается её, так как без политики не бывает стратегии. Это существенная часть стратегии. Но поскольку я не являлся стратегом, а только занимался данным вопросом как офицер генерального штаба, я не касался вопроса напрямую.

Покровский: Не занимались? Сейчас вы посмотрите документ СССР-477. Я вас попрошу сказать, находите ли вы на этом документе свою подпись, на последней странице?

Йодль: Так точно, я вижу свою подпись.

Покровский: Вы нашли? Это директива об организации пропаганды в связи с планом «Барбаросса», не так ли?

Йодль: Да.

Покровский: Будете ли вы отрицать, что в этой директиве изданной вами, прямо ставился вопрос о том, что СССР как государство, будет уничтожено и вы

рассматривали это как чисто военную задачу – вы офицер генерального штаба не занимавшийся политикой?

Йодль: Я не могу найти место где сказано, что Россия должна быть уничтожена.

Покровский: Вы правы в том случае, если хотите обращать внимание на форму. Там это не сказано именно такими словами. Я имею в виду смысл директивы, в частности пункт «d»

Йодль: Да, но – я знаю документ.

Покровский: Там сказано так, я прочту эти две строчки, одну минуточку:

> «Пока не следует вести пропаганды направленной на расчленение Советского Союза на отдельные государства».
>
> Потом дальше парочка технических замечаний, и дальше в том же абзаце:
>
> «Тем не менее, следует избегать терминов «Россия», «русские», «русские вооруженные силы» и т .д».
>
> Вы нашли это место Йодль?

Йодль: Так точно.

Покровский: Очень хорошо. Что вы хотели бы сказать, если вы вообще, что-нибудь хотите сказать по этому поводу.

Йодль: Почему, разумеется. Я желаю ответить на вопрос.

Покровский: Пожалуйста.

Йодль: Как можно понять из названия директивы, она рассматривает руководство пропагандой. В сравнении с британцами и Советским Союзом, мы были просто школьниками в пропаганде. Вам, вероятно известно, что пропаганда это нечто совершенно оправданное и не ограниченное никакими нормами международного права. Одно время, в Женеве, шли долгие дебаты об этом; и идея о том, что пропаганда должна быть запрещена международным правом была отвергнута. Я уже заявил об этом на предварительных допросах. В области пропаганды я мог делать всё, что захочу. Нет никакого закона, ни уголовного, ни международного в этом отношении. Но вероятно вам неизвестно, что данная пропаганда должна была вестись в соответствии с линией политических указаний фюрера и это было сделано. Я очень хорошо знаком с пропагандой, так как изучал её 5 лет – вашу тоже. Это совершенно другой тип пропаганды.

Покровский: Вы предпочли не дать прямого ответа на поставленный вам вопрос. Это меня тоже вполне устраивает, так как я понял вашу позицию.

Теперь меня интересует получить от вас ответ на вопрос о том, какое отношение к изданию этой директивы имело министерство пропаганды. Принимало ли оно участие в разработке этой директивы или эта директива была подготовлена только вами и ОКВ? Вы поняли меня?

Йодль: Да. Я вас понял. Мой отдел пропаганды работал в Берлине. Я не могу подробно рассказать, как он работал с министром Розенбергом или с министерством

пропаганды над таким документом. Но генерал фон Ведель[279], начальник данного отдела, сможет вам рассказать. Я только знал, что это было подготовлено по согласованию с министерством оккупированных восточных территорий, так как я всегда желал, чтобы не было отдельных направлений, а была совместная работа с компетентными гражданскими властями. Но это лишь пропаганда; это не директива уничтожить Россию. Пропаганда - духовное оружие.

Покровский: Я не собираюсь заниматься сейчас с вами дискуссией по вопросу о том, что такое пропаганда, и несёте ли вы ответственность только за пропаганду и несёте ли вы за пропаганду ответственность. У нас хватит других вопросов.

Значит, вы предполагаете, что этот документ был издан после известного согласования с другими ведомствами, я вас понял таким образом, это будет верно? В частности с ведомством Розенберга?

Йодль: Да, мне так кажется.

Покровский: Хорошо. Теперь я хочу перейти к другому циклу вопросов. Оспариваете ли вы тот факт, что документ о совещании у Гитлера которое было проведено 27 марта 1941 о Югославии? Вы, помните, конечно это совещание?

Йодль: Да, помню.

Покровский: Вот хотите ли вы оспаривать тот факт, что документ об этом совещании и руководство для операций против Югославии, а эти два документа имели дату 28 марта 1941, то есть на следующий день были изданы, вот будете ли вы оспаривать, что эти документы исходили от оперативного штаба вооруженных сил, то есть от вас. Если хотите вы можете взглянуть на документ PS-1746, может это поможет вам восстановить события.

Председатель: Полковник Покровский, вы не упустили из виду факт, что данный предмет полностью пройден господином Робертсом в перекрестном допросе подсудимого?

Покровский: Если вы находите, милорд, что вопрос освещен, я откажусь от него, но мне кажется, что у меня он поставлен в другом разрезе. Если вы находите, что вопрос ясен, я тогда откажусь от него.

Председатель: Я пока не знаю. Но я лишь указал на то, что он был полностью пройден господином Робертсом. Я не знаю, что за документ вы предлагаете.

Покровский: Хорошо. Я предложил его вниманию два документа, милорд: руководство о действиях против Югославии от 28 марта, и сообщение о совещании. Эти документы имеются в распоряжении суда. И я повторяю, если вы находите, что вопрос ясен, я его сниму. Мне кажется его имело смысл задать.

Председатель: Все, что хочет знать трибунал, это есть ли какое-то на самом деле новое положение которое будет затронуто. Вы должны были слышать перекрестный допрос подсудимого господином Робертсом о югославском нападении. И я не знаю,

---

[279] Хассо фон Ведель (1898 – 1961) – немецкий военачальник. Начальник отдела пропаганды оперативного штаба вооруженных сил в 1939 – 1945.

что это за документы от 22 марта и 28 марта, и что вы хотите от них получить. Если есть, что-нибудь, что на самом деле свежее или новое, конечно вы можете это предъявить, но если нет, тогда это подпадает по то, что уже говорил трибунал, что перекрёстный допрос не должен повторно проходить одинаковые доводы.

Покровский: Если разрешите сказать, милорд, я понял Йодля таким образом, что для него…

Председатель: Я вас тоже спрашиваю.

Покровский: Я понял показания Йодля, которые он дал на вопросы мистера Робертса, таким образом, что осталась некоторая неясность, кто фактически возглавил операции против Югославии и только под этим углом зрения я хотел уточнить. Я повторяю, если трибунал считает, что вопрос этот уже достаточно отработан, я очень охотно могу от него отказаться.

Председатель: Что же, полковник Покровский, трибунал не смог понять, что свежего в таком методе допроса, о котором вы заявили и до тех пор пока вы настаиваете на нём лично, потому что думаете, что у него большое значение, думаю вам следует перейти к следующему вопросу вашего перекрёстного допроса.

Покровский: Хорошо, я продолжаю, милорд.

[*Обращаясь к подсудимому*] Вашей защитой, Йодль представлен документ L-172, там записана такая фраза которая была произнесена вами в речи перед гауляйтерами 7 ноября 1943. Я прочитаю эту фразу: «Дилемма недостатка личного состава, привела к мысли основательнее использовать резервы населения оккупированных областей».

Вы помните этот документ?

Йодль: Я не понял вопрос.

Покровский: Я могу его повторить. Ваш защитник представил трибуналу документ L-172, это речь которая была произнесена вами…

Председатель: В чём дело? Вы не может слышать без наушников.

Покровский: Я не слышал перевода, милорд.

Экснер: С вашего позволения, господин председатель, перевод такой, что мы просто ничего не понимаем. Мы получаем половину фразы, которая вообще не имеет смысла – по крайней мере, мы так считаем, и мне кажется, остальные господа включая подсудимого имеют такую же трудность.

Председатель: Подсудимый никак не показал, что он не может понять перевод; он никогда не протестовал, и он отвечал на вопросы.

Экснер: Вы понимаете, подсудимый?

Йодль: Я скажу, что я могу предполагать, о чём большинство вопросов. Поскольку я полностью знаком с проблемой, мне просто; но я не уверен…

Председатель: Полковник Покровский, продолжайте помедленнее. Вы слышали, что сказал доктор Экснер, не так ли?

Покровский: Да, да, я слышал милорд. Я только боюсь, милорд, что темп моего

допроса вряд ли может помочь очень сильно в этом случае. Но я постараюсь говорить ещё медленнее.

[*Обращаясь к подсудимому*] В вашей речи, которую вы произнесли перед гауляйтерами 7 ноября 1943, была высказана в числе других и такая мысль: «Дилемма недостатка личного состава привела к мысли основательнее использовать…»

Председатель: Полковник Покровский, возможно вы можете указать нам на какой это странице. В нашей книге пока нет ни одиного документа на английском языке. Этого документа у нас нет на английском языке.

Покровский: Это документ L-172, милорд.

Председатель: Полковник Покровский, этот самый отрывок который вы сейчас прочитали, или часть которого вы прочитали, вчера предъявлял подсудимому господин Робертс. Разумеется это противоречит нашим правилам, мы не можем проходить один предмет дважды. Мы это уже обозначили.

Покровский: Милорд, я его ставлю сейчас не в порядке вопроса, а как вступительная фраза моего вопроса, который вытекает из этой фразы.

Председатель: Повторите, что вы сказали?

Покровский: Я эту фразу, милорд, привожу не для того, чтобы спрашивать о ней подсудимого, а она входит как составная часть моего вопроса, я напоминаю ему об этой фразе не для того, чтобы получить ответ.

[*Обращаясь к помощнику*] Дайте ему документ СССР-130…

Председатель: Полковник Покровский, мы хотим знать, о чём вопрос, чтобы мы могли понять, что это не проходил господин Робертс. Полковник Покровский, трибунал указал вам на то, что он не хочет, чтобы вы проходили то же, что проходили вчера. Если вы имеете какой-то новый вопрос, ради бога задайте его.

Покровский: Ни один из вопросов, милорд, который был задан мной сегодня, не является повторением ранее заданных вопросов. Поэтому, с вашего разрешения, я задаю свой вопрос. Я хочу чтобы вы посмотрели на документ СССР-130 и документ СССР-445…

Председатель: Вы видите красный свет?

Покровский: Хорошо, милорд.

Председатель: Продолжайте.

Покровский: В этих документах говорится, что они изданы с согласия ОКВ. Там речь идёт о введении воинской повинности в оккупированных областях Каринтия и Краина. Вы нашли это?

[*Обращаясь к помощнику*] Пойдите, покажите ему.

Вы нашли то место о котором я говорю, постановление о введении воинской повинности в оккупированных областях Каринтии и Краины?

Документ начинается такой фразой «В согласии с ОКВ…» - не так ли?

Йодль: Да.

Покровский: Правильно. Как начальник оперативного отдела ОКВ, вы не могли не знать о таких фактах как призыв югославского населения, населения оккупированных областей в германскую армия. Что вы скажете по поводу этих документов, являющихся грубым нарушением международного права? Вы поняли мой вопрос?

Йодль: Да.

Покровский: Пожалуйста.

Йодль: Я лишь могу сказать, что я вижу это впервые. Я впервые слышу об этом. В конце концов, я не ОКВ. Я начальник оперативного штаба вооруженных сил. Я никогда не читал этого документа во время войны.

Покровский: Вы его прочли сейчас. Не кажется ли вам, что он является доказательством грубого нарушения норм международного права?

Йодль: Для того, чтобы привести своё мнение, я должен более полно рассмотреть это с юридической точки зрения, и я не состоянии сделать это, и мне кажется это не интересует трибунал.

Покровский: Хорошо, 4 июня в суде, вы сказали, что Гаагское соглашение и Женевская конвенция были вашими настольными книгами. Вам покажут сейчас документ PS-638, он был предъявлен трибуналу 20 марта, как доказательство USA-778.

Вы получили документ? Подлинность этого документа…

Председатель: Что же, 638 это документ, который нам вручили.

Покровский: Это документ PS-638.

Председатель: Полковник Покровский, документ, который вы нам вручили это J-6? Вы приобщаете его в качестве доказательства?

Покровский: Нет, он был предъявлен в качестве доказательства. Я передаю его только для удобства пользования, он передан вам, как доказательство USA-778…

Председатель: Минуточку. Вы ссылаетесь на документ PS-638 или на документ J-6?

Покровский: Я ссылаюсь на документ PS-638, который принят судом как доказательство Соединенных Штатов...

Председатель: Я не ссылался. Я ссылаюсь на документ J-6. Документ, который передо мной, 638, югославский документ.

Покровский: Тот документ, о котором говорите вы, милорд, он имеет двойной номер СССР-130, J-6; и второй документ имеет тоже двойной номер СССР-447.

Председатель: Я не хочу знать о втором документе. Я лишь хочу знать, приобщаете ли вы первый документ в качестве доказательства или он уже приобщён в качестве доказательства?

Покровский: Он был представлен, милорд, он был представлен делегацией СССР.

[*Обращаясь к подсудимому*] Вы, вероятно, имели время достаточное, для того, чтобы прочесть этот документ, Йодль, не так ли? Вы прочли его? Я хочу напомнить вам…

Йодль: Я знаю о документе из процесса.

Покровский: Совершенно правильно. Я хочу напомнить вам только одно, что Геринг два раза подтвердил подлинность этого документа, и оспаривал только точность записи отдельных фраз. Так вот, я хочу спросить вас, как вы согласовываете с вашими понятиями о международном праве факт формирования немецким командованием банд одеваемых в германскую военную форму, банд из уголовных преступников которым разрешалось официально грабить, убивать, поджигать и насиловать, бесчинствовать при проведении операций? Вы поняли мой вопрос?

Вы, конечно, хорошо помните, что такие банды были действительно созданы и вошли в состав вооруженных сил Германского Рейха. Вы помните показания свидетеля Бах-Зелевски, 7 января 1946 о специальной бригаде которая действовала на таких началах?

Йодль: Я не знаю, как вы пришли к тому, что высшее командование дало на это своё одобрение и что это имело место на самом деле; я не знаю. Это просто записи о предполагаемых заявлениях рейхсмаршала, но я не знаю, как это касается меня.

Покровский: Я постараюсь помочь установить связь этого факта с вами. Вы помните, что была специальная бригада в конце 1941 и в начале 1942 года действовавшая против партизан? Первым командиром этого соединения был Дирлевангер[280], о нём показывал Бах-Зелевски 7 января 1946. Вы не помните этого факта?

Йодль: Нет, не помню.

Покровский: Не можете вспомнить? Хорошо. Тогда мы его докажем без помощи ваших показаний. Припоминаете ли вы, то обстоятельство, что части югославской армии носили установленную форму, имели знаки различия, имели номера полков и дивизий? Это вы помните? Вам понятен мой вопрос или нет?

Йодль: Я понимаю. Вы имеете в виду полк «Бранденбург[281]»? Об этом у меня есть кое-какие мысли.

Покровский: Нет, я имею в виду другое. Я хочу напомнить вам, что несмотря на то, что части югославской армии не подпадали под те признаки которые вы перечисляли здесь в суде говоря о бандах, во всех официальных документах германского командования, эти части югославской армии именовались бандитами для того, чтобы оправдать любые зверства в отношении этих лиц, и только в совершенно секретных переписках между отдельными германскими офицерами и штабами указывались правильные, действительные наименования дивизий, бригад и

---

[280] Оскар Дирлевангер (1895 - предположительно 1945) — немецкий офицер войск СС (оберфюрер, 1944). Возглавлял специальную команду СС «Дирлевангер», , которая отличалась особой жестокостью при совершении карательных операций: на её совести уничтожение ряда белорусских деревень (Хатынь и др.), жестокое подавление Варшавского восстания и др. Предположительно был убит в тюрьме.

[281] 800-й полк особого назначения «Бранденбург» (с 1943 года — дивизия) — специальное подразделение германских вооружённых сил, созданное в 1940 году на основе батальона особого назначения.

полков. Может быть, этот факт по вашему мнению также свидетельствует о соблюдении германским военным командованием норм международного права? Вы поняли меня?

Йодль: Я понял вас очень хорошо, да.

Покровский: Хотели бы вы, что-нибудь сказать по этому поводу?

Йодль: Да. Я могу лишь сказать, что данное утверждение неправда. Мы…

Покровский: Только я очень попрошу по возможности короче.

Йодль: Да. Я собирался ответить очень коротко. Мы всегда называли этих югославских бандитов «бандами» по пропагандистским причинам, но на практике с бойцами в форме всегда обращались как с военнопленными; и нет никакого другого приказа, который бы отменял обращение как с военнопленными. Иначе, у нас бы не было бы столько пленных.

Покровский: Я очень благодарен вам, что вы затронули вопрос о пленных. Вы заявили на суде под присягой, что не было такого приказа, чтобы не брать пленных. Вы ещё не забыли этого своего показания?

Йодль: Нет, нет никаких норм международного права которые применяются к восстанию. Такой вещи нет.

Покровский: Нет, я просил вас подтвердить правильно ли я напомнил суду, о вашем показании. Вы сказали на суде, что не было приказа не брать пленных. Вы дали такие показания суду или нет?

Йодль: То, что вы сказали это не мои дословные показания.

Покровский: Нет, минуточку, минуточку. Насчёт того, что я вам предъявил у нас сейчас будет особый разговор. Сначала я хочу, чтобы вы сказали: дали ли вы на суде под присягой показание о том, что не было в германской армии приказа, чтобы не брать в плен. Дали вы такие показания или нет? Вы поняли меня?

Йодль: Думаю, помню. Я не знаю ни о каком таком приказе, чтобы не брать военнопленных.

Покровский: Хорошо. И потом ещё один момент я хотел бы, чтобы вы помогли мне уточнить. В стенограмме записана такая ваша фраза, что вы считали неприличным допрашивать военнопленного если уже было принято решение о том, чтобы его расстрелять, не так ли? Это правильно?

Йодль: Да, я свидетельствовал о том, что я отвергал эту фразу с моральной и гуманной точки зрения.

Покровский: Прекрасно. Теперь я хочу, чтобы вы сказали мне следующее: помните ли вы, что в германской армии существовала 4-я горная дивизия? Вы, кажется, одно время имели к ней прямое отношение. Была такая дивизия или нет?

Йодль: То, что было четыре горные дивизии, я не помню, могло быть больше.

Покровский: Я говорю не о чётырех дивизиях. Вам неверно перевели. Я спрашиваю о том, помните ли вы о том, что была 4-я горная дивизия?

Покровский: Хорошо. Вы может помните и другой факт, что один из

ответственных генералов…

Йодль: Да, об этом я знал точно и хотел стать ее командиром.

Покровский: Очень хорошо. Вы, может быть, помните и другого ответственного офицера германской армии, который носил фамилию Кюблер[282]? Он оперировал в Югославии.

Йодль: Было два человека по имени Кюблер, старший[283] и младший.

Покровский: Генерал-майор Кюблер меня интересует. Ну о том кем был Кейтель я вас не спрашиваю. Вы это знаете лучше меня. И вот теперь мы перейдём к этим двум документам, в документе СССР-132…

Председатель: Прервёмся на несколько минут?

[*Объявлен перерыв*]

Покровский: Вот теперь мы с вами, подсудимый Йодль, займемся этими двумя документами. Я попрошу вас взять документ СССР-132. Это по 118-й истребительной дивизии указание. Вы взяли этот документ?

Йодль: 118-й пехотной дивизии.

Покровский: Там сказано так: «Указание о поведении войск при наступлении параграф 2. Пленные: Тот, кто открыто участвовал в боях против вооруженных сил Германии и попал в плен, подлежит после допроса расстрелу». Не так ли? Там сказано именно таким образом? Вы слышите меня?

Йодль: Да, что-то подобное говорится в этом предложении. Но я хотел бы иметь весь документ. Я ничего не могу заключить на основании одного предложения. Решающим является то, что предшествует этому. Об этом здесь не говорится.

Покровский: Выше этого стоит: «Указания о поведении войск при наступлении».

Теперь второй документ. Он имеет штамп IV-го горного полка. Он издан 6 октября 1943 г., и в нем помещено указание Кейтеля, собственноручное, о том, как поступать с пленными. Я попрошу вас обратиться к пункту 3. Там сказано (во второй части этого пункта): «Командиры, имеющие военный чин по меньшей мере начальников дивизии, могут отдать приказ, чтобы никого не брали в плен, то есть пленные и гражданское население в районе борьбы может быть расстреливаемо. Шеф ОКВ, генерал Кейтель. Собственноручно».

Председатель: Минуточку. Видимо перевод не прошёл правильно. Вероятно вы сказали слишком быстро. Он дошёл правильно до меня, но видимо не дошёл правильно до подсудимых. Вы поставите вопрос снова?

Покровский: В пункте 3 документа изданного по IV горному полку сказано…

Председатель: Вы присвоили ему номер?

---

[282] Йозеф Кюблер (1896 – 1947) – немецкий военный деятель. Генерал-лейтенант. В 1943-1944 командир 118-й дивизии. Казнён по приговору югославского суда.

[283] Людвиг Кюблер (1889 — 1947) — немецкий военный деятель. Генерал горнострелковых войск (1 августа 1940 года). Казнён по приговору югославского суда.

Покровский: Да, милорд. Это документ СССР-470; J-127, он имеет двойной номер.

[*Обращаясь к подсудимому*] Вы нашли пункт 3, подсудимый Йодль?

Йодль: Да, но это нельзя описать как документ. Это не документ.

Покровский: Это документ о том, как поступать с пленными.

Не знаю как для вас, смысл однозначный.

Йодль: Но это не подлинник. Это фантастический перевод. Любой солдат выбросил бы его сразу в мусорную корзину. Это фальсификация. Но я признаю, что это может быть из-за дурацкого перевода…

Покровский: Я не берусь судить о качестве перевода.

Йодль: …я считаю, всё, что в нём содержится бессмыслица. Заголовок гласит: «IV горный полк» и это римская «четыре». Должна быть арабская цифра. Это нигде не называется горным полком. Затем он говорит, командир IV горной дивизии, отдел 1с, произносит то и это – всё это бессмыслица, чистая, неприкрытая бессмыслица! Это не документ. Это мусор.

Покровский: Я не берусь отвечать за качество перевода.

Председатель: Трибунал хотел бы увидеть подлинники этих документов. Они предъявлены видимо как СССР-132 и СССР-470. СССР-470 новый документ?

Покровской: Нет, милорд, этот документ был уже представлен и подлинник находится в суде. Я предъявляю сейчас только копию с того перевода которым мы располагаем. Оба документа были представлены уже в подлинниках. Если это необходимо мы можем второй раз достать эти подлинники и представить.

Председатель: Один из секретарей трибунала говорит, что это раньше не предъявляли – не предъявляли в качестве доказательств – СССР-470. Вы уверены?

Покровский: Может быть здесь произошла какая-нибудь техническая неувязка. Меня докладывают, что он уже был представлен. Мы сейчас разберемся с этим вопросом. Милорд, второй документ у вас имеется в подлиннике, по-моему.

Йодль: Я могу кое-что сказать, чтобы внести ясность.

Председатель: Полковник Покровский.

Покровский: Слушаюсь.

Председатель: Трибунал не уверен в допуске документа 470. Вы можете конкретно сказать нам, что это за документ и при каких обстоятельствах он был приобщён в качестве доказательства? Что это за документ и откуда он поступил?

Покровский: На последний вопрос, милорд, я могу дать совершенно точный ответ, а первая часть вашего вопроса может быть мною освещена на несколько минут позднее. Сейчас наводят справку, когда он предъявлен.

На второй странице документа 470, внизу, имеется справка, аффидевит:

«Сим удостоверяется, что эта копия во всём верна с оригиналом документа, который захвачен в течение военных операций в июне 1944 года в Панкраце югославской народно-освободительной армией. Подлинник хранится в архиве государственной комиссии по

расследованию злодеяний оккупантов и их пособников в Белграде, Белград 4 января 1946.

Председатель государственной комиссии, профессор университета доктором Душан Неделкович».

Теперь мной поручено сейчас выяснить, предъявлен ли был уже этот документ, кем именно из советской делегации и какого числа. Если этот документ не был предъявлен, то мы можем истребовать либо подлинный экземпляр хранящийся в Белграде – немецкий экземпляр (трофейный), либо заверенный фотостат как суд найдёт более удобным, и предъявим его суду как наше доказательство. Я думаю, что это будет приемлемо для трибунала.

.Милорд, я уже получил сведения о том, что этот документ не был предъявлен, таким образом он предъявляется впервые и подлинник будет нами истребован дополнительно.

Председатель: Полковник Покровский, ссылаясь сейчас на документ СССР-132, который как я понимаю уже приобщён в качестве доказательства – приобщён в качестве доказательства – трибунал хотел бы увидеть оригинал этого документа, потому что перед нами есть только два параграфа в копии перед нами и в этом заключается позиция подсудимого Йодля, что он хотел увидеть полный документ.

Полковник Покровский, прежде всего, относительно документа 132, который как понимает трибунал, уже приобщён в качестве доказательства, трибунал думает, что этот документ следует полностью предъявить подсудимому, чтобы он дал любые комментарии. Относительно документа 470, который вы сейчас приобщаете в качестве доказательства, трибунал считает, что вам следует продолжить перекрестный допрос в отношении данного документа при условии предоставления, как можно скорее, оригинала или фотокопии подлинника и при условии права защитника ходатайствовать об исключении этого перекрестного допроса в случае наличия любой существенной разницы между переводом на югославском языке – который представлен подсудимому, или использовался для цели перекрестного допроса подсудимого – и подлинником документа.

Вам и доктору Экснеру это ясно?

Покровский: Я понял, милорд. Это будет сделано, милорд.

Экснер: Господин председатель, я думаю, что обсуждение сейчас не следует разрешать. В нём слишком много несоответствий. Как он есть, их нельзя исправить. Например, римская цифра IV «IV горный полк» относится к этому. Эта римская цифра IV совершенно неправильная. Затем сказано: «командир произносит…», что не по-немецки. Затем в четвёртой строке упоминание…

Председатель: Доктор Экснер, трибунал хочет знать, о чём вы говорите. Вы говорите о 470?

Экснер: Да. Я просто пытаюсь показать, что это не может быть подлинным документом, потому что он вообще не немецкий.

Например, в четвёртой строке сказано: «Оперативный штаб вооруженных сил, Ob.H[284]» Оперативный штаб вооруженных сил относился к ОКВ, а не к Ob.H.

Затем, там нет подписи. Подпись «Кейтель» на первой странице; но он подписывается как генерал-полковник, в то время как мне сказали, что он уже был фельдмаршалом.

Кроме того, эта подпись часть цитаты и она говорит: «ОКВ обеспечит следующее…». Затем есть цитата – и подпись Кейтеля её часть – в то время как сам документ предположительно исходит из 4-го горного полка, и там нет никакой подписи 4-го горного полка. Я не вижу никакого смысла обсуждать документ пока не будет представлен подлинник. Например, на странице 2 документа есть заявление, что это предназначено командирам 6, 7 и т.д. Это не командующие, это командиры рот. Ни один немецкий военный не мог написать такой документ.

Председатель: Доктор Экснер, трибунал придерживается решения, что данный документ можно использовать сейчас. Все пункты, которые вы озвучили и любые другие пункты, которые вы можете пожелать озвучить о документе будут открыты для вас если вы пожелаете исключить перекрестный допрос на следующей стадии, когда будет представлен подлинник.

Экснер: Понимаю.

Председатель: Чтобы не тратить время, трибунал думает, что более удобнее провести перекрестный допрос о документе. Мы оставляем на вас исключение всего перекрёстного допроса.

Экснер: Да.

Председатель: Итак, полковник Покровский, здесь оригинал документа СССР-132, который следует иметь подсудимому с целью дать любые комментарии которые он пожелает.

Покровский: Указание трибунала будет выполнено, милорд, мы представим подлинный документ.

[*Обращаясь к подсудимому*] Вы ознакомились?

Йодль: Да, это приказ по 118-й пехотной дивизии.

Покровский: У вас не возникает никаких сомнений в подлинности этого документа?

Йодль: Нет…

Покровский: Теперь может быть вы хотели бы сказать…

Йодль: …это приказ по 118-й пехотной дивизии. В этом нет сомнения, но связь между 118-й пехотной дивизией и мной загадка. Но приказ подлинный.

Покровский: Хорошо. Может быть, теперь вы хотели бы сказать, что речь идёт не о глупости, а о подлости. У вас нет желания таким образом уточнить ваше показание?

Йодль: Я вас не понял.

Покровский: Я уточню, когда вы знакомились с документом…

---

[284] Аббр. с нем. Oberbefehlshaber des Heeres – главнокомандующий сухопутными войсками.

Председатель: Подсудимый, когда вас спросили о параграфе 2 документа СССР-132, вы сказали, что у вас нет всего документа. Теперь у вас есть весь документ.

Йодль: Да, есть. У меня есть весь документ. Весь приказ Кюблера, я считаю, в полном порядке . Видимо сомнения, которые обвинитель отнёс к пункту 2, где сказано: «Тот, кто открыто участвовал в боях против вооруженных сил Германии и попал в плен, подлежит после допроса расстрелу».

Это конечно не относится к обычным войскам. Это относится к населению. По крайней мере, так я это понимаю. Параграф 8 говорит: «Отношение к населению».

Это также в порядке в виду международного права. Он проводит разграничение между отношением к враждебному населению и к мирному населению.

Покровский: Это всё, что вы хотели сказать?

Йодль: Да, но как я сказал, я не понимаю связи между приказом генерал-майора Кюблера и мной. Я это не понимаю.

Покровский: Вы подтверждаете, что вопрос об отношении к населению выделен в самостоятельный восьмой параграф, не так ли? Вы только, что сослались на это.

Йодль: Да, параграф 8 упоминает обращение в отношении гражданского населения.

Покровский: Я удовлетворен вашим ответом. Перейдём к следующей группе вопросов.

Председатель: Минуточку.

Йодль: Но я желаю разрешения трибунала возразить…

Председатель: Подсудимый минуточку, вы предлагаете, что в самом приказе есть, что-нибудь, что указывает на то, что пленных рассматривали в параграфе 2, не так ли, как вы выразились, как обычные войска.

Йодль: В этом отношении, параграф не очень понятен, но следующий документ, который предъявил обвинитель, может привести подтверждение относительно того какие другие приказы отдавали. Однако, я считаю, что не может быть речи о том, что Кюблер отдал приказ говоривший о том, что югославские войска захваченные в плен в бою должны расстреливать. Это совершенно невозможно. Сделай он так, тогда бы он должен был сделать это вопреки приказам высшего командования германских вооружённых сил. Но как я могу выразить свои взгляды на приказ генерал-майора Кюблера? Было бы лучше спросить его, он жив.

Председатель: Что же, тогда ваш ответ на мой вопрос отрицательный, что в приказе нет ничего, что показывает или указывает на то, что пленные указанные в параграфе 2 не являются обычными войсками.

Йодль: Такой вывод нельзя сделать из формулировки этого приказа.

Председатель: Вероятно мне следует обратить ваше внимание на слова «Общие директивы о поведении войск в бою».

В любом случае, это ваш ответ в отношении всего документа.

Йодль: Пожалуйста, могу я, снова посмотреть на оригинал? У меня только копия.

(*Документ передали подсудимому*)

Председатель: Теперь перед вами оригинал. Вы хотите, что-либо добавить к тому, что сказали?

Йодль: Я лишь хотел добавить – рассматривая этот приказ генерал-майора Кюблера – что это, не точно ссылается ли данный приказ на какой-то конкретный бой, например, зачистку от повстанцев указанной территории, к которым в конкретный момент не относились как к регулярным войскам, а как к мятежу. Это правдоподобно.

В любом случае, я не могу ответить на эти вопросы, потому что я не генерал-майор Кюблер.

Председатель: Теперь вы можете перейти к 470.

Йодль: Могу я попросить у трибунала разрешения внести поправку в своё возражение документу?

Председатель: О каком документе вы говорите?

Йодль: Документе СССР-470.

Председатель: Что вы хотите о нём сказать?

Йодль: Я ранее описал данный документ как бессмысленный, потому что сначала отнесся к нему как к немецкому приказу. Между тем, я убедился в том, что это очевидно хорватский приказ, потому что он адресован трём батальонам усташей. В этом хорватском приказе хорватский командир этого горного полка говорит своим войскам о чём-то, что он видимо получил от 4-й германской горной дивизии, относительно обращения с пленными. Он, в свою очередь, относит это к приказу Кейтеля, который однако, неправильно интерпретирован и который, если он был правильным, лучше вручить защитнику фельдмаршала Кейтеля, потому что это лучший образец отношения к повстанцам в Югославии соответствующий международному праву – то есть если он правильный. Таким образом, это не немецкий приказ, видимо это проект или перевод хорватского приказа из 4-го горного полка. Но какое отношение 4-й хорватский полк имеет к генералу или подсудимому Йодлю для меня загадка. Я это не понимаю.

Председатель: Продолжайте, полковник Покровский.

Покровский: Так я спрашиваю вас подсудимый Йодль, вы знали о такой директиве Кейтеля, о том, что командир дивизии и высокостоящие командиры имеют право отдать приказ, чтобы никого не брать в плен. Вы не знали о такой директиве?

Йодль: Нет, мне это неизвестно и это не точно, что приказ был издан таким образом. Однако, в определенных случаях это допускается в соответствии с международным правом.

Покровский: Хорошо. У меня больше нет вопросов в связи с этим документом.

Очевидно, может быть защитник захочет ещё задать какие-нибудь вопросы, когда в распоряжении трибунала будет подлинник.

Я перехожу к следующей группе вопросов. Если я не ошибаюсь, вы подтвердили подлинность ваших так называемых «заметок» к плану «Grun», где идет речь об организации инцидента на границе в Чехословакии. Там, кажется, сказано прямо, что организация инцидента будет поручена отделу Абвер, это правильно? Я правильно передаю смысл фразы?

Йодль: Нет. Перевод, дошёл до меня полностью искажённым. Но это уже полностью обсуждали.

Покровский: Для того, чтобы упростить задачу переводчиков, я упрощу вопрос. Вы подтвердили кажется, подлинность этого документа где идёт речь об инциденте, об организации инцидента. Это документ защиты Йодль-14.

Председатель: Не думаю, что это правильно прошло.

Покровский: Вы не слышали меня?

Йодль: Нет. Для меня это вообще не имеет никакого смысла.

Покровский: Хорошо, я повторю ещё раз. Правильно ли я понял вас, что вы не оспариваете против подлинности документа «Йодль-14»?

Йодль: Если речь идет о моей записке майору Шмундту, то это, без сомнения, подлинный документ, написанный мною.

Покровский: В связи с этим я хочу задать вам один уточняющий вопрос: подтверждаете ли вы, что та провокация, которую вы называете «организацией инцидента» имела в виду две цели: во-первых, дать повод для нападения на Чехословакию, а во-вторых если мы применим вашу собственную терминологию, которою мы слышали здесь 4 июня, то тогда цель будет сформулирована вторая так – спихнуть вину в войне на другое государство? Эти две цели преследовала организация инцидента? Вам понятен вопрос или нет?

Йодль: Я почти понял, что вы сказали.

Покровский: Вы можете дать ответ?

Йодль: Да, я могу повторить то, что сказал вчера. Я…

Покровский: Вы подтверждаете вчерашний ответ?

Йодль: Мои вчерашние показания? Да, конечно. Сегодня я говорю, то что говорил вчера.

Покровский: Очень хорошо. Я хочу, чтобы вы сообщили суду всё, что вам известно о снабжении оружием судетских немцев организованных в корпус Генлейна, о котором вы мельком упомянули в суде. Вы говорили, что в этом корпусе было некоторое количество офицеров. Вы помните это?

Йодль: Да, помню.

Покровский: Чтобы вам помочь, я покажу вам документ, это показания Карла Германа Франка[285]. В этих показаниях он утверждает, что корпус Генлейна получал

[285] Карл Герман Франк (1898 — 1946) — видный деятель нацистской Судетской партии, один из руководителей

некоторое количество оружия. Вам известно, что-нибудь по этому поводу?

[*Документ передали подсудимому*]

Йодль: Я знаю только о том, что оружие поставлялось фрайкору Генлейна тогда, когда он формировался на немецкой территории. Было ли вооружение доставлено в Чехословакию контрабандой раньше для этой судетско-немецкой группы или же как она была доставлена туда, то, что я не знаю. Вооружённые силы никогда никаким образом не занимались этим, также как позже не занимались фрайкором Генлейна.
Покровский: Знаете ли вы о том, какого образца было это оружие, германского или нет?
Йодль: Тот факт, что оружие доставляли в Чехословакию это то о чём я не знаю. Я абсолютно ничего об этом не знаю. Я был не контрабандистом, а офицером генерального штаба.
Покровский: Вот поэтому я вас и спрашиваю, раз вы сказали, что вы получили сведения о вооружении корпуса Генлейна, когда он прибыл на германскую территорию, я вас и спрашиваю как офицера генштаба, он был вооружен немецким оружием или нет. Это вы должны знать.
Йодль: Фрайкор Генлейна – который был сформирован возле Хофа и округа Север, 17 сентября – получил, по моему мнению, бывшее австрийское или даже немецкое вооружение. Я думаю это было австрийское вооружение, но точно не знаю.
Покровский: Хорошо. Тогда не надо. Нам нужны только определённые сведения, определённые факты. Сейчас вам дадут фотостат папки «Grun»

[*Папку передали подсудимому*]

Покровский: Вы посмотрите на то место, которое отмечено. В этом отмеченном месте сказано: «Для успеха операции, будут иметь значение сотрудничество судетских немцев с диверсантами или авиадесантными войсками». Подсудимый Кейтель 6 апреля 1946, когда его спросили относительно этого места в документе, сказал, что разъяснения по этому поводу можете дать именно вы. Чтобы вы могли сказать суду по поводу этого документа?
Йодль: Относительно данного абзаца я должен сказать, что при подготовке к возможной войне армия вставила замечание о том, что укрепления нужно было быстро прорвать или же открыть с тыла, и что для этого успех совместной акции авиадесантных войск вместе с приграничным населением и судетскими немцами которые дезертировали мог бы иметь ценность. Ибо, конечно, это факт, что из немцев, которых взяли в ряды и которые насчитывали около 100 000 человек, никто

оккупационного режима в Богемии и Моравии, обергруппенфюрер СС, генерал войск СС и полиции. Казнен по приговору чехословацкого суда.

бы не повернул против нас оружие, а сразу же дезертировали. Они писали мне об этом лично находясь в чешской форме. Эти немцы сразу же дезертировали. Этого мы конечно ожидали и брали в расчёт в своих военных вычислениях.

Покровский: Я боюсь, что вы не совсем правильно поняли или не захотели понять вопрос который я вам поставил.

Меня интересует другое, подсудимый Йодль. Подтверждаете ли вы тот факт, что ещё до нападения на Чехословакию вы планировали диверсионную работу на территории самой Чехословакии. Вот, что меня интересует. Да или нет?

Йодль: Во-первых, вообще не было никакого нападения на Чехословакию; это исторически неправильно, во-вторых это была работа генерального штаба, которая велась для вероятной войны, и об этом больше нечего сказать.

Председатель: Это не ответ на вопрос. Вопрос в том планировали ли вы до войны – или возможной войны – диверсионную деятельность в Чехословакии. Вы планировали это? Вы можете на это ответить?

Йодль: Нет, я не планировал. Вам нужно было бы спросить об этом адмирала Канариса. Подобные вопросы не находились в моей компетенции.

Покровский: Значит Кейтель рекомендует спросить вас, а вы рекомендуете спросить Канариса, ну хорошо. Я имею к вам другой вопрос. С вашего ли ведома производилось объединение всех профашистских сил и вооруженных профашистских банд в Югославии, которые боролись против держав демократического блока, или вы ничего не знаете по этому поводу?

Йодль: Вы имеете в виду военную организацию подчинённую маршалу Тито. Это мне известно, да.

Покровский: Я имею в виду организацию под руководством германского командования, единого фронта всех профашистских банд – банд Печанаца[286], Михайловича[287] и других – на немецкие деньги и с немецкой помощью, под руководством немецкого командования. Вы об этом знаете, что-нибудь или нет?

Йодль: Я не знаю, думаете ли вы о чётниках[288]. Они находились под командованием итальянцев. Ввиду этого там всегда был сильный раскол между нами и итальянцами. Затем там были усташи, они были хорваты. Но остальные профашистские организации мне неизвестны.

Покровский: Хорошо. Вы сейчас посмотрите на документ СССР-288. Вам его сейчас дадут. Трибунал уже располагает этим документом. Это показания Недича[289].

---

[286] Коста Печанац (1879 - 1944) — воевода четников во время Второй мировой войны. Сербский коллабрационист. Активную роль подразделения под его командованием играли в 1941-1943 годах. Предположительно был убит в результате покушения группы четников Михайловича.

[287] Драголюб (Дража) Михаилович (1893 — 1946) — югославский сербский военный деятель, участник Балканских войн и Первой мировой войны, командующий движением четников во время Второй мировой войны.

[288] Югославские войска на родине, неформальное название — четники, серб. четници — югославская монархистская партизанская националистическая организация в годы Второй мировой войны, политически стоявшая на идеях великосербского национализма.

[289] Милан Недич (1877 — 1946) — сербский военный и государственный деятель, генерал, министр обороны Югославии (1939—1940), в августе 1941 — октябре 1944 года премьер-министр марионеточного

Два или три фразы из этого документа имеют прямое отношение к поставленному мной вопросу. Недич под присягой показывает, с чьей помощью он создавал и создал, и на чьи деньги он финансировал свои банды. Он называет представителей германского командования и Гестапо в качестве тех лиц, которые помогли ему создать эти вооружённые силы.

Вы нашли это место?

Йодль: Правильно. Недич сформировал сербское подразделение. Я забыл об этом раньше. Недич имел – я скажу – сербское…

Покровский: Сейчас вы вспомнили?

Йодль: Да. Недич имел небольшое подразделение. Правильно. Вероятно, там было 5000-6000 человек. Они были сербы.

Покровский: Вы финансировали это мероприятие?

Йодль: Нет. У меня не было денег. Я не поддерживал эти вещи.

Покровский: Нет, я имею в виду не лично вы, не из ваших собственных средств, а из средств германских, германской империи.

Йодль: Не могу вам сказать. Я не занимался деньгами в этой войне.

Покровский: Германское командование возглавило эту работу по организации этих банд, или нет?

Йодль: Нет. Я их не организовывал. Командующий Юго-Востоком наверное обсуждал это с Недичем. Но это было личное дело Недича если он желал призывать сербов к борьбе.

Покровский: Я не знаю, являлось ли это его частным делом. Но мне очень важно, что вы подтвердили, что такие банды существовали, а как они были созданы, нам показал Недич. Я вам предъявляю…

Йодль: Я могу это подтвердить. Там было приблизительно 5000-6000 людей из сербской вспомогательной полиции.

Покровский: Очень хорошо. Сейчас вам покажут ещё один документ из этого же цикла. Это официальный доклад польского правительства военному трибуналу. Там вы найдёте, кое-какие сведения, очень ценные, о деятельности пятой колонны. Они отмечены у вас. Я попрошу вас обратиться к тому абзацу который отмечен пунктом «В». Там сказано:

> «Кроме агентов набираемых из молодёжи и назначенных к сотрудничеству с немецким населением, существовала группа руководителей и инструкторов состоящая из офицеров которые явились в Польшу снабжённые паспортами задолго до начала враждебных отношений».

Вы как непосредственный руководитель отдела Абвер, этот отдел

коллаборационистского «правительства национального спасения», созданного после оккупации Сербии немецкими войсками. По окончании войны был отдан под суд по обвинению в государственной измене и покончил жизнь самоубийством незадолго до вынесения приговора.

подчинялся вам, знаете, что-нибудь об этой организации «пятой колонны» в Польше?

Йодль: Вы допустили две небольшие ошибки, полковник…

Покровский: Может быть.

Йодль: …прежде всего, контрразведка мне не подчинялась, а подчинялась начальнику высшего командования вооруженных сил; и во-вторых, я подробно вчера объяснял, что ничего не знаю ни о какой подготовке к польской кампании, ни с оперативной точки зрения ни иначе, потому что я был артиллерийским командиром в Вене и Брюнне. Что делал Канарис в это время в отношении Польши, это нечто чего я совершенно не знаю. Поэтому, боюсь, я не смогу никак вам помочь.

Покровский: Хорошо. Перейдём к следующей группе вопросов. Вас допрашивали 8 ноября представители советского обвинения, и вам был задан вопрос, преследовала ли Германия захватнические цели, нападая на Советский Союз. Вы помните, что вам был поставлен такой вопрос?

Йодль: Да, совершенно точно.

Покровский: Вам сейчас дадут выписку из ваших показаний. Вы ответили таким образом:

> «Допускаю, что мысль о расширении жизненного пространства и об использовании хозяйства России для нужд Германии играла какую-то роль, но не являлась основной причиной нападения на Советский Союз».
>
> Вы помните, что вы дали такой ответ?

Йодль: Возможно. Я не подписывал это. Во всяком случае, я сказал: «Это не было основной причиной».

Покровский: В этом же ответе сказано:

> «В наши намерения не входило все время расширять жизненное пространство и тем самым получать себе новых врагов».
>
> Так, кажется. Вы помните это, да?

Йодль: Так точно.

Покровский: Хорошо. Теперь, может быть, вы припомните, что свидетель Олендорф здесь, на суде, удостоверил, что еще до начала войны, до нападения на Советский Союз, Гиммлер в своей речи наметил программу уничтожения на Востоке 10 миллионов славян и евреев. Вы помните эти показания?

Йодль: Да, я помню эти показания, я их слышал.

Покровский: В этом свете, в свете этого показания Олендорфа, не хотели бы вы сейчас несколько уточнить свой ответ на вопрос о том, преследовала ли война с Советским Союзом именно захватнические цели, цели захватить территорию, уничтожить население и освободившиеся таким образом земли превращать, как говорил Гитлер, «в райские сады для немцев». Вы не думаете, что это было именно

так?

Йодль: Что фюрер намеревался сделать позже, я не знаю, но военно-стратегические причины, которые он изложил нам и которые были подтверждены количеством сообщений, я вчера уже разъяснил во всех подробностях. Основной причиной было чувство огромной угрозы русского наступления. Вот это обстоятельство было решающим.

Покровский: Хорошо. Вам сейчас дадут документ С-57. В распоряжении трибунала он уже есть этот документ, милорд. Вечером 5 апреля 1946 подсудимому Кейтелю был предъявлен этот документ под номером СССР-336. Я попрошу вас обратиться к пункту 4 этого документа и к пункту 7, потому что Кейтель сказал, что более подробные объяснения по поводу этого документа можете дать вы. В чётвёртом пункте идёт речь об активном участии Испании в захвате Гибралтара ещё в 1941 году. Скажите, в чём именно должно было выразиться активное участие Испании в захвате Гибралтара? Вы нашли это место в документе?

Йодль: Да, я уже знаю документ…

Покровский: Очень хорошо.

Йодль: …но его никто не подписал. Прежде всего, я должен пояснить чем является документ, чтобы не было ошибки в том, что это приказ.

Покровский: Я, кажется, и не сказал, что это приказ.

Йодль: Правильно, потому что это не приказ. Не могу сказать о чём думали люди, которые подготовили этот документ. Очевидно это был проект который офицеры генерального штаба предположительно из моего ведомства, совместно с оперативным экспертом флота, подготовили в моём ведомстве и который они представили штабу руководства войной на море для своего пользования, в соответствии с принципом, что офицеры генерального штаба должны продумывать план сильно заранее. Они имели эти личные мысли и изложили их на бумаге даже при том, что я это не видел.

Председатель: О чём ваш вопрос, полковник Покровский? Был ли это проект…

Покровский: Я задал вопрос на который я не получил ответа, милорд. Я спросил его, что он может сказать относительно той активной роли которую должна была играть Испания в захвате Гибралтара в 1941 году.

Йодль: Я не могу делать заявления о мыслях других людей. Я могу говорить о серьезных намерениях в связи с Испанией только в 1940. Об этом я могу говорить. Но что касается бумаги, я ничего не могу о ней сказать. В то время я уже долго считал дело невозможным. Я узнал об этом только в Нюрнберге. Я никогда раньше это не видел.

Покровский: Нет, а в том, что этот план нельзя выполнить это вопрос другой. Но подсудимый Кейтель сказал, что вы можете дать разъяснения. Вы говорите, что ничего сказать не можете.

Йодль: Как я уже сказал, это какая-то предварительная разработка проведённая

младшими офицерами генерального штаба, которую я увидел здесь в комнате документов впервые с большим интересом и удовольствием. Мне тогда это не показали, потому что уже было понятно, что за неделю обстановка могла измениться.

Покровский: В том числе вы ничего и не знаете о предполагаемой отправке экспедиционного корпуса через Закавказье в направлении Персидского залива и в направлении Ирака, Сирии и Египта, если бы состоялось крушение Советской России, как здесь говорится? Об этом вы тоже ничего не знаете?

Йодль: До таких серьезных мыслей дело никогда не доходило. Наоборот, у меня была очень большая ссора с фюрером, потому что я отказывался вести атаку через Кавказ на Баку. Но офицеры генерального штаба, будучи оптимистически настроенными под влиянием крупных побед летом, выражали подобные мысли. Они и назначены для того, чтобы строить планы. Однако решения принимали более старшие и более взвешенные люди.

Покровский: Таким образом, вы подтверждаете, что успехи Красной Армии сорвали эти далеко идущие, смелые, как вы выразились, мысли гитлеровской Германии о посылке экспедиционного корпуса на Ирак, Сирию и Египет? Это правильно?

Йодль: Если бы Советский Союз рухнул, тогда можно было бы предпринять такие идеи для продолжения войны. Но не могло существовать плана, например, вооруженного нападения на Турцию. Она бы и без этого добровольно перешла на нашу сторону. Это было мнение фюрера.

Покровский: Откуда это вам известно?

Йодль: Откуда я это знаю? Это даже есть в документе, в дневниках штаба оперативного руководства, которые имеются здесь, в суде. Там написано:

> «Турция при больших успехах Германии без всяких условий выступит на нашей стороне. И я приказываю особенно хорошо снабжать ее оружием, боеприпасами, танками и т. д.».

Турция выразила такое желание и была очень благодарна нам за оснащенные оружием танки. Этого фюрер никогда бы не сделал, если бы он допускал возможность выступления Турции на стороне противника.

Покровский: Переходим к следующей группе вопросов. Накануне похода в Россию, состоялось совещание между представителями ОКВ, ОКХ и так называемой РСХА. Был установлен порядок использования подразделений Зипо. Вы, что-нибудь знаете об этом совещании о котором показывал свидетель Олендорф, здесь? Я имею в виду, милорд, 1972 страницу стенограммы английской.

Йодль: Я ничего об этом не знаю. Я работал над совершенно иными вопросами и вообще никогда не имел никаких совещаний или связей с главным управлением безопасности Рейха.

Покровский: Известен ли вам работник отдела военной истории ОКВ Вильгельм

Шейдт?

Йодль: Да, я его знаю. Он был помощником генерала Шерффа.

Покровский: Знакомы ли вы с его показаниями, которые были оглашены здесь на суде, я имею в виду, милорд, страницу 2207 английской стенограммы[290]. Он показывал о том, что преступная практика карательных мероприятий в отношении мирного населения была известна руководящим офицерам оперативного штаба ОКВ и генеральному штабу армии. Вы помните это? Нет?

Йодль: Я не знаю, какие слова он использовал. Преступные действия неизвестны ни мне, ни оперативному штабу вооруженных сил. Я отвергал преступные действия и боролся против них, и я это здесь подробно объяснял.

Покровский: Должен ли я вас понять таким образом, что вы отрицаете вашу осведомлённость о преступных карательных мероприятиях в отношении мирного населения? Хотите вы сказать, что вы о них ничего не знали?

Йодль: Конечно, я знаю о борьбе против ваших партизан. Это совершенно ясно. Я показал две инструкции, которые были приняты оперативным штабом вооруженных сил в связи с этим.

Покровский: Свидетель Бах-Зелевски 7 января 1946 показал, что фактической целью борьбы с партизанским движением было истребить славян и евреев и что методы этой борьбы были известны военному командованию. Хотите вы отрицать и этот факт?

Йодль: Это могло быть намерением Бах-Зелевски, а не моим. Мои инструкции другие. Я уже описывал намерение вчера как полностью бессмысленное. Цифры повстанцев вообще не давали никакой разницы в гигантской борьбе между германскими и советскими армиями. Это был единичный процент.

Покровский: Не припомните ли вы, подсудимый Йодль, когда и при каких обстоятельствах лично вы на одном из совещаний у Гитлера, сказали что германские войска вправе поступать с партизанами как угодно и подвергать их любому способу мучительной казни, четвертованию, подвешиванию вниз головой, и т. п. Вы высказали нечто в этом роде?

Йодль: По этому поводу – который больше комичный, чем серьезный – мы довольно долго беседовали на предварительном допросе.

Покровский: Может менее долго, но более ясно вы сможете о них сказать здесь. Вы ответьте на мой вопрос: была ли сказана вами такая фраза или подобная этой фразе, когда и при каких обстоятельствах?

Йодль: Я хочу это коротко объяснить.

Покровский: Пожалуйста.

Йодль: Это было 1 декабря 1942. Как вспомнит трибунал, 11 ноября оперативным штабом вооруженных сил была принята директива о борьбе с повстанцами, которую

---

[290] Стенограмма Нюрнбергского процесса. Том III / Пер. с англ. и составление — Сергей Мирошниченко, Новочеркасск /2019. — (Первопубликация), стр. 459.

мы отменили новым приказом от 6 мая 1944. В той директиве, принятой 11 ноября я написал фразу: «Сжигание деревень в качестве репрессалии запрещается, потому что создать только новых партизан».

Проект этой инструкции оставался в руках фюрера недели. Он всегда возражал тем, что эта инструкция будет препятствовать войскам безжалостно бороться с повстанцами. Так как в то время я уже издал эту инструкцию, а он не давал своего одобрения, я стал довольно грубым; и когда он снова начал долгие объяснения о своём опыте борьбы с коммунистами в Хемнице, я сказал, для того, чтобы вставить слово: «Мой фюрер, то что люди делают в бою вообще не происходит по инструкции. Что касается меня, они могут их четвертовать или могут вешать их вверх-тормашками».

Если бы я знал, что у русского господина настолько мало чувства юмора, я бы добавил: «и жарить их на вертелах». Это то, что я сказал и добавил: «Но в инструкции речь шла о репрессалиях после боя и они должны были быть запрещены».

Затем там был хохот всех присутствовавших офицеров и фюрера; и он дал мне разрешение принять эту директиву; и показаниями свидетеля, генерала Буле[291], который присутствовал, это вам подтвердят. Четвертование людей не принято в Германии с шестнадцатого века, как и повешение вверх-тормашками, что точно известно любому в мире. Следовательно это замечание простая ирония.

Покровский: Я прошу, милорд, ещё одну минуту для последнего вопроса этого цикла, буквально одну минуту.

Председатель: Я не расслышал, что вы сказали?

Покровский: Я прошу разрешения задержать ещё на одну минуту для последнего вопроса этой группы, этой группы вопросов.

[*Обращаясь к подсудимому*] Известно ли вам, что немецкие войска очевидно лучше понимавшие иронию чем мы – в буквальном смысле слова – и четвертовали и вешали, и жарили советских военнопленных на огне? Это вы знаете или нет?

Йодль: Я не только не знал об этом, но и не поверю в такое.

Покровский: С разрешения трибунала к последней группе вопросов оставшихся у меня я перейду после перерыва.

Председатель: Полковник Покровский, сколько ещё это займёт?

Покровский: Мне осталось очень немного, милорд, я думаю, в полчаса уложусь.

[*Объявлен перерыв до 14 часов*]

---

[291] Вальтер Буле (1894 — 1959) — немецкий военный деятель, генерал пехоты. В 1938-1942 начальник организационного отдела генштаба сухопутных войск.

Вечернее заседание

Покровский: В судебном заседании, вы дали очень важное показание, вы сделали признание в том, что воины Красной Армии в 1941 году под Вязьмой оказывали фанатическое сопротивление фашистским захватчикам и многие попадали в немецкий плен только потому, что, обессилев от лишений и усталости, они не могли двигаться. Вы именно этим обстоятельством объяснили огромную смертность советских военнопленных, не так ли?

Йодль: Это так в отношении пленных из вяземского котла.

Покровский: Вы не припоминаете ли других причин, которые вам известны и которые вызывали массовую смертность советских военнопленных?

Йодль: Мне ничего не было известно о других причинах.

Покровский: Чтобы освежить несколько вашу память, я предложу вашему вниманию небольшой отрывок из нашего документа СССР-353. Это письмо Розенберга главнокомандующему вооруженными силами, то есть непосредственно в ОКВ. Документ составлен 28 февраля 1942 г. Я хочу остановить ваше внимание на маленьких отрывках из этого документа. На первой странице там по-моему у вас отмечена вот эта фраза:

> «Судьба советских военнопленных в Германии…»
>
> [*Обращаясь к помощнику*] Вы ему показывайте. …трагедия огромного масштаба… Большая часть умерла с голода или вследствие неблагоприятной погоды. Тысячи умерли от сыпного тифа».

Потом тут я пропускаю несколько фраз и перехожу на следующую страницу:

> «Некоторые благоразумные коменданты лагерей с успехом стали на этот путь».

Там идёт выше речь о том, что население само соглашалось снабжать военнопленных пищей.

> «В большинстве же случаев, коменданты лагерей запрещали гражданскому населению доставлять продукты военнопленным и обрекали их на голодную смерть…Больше того во многих случаях, заключённые которые не могли идти в походном порядке вследствие голода и истощения, расстреливались на глазах приведенного в ужас гражданского населения и трупы их оставались брошенными».
>
> Ещё несколько ниже:
>
> «Можно было слышать рассуждения: Чем больше пленных умерло, тем лучше для нас».
>
> Ещё несколько дальше на третьей странице:
>
> «Было бы наивным думать, что положение в лагерях для

военнопленных могло остаться скрытым от советского правительства.
Как видно из циркулярной ноты Молотова, Советам были прекрасно известны описанные выше обстоятельства».
Вы нашли эти места?

Йодль: Да, нашёл.

Покровский: Вот об этих причинах массовой смерти вы ничего не знали?

Йодль: Об этом письме я впервые услышал лишь здесь, на суде.

Покровский: Я спрашиваю вас не о письме, подсудимый Йодль. Я спрашиваю вас о причинах массовой гибели советских военнопленных. Вы не знали, что такие причины вызвали массовую гибель?

Председатель: Полковник Покровский, документ подписан?

Покровский: Этот документ, милорд, без подписи. Он был заготовлен в ведомстве Розенберга. Это трофейный документ. Он имел номер PS-081. Принадлежит к трофейному документальному фонду США и был передан нам делегацией США для использования в трибунале.

[*Обращаясь к подсудимому*] Я не слышал вашего ответа.

Йодль: Я ничего не знал о таких причинах массовой смертности. В любом случае они совершенно неправильные; это я знаю, потому что я могу привести по памяти грубые цифры в отношении количества советских военнопленных и их местонахождении.

Покровский: Хорошо. Мы подойдем к этому вопросу с другой стороны. Знакома ли вам фамилия фон Гравениц[292]?

Йодль: Гравениц? Да, имя мне знакомо.

Покровский: Не работал ли этот человек в ОКВ?

Йодль: Если я не ошибаюсь, он работал в управлении вооруженных сил в подчинении у генерала Рейнеке[293].

Покровский: На этот раз вы совершенно точны. Вы не ошибаетесь. Знаете ли вы генерала Остеррайх[294]?

Йодль: Нет, этого генерала я не знаю.

Покровский: Фамилии этой вы тоже не слышали.

Йодль: Я это не помню.

Покровский: Этот генерал был начальником отдела военнопленных в одном из военных округов. Может быть, вы помните тогда какие показания давал этот генерал относительно директивы полученной им в ОКВ от Гравеница по поводу советских военнопленных? Вам сейчас покажут документ СССР-151. На пятой

---

[292] Ганс фон Гравениц (1894 – 1963) – генерал-лейтенант Вермахта. В 1938-1943 начальник управления по вопросам военнопленных ОКВ.

[293] Герман Рейнеке (1888 — 1973) — германский военный деятель эпохи Третьего Рейха, генерал пехоты (1 июня 1942 года). Начальник общего управления в составе штаба верховного главнокомандования Вермахта. Приговорён американским военным трибуналом к пожизненному заключению. Досрочно освобождён в 1954.

[294] Курт фон Остеррайх (1880 – 1949) – генерал-лейтенант Вермахта. В 1942-1943 начальник отдела военнопленных XX военного округа. Умер в советском плену.

странице немецкого текста вы найдёте подсудимый то место, к которому я хочу привлечь ваше внимание.

> «В конце 1941 или начале 1942 я был вызван в Берлин для присутствия на совещание начальников отделов по делам военнопленных при военных округах.
>
> Совещанием руководил новый начальник управления по делам военнопленных генерал-майор фон Гравениц.
>
> На совещании обсуждался вопрос о том как поступать с русскими военнопленными, которые в результате ранений истощений и болезни, был непригодны для использовании на работах. По предложению Гравеница по этому вопросу высказалось несколько присутствующих офицеров в том числе врачи которые заявили, что таких военнопленных надо концентрировать в одном месте: лагере или лазарете и умерщвлять при помощи яда. В результате обсуждения Гравениц отдал нам приказание нетрудоспособных военнопленных умерщвлять используя для этого медицинский персонал лагерей».
>
> Об этом вы, что-нибудь знали?

Йодль: Я об этом ничего не знал, и я не могу прокомментировать этот документ. Ко мне это не имело никакого отношения и я не знаю, правда ли сказанное здесь, но генерал фон Гравениц точно должен знать об этом. Я вообще не имели никакой связи с военнопленными. Это было другое ведомство, генерала Рейнеке.

Покровский: Гравениц отвечает за свои показания. Он был практическим работником, он исполнял эту директиву ОКВ, и он показал о ней в установленном законом порядке. Вы говорите, что вы о ней ничего не знали?

Йодль: Я так не сказал. Генерал фон Гравениц мне не подчинялся. Я с ним не беседовал ни на какие темы. Я видел его вероятно дважды за всю жизнь. Я не был ответственным за военнопленных и не был компетентным, чтобы заниматься ими.

Покровский: Ну, хорошо. Тогда мы перейдем к последней группе вопросов, их всего несколько.

Подсудимый Кейтель, когда его допрашивали здесь и на предварительном следствии – даже эти показания кажется относятся к предварительному следствию - сказал, что более подробные показания относительно директив уничтожить Ленинград и Москву дадите вы. Вы в суде сказали, что директива была спущена по двум причинам: первая, это то, что генерал фон Лееб доносил о просачивании ленинградского населения через линию фронта на запад и юг; а вторая причина, это репрессии за Киев. Это правильно?

Йодль: Не репрессалия, а обоснованный страх, что то, что случилось в Киеве может случиться в Ленинграде; и третья причина заключалась в объявлении советско-русского радио, что это действительно произойдёт.

Покровский: Хорошо. Мне важно установить одно, что вы связывали издание этого

документа с донесением из под Ленинграда и с материалом относящимся к Киеву? Это правильно?

Йодль: Я их не связывал, но события, то как они произошли на самом деле, безусловно повлияли на решение фюрера в таком направлении. Эти причины он сам приводил.

Покровский: Хорошо. Может быть вы припомните, когда командование получило донесение от фон Лееба – в каком месяце это было?

Йодль: Это было в первые дни – насколько я помню в первые дни сентября.

Покровский: Очень хорошо. Может быть, вы припомните, когда был захвачен немецкими войсками Киев? Не в конце ли сентября 1941 года?

Йодль: Насколько помню, Киев был оккупирован в конце августа. Мне кажется это было 25 августа или около этой даты. Но я не могу…

Покровский: А не 22 сентября?

Йодль: Об этом не может быть и речи.

Покровский: Хорошо…

Йодль: …у нас здесь есть документ, доклад об инцидентах в Киеве; я не знаю дату по памяти, но это документ PS-053. Мы сможем увидеть дату из документа.

Покровский: Вот в этом документе идёт речь о 23 и 24 сентября. Но предположим, что это было в августе. Пусть будет август. Не припоминаете ли вы, когда Гитлер в первый раз сказал о том, что он намерен стереть с лица земли Ленинград?

Йодль: Я прошу прощения. Я всё время ошибаюсь с датой. Документ это – С-323, приказ фюрера датирован 7 октября. Значит моё заявление правильное. Я на месяц ошибся в расчётах, и взятие Киева действительно было в конце сентября. Доклады которые мы получили от Лееба пришли в первые дни октября. Я ошибся. Извиняюсь.

Покровский: Пожалуйста, это не играет особенной роли. Я хочу, чтобы вы припомнили, когда Гитлер в самой категорической форме, первый раз, сказал о том, что он сотрёт с лица земли Ленинград. Это мне важно.

Йодль: Да. Я полагаю, вы ссылаетесь на документ военно-морского флота, документ штаба руководства войной на море.

Покровский: Вам сейчас дадут документ L-221 и покажут то место, где на совещании у фюрера 16 июля 1941 г. сказано:

> «На Ленинградскую область претендуют финны. Фюрер хочет сравнять Ленинград с землей с тем, чтобы затем отдать его финнам».

Вы нашли это место?

Йодль: Да, я нашел это место.

Покровский: Это было 16 июля 1941 г., не так ли?

Йодль: Документ составлен 16 июля 1941 г., да

Покровский: Это было намного раньше того дня, когда вы получили донесение из под Ленинграда?

Йодль: Да, это за три месяца до этого.

Покровский: Это было значительно раньше того дня, когда произошли какие-нибудь пожары или взрывы в Киеве, не так ли?

Йодль: Совершенно верно.

Покровский: Очевидно, поэтому не случайно, что в составленном вами документе и в ваших показаниях на суде, вы сказали, что фюрер решил ещё раз стереть с лица земли Ленинград. Это было уже не первое решение?

Йодль: Нет, это решение, если это действительно было решением – и заявления сделанные на этом совещании – я узнал впервые здесь в суде. Лично я не принимал участия в обсуждении, как и не знаю так ли говорили. Мое замечание о том, что фюрер вновь принял решение, относится к его устному приказу, который он отдал незадолго до того (за два или три дня) главнокомандующему сухопутными силами. Тот факт, что об этом уже шла речь, вытекает из того, что в этом приказе я ссылаюсь на письмо главного командования сухопутными силами от 18 сентября. Вот как надо понимать слова: «Фюрер вновь принял решение». Но этот факт мне не был известен. О том, что такое совещание состоялось, я впервые узнал только здесь в суде.

Покровский: Очень хорошо. Суд, вероятно, сумеет разобраться в вопросе о том, когда было сделано первое заявление Гитлером.

Вы утверждали, что вам ничего не было известно о репрессиях против евреев?

Йодль: Нет.

Покровский: Вы только что сейчас сами сослались на документ PS-053.

[*Обращаясь к помощнику*] Дайте ему.

[*Документ передали подсудимому*]

Покровский: Это донесение Коха, подписанное лично им. Может быть, вы подтвердите, что там совершенно ясно сказано, что за пожары в Киеве, в которых Кох обвиняет местное население, уничтожено все еврейское население города, круглым счётом 35 тысяч человек, из них больше половины женщины. Там так написано, это верно?

Йодль: Это мне хорошо известно. Но я этот документ обнаружил впервые здесь, в документальной комнате; и я использовал это как хороший образец доказательства инцидентов в Киеве. Существование документа мне не было известно до моего прибытия в Нюрнберг и он также никогда не поступал в ОКВ. В любом случае, он никогда не попадал в мои руки. Я не знаю был ли он, когда-либо отправлен.

Покровский: И вообще, уничтожены евреи или нет, вы этого тоже не знали? Это верно?

Йодль: Я полностью верю этому в настоящее время. В этом не приходится

сомневаться, это доказано.

Покровский: Очень хорошо. В документе представленном вашим защитником как под номером J-3, Йодль-3, это на шестой странице вашей книги документов в последней записи которая сделана на этой странице сказано так: «Большая часть старых генералов уйдет из армии».

Вы помните это относится к 3 февраля 1938 года, ваша запись?

Йодль: Да, это из моего дневника, так точно.

Покровский: Помните. Совершенно точно. Следует ли вас понять таким образом, что уход в отставку был совершенно свободным явлением, что любой генерал мог уйти в отставку, когда хотел. Тут так сказано?

Йодль: В то время. Мне кажется, это было вполне возможно. В 1938 я не знал ни о каком приказе запрещавшем это.

Покровский: Хорошо. В документе номер Йодль-64, который был оглашён здесь вашим защитником, почему-то не было оглашено одно место, которое мне очень хочется огласить сейчас. Это показание генерала фон Форманна, он говорит, под присягой, что вы, и генерал Хаммерштейн, очень часто употребляли по адресу Гитлеру такие выражения как «шарлатан» и «преступник»?

Вы подтверждаете правильность этого заявления или Форманн показал неправду?

Йодль: По своим лучшим сведениям и с полностью чистой совестью, мне кажется, что он перепутал две вещи. Говоря о фюрере, я часто говорил, что я смотрел на него как на шарлатана, но я не имел ни повода ни причины считать его преступником. Я часто использовал выражение «преступник»; но не в связи с Гитлером, которого я даже не знал тогда. Я относил это к Рёму. Я постоянно говорил о нём как о преступнике, по моему мнению; и мне кажется, что Форманн немного перепутал эти заявления. Я часто использовал выражение «шарлатан» так я тогда считал.

Покровский: Значит, вы считали, что преступник был Рём, а шарлатаном был фюрер? Это правильно?

Йодль: Да, правильно, потому что тогда это являлось моим мнением. Я знал Рёма, но не знал Адольфа Гитлера.

Покровский: Хорошо. Чем объяснить, что вы согласились занимать руководящие посты в военной машине Германского Рейха, после того как к власти пришёл человек которого вы сами называли шарлатаном?

Йодль: Потому что с течением лет я убедился – по крайней мере, в годы с 1933 по 1938 – что он не был шарлатаном, а человеком гигантской личности, которая однако, в конце обрела дьявольскую власть. Но тогда он точно был выдающейся личностью.

Покровский: Хорошо. Вы получили золотой значок гитлеровской партии?

Йодль: Да, я уже свидетельствовал и подтвердил это.

Покровский: В каком году вы его получили?

Йодль: 30 января 1943.

Покровский: Это было уже после того, когда вы пришли к выводу, что Гитлер не «шарлатан»? Вы слышали мой вопрос?

Йодль: Да. Тогда мне стало ясно, что он был, как я ранее сказал, гигантской личностью, даже с некоторыми оговорками.

Покровский: И после того как вы пришли к такому выводу вы получили золотой значок гитлеровской партии? Благодарю вас.

У меня нет больше вопросов к этому подсудимому.

Нельте: Я бы хотел обратить внимание трибунала на документ номер СССР-151, который был предъявлен полковником Покровским. Я бы хотел попросить, чтобы этот документ был допущен, только если генерал Остеррайх может быть представлен здесь в качестве свидетеля для перекрестного допроса. Мои причины следующие:

1. Документ как он представлен, содержит заголовок «aussagen» или «заявления», но мы не можем выяснить кому были сделаны данные заявления.

2. Документ не указывает место где он был составлен.

3.Документ не является письменными показаниями, хотя согласно последнему абзацу генерал Остеррейх изложил их собственноручно; и следовательно, это можно было заверить как заявление под присягой.

Ввиду тяжести обвинений, которые данный документ выдвигает в отношении администрации системы по делам военнопленных, я считаю, необходимо распорядиться о явке этого генерала сюда лично.

Председатель: Да, продолжайте.

Нельте: Это причины моего ходатайства. В заключение я бы хотел указать на то, что генерал фон Гравениц уже мёртв. В любом случае он не может быть обнаружен. Я пытался найти его в качестве свидетеля от имени подсудимого Кейтеля.

Председатель: Это факт, что документ приобщался в качестве доказательства уже в феврале или марте?

Нельте: Я этого не помню, и – я не знаю точно – распространялся ли он нам отделом документации. Сейчас я вижу документ впервые. Но возможно полковник Покровский может предоставить о нём какую-то информацию.

Председатель: Трибунал рассмотрит ваше ходатайство.

Нельте: Могу я также обратить внимание трибунала на тот факт, что документ датирован 28 декабря 1945 и следует полагать, что генерал Остеррейх мог быть представлен людьми которые тогда брали его показания.

Покровский: Я думаю, что я смогу дать короткую справку, милорд, что этот документ предъявлен советской делегацией 12 февраля 1946 года и принят в качестве доказательства трибуналом.

Председатель: Полковник Покровский, секундочку. Он был переведён тогда на немецкий язык или его оглашали в суде?

Покровский: У меня имеется справка нашей документальной части которую я получил сейчас, что он предъявлен 12 февраля во время представления материалов представителем обвинения Зоря. Это единственная пометка которая у меня есть.

Моё личное предположение заключается в том, что он был конечно на немецком языке. Я в этом почти не сомневаюсь, это очень легко можно выяснить.

Председатель: Кто-либо из защитников подсудимых желает допросить повторно?

Экснер: Прежде всего, я бы хотел задать один вопрос, который снова возник во время допроса защитником. Это был пункт который как мне кажется требует разъяснения.

Один из защитников напомнил вам о фотографиях, которые показали нам здесь недостойные жестокости в оккупированных странах, и вы сказали, что фотографии были подлинные.

Что вы имеет в виду?

Йодль: Я хотел сказать, что это не фотомонтаж, в чём русские пропагандисты непревзойдённые мастера, по моему опыту. Я имел в виду, что они являются фотографиями подлинных событий. Но я также хотел сказать, что представленные фотографии не дают никакого доказательства о том было ли это вообще жестокостью, как и не показывают кто их совершал. Тот факт, что их нашли у немцев скорее заставляем считать, что это были фотографии вещей совершенных противником, силами Тито или вероятно усташами. В целом никто не снимает собственные акты жестокости если их вообще совершали.

Экснер: Очень хорошо. Английский обвинитель представил новый документ PS-754, рассматривающий разрушения при отступлении в Норвегии. Почему в этом чисто военном указе фюрера вы пишите: «Фюрер согласился с предложениями рейхскомиссара оккупированных норвежских территорий и отдал соответствующие приказы…» и тому подобное? Почему вы умышленно включили «предложения» и тому подобное?

Йодль: Отдавая приказы, я имел своего рода секретный код для главнокомандующих. Если приказ был результатом договорённости между ОКВ и фюрером, тогда я начинал со слов: «Фюрер распорядился…»

Если указ исходил от фюрера лично, я начинал указ с преамбулы которая приводила причины фюрера и аргументы за. Затем, после преамбулы, я писал: «Следовательно, фюрер распорядился…

Если фюрер был вынужден по предложению невоенного ведомства издать указ, тогда принципиально, я добавлял: «Фюрер по предложению гражданской власти, решил…». Таким образом главнокомандующие знали в чём дело.

Экснер: Вы подготовили проект этого указа– документ номер PS-754 – не возражая и не сопротивляясь?

Йодль: Данный указ возник точно также как приказ «коммандос». Один из гражданских адъютантов фюрера уведомил меня о том, что Тербовен желал

поговорить с фюрером. У него имелись сложности с Вермахтом в Норвегии из-за эвакуации гражданского населения из северной Норвегии. Гражданский адъютант сказал, что он хотел сначала уведомить меня перед тем как он свяжется по телефону с Тербовеном. Соответственно я сразу навёл справки через свой штаб у командующего в Норвегии-Финляндии. Мне сказали, что Вермахт – командующий Вермахтом в Норвегии отказал в предложении Тербовена и не считал их возможными в таком большом масштабе. Тем временем Тербовен поговорил с фюрером. Я тогда возражал фюреру и сказал ему о том, что в первую очередь, распоряжение и намерение Тербовена не были применимы в таком масштабе, и во-вторых, что не было никакой необходимости в таком масштабе. Я сказал, что было бы лучше оставить на усмотрение генерал-полковника Рендулича[295] решать о том, что следовало уничтожать по военным причинам. Однако фюрер, настроенный Тербовеном настаивал на принятии данного указа на тех же основаниях аргументы о которых я вынужден был изложить. Но разумеется это не исполняли в такой степени. Это также показано в докладе норвежского правительства и это можно видеть в личных дискуссиях между мной и моим братом.

Экснер: Теперь давайте перейдём к чему-то другому. Когда проекты и предложения должны были представлять фюреру, вы часто озвучивали возражения и представляли аргументы. Примечательно, что, когда рассматривались вопросы противоречащие международному праву вы не заявляли возражений на основании международного права или по моральным основаниям, но в основном озвучивали возражения практического характера или случайные соображения. Вы можете коротко сказать нам, почему вы так поступали?

Йодль: Я уже рассказывал вам об этом, когда приводил свои причины для формулировки предложения не отказываться от Женевской конвенции.

Экснер: А именно?

Йодль: К такой форме приходилось прибегать, чтобы иметь хоть какой-то успех у фюрера.

Экснер: Да, этого достаточно. Итак, вы вчера сказали…

Робертс: Ваша светлость, я возражаю этому просто в интересах времени, потому что это именно те же самые показания которые давали вчера, и по моему соображению, это чистое повторение.

Экснер: Сегодня упоминалась эта дискуссия в Рейхенхалле. Пожалуйста расскажите нам кратко о том как получилось, что вы сделали такие заявления в Рейхенхалле или как о таких директивах как вы описывали сегодня решали в Рейхенхалле?

Йодль: Я уже дал показания о беседе с фюрером.

---

[295] Лотар Рендулич (1887 — 1971) — немецкий и австрийский военный деятель, военный преступник, генерал-полковник. В 1939-1945 командовал рядом крупных соединений Вермахта. Американским трибуналом осуждён к 20 годам лишения свободы. Освобождён досрочно.

Экснер: Да, это был лишь вопрос мер предосторожности…
Председатель: Доктор Экснер, подсудимый только, что сказал нам, что он уже давал об этом показания.
Экснер: Да, о беседе которая предшествовала этому, но вы не давали показаний о самой беседе в Рейхенхалле.
Йодль: Нет, я ещё не говорил о беседе в Рейхенхалле.
Экснер: Пожалуйста, будьте кратким.
Йодль: Относительно беседы в Рейхенхалле – то есть, ориентировки трёх офицеров моего штаба – описание Варлимонта в чём-то отличается от моего. Он спутал тут более ранние события с более поздними, что не удивительно, потому что с 20 июля до времени ареста, он болел дома с сильным сотрясением мозга и полной потерей памяти. Ко времени своего пленения он был не годен к службе. То, что моё описание правильное можно сразу понять из записей журнала боевых действий штаба руководства войной на море. Там сказано, что эти дивизии переведут на Восток только, чтобы предупредить захват Россией румынских нефтяных районов.
Экснер: Я бы хотел поправить один пункт, который как мне кажется, был сегодня ошибочно представлен русским обвинителем. Он сказал, что Геринг и Кейтель не считали войну против России превентивной. На странице 5956 стенограммы[296], также сказано, что Геринг тоже считал войну превентивной и что он только расходился с фюрером во мнении постольку поскольку он бы выбрал другой период времени для этой превентивной войны. У Кейтеля в целом, такое же мнение.

Кроме того, русский обвинитель, предъявил документ номер PS-683. Я не знаю, какой номер экземпляра он ему присвоил. Я совершенно не могу понять как этот документ можно связать с Йодлем; и я думаю, что может быть тут дело в подписи, так как документ подписан «Йоэль», что не означает подсудимого Йодля. Я лишь хотел обратить на это внимание. Вероятно тут просто ошибка в именах.

Далее, обвинение сказало, что подсудимый сделал замечание о подвешивании партизан вверх-тормашками, и тому подобное.
Председатель: Доктор Экснер, вы просто делаете заявления, которые не вправе делать, об этом документе. Если вы хотите подтвердить это показаниями, вам следует спросить свидетеля об этом. Вы сказали нам, что данный документ не имеет к Йодлю никакого отношения, и что подпись кого-то другого. Почему бы вам не спросить свидетеля?

Мне только, что сказали, что уже подтвердили, что это не документ Йодля.
Экснер: Переводы этим утром были плохими, я не помню, чтобы слышал это. Я не знаю допустимо ли мне теперь в этой связи зачитать кое-что из опросного листа? Это единственный вопрос и ответ в связи с этим замечанием о подвешивании пленных, и тому подобном. Это допустимо?

---

[296] См. Стенограмма Нюрнбергского процесса. Том VIII / Пер. с англ. и составление — Сергей Мирошниченко, Новочеркасск /2020. — (Первопубликация), стр. 322.

Председатель: Да, если это вытекает из перекрёстного допроса.
Экснер: Да, русский обвинитель поднял вопрос о том делал ли данное замечание подсудимый во время дискуссии о пленных в связи с директивой о повстанцах – что членов повстанческих банд можно было четвертовать во время боя.

Там сказано:

«Вопрос: Это правда или нет…?

О, да, я должен сказать, что это мой документ номер Йодль-60, экземпляр AJ-7. Страница 189 тома III моей документальной книги. Это опросный лист генерала Буле, который подготовили в Америке.

Затем говорится:

«Вопрос: Согласно стенографической расшифровке, вы также принимали участие в докладе по военной обстановке вечером 1 декабря 1942, который вызвал длинную дискуссию между фюрером и Йодлем о борьбе с партизанами на Востоке. Это правильно?

Ответ: Я принимал участие в обсуждении, но я уже не помню точную дату».

Председатель: Доктор Экснер, какая вы сказали страница?
Робертс: Милорд, это третья страница третьей книги – или третий документ в третьей книге.
Экснер: Это страница 189. Я сейчас прочёл вопрос 4. Теперь я перехожу к вопросу 5.

«Вопрос: Правильно или нет, что по этому поводу Йодль просил фюрера вернуть директиву, которая была подготовлена в его ведомстве относительно борьбы с партизанами?»

Ответ: Правильно».

Вопрос 6: Правильно или нет, что в данном проекте прямо запрещалось сжигание деревень?

Вопрос 7: Правильно или нет, что фюрер хотел отменить данный запрет?

Ответ: Поскольку я никогда не держал проект директивы в своих руках, я не знаю точно ли запрещалось ли сжигать деревни. Однако, это следует полагать, потому что фюрер протестовал против отдельных положений директивы и требовал сжигать деревни».

Вопрос 8: Правильно или нет, что фюрер также имел сомнения о проекте, потому что он не хотел никаких ограничений налагаемых на солдат, которые непосредственно вели борьбу с партизанами?»

Согласно стенограмме Йодль заявил в ответ:

«Здесь речь не об этом. Во время боя они могут делать что угодно, они могут повесить их, повесить вверх тормашками или четвертовать их; об этом ничего не сказано. Единственное ограничение относится к

репрессалиям после боя в тех районах в которых действовали партизаны…

Ответ: Правильно, что фюрер имел фундаментальные сомнения об этих ограничениях. Замечание Йодля правильное, насколько это касается его содержания. Я уже не помню точные слова.

Вопрос 9: Правильно или нет, что после данного замечания все присутствующие» - фюрер, Кейтель, Кранке[297] и вы сами – «включая фюрера, засмеялись и фюрер отступил от своей позиции?»

Ответ: Наверное, все мы засмеялись в связи с замечанием Йодля. Действительно ли фюрер отступил от своей позиции после этого, я точно не знаю. Однако, мне это кажется вероятным».

Вопрос 10: Тогда как интерпретировать выражения «вешать, вешать вверх-тормашками, четвертовать»?

Ответ: Выражения «повесить», «повесить вверх-тормашками», «четвертовать» можно интерпретировать в данной связи только как ироничное замечание и понимать как означающие в соответствии с директивой на солдат в бою не будет налагаться никаких дальнейших ограничений».

Вопрос 11: Вероятно вы можете сказать, что-либо о фундаментальном отношении Йодля к обязательствам Вермахта соблюдать нормы международного права в военное время?.

Ответ: Я не знаю о фундаментальном отношении Йодля. Я знаю лишь, что Кейтель, который был непосредственным начальником Йодля и моим, всегда стремился соблюдать нормы международного права…»

Вопрос 12: Вы, когда-либо имели личный опыт того, что Йодль повлиял на фюрера в издании приказа который нарушал международное право?

Ответ: Нет».

Председатель: Ничего из этой последней части не возникло из перекрёстного допроса.

Экснер: Вы имели какое-либо отношение к военнопленным?

Йодль: Я вообще не имел никакого отношения к военнопленным. Общее управление вооруженных сил занималось ими.

Экснер: Теперь, самый последний вопрос.

Обвинением предполагается и во время вчерашнего допроса это снова подтвердилось, что был или должен был быть заговор между политическим и военным руководством для ведения агрессивных войн и что вы являлись членом этого заговора. Вы можете сказать, что-либо ещё перед тем как мы завершим?

---

[297] Теодор Кранке (1893 — 1973) — немецкий адмирал. В 1940 начальник специальной группы ОКВ по разработке операции против Норвегии.

Йодль: Никакого заговора не было…

Председатель: Доктор Экснер, трибунал не думает, что это на само деле вытекает из перекрестного допроса. Всё равно он это уже сказал; он сказал, что он не был членом заговора. Нет никакой пользы от повторения его показаний.

Экснер: Вчера снова говорили о том, что была самая тесная связь с партией и членами партии и конечно, это связывалось с заговором. Вот почему я подумал, что вопрос допустим.

Председатель: Он уже сказал, что не являлся членом заговора.

Экснер: В таком случае, у меня больше нет вопросов.

Латернзер: Господин председатель, я просто желаю присоединиться к возражению, которое доктор Нельте заявил письменному заявлению генерал-лейтенанта фон Остеррайха. Я сошлюсь на причины, которые он привёл. Это всё.

Биддл: Подсудимый Йодль, вы высказывались – думаю это было позавчера – о количестве дивизий СС в конце войны. Вы это помните?

Йодль: Да.

Биддл: Думаю, вы сказали, что было 35 в конце войны. Правильно, около 35?

Йодль: Да.

Биддл: Хорошо. Итак, что я хочу выяснить об этом. Вы ссылались только на дивизии Ваффен-СС, не так ли? Только Ваффен-СС?

Йодль: Да, только Ваффен-СС. Это правда, они были…

Биддл: Они полностью координировались в армии и под командованием армии?

Йодль: Для тактических операций они подчинялись командирам Вермахта, но не в дисциплинарных вопросах. Что касается последнего их вышестоящим начальником был и оставался Гиммлер, даже, когда они сражались.

Биддл: Дисциплина была единственной вещью переданной в компетенцию Гиммлера?

Йодль: Он также присматривал как их командир во всех практических смыслах. Это видно из того факта, что о состоянии дивизий, их снаряжении и их потерях часто или почти исключительно докладывал фюреру сам Гиммлер.

Биддл: Когда они скоординировались с армией? Когда? Какой год?

Йодль: Они скоординировались с Вермахтом в начале войны, в момент начала польской кампании.

Биддл: Итак, только один вопрос о России; я хочу понять ясно ли я понял вашу точку зрения. Вы опасались вторжения России в Германию; правильно?

Йодль: Я ожидал, в некий момент, либо политического шантажа в силу крупной концентрации войск или нападения.

Биддл: Итак, подсудимый, пожалуйста, я спросил опасались ли вы нападения России. Однажды опасались, не так ли?

Йодль: Да, я опасался этого.

Биддл: Хорошо. Когда это было? Когда?

Йодль: Это началось…

Биддл: Когда вы этого опасались? Когда вы впервые опасались атаки?

Йодль: Я опасался этого впервые в течении лета 1940; это возникло из первых бесед с фюрером в Бергхофе 29 июля.

Биддл: Значит с военной точки зрения, с этого момента, вам требовалось напасть первыми, не так ли?

Йодль: После политического разъяснения, только потом; до тех пор существовало лишь предположение.

Биддл: Как вы могли позволить ждать политической разъяснительной работы если вы опасались немедленной атаки?

Йодль: По этой причине мы усиливали наши оборонительные меры вплоть до весны 1941. До той поры мы предпринимали меры только в обороне. До февраля 1941 мы не начали концентрировать войска для атаки.

Биддл: Итак, тогда, ещё один вопрос. Мне это не совсем ясно. Во время нападения вы тогда советовали, чтобы Германия напала первой, или советовали, чтобы Германия не нападала? Что вы советовали? Вы видели эту опасность, что вы предпринимали в отношении неё?

Йодль: Эта проблема, также как и большинство других, являлась предметом письменного заявления сделанного фюреру в котором я обращал его внимание на огромные военные последствия такого решения. Конечно можно знать как начнётся кампания, но ни один человек не может представить как он закончится…

Биддл: Мы всё это слышали. Я не хочу вдаваться в это. Что я хотел понять: вы опасались, что Россия собиралась напасть. Если это было правдой, почему вы не советовали, чтобы Германия сразу напала? Вы опасались того, что Россия нападёт, и при этом вы говорите, что вы советовали не выступать против России. Я не понимаю.

Йодль: Дело не в этом. Я не советовал против похода в Россию; я просто сказал, что если не было никакой другой возможности и если не было никакого политического способа избежать опасности, тогда я тоже, мог видеть только возможность превентивной атаки.

Биддл: Это всё. Спасибо.

Председатель: Подсудимый может вернуться на скамью.

[*Подсудимый покинул место свидетеля*]

Председатель: Доктор Экснер?

Экснер: У меня есть четыре свидетеля для явки в трибунал, но я бы хотел начать с просьбы. Учитывая мою хромую ногу, могу я оставить моему коллеге Яррейсу допрос этих четырёх свидетелей?

Председатель: Разумеется, доктор Экснер.

Доктор Экснер, трибунал желает, чтобы я сказал, что мы разрешаем другому защитнику допросить свидетелей в качестве исключения из нашего общего правила о том, что только один защитник может выступать в суде и представлять дело от имени подсудимого. Мы сделаем это исключительно в ваших интересах.
Яррейс: В таком случае с разрешения трибунала, я вызову первого свидетеля, генерала Хорста барона фон Буттлара-Бранденфельса.

[*Свидетель фон Буттлар-Бранденфельс занял место свидетеля*]

Председатель: Назовите своё имя, пожалуйста?
Буттлар-Бранденфельс: Хорст барон фон Буттлар-Бранденфельс.
Председатель: Повторите за мной эту присягу: «Я клянусь господом – всемогущим и всевидящим, что я скажу чистую правду и не утаю и не добавлю ничего.

[*Свидетель повторил присягу*]

Председатель: Вы можете сесть.
Яррейс: Свидетель, вы находились в оперативном штабе Вермахта во время войны?
Буттлар-Бранденфельс: Да.
Яррейс: В течение какого периода?
Буттлар-Бранденфельс: Я был сотрудником оперативного штаба Вермахта с 1 января 1942 до 15 ноября 1944.
Яррейс: Какой была ваша должность в штабе?
Буттлар-Бранденфельс: Сначала я был офицером генерального штаба от сухопутных войск, и как начальник отдела я был ответственным за оперативный отдел сухопутных войск.
Яррейс: Я собираюсь показать вам документ, документ номер PS-823, экземпляр RF-359. Это в документальной книге Йодля, второй том, страница 158. Будьте любезны взглянуть на это.
Буттлар-Бранденфельс: Вы хотите, чтобы я прочитал весь документ?
Яррейс: Я хочу, чтобы вы на него взглянули. Кто автор документа?
Буттлар-Бранденфельс: Он написан оперативным штабом Вермахта, отдел квартирмейстера, административная группа.
Яррейс: Кем он подписан?
Буттлар-Бранденфельс: Он подписан мной.
Яррейс: Вами. В какой мере этот документ связан с подсудимым Йодлем?
Буттлар-Бранденфельс: Документ не имеет никакого отношения к подсудимому Йодлю.
Яррейс: Тогда пожалуйста посмотрите на подписи в верхнем правом углу на первой странице, там инициал который можно прочитать как «Й».

Буттлар-Бранденфельс: Должно быть это ошибка. Инициал точно такой же как тот, что видно внизу в подписи к написанной пометке, и инициал это начальник отдела квартирмейстера, полковник Поллек.

Яррейс: Полковник Поллек?

Буттлар-Бранденфельс: Если вы посмотрите на страницу 2, вы увидите внизу две подписи. Первая должна быть подписью эксперта. Я точно не могу опознать. Я считаю это подписью старшего административного советника Нихменца.

Яррейс: Вы имеете в виду инициал рядом с которым цифры 4 или 9 у даты?

Буттлар-Бранденфельс: Я имею в виду тот, что вверху.

Яррейс: Вверху?

Буттлар-Бранденфельс: Вверху. Нижний инициал подписи, инициалы полковника Поллека. Когда документ представляли начальнику ОКВ это возвращали мне. Затем я снова ставил инициал вверху и отмечал это для отдела квартирмейстера, то есть подчеркивал «QU» сверху. Затем снова ставился инициал начальника «QU» и после этого он отмечался «административная группа» и снова ставился инициал человека который этим занимался. Кроме того я бы хотел отметить, что всё это относится к военнопленным, и это являлось областью работы к которой Йодль на самом деле не имел никакого отношения. В организационном и квартирмейстерском отделах оперативного штаба мы имели несколько областей работы, которые хотя и исходили из его штаба…

Яррейс: Минуточку, свидетель. Я не предлагаю, чтобы вы читали нам лекцию, но я бы хотел перейти ближе к делу. На полях документа есть пометки, вы их видите?

Буттлар-Бранденфельс: Да.

Яррейс: Какая-нибудь из них написана Йодлем?

Буттлар-Бранденфельс: Нет, стоят инициалы «К» фельдмаршала Кейтеля.

Яррейс: Но французское обвинение утверждает, что эти комментарии по вопросу военнопленных сделал Йодль, и если я правильно вас понял, вы хотите сказать, что это вообще было невозможно исходя из компетенции?

Буттлар-Бранденфельс: Помимо того факта, что в документе нет пометки Йодля, непохоже, чтобы Йодль вообще имел какие-нибудь сведения в вопросе, ввиду того как это нужно было рассматривать.

Яррейс: Свидетель, но это правильно, что отдел «QU» находился в подчинении Йодля?

Буттлар-Бранденфельс: На самом деле, это так, но в отделе «QU» как и в отделе «Org[298]» было несколько областей работы которые генерал-полковник отдал и которыми занимались напрямую с начальником ОКВ либо начальник отдела или заместитель начальника

Яррейс: Вы говорите в их числе были вопросы военнопленных, это правда?

Буттлар-Бранденфельс: Среди прочего также вопрос военнопленных.

[298] Аббр. с нем. Организационный.

Яррейс: Какую ещё работу имел отдел «QU»?

Буттлар-Бранденфельс: В качестве своей основной задачи или своей первой группы «QU-1», отдел «QU» не следил ни за чем кроме снабжения, а также следил за обеспечением продовольствием различных театров военных действий, которые непосредственно находились в ведении ОКВ. Вторая группа в основном занималась военной администрацией и третья группа занималась общими вопросами, такими как система военнопленных – например, вопросами касавшимися международного права и так далее.

Яррейс: Тогда у меня есть ещё один вопрос об организационных вопросах. Все отделы оперативного штаба вооружённых сил находились в ставке фюрера?

Буттлар-Бранденфельс: Нет, например орготдел, огранизационный отдел, который находился по соседству в Берлине, но не в ставке.

Яррейс: Если я правильно вас понял, вопросы квартирмейстерского отдела обходили Йодля стороной, и находились под руководством начальника ОКВ?

Буттлар-Бранденфельс: Не в каждом случае, но в опредленённых случаях.

Яррейс: Во всяком случае в вопросе военнопленных?

Буттлар-Бранденфельс: Разумеется, вопрос военнопленных.

Яррейс: Спасибо. Свидетель, какую должность вы занимали в начале войны?

Буттлар-Бранденфельс: В начале войны я был вторым офицером генерального штаба в центральном управлении генерального штаба сухопутных войск.

Яррейс: Говорите помедленнее. И в чём заключались ваши обязанности?

Буттлар-Бранденфельс: Моё ведомство занималось замещением высших должностей при мобилизации.

Яррейс: И также офицеров генерального штаба в ОКВ?

Буттлар-Бранденфельс: Да их тоже.

Яррейс: Генерал, вам известно кто должен был стать начальником оперативного штаба вооружённых сил в случае мобилизации с 1 октября 1939?

Буттлар-Бранденфельс: Да, генерал фон Зоденштерн должен был занять эту должность на следующий мобилизационный год.

Яррейс: Мне следует понять, что если бы война началась после 1 октября – допустим 5 или 6 – тогда генерал-полковник Йодль вообще бы не стал начальником оперативного штаба вооружённых сил?

Буттлар-Бранденфельс: Не уверен в дате с которой начинался новый 1939-1940 мобилизационный год. С этого времени…

Робертс: Я полагаю эти показания не относятся ни к какому вопросу по делу, и может быть будет интересно знать, что поставленные вопросы вообще никак не относятся к делу.

Председатель: Не понимаю как это показание относится к делу.

Яррейс: Господин председатель, если обвинение право в том, что подсудимый Йодль принадлежал к группе нацеленной на завоевание мира и если, как говорит

обвинение, эта группа заговорщиков воспользовалась германским государственным аппаратом, чтобы добиться своих целей, тогда должно быть это весьма своеобразная государственная система, когда заговорщики периодически меняются. Мне кажется в этой мере трибуналу следует поставить это на рассмотрение.

Председатель: Он приводил даты своих перемещений, без всякого перекрёстного допроса? Он поехал в Вену в определённую дату, приехал в другую дату, и нам это не оспаривали.

Яррейс: Господин председатель, это другой вопрос. Подсудимый Йодль сказал, что если бы о мобилизации распорядились до 1 октября он был бы начальником оперативного штаба вооружённых сил и должен был уехать из Вены в Берлин. Сейчас свидетель говорит о том, что это было бы только до нового мобилизационного года, и что было бы по-другому если бы война началась 14 дней спустя. Думаю…

Председатель: Разумеется это весьма отдалённо, доктор Яррейс. Вы показываете нам догадку о том чтобы случилось если бы произошло нечто ещё. Нам от этого нет никакой пользы.

Яррейс: Господин председатель, показания свидетеля не просто предположение. Он лишь сказал, что человек который занимал эту важную должность освобождался рутинным образом с учётом даты. Это предназначено показать только такую вещь.

Могу я продолжать, господин председатель?

Председатель: Нет, в интересах времени и скорого процесса, трибунал распоряжается, что вы не можете проходить это.

Яррейс: Свидетель, если сейчас я спрашиваю вас про определённую область деятельности которую вы сейчас упоминали, это потому, что я полагаю, что вы имеет экспертные сведения об этом. Это правда, что вы были официально связаны с подавлением партизан?

Буттлар-Бранденфельс: Да. Основные полномочия по борьбе с партизанами были переданы от моего отдела в конце лета 1942, и после этого мой отдел занимался тактическими основами борьбы с партизанами.

Яррейс: Вы знакомы с брошюрой о подавлении партизан от мая 1944?

Буттлар-Бранденфельс: Да, брошюра была подготовлена в моём отделе.

Яррейс: Она была первой или раньше было регулирование касательно борьбы с повстанцами?

Буттлар-Бранденфельс: Да. Осенью 1942 была издана краткая и неполная директива на тему борьбы с повстанцами. Тогда мы имели сравнительно мало опыта, и поскольку борьбы с повстанцами не ожидали в мирное время, нам нужно было получить дальнейший опыт.

Яррейс: В связи с этим меня особенно интересует борьба с партизанами на Востоке и Юго-Востоке, предмет о котором обвинение имеет очень ясную мысль. Правильно говорить о «борьбе с повстанцами» как делали здесь несколько раз?

Буттлар-Бранденфельс: Это правильно согласно степени и угрозе которые приняла борьба с повстанцами, учитывая её ограничения во времени и пространстве.

Яррейс: Это означает, что характеристики такой борьбы выходили за рамки концепции системы franc-tireur?

Буттлар-Бранденфельс: В масштабе, да. В методах, нет.

Яррейс: Что вы имеете в виду под «масштабом»?

Буттлар-Бранденфельс: Я имею в виду под «масштабом» размах района вовлеченного в повстанческую борьбу.

Яррейс: Следовательно она была необычной и в отношении территории или в отношении людей которые принимали в ней участие.

Буттлар-Бранденфельс: Повстанческая борьба была разумеется необычной и в отношении территории и людей которые принимали в ней участие.

Яррейс: Свидетель, вам известно, много ли было евреев в этих повстанческих группах на Востоке и Юго-Востоке?

Буттлар-Бранденфельс: Я не помню, что в сотнях докладов полученных о борьбе с повстанцами, когда-либо упоминались евреи. Если и были евреи в этих группах то очень ограниченно.

Яррейс: Но здесь утверждали, что эту антиповстанческую борьбу вели с целью уничтожения евреев, это правда?

Буттлар-Бранденфельс: Я никогда ничего об этом не слышал.

Яррейс: Или уничтожении славян?

Буттлар-Бранденфельс: Опять, я никогда не слышал ни намёка на такую вещь. Такая интерпретация полностью противоречила бы намерениям военного руководства.

Яррейс: Почему?

Буттлар-Бранденфельс: Военное командование имело очень чёткий интерес в наличии мирной страны и производительного населения в тылу, и каждая мера которая была направлена на это приветствовалась военными властями. Каждый солдат которого нам приходилось использовать в повстанческой борьбе срочно требовался на фронте.

Яррейс: Политику на Востоке проводили так как желало в своих целях командование Вермахта?

Буттлар-Бранденфельс: Без всякого сомнения такого не было, потому что Вермахт был бы рад видеть другую политику на Востоке хотя бы ради добровольческих частей. Мы сами, своими методами, предпринимали попытки прийти к бескровному умиротворению страны даже среди повстанцев. Предпринимались большие пропагандистские кампании, чтобы убедить повстанцев прекратить сражаться. В определённых случаях были специальные переговоры с отдельными группами и при том, что это ограничивалось определёнными поводами и периодами, это было самым успешным.

Яррейс: Вам известен генерал фон Паннвиц[299]?

Буттлар-Бранденфельс: Да. Генерал фон Паннвиц был командиром 1-й казачьей дивизии.

Яррейс: Когда, пожалуйста?

Буттлар-Бранденфельс: Это должно было быть в течение 1943.

Яррейс: Верно, что этот генерал, как командир 1-й казачьей дивизии, этой добровольческой дивизии однажды жаловался в ОКВ на трудности которые он имел в своей дивизии?

Буттлар-Бранденфельс: Да. Генерал фон Паннвиц мой друг из моего старого полка. По этому поводу он приходил ко мне ставку – летом 1943 или может быть в течение осени – подробно обсуждал со мной положение дел в вербовке его войск и трудности в морали его подразделения, в частности из-за политики правительства на Востоке. Тогда он особенно жаловался на тот факт, что политика правительства не предусматривала для его дивизии никакой национальной цели, и он заявлял остальные жалобы на трудности переносимые военнослужащими его дивизии которые в то время находились в дороге и должны были быть расселены.

Яррейс: Йодль позаботился об этом деле?

Буттлар-Бранденфельс: Да. После визита я сообщил о предмете нашей беседы генерал-полковнику и попросил его использовать своё влияние в интересах наших добровольческих частей.

Яррейс: Влияние на кого вы имеете в виду?

Буттлар-Бранденфельс: Влияние на фюрера.

Яррейс: Но вы сказали мне, что Йодль не был компетентным в этом?

Буттлар-Бранденфельс: Генерал-полковник Йодль…

Яррейс: Доктор Яррейс, как относится к делу то, что какой-то генерал который командовал казачьей дивизией имел трудности с моралью? Какое это имеет отношение к делу?

Яррейс: Господин председатель, это был предварительный вопрос. Я перехожу к реальному вопросу. Это вопрос разделения компетенции и ответственности. Я сейчас задал свидетелю решающий вопрос.

[*Обращаясь к свидетелю*] Генерал…

Председатель: Какое отношение имеют предварительные вопросы к решающему вопросу? Какое может иметь отношение визит этого генерала? Что это за решающий вопрос?

Яррейс: Господин председатель, если я должен указать причину, я должен сказать свидетелю о том, что я хочу, чтобы он сказал мне. Тогда мой вопрос становится наводящим.

---

[299] Гельмут фон Паннвиц (1898 — 1947) — немецкий военачальник, кавалерист, участник Первой и Второй мировых войн. Генерал-лейтенант Вермахта. В 1943 году, по заданию верховного командования германской армии, сформировал коллаборационистскую организацию Казачий стан на территории СССР, которой и руководил до мая 1945 года, повешен после ареста в 1947 году по приговору советского суда.

Председатель: Что же, такое не необычно в этом суде.

Яррейс: Да, но я не хотел допускать такую ошибку.

Председатель: Что же, продолжайте доктор Яррейс. Трибунал надеется, что вы не займете слишком много времени этими предварительными вопросам которые ведут к решающим.

Яррейс: Извиняюсь, но я не понимаю.

Председатель: Я сказал, что трибунал надеется на то, что вы не займете слишком много времени этими предварительными вопросами до решающего.

Латернзер: Господин председатель, я могу значительно сократить допрос свидетеля, потому что я владею письменными показаниями свидетеля.

Председатель: Доктор Латернзер, почему вы у микрофона?

Латернзер: Милорд, я подумал, что доктор Яррейс закончил свой допрос, что у него больше нет вопросов к свидетелю.

Яррейс: Господин председатель, есть недопонимание. Фактически свидетель ответил на мой вопрос.

Председатель: Он ответил на это, не так ли?

Яррейс: Да, он ответил. Я просто хотел немного это расширить, но…

Председатель: Значит вы закончили, не так ли, доктор Яррейс?

Яррейс: Да. Я больше не имею вопросов к свидетелю.

Латернзер: Господин председатель, я могу значительно сократить допрос, потому что я имею письменные показания свидетеля которые он дал 20 мая 1946. Если это мой черед, я предлагаю представить эти письменные показания трибуналу. Но для того, чтобы меня не упрекали в неустановлении фактов, когда свидетель был доступен в зале суда, сейчас я спрошу свидетеля о том правильное ли содержание письменных показаний от 20 мая 1946.

[*Обращаясь к свидетелю*] Свидетель, содержание письменных показаний которые вы мне дали 20 мая 1946, правильное?

Буттлар-Бранденфельс: Они правильные.

Латернзер: Свидетель, вам известен генерал Хойзингер[300]?

Буттлар-Бранденфельс: Да, я знаю генерала Хойзингера.

Латернзер: Обвинение в своём деле против генерального штаба предъявило письменные показания номер 20, документ номер PS-3717, экземпляр номер USA-564, и на странице 2, цифра 4, этот генерал делает следующее заявление. Цитирую:

> «Моим личным мнением всегда было то, что обращение с гражданским населением и методы ведения антипартизанской войны в районах операций, одобренные высшими военными и политическими руководителями, отвечали требованиям проведения в жизнь планов

[300] Адольф Хойзингер (1897 — 1982) — немецкий военачальник, генерал (с 1957 года). Во время Второй мировой войны — начальник оперативного отдела генерального штаба сухопутных сил Третьего рейха, после войны — генеральный инспектор бундесвера, затем председатель военного комитета НАТО.

систематического уничтожения славянства и еврейства».

Теперь я хочу спросить вас, вы можете объяснить как генерал Хойзингер смог прийти к такому взгляду?

Буттлар-Бранденфельс: Я близко работал с генералом Хойзингером и очень часто обсуждал с ним вопросы касавшиеся антиповстанческой войны.

Латернзер: Да.

Буттлар-Бранденфельс: Он никогда ничего не говорил мне, что может выражать такой взгляд, и я не могу объяснить такое его заявление, потому что это полностью противоречит основным взглядам военного руководства на ведение антиповстанческой войны.

Латернзер: Благодарю. Почему главнокомандование антиповстанческой борьбой на Востоке в 1943, в Италии в конце 1943 и в начале 1944 передали по приказу фюрера Гиммлеру?

Буттлар-Бранденфельс: Фюрер всегда разделял взгляд на то, что антиповстанческая война была преимущественно задачей полиции и что полицейские силы лучше подходили к её ведению нежели частично пожилые силы безопасности армии которые мы могли направлять для этих задач. То насколько Гиммлер хотел получить новый всплеск власти в связи с этим я не знаю, как и не знаю насколько он мог предложить это фюреру.

Латернзер: В чём заключалось отношение ОКВ и в особенности оперативного штаба вооружённых сил к этому указу Гитлера?

Буттлар-Бранденфельс: Прежде всего следует подчеркнуть в связи с этим, что поскольку речь шла об оперативных районах, то изменений не было. Оперативный район оставался до конца, и в случае повстанческой войны, в распоряжении командующих. В остальных районах оперативный штаб вооружённых сил не совсем соглашался с такой организацией, потому что мы надеялись на то, что в этих зонах рейхсфюрер СС сможет использовать какие-то свои резервы, о которых нам было неизвестно, и тогда мы должны были высвобождать какие-то силы для фронта.

Латернзер: Свидетель, вы помните, что командующий Юго-Западом заявил срочную просьбу об исключении из этой меры, то есть, из передачи его полномочий по антиповстанческой войне Гиммлеру?

Буттлар-Бранденфельс: Эти случаи несколько раз обсуждались по телефону с генералом Вестфалем[301], и я считаю возможным, что он мог внести такое предложение в то время.

Латернзер: Лично вы не обсуждали это с командующим Юго-Западом?

Буттлар-Бранденфельс: С начальником?

Латернзер: С начальником, да. Как вы уже сказали, до войны вы были в центральном управлении генерального штаба сухопутных сил и как я знаю,

---

[301] Зигфрид Вестфаль (1902 – 1982) – немецкий военачальник. Генерал кавалерии. В 1943-1945 начальник штабов командований Вермахта на Юге, Юго-Западе и Западе.

занимались там комплектованием высших командных должностей. Теперь я хочу спросить вас о том какими принципами вы руководствовались при отборе командующих группами армий и армиями?

Буттлар-Бранденфельс: Эти назначения проводились согласно способности и длительности службы и назначения мирного времени формировали рамки для комплектования должностей во время мобилизации.

Латернзер: Эти назначения высших командиров производились строго в соответствии с военной точкой зрения?

Буттлар-Бранденфельс: Эти назначения производились полностью в силу военных соображений и отставных офицеров, некоторых из которых я убедил уйти ввиду политического давления, снова ставили на ответственные должности в случае мобилизации. Я бы хотел привести примеры генерала фон Лееба, генерала фон Крессенштейна[302], генерала фон Клейста[303], генерал-полковника фон Хаммерштейна.

Латернзер: И названные сейчас офицеры уже ушли в отставку к началу войны, но должны были занять высшие командные должности в случае мобилизации?

Буттлар-Бранденфельс: Да.

Латернзер: Центральное управление которое должно было комплектовать эти должности, когда-либо знало о том, что военное руководство сформировало группу с целью ведения агрессивных войн и пренебрежения международным правом в этих агрессивных войнах?

Буттлар-Бранденфельс: В центральном управлении мы ничего не знали о формировании такой группы. Вероятно я могу сказать в связи с этим, что в течение 1937-1939 довольно много офицеров из генерального штаба приходило повидать меня и подполковника фон Цильберга[304], как кадровых администраторов офицеров генерального штаба, и они беседовали с нами. Большинство этих офицеров были начальниками генеральных штабов армейских корпусов, армий и групп армий и следовательно были доверенными и ответственными консультантами командующих и командиров. Эти офицеры как и их командующие, сражались в Первую мировую войну, и они всегда высказывали нам мнение, что немецкую нацию нужно избавить от второй войны. Несмотря на всячески положительное отношение к успехам фюрера, было определённое беспокойство о его политике и в частности о скором перевооружении сил, что затрудняло аккуратную работу.

После мюнхенских переговоров доверие сильно укрепилось и в общее мнение офицеров заключалось в том, что фюрер продолжит добиваться успеха

---

[302] Фридрих Кресс фон Крессенштейн (1870 —1948) — германский военный деятель, генерал. Во время Первой мировой войны входил в группу немецких генералов и офицеров, которые командовали в армии Османской империи.

[303] Эвальд фон Клейст (1881 — 1954) — немецкий военачальник (с 1943 года фельдмаршал). Во время вторжения в СССР командовал танковой армией на южном направлении. Умер в советском плену.

[304] Густав фон Цильберг (1898 —1945) — генерал-лейтенант Вермахта. Начальник центрального управления генерального штаба сухопутных войск в 1939-1942. Казнён за халатность при расследовании покушения на Гитлера.

сохраняя мир.

Латернзер: В чём заключалось отношение высших командиров к Гитлеру после Мюнхенского соглашения?

Буттлар-Бранденфельс: После Мюнхенского соглашения я сделал вывод из своих бесед с офицерами генерального штаба, что у них было общее убеждение в том, что благодаря его политике, фюрер продолжит сохранять мир. Я помню, что даже 25 или 26 августа я видел фюрера в ставке в Цоссене, ведущего беседу с подполковником фон Цильбергом и несколькими другими офицерами. В то время эти офицеры все еще придерживались мнения, что войны не будет и что для того, чтобы политические цели фюрера стали достижимыми, необходимо лишь держать войска под жестким контролем, чтобы не вызвать политической катастрофы в результате сложения оружия.

Латернзер: Думаю этого достаточно, что касалось этого вопроса. Итак, относительно наступления в Арденнах в декабре 1944, когда началась подготовка к этому наступлению?

Буттлар-Бранденфельс: Насколько помню…

Председатель: Какое это может иметь отношение к делу спустя 5 лет войны?

Латернзер: Господин председатель, для моего следующего вопроса я бы хотел спросить свидетеля о командующих которых проинформировали об этом наступлении и когда. Важно установить какое взаимодействие существовало в этой группе. Я прошу вас позволить мне задать вопрос. Это предпоследний. Тот о котором я сказал последний.

Председатель: Очень хорошо, продолжайте.

Латернзер: Когда началась подготовка к наступлению в Арденнах?

Буттлар-Бранденфельс: Насколько помню, первые приготовления начались приблизительно в сентябре 1944.

Латернзер: Когда командующих проинформировали об этих намерениях, и командующим которые не принимали в нём участия сообщили о нём до его начала?

Буттлар-Бранденфельс: На последний вопрос я могу ответить: «Нет». На первый вопрос я не могу ответить, что касается даты, но я знаю, что в зоне которая предлагалась к наступлению верховным главнокомандованием уже была приказана передислокация войск до того как командующий на Западе который был ответственным был проинформирован, и что следовательно он делал частые запросы об объяснении этих передвижений.

Латернзер: Командующий на Западе, который позднее должен был приказать о наступлении, не был заранее информирован о передвижениях и переводе дивизий для наступления, которое целиком состоялось на его территории?

Буттлар-Бранденфельс: Да. Конечно, позднее его проинформировали.

Латернзер: Спасибо. У меня больше нет вопросов.

Председатель: Трибунал отложен.

[*Судебное разбирательство отложено до 10 часов 8 июня 1946*]

День сто пятидесятый

Суббота, 8 июня 1946

Утреннее заседание

[*Свидетель фон Буттлар-Бранденфельс вернулся на место свидетеля*]

Пристав: С позволения трибунала сообщаю, что подсудимые Гесс и Рёдер отсутствуют.

Председатель: В связи с ходатайствами о свидетелях и документах которые недавно заявили в суде, я рассмотрю их в том порядке в каком их рассматривали в суде.

Первое ходатайство, ходатайство Кальтенбруннера и три свидетеля о которых он просит допущены: Тифенбахер, Кандут и Штропп.

В ходатайстве подсудимого Шираха отказано.

В ходатайствах подсудимого Гесса и Франка о генерале Доноване отказано.

Ходатайства подсудимых Шпеера и Кейтеля удовлетворены, и ходатайство Йодля о письменных показаниях, как я думаю мы удовлетворили вчера.

Ходатайство подсудимого Геринга о двух свидетелях, Штуккарте[305] и Бурмате удовлетворено, но при условии, что три свидетеля могут быть вызваны по соответствующему предмету.

В связи с ходатайством подсудимого Гесса, трибунал распорядился о следующем:

Письменные показания бывшего посла Гаусса[306] от 17 мая 1946 отклонены на том основании, что это не согласуется с разрешением предоставленном 14 мая 1946, а предназначены не просто привести суть, но и форму секретных договоров и форма изложенная в письменных показаниях не удостоверена как правильная ни лицом которое подготовило копии ни тем кто сравнивал их с подлинниками.

---

[305] Вильгельм Штуккарт (1902 — 1953) — государственный деятель Третьего Рейха, государственный секретарь рейхсминистерства науки, искусств и народного образования (3 июля 1934 года — 14 ноября 1934 года), государственный секретарь министерств внутренних дел Рейха и Пруссии (30 июня 1936 года — 30 апреля 1945 года), исполняющий обязанности рейхсминистра внутренних дел и рейхсминистра науки, воспитания и народного образования (3 мая — 23 мая 1945 года), обергруппенфюрер СС (30 января 1944 года), Американским трибуналом был приговорён к 3 годам лишения свободы.

[306] Фридрих Гаусс (1881 – 1955) – немецкий юрист и дипломат. Занимал ряд ответственных должностей в министерстве иностранных дел Германии в 1923-1943. Участвовал в подписании советско-германского пакта о ненападении.

Подобные копии не могут быть приняты в качестве доказательства и трибунал дважды распоряжался об этом. Для трибунала имеет значение не форма договоров, а их содержание и доказательства об их содержании уже имеются у трибунала из показаний трёх свидетелей. Тоже самое правда в отношении предложения вызвать Гаусса в качестве свидетеля который лишь поддержит доказательства о содержании договоров которое не оспаривалось. Ходатайство от 23 мая 1946 пересмотреть предыдущее решение трибунала и ходатайство от 24 мая 1946 о вызове Гаусса в качестве свидетеля соответственно отклоняются.

Есть один вопрос который предлагает рассмотреть трибунал. В будущем, защитникам организаций которые обвинение просит трибунал объявить преступными не будет разрешено допрашивать или перекрёстно допрашивать любых свидетелей кроме как подсудимых в суде. Если они желают допросить или перекрёстно допросить таких свидетелей, они должны вызвать их в комиссии которые заседают сейчас с целью взятия показаний по вопросам связанным с организациями.

Это всё.

Кубушок: Я бы хотел озвучить дальнейшую просьбу по делу фон Папена. Я уже предъявил письменное ходатайство от 6 июня. Это обсуждали с обвинением и генеральный секретарь дал мне указание вынести вопрос в суде.

Принц Эрбах-Шёнберг заполнил опросный лист. Однако его ответы, частично неполные и иногда вводящие в заблуждение и таким образом необходимо их дополнить. Я предлагаю, чтобы принц Эрбах, который в Гмундене в американской оккупационной зоне Австрии, был доставлен и допрошен – вне суда, но в присутствии обвинения, чтобы дополнить этот опросный лист.

Мой коллега получил несколько дней назад письмо от графа Пфайля который проживает в Бад-Ишле, что также в американской оккупационной зоне Австрии, неподалеку от Гмундена, места жительства принца Эрбаха. В этом письме он сделал подробные заявления о контактах которые подсудимый фон Папен имел с кругом заговорщиков включённых в покушение 20 июля. Поскольку этот вопрос поднял свидетель Гизевиус, защита счиает себя обязанной обсудить это в презентации доказательств, при том, что она не придаёт этому большого значения. Эти показания можно наверное представить при помощи письменных показаний.

Я прошу о том, чтобы граф Пфайль был доставлен сюда одновременно с принцем Эрбахом для того, чтобы он мог дать письменные показания в присутствии обвинения. Абсолютно важно доставить их обоих сюда, потому что дело фон Папена грядёт, и мы не можем заниматься вопросами переписки.

Председатель: Доктор Кубушок, обратите наше внимание на конкретные пункты в которых как вы говорите опросный лист принца Эрбаха-Шёнберга неполный или вводящий в заблуждение?

Кубушок: В связи с одним из предыдущих вопросов в этом опросном листе, принц

Эрбах ответил, что подсудимый фон Папен желал добиться своей цели мирными средствами нежели силой. Свидетель ответил на последний вопрос о том поступал ли подсудимый фон Папен в соответствии с этими политическими принципами следующим образом:

> «До тех пор пока я находился там у меня складывалось впечатление о том, что подсудимый фон Папен поступал в соответствии с этими принципами – то есть, создание отношений мирными средствами, чем силой».

Это последнее заявление противоречит первой части ответа. Более того, эта последняя фраза вряд ли соответствует фактам.

Председатель: Вы говорите, что этот ответ неполный или противоречивый?

Кубушок: Есть противоречие. «Чем силой» противоречит первой части его ответа, тому, что он поступал согласно этим принципам. Эти вопросы…

Председатель: Ответ который у меня:

> «До тех пор пока я был там у меня складывалось впечатление, что подсудимый фон Папен поступал в соответствии с этой политикой создания отношений при помощи мирных средств чем силой».

В английском языке нет ничего противоречивого.

Кубушок: В немецком тексте сказано: «Чем силой». Слово «чем силой» беспокоит меня и противоречиво. Это не одно и тоже – а именно, что он хотел добиться связей только мирным образом, а не силой.

Председатель: Это означает тоже самое. Это означает, что он хотел создать отношения мирными средствами нежели силовыми средствами. Он имеет в виду «не силой».

Кубушок: Такая версия может привести к предположению о том, что подсудимый фон Папен даже мог рассматривать немирные средства. Мы хотим доказать, в соответствии с вышеуказанным ответом, что с самого начала он отвергал все средства кроме мирных средств, и никогда не вёл о них речь. Однако если высокий трибунал интерпретирует опросный лист так как он сказал, то у меня нет никакой причины дополнять это.

Председатель: В английском языке это не может означать, что-то другое. Я не знаю, что это может значить в немецком языке.

Кубушок: В немецкой версии это переводится так: «Я бы предпочел мирные средства силе; в крайнем случае, возможно, придется рассмотреть другие, не мирные средства». Такой была бы интерпретация в немецком переводе.

Мы хотим ясно установить факт, что никогда не рассматривались никакие другие средства кроме мирных.

Максвелл-Файф: Чтобы избежать любых затруднений, я бы хотел заверить трибунал в том, что обвинение приняло ответ в том смысле в каком сказал ваша светлость. Сейчас мы не предлагаем, что принц Эрбах дал бы какой-то другой ответ

чем в том смыслы в каком это принял трибунал.

Председатель: Вероятно можно устранить сложность если вы согласитесь читать слова в смысле «не силой».

Максвелл-Файф: Как угодно вашей светлости.

Председатель: Да.

Кубушок: Тогда, конечно я согласен. И я бы хотел получить решение трибунала о том должен ли быть доставлен сюда граф Пфайль для дачи письменных показаний.

Председатель: Вы имеете в виду другой свидетель?

Кубушок: Второй свидетель, граф Пфайль, который написал письмо которое мы желаем предъявить высокому трибуналу в форме письменных показаний.

Председатель: Мы рассмотрим это, когда выслушаем сэра Дэвида.

Есть какие-нибудь ещё несоответствия и противоречия на которые вы желаете обратить наше внимание в опросном листе принца?

Кубушок: Нет.

Председатель: Письмо графа Пфайля перевели?

Кубушок: Нет, пока не переводили. Но это просто письмо, идентичность которого мы не можем доказать, и вот почему мы хотели письменные показания в надлежащей форме.

Председатель: Будет ли самого письма достаточно если обвинение готово допустить письмо?

Кубушок: Да, этого будет достаточно, ибо мы разумеется докажем письменными показаниями не более чем то, что содержалось в письме.

Максвелл-Файф: Милорд, я не имею возражения допуску письма.

Председатель: Очень хорошо. Спасибо, сэр Дэвид.

Тогда опросные листы принца Эрбаха-Шёнберга будут изменены таким способом как мы указали, и письмо графа Фридриха Карла фон Пфайля будет допущено.

Максвелл-Файф: Позволит ли мне ваша светлость упомянуть один пункт который возник во вторник.

Ваша светлость может вспомнить, что подсудимый Йодль заявил о том, что обвинение не разрешило ему упомянуть документ. Милорд, таким образом возникло недопонимание. Ваша светлость может вспомнить, что на более ранней стадии рассмотрения свидетелей и ходатайств, я возражал общим доказательствам о связывании, потому что я сказал о том, что обвинение не представляло доказательств о связывании немцами как часть своего дела, и таким образом это не казалось мне вопросом который следовало развивать. Я это высказал и господин Робертс который занимается более поздними этапами занял такую же позицию.

Видимо это было понято как включение возражения приказу Вермахта который упоминал подсудимый Йодль, и который он хотел использовать как ответ на передачу британского военного кабинета. Думаю можно сделать такое замечание.

Я разумеется не желал возражать тому, чтобы подсудимый Йодль внёс ясность в приказ Вермахта который был частью подготовки приказа коммандос, и я так сказал тогда.

Я бы не хотел, чтобы трибунал подумал о том, что я как-то высказываюсь в отношении учёных профессоров которые ведут защиту по делу Йодля, или высказываюсь о том, что они выдвинули в отношении меня обвинение. Поэтому я подумал, что трибунал позволит мне ненадолго объяснить, что это было недопонимание, и что никто из нас не считает, что нам как-то повредило сказанное другими.

Председатель: Есть, что-то ещё, что необходимо сделать в связи с допуском или предъявлением этого?

Максвелл-Файф: Вовсе нет, потому что я отказался от всякого возражения, и подсудимому Йодлю разрешили во время дачи показаний дать полное объяснение касательно этого. Я лишь хотел, чтобы было понятно как возникло это недопонимание, и что я не считаю, что профессор Экснер или профессор Яррейс сделали какие-то необоснованные обвинения в отношении меня.

Председатель: Хорошо.

Максвелл-Файф: Большое спасибо.

Нельте: Я бы хотел задать свидетелю один вопрос.

Свидетель, в отношении фельдмаршала Кейтеля предъявлено обвинение в том, что он – цитирую – «вместо того, чтобы поддерживать и защищать своих подчинённых офицеров угрожал им; да, он угрожал им передачей Гестапо».

Вы можете привести нам факты об этом обвинении которые доказывают, что такого не было?

Буттлар-Бранденфельс: Я могу свидетельствовать, что фельдмаршал Кейтель, как начальник, всегда хорошо относился к офицерам оперативного штаба вооружённых сил. Например, отношения между ним и полковником Мёнчем, который был близко связан с ним как с начальником организационного отдела были почти отцовскими, он глубоко скорбил о его смерти в бою на Восточном фронте.

Я также могу сказать, что лично я, вместе с подполковником Цирфогелем[307], человеком Ia[308] в моём штабе, в 1944 на основе фактического несогласия с штабом рейхсфюрера СС был обвинён в письме фельдмаршалу Кейтелю в саботаже взаимодействия между ОКВ и рейхсфюрером СС и ведении войны. В своём ответе, который я видел лично, фельдмаршал Кейтель всячески нас защищал и говорил, что он берёт всю ответственность за всё сделанное его подчинёнными офицерами.

Нельте: Большое спасибо. Больше нет вопросов.

---

[307] Гельмут Цирфогель (1909 - ?) – подполковник Вермахта. В августе 1943 – октябре 1944 сотрудник оперативного отдела сухопутных войск оперативного штаба Вермахта.

[308] В немецкой военной организации указанный шифр означает аппарат начальника какого-либо ведомства.

Председатель: Есть какой-либо перекрёстный допрос?

Робертс: Милорд, я не предлагаю проводить перекрёстный допрос. Это конечно не следует принимать как то, что обвинение принимает всё как правдивые показания. Но весь вопрос жестокостей на Востоке настолько тщательно охвачен доказательствами и документами, милорд, что думаю было бы неправильно и утомительно если бы я проводил перекрёстный допрос.

Председатель: Да, господин Робертс.

Робертс: Милорд, был ещё один пункт. Доктор Латернзер в интересах экономии времени предъявил письменные показания этого свидетеля от 20 мая 1946.

Милорд, конечно, мы всячески стремимся оказать содействие доктору Латернзеру в любых усилиях с его стороны для экономии времени, и мы не заявляем никаких возражений письменным показаниям. Но я не вполне уверен в том, что это за письменные показания и о том предъявлены ли они в качестве доказательства – в таком случае им должен быть присвоен номер – или же они должны пойти в комиссию.

Председатель: Не думаю, что нужно присваивать регистрационный номер. Его предъявили свидетелю и он говорит, что показания были правильными. Это позволяет доктору Латернзеру ссылаться на них.

Робертс: Да, милорд. Тогда я предлагаю, чтобы обвинение получило копии. Это можно организовать?

Председатель: Конечно.

Робертс: Милорд, господин Додд отмечает, что мы не видели письменные показания, мы не знаем, что они содержат. Но мы получим копию и если нам понадобится заявить ходатайство мы сможем это сделать.

Председатель: Когда письменные показания используют подобным образом и предъявляют свидетеля во время дачи показаний, конечно письменные показания следует предоставлять обвинению для того, чтобы оно могло видеть, что в них, чтобы можно было провести перекрёстный допрос если оно пожелает это сделать.

Робертс: Да.

Председатель: В данном случае это не сделали. Лучше всего будет предоставить письменные показания обвинению, и оно может, если пожелает, ходатайствовать о допросе о них в комиссии.

Думаете это нужно? Вероятно вы можете посмотреть письменные показания и решить нужно ли оставлять здесь свидетеля.

Робертс: Милорд, я покорно согласен.

Председатель: И нам нужно оставить свидетеля в Нюрнберге?

Робертс: Милорд, мы принимаем приглашение изучить письменные показания на выходных и затем, при необходимости, мы сможем заявить ходатайство в понедельник.

Председатель: Да, очень хорошо. Тогда свидетель может удалиться.

[*Свидетель покинул место свидетеля*]

Председатель: Доктор Яррейс вы вызываете следующего свидетеля?
Яррейс: Да, если таково желание трибунала. С разрешения трибунала я желаю вызвать майора Бухса[309] в качестве моего следующего свидетеля. Майор Бухс.

[*Свидетель Бухс занимает место свидетеля*]

Председатель: Назовите, пожалуйста своё имя?
Бухс: Герберт Бухс.
Председатель: Повторяйте за мной эту присягу: «Клянусь господом – всемогущим и всевидящим, что я скажу чистую правду и не утаю и не добавлю ничего».

[*Свидетель повторил присягу на немецком языке*]

Председатель: Вы можете сесть.
Яррейс: Свидетель, какую должность вы занимали в последние годы войны?
Бухс: С ноября 1943 я был офицером генерального штаба воздушных сил служившим при начальнике оперативного штаба вооружённых сил, и в этом качестве я был вторым адъютантом генерала Йодля.
Яррейс: И вы находились на этой должности до конца войны?
Бухс: Я оставался в этой должности до конца войны, до нашего ареста 23 мая 1945.
Яррейс: Свидетель, в течение времени, когда вы находились в ставке фюрера, вы находились в разных местах этих ставок?
Бухс: Да. Я был в ставке в Восточной Пруссии и кроме того, я был в ставке в Берлине и в 1944 также в Берхтесгадене.
Яррейс: Говорилось о том, что в ставке фюрера была партийная клика. Вам об этом, что-нибудь известно?
Бухс: Если я должен понимать под этим круг людей, я бы назвал Фегелейна, Бормана и Бургдорфа[310].
Яррейс: Вы бы сказали, что это была клика?
Бухс: Это были три господина которые находились в очень тесном личном и официальном контакте и которые производили такое впечатление на посторонних.
Яррейс: Это были очень тесные официальные и личные отношения между ними или с другими?
Бухс: Они имели не только очень близкие отношения друг с другом, но я также

[309] Герберт Бухс (1913 – 1996) – немецкий военачальник. В 1943-1945 адъютант ВВС в оперативном штабе Вермахта.
[310] Вильгельм Бургдорф (1895 — 1945) — немецкий офицер, генерал пехоты. В октябре 1944-апреле 1945 главный адъютант Гитлера. Покончил жизнь самоубийством в ходе битвы за Берлин.

замечал, что эти три господина имели очень сильное влияние на самого Адольфа Гитлера.

Председатель: Доктор Яррейс, вы снова уточните имена? Они до нас чётко не дошли.

Яррейс: Да.

[*Обращаясь к свидетелю*] Майор, будьте любезны медленно произнести имена трех господ которых вы сейчас назвали?

Бухс: Фегелейн, офицер связи Гиммлера с Адольфом Гитлером; Борман глава партийной канцелярии и представитель партии и генерал Бургдорф, который имел двойственную позицию начальника управления кадров сухопутных сил и одновременно главного адъютанта вооружённых сил при фюрере.

Яррейс: Генерал Йодль имел официальные отношения с каждым из этих трёх господ?

Бухс: Если позволите, начну с Фегелейна: Фегелейн как офицер связи с Гиммлером был, что касалось фюрера, человеком к которому он обращался по всем вопросам материального и личного обеспечения дивизий Ваффен-СС всякий раз, когда эти вопросы возникали во время обсуждений обстановки в связи с введением этих дивизий в бой. В связи с этим моменты которые попадали в область Фегелейна часто поднимались во время докладов об обстановке. Но официальная связь между Йодлем и Фегелейном была отдалённой.

Яррейс: Что насчёт Бормана?

Бухс: Работая с Борманом как заместителем по партии, генерал Йодль строго определял собственную область военных задач. Он всегда отвергал жалобы или необоснованные обвинения или возможные нападки против вооружённых сил. Я свидетель этому в особенности во время войны на немецкой земле, и часто были трения между гауляйтерами которых назначили рейхскомиссарами обороны. Например я видел, что генерал Йодль получая жалобы или письма от Бормана просто возвращал подлинники с довольно резкими пометками на полях о своих взглядах. Если это не имело влияния, он немедленно высказывал свои взгляды фюреру всеми доступными способами для того, чтобы получить его решение по спорному вопросу.

Яррейс: И третий из этих господ, Бургдорф?

Бухс: По моим воспоминаниям, генерал-полковник Йодль имел очень небольшой личный контакт с генералом Бургдорфом, хотя это Бургдорф обсуждал с фюрером важные вопросы назначений командующих и высших офицеров. Получилось, что я знал, что генерал Бургдорф прежде всего обсуждал эти вопросы с фюрером наедине, таким образом генерал Йодль имел сравнительно малое влияние в этом направлении.

Яррейс: Теперь я бы хотел выслушать вас свидетель о том, какие личные отношения существовали между генерал-полковником Йодлем и каждым из этих

трёх господ.

Бухс: Йодлю не нравился Фегелейн, потому что, как мне кажется – он очень рано распознал недостатки его характера. Я знаю, что он несколько раз вызывал Фегелейна, чтобы отчитывать его и упрекать.

Что касается Бормана, я должен сказать, что генерал Йодль вообще не имел с ним никакой связи. Я также никогда не замечал никаких личных или неформальных отношений между ними. То, что я сказал о Фегелейне также относится к его отношениям с генералом Бургдорфом, который генералу Йодлю, наверное тоже лично не нравился.

Яррейс: Тепер я перехожу к другому пункту. Свидетель, вам, что-нибудь известно о том факте, что на последнем этапе войны рассматривалась возможность оставить на произвол ярости населения определённую категорию пленных вражеских лётчиков? Вы слышали об этом?

Бухс: Да. Я вспоминаю, что весной 1944, в Берхтесгадене, фюрер яростно требовал, чтобы союзных лётчиков которые совершали вынужденные посадки в Германии вооруженные силы больше не защищали от народного гнева. Это требование основывалось на докладах утверждавших, что крейсляйтер партии и офицер воздушных сил защитили союзного лётчика. В то время фюрер заявил это требование в очень резкой и ясной манере. Он требовал, чтобы вооруженные силы издали соответствующие приказы, чтобы положить этому конец.

Яррейс: Гитлер также заявил такое требование генералу Йодлю?

Бухс: Это требование заявили на совещании об обстановке в присутствии этих господ и самого Йодля, но я не думаю, что генерал Йодль имел какую-то личную связь с вопросом, так как это не было прямо связано с военными вопросами.

Яррейс: Генерал вообще не комментировал вопрос?

Бухс: Генерал Йодль, как и все остальные господа, отверг это требование и со своей стороны делал всё, что мог, чтобы разубедить фюрера в этом требовании. Он сразу занял критическое отношение, которое позднее подробно высказал приведя четыре случая нарушения международного права со стороны союзных лётчиков.

Яррейс: Мне на самом деле не нужно спрашивать вас об этом, ибо мы имеем документальные доказательства этого. Если Гитлер был настолько разгневан и срочно требовал указ который вы описали, можно было следовать затягиванию?

Бухс: В том случае, когда фюрер в разгаре гнева заявлял такие требования, господам было невозможно сразу возражать ему, кроме как прямо отказаться исполнять приказ. Им не оставалось ничего другого – генерал Йодль часто использовал такую тактику, постараться получить информацию, аргументацию «за» и «против» и запрашивая комментарии и мнения у всех заинтересованных ведомств, собирать материалы и при подходящей возможности снова обратиться к фюреру с вопросом и постараться разубедить от его экстравагантного требования. Внешне это приводило к длительной переписке, в которой материалы разнообразных заинтересованных

ведомств направляли туда сюда, все это с намерением как можно сильнее затянуть дело, по возможности, полностью положив его на полку. Моё впечатление, что касалось лётчиков-террористов, заключалось в том, что в этом случае нам это удалось даже при том, что внимание фюрера постоянно обращали на это новыми докладами и заявлениями и он требовал, чтобы указ был введён в действие.
Яррейс: Значит никакой приказ не издали?
Бухс: Я не знаю о таком приказе.
Яррейс: Вы можете привести инцидент который ясно показывает, что не было принято никакого такого указа?
Бухс: Однажды в августе 1944 меня довольно спешно лично вызвали на отчёт фюреру. После воздушного налёта на Мюнхен, Фегелейн довольно жестоко описал Гитлеру атаки на бреющем полёте и сообщил об инциденте где самолёт был сбит противовоздушной артиллерией и двое союзных лётчиков совершили вынужденную посадку на парашютах. Когда их захватили и доставили к вахмистру противовоздушной артиллерии, он лично сказал, что он потребовал привлечь человека к ответственности и спросил его, почему он не расстрелял двух лётчиков. Человек ответил: «Потому что я не имел никаких приказов сделать это». В тот момент я вставил собственный отчёт о том, что никакого такого приказа не существовало. И тогда фюрер упрекнул самым жестоким образом, из-за того, что руководящие люди из вооруженных сил не издали такой приказ. Тогда, конечно, он снова потребовал, чтобы этот приказ исполняли.
Яррейс: Потом это исполняли?
Бухс: Нет, ибо это был период после 20 июля и время кампании на Западе, когда были более срочные вопросы. И ввиду всех этих вопросов обращение с лётчиками-террористами отложили в сторону.
Яррейс: Свидетель, вам известно об инциденте в Берлине – кажется в марте 1945 – который предположительно произошёл в рейхсканцелярии, где фюрер снова пожаловался на то, что несмотря на его требование указ не приняли?
Бухс: Я вспоминаю, что в марте 1945 фюрер снова очень горячно высказывался об этой проблеме генералу Коллеру[311] который тогда был начальником генерального штаба воздушных сил. Лично я не присутствовал в начале этой беседы. Однако меня вызвали, и фюрер сказал что-то о том, что на при отношении вооруженных сил и в особенности воздушных сил, ему невозможно было противопоставить террору союзных лётчиков над Германией соответствующий контртеррор…
Яррейс: Секундочку свидетель. Вы сказали, что не присутсовали во время всей дискуссии.

Господин председатель, мы имеем опросный лист который хотим предъявить трибуналу. Он в нашей документальной книге, том II, страница 178 и

[311] Карл Коллер (1898 — 1951) — немецкий генерал авиации и начальник Генерального штаба ВВС нацистской Германии во Второй мировой войне.

показания генерала авиации Коллера. Показания под номером 5, который на странице 180 документальной книги, содержат все детали представляющие ценность для сохранения этого чрезвычайно важного совещания в Берлине. Лишь часть этой беседы состоялась в кабинете фюрера. Еще одна часть состоялась в приёмной – как например, с Кальтенбруннером – в то время как с Герингом вели телефонный разговор. Для того, чтобы сэкономить время и избежать расчленения вопроса, я бы хотел получить разрешение трибунала представить их целиком, при том, что свидетель слышал только часть.

В отношении Йодля последние фразы гласят в целом – мне кажется, господин председатель, мы можем сэкономить время если я представлю это сейчас.

Прежде всего, я должен прочитать первый вопрос поставленный генералу Коллеру который находится на странице 179. Там свидетеля спросили:

> «Как долго вы были начальником генерального штаба воздушных сил?»
>
> Ответ на следующей странице и это:
>
> «С 1 сентября 1943 по 3 сентября 1944 я был начальником оперативного штаба воздушных сил; с 23 ноября 1944 начальником генерального штаба воздушных сил».
>
> Вопрос 5 – и это вопрос интересующий нас – на странице 179:
>
> «Вы припоминаете, что приблизительно в марте 1945 в бункере рейхсканцелярии фюрер ругал вас и воздушные силы, из-за того, что такой приказ не отдали»?
>
> Ответ, страница 180:
>
> «Да, я точно помню. Заметку взятую из сообщения союзного корреспондента между началом и серединой марта 1945 положил перед фюрером Борман во время обсуждения обстановки. Вкратце она гласила, что-то такое:
>
> Американский боевой экипаж лётчиков сбитый над Германией перехватили передовые американские войска. Они заявили о том, что с ними плохо обращалось разгневанное население, грозило смертью и наверное убило бы если бы немецкие солдаты не освободили их и не взяли под свою охрану.
>
> Далее Борман заметил фюреру в нескольких словах, что это подтвердилось, что солдаты в таких случаях выступали против населения.
>
> b) Гитлер с гневом обратился ко мне и нервно сказал:
>
> Я же отдал приказ о том, чтобы экипажи которые выбросились с парашютом не защищали от населения. Эти люди просто убивают немецких женщин и детей. Неслыхано, что немецкие солдаты должны предпринимать меры, чтобы защищать их от собственного населения,

которое поступает из мотива справедливой ненависти. Почему мои приказы не исполняют?

Удивленный такой нападкой я ответил что-то вроде такого:

Я ничего не знаю о таком приказе, и в любом случае это будет практически невозможно.

Гитлер обратился ко мне и сказал очень громко и резко:

Причина почему мои приказы не исполняют это трусость Люфтваффе, потому что господа из Люфтваффе трусы и боятся, как бы чего с ними не случилось. Всё дело в пакте о трусости между Люфтваффе и британскими и американскими лётчиками.

Гитлер затем обратился также к Кальтенбруннеру, который оказался стоящим позади и продолжил, обращаясь к нему, однако иногда не глядя на него:

Сим приказываю, чтобы все экипажи бомбардировщиков которые выбросились с парашютом за последние несколько месяцев, а также все экипажи бомбардировщиков выбросившиеся в будущем, были переданы Люфтваффе СД и были ликвидированы СД. Всякий кто не выполняет мои приказы или предпринимает действия против населения подлежит смертной казни и расстрелу.

Затем Гитлер дальше высказал в общих чертах своё возмущение и свои взгляды на вопрос. У собравшихся офицеров сложилось впечатление общего удивления и неодобрения.

с) После обсуждения обстановки с фюрером я попросил побеседовать с Кальтенбруннером в коридоре. Важные пункты:

Коллер: Невозможно выполнять такие приказы. Люфтваффе не будут иметь с этим ничего общего как и я – я могу сказать за рейхсмаршала. Не может быть и речи, что Люфтваффе как-то согласятся с этим.

Кальтенбруннер: Фюрер полон ошибочных идей. Обязанности СД постоянно неправильно понимают. Эти вещи не касаются СД. Больше того, ни один немецкий солдат не сделает то, что требует фюрер. Так не поступают немецкие солдаты. Они не убивают пленных. Если отдельные фанатичные сторонники партии господина Бормана попытаются так делать, немецкие солдаты вмешаются. Фюрер имеет совершенно ложную идею о взглядах наших солдат. Больше того, я лично не буду ничего делать с этим. У меня нет никакого намерения, что-то делать. Нам нужно позаботится о том, чтобы снова выпутаться из этого, иначе нас первых расстреляют. Мы должны выиграть время. Я все равно опять покину Берлин на довольно долгое время.

Коллер: Значит мы согласны в основном. Ваш отъезд из Берлина пойдет на пользу. Но у нас должен быть другой способ в отношении

фюрера, так как возможно, что он снова завтра обратится к этому. Позже если станет невыносимо, нам нужно будет понять как положить конец этому делу или что случиться с нами?

По моему предложению решили о следующем:

Ни один приказ в таких чертах изданный фюрером не будет принят Люфтваффе или СД.

Передача СД – никого.

В случае если фюрер снова обратится к своему приказу, тогда, прежде всего, помешать дальнейшей акции следующим образом: все члены лётных экипажей взятые в плен раньше не в руках Люфтваффе, а рассеяны под контролем командующего армией резерва. Время пленения неизвестно центральному ведомству. Поэтому идёт долгая и трудная процедура установления количества лётного состава взятого в плен в последние несколько месяцев.

Также, нужно подробно разработать их изъятие не привлекая внимание. Вновь захваченные экипажи автоматически идут в центры дознания. Это в процессе перевода ввиду операций. Связь плохая.

Необходимы тщательные обсуждения и согласования с СД. Для того, чтобы сохранять видимость обсуждения, офицер I-с[312] из высшего командования воздушных сил (I-с ОКЛ[313]) должен быть делегатом при Кальтенбруннере которого, однако, сначала нужно назначить.

d) После обсуждения обстановки с фюрером я переговорил с фельдмаршалом Кейтелем на входе в бомбоубежище и сказал:

Приказ фюрера это безумие – Кейтель подтвердил: Разумеется – Люфтваффе должны сохранить честь мундира. Приказ нельзя исполнять. Я убеждён в том, что рейхсмаршал полностью согласен со мной. Чтобы принять такой приказ – и устно – и более того с такими угрозами наказания. Он должен подписать подобный приказ от своего имени. Может его будут исполнять, но не Люфтваффе. Ни СД, я переговорил с Кальтенбруннером.

Фельдмаршал Кейтель: Он не подпишет такой приказ и всё как всегда ляжёт на плечи ОКВ. Но будь я проклять если я издам такой приказ.

Коллер: Люфтваффе не могут присоединится к этому ни при каких обстоятельствах. Мы не примем такую ответственность.

Фельдмаршал Кейтель: Вы правы, я тоже не могу. Я должен подумать над тем, что можно сделать и как мне это сделать.

Беседа была прервана, потому что Кейтеля вызвали к телефону.

---

[312] В немецкой военной организации указанный шифр означает службу разведки и информации о противнике.

[313] ОКЛ (нем. Oberkommando der Luftwaffe, нем. OKL) — Верховное командование люфтваффе, верховный орган управления ВВС Германии до и во время Второй мировой войны.

Кейтель был очень возмущен и раздражён приказом фюрера.

е) После отдыха в боковой комнате бомбоубежища, мне снова пришлось идти через приёмную конференц-зала, чтобы пройти к гардеробу и выходу. Гитлер случайно вышел из комнаты, чтобы отдать приказ ординарцу, и он подозвал меня, когда я проходил мимо. Дверь в конференц-зал была открыта и Лей сидел за столом. Гитлер сказал мне:

Я должен снова вернуться к своему приказу. Вы все должны мне помочь, ибо так продолжаться не может. Люфтваффе – или по крайней мере оборона Рейха – потерпела крах. Что я должен предпринимать против ужасного бомбового террора который убивает немецких женщин и детей?

Коллер: Воздушная оборона и наши экипажи делают всё, что могут и что человечески возможно. Наш недостаток воздушного вооружения и нынешнее техническое и количественное превосходство противника нельзя преодолеть за ночь. Когда поисковые части усилятся, воздушная обстановка над Германией будет больше в нашу пользу.

Гитлер: Я не могу ждать это. Я больше не могут быть ответственным перед немецким народом за продолжение такой ситуации в воздухе. Если такие лётчики поймут, что их ликвидируют как террористов, они дважды подумают прежде чем здесь летать.

Коллер: Это разумеется не улучшит ситуацию в воздухе. Напротив это сделает её ещё хуже.

Гитлер: Нет, японский метод самый лучший.

Гитлер снова успокоился в сравнении с тем, что было во время обсуждения обстановки. Он казался более вменяемым. Опыт показывал, что было лучше говорить с ним наедине чем в присутствии остальных. Я подумал, что это хорошая возможность атаковать всю проблему и сказал:

Могу ли я высказать свою точку зрения. Думаю это не надо делать. Подобные меры настолько грубо противоречат воспитанию, чувствам и мировоззрению всех солдат, что их нельзя проводить. Нельзя готовить солдат по правилам ведения войны и достойного поведения и затем приказывать акции которые омерзительны каждому. Мой фюрер, вам не следует забывать, что вражеские лётчики тоже исполняют приказы, и выполняют свой долг как и наши. Если их сбивают или принуждают к посадке, они беззащитные и невооруженные пленные. Что о нас подумают в мире? И первое, что противник сделает это будет также обращаться с нашими лётчиками. Это нечто за что мы не можем отвечать перед нашими мужчинами и

их родственниками. Вся их готовность служить и их дисциплина рухнет одним махом.

До этого момента фюрер меня не перебивал. Взглянув на меня в первый раз, он снова отвернулся и, казалось, задумался. Однако он слушал и в этот момент прервал меня и сказал тихо и серьезно:

Значит в конце концов Люфтваффе боятся. Отлично. Но я ответственный за защиту немецкого народа и не имею никаких других средств кроме этого.

Гитлер отвернулся и вернулся в конференц-зал.

f) После моего прибытия в ставку Люфтваффе (Курфюрст) я рассказал полковнику фон Браухичу[314] о том, что случилось и приказал ему как можно скорее доложить об этом рейхсмаршалу. Сам я не мог связаться с рейхсмаршалом в тот момент. Во время беседы Браухич тоже высказал неодобрение приказу фюрера.

g) Час или два спустя меня вызвал рейхсмаршал и начал следующими словами: Скажите, он полностью чокнулся?

Было совершенно ясно кого он имел в виду. Я лично доложил рейхсмаршалу о принципиальных событиях и беседе с Кальтенбруннером и добавил:

Я не буду исполнять этот приказ и всё, что с этим связано. Я постараюсь сделать так, чтобы выиграть время, в любом случае сделать всё в моей власти, чтобы защитить любого из нас от катастрофических последствий. Вероятно после прошлого совещания фюрер не будет ссылаться на свой приказ снова. Однако если он так сделает, возникнет очень сложная ситуация, и вам нужно будет лично пойти к фюреру. Ни в коем случае нельзя допустить, чтобы случилось то о чём приказал фюрер.

Рейхсмаршал высказал сильное неодобрение отношению Гитлера и согласился со мной по всем пунктам. Он приказал мне действовать как предложил я, немедленно информировать его при необходимости и закончил беседу такими словами: «Все это безумие и так нельзя».

h) Меры против союзных лётчиков на основе вышеуказанного приказа фюрера не предпринимали ни Люфтваффе ни СД. Этот приказ не стал известен, по моему мнению, командованию армии резерва или его ведомствам, так как командование армии резерва не присутствовало на встрече с фюрером и приказ не был передан высшим командованием вооруженных сил (ОКВ)

Гитлер больше не ссылался на свой приказ ни рейхсмаршалу ни мне ни моему представителю или думаю, Кальтенбруннеру. Точнее, я

[314] Бернд фон Браухич (1911 – 1974) – полковник Люфтваффе. В 1941 – 1945 адъютант Г. Геринга.

никогда не говорил с последним об этом вопросе.

Я не могу судить умышленно ли Гитлер позволил вопросу сойти на нет или же забыл об этом под давлением событий.

i) Я знаю, что приблизительно две-три недели спустя была издана директива ОКВ – думаю по телетайпу – в которой, как я вспоминаю упоминалось сообщение корреспондента которое привело к этому. Она раскрывала тот факт, что фюрер высказал своё неудовольствие тем, что немецкие солдаты предприняли действия против собственного народа.

Никак не упоминался основной пункт приказа Гитлера. Если я правильно помню директива была подписана Кейтелем, и к ней следует относится как к попытке прикрыть себя в отношении фюрера

По моему мнению генерал Йодль вообще не имел к этому делу отношения».

Свидетель, поскольку вы присутствовали на этой встрече, картина представленная Коллером правильная?

Бухс: Я лично помню что-то вроде следующей формулировки фюрера: «Это из-за того, что в Люфтваффе руководствуются политикой взаимного страхования «не бей меня, я не бью тебя». Это была фраза которая сильней всего произвела на меня впечатление, которая подчеркивала сказанное…

Яррейс: Благодарю. Тогда мне не требуется задавать вам другие вопросы об этом.

Председатель: Доктор Яррейс мы прервёмся.

[*Объявлен перерыв*]

Яррейс: Свидетель, я полагаю, что вы можете вспомнить как были обставлены ставки фюрера.

Бухс: Да, я ещё помню.

Яррейс: В кабинетах занятых фюрером, фельдмаршалом, генералом и вами на стенах были карты?

Бухс: Да, и также в Восточной Пруссии – в частности в ставке – фюрер имел топографическую карту Германии, а также политическую карту Европы и были похожие карты в других комнатах.

Яррейс: Там висели и карты Германии?

Бухс: Да.

Яррейс: И соседние территории на которых были отмечены красными и синими кружками исправительные учреждения и концентрационные лагеря?

Бухс: Нет. Ни в ставке в Восточной Пруссии ни в рейхсканцелярии в Берлине, ни в Бергхофе в Берхтесгадене, я никогда не видел такую карту.

Яррейс: В 12 часов 30 минут 11 мая 1946 мюнхенская радиостанция огласила

письмо художника утверждавшего, что он видел карты в ставках фюрера которые могли предназначаться только для того, чтобы показывать расположение концентрационных лагерей. Это возможно?

Бухс: Об этом не может быть речи.

Яррейс: Об этом было какое-либо подробное заявление…?

Председатель: Не думаю, что нам следует вдаваться в передачу из Мюнхена. У нас нет никаких доказательств о передаче из Мюнхена.

Яррейс: Боюсь меня неправильно поняли. Я не спрашивал его о том слышал ли он об этом, но я хотел проиллюстрировать то как общество приходит к тому, что такие карты были. Спасибо, больше нет вопросов.

Председатель: Что я отметил, заключалось в том, что вам не следовало ссылаться на это, так как это не доказательство. На тот факт на который вы сослались, что была передача, на это не следовало ссылаться.

Штамер: Майор Бухс, в течение времени которое вы провели как командир приданный к ставкам фюрера, вы регулярно присутствовали на ежедневных обсуждениях обстановки?

Бухс: Да, я принимал участие в ежедневных обсуждениях обстановки.

Штамер: Вы ещё помните, присутствовали ли вы на обсуждении обстановки 27 января 1945, на котором обсуждалась судьба 10000 офицеров воздушных сил заключённых в лагере Саган?

Бухс: Я могу вспомнить кое-что такое: Фегелейн должно быть поднял вопрос эвакуации этого лагеря к подходу русских войск. Этих пленных офицеров спросили хотят ли они остаться в лагере и быть переданы русской армии или же они хотели, чтобы их забрали в ходе эвакуации Силезии. Насколько я помню, они чётко решили о последней альтернативе – то есть, чтобы их забрали, и мне кажется, что нужно было решить единственный вопрос о том как организовать их перевозку.

Штамер: Вы можете вспомнить предложения которые вносили о перевозке, и кто их вносил?

Бухс: Нет. Кажется, тогда фюрер только сказал в общих чертах о том, что эти заключённые офицеры не могли получить более хорошее обращение чем собственные люди. Это было время эвакуации Силезии и наша обстановка с транспортом не позволяла перевозить даже собственных людей при помощи железных дорог или большими колоннами и населению приходилось брести вдоль дорог даже зимой. Думаю я помню, что тогда, фюрер сказал: «Если эти офицеры хотят, чтобы их взяли вместе с транспортом, им придётся маршировать также как немецкому гражданскому населению».

Штамер: Господин председатель, могу я в связи с этим заявлением, сослаться на ошибку в стенограмме. Во время перекрёстного допроса подсудимого Геринга 20 марта 1946 был представлен документ PS-3786, экземпляр USA-787. В немецкой стенограмме, страница 6249 после обсуждения о том как их должны были

перевозить, есть заявление о том, что фюрер сказал: «Они должны убраться, даже если им придётся идти по грязи пешком». А в записи фактически сказано: «Их надо отправить даже если им придётся идти колонной пешком». Это совершенно другая вещь. Я не знаю как слово перевели в английском тексте, но это конечно придаёт совершенно другой и совершенно неправильный смысл. Как сейчас сказал свидетель, фюрер сказал: «Отправить их, даже если им придётся идти в колонне пешком».

Председатель: Да. Итак, трибунал думает, что лучше всего рассматривать эти вопросы перевода с генеральным секретарём и направлять их в отдел переводов.

Штамер: Я просто хотел установить факт.

[*Обращаясь к свидетелю*] Предположительно в ходе этого совещания было сделано замечание во время обсуждения перевозки – «Снимите с них ботинки и штаны, чтобы они не могли убежать по снегу». Вы помните кто сделал такое замечание?

Бухс: Нет, я не могу вспомнить и думаю это совершенно невозможно.

Штамер: Вы не помните никакое подобное замечание или кем оно было сделано?

Бухс: Вполне возможно, что Фегелейн внёс такое предложение в той или иной связи. Не знаю.

Штамер: Согласно записи, предположительно рейхсмаршал Геринг сделал подобное замечание.

Бухс: Об этом не может быть и речи.

В связи с этим могу я сказать, что было крайне трудно вести записи во обсуждений. Четверо или шестеро человек часто одновременно говорили во время этих совещаний – и ещё быстрее чем обычно. Стенографисты могли записывать только то, что слышали. Они не могли ни посмотреть ни убедиться в том, кто делал такое-то и такое-то замечание в такой-то и такой-то момент. Был стол вокруг которого часто стояло почти 30 человек и это мешало работе стенографистов.

Штамер: Больше нет вопросов.

Латернзер: Господин председатель, на данном этапе процесса я считаю себя обязанным сделать заявление, я хотел задать свидетелю кое-какие важные вопросы, но я не могу сделать это ввиду решения объявленного сегодня трибуналом. Я заявляю, что в результате этого решения, я…

Председатель: Доктор Латернзер, вы будете иметь полную возможность задать вопросы свидетелю в комиссии.

Латернзер: Господин председатель, могу я закончить своё заявление.

Мне объяснили, что в результате решения объявленного сегодня я не могу задавать свои вопросы, и что я должен принять это решение. Однако, я хочу заявить, что считаю это решение…

Председатель: Но неправильно говорить, что вы не можете задавать свои вопросы. Вы не можете задать свои вопросы свидетелю сейчас, но это неправда говорить, что

вы вообще не сможете задать свои вопросы. Вы можете задать свои вопросы свидетелю в комиссии.

Латернзер: Вместе с тем, господин председатель, я считаю это ущемлением защиты учитывая тот факт, что защита организаций таким образом не может непосредственно представлять доказательства.

Председатель: Трибунал объявил о своём решении.

Латернзер: Господин председатель, я сожалею лишь о том, что решение было объявлено без предварительного уведомления защиты.

Лёфлер: Я бы хотел добавить в связи с заявлениями моего коллеги Латернзера, что я должен подчеркнуть их, потому что…

Председатель: О чём, доктор Лёфлер?

Лёфлер: О том, что свидетелей вызванных сегодня не могут допрашивать защитники организаций как было принято до сих пор, и что таким образом, ущемление защиты в том, что во всех практических смыслах мы теряем этих свидетелей.

Председатель: Доктор Лёфлер, вы и доктор Латернзер кажется не читали статью 9 устава, которая предусматривает, что трибунал может установить в каком порядке заслушивают и представляют ходатайства. Это по поводу организаций. Трибунал после больших затруднений доставил в Нюрнберг очень много свидетелей и создал комиссии с целью допроса этих свидетелей, и он собирается заслушать некоторых свидетелей из числа этих свидетелей в будущем в суде.

Трибунал внимательно рассмотрел вопрос и не желает заслушивать дальнейшую аргументацию от вас или любого другого защитника организаций.

Лёфлер: Господин председатель, мы уважаем доводы трибунала, но считаем себя обязанными заметить с точки зрения защиты, что эти причины оправданы теоретически, но практически это ведёт к утрате этого свидетеля.

Поэтому я прошу разрешения, дать вам краткое объяснение для того, чтобы трибунал понял почему мы теряем этих свидетелей. Вы, господин председатель, сказали о том, что свидетелей можно будет заслушать в комиссии. Эти свидетели не могу быть заслушаны в комиссии, потому что ряд…

Председатель: Доктор Лёфлер, трибунал как я вам сказал, уже рассмотрел вопрос и может быть рассмотрит его в будущем, но он не желает заслушивать дальнейшую аргументацию об этом. Это полностью вопрос его усмотрения, и он очень сильно старается, чтобы обеспечить, чтобы просителей которые пожелали быть заслушанными в отношении организаций полностью и внимательно выслушали.

Трибунал не будет заслушивать вас далее на этой стадии…

Лёфлер: Могу я дать одно пояснение…

Председатель: Вы слышали, что я сказал? Я сказал, что трибунал не будет заслушивать вас далее на этой стадии.

Лёфлер: Очень хорошо.

Робертс: Милорд, у меня немного вопросов.

[*Обращаясь к свидетелю*] Ваша память об этом совещании кажется не вполне чёткой.

Бухс: Можно спросить, каком совещании?

Робертс: Последнее совещание о котором вы говорили, в отношении эвакуации пленных из Сагана.

Бухс: Мне неизвестно, что это было в чём-то неточным.

Робертс: Что же, но вы говорите, что не помните какое-либо упоминание необходимости пленным идти по снегу без ботинок.

Бухс: Да, так я сказал.

Робертс: И вам известно, что – я не могу найти само место – я понятия не имею на, что ссылался этот экземпляр – но вам известно, что это фактически стенографические записи, не так ли?

Бухс: Значит это сказали.

Робертс: Да. И вы согласитесь со мной в том, что стенографист вряд ли вставит замечание если такое не говорили?

Бухс: Да.

Робертс: Но вы не слышали замечание, следовательно вы не знаете кто это сказал?

Бухс: Да.

Робертс: Об этом я и спрашиваю.

Я спрошу о другом: в апреле 1945 Фегелейн получил статус зятя, когда Гитлер поженился.

Бухс: Да.

Робертс: И два дня спустя Фегелейна расстреляли по приказам своего новоиспеченного зятя?

Бухс: Да.

Робертс: На этом всё.

Яррейс: У меня больше нет вопросов к свидетелю.

Председатель: Свидетель может удалиться.

[*Свидетель покинул место свидетеля*]

Яррейс: С разрешения трибунала я вызываю свидетеля, профессора, доктора Шрамма.

[*Свидетель Шрамм занимает место свидетеля*]

Председатель: Назовите пожалуйста ваше полное имя?

Шрамм: Перси Эрнст Шрамм.

Председатель: Повторяйте за мной эту присягу: «Клянусь господом – всемогущим

и всевидящим, что я скажу чистую правду и не утаю и не добавлю ничего».

[*Свидетель повторил присягу на немецком языке*]

Председатель: Вы можете сесть.
Яррейс: Свидетель, вы работали в оперативном штабе вооруженных сил во время войны?
Шрамм: Да. С марта 1943 я работал в оперативном штабе вооруженных сил.
Яррейс: До конца?
Шрамм: До конца – то есть, начала мая 1945.
Яррейс: Какие функции вы имели в оперативном штабе вооружённых сил?
Шрамм: В течение всего времени в оперативном штабе вооруженных сил я вёл журнал боевых действий этого штаба.
Яррейс: Существовала особая причина почему вы получили эту задачу?
Шрамм: Моё назначение в оперативный штаб вооружённых сил ввиду того факта, что моя гражданская профессия – профессор истории Гёттингенского университета. Тогда требовался эксперт чьё имя было бы гарантией экспертной работы. Генерал Йодль назначил меня на должность по предложению заместителя начальника.
Яррейс: Если вы должны были заполнять журнал боевых действий так как того желал историк, вам бы потребовалось видеть изнутри события связанные с этим штабом, не так ли?
Шрамм: Да. Я не посещал обсуждения обстановки у фюрера или внутренние совещания, но каждый день я принимал участие в обсуждениях обстановки в оперативном штабе вооруженных сил и каждый важный документ проходил через мою должность в течение двух лет.
Яррейс: Свидетель, учитывая то, что вы вероятно имели более глубокий взгляд изнутри деятельности оперативного штаба вооруженных сил чем кто-либо другой, я бы хотел, чтобы вы рассказали нам о том, что вам известно о сфере деятельности генерала Йодля.
Шрамм: Невозможно переоценить сферу деятельности генерала. Как доказательство этого я могу сказать, что только в 1944 по информации которую я получил от компетентного офицера 60000 сообщений по телетайпу прошли через отдел телетайпов оперативного штаба вооружённых сил. Также была обширная курьерская корреспонденция между отдельными ведомствами. Основной костяк корреспонденции рано или поздно оказывался на столе генерала. Глядя на это с другого угла, генерал был ответственным за театры военных действий: Северная Финляндия и Норвегия, Западная Голландия, Бельгия, Франция, затем Юго-Запад, в первую очередь Африка и Италия и затем Юго-Восток.
Яррейс: Пожалуйста говорите медленнее.
Шрамм: Задача генерала заключалась не только в обновлении информации

основанной на поступавших докладах, но и оперативных консультациях фюрера.
Яррейс: Я правильно вас понимаю, что четыре театра военных действий которые вы сейчас назвали были так называемыми основными театрами боевых действий ОКВ?
Шрамм: Именно. Восток находился у генерального штаба сухопутных сил, и генерала это касалось лишь постольку поскольку основная трудность всегда лежала в координации интересов остальных театров военных действий с театром Восточного фронта.
Яррейс: Я правильно вас понимаю про 60 000 сообщений по телетайпу в год?
Шрамм: Да, 60 000. Я помню точную цифр. И я это точно помню, потому что мой сотрудник вычислил, что 120 томов материалов прошло через отдел журнала боевых действий, и что они были настолько [*показывает*] толстыми. Таким образом, приблизительно 10 метров материала постоянно проходило через мой отдел. Это представляет собой 10 000 листов бумаги если не 100 000.
Яррейс: Вероятно, вы сможете помочь нам с вопросом который постоянно затрагивался здесь, но на который не было дано точного ответа. Вам, что-нибудь известно о приказе Гитлера говорившем о том, что генералы не должны подавать в отставку?
Шрамм: Да, я очень точно помню об этом из приказа который появился в середине 1944, повторявшего с большой строгостью приказ принятый ещё до моего времени – это должно быть было в 1940 или 1941. Этот приказ был приблизительно на 1 ½ листа длиной и очень решительно сформулирован. Его содержание всё ещё ясно в моём уме, потому что я обсуждал его потом с несколькими своими товарищами. Приказ говорил о том, что каждый командир – и подчинённые ему учреждения – были вправе упоминать любые возражения которые они могли иметь мерам верховного главнокомандования, но они должны были безоговорочно их выполнять как только высшие квартиры отдавали им его – то есть, он должен был делать нечто, что противоречило его планам. Он добавлял невозможность для командира уйти вследствие этого. Причину которую приводили заключалась в том, что унтер-офицеры в окопах не могут сказать своему командиру о том, что они хотели уйти в отставку, когда они не соглашались с его приказами.

Повторяю, он был настолько категорически сформулирован, что мы много это обсуждали. С этого времени, командиры имели ещё меньше шансов уклонится от приказа верховного главнокомандования.
Яррейс: Профессор Шрамм, могу я попросить вас говорить немного медленнее?

Этот приказ – содержание которого вы сейчас нам описали, и при помощи средств которыми вы установили дату последней и самой строгой формулировки – этот приказ также относился к такому человеку как Йодль?
Шрамм: Если это применялось к командирам, естественно это относилось ещё сильнее к генералу Йодлю.
Яррейс: Теперь я перехожу к другому вопросу.

Генерала Йодля описали как политического генерала. Вы гражданский и профессор, и следовательно я полагаю, что вы владеете деталью необходимой, чтобы позволить нам обдумать вопрос и предоставите трибуналу факты которые позволят ему вынести своё решение. Вы можете привести нам факты которые были бы необходимы, чтобы сформировать основу для суждения за или против?

Шрамм: Если вопрос направлен на то, чтобы установить был ли генерал партийным генералом, тогда я категорически это отрицаю. Для генерала совершенно не имело значения были сотрудники его штаба членами партии или нет. При том, что я был в этом штабе 2 года, лично я не смогу сказать вам какие офицеры были членами партии. Это было совершенно неважно. Что касается того пытался ли генерал оказывать политическое влияние, я должен снова обратить ваше внимание на огромный объем работы за которую он был ответственным. Он бы не имел на это времени, в отношении моих документов я могу сказать только, что я не помню никаких бумаг из которых можно сделать подобный вывод. То, что генерал делал на бумаге – и эти бумаги, как я лично видел, исчислялись тысячами – всегда строго ограничивалось военными вопросами и никак не посягало на область политики. Точнее, я не помню за 2 года, чтобы видел в своих материалах какой-нибудь документ политического характера вдохновленный начальником оперативного штаба вооружённых сил или написанный им самим.

Яррейс: Да, вероятно он стремился быть в центре внимания и имел большое честолюбие, и вероятно кроме материалов…

Шрамм: Я могу ответить на этот вопрос чётким «нет», потому что я знаю от его сотрудников, и из бесед с ним, что все дипломатические процедуры были ему отвратительны, и что ему это не нравилось, потому что не имело никакого отношения к солдатам. Никакого честолюбия я не замечал, потому что, если генерал был честолюбив, то он, конечно, избрал для такой цели положение наименее подходящее, так как таким образом подвергал себя критике со стороны нижестоящих, - со стороны людей, не знавших глубинных причин. С этого времени его сильно критиковали, и он не получил от высших квартир признания которое заслужил. Я всегда думал, что странно и даже гротеск, что генерал, на момент смерти Адольфа Гитлера имел вряд ли больше немецких наград чем я – майор запаса. Я не видел, чтобы он имел иностранные награды. Я никогда не видел, чтобы он носил иностранный орден. В любом случае не было никаких указаний на честолюбие или политические стремления.

Яррейс: Во время данного процесса часто упоминалась речь произнесенная генералом адресованная гауляйтерам зимой 1943-1944. Я не знаю знаете ли вы, что-нибудь об этой речи.

Шрамм: Да, я её точно помню.

Яррейс: Что вы точно помните?

Шрамм: Прежде всего, позвольте рассказать вам о причине по которой я это точно

помню, потому что я получил материал на котором была основана речь. После того как он больше не требовался его передали мне для журнала боевых действий. Это было так:

Это была речь для которой материал собирали в разных ведомствах. С этой целью требовалась огромная карта которую было сложно изготовить, потому что она была больше чем кабинеты в которых мы работали. Речь произнесли на ежегодной встрече в Мюнхене 8 или 9 ноября. Конкретная причина генерала произнести речь вне военного окружения заключалась в следующем: Выход Италии из войны в сентябре 1943 привёл к бреши в Юго-Западном фронте шедшей от Марселя до Афин, расстоянием в 4000 километров. Нам удалось снова заполнить пустоту, но сильное беспокойство ощущали все кто понимал ситуацию.

Робертс: Милорд, я возражаю долгим причинам которые приводят о выступлении. Речь в доказательствах, по моему соображению, причины речи совершенно нематериальны.

Председатель: Трибунал поддерживает возражение.

Яррейс: Свидетель, пожалуйста продолжайте рассказывать об атаке.

Шрамм: Была одна причина…

Председатель: Нет, нет, я сказал, что трибунал поддержал возражение господина Робертса тому, что должен сказать свидетель. Это неправильный перевод.

Яррейс: Это неправильное понимание. Извиняюсь. Это неправильно перевели.

[*Обращаясь к свидетелю*] Свидетель, я хочу показать вам документ который предъявлен трибуналу обвинением 2 дня назад, документ PS-1808. Вероятно вы сначала посмотрите весь документ.

[*Документ передали свидетелю*]

Председатель: Это в документах Йодля?

Яррейс: Нет это документ который обвинение предъявило в ходе перекрёстного допроса два дня назад.

Робертс: Милорд, это документ был вручен мною отдельно во время перекрёстного допроса и боюсь, что он не в книге. Это один из тех документов которым присвоили новый номер GB и рассматривали в конце перекрёстного допроса. Документ PS-1808.

Яррейс: Спасибо. Я могу продолжить?

Председатель: Продолжайте доктор Яррейс.

Яррейс: Свидетель, ваша подпись видна внизу на предпоследней странице, справа?

Шрамм: Да. Это материал который я начал после покушения 20 июля 1944 для того, чтобы иметь постоянную запись о том, что происходило в оперативном штабе вооруженных сил. Я хочу добавить в связи с этим, что оперативный штаб вооружённых сил никоим образом не участвовал в этом заговоре. Эта копия

предположительно исходит из военных архивов. Подпись и исправления частично мои и частично моего сотрудника.

Яррейс: Я хочу обратить внимание на номер 5 в этой папке документов.

Шрамм: Да.

Яррейс: Он датирован 25 июля. Вы это имеете?

Шрамм: Да.

Яррейс: Вы это готовили?

Шрамм: Да, я это лично подготовил.

Яррейс: Пожалуйста, скажите нам в чём заключалась основа для этой работы?

Шрамм: Офицеров штаба в срочном порядке созвали в столовую. Нам сказали о том, что генерал выступит перед своим штабом. Так как не все офицеры могли присутствовать, мне приказали вести запись для того, чтобы другие офицеры могли быть информированы о том, что сказал генерал. Я точно помню, что я стоя набрасывал ключевые слова, так что это не стенографическая запись. Я не могу стенографировать. Не было времени искать стенографиста.

Яррейс: Что же, на этом вы основаны ваши записи?

Шрамм: Да. Потом, наверное на следующий день, я насколько возможно по своим заметкам восстановил речь генерала. Я конечно не уверен, все ли детали точные, потому что заметки которые я записывал стоя, слишком обрывочные. И, конечно, я весьма сомневаюсь в точности сказанных слов. Теперь я вижу, что здесь 4 ½ страницы. Речь, конечно была гораздо длиннее. Таким образом это сжатый отчёт.

Яррейс: Лишь сжатый отчёт…

Шрамм: Да.

Яррейс: Итак, я бы хотел узнать ещё об обстоятельствах при которых генерал произносил эту речь, фактическими словами которой мы не располагаем. Это…

Робертс: Милорд, покорно полагаю – опять в интересах экономии времени – сказать, что эти вопросы вообще не относятся к делу. Мы знаем, что было покушение на жизнь Гитлера, и что Йодль обратился к своему штабу. Я полагаю, что обстоятельства вообще не относятся к делу.

Яррейс: Господин председатель…

Председатель: Трибунал надеется, что вы сделаете это кратко.

Яррейс: Да, спасибо.

[*Обращаясь к свидетелю*] Свидетель, будьте очень кратким и процитируйте личные обстоятельства?

Шрамм: Генерал появился на сцене с белыми повязками на голове. Мы были сильней всего удивлены тем, что он так быстро пошёл на поправку от покушения учитывая, что он стоял рядом с взрывом. Я должен сказать, что тогда, нас глубоко впечатлила концентрированная энергия с которой он выступил перед своим штабом и его моральное отношение к такому покушению.

Яррейс: Благодарю, господин председатель. Больше нет вопросов.

Председатель: Другие защитники хотят задать какие-нибудь вопросы?

[*Ответа не последовало*]

Председатель: Обвинение хочет?
Робертс: Милорд, я не имею вопросов.
Председатель: Свидетель может удалиться.
Яррейс: Я больше не имею вопросов. Могу я теперь вызвать следующего свидетеля, генерала Винтера[315]?

[*Свидетель Винтер занял место свидетеля*]

Председатель: Назовите, пожалуйста, своё полное имя.
Винтер: Август Винтер.
Председатель: Повторите за мной эту присягу: «Клянусь господом – всемогущим и всевидящим, что я скажу чистую правду и не утаю и не добавлю ничего».

[*Свидетель повторил присягу на немецком языке*]

Председатель: Садитесь.
Яррейс: Свидетель, вы принимали участие в начале русской кампании?
Винтер: Да, я принимал участие как первый офицер генерального штаба в группе армий фельдмаршала фон Рундштедта.
Яррейс: Свидетель, могу я заметить вам, что хочу, чтобы вы делали небольшую паузу после моего вопроса и в целом говорили медленнее чем до этого.
Винтер: Да.
Яррейс: Вы можете сказать мне – поскольку вы имели очень ответственную должность – какой была в то время официально объявленная причина Гитлера для германского нападения на Советский Союз?
Винтер: Официальная причина, указанная мне тогда моим командиром и моим начальником заключалась в том, вскоре ожидалось нападение Советского Союза, и что следовательно это была превентивная мера.
Яррейс: И затем вы получили опыт первых сражений на фронте, не так ли?
Винтер: Да, в этом штабе.
Яррейс: Это на южном направлении?
Винтер: Это была Украина, группа армий «Юг».
Яррейс: Даже после первых сражений, вы имели определенный опыт и определённые впечатления о противнике, не так ли?

[315] Август Винтер (1897 – 1979) – генерал горных войск Вермахта. В декабре 1944 – мае 1945 заместитель начальника оперативного штаба Вермахта.

Винтер: Да.

Яррейс: Генерал, это были впечатления которые подтверждают официально указанную причину, что это превентивная война?

Винтер: Единое впечатление командования группы армий – включая командующего, начальника и оперативного отдела под моим командованием, что причина указанная для кампании была правдивой. Наше собственное впечатление в то время заключалось в том, что мы ударили по активной подготовке к наступательной кампании.

Яррейс: Но имели ли вы факты на которых основано такое впечатление?

Винтер: Мы имели ряд фактов которые подтверждали такое впечатление, согласно нашим идеям. Я могу кратко сказать о них. Прежде всего, были сильные войска с которыми мы столкнулись, которые хотя я и не могу назвать вам цифры, были больше цифр указанных в приказах к походу. Было чрезвычайное развёртывание войск, настолько близко и подобное фронту, которое поразило нас необычайно большой долей бронетанковых войск далеко превышающей то, что мы ожидали и развёртывание сравнительно сильной группы напротив венгерской границы которое мы не могли объяснить себе как оборонительные силы. Один момент особенно важен, тот факт, что в течение первой недели мы выясняли, что взятые в плен вражеские штабы были обеспечены картами которые охватывали большой район немецкой или экс-австрийской территории, что опять же не соответствовало чисто оборонительным соображениям. Кроме этого мы наблюдали ряд небольших вещей, самих по себе неважных.

Яррейс: Свидетель сейчас вы говорите о доказательстве которое по вашему мнению было особенно важным – а именно, обнаружение этих карт которые описали несколько минут назад. Почему это особенно важно – более важно чем другие вещи которые вы назвали?

Винтер: Особенно примечательно, что части на русском фронте были оснащены картами охватывающими гораздо больше чем район который обыкновенно входил бы в район оборонительной рекогносцировки – даже допуская тот факт, что в начале кампании подобная рекогносцировка может доходить до границы неприятеля.

Яррейс: В этом зале суда упоминался факт, что после похода на Украину наши войска оказались в исключительных обстоятельствах и трудностях в определённых украинских городах. Вы понимаете о чём я говорю?

Винтер: Да, это очевидно. Мы столкнулись с огромным количеством этих трудностей, когда подошли к Днепру. Я представляю, что вы ссылаетесь на вопрос радиоуправляемых взрывов или замедленных взрывов которые осуществили, как кажется, в очень большом масштабе в нашей боевой зоне в районе Киев-Харьков-Полтава. Они создали много проблем и вынудили нас применять обширные контрмеры.

Яррейс: Вам известно, что это относится к Одессе?

Винтер: Я слышал, что в Одессе взрывали, но не могу привести вам детали.
Яррейс: Вам известны детали о Харькове?
Винтер: Я конкретно знаю о Харкове, потому что кое-что случилось там, что заставило нас следовать определенным мерам безопасности. В боях вдоль западной границы Харькова которые были довольно долгими и серьёзными, штаб дивизии со всей основной материальной частью – не могу вспомнить номер – был уничтожен таким замедленным взрывом. Это привело к приказам об осуществлении с этого времени особых мер безопасности во всех зданиях которые должны были использовать для размещения штабов и других органов.
Яррейс: Свидетель, вы в самом деле держали русскую карту или видели, которая показывала планы таких подрывных операций?
Винтер: Нет, я не могу вспомнить, что видел такую карту.
Яррейс: Итак, другой пункт. Вы недавно сказали, что фельдмаршал фон Рундштедт был вашим командиром. Кто был вашим начальником?
Винтер: Генерал пехоты фон Зоденштерн.
Яррейс: Итак, другая тема. Если я правильно помню фельдмаршал фон Рундштедт ушёл или был отправлен в отставку, это правильно?
Винтер: Когда наступление на Ростов провалилось в ноябре 1941 и в разрешении отступить его передовым войскам отказало ОКХ, фельдмаршал фон Рундштедт направил доклад в ОКХ, сухопутным войскам которым мы подчинялись, в котором он сказал, что если отсутствовало необходимое доверие к его руководству, он был вынужден просить фюрера назначить нового командира в эту группу армий. Я имею болезненно точные воспоминания об этом инциденте, потому что я лично подготовил телеграмму и фельдмаршал дополнил её своей рукой.

Телеграмма была передана вечером и ответ Гитлера освобождавший его с должности пришёл той же ночью.
Яррейс: Значит это прошение одобрили?
Винтер: Прошение одобрили. Но вероятно я могу сказать вам, что позднее были неприятности с Гитлером. Несколько дней спустя Гитлер лично вылетел в Мариуполь для того, чтобы получить информацию о фактическом положении на месте. В полете домой, он посетил фельдмаршала фон Рундштедта в ставке в Полтаве и имел с ним дискуссию. В ходе этой дискуссии Гитлер – не могу сказать точно был ли я сам свидетелем этой сцены или же главный адъютант полковник Шмундт рассказал мне сразу же после – повторюсь, была личная дискуссия в ходе которой Гитлер снова упрекал фельдмаршала за постановку такого вопроса и сказал ему:

> «В будущем я не потерплю никаких прошений об отставке. Если я принял решение ответственность лежит на мне. Я не могу например пойти к своему начальнику, всемогущему господу и сказать ему: «Я не пойду на это, потому что не хочу брать ответственность».

Тогда мы считали, что эта сцена была важнейшей и я могу добавить, что судя по приказам отданным потом наше впечатление было правильным.

Яррейс: Свидетель, вам известно, изменял ли Гитлер когда-то позднее своё решение не позволять это в будущем?

Винтер: Нет, разумеется он не изменял своё решение. Потому что, как я знаю, было два повода, как мне кажется, по которым издавали подобные приказы запрещавшие отставки со стороны командира или офицера на руководящей должности на основании неготовности брать ответственность.

Яррейс: Теперь я перехожу к другому положению. Если я правильно информирован вы находились в оперативном штабе вооруженных сил на последних этапах войны, не так ли?

Винтер: 15 ноября 1944 я был отозван, чтобы быть преемником генерала Варлимонта который заболел, и я принял его функции 15 ноября 1944. Моё назначение датировано 1 декабря 1944.

Яррейс: Свидетель вы регулярно присутствовали на обсуждениях обстановки с фюрером?

Винтер: Да, я был там в среднем 5 дней из семи в неделю.

Яррейс: В зале суда много обсуждали эти совещания об обстановке и много событий происходили на них которые имеют значение для процесса, но до сих пор, нам не представили никакой реальной картины того что собой действительно представляли обсуждения обстановки. Вы можете объяснить процедуру такого обсуждения обстановки со ссылкой на длительность и количество присутствующих людей?

Винтер: Обсуждение обстановки являлось постоянной частью вечерней программы и сопровождалось довольно большим количеством людей, в то время как второе обсуждение обстановки в 2 часа ночи не имело для нас значения. На нём делали доклады только младшие офицеры генерального штаба из ОКХ о Восточном фронте и из оперативного штаба ОКВ о Западном фронте.

Робертс: Господин председатель, я снова имею соображение в интересах времени. Подсудимый Йодль давал показания об этих совещаниях и никто не вставил ни одного слова в перекрёстном допросе, чтобы предполагать, что такие показания не были приняты. Следовательно, я бы хотел сообщить, что это чистое повторение положения которое не оспаривалось.

Председатель: Трибунал не желает заслушивать что-либо общего или подробного характера об этих совещаниях до тех пор пока нет чего-то конкретного, что вы хотите этим доказать.

Яррейс: Господин председатель, чтобы внести ясность в эти вопросы, могу я сейчас спросить означает ли возражение господина Робертса, что в данном случае распоряжение означает, что то, что не оспаривалось в перекрёстном допросе следует считать доказанным? Я не уверен правильно ли я выразился. Возражение

обвинителя видимо основано на предположении о том, что что-то заслушивали…

Председатель: Не думаю, что вам нужно делать скоропалительные выводы, но генерал Йодль давал показания о характере этих «совещаний об обстановке» и его об этом перекрёстно не допрашивали. Вообще кажется ненужным вдаваться в общий характер эти совещаний с любыми другими свидетелями.

Яррейс: Благодарю.

[*Обращаясь к свидетелю*] Свидетель, в военной жизни офицер может получить приказ с которым он не согласен, не так ли?

Винтер: Да.

Яррейс: В таком случае, он может высказать своё особое мнение под запись?

Винтер: В германской армии, если я правильно помню, подобная возможность существовала со времён Мольтке[316]. Думаю в 1938 был издан приказ Гитлера – зимой 1938-39 – устранявший такую возможность раз и навсегда. Тогда был издан приказ запрещавщий даже начальникам генеральных штабов и командованиям разрешать излагать их особое мнение под запись.

Яррейс: Для того, чтобы избежать создания трудностей в интерпретации, будьте любезны объяснить слово «подшивать к делу»?

Винтер: В соответствии с этим командным штабам было невозможно включать в официальные материалы или журналы боевых действий любые комментарии о том, что начальник не согласен с решением или приказом своего вышестоящего начальника.

Яррейс: Это отменили?

Винтер: Эти возможности раньше существовали, но после 1938 они уже не существовали так как от них избавались.

Яррейс: Благодарю, генерал, сейчас я покажу вам документ D-606, документ который обвинение также предъявило во время перекрёстного допроса три дня назад. Боюсь я не знаю регистрационный номер. Вероятно…

Робертс: Что же, номер 3606. Это экземпляр GB-292, милорд. Я приобщил его отдельно в перекрёстном допросе, в их книге…

Председатель: Продолжайте, доктор Яррейс.

Яррейс: Свидетель, вам известен этот документ?

Винтер: Я ознакомился с документом. Он имеет ссылку на моё дело.

Яррейс: Вы это лично написали?

Винтер: Нет, генерал Йодль это лично написал. Но я могу видеть пустое пространство ниже цифры 11. Не знаю полное ли это. Документ содержит предварительный проект которого здесь нет, но взглянув на это я могу понять, что это касалось копии из моего отдела квартирмейстера. Третья копия должна была

[316] Хельмут фон Мольтке (1800 — 1891) — граф (1870), германский генерал-фельдмаршал (16 июня 1871), русский генерал-фельдмаршал (1872), военный теоретик. Наряду с Бисмарком и Рооном считается одним из основателей Германской империи.

быть запечатана и приложена к этим же материалам.

Сразу же после атак на Дрезден, когда Гитлер поднял вопрос выхода из Женевской конвенции, этот предварительный проект был подготовлен в моём штабе под ответственность генерала Йодля и приказ говорил о том, что следует проработать все стороны, чтобы предотвратить принятие фюрером такого решения, то есть, выхода из Женевской конвенции. Этот документ внимательно проработали с точки зрения международного права и с точки зрения психологического влияния на войска противника и наши собственные дома. Я лично сделал это. На следующий день, мой начальник, генерал Йодль, принял меня. У него был этот документ который я сейчас проверил и он сказал мне, что он полностью согласен с отрицательным решением, но считал обязанным доработать проект более подробно и привести его в соответствие с информацией которую имел от флота, и таким образом сформулировать это тактически так, чтобы гарантировать успех у Гитлера в любом случае – так как его идею нельзя было воплощать на практике.

Яррейс: Благодарю, господин председатель. У меня больше нет вопросов.

Председатель: Какие-нибудь другие защитники хотят задать вопросы?

Латернзер: Господин председатель, могу я спросить о том относится ли запрет допросов к этому свидетелю? И я хочу заметить, что этот свидетель член обвиняемой группы генерального штаба и ОКВ.

Председатель: Не знаю так это или нет, но не имеет значения так ли это. Вы можете спросить его в комиссии. Я имею в виду, вы можете сами вызвать его в комиссию.

Латернзер: Я просто хотел внести ясность этим вопросом.

Председатель: Да, спасибо. Доктор Латернзер если есть какой-либо свидетель не находящийся в Нюрнберге вы можете оставить его для того, что допросить его в комиссии если захотите это сделать.

Робертс: Милорд, я хочу задать только один вопрос.

[*Обращаясь к свидетелю*] Вы сказали нам, что Германия атаковала Советский Союз в нарушение своего Пакта ненападения, потому что Германия опасалась нападения Советского Союза.

Винтер: Могу уточнить, сказав, что нам, как офицерам генерального штаба в главнокомандовании группы армий которая была развернута на Украине, привел эту причину командующий. Было ли политически…

Робертс: Очень хорошо. Сейчас из доказательств в суде нам известно, что Гитлер решил в июле 1940 напасть на Советский Союз, это 18 декабря 1940 – PS-446, это страница 53 книга 7, что Гитлер заявил о том, что вооруженные силы должны быть готовы сокрушить Советскую Россию одним стремительным ударом. Нам известно, что нападения не было до 22 июня. Не особо заметно, что руководство Германии было сильно напугано, не так ли, нарушением Россией или следует сказать Советским Союзом Пакта о ненападении.

Биддл: Свидетель, вам приходилось предпринимать ответные меры в Украине, не

так ли?

Винтер: Мы не предпринимали никаких репрессалий – что касалось войск – в оперативном районе в Украине, по крайней мере я не имею воспоминаний о таких примерах.

Биддл: Какие меры вы предпринимали против сопротивления населения?

Винтер: В течение всей кампании в которой принимала участие группа армий «Юг», не было никакого сопротивления населения в оперативном районе в Украине. В то время только в тыловых районах были бои со сражавшимися русскими военными частями. Сопротивления со стороны населения не было – насколько знаю – пока оперативный район уже ограничивался тылом и там было сопротивление против политических рейхскомиссаров.

Биддл: Очень хорошо. Вас в то время там не было?

Винтер: Группа к которой я относился была отозвана с фронта в январе или в ранние дни февраля 1943. Тыловыми районами тогда была линия на Днепре.

Председатель: Свидетель может удалиться.

Экснер: Господин председатель, в завершение я предъявлю трибуналу только два опросных листа и хочу прочитать немного из одного из них – кое-что забыли.

Начнём с опросного листа, экземпляр AJ-8, документ Йодль-61 опросный лист Вайцнеггера[317], который я настоящим предъявляю, и прошу трибунал вынести уведомление о его содержании. И затем, экземпляр AJ-6, документ Йодль-59 опросный лист Брудермюллера в связи с которым я желаю сделать похожую просьбу. Затем из последнего предъявляемого экземпляра AJ-12, документа Йодль-65, заявления генерала Грейфенберга[318], я бы хотел процитировать важные части. Это вопрос нападения на Югославию и вопрос занимала или нет Югославия после путча Симовича позицию против нас. Это в третьем томе моей документальной книги на странице 211. Состоялся путч Симовича и тогда стоял вопрос будет ли немедленная атака из Югославии.

> «Вопрос: это факт, что Югославия сразу же после coup d'etat[319] армии, начала развертывать свои армии на всех своих границах?
>
> Ответ: Я знаю только о фронте который был напротив 12-й германской армии дислоцированной у болгарской границы. Там югославы развернули армии на границе.
>
> Вопрос: Это факт, что армия «Лист» в которой вы тогда были командиром имела до coup d'etat в Югославии приказ строго уважать нейтралитет Югославии во время запланированных атак на Грецию, и что даже поезда снабжения не должны были посылать через югославскую территорию?

---

[317] Хайнц Вайцнеггер – адъютант Вильгельма Кейтеля.

[318] Ганс фон Грейфенберг (1893 — 1951) — немецкий офицер, участник Первой и Второй мировых войн, генерал пехоты. В 1941-1943 занимал должности начальника штабов в соединениях Вермахта на Балканах и в СССР.

[319] Государственный переворот (фр.)

Ответ: Я могу свидетельствовать, что был отдан строжайший приказ уважать нейтралитет Югославии.

Вопрос: Вы слышали о каких-либо нарушениях этого приказа?

Ответ: Нет».

Уважаемый суд, ряд опросных листов ещё не пришёл. Получим мы их или нет, я не знаю. Во всяком случае, я должен оставить за собой право предъявить их позднее Кроме этого, я завершил своё дело.

Председатель: В понедельник трибунал будет заслушивать дело подсудимого Зейсс-Инкварта, не так ли?

Очень хорошо, трибунал можно отложить.

[*Судебное разбирательство отложено до 10 часов 10 июня 1946*]

День сто пятьдесят первый

Понедельник, 10 июня 1946

Утреннее заседание

Председатель: Я вызываю защитника подсудимого Зейсс-Инкварта.
Штейнбауэр: Ваша светлость, высокий трибунал, я открываю дело защиты с последних слов, сказанных доктором Шушнигом при его отставке с австрийского канцлерства 11 марта 1938: «Боже храни Австрию».

По историческому совпадению в то время, когда вопрос аншлюса обсуждают здесь со ссылкой на личность Зейсс-Инкварта, четыре министра иностранных дел[320] готовят мирные договоры на основании тех же самых событий. Поэтому могу я, обратить внимание трибунала на мои документы по данному вопросу и попросить, чтобы мне разрешили процитировать из них немного больше чем я изначально планировал?

Теперь, с разрешения трибунала, могу я начать с допроса подсудимого в качестве свидетеля своей защиты?

[*Подсудимый занимает место свидетеля*]

Председатель: Пожалуйста, назовите своё полное имя?
Зейсс-Инкварт: Артур Зейсс-Инкварт.
Председатель: Повторяйте за мной эту присягу: «Я клянусь господом – всемогущим и всевидящим, что я скажу чистую правду – и не утаю и не добавлю ничего».

[*Подсудимый повторяет присягу на немецком языке*]

Председатель: Вы можете сесть.
Штейнбауэр: Свидетель, когда и где вы родились?
Зейсс-Инкварт: Я родился в 1892 в Иглау, расположенном в том, что до сих пор был немецкоговорящим анклавом в Моравии. Моравия тогда была королевской провинцией австро-венгерской монархии. Там и в немецкоговорящем анклаве Ольмуц, также в Моравии, я жил вплоть до возраста 15 лет, когда со своими родителями переехал в окрестности Вены, где я завершил своё обучение в системе среднего образования и юридический факультет университета Вены. В августе 1914

---

[320] Имеется в виду Парижская встреча министров иностранных дел четырёх держав проходившая с 16 июня по 12 июля 1946.

я записался в армию.

Штейнбауэр: Вы находились в армии всю войну?

Зейсс-Инкварт: Да. Я служил с тирольскими стрелками[321] и видел бои в России, Румынии и Италии. Во время отпуска в ходе войны я сдал свои заключительные экзамены и в 1917 я получил свою докторскую степень. Я был ранен однажды, награждён несколько раз, три раза за храбрость перед лицом противника.

Штейнбауэр: Какие важные впечатления для последующей жизни вы сохранили со времени своей юности?

Зейсс-Инкварт: К моему делу, думаю относится, только опыт борьбы между национальностями в Моравии, между немцами и чехами. Немцы в те дни выступали за единое австрийское государство, в то время как чехи преследовали преимущественно националистическую политику. Однако, немаловажно, что в Моравии договорились о языковом компромиссе.

Штейнбауэр: Какие длительные впечатления вы сохранили со времени вашей военной службы?

Зейсс-Инкварт: Кроме опыта товарищества на фронте, я в особенности помню дискуссию в конце войны о Четырнадцати пунктах[322] президента Вильсона.

Штейнбауэр: Их существенным содержанием является право народа на самоопределение?

Зейсс-Инкварт: Нам было ясно, что реализация этих Четырнадцати пунктов означает ликвидацию австро-венгерской монархии. Мы, немцы относились к ним, по крайней мере как к компенсации, что в результате права на самоопределение немецкие наследственные земли[323] смогут вернутся в Рейх, от которого они были отделены всего 50 лет назад, в 1866. Да, эти территории создавались Германским Рейхом и являлись его частью от 950-1000 лет своего существования.

Штейнбауэр: Что вы делали после возвращения с войны?

Зейсс-Инкварт: Я посвятил себя своей юридической профессии. В 1921 я открыл собственную практику, которая со временем стала очень успешной.

Штейнбауэр: В чём заключалось ваше политическое отношение? Вы являлись членом какой-либо политической партии?

Зейсс-Инкварт: Я не был членом никакой политической партии, потому что я не хотел связывать себя с партийной политикой. У меня были хорошие друзья во всех партиях, включая Христианско-социальную[324] и Социал-демократическую

---

[321] Тирольские стрелки – в 1895 – 1918 – подразделение австро-венгерской армии формируемое из представителей всех национальностей входящих состав империи.

[322] Четырнадцать пунктов Вильсона — проект мирного договора, завершающего Первую мировую войну, разработанный президентом США Вудро Вильсоном и представленный Конгрессу 8 января 1918 года. Включал сокращение вооружений, вывод немецких частей из России и Бельгии, провозглашение независимости Польши и создание «общего объединения наций» (получившего название Лига Наций).

[323] Наследственные земли – наименование «исконных» земель династии Габсбургов в отличие от вновь приобретенных. В основном состояли из австрийских провинций и Карниолы (ныне Краина) в составе Словении.

[324] Христианско-социальная партия Австрии — австрийская правая политическая партия, существовавшая с 1893 до 1933 года, предшественница современной Народной партии.

партию[325], но партийные программы казались мне довольно односторонними, слишком подогнанными для отдельных групп общества.

Штейнбауэр: Вы были членом каких-либо политических клубов, например, Австро-немецкого народного союза[326]?

Зейсс-Инкварт: Да, я был членом исполнительного комитета Австро-немецкого народного союза, потому что единственная политическая идея, которой я придерживался после 1918 заключалась в аншлюсе с Германским Рейхом. Я очевидец 12 ноября 1918, когда Временное национальное собрание[327], в соответствии с правом на самоопределение, решила, что «Австрия часть германской республики». Кроме того, Конституционное национальное собрание[328] повторила решение спустя 6 месяцев. Однако Сен-Жерменский[329] договор запрещал аншлюс. Впоследствии различные округа пытались проводить плебисциты; в Зальцбурге и Тироле 98 процентов имевших право голосовать, голосовали в пользу аншлюса. Доктор Шушниг описывает эти события в своей книге «Три времени Австрии».

Ответом была серьезная попытка поделить Австрию среди ненемецких соседей; но они не смогли поделить добычу.

Штейнбауэр: Господин председатель, могу я по этому пункту представить трибуналу и кратко сослаться на несколько документов в моей документальной книге? Первый документ, которому я присвоил номер документа Зейсс-Инкварт-1, на странице 2 документальной книги и содержит прокламацию немецко-австрийских депутатов после краха австро-венгерской монархии 21 октября 1918. Вторая фраза там гласит:

> «Государство Германская Австрия[330] объявляет территориальную юрисдикцию над всей территорией расселения немцев, в особенности в Судетах[331]. Государство Германская Австрия будет бороться с любой аннексией иными нациями территорий, которые населяют немецкие крестьяне, рабочие и граждане».

Затем, как документ номер Зейсс-Инкварт-2, я бы хотел приобщить – это

---

[325] Социал-демократическая партия Австрии — австрийская политическая партия. Основана в 1889. В период с 1934 по 1945 находилась под запретом.

[326] Австро-немецкий народный союз – пангерманская общественная организация Австрии, основанная в 1925, объединяла в своих рядах до 1, 8 млн. жителей Австрии.

[327] Объединение немецкоговорящих депутатов Рейхстага Австро-Венгрии провозгласивших создание республики Германская Австрия. Осуществляла функции парламента с 21 октября 1918 по 16 февраля 1919.

[328] Выборный орган, определивший политическое послевоенное устройство Австрии, выборы в него состоялись 16 февраля 1919.

[329] Сен-Жерменский мирный договор — мирный договор, подписанный 10 сентября 1919 в Сен-Жерменском дворце по итогам Первой мировой войны между странами Антанты и новообразованной республикой Австрия (как одной из правопреемников Австро-Венгрии).

[330] Германская Австрия – непризнанное государство, созданное на немецкоговорящей территории бывшей Австро-Венгрии существовало с 21 октября 1918 по 21 октября 1919.

[331] Судетская область, также Судетенланд — пограничный регион Чехии, промышленно развитая, богатая полезными ископаемыми область на севере и северо-западе Чехии и сельская область на юго-западе и юге Чехии, получившая своё название от расположенных на её территории гор Судеты. До 1945 года — место компактного проживания судетских немцев.

на странице 4 документальной книги – резолюцию которую уже упоминал свидетель, принятую Временным австрийским национальным собранием 12 ноября 1918, которая гласит:

> «Германская Австрия демократическая республика. Все публичные органы власти формируются народом. Германская Австрия часть германской республики».

Руководитель крупнейшей национальной партии того времени, доктор Карл Реннер[332], объяснял причины данного закона 12 ноября и сказал следующее, что окажется на странице 6 документа номер Зейсс-Инкварт-3:

> «Наш великий народ в бедствии и несчастье, народ, чьей гордостью всегда называли поэтов и мыслителей, наш немецкий народ гуманизма, наш немецкий народ который любит все человечество, глубоко погряз в нищете. Но именно в тот час, когда каждому было бы проще и удобнее постараться быть самим за себя и постараться урвать блага пользуясь уловками врага, в этот час наш народ во всех провинциях желает провозгласить: «Мы одна семья и один народ, живущие общей судьбой».

Затем я перехожу к документу номер Зейсс-Инкварт-4, который на странице 18…

Председатель: Страница 8, не так ли?

Штейнбауэр: Страница 18. Я прошу прощения, да, страница 8.

Это относится к плебисциту 24 апреля 1921 в Тироле, когда 145 302 проголосовали за аншлюс и 1805 против. 18 мая 1921, в округе Зальцбург было 98 546 голосов за аншлюс и 877 против него.

Уважаемый суд, предъявляя документ, я сказал, что утверждаю, что есть три составляющий фактора которые привели к аншлюссу: во-первых, чрезвычайное экономическое положение, которое проходит красной нитью сквозь всю историю периода. Во-вторых, разобщённость демократических партий, вытекающая из этого. В-третьих, отношение остального мира, в частности великих держав, к маленькой стране.

Такие мысли изложены в моей документальной книге, и теперь я бы хотел сослаться на чрезвычайное экономическое положение того времени предъявив в качестве моего следующего экземпляра речь прелата Хаузера[333], президента австрийского парламента. Речь, произнесенная 6 сентября 1919, появляется на странице 14 моей документальной книги. Как председатель парламента он предлагал принятие Сен-Жерменского мирного договора, приводя следующую

---

[332] Карл Реннер (1870 — 1950) — австрийский политический деятель, социал-демократ и теоретик австромарксизма, первый федеральный канцлер Австрии после распада Австро-Венгерской империи и первый президент Австрии после Второй мировой войны.

[333] Йохан Хаузер (1866 – 1927) – австрийский католический священник. В 1918-1920 председатель Христианско-социальной партии Австрии.

причину:

«Национальное собрание не имеет никакого выбора. Страна и народ нуждаются в длительном мире, который снова откроет им мир морально и экономически и который сможет снова обеспечить работой массы наших людей дома и за рубежом…»

Затем во втором абзаце он говорит:

«Нет никакого другого шанса, потому что наша страна зависит от великих держав в обеспечении продовольствием, углём и промышленным сырьем, а также в воссоздании своего кредита и валюты».

Такую же точку зрения высказывали два государственных деятеля Зейпель[334] и Шобер[335]. В документе номер Зейсс-Инкварт-17, Зейпель, считающийся величайшим австрийским государственным деятелем, сказал тогда:

«Но мы никогда не поверим в то, что центральноевропейский вопрос решён, до тех пор, пока великое государство, которое теоретически составляет Центральную Европу, Германский Рейх, не является стороной решения».

Теперь я продолжу допрос свидетеля.

Свидетель, я хочу спросить вас, вы всё ещё помните время и условия после 1927?

Зейсс-Инкварт: В виду экономической ситуации, которую вы только, что описали, державы Лиги[336] снова и снова вынуждали Австрию делать так называемые добровольные заявления отменяющие аншлюс. Это имело последствия в австрийской внутренней политике. Австрийцы, которые в 1918 решились иметь демократическую парламентарную форму правительства, поворачивались к радикальным идеям авторитарного характера.

Штейнбауэр: Тогда была сформирована новая партия. Что она собой представляла?

Зейсс-Инкварт: Затем случился так называемый пожар во дворце правосудия[337], восстание марксистов, которое побудило создать антимарксистскую внутреннюю гвардию, ополченческую организацию. Таким образом, форма вошла в политическую жизнь Австрии. Противоречия между марксистами и антимарскистами становились всё более и более явными. Единственной непартийной организацией этого времени являлся Немецко-австрийский народный союз и идея аншлюса была единственной политической целью, которая всё еще

---

[334] Игнац Зейпель (1876 — 1932) — австрийский политик, федеральный канцлер Австрии в 1922—1924 и 1926—1929 годах.

[335] Йохан Шобер (1874 — 1932) — австрийский полицейский, который трижды назначался на должность Федерального канцлера Австрии. Основатель «Интерпола».

[336] Лига Наций — международная организация, основанная в результате Версальско-Вашингтонской системы Версальского соглашения в 1919—1920 годах. Существовала в 1919 – 1946.

[337] Гражданские волнения 15 июля 1927 в Вене вызванные оправданием бойцов националистической боевой организации убивших двух человек.

объединяла партии. Около 1930 – по крайней мере, тогда это впервые стало заметно – проявилась Национал-социалистическая немецкая рабочая партия.

Штейнбауэр: Какое впечатление произвела эта партия на вас, в частности в связи с захватом власти в Рейхе?

Зейсс-Инкварт: Я хочу сказать, совершенно открыто, что с учётом австрийских условий появление партии казалось вообще-то странным. Конечно, форма уже была введена в политику Республиканской гвардией[338] марксистов и Внутренней гвардией, но в НСДАП даже само политическое руководство носило форму и маршировало в колоннах, и также своеобразная политическая нетерпимость которую они выражали была непривычной нашему политическому мышлению.

Штейнбауэр: Но в чём заключались причины этого?

Зейсс-Инкварт: Что же, позвольте сказать, что НСДАП не признавала никакой ценности ни в одной партии и никогда не была готова ни с кем сотрудничать.

Штейнбауэр: Тогда каких положительных успехов, по вашему мнению, добилась партия в Рейхе?

Зейсс-Инкварт: Думаю, что влияние партии в Австрии – без сомнения очень сильное с течением времени – было из-за безоговорочной решимости добиваться аншлюса. Я считаю, что радикализм следует приписывать, например отрицанию таможенного союза[339] в соответствии с гаагским решением, в угоду лидеров демократических партий.

Штейнбауэр: Кроме этого, не было никаких экономических причин, которые привели к успеху НСДАП?

Зейсс-Инкварт: То, что обсуждали в Рейхе и то, что мы слышали из Рейха…

Председатель: Подсудимый, полагаю, что вы непосредственно слышали слова сказанные доктором Штейнбауэром, и вы отвечаете без всякой паузы, не оставляя никакого шанса переводчикам.

Зейсс-Инкварт: Мы в Австрии после 1933 наблюдали устранение дискриминации навязанной Версальским договором и прежде всего, ликвидацию безработицы в Рейхе. В Австрии тоже, тогда около 10 процентов населения были безработными. Поэтому в особенности австрийские рабочие, надеялись на то, что аншлюс положит конец их безработице; и австрийские крестьяне были сильно заинтересованы в продовольственной программе Рейха и германском торговом контроле.

Штейнбауэр: Если я правильно вас понимаю, значит, это идея аншлюса привела вас к контакту с партией? Я не хочу говорить о партийной программе, которую здесь обсуждали снова и снова, но хочу коротко спросить вас: когда вы вступили в партию?

Зейсс-Инкварт: Официально я стал членом партии 13 мая 1938, и мой членский

[338] Республиканская гвардия – полувоенная организация Социал-демократической партии Австрии, создана в 1920, запрещена в 1933.
[339] Имеется в виду Германо-австрийское соглашение о таможенном союзе 1931 года.

номер дальше семи миллионов.

Штейнбауэр: Вы имели какой-либо контакт с доктором Дольфусом[340]?

Зейсс-Инкварт: Я встречал доктора Дольфуса в послевоенный период. Я знал, что он хотел взять меня в своё министерство в 1933; и за неделю до 25 июля 1934[341], по его приглашению, я с ним беседовал.

Штейнбауэр: Вы каким-либо образом принимали участие в убийстве федерального канцлера доктора Дольфуса 25 июля 1934?

Зейсс-Инкварт: Нет, никоим образом. Доктор Дольфус запланировал со мной ещё одну дискуссию. Его интересовал мой взгляд на успокоение очень радикальной ситуации в то время. Я сказал доктору Дольфусу ещё тогда, что в Австрии больше не было националистов, а только национал-социалисты, и что национал-социалисты действуют только по приказам Гитлера.

Штейнбауэр: Но доктор, я должен вам напомнить, что обвинение предъявило фотографию, которая показывает оказание почестей убийству Дольфуса.

Зейсс-Инкварт: Это так называемое ежегодное поминовение в 1938 году. Во время этого празднования, никто не думал о Дольфусе; это было партийное поминовение в честь семерых эсэсовцев, которых повесили в связи с попыткой путча. Никто из нас не относился к этой смерти как к убийству.

Штейнбауэр: Что же, доктор Шушниг стал преемником Дольфусом в качестве федерального канцлера, и я хочу вас спросить: какие выводы НСДАП сделала из этого события, насколько вы могли понять?

Зейсс-Инкварт: НСДАП сама по себе была полностью разрушена и дезорганизована, и небольшой круг людей сформировался в то время; я тоже искал свою дорогу к этим людям, и мы сделали следующие выводы из событий 25 июля:

Во-первых, что они представляли значительную опасность. Я вспоминаю встречу государственных деятелей в Стрезе[342] и их резолюции против Германии. И хотя мы никогда не волновались об Италии, вместе с тем следовало осознавать, что в такой напряженной атмосфере всё что угодно могло привести к войне. Все мы соглашались в том, что основной задачей немецкой политики должно было быть избежание войны.

Штейнбауэр: Теперь мы в году…

Зейсс-Инкварт: Я бы хотел добавить, что в отношении внутренней политики, события 25 июля были худшим из худшего, что могло случиться для переспективы аншлюса. Мы обдумали то, что можно сделать и пришли к выводу, что партия в

---

[340] Энгельберт Дольфус (1892 — 1934) — австрийский политический деятель, лидер Христианско-социальной партии, позднее Отечественного фронта. Канцлер Австрии в 1932—1934 годах. Убит путчистами.

[341] 25 июля 1934 года около полутора сотен членов СС штандарта 89, для маскировки одетые в австрийскую военную форму, ворвались в федеральную канцелярию. При попытке к бегству Дольфус был ранен выстрелом в горло.

[342] Стрезская конференция — международная конференция, состоявшаяся в апреле 1935 года в небольшом городке Стреза на западном берегу озера Лаго-Маджоре (Италия) с участием премьер-министра Великобритании Джеймса Макдональда, министра иностранных дел Франции Пьера Лаваля и лидера Италии Бенито Муссолини. На конференции были сделаны заявления относительно гарантий независимости Австрии.

Рейхе должна прекратить своё влияние в Австрийской национал-социалистической партии, существование которой предвосхитило аншлюс, но в свою очередь, национал-социалисты в Австрии должны были снова получить разрешение быть активными, и в особенности, чтобы были выборы, чтобы убедиться в соотношении силы партий.

Штейнбауэр: Что меня интересует, имели ли вы какие-нибудь связи с властями Рейха в то время, то есть, в 1936?

Зейсс-Инкварт: Я не имел никаких связей с властями Рейха.

Штейнбауэр: Спасибо. Вы…

Зейсс-Инкварт: Только, как уже свидетельствовал рейхсмаршал, когда я стал государственным советником, я, впервые встретил ведущих немецких политиков.

Штейнбауэр: Когда это было?

Зейсс-Инкварт: Это было в июне или июле 1937.

Штейнбауэр: В чём заключалось ваше отношение к НСДАП в Австрии в то время, когда вы были государственным советником?

Зейсс-Инкварт: Когда было достигнуто соглашение от 11 июля 1936[343] – без моего участия в этом – доктор Шушниг через министра Клееса попросил моего политического содействия. Тогда я имел особо близкие связи с Цернатто[344], генеральным секретарём Отечественного фронта[345]. По предложению Зернатто и его друзей я стал австрийским государственным советником, и доктор Шушниг поставил мне задачу, в письменном виде, изучить условия при которых националистическая оппозиция может быть призвана к политическому сотрудничеству. Для того, чтобы выполнить эту задачу, я конечно, должен был связаться с национал-социалистами, потому что националистическая оппозиция состояла только из национал-социалистов.

Штейнбауэр: Кто был главой НСДАП в Австрии?

Зейсс-Инкварт: Партия в Австрии была нелегально реорганизована; Капитан Леопольд[346] был главой.

Штейнбауэр: Вы находились с ним в дружеских отношениях?

Зейсс-Инкварт: Я не смог договориться с капитаном Леопольдом, он не понимал моей политики, но думал, что на основании соглашения от 11 июля, доктор Шушниг снова разрешит НСДАП в своей предыдущей форме. Думаю, я говорил с Леопольдом только дважды или самое большее три раза, за всё это время. Он требовал, чтобы я подчинялся ему, я отказался.

---

343 Имеется в виду Соглашение о взаимном признании суверенитета Австрии и Германии.

344 Гвидо Цернатто (1903 – 1943) – австрийский писатель и политик. Генеральный секретарь Отечественного фронта в 1934-1938.

345 Отечественный фронт — ультраправая австрофашистская политическая партия, основанная в 1933 году Энгельбертом Дольфусом. Фронт должен был «быть носителем австрийской идеи государства» и «политически объединить всех граждан Австрии».

346 Йозеф Леопольд (1889 – 1941) – нацистский политик. Ландесляйтер (глава) НСДАП в Австрии в 1935-1938 гг. Убит на Восточном фронте.

Штейнбауэр: Могу я в данной связи обратить внимание на следующие документы, не зачитывая их?

Экземпляр номер Зейсс-Инкварт-44, на странице 103 документальной книги, выдержка из документа номер PS-3471, экземпляра номер USA-583, уже предъявленного суду.

Экземпляр Зейсс-Инкварт-45, на странице 105, документ номер PS-3473, экземпляр номер USA-581.

И документ номер Зейсс-Инкварт-97, на странице 109 в котором Цернатто прямо заявляет, что Зейсса-Инкварта не брал в расчёт Леопольд.

Обвинение вменяет моему клиенту двойную игру. В качестве контрдоказательства, я просил разрешения заслушать бывшего гауляйтера Зигфрида Юбиррейтера[347]. Его здесь допросили здесь, и я хочу процитировать из опросного листа, который документ номер Зейсс-Инкварт-59, из контрвопросов обвинения на странице 140:

> «Вопрос: Подсудимый Зейсс-Инкварт до того времени, когда нацистская партия была легализована, то есть, до объявления её легальной в феврале 1938 не находился в постоянном контакте с нелегальной нацистской партией Австрии?
>
> Ответ: Нет. Лично я не знал Зейсс-Инкварта до его визита в Грац. В нацистских кругах его считали непартийным членом. Думаю – не знаю точно – что он вступил в НСДАП, только когда она была легализована. По этой причине он постоянно сталкивался с сильной оппозицией в нелегальных нацистских кругах.
>
> На странице 6 этого же документа говорится:
>
> «Вопрос: Подсудимый Зейсс-Инкварт вёл двойную игру: с одной стороны своим легальным положением в кабинете Шушнига и с другой стороны своим сотрудничеством с ранее нелегальной нацистской партией, чья деятельность затем была легализована в некоторой степени в результате усилий подсудимого в Берхтесгадене в феврале 1938?
>
> Ответ: «Не знаю, в какой степени он находился в контакте с нацистскими кругами до 12 февраля. Я не знаю об этом, потому что я не находился в Вене, но с 18 февраля его контакты с нацистской партией были не двуличием, а долгом. Шушниг сам вёл беседы с Леопольдом, лидером нацистов того времени – до Клаузнера[348] это был Леопольд».

---

[347] Зигфрид Юбиррейтер (1908 – 1984) – австрийский нацистский политик. Гауляйтер Штирии в 1938 – 1945. С 1941 года начальник гражданской администрации Нижней Штирии (оккупированной части Югославии). В 1947 скрылся в Аргентине.

[348] Хуберт Клаузнер (1892 – 1939) – австрийский офицер и нацистский политик. Министр по формированию политической воли в кабинете Зейсс-Инкварта в 1938-1939.

[*Обращаясь к подсудимому*] Это приводит нас в 1938. В начале этого года вы были государственным советником в австрийском правительстве. Что вы думали о политической ситуации в то время?

Зейсс-Инкварт: На многих беседах с доктором Шушнигом, но больше всего в продолжительных дискуссиях с Цернатто, я предлагал, согласно выводам которые имел из событий 25 июля 1934, чтобы Рейх и в частности Гитлера попросили воздержаться от любого вмешательства в австрийскую политику при помощи Австрийской национал-социалистической партии. Я предлагал, чтобы вместо этого Австрийская национал-социалистическая партия получила разрешение возобновить деятельность. Это вовсе не означало, что я откажусь от аншлюса, но я был полностью убеждён в том, что законная и ответственная политика австрийских национал-социалистов в Австрии с течением времени получит поддержку настолько явного большинства австрийской нации – я имею в виду немцев Австрии и что демонстрация подобного явного большинства больше не смогла бы оспариваться державами Лиги наций. Нужно было постараться заставить Адольфа Гитлера согласится с такой политикой призвав поддержку автономного и независимого австрийского государства в помощь политики фюрера и требованию равных прав немецкого народа. В интересах этих идей я беседовал с фельдмаршалом Герингом и господином Гессом. Я доложил о результате этих переговоров доктору Шушнигу и Цернатто, и я порекомендовал сформировать коалиционное правительство, взяв в кабинет национал-социалистических министров, при условии, что Адольф Гитлер предоставит адекватные гарантии. Мои предложения не совершили никакого прорыва ни у одной из партий, но и не были прямо отвергнуты. Между тем, австрийские национал-социалисты продолжали нелегальную деятельность; полиция вмешивалась и производила аресты, создали три австрийских концентрационных лагеря; короче, события того времени являлись предвестниками сегодняшней системы денацификации[349].

Штейнбауэр: Вы находились в Оберзальцберге 12 февраля 1938?

Зейсс-Инкварт: Нет. Но я хочу описать то, как случилась встреча. Прежде всего, возобновился радикализм партии. В начале 1938, легитимистские тенденции продвигали в Австрии, законы о возврате имущества Габсбургов[350] обсуждали в государственном совете. Таким образом в тот момент моё положение стало бесполезным; я ушёл в отставку и сообщил Цернатто и государственному секретарю Кепплеру[351], которого официально предложило правительство Рейха, чтобы вести политические дела относящиеся к Австрии Я чувствовал, что в виду своей задачи

---

[349] Денацификация — люстрация, комплекс мероприятий, направленных на очищение послевоенного немецкого и австрийского общества, культуры, прессы, экономики, образования, юриспруденции и политики от влияния нацистской идеологии.

[350] Габсбурги — одна из наиболее могущественных монарших династий Европы на протяжении Средневековья и Нового времени. Представители династии известны как правители Австрии (с 1282 года).

[351] Вильгельм Кепплер (1882 — 1960) — германский государственный деятель, промышленник, обергруппенфюрер СС (30 января 1942). Осужден американским трибуналом к 10 годам заключения. Освобождён в 1951.

моим долгом было также информировать Кепплера. Я лично принял приглашение рейхсспортфюрера Чаммер-Остена[352] и поехал в Гармиш-Партенкирхен. Там, без предварительной договорённости, я встретил господина фон Папена. Мы излили друг другу свои проблемы и пришли к выводу, что обе стороны, то есть, Гитлера, а также австрийское правительство – то есть доктора Шушнига – нужно было поставить в известность о том, что требуется чёткое решение в рамках моего предложения. Тогда, разумеется, обсуждалось участие национал-социалистов в правительстве. Вероятно, министерство внутренних дел тоже обсуждалось, но моё имя точно не упоминалось хотя это и было очевидным. Я не получал никакого доклада о дискуссиях которые господин фон Папен вёл с Гитлером, но я проинформировал Цернатто о своей беседе с господином фон Папеном. Цернатто тогда удовлетворил меня по ряду вопросов, в частности относительно расширения разделов касающихся национальной политики о чём вели речь национал-социалисты, и с этой целью он также передал в моё распоряжение средства. Думаю, это было 10 февраля, когда я услышал от группы моих коллег, что Гитлер пригласил доктора Шушнига в Берхтесгаден. Среди членов моего окружения были доктор Райнер[353], доктор Юри[354], доктор Кальтенбруннер, Лангот[355] и несколько других.

Штейнбауэр: Вас проинформировали об итоге дискуссий в Оберзальцберге?

Зейсс-Инкварт: Меня проинформировал об итоге этого совещания только Цернатто. Вечером 11-го, перед отъездом доктора Шушнига из Берхтесгадена, у меня была подробная дискуссия с ним и Цернатто. Мы во многом согласились о назначении национал-социалистов – например, Юри, Рейнталлера[356] и Фишбока[357] – на определенные общественные функции, но не министерские посты. Я не поднял предмет министерского поста, потому что я не знал, как Адольф Гитлер отреагировал на предложение, которое я сделал господину фон Папену. 13 февраля Цернатто попросил меня встретится с ним, и тогда он рассказал мне о результатах и содержании конференции в Берхтесгадене, о которых ему было известно.

Штейнбауэр: В связи с этим, я хочу сослаться на документ номер Зейсс-Инкварт-48, страница 111, в котором Цернатто заявляет: «У меня сложилось явное впечатление, что он» - Зейсс-Инкварт – «до сих пор ничего не знал о результате дискуссии и содержании соглашения» - от 12 февраля.

Свидетель, на основании этого соглашения, вы стали министром

---

[352] Ганс фон Чаммер-Остен (1887 – 1943) – немецкий спортивный чиновник. С 1933 по 1943 рейхсспортфюрер Германии

[353] Фридрих Райнер (1903 — 1947) — партийный деятель НСДАП, обергруппенфюрер СС (21 июня 1943). Гауляйтер Зальцбурга в 1938-1941. Казнён по приговору югославского суда.

[354] Хуго Юри (1887 — 1945) — партийный деятель НСДАП, гауляйтер и рейхсштатгальтер Нидердонау (Нижний Дунай), обергруппенфюрер СС (21 июня 1943). Покончил жизнь самоубийством во время наступления Красной армии в Австрии.

[355] Франц Лангот (1877 – 1953) – австрийский националистический политик. После 1938 был главой Национал-социалистической организации социального обеспечения в Австрии.

[356] Антон Рейнталлер (1895 – 1958) – австрийский правый политик. После 1938 занимал ряд второстепенных должностей в органах власти Германии.

[357] Ганс Фишбок (1895 – 1965) – австрийский банкир. Министр финансов Австрии в 1938, Нидерландов в 1940-1945.

внутренних дел и полиции, не так ли?

Зейсс-Инкварт: Да, 17 февраля.

Штейнбауэр: 17 февраля 1938, с поручением установления связей между Австрией и Рейхом или скорее для их улучшения. Вы также провели беседу с самим Гитлером?

Зейсс-Инкварт: Да. Соглашение в Берхтесгадене от 12 февраля содержало чёткое положение о том, что я должен быть посредником между австрийским правительством и австрийскими национал-социалистами с одной стороны и Германским Рейхом с другой. Содержание протокола показалось мне неудовлетворительным и даже опасным. Вообще не было сомнения в том, что моё назначение в министерство внутренних дел и безопасности служило в качестве уведомления, если не сигналом, для австрийских национал-социалистов, о том, что они могли ждать более ранней реализации своих политических целей. Дополнительно они получили разрешение проповедовать свои взгляды; они могли носить свастику и приветствовать поднятием руки. Однако, что не разрешили, была их организация; что означает, мои национал-социалистические друзья в Австрии не имели никакой возможности вступить в контакт с национал-социалистами законным путём. Это соглашение открывало ворота не предусмотрев впоследствии обычной процедуры. Отсюда, я лично решился встретиться с Адольфом Гитлером для того, чтобы убедиться в том, что мой план имел его одобрение. Я поехал с согласия доктора Шушнига и с австрийским дипломатическим паспортом.

Штейнбауэр: И когда вы переговорили с Гитлером?

Зейсс-Инкварт: Сейчас я назвал неправильную дату; это было 16 февраля, когда я стал министром, а поехал в Берлин 17-го. Я говорил наедине с Адольфом Гитлером больше 2 часов.

Обвинение здесь отмечало, что я приветствовал Адольфа Гитлера поднятием руки. Это допускалось по соглашению. Но я бы попросил обвинение признать, что во время каждого из своих допросов я заявлял о том, что сразу подчеркнул Адольфу Гитлеру, что я был австрийским министром и как таковой ответственным перед Австрией. Я сделал кое-какие стенографические записи этой дискуссии на обороте письма и несколько недель спустя я продиктовал эти записи своему секретарю. Теперь я хочу сослаться на свою беседу с Гитлером на основании этих записей. Мои заявления…

Штейнбауэр: Свидетель, будьте любезны быть как можно более кратким; вы, вероятно, можете это сделать тезисно?

Зейсс-Инкварт: Но это самый важный пункт в отношении всей моей ответственности.

> «Условие федерального канцлера доктора Шушнига в том, чтобы я придерживаюсь автономной и независимой Австрии, что я

поддерживаю конституцию, то есть, дальнейшее развитие, включая аншлюс, должно быть основано на этом. Формирование общественного мнения в Австрии должно происходить самостоятельно и в соответствии с нынешними конституционными возможностями. Я должен быть активным гарантом доктора Шушнига от революционного пути, в смысле этих заявлений (да), а не троянским конём. Партия и движение не должны занимать воинственное отношение против преобладающих культурных концепций (Да). Никакого тоталитаризма партии и движения; то есть, Национал-социалистическая идеология должна быть реализована с должной оценкой и учетом условий в Австрии; не навязываться другим силой. Партия как таковая не просто исчезает, но существует как организация личностей; никакой нелегальной деятельности, никаких усилий враждебных государству, всё нужно делать законно, любой кто так делать не будет сядет за решетку».

В основном, Адольф Гитлер согласился, и сказал мне:

«Это не вопрос о 25 пунктах. Нельзя объявлять о догме; следует отходить от пангерманской и национальной немецкой концепции к национал-социалистической».

В этом суть моей конференции с Адольфом Гитлером 17 февраля, с 12 часов до 2 часов 10 минут.

Штейнбауэр: Вы…

Додд: Господин председатель, я понял, что свидетель говорит, что он сделал свои записи встречи с Гитлером и позднее продиктовал их секретарю. Мне, не ясно читал ли он из записей. Кроме того, мы никогда не видели таких записей, и я думаю следует внести ясность в протокол.

Председатель: Доктор Штейнбауэр, у подсудимого имелись записи?

Штейнбауэр: Подлинник забрали, когда его арестовали.

Председатель: Подсудимый, вы слышали мой вопрос; у вас имелись записи?

Зейсс-Инкварт: Подлинник этих записей был среди моих материалов в Вене. Я заявил ходатайство, чтобы в этих моих материалах, которые обнаружили, поискали эти записи. Я вручил копию записей обвинению во время одного из моих первых допросов; это в материалах обвинения. У меня здесь только копии, у меня нет оригинала.

Председатель: Копия тоже подойдет для этого.

Зейсс-Инкварт: Я передал копию в распоряжение защиты.

Штейнбауэр: Но я дал вам копию.

Зейсс-Инкварт: Тогда вы можете приобщить это.

Штейнбауэр: Да, вы передадите её?

[*Документ передали трибуналу*]

Председательс: Доктор Штейнбауэр, вы присвоите номер экземпляра?
Штейнбауэр: Номер Зейсс-Инкварт-61, иначе можно перепутать с другими.
Председатель: Да.
Додд: Господин председатель, я запутался; я всё же понимаю, и я уверен в том, что мои коллеги тоже. Мы никогда не получили никакой копии или каких-нибудь записей, которые этот подсудимый как он заявляет сделал вскоре или во время его совещания с Гитлером. У нас нет никакой копии в наших материалах. И я бы хотел сам понять, заявляет ли он, что данная копия, которая представлена трибуналу является копией того оригинала, который как он заявляет он отдал нам.
Председатель: Подсудимый, вы говорите, что документ, который вы только, что передали своему защитнику, является копией документа, о котором вы говорите, что представили во время своих допросов, который является копией стенографических записей которые вы тогда сделали?
Зейсс-Инкварт: Господин председатель, оригинальные записи сделаны мной вечером 17 февраля. Несколько недель спустя, я продиктовал эти записи, которые я сделал от руки, своему секретарю, которая перепечатала их на машинке. У меня есть несколько копий, одну из которых я представил обвинению во время одного из моих допросов прошлым летом. Сейчас я вручил вторую копию своему защитнику. Это копии с подлинников сделанные из первоначальных записей несколько недель спустя, после совещания. Подлинник находился в моих секретных материалах в Вене.
Председатель: Очень хорошо.
Додд: Я интересуюсь, можем ли мы узнать, кем был тот, кому подсудимый передал эти записи? Господин председатель, я бы хотел поискать их, и предпринять усилия, чтобы найти их.
Председатель: Вам известно, кто был дознавателем?
Зейсс-Инкварт: Лично господин Додд.
Додд: У нас их нет.
Зейсс-Инкварт: Думаю я прав, сказав, что отдал их.
Штейнбауэр: Господин председатель, основные пункты о содержании совпадают с добровольным заявлением, которое подсудимый…
Додд: Господин председатель, думаю сейчас это достаточно важно выяснить. У меня есть первый допрос, который я впервые проводил с подсудимым, и он ясно показывает, что он ссылался на записи, но он чётко сказал мне тогда, что у него их нет, что он оставил их в черном кожаном чемодане с остальными документами в Мондорфе, и он спросил меня, могу ли я попытаться получить их; и я сказал, что постараюсь, и мы так и не смогли их найти, и такая расшифровка этого допроса.
Зейсс-Инкварт: Могу я сказать, что я получил их. Чёрный кожаный чемодан

доставили сюда в суд и записи были в нём. Я предъявил копию на одном из последующих допросов.

(*Была короткая пауза*)

Председатель: Продолжайте, доктор Штейнбауэр.

Штейнбауэр: Можно сказать, что документ номер Зейсс-Инкварт-49, страница 113, по сути одинаковый по содержанию. Подсудимый, нынешний свидетель, проинформировал Шушнига о сути беседы, что очевидно из документа номер PS-3721, экземпляр номер Зейсс-Инкварт-65, на странице 158.

Свидетель, теперь я хочу спросить вас о том одобрил ли Гитлер ваши предложения?

Зейсс-Инкварт: Он чётко сказал «да» ряду вещей, но по другим пунктам он высказал сомнения, о том согласится ли австрийское правительство; однако, принципиальное впечатление заключалось в том, что такая политика казалась приемлимой.

Штейнбауэр: В связи с этим также утверждали, что как министр внутренних дел и полиции вы поставили исполнительную власть под контроль нацистов.

Зейсс-Инкварт: Я бы хотел оставить основное объяснение данного вопроса своему свидетелю, доктору Скублю[358]. После смерти Дольфуса доктор Скубль был особо доверенным лицом австрийского правительства и приставлен ко мне в качестве государственного секретаря и генерального инспектора по вопросам безопасности – для своего рода контроля. Я вообще не имел никаких возражений этому и был очень рад иметь такого эксперта в своём распоряжении.

Я бы хотел коротко сказать, что все правоохранительные приказы шли от Скубля. Лично я ни отдал ни одного прямого приказа австрийской полиции. Скублю давал указания доктор Шушниг, в частности 10 и 11 марта. Лично я не привёл в полицию ни одного национал-социалиста.

Штейнбауэр: Хорошо, этого достаточно.

Зейсс-Инкварт: Вероятно, я могу кратко сослаться на публичное обращение…

Штейнбауэр: В данной связи я хочу сослаться на два документа, номера Зейсс-Инкварт-51 и 52 на страницах со 117 и 119 соответственно. Сейчас мы пришли к документальной книге номер 2. Первый является речью подсудимого в качестве министра, адресованной сотрудникам полиции, вторая речь это радиобеседа, которую он провёл в Линце.

Теперь мы переходим к критическим дням марта. Вас информировали о плане плебесцита и кто?

Зейсс-Инкварт: За день до объявления доктором Шушнигом в Иннсбруке плана

[358] Михаэль Скубль (1877 – 1964) – австрийский политик и деятель полиции. С 20 марта 1937 по 12 марта 1938 государственный секретарь по безопасности Австрии.

плебисцита он вызвал меня и сообщил мне о своём плане. Тогда я спросил его, было ли его решение неизменным и он подтвердил это. Я высказал свою озабоченность тому, что это может привести к сложностям, но я пообещал ему, что я помогу ему всем, чем можно, так или иначе получив пользу от этого плебисцита или прийдя к подходящему исходу, то есть, даже для национал-социалистов. Конечно, у меня был постоянный контакт с австрийскими национал-социалистами, поскольку я был посредником. Я провёл беседы на нескольких встречах - Цернатто и доктор Шушниг были в курсе этого - и я пересказал то, что я обсуждал с Адольфом Гитлером или то, что я предложил ему. Я избегал всяческих демонстраций, и как министр внутренних дел также запретил такие демонстрации. В этой связи могу я сослаться на общий запрет общественных митингов, помимо прочего введённый мною, и отдельно запретил демонстрацию в Граце, что очевидно из опросного листа свидетеля Юбиррейтера.

Штейнбауэр: Шушниг давал вам какие-нибудь обещания?

Зейсс-Инкварт: Нет, я хочу сказать, что тем же самым вечером ко мне также обратился доктор Юри, который каким-то образом уже услышал о плане плебисцита. Я не сказал ему о том, что я дал своё согласие доктору Шушнигу, при том, что с учётом моей функции посредника изложенной в соглашении от 12 февраля, на меня не накладывалось молчание, пока же я хранил молчание.

Штейнбауэр: Господин председатель, думаю может подходящий момент для перерыва.

Председатель: Очень хорошо. Мы прервёмся.

[*Объявлен перерыв*]

Штейнбауэр: Мы дошли до плебисцита, который запланировал Шушниг и о котором тогда стало известно. Теперь мы переходим к 11 марта. Что вы делали утром того дня?

Зейсс-Инкварт: Сначала я должен сказать, что за день или два, после консультации с австрийскими национал-социалистами, я написал письмо доктору Шушнигу в котором я прокомментировал плебисцит отрицательным образом. Причины в основном заключались в том, что реальные результаты плебисцита не были гарантированы, потому что это не был подходящий плебисцит в рамках национальных законов. Например, о плебисците решил не совет министров, а Отечественный фронт, то есть партия; и он должен был проведён партией.

Предлагалось, чтобы плебисцит отложили и провели надлежащие выборы соответствующие всем законным требованиям. Вечером 10 марта в присутствии министра иностранных дел Шмидта, я провёл ещё одну подробную беседу с доктором Шушнигом; и мы договорились, что правительство – также как и провинциальные правительства, и так далее - должно включать национал-

социалистов, что в свою очередь следовало сформировать коалиционное правительство; и в таком случае национал-социалисты тоже проголосуют «за». Только относительно разрешения на деятельность партии, деятельности партии, всё ещё существовали разногласия во мнениях. Я сообщил об этом австрийским национал-социалистам, но они не сильно заинтересовались, потому что пришли новости из Берлина о том, что Гитлер отверг плебисцит. Мне сказали, что на следующий день я получу письмо от Гитлера.

Штейнбауэр: Вы получили письмо?

Зейсс-Инкварт: Да. Я получил письмо от Гитлера через курьера. Я почти уверен, что письмо также содержало проект телеграммы о вступлении в Австрию, но я не могу вспомнить был ли в него включен и проект речи по радио.

Штейнбауэр: Что вы делали утром, после получения письма?

Зейсс-Инкварт: Получив это письмо, я пошёл с министром Гляйсе[359] к доктору Шушнигу. Мы были в ведомстве федерального канцлера в 10 утра, и я проинформировал федерального канцлера Шушнига о всём содержании этого письма без ограничений. В частности, я указал на то, что в случае отказа Адольф Гитлер ожидал беспорядков среди австрийских национал-социалистов, и что он был готов, если произойдут беспорядки, ответить на просьбу о помощи походом. Другими словами, я прямо обратил внимание федерального канцлера Шушнига на возможность такого развития.

Штейнбауэр: Вы попросили его ответить?

Зейсс-Инкварт: Письмо устанавливало крайний срок, 12 часов. Так как наша последняя беседа длилась приблизительно до 11:30, я попросил федерального канцлера Шушнига дать мне ответ к 2 часам. Я знал, что тем временем, и также в предыдущий день, он предпринимал меры безопасности через доктора Скубля, которые я одобрял. Ряд возрастных групп австрийской федеральной армии был призван, полиция повсюду получала указания, и вечером был введён комендантский час.

Штейнбауэр: Что происходило вечером 11 марта?

Зейсс-Инкварт: В 2 часа я пошёл в ведомство федерального канцлера Шушнига с министром Гляйсе. Мы поговорили с доктором Шушнигом, он отклонил отсрочку. В тот момент меня позвали к телефону; фельдмаршал Геринг был у трубки и наша беседа воспроизведена здесь под номером экземпляра USA-76, документ номер PS-2949.

И затем последовали требования и уступки. Когда я сказал фельдмаршалу Герингу о том, что федеральный канцлер Шушниг отказал в отсрочке, он заявил от имени Рейха, что он вынужден просить отставки Шушнига, потому что он нарушил соглашение от 12 февраля и Рейх утратил к нему доверие. Доктор Шушниг тогда

---

[359] Эдмунд Гляйсе-Хорстенау (1882 – 1946) – австрийский политик и военный. Министр внутренних дел Австрии в 1936 – 1938. Находясь в американском плену покончил жизнь самоубийством.

был готов к отсрочке, но не к отставке. Потом фельдмаршал Геринг потребовал, не только отставки Шушнига, но и моего назначения федеральным канцлером. Во время совещания с федеральным канцлером Шушнигом, в 3:30 вечера, канцлер сказал, что он вручит федеральному президенту прошение об отставке всего кабинета. Когда мне сообщили об этом, я покинул ведомство федерального канцлера, потому что я посчитал свою функцию посредника завершенной в смысле соглашения от 12 февраля; и я никак не хотел выступать или способствовать своему назначению федеральным канцлером.

Штейнбауэр: В этой связи могу я сослаться на мой экземпляр номер Зейсс-Инкварт-58, страница 134. Это выдержка из телефонных бесед Геринга; Геринг выслушывает доклады и Зейсс-Инкварт говорит об отношениях между Германией и Австрией. Там сказано: «Да, он имеет в виду, что австрийская независимость будет сохранена…»

Итак, это было 11 марта, поздно вечером?

Зейсс-Инкварт: В этих телефонных беседах также предлагалось, чтобы подразделение партии, эмигрантский легион, должен был прибыть в Австрию. Из этой же телефонной беседы очевидно, что я возражал этому и хотел скорее проведения выборов или плебисцита перед вступлением любого подразделения в Австрию.

В ходе этого вечера государственный секретарь Кепплер прибыл в Вену и запросил у меня информацию. И поэтому я снова поехал в ведомство федерального канцлера. Берлин непрерывно просил меня обратится к федеральному президенту для того, чтобы повлиять на моё назначение федеральным канцлером. Я всегда отказывался делать это.

Штейнбауэр: И, что тогда делала австрийская НСДАП?

Зейсс-Инкварт: Партия в Австрии начала демонстрации. Члены партии выходили из дома, заполняли улицы и так как члены партии или симпатизирующие принимали участие в демонстрациях против системы и за национал-социалистов, демонстрации приняли огромный размах.

Штейнбауэр: В чём заключалось чувство в федеральных провинциях?

Зейсс-Инкварт: У меня не было никакой связи с федеральными провинциями, но довольно поздно я узнал, что ночью или на следующий день там, даже больше чем в Вене состоялись демонстрации огромных толп против Отечественного фронта и за национал-социалистов.

Штейнбауэр: Какие попытки предпринял федеральный президент Миклас[360], чтобы разрешить эту ситуацию?

Зейсс-Инкварт: По собственным наблюдениям я ничего не могу об этом сказать, так как до 8 часов вечера вообще никто не обращался ко мне с такими вопросами.

[360] Вильгельм Миклас (1872 — 1956) — австрийский политик. Президент Австрии с 1928 года до аннексии Австрии Германией в 1938 году.

Никто не говорил со мной о федеральном канцлерстве, ни одно возможное решение со мной не обсуждали. Я слышал, что федеральный президент хотел сделать доктора Эндера[361] из Форальберга, канцлером и меня вице-канцлером. Мне кажется, это предложение было бы совершенно практичным. Но я не смог обсудить его – по крайней мере, с Берлином, потому что никто ничего не сказал мне об этом.

Штейнбауэр: И когда события достигли пика и Шушниг предложил свою отставку, вы составили список кабинета?

Зейсс-Инкварт: В ходе вечера стало ясно, что федеральный канцлер Шушниг уйдет, и что Рейх не потерпит никакого другого правительства кроме национал-социалистического правительства. Поэтому, чтобы меня не застали врасплох, я посчитал своей задачей изучить кого я должен взять в кабинет. Мне вообще не передали предложения высказанные в телефонных беседах. Я выбрал своих коллег совершенно самостоятельно – естественно после консультаций с австрийскими национал-социалистами – и они включали, также людей с сильными католическими связями, таких как профессора Менгина[362], доктора Вольфа[363] и других.

Я попросил министра иностранных дел Шмидта войти в кабинет. Он спросил у меня причину, и я сказал ему: «Я хочу сохранить Австрию автономной и независимой, и мне требуется министр иностранных дел, у которого есть связи с западными державами. Шмидт отказался, заметив, что федеральный канцлер Шушниг пригласил его в политику и что он останется верным ему.

Штейнбауэр: Теперь я бы хотел предъявить некоторые документы: документ номер Зейсс-Инкварт-50, страница 115, из книги Цернатто о позиции Зейсс-Инкварта; затем, на странице 125, документ номер Зейсс-Инкварт-54, также из книги Цернатто, где сказано: «…он» - Зейсс-Инкварт – «больше не владеет обстановкой».

Затем документ номер Зейсс-Инкварт-62, страница 149, в котором Цернатто цитирует из разговора с доктором Зейсс-Инквартом:

> «Он говорит, что есть два основных пункта, по которым он не пойдёт на компромисс. Первый независимость Австрии и во-вторых, возможность для консервативного католического элемента развиваться собственным путём».

[*Обращаясь к подсудимому*] Теперь мы пришли к самому важному вопросу. Затем вы выступили с речью по радио, в которой вы назвали себя министром, хотя Шушниг уже ушёл в отставку.

Зейсс-Инкварт: Ситуация была следующей: отставка всего кабинета не была принята федеральным президентом; и мы, включая меня, остались министрами.

---

[361] Отто Эндер (1875 — 1960) — австрийский государственный и политический деятель, канцлер Австрии в 1930—1931 годах.

[362] Освальд Менгин (1888 – 1973) – австрийский историк и государственный деятель. Министр образования в кабинете Зейсс-Инкварта в марте 1938 года.

[363] Вильгельм Вольф (1897 – 1939) – австрийский политик и историк. Министр иностранных дел Австрии в кабинете Зейсс-Инкварта в марте 1938 года.

Когда доктор Шушниг произносил свою прощальную речь, он не говорил об отставке всего кабинета. Он лишь сказал: «Мы уступили силе». Доктор Шушниг и федеральный президент Миклас тогда договорились, что я не буду на самом деле назначен федеральным канцлером, но исполнительная власть с вступлением германских войск должна перейти ко мне. Таким образом, по моему мнению я был де факто министром внутренних дел и министром иностранных дел.

Штейнбауэр: Обвинение утверждает, что вы лично оказали давление на федерального президента Микласа, чтобы назначить вас канцлером.

Зейсс-Инкварт: Я вообще не видел федерального президента Микласа до 9 или 10 часов вечера, после речи Шушнига «Мы уступаем силе».

Штейнбауэр: Я бы хотел предъявить суду эту речь канцлера, доктора Шушнига от 11 марта под номером документа Зейсс-Инкварт-53, страница 122; в ней сказано:

> «Федеральный президент поручил мне сообщить австрийскому народу, что мы уступаем силе. Поскольку мы любой ценой решились не проливать немецкую кровь, даже в такой тяжкий час, мы отдали нашим вооруженным силам приказы отступать, не оказывая сопротивления, при вторжении в Австрию и ждать решения в рамках следующих часов».

Обвинение, свидетель, видит доказательство такого давления также в том факте, что части СС были вызваны к ведомству федерального канцлера. Что вы скажете об этом?

Зейсс-Инкварт: Мне кажется после прощальной речи Шушнига, когда я увидел в приёмной 10 или 15 молодых людей в чёрных брюках и белых майках, это были СС. У меня сложилось впечатление, что они были посланцами и охраной государственного секретаря Кепплера и других. Так как они подошли к дверям за которыми были федеральный канцлер Шушниг и президент Миклас, я приказал охранникам австрийского батальона охраны встать у их дверей. Могу сказать, что эти были отборные люди, который по меркам австрийской армии был очень хорошо вооружены, в то время как эти эсэсовцы – как самое большее 40 человек – возможно несли пистолеты. Более того, в 50 шагах от ведомства федерального канцлера находились бараки батальона охраны, с несколькими сотнями отборных и хорошо вооруженных людей. Если бы федеральный президент Миклас и федеральный канцлер Шушниг озаботились другими вещами чем те, что происходили в ведомстве федерального канцлера и на улице снаружи его, они бы просто могли положить конец этой ситуации вызвав батальон охраны.

Штейнбауэр: Обвинение предъявило письменные показания гауляйтера Верхней Австрии, Айгрубера[364], который заявляет, что ещё до того, как вы стали

---

[364] Август Айгрубер (1907 — 1947) — партийный деятель НСДАП, гауляйтер (22 мая 1938) и рейхсштатгальтер (1 апреля 1940), обергруппенфюрер СА (9 ноября 1943), обергруппенфюрер СС (21 июня 1943). Казнён по приговору американского трибунала

федеральным канцлером, вы приказали захватить власть в различных австрийских федеральных провинциях.

Зейсс-Инкварт: Это совершенно неправильно и гауляйтер Верхней Австрии также не заявляет, что беседовал со мной. Мне кажется, он говорит, что он получил телеграмму подписанную мною. Я не направлял телеграмму и не давал никаких инструкций никакому гауляйтеру или кому бы то ни было ещё для захвата власти.

Позднее я слышал от Глобочника[365], что он производил захват власти. Он сказал мне такие слова: «Знаете, я захватил для вас власть и действовал как правительство, но я ничего не говорил вам об этом, потому что вы были бы против этого».

Штейнбауэр: Вы говорите, что были бы против этого. Население тоже было против этого, против вступления, которое между тем состоялось, то есть, вторжение описанное подсудимым Герингом?

Зейсс-Инкварт: Нельзя назвать это вторжением, это было бурно, громко приветствуемое вступление германских войск. Не было деревни – даже тех с ортодоксальным католическим населением – и ни одного рабочего округа, который бы не взорвался в бурном праздновании. Более того, и доктору Шушнигу и мне это было совершенно ясно, как то в 1937, он согласился со мной, когда я сказал, что вступление германских войск в Австрию нельзя ожидать ничем кроме как овациями.

Штейнбауэр: В данной связи я бы хотел сослаться на документ номер Зейсс-Инкварт-37, страница 86. Это цитата из книги Самнера Уэллеса[366] «Решительное время», описывающая беседу между ним и итальянским министром иностранных дел, графом Чиано[367], и он говорит:

> «До оккупации Австрии, доктор Шушниг приехал в Рим. Он откровенно признался мне, что если Германия оккупирует Австрию, большинство австрийцев поддержат оккупацию, и если Италия направит войска в Австрию, чтобы помешать оккупации австрийцы все как один объединятся с немцами, чтобы сражаться с Италией».

Свидетель, итак, мы переходим к следующему дню, 12 марта. Тогда у вас была телефонная беседа с Гитлером?

Зейсс-Инкварт: Да, я позвонил фюреру в связи с вступлением войск. Я бы хотел повторить и объяснить, что днём ранее, около 7 часов, переговоры внезапно прекратились. Все ждали. В половине седьмого государственный секретарь Скубль

---

[365] Одило Глобочник (1904 — 1945) — государственный и политический деятель нацистской Германии австрийского происхождения, группенфюрер СС и генерал-лейтенант полиции (1942). Гауляйтер Вены (1938—1939). Уполномоченный рейхсфюрера СС по созданию структуры СС и концлагерей на территории Генерал-губернаторства (оккупированной Польши) (17 июля 1941 года — 31 января 1942 года). Покончил жизнь самоубийством после ареста английскими войсками.

[366] Самнер Уэллес (1892 — 1961) — дипломат Соединённых Штатов Америки, заместитель государственного секретаря (1937—1943), публицист.

[367] Галеаццо Чиано (1903 — 1944) — итальянский политик и дипломат периода фашизма, зять Бенито Муссолини. Убит фашистскими элементами за предполагаемое предательство.

пришёл с новостями о том, что вступление германских войск на самом деле началось, в соответствии с докладом одного из пограничных постов, на самом деле фельдмаршал Геринг постоянно говорил, что так и будет. Подумав, что вступление уже идет, Шушниг произнёс прощальную речь. И на этом правительство Отечественного фронта ушло в отставку. И я говорю прямо, до этого момента, я не делал ничего, что как-то способствовало взятию Австрии под контроль или созданию национал-социалистов и захвату власти. Я поступал лишь как посредник в смысле договора от 12 февраля. Но с того момента, когда системе Отечественного фронта пришёл конец, я считал своей ответственностью предпринимать действия. Сначала я произнёс речь по радио, но не ту которую мне приписывают утром. Так как я не говорил о временном правительстве, а ссылался на себя как министра внутренних дел. Лишь тогда я призвал СА[368] и СС действовать как вспомогательную полицию; и подобно Шушнигу, я отдал приказ не оказывать никакого сопротивления вступлению германских войск. Соответственно я был назначен федеральным канцлером, и мой кабинет был одобрен. В ту же ночь я поехал в дом доктора Шушнига на своей машине, потому что я опасался, что с ним может, что-нибудь случится в руках провокаторов; я попросил доктора Кепплера позвонить фюреру и попросить его не отдавать приказ вводить войска. Рейхсмаршал Геринг говорил здесь об этом. Утром я позвонил снова; затем я встретил фюрера в аэропорту Линца и так как ввод войск шёл полным ходом, я спросил его нельзя ли, чтобы австрийские войска вступили в Германский Рейх, для того, чтобы, по крайней мере, символически, поддержать равные права. Фюрер согласился, и австрийские войска на самом деле вступили в Мюнхен, Берлин и другие города, в австрийской форме.

Штейнбауэр: Как, в качестве вновь назначенного федерального канцлера, вы представляли дальнейшее развитие ситуации?

Зейсс-Инкварт: Поскольку система Отечественного фронта распалась, я больше не мог воспользоваться своей идеей коалиционного правительства. Мне было ясно, что правительство национал-социалистов с очень сильной католической тенденцией сможет контролировать развитие не в форме непосредственно аншлюса, но скорее – проведя подходящие выборы и плебисцит – в форме экономического и возможно военного союза с Германским Рейхом.

Штейнбауэр: Господин председатель, в этой связи, я бы хотел предъявить чрезвычайно важный документ, который показывает в совершенно новом свете как возник закон об аншлюсе. Это заявление под присягой бывшего государственного секретаря внутренних дел, доктора Штуккарта, который здесь в заключении. Я предъявляю это суду и хотел бы установить следующее из этих показаний…

---

[368] Штурмовые отряды (нем. Sturmabteilung), сокращённо СА, штурмовики; также известны как «коричневорубашечники» (по аналогии с итальянскими «чёрнорубашечниками») — военизированные формирования Национал-социалистической немецкой рабочей партии (НСДАП)

Председатель: Где документ?
Штейнбауэр: Это не в документальной книге, потому что я поздно его получил. Перевод пока не закончен. Я коротко прочитаю из показаний свидетеля, чтобы установить связь – я предъявил подлинник суду…
Председатель: Вы присвоили этому номер, не так ли?
Штейнбауэр: Документ номер Зейсс-Инкварт-92. Свидетель говорит в нём, что Гитлер, вероятно, включил бы президентство Австрии в своей персоне, что ему, свидетелю, Фрик сказал подготовить проект закона об этом, но что ему внезапно приказали явиться в Линц…
Председатель: Доктор Штейнбауэр, минуточку.
Штейнбауэр: По голландским вопросам, есть немного письменных показаний, которые ещё не поступили или которые только, что пришли. Вероятно, было бы удобнее предъявить эти документы, когда их переведут.
Председатель: Я полагаю, обвинение получит письменные показания?
Штейнбауэр: Да, обвинение уже имеет письменные показания.

Если я могу продолжить, он говорит, что к своему удивлению Гитлер сказал в Линце подготовить закон, предусматривающий непосредственный, полный аншлюс, то есть, предусмотрев для Австрии статус провинции, земли Германского Рейха, как Бавария и остальные немецкие земли. Он разработал этот закон, как ему поручили, вылетел в Вену, и представил его для одобрения собравшимся там министрам.

Я бы хотел установить тремя документами то какое впечатление аншлюс произвёл на население. Во-первых, документ номер Зейсс-Инкварт-30. Это празднование на котором венцы приветствовали фюрера на крупнейшей площади Вены, Хельденплац. По этому поводу, 15 марта, свидетель, поприветствовал фюрера и сказал:

> «Цель, за которую сражались веками германской истории, за которую несказанные миллионы самых лучших немцев проливали кровь и погибали, окончательная цель яростной борьбы, последнее утешение в самые горькие часы – сегодня достигнута. Австрия вернулась домой».

Теперь Гитлер приказал, чтобы этот закон об аншлюсе соответственно был санкционирован плебисцитом австрийского населения. Документы, показывающие результат плебисцита уже предъявляли суду. Я бы хотел, дополнительно отметить, на отношение католических епископов к плебисциту – это документ номер Зейсс-Инкварт-32, страница 73 – отношение в то время, нынешнего федерального президента доктора Карла Реннера – это документ номер Зейсс-Инкварт-33, страница 76. Отношение других держав к вопросу аншлюса, я процитирую из показаний свидетеля Шмидта, который как тогдашний министр иностранных дел был компетентным человеком, но я бы хотел предъявить один документ об этом, а

именно документ номер Зейсс-Инкварт-38, страница 89. Это речь Чемберлена[369] в Палате общин[370], который был тогда премьер-министром. В ответ на вопрос относительно аншлюса он сказал: «…ничего не могло остановить эту акцию Германии пока мы и остальные не были готовы силой помешать этому».

[*Обращаясь к подсудимому*] Итак, Австрия присоединена, это часть великогерманского Рейха, с Зейсс-Инквартом в качестве канцлера. Вы остались федеральным канцлером или вы получили другую государственную функцию после захвата власти?

Зейсс-Инкварт: 13-го ночью, я доложил закон об аншлюсе фюреру и пользуясь возможностью сразу же обсудил с ним три вопроса. Однако, это было непросто, так как фюрер был глубоко взволнован и рыдал.

Во-первых, я попросил, чтобы австрийская партия могла сохранить относительную самостоятельность и возглавлялась австрийцем как провинциальным руководителем; во-вторых, чтобы Австрия как государство могла также пользоваться некоторой степенью независимости. На первую просьбу фюрер сказал: «Возможно»; на вторую, он сказал: «Да»; Австрия получит своего губернатора, рейхсштатгальтера. Затем я встал и попросил фюрера, чтобы мне позволили вернуться к моей частной практике адвоката. В качестве третьей просьбы, я попросил, чтобы несправедливый обменный курс 2 шиллинга к одной марке изменили на 1,50. Фюрер с этим тоже согласился.

15 марта по поводу праздника, о котором здесь уже говорили, фюрер сказал радиокомментатору: «Объявите, что теперь выступит рейхсштатгальтер Зейсс-Инкварт». Такими были на самом деле первые новости о моём назначении рейхсштатгальтером. Я занимал этот пост до конца апреля 1939.

Штейнбауэр: Кто на самом деле руководил политикой в Австрии после аншлюса?

Зейсс-Инкварт: Бюркель[371] был сразу же направлен в Австрию с задачей реорганизации партии и подготовки плебисцита. Вмешательство Бюркеля и его сотрудников и довольно странные и противоречащие австрийским концепциям разнообразные планы заставили меня, 8 апреля, в присутствии Бюркеля, обратить внимание фюрера на подобное взаимодействие и выслушав меня фюрер сказал Бюркелю: «Бюркель, вы не должны это делать, иначе энтузиазм австрийцев от аншлюса сменится на разочарование Рейхом».

Несмотря на это, несколько недель спустя, он сделал Бюркеля рейхскомиссаром по воссоединению. Он контролировал партию и политику и пропаганду, включая церковную политику, и он имел право давать мне указания в государственных вопросах.

Штейнбауэр: Вам известно, что обвинение выдвинуло против вас обвинения в

[369] Невилл Чемберлен (1869 —1940) — государственный деятель Великобритании, лидер Консервативной партии («Тори»). Премьер-министр Великобритании в 1937-1940.

[370] Палата общин — наименование одной из палат парламента Соединённого королевства.

[371] Йозеф Бюркель (1895 — 1944) — деятель нацистского режима, гауляйтер. Рейхскомиссар Австрии в 1938-1940.

связи с политикой в Австрии вскоре после аншлюса. Первое обвинение в отношении еврейского вопроса, а именно, что вы принимали участие в этом отвратительном обращении с еврейским населением или в том, что вы были ответственным за это.

Что вы можете на это сказать?

Зейсс-Инкварт: Я вовсе не могу отрицать это; так как разумеется, в как начальник гражданской администрации, я отдавал приказы в соответствии со своей компетенцией, хотя Бюркель требовал, чтобы еврейский вопрос как таковой был его областью; и в документе, который предъявили здесь, он называл еврейский вопрос вопросом вытекающим вследствие аншлюса.

Штейнбауэр: Могу я, в связи с этим, сослаться на два документа. Один документ номер Зейсс-Инкварт-64, указ на странице 154. Это указ фюрера о назначении Бюркеля рейхскомиссаром по воссоединению Австрии с Рейхом. Я особо подчеркиваю статью 4, которая даёт Бюркелю подробную компетенцию отдавать приказы свидетелю. Второй документ экземпляр номер Зейсс-Инкварт-67, страница 163; у суда уже он есть; это документ номер PS-2237. Этим длинным документом, я хочу продемонстрировать, что всё решение еврейской проблемы, в частности в ноябре 1938[372], являлось вопросом, к которому подсудимый не имел никакого отношения.

Отношение самого подсудимого я хочу показать, предъявив письменные показания, которые поступили ко мне незаверенными из Австралии. Это документ номер Зейсс-Инкварт-70, страница 175. Я полностью осведомлен о взгляде трибунала на то, что это не самые весомые доказательства, что некоторые подсудимые представляют письма от евреев; «Одна ласточка весны не сделает», как гласит пословица. Причина предъявления этого документа абзац 12 на странице 4, в котором свидетель, доктор Вальтер Штрикер[373], который выходец из высокоуважаемой еврейской семьи Линца, говорит следующее:

> «После моего отъезда из Австрии, я слышал о других случаях, в которых доктор Зейсс оказывал похожую помощь евреям и что в мае 1938, когда преследования евреев стали особо суровыми, он протестовал гауляйтеру Бюркелю».

Таким образом, довольно ясно, что подсудимый не принимал участия, а отвергал такую радикальную политику.

Свидетель, вам известно из судебного досье, что вам вменяют двойную игру. В чём заключалось отношение партии к вам после аншлюса?

Зейсс-Инкварт: Я знаю, что это обвинение предъявили мне и предъявляли мне раньше. Радикальные круги партии предъявляли мне такое же обвинение, и я открыто признаю, что я могу понять, почему это делали. Я пытался объединить две

---

[372] Хрустальная ночь, или Ночь разбитых витрин — погром (серия скоординированных атак) против евреев во всей нацистской Германии и части Австрии 9—10 ноября 1938 года, осуществлённый военизированными отрядами СА и гражданскими лицами.

[373] Вальтер Штрикер (1898 – 1951) – венский адвокат. Эмигрант в Австралии.

группы, которые, как показала история, просто не могут быть вместе; и поскольку тогда этого не приходилось ожидать, радикальные элементы в обеих группах должны были придти в выводу, что человек, который пытается сделать это нечестен в своих усилиях. Но более важно кое-что другое. Окончательное решение австрийского вопроса вообще не являлось моим решением, но решением радикальных элементов в партии. Однако, лично я, с 8 часов вечера 11 марта, принимал участие в этом решении. Как результат, людям проще сказать, что я принимал в нём участие заранее и готовил это, но это неправда. Только в 8 часов вечера, после отставки Шушнига и Отечественного фронта, я тоже занял такую точку зрения, потому что в данных политических условиях не было никакой другой возможности. Так как в Австрии не было никакой политической силы кроме национал-социалистов; альтернативой была гражданская война.

Лично я приветствовал закон об аншлюсе, и моё решение также определялось моими коллегами. 13 марта, конечно, я приветствовал подходящий момент. По большей части, может быть была какая-то задержка в том нужно ли полностью проводить аншлюс. Я учитывал это, но как я понимал это, не было никакой необходимости в сомнениях с внешнеполитической точки зрения, потому что согласно всем докладам, всё прошло спокойно. Внутренне, никогда в Австрии не было такого энтузиазма. Я чувствовал, что ни один австрийский государственный деятель, ни один человек на ответственном посту, никогда не имел за собой всё население как я. Но закон об аншлюсе был ценным и полезным, поскольку постольку в любом случае Рейх в реальности имел власть и таким образом было бы разумеется лучше, чтобы он имел всю ответственность перед внешним миром.

Штейнбауэр: Подсудимый Кальтенбруннер сказал мне, что вы и он находились в тени Гейдриха. Это верно?

Зейсс-Инкварт: Гейдрих в частности был среди тех, кто не доверял нам, и «нам» включает Кальтенбруннера. В конце 1937 Гейдрих написал секретный доклад, который я получил позднее. В этом докладе он говорил о том, что решение австрийского вопроса в пользу партии было неизбежно, что, однако, политика государственного советника Зейсс-Инкварта, подтверждает себя только лишь как препятствие, так как сможет создать нечто вроде австрийского национал-социализма. После аншлюса так называемое подразделение «эскорта» закрепили за мной с единственной задачей направлять Гейдриху постоянные доклады о том, что я делал. Я мало этому возражал учитывая тот факт, что как австрийского министра безопасности мои телефонные беседы прослушивали.

Штейнбауэр: После того как вы предположительно сыграли основную роль в этом деле, какую награду вы получили за свою деятельность? Вам дали поместье или даровали несколько сотен тысяч марок? Вы когда-нибудь получали, что-нибудь такое?

Зейсс-Инкварт: Нет, и не могло быть речи о чём-то таком. Моей наградой было то,

что я знал, что поработал на формирование великой Германии.

Штейнбауэр: Я всё же хочу вас спросить: вы когда-нибудь получали что-либо?

Зейсс-Инкварт: Нет. На свой пятидесятый день рождения…

Штейнбауэр: Но вы получили титул, не так ли?

Зейсс-Инкварт: Вы имеете в виду титул группенфюрера СС? 15 марта я был назначен группенфюрером СС как почетным званием. Я должен добавить, что я не пытался получить его и что я не проходил никаких экзаменов или подобных вещей. Как правило, почётное звание в СС не означало членства в общих СС; этим обладателю не жаловали ни командование ни дисциплинарные полномочия. Я сам узнал, про это, когда я пожаловался Гиммлеру на Бюркеля и потребовал разбирательства – это письмо предъявили здесь. Гиммлер сказал мне, что не имел никаких дисциплинарных полномочий в отношении Бюркеля, который имел только почетное звание. Лично я в отношении СС…

Штейнбауэр: Думаю этого достаточно.

Председатель: Доктор Штейнбауэр, как я понял, подсудимый сказал, что он получил вторичный пост, чтобы готовить доклады Гейдриху. Каким был этот второй пост? Вы так сказали?

Зейсс-Инкварт: Гейдрих написал секретный доклад против меня. Нет, извиняюсь, Гейдрих направил подразделение «эскорта»…

Председатель: Вы сказали, что в 1937 Гейдрих сделал секретный доклад об Австрии, и затем сказали, что решение было неизбежным за исключением политики Зейсс-Инкварта. Суть в этом, не так ли?

Зейсс-Инкварт: Я не совсем понимаю.

Председатель: И после этого, я понял, что вы говорите, вы получили второй пост, чтобы готовить доклады Гейдриху.

Зейсс-Инкварт: Нет, Гейдрих направил четверых или пятерых своих людей, чтобы сопровождать меня как своего рода охранный эскорт, и эти люди имели приказы докладывать ему о моих перемещениях.

Председатель: Понятно, я должно быть неправильно понял перевод.

Штейнбауэр: Суммируя, можно сказать, что кроме вашего назначения группенфюрером СС вы не получили никаких наград, за исключением обещания, что вы станете в течение года рейхсминистром? Правильно?

Зейсс-Инкварт: Обещание было дано в конце апреля 1938. Я сошлюсь на вопрос в перекрестном допросе рейхсмаршала. До 13 марта 1938 я не получал не малейшего обещания из Рейха о чём-либо и находился ни под каким обязательством ни к кому и не был обязан никому в Рейхе.

Штейнбауэр: На этом можно закрыть главу об Австрии и коротко обсудить чехословацкий вопрос.

Вас обвинили на основании поздравительного письма направленного фюреру Генлейном в активном участии в аннексии Чехословакии.

Зейсс-Инкварт: В делах сентября 1938 я не принимал никакого другого участия, нежели принимая, как рейхсштатгальтер в Австрии, беженцев из пограничных районов, размещая и заботясь о них в Австрии. Генлейна и нескольких других руководителей, я знал лично, но не вмешивался в их политику и не был хорошо знаком с их отношениями с Рейхом.

Штейнбауэр: Что вы можете сказать о Словакии?

Зейсс-Инкварт: Отношения между Веной и Братиславой были очень хорошими ещё во времена старой австрийской монархии. У меня самого были родственники в Братиславе. Поэтому словаки и немцы хорошо знали друг друга. Мы в частности знали жалобу словаков, на то, что обещание Питтсбурга[374] не сдержали, что они не получили полной автономии Словакии. Отец Глинка[375] выступал за полную автономию; его почитали в Словакии как святого, и по крайней мере три четверти словацкого народа были за ним; он выступал за независимость от парламента в Праге и принятие словацкого как официального языка. После марта 1938 – точнее, после сентября 1938 – я встретил нескольких словацких политиков, Сидора[376], доктора Тисо[377], доктора Дюрчанского[378] и вероятно одного или двух других. Сам фюрер однажды попросил меня проинформировать его и послать доклад о словацких условиях; и я поручил двум своим коллегам, у которых были очень хорошие близкие личные связи со Словакией, получить требуемую информацию. В марте 1939 я побеседовал с Сидором и доктором Тисо, потому что они хотели посоветоваться со мной о возможном берлинско-пражском развитии и его последствиях для Словакии; по крайней мере, так мне сказали мои коллеги, которые меня пригласили. В этих дискуссиях упоминалась возможность берлинско-пражской стычки и озабоченность целостностью Словакии, потому что была опасность, что венгры и также поляки, могут воспользоваться преимуществом оккупировав словацкую территорию. Словацкие господа хотели гарантий о том, что намеревался сделать Берлин, и что они могли сделать, чтобы сохранить целостность своей страны. Я говорил очень открыто с этими господами; но я не просил их объявлять независимость, так как они сами должны были принять это решение. Мы скорее

---

[374] Питтсбургское соглашение – соглашение между чешскими и словацкими эмигрантами подписанное 31 мая 1918 в Питтсбурге, США, определявшее статус Словакии в едином Чехословацком государстве.

[375] Андрей Глинка (1864 — 1938) — словацкий католический священник и политик клерикально-националистического толка. Создал партию, стремившуюся к автономии Словакии в рамках Чехословакии, а позднее к полной независимости.

[376] Карол Сидор (1901 — 1953) — словацкий общественно-политический и дипломатический деятель, журналист, публицист и писатель, член Глинковой словацкой народной партии (ГСНП), выступавшей за автономию Словакии в рамках Чехословакии, один из лидеров и идеологов умеренного клерикального национализма в Словакии, первый командир Глинковой гвардии с 8 октября 1938 года до 1939 года, министр без портфеля Чехословацкой республики (с декабря 1938 до марта 1939 года), премьер-министр Словацкой автономной власти (с 11 по 14 марта 1939 года), посол в Ватикане во время Второй мировой войны. Чехословацким судом был заочно приговорён к 20 годам лишения свободы.

[377] Йозеф Тисо (1887 — 1947) — президент Первой Словацкой республики, теолог. Казнён по приговору чехословацкого суда..

[378] Фердинанд Дюрчанский (1906 — 1974) — лидер словацких националистов, некоторое время бывший членом коллаборационистского словацкого правительства Йозефа Тисо.

обсуждали вопрос о том существуют ли разногласия в словацких и немецких интересах, и установили, что таких нет.

Штейнбауэр: В этой связи я бы хотел сослаться на два документа. Один документ номер Зейсс-Инкварт-71 страница 181. Это ссылка на Питтсбургский договор. Второй документ экземпляр номер Зейсс-Инкварт-72, страница 183, предъявленный обвинением как экземпляр номер USA-112, как доказательство того, что подсудимый был не вправе контактировать со словаками.

Вы, конечно, знакомы с данным документом, свидетель. Это доклад виконта Галифакса[379] от 21 марта 1939. Кто был тогда с вами в Братиславе? И были ли вы там вообще?

Зейсс-Инкварт: Государственный секретарь Кепплер был тогда направлен из Берлина в Вену с задачей поставить определенные вопросы словацкому правительству. И Бюркель и я отказались принять такую задачу; это был один из немногих примеров в которых я согласился с Бюркелем. Как на начальника гражданской администрации на меня падала обязанность провести подготовку к визиту в Братиславу, и было согласовано, что государственный секретарь Кепплер поедет в Братиславу на моей машине. Бюркель и я сопровождали Кеплера. Никаких генералов или других представителей Вермахта не присутствовало. Запись бесед можно считать точной.

Штейнбауэр: В документе сказано «и пять немецких генералов».

Зейсс-Инкварт: Это неправильно.

Я бы хотел обратить внимание суда на тот факт, что и словацкий министр Сидор и господин Тисо, который позже стал президентом, заявляют в этом документе, что они вели переговоры только с Бюркелем; имя Зейсс-Инкварта там вообще не появляется.

Штейнбауэр: Тогда, суммируя, можно сказать, что вы не принимали участия в деятельности, которую вменяет вам обвинение. Это правильно?

Зейсс-Инкварт: В любом случае, не думаю, что преследуя интересы Рейха, я переступал те границы, которые в подобных переговорах нужно было уступить кому-то кому поручили представлять законные интересы. Я не принимал участия, когда 12 марта доктор Тисо через Бюркеля - я не переступал обоснованны границ представляя законные интересы Германского Рейха.

Штейнбауэр: Спасибо, этого достаточно.

Затем в 1939, 1 мая 1939 вы стали министром без портфеля. Это правильно?

Зейсс-Инкварт: Да.

Штейнбауэр: Вы когда-либо принимали участие в заседании кабинета или заседания тайного совета обороны?

---

[379] Эдуард Фредерик Линдли Вуд с 1944 года — 1-й граф Галифакс (1881 — 1959) — английский политик, один из лидеров консерваторов. Министр иностранных дел Великобритании в 1938-1940.

Зейсс-Инкварт: Этого больше не было.
Штейнбауэр: Вы имели какое-либо влияние на решения о войне с Польшей?
Зейсс-Инкварт: Вообще никакого.
Штейнбауэр: Когда война с Польшей на самом деле началась, вы высказали своё мнение Гитлеру?
Зейсс-Инкварт: На второй неделе сентября, я написал письмо Гитлеру. Я надеюсь это письмо тоже в моих венских материалах. Я читал его копию почти полтора года назад, и хорошо помню содержание. Я обратил внимание Гитлера на тот факт, что среди немецкого народа не было вообще никакого энтузиазма; но, напротив, тяжкая озабоченность о том, что будет борьба не жизнь, а на смерть. Я высказал своё мнение о том, что война не закончится военным решением, но должна быть разрешена политически и что основой для такого решения был бы альянс с Советами, который вероятно перерос бы в военный союз. Следовало учитывать факт, что Советы, как и царская Россия, никогда не откажутся от своих интересов на Балканах и что панславизм тоже играет роль; соответственно, Россия была бы занята чехословацкими и польскими вопросами. Я сказал, что было необходимо любой ценой поддерживать пояс нейтральных государств. Тогда бы конечно шла война на узком Западном фронте. Однако, итальянская политика, не должна была стать бременем для Германии, но следовало прийти к соглашению с Грецией и Турцией. Англии нельзя было нанести поражение по воздуху или подводными лодками, нужно было атаковать её позиции в Средиземноморье, чтобы вынудить её заключить мир.
Штейнбауэр: Вы получили от фюрера ответ на это письмо?
Зейсс-Инкварт: Я не получил прямого ответа, но однажды в беседе он сделал замечание ясно показывающее, что он читал письмо. Он сказал мне: «Я вообще не хочу уничтожать Британскую империю», однако, соответственно, он показал, что неправильно понял моё письмо.
Штейнбауэр: Господин председатель, если трибунал согласен, я думаю, что подошло время прерваться.
Председатель: Да.

[*Объявлен перерыв до 14 часов*

Вечернее заседание

Штейнбауэр: Последнее о чём мы говорили было вашим отношением к вопросу Чехословакии. Вы говорили о вашем положении рейхсштатгальтера в Вене, и описали ваши нетерпимые отношения с Бюркелем, что явилось причиной, почему вы сменили свою работу и поехали в Польшу. В чём заключались ваши функции в Польше?

Зейсс-Инкварт: Прежде всего, я был назначен административным начальником южной Польши, должность которая фактически входила в организацию вооружённых сил. Однако этот административный пост так и не был создан, поскольку тотчас было создано Генерал-губернаторство, и я стал заместителем генерал-губернатора. Моя область влияния была юридически определена, но зависела, конечно, от различных случаев в которых генерал-губернатор нуждался во мне в качестве своего заместителя. 19 января 1940 он решил об этом на совещании.
Штейнбауэр: В этой связи я бы хотел сослаться на документ Зейсс-Инкварт-73, на странице 185, который выдержка из дневника доктора Франка. На странице 14 этого дневника он описывает функции Зейсс-Инкварта и затем на странице 30 он говорит нечто, что он повторил мне лично, а именно, что он нес ответственность за происходившее там.

Итак, вы стали заместителем генерал-губернатора – при том, что с званием рейхсминистра вы на самом деле стояли выше – и вы осуществляли там некоторые функции, которые как мы услышали, заключались в основном в подготовке докладов. В документе номер PS-2278 доклад, который вы лично написали, в котором есть определённые вещи, в которых вас обвиняют. Пожалуйста, расскажите нам, что вам есть рассказать об этом докладе о ваших официальных поездках.
Зейсс-Инкварт: Мой секретарь написал этот доклад. Я, конечно, его читал.
Штейнбауэр: Это экземпляр USA-706.
Зейсс-Инкварт: Кроме прочего мне предъявили то, что губернатор Люблина предложил о том, чтобы евреев из Люблина перевели в округ Чичов и затем истребили. Само обвинение заявило, что эта вставка сделана автором. Во всяком случае это не было официальным докладом о встрече.

Чичов сам по себе был поселением занятым группой немцев, и под используя евреев в этом районе меня вряд ли можно заподозрить в желании истребить евреев в этом дистрикте ввиду погодных условий. Однако я знал, что желание губернатора заключалось в том, чтобы устранить очень большое еврейское население Люблина из города. Я не помню никакого конкретного умысла выражаемого словом «истребить» - в смысле уничтожения. Губернатор Радома сообщил мне о том, что там расстреливали отчаянных преступников. Это правда, он мне это рассказывал. У меня сложилось впечатление, что это делали военно-полевые суды, которые тогда ещё действовали. Но в этом же докладе несколько отрывков, где я всегда отмечаю, что следует вводить немецкие суды, и что ни один приговор не следует приводить в исполнение без надлежащего судебного процесса. Думаю, что весьма вероятно я сказал тоже самое, когда находился в Радоме – только это не упоминается в докладе.

Меня обвиняют в желании монополизировать некоторые жизненно важные продукты, такие как соль, и т. д. Это было совершенно естественно, учитывая экономический хаос в котором находилась Польша. Нам пришлось дойти до

«натуральной» экономической системы, и снабжать сельское население определенным продуктами для того, чтобы они в свою очередь могли обеспечивать продовольствием польское городское население. В этой связи с желаю отметить, что я призывал воссоздать Польскую национальную организации поддержки с бывшим польским руководством, и что я попросил 9 миллионов злотых для передачи в её распоряжение также для машин, и т. д. Дополнительно к этому я сказал, что обязательная работа как можно скорее должна быть заменена обычной работой.

Штейнбауэр: Свидетель, так называемая «акция АВ[380]» играет значительную роль в польском вопросе. Это сокращение от «чрезвычайной акции по умиротворению». Поскольку это могло происходить всё ещё при вас, я бы хотел спросить известно ли вам, что-нибудь об этом.

Зейсс-Инкварт: Это дело случилось в самый последний период моего пребывания в Польше. С началом норвежской кампании движение сопротивления в Польше чрезвычайно активизировалось, и выросло в результате кампании на Западе. Полиция безопасности требовала строжайших контрмер. Бюлер[381] на самом деле заявлял возражения, о которых он здесь заявил давая показания. Я всегда понимал слова генерал-губернатора, также как Бюлер хотел, чтобы их поняли. Но Бюлер был совершенно прав заявляя возражение, потому что полиция могла интерпретировать эти слова как дающие ей больше полномочий чем генерал-губернатор намеревался предоставить ей.

Доктор Франк всегда возражал приговорам выносимым этими военно-полевыми судами, и он создал свою комиссию по расследованию. Я был председателем этой комиссии, пока находился в Польше, и иногда мы отменяли почти 50 процентов вынесенных приговоров.

Штейнбауэр: Сколько вы на самом деле являлись заместителем в период пребывания в должности, когда доктора Франка не допускали к исполнению своих обязанностей?

Зейсс-Инкварт: Мне кажется, десять дней.

Штейнбауэр: Десять дней. Что же, тогда, думаю можно быстро снять польский вопрос, спросив: вы вводили какие-нибудь меры, о которых действительно можно сказать, что они были в интересах польского населения.

Зейсс-Инкварт: В течение зимы 1939-40 в польских городах был голод. Я лично обратился к государственному секретарю Бакке и однажды, например, я получил 6000 тонн пшеницы для крупных городов. Я обращался к рейхсмаршалу Герингу и также фюреру и просил оставить город Лодзь под управлением Генерал-губернаторства. Я делал то же самое для угольного района к западу от Кракова.

Штейнбауэр: Теперь я перехожу к основной части обвинения против вас, и это

---

[380] Акция АБ – сокр. с нем. Außerordentliche Befriedungsaktion, мероприятия по уничтожению представителей польской интеллигенции весной и летом 1940.

[381] Йозеф Бюлер (1904 — 1948) — нацистский военный преступник, секретарь и заместитель генерал-губернатора Ганса Франка. Казнён по приговору польского суда.

вопрос вашей деятельности в Нидерландах.

Мой первый вопрос такой: как вы стали рейхскомиссаром Нидерландов?

Зейсс-Инкварт: Меня назначил фюрер.

Штейнбауэр: И где вы тогда находились?

Зейсс-Инкварт: Я был в командировке в Генерал-губернаторстве, и доктор Ламмерс вызвал меня в ставку.

Штейнбауэр: Значит, вы не обращались за этой работой?

Зейсс-Инкварт: Нет, это мне даже не приходило в голову. Тогда я просил у фюрера разрешения вступить в вооруженные силы.

Штейнбауэр: Но разве ваша военная травма не мешала вашему вступлению в вооруженные силы?

Зейсс-Инкварт: Я надеялся, что буду полезен, так или иначе.

Штейнбауэр: И в чём заключались инструкции фюрера данные вам в связи с вашей новой должностью?

Зейсс-Инкварт: Инструкции описаны в документе PS-997, который предъявлен обвинением. Он приводит их честную картину.

Штейнбауэр: Это экземпляр RF-122.

Зейсс-Инкварт: Я был ответственным за гражданскую администрацию, и в рамках данной административной задачи, я должен был следить за интересами Рейха. Кроме того у меня была политическая задача. Я должен был следить за тем, чтобы пока голландская независимость сохранялась, чтобы Нидерланды нужно было убедить изменить своё пробританское отношение на прогерманское и войти в тесное экономическое сотрудничество.

Я желаю обратить внимание на параграф 3 этого документа, в котором я отмечал сложности связанные с этими двумя задачами, и сложностями в их координации. Я показал, что нельзя координировать две так просто. Как оккупационная власть, я сказал, требуется подавление всей официальной деятельности и пробуждение общеполитической воли, но предоставляется такая свобода, которая в результате может привести голландца к чувству зависимости от собственных решений. Таким образом моё намерение не состояло в том, чтобы навязывать голландскому народу какую-нибудь явную политическую волю.

Штейнбауэр: Этот приказ фюрера когда-либо изменялся?

Зейсс-Инкварт: Нет, приказ никогда не изменялся.

Штейнбауэр: Как вы осуществляли эту задачу с политической точки зрения? Вы просили существовавшие в Голландии партии сотрудничать?

Зейсс-Инкварт: За исключением марксистов я разрешил всем партиям оставаться, и предоставил столько свободы для продолжения своей деятельности, сколько было совместимо с интересами оккупационных сил. В особо помогал национал-социалистическим партиям.

Штейнбауэр: Обвинение вменяет вам, что в своих речах вы часто описываете вещи

совершенно иначе чем вы их осуществляли. В этом отношении я сошлюсь на документ PS-3430, экземпляр USA-708.

Там утверждается, что вы пытались навязать голландцам национал-социализм. Это экземпляр Зейсс-Инкварт-76, на странице 197 моей документальной книги.

Зейсс-Инкварт: Разумеется правильно, что цель, которую я поставил для себя и которую я провозглашал в своих речах, не достигли на практике и не могли достигнуть. Однако, может быть это создавало у голландцев впечатление, что я пытался навязать им национал-социализм, потому что, в конце концов, позднее я смог допустить только национал-социалистические партии, в то время как был вынужден распустить остальные. Я никогда не использовал государственные методы принуждения, чтобы принудить любого голландца, стать национал-социалистом, как и не сделал членство в национал-социалистической партии условием наличия общих прав и привилегий на которые мог рассчитывать каждый голландец.

Между тем, я очень чётко ссылался на это в своих речах. Я говорил:

> «Я всегда поступаю как национал-социалист…Но это не значит, что я буду принуждать к национал-социализму хоть одного человека. Национал-социализм вопрос внутреннего убеждения.
>
> Есть две группы организаций. Есть политические, в случае которых я придаю значение тому требованию, чтобы каждый и всякий член шёл к национал-социализму – но это абсолютно добровольные организации…Затем есть профессиональные… в которых неважно какие политические взгляды имеет человек, пока он выполняет свои обязанности в своей конкретной профессии».

Штейнбауэр: Почему и когда вы распустили политические партии в Голландии?

Зейсс-Инкварт: Это произошло в течение второй половины 1941. С началом восточной кампании все политические партии за исключением национал-социалистов, заняли активно враждебное отношение к оккупационным силам. В интересах оккупационных сил этого больше нельзя было терпеть.

Думаю примечательно, по крайней мере, сказать, что на 1 ½ года, я разрешил этим партиям продолжать свою работу, поскольку, в конце концов, они были не менее враждебны национал-социализму чем национал-социализм сегодня в отношении демократических партий.

Штейнбауэр: Скажите, это правда или нет, что вы выражали пристрастность и предоставляли преференции партии НСБ[382]?

Зейсс-Инкварт: Это совершенно верно, что касалось сферы политической

---

[382] Национал-социалистическое движение (НСБ) (нидерл. Nationaal-Socialistische Beweging in Nederland) — голландская национал-социалистическая партия. Единственная легальная партия в стране во время Второй мировой войны. Существовала в период с 1931 по 1945.

пропаганды; это неправда, что касалось государственных вопросов.

Создание так называемого национального политического секретариата вменяют мне в качестве обвинения. Это был национал-социалистический совещательный орган для моей администрации, и ему не позволялось оказывать какое-либо влияние на голландскую администрацию. Любые подобные попытки мной строго запрещались.

Штейнбауэр: Вы вместе с тем, поставили отдельных членов НСБ на государственные посты?

Зейсс-Инкварт: Это правда, и само собой разумеется для меня, потому что я должен был искать коллег на которых мог полагаться. Они не подчинялись партийным приказам, однако; напротив, в большинстве случаев возникали определенные разногласия между этими людьми и главами партии.

Перед лицом срочных возражений я не создал в Нидерландах национал-социалистическое движение – как было в случае Норвегии – в основном потому что определённые голландские господа, такие как генеральный секретарь ван Дамм[383], председатель ван Лоон[384] из Верховного суда, и профессор Снейдер[385], который являлся председателем комитета культуры призвали меня понять насколько это было неправильно делать.

Штейнбауэр: Председатель Форринк[386], свидетель которого допрашивали здесь, говорил о политике эксплуатации, которую вы проводили. Это правда?

Зейсс-Инкварт: Использование национал-социалистических партий в пользу германской политики действительно происходило. Я наблюдал и публично заявлял об этом. Я сожалел о таком развитии, но я не мог это остановить. Германские оккупационные силы вынуждены были ввести ряд мер, которые были подавляющими для голландского народа и которые дискредитировали наших голландских друзей.

Штейнбауэр: Что вы скажете на обвинение, выдвинутое против вас о том, что вы координировали все культурные учреждения?

Зейсс-Инкварт: Разумеется, это обвинение, так сказать, отчасти правильное. С запретом политических партий, большинство организаций свободных профессий стали невозможными, поскольку вплоть до шахматных клубов всё в Нидерландах было организовано на политической основе. В интересах оккупационных сил я должен был создавать новые надзорные органы. Может быть, из-за нехватки воображения эти организации были, по крайней мере, отчасти, очень похожими на свои прообразы в Рейхе. Но я использовал эти организации только для целей

---

[383] Ян ван Дамм (1896 – 1979) – нидерландский германист и коллаборационист.

[384] Йоханнес ванн Лоон (1888 – 1975) –нидерландский юрист, коллаборационист, председатель Верховного суда Нидерландов.

[385] Герт Снейдер (1896 – 1992) – нидерландский археолог и коллабрационист.

[386] Якобус Форринк (1891 – 1955) – голландский социалистический политик. Деятель подпольного движения Нидерландов.

надзора и никогда не просил их взаимодействовать политически. Я не только воздержался от того, чтобы занятие профессией зависело от сотрудничества, но я даже не настаивал на обязательном сборе членских взносов.

Я признаю, что мы совершили две ошибки в суждениях: прежде всего, у нас сложилось ошибочное впечатление, что порядок введенный нами как оккупационными властями был обязательно правильным – по крайней мере, самым лучшим; и, во-вторых, что в оккупированной стране, могла развиваться самостоятельная политическая воля. Тут наша политика не удалась.

Штейнбауэр: Какое учреждение вы тогда создали?

Зейсс-Инкварт: Я создал культурную ассоциацию, медицинскую ассоциацию, ассоциацию аптекарей, и комиссию по сельскому хозяйству. Затем был рабочий фронт, но он был добровольной организацией. Члены могли выйти из него без каких-либо ограничений для себя, когда бы не пожелали.

Штейнбауэр: Затем ещё одно обвинение выдвинуто против вас, это «германизация». Что вы на это скажете?

Зейсс-Инкварт: Прежде всего, я должен кое-что разъяснить. В английском языке вы говорите Германия, и на русском языке вы говорите германский, оба означают немецкий. И когда мы говорили о германизации, мы не имели в виду «сделать из них немцев»; мы имели в виду политический и культурный союз так называемых германских народов, с равными правами. О том, что мы так вмешивались, я заявил в речи, экземпляр Зейсс-Инкварт-103.

«Почему немцы вмешиваются во всё в Нидерландах?»

Тогда я продолжил говорить, что в тотальной войне будут моменты напряжения…

Председатель: На какой это странице?

Штейнбауэр: Это всё ещё экземпляр USA-708, который не перевели. Но вся книга представлена.

Председатель: У него есть номер PS?

Штейнбауэр: Это документ номер PS-3430. Он был подготовлен как экземпляр USA-708. Книга озаглавлена «Vier Jahre in den Niederlanden[387]», и она содержит сборник речей подготовленных свидетелем несколько из которых предъявило обвинение. Свидетель сейчас по ним отвечает.

Председатель: Спасибо.

Зейсс-Инкварт: Есть моменты напряжения, когда уже не существует никакой линии раздела между тем, что важно для военных усилий и чем-нибудь частным и важным для гражданских.

Я вполне осведомлен о том факте, что всю общественную деятельность можно использовать за или против оккупационных сил и что, следовательно я должен был осуществлять за ней контроль.

---

[387] «Год в Нидерландах» (нем.)

Штейнбауэр: Были какие-то другие попытки со стороны НСДАП в Рейхе повлиять на вашу администрацию в интересах партии?

Зейсс-Инкварт: Зарубежная организация[388] в Нидерландах внесла изменение в свою структуру, что позволяло ей поддерживать политику голландской национал-социалистической партии во всех отношениях. Однако она не имела никакого особого влияния.

Штейнбауэр: Неважно. Итак, позвольте перейти к самой администрации. Кто был компетентной властью в Нидерландах?

Зейсс-Инкварт: В гражданском секторе был рейхскомиссар; похожим образом был военный командующий и вооружённые силы, и полиции имела собственный сектор. Военный командующий имел особые права вмешиваться, и с июля 1944 часть исполнительной власти передали ему.

Полиция была просто передана в моё распоряжение, но подчинялась высшему руководителю СС и полиции, которого предлагал Гиммлер и назначал фюрер. Меня никогда не спрашивали об этом заранее. Полиция сохраняла право устанавливать. То есть, если я отдавал им приказ они выясняли, соответствовал ли приказ инструкциям которые Гиммлер напрямую дал высшему руководителю СС и полиции.

Затем был генеральный уполномоченный по распределению рабочей силы и министр вооружений, которые исполняли приказы четырехлетнего плана.

Штейнбауэр: Да; и ещё одна организация Рейха, был также айнзацштаб Розенберга[389] – и Шпеер, для полноты картины?

Зейсс-Инкварт: Да, Шпеер был министром вооружений. Затем были более маленькие и отдельные задачи особого характера.

Штейнбауэр: Таким образом, вы на самом деле были не более чем исполнительным органом вышестоящих ведомств Рейха?

Зейсс-Инкварт: Нет, я не был обычным чиновником. Я нёс ответственность за Рейх в гражданском секторе. Вероятно, в течение первых нескольких месяцев ведомства в Берлине шли напрямую и игнорировали меня, но потом я таким образом сконцентрировал администрацию в своих руках, что в гражданском секторе не происходило ничего на что я не дал предварительного согласия. Фюрер вполне спокойно признал это однажды, и я бы хотел заметить, что вы не должны делать из этого какие-либо выводы в отношении других оккупированных территорий и в Генерал-губернаторстве такой же централизации не существовало.

Штейнбауэр: Тогда какие возможности вы имели при создании администрации?

---

[388] Зарубежная организация НСДАП (NSDAP-Auslandsorganisation; AO) — особая структурная единица НСДАП, занимавшаяся руководством над проживавшими за рубежами Германии членами НСДАП и воспитанием в национал-социалистическом духе находившихся за границей немцев. По своим правам и обязанностям была приравнена к гау и возглавлялась гауляйтером.

[389] Оперативный штаб рейхсляйтера Розенберга (нем. Einsatzstab Reichsleiter Rosenberg) — нацистская организация, занимавшаяся конфискацией и вывозом культурных ценностей с оккупированных территорий.

Зейсс-Инкварт: Инициатива и степень требований Рейха конечно шла из компетентных центральных ведомств Рейха. Я изучал требования со своими коллегами консультируясь с голландскими ведомствами. Затем мы вносили контрпредложения, которые казались нам разумными для голландцев. И если Рейх всё же требовал больше, тогда мы прилагали усилия, чтобы не превзойти то, что можно было ожидать. До 1943 все требования выполняли сами голландские власти. Я дал своим чиновникам полномочия заявлять такие требование после данного периода. Затем требования стали такими большими, что я больше не ожидал, что голландские власти выполнят их.
Штейнбауэр: Я сейчас ненадолго вернусь к вопросу полиции, которая как вы сказали, находился непосредственно у Гиммлера…
Зейсс-Инкварт: Вы спросили, какие возможности я имел?
Штейнбауэр: Да.
Зейсс-Инкварт: Я имел две возможности: с королевой Нидерландов и правительством уехавшими в Англию, я мог бы выдвинуть новое голландское правительство как в Норвегии или осуществлять администрацию страны лично. Я решился на второе решение.
Штейнбауэр: Как вы организовали существующие голландские полицейские силы?
Зейсс-Инкварт: В то время как немецкая полиция никоим образом от меня не зависела, голландская полиция подчинялась моим приказам, но, само собой, что я также должен был передать надзор за голландской полицией высшему руководителю СС и полиции – то есть, в качестве моего генерального комиссара безопасности. Голландская полиция разделялась на три или четыре отдельных подразделения. Думаю, можно спокойно говорить о том, что мы действовали в интересах оккупационной державы, когда мы координировали их в отношении организации.
Штейнбауэр: Чем являлась внутренняя гвардия?
Зейсс-Инкварт: Внутренняя гвардия являлась охранным подразделением организованным голландскими национал-социалистами. В 1943 были серьезные случаи террористических атак на национал-социалистов – несколько очень жестоких убийств. Существовала опасность контртеррора о котором мы слышали в Дании и фактически случились, несколько неприятных инцидентов. Соответственно у меня была эта внутренняя гвардия, организованная с приказами выступать в качестве регулярной дисциплинированной вспомогательной полицейской силы и контролировать уличное движение по ночам и охранять железные дороги, и т. д. Результатом было то, что акты террора почти полностью прекратились и до середины 1944 не было никаких сложностей.
Штейнбауэр: Свидетель, сейчас мы переходим к исключительно важной главе.
Зейсс-Инкварт: Могу я ненадолго сослаться на экземпляр Зейсс-Инкварт-101? Этот документ представлен против меня обвинением…

Председатель: 101 правильное обозначение?

Штейнбауэр: Господин председатель, речи, которые подсудимый цитирует направлены мной на мимеографирование. Хотя они уже у трибунала, отдел переводов не совсем успел, так как он хотел также перевести все письменные показания. Поэтому пока нет перевода, но я надеюсь он будет завтра утром.

Председатель: Нет ли у него номера PS, или какого-либо иного обозначения?

Штейнбауэр: Это книга, экземпляр USA-708. Обвинение цитировало из него только отдельные фрагменты.

Председатель: Понимаю.

Зейсс-Инкварт: Обвинение цитировало страницу 167.

1 августа 1943 я произнёс речь, объявлявшую о специальных мерах, которые принесут трудности и ограничения голландцам и обвинение считает, что в связи с этим позднее производили расстрелы. Это ошибка. Ограничения о которых я говорил в этой речи касались только приказа запрещавшего голландцам находится в местах вне своих собственных провинций, для того, чтобы банды террористов с северо-запада не могли попасть на восток. Так как это случилось именно во время отпусков, это на самом деле было ограничением для голландцев.

Штейнбауэр: Теперь я перехожу к следующему вопросу. Вы изменили и возможно злоупотребляли существовавшей организацией низших судов?

Зейсс-Инкварт: Я полностью принял организацию голландских судов. Отправление правосудия в Нидерландах находилось на похвально высоком уровне. Только в двух случаях я дополнил её. Голландские судьи выражали мало понимания экономической ситуации. Например, в одном случае группа мясников с чёрного рынка, которая забила много скота и доставила его на чёрный рынок, была оштрафована на 200 гульденов, поэтому я ввёл специальных экономических судей, голландцев, которые больше понимали эти экономические потребности. Но юридическая ситуация оставалась такой как была. Конечно, мы также вводили германские суды, как делает всякая оккупационная держава.

Штейнбауэр: Значит, имелись голландские суды, германские суды для немцев пребывавших в Нидерландах и полицейские суды?

Зейсс-Инкварт: Да, но также для голландцев, которые нарушали интересы германских оккупационных сил.

Штейнбауэр: Итак, на процессе утверждали о том, что в результате этих судов было 4000 казней, за которые следует учитывать.

Зейсс-Инкварт: Это совершенно неправильно. Если я учту все смертные приговоры, которые вынесли и на самом деле привели в исполнение германские суды, полицейские суды и военные суды; и если я добавлю к ним случаи, в которых голландцы погибли в схватках с исполнительной властью; тогда, согласно заявлению высшего руководителя СС и полиции, до середины 1944 было меньше 800 случаев за 4 года – то есть меньше чем было вызвано бомбовой атакой

Неймегена. Расстрелы пошли потом.

Штейнбауэр: Вы также осуществляли право помилования, для которого у вас имелось особое ведомство для помилования?

Зейсс-Инкварт: Да.

Штейнбауэр: В связи с этим я желаю сослаться на документ Зейсс-Инкварт-75, страница 190 в документальной книге. Это письменные показания Рудольфа Фрича, который был судьей в прусском верховном суде. Я бы хотел процитировать два абзаца из документа, и ссылаюсь на второй абзац на странице 3:

> «При осуществлении своего права помилования, рейхскомиссар исходил из точки зрения, что это было одно из самых священных прав главы государства, и что этим особенно рассчитывали создать дружескую, доверительную атмосферу между немцами и голландцами. Таким образом в начале он сам принимал решение в каждом случае на основе докладов о делах которые представляли ему вместе с предложением о помиловании из комиссии по помилованию.
>
> После почти 2-3 месяцев он передал осуществление права помилования в рамках своей организации начальнику отдела помилований. Последний был компетентным за исключением следующих случаев: 1) прекращение разбирательства; 2) решения в случае смертных приговоров; 3) решения по фундаментальным вопросам; 4) решение в изолированных случаях не создающих прецедента…
>
> Ни один смертный приговор не приводился в исполнение без официального изучения вопроса о помиловании, даже, когда формальное ходатайство о помиловании не подавали».
>
> Затем я перехожу к странице 5, последний абзац:
>
> «Поскольку взаимодействие с голландской судебной властью подтвердило, что ей можно было доверять, рейхскомиссар постепенно делегировал основное право помиловать голландскому министру юстиции. Из большого количества почты, которая приходила…я постоянно узнавал о политических акциях организованных Гестапо соответственно устраняющих обычное судопроизводство… В таких случаях я собирал материал и использовал это для того, чтобы доставить уличённых лиц в обычные суды для разбирательства. И я на самом деле добивался в этом успеха. Это было для меня доказательством того, что рейхскомиссар возражал вольным полицейским методам Гестапо и были привержен обычному законному процессу».

Думаю, что на этом мы можем закрыть предмет правосудия и теперь перейти к вопросу финансов.

Зейсс-Инкварт: Да, но приказ фюрера исключавший суды тоже очень важный.
Штейнбауэр: Что же, если вы желаете, добавьте что-нибудь ещё.
Зейсс-Инкварт: Да, это решающее.

После забастовки в Амстердаме, я предложил чрезвычайные суды. Это не изобретение недавних времен, это чрезвычайные суды для чрезвычайных ситуаций, такие как вы можете найти в законодательстве каждой страны. Чрезвычайные суды были предметом особых мер предосторожности. Прежде всего, там должен был быть подходящий судья; во-вторых, допускался защитник, который мог быть голландцем; в-третьих, доказательства нужно было представлять подобающим образом, и если вопрос вины не был явно установлен, тогда дело должны были передавать в обычные суды. Эта чрезвычайная процедура была в силе только 2 недели после всеобщей забастовки в мае 1943. Число людей расстрелянных позднее нельзя относить к этим чрезвычайным судам. Также они предусматривались для чрезвычайной ситуации, когда Нидерланды снова становились театром военных действий.

Однако, тем временем, пришёл указ фюрера который уже опубликовали в приказе главнокомандования вооруженных сил. Я ссылаюсь на PS-1155 – нет, прошу прощения, это неправильно – это документ PS-835.

30 июля 1944 фюрер приказал о том, чтобы всех ненемецких гражданских на оккупированных территориях, которые были виновны в саботаже или террористических акциях передали полиции безопасности. Высший руководитель СС и полиции и я возражали этому приказу, так как мы чётко сознавали вредное влияние, которые он бы имел, в особенности в Нидерландах. В результате подобного приказа голландцам лишь загоняли в нелегальные организации.

В течение периода 4-6 недель высший руководитель СС и полиции никогда не исполнял приказ. Но затем он получил жесткие упреки от Гиммлера, и с этого времени он был обязан разбираться с голландцами которых арестовали за саботаж или нелегальную деятельность и должен был судить их в рамках собственной компетенции. Можно считать такой способ расстрелов масштабным, но мне не кажется что было 4000. Так часто как я мог, я призывал полицию безопасности быть крайне внимательной при выполнении этого приказа, но я никогда не получал никаких докладов об отдельных делах. У меня сложилось впечатление о том, что было вероятно 600-700.

Штейнбауэр: Если я правильно вас понял, значит это было полицейское дело, которое непосредственно…

Зейсс-Инкварт: Во всех смыслах это больше не находилось в рамках моих полномочий или влияния. Но если, тогда я отдавал полиции безопасности приказы проверить где-то нелегальное движение, я вместе с тем должен был понимать, что тех или иных голландцев, которые оказывались руководителями такого движения, полиция расстреляет без судов и моей возможности изучить дело. Но тогда, я не мог

воздержаться от поддержания безопасности оккупационных сил, потому что фюрер принял указ.

Штейнбауэр: Теперь я перехожу к главе о финансах. Здесь представили документ, представленный в котором некий господин Трип[390] объявляет о своей отставке. Кто был этот господин?

Зейсс-Инкварт: Господин Трип был президентом Банка Нидерландов – то есть, банка-эмитента – и он также был генеральным секретарём финансов. Думаю, его вполне можно считать одним из ведущих банковских экспертов мира. Он выдающаяся личность и один из людей которых описывают как голландского патриота.

Штейнбауэр: Он также был генеральным секретарём финансов, не так ли?

Зейсс-Инкварт: Да. До марта 1941 он был генеральным секретарём финансов. В своей первой речи к генеральным секретарям я сказал о том, что я не прошу никого из генеральных секретарей делать, что-то что противоречит их совести. Если он думал, что есть, что-то, что он не сможет делать, тогда он мог уйти в отставку без всякого вреда для себя. Я сказал, что всё о чём я просил это, чтобы он лояльно исполнял мои приказы до тех пор пока оставался в должности. Господин Трип находился в должности до марта 1941, и потом он ушёл в отставку, потому что было нечто, что он отказался исполнять. Он сделал это без малейшего неудобства для себя.

Штейнбауэр: Кто был его преемником?

Зейсс-Инкварт: Я бы хотел сказать, что то, что осуществлял господин Трип до марта 1941, по моему мнению, оправдано во всех отношениях. В противном случае он бы это разумеется не делал.

Его преемником был господин Рост ван Тоннинген[391]. Рост ван Тоннинген был комиссаром Лиги Наций в Австрии, который имел там задачи похожие на те, что я дал ему в Нидерландах.

Штейнбауэр: Что насчёт стоимости оккупации?

Зейсс-Инкварт: Что касалось гражданской администрации, господин Трип и я договорились о том, что я получаю 3 миллиона гульденов в месяц. В дополнение к ним было ещё 20 миллионов штрафов. В течение первых трёх лет я сэкономил 60 миллионов гульденов, которые остались в Нидерландах как особый дар.

Что касалось стоимости военной оккупации, я не имел никаких полномочий контролировать это. Вооруженные силы направляли свои требования министру финансов, и потом я получал приказы передать деньги в их распоряжение. В течение 1941, Рейх уточнил косвенную оккупационную стоимость. Точка зрения

---

[390] Леонардус Трип (1876 – 1947) – нидерландский банкир. Президент Банка Нидерландов с 1931 по 1946, с перерывом на 1941-1945.

[391] Мейнауд Рост ван Тоннинген (1894 — 1945) — голландский политический деятель, влиятельный член НСБ. Государственный секретарь финансов и президент Банка Нидерландов в 1941-1944. Покончил жизнь самоубийством после ареста союзниками.

состояла в том, что нужно было оплачивать не только расходы в Нидерландах, но и стоимость подготовки в Рейхе. Требовали пятьдесят миллионов марок в месяц – частично в золоте. Позднее эта контрибуция обозначалась как добровольное содействие для Востока…

Председатель: Вы имеете в виду марки или подразумеваете гульдены?

Зейсс-Инкварт: Марки, 50 миллионов. Позднее эта контрибуция по политическим причинам называлась добровольной помощью для Востока, но конечно это было не так. Позднее, Рейх потребовал увеличить эту сумму до 100 миллионов, но я отказался.

Штейнбауэр: Господин Трип ушёл в отставку с генерального секретаря финансов из-за снятия эмбарго на валюту, которое всё ещё существовало в то время между Германией и Нидерландами?

Зейсс-Инкварт: Да, это правильно. Я получил запрос моей администрации с целью интенсификации экономического обмена между Рейхом и Нидерландами[392] – снять эмбарго на валюту, для того, чтобы, не сталкиваясь с банками-эмитентами, гульдены можно было обменивать на марки и наоборот. Фундаментальная возможность таких обменов уже проявлялась при господине Трипе, но это являлось предметом контроля банка-эмитента, то есть, также Банка Нидерландов. Господин Трип заявил возражения и я направил вопрос в Берлин. Берлин решил о том, что это нужно проводить и господин Трип ушёл в отставку. Я назначил господина Роста ван Тоннингена президентом Банка Нидерландов и опубликовал этот указ.

Я желаю сказать, что президент Рейхсбанка господин Функ, был против такого порядка, и я могу привести в объяснение то, что тогда нельзя было предвидеть насколько катастрофическими они будут впоследствии. Тогда Нидерланды были полностью отрезаны, и Рейх достиг вершины могущества. Ожидалось, что марка станет ведущей валютой в Европе и что соответственно гульденам предоставят такое же значение. В феврале 1941, например, импорт из Рейха в Нидерланды был больше чем экспорт из Нидерландов в Рейх. Рейхсминистр Функ всегда придерживался взгляда о том, что это были реальные долги, для того, чтобы в случае другого исхода войны такие долги насчитывающие почти 4 ½ миллиарда были бы выплачены обратно Нидерландам.

Штейнбауэр: Если я правильно вас понял, это ваш генеральный секретарь финансов доктор Фишбок, был тем кто предложил этот вопрос вопреки пожеланиям Трипа.

Зейсс-Инкварт: Не знаю, поступило ли это предложение только от Фишбока. Я предполагаю, что он должен был обсуждать это с другими людьми, но он был тек кто поставил передо мной вопрос.

Штейнбауэр: Вас также обвинили в наложении коллективных наказаний в форме штрафов, что противоречит международному праву.

---

[392] В апреле 1941 из-за отмены валютных ограничений между Германией и Нидерландами золото банка Нидерландов могло реализовываться за рейхсмарки, фактически обеспечивая золотое содержание рейхсмарки, не гульдена.

Зейсс-Инкварт: Коллективные штрафы запрещены в соответствии с международным правом только в случае индивидуальных правонарушений. Крупный коллективный штраф в 18 миллионов гульденов был наложен в связи с всеобщей забастовкой в Амстердаме, Арнеме и Хильверсуме, в которой приняло участие всё население. Позднее, я всякий раз возвращал коллективные штрафы, когда выяснялось, что за правонарушение были ответственные конкретные люди.

Штейнбауэр: Вы можете привести нам какой-нибудь пример?

Зейсс-Инкварт: Думаю свидетель Швёбель[393] способен рассказать вам это. Это было в городах юга Голландии где такое случалось.

Штейнбауэр: Обвинение также вменяет вам ответственность за то, что происходило в лагере заложников в Михелхестеле. Что вы об этом скажете?

Зейсс-Инкварт: Я могу принять полную и абсолютную ответственность за то, что случилось в лагере заложников в Санкт-Михелхестеле. Это не был лагерь заложников в подлинном смысле слова: я помещал голландцев под арест только, когда они проявляли себя активными в движениях сопротивления. Лагерь в Санкт-Михельгестеле не был тюрьмой. Я посещал его. Заключенные лагеря играли в гольф. Им давали отпуск, в случае срочных семейных обстоятельств или деловых вопросов. Ни одного из них никогда не расстреляли. Думаю большинство нынешних голландских министров находились в Санкт-Михельхестеле. Это было своего рода превентивное заключение, чтобы временно помешать им продолжать антигерманскую деятельность.

Штейнбауэр: В дополнение к этому, говорилось о том, что вы запретили читать пастырские проповеди и помещали католических и лютеранских священников в концентрационные лагеря?

Зейсс-Инкварт: Правда, что я запретил одну пастырскую проповедь, что может случиться во время оккупации – потому что она публично возражала мерам оккупационной державы и настраивала людей на неподчинение. Это был изолированный случай, и снова такого не случалось – по хорошей причине, что больше не было никаких подобных провокаций в пастырских проповедях. Фактически, всякий раз я даже вмешивался и отменял запрет принятый полицией, когда речь шла только о критике мер принятых оккупационными державами и не было никакого настраивания на сопротивление.

Лично я никогда не отправлял священников в концентрационные лагеря. Наоборот, в начале 1943, после повторения срочных запросов, я наконец получил из полиции безопасности список с именами священников, которых закрыли в концентрационных лагерях. Всего было 45 или 50. Три или четыре упоминались как умершие в концентрационном лагере. На основании фактов из их дел, я нашёл треть из них и потребовал их освобождения, в отношении второй трети я потребовал расследования в течение шести месяцев и только в отношении последней трети речь

[393] Эрнст Швёбель (1886 – 1955) – немецкий юрист. В 1942 – 1945 судья Административного суда Рейха.

шла о том, что я не мог вмешаться не нарушив собственную ответственность перед Рейхом.

Голландских заложников также брали с целью репрессалий. Когда Нидерланды вступили в войну, немцев в Голландской Ост-Индии[394] поместили в тюрьму и предположительно плохо обращались. Рейх потребовал арестовать 3000 голландцев. Полиция безопасности арестовала 800 и забрала их в Бухенвальд. Когда я услышал о том, что смертность была высокой, я заявил такие срочные ходатайства, что заложников наконец освободили. Потом их разместили так, что уже нельзя было говорить о тюрьме. Им предоставили отпуск и при необходимости я их освобождал. В конце я имел меньше 100.

Штейнбауэр: Свидетель говорилось о том, что вы запретили молитвы в церкви и в особенности молитвы о королеве.

Зейсс-Инкварт: Это неправильно. Молитвы в голландских церквях были очевидными демонстрациями. Совершались молитвы – что было вполне естественно за королеву Нидерландов и за её радость и благополучие, и выполнение её желаний. Одновременно были и молитвы за рейхскомиссара, за его просвещение. Меня сильно критиковали за терпимость к этим демонстрациям. Но я не находил ничего плохого в этих молитвах, и не запрещал их. Вероятно, в некоторых изолированных случаях подчиненные так говорили, но это всегда пресекалось.

Штейнбауэр: Это бы не было настолько плохо, но сказано, что вы были особенно жестоким и расстреляли много людей без юридических процедур. Что вы на это скажете?

Зейсс-Инкварт: Насколько могу вспомнить, был только один реальный случай расстрела заложников – то есть, людей расстреляли без какой-либо причинно-следственной связи с преступлением. Это случилось в августе 1942 и дело здесь уже поднимали. Обращение было строго в соответствии с так называемым законом о заложниках. Это было в связи с нападением на армейский транспорт, 50 или 25 заложников должны были расстрелять. Думаю, это был высший руководитель СС и полиции, который потребовал это через военного командующего по просьбе главнокомандования сухопутных войск.

Моё вмешательство состояло в снижение цифры до 5 и просмотр списка которые представили мне другие ведомства и который огласили в суде. Я тоже заметил в этом нечто своеобразное. Высший руководитель СС и полиции прямо подчеркнул, что список был подготовлен строго в соответствии с директивами говорящими о том, что нападение следует относить к правым кругам сопротивления, а не к тем, кто был левым, для того, чтобы не расстреливать никаких рабочих. Я воспользовался своим влиянием лишь постольку поскольку заставил

[394] Голландская Ост-Индия — голландские колониальные владения на островах Малайского архипелага и в западной части острова Новая Гвинея. Образовалась в 1800 году в результате национализации Голландской Ост-Индской компании. Существовала до японской оккупации в марте 1942 года.

высшего руководителя СС и полиции вычеркнуть из списка имена многодетных отцов.

Штейнбауэр: Свидетель, что вам известно, в подробностях, о людях которых расстреляли, когда эвакуировался лагерь Фюхт?

Зейсс-Инкварт: Когда британцы и канадцы продвигались через Бельгию к югу Голландии, приходилось много делать, чтобы сохранять порядок в своей провинции, так что я не мог уделять какое-то особое внимание лагерю Фюхт, который подчинялся полиции. Высший руководитель СС и полиции в общем проинформировал меня о том, обвиняемых в самых тяжёлых преступлениях политических заключённых насчитывающих около 200 переведут в Рейх, что обвиняемых в менее тяжких преступлениях заключённых освободят, и что обычных преступников передадут под командование офицера голландской полиции и передадут канадцам. Только тут я услышал, что некоторых людей расстреляли, и только так я могу объяснить, что в последнюю минуту Рейх запретил перевозить этих людей в Рейх и отдал приказы расстрелять их. Я не верю, что их было 600, потому что из того, что сказал свидетель Кольпусс кажется там было 130-150. Но даже этого достаточно.

Штейнбауэр: Что вам известно о расстреле заложников после нападения на руководителя СС и полиции Раутера[395]?

Зейсс-Инкварт: Нападение на высшего руководителя СС и полиции произошло из движения сопротивления и проведено с британским оружием.

Штейнбауэр: Что вам известно о деле Путтена?

Зейсс-Инкварт: Простите меня, я не закончил своё предыдущее заявление.

Штейнбауэр: О, вы хотите уточнить…

Зейсс-Инкварт: Гиммлер тогда отдал приказы расстрелять 500 заложников. Заместитель Раутера доктор Шёнгарт[396] отказался и сообщил мне, что в тюрьмах был ряд голландцев, которых должны были расстрелять, в соответствии с приказом фюрера, потому что их осудили за другие акты саботажа. Он медлил, как он сказал, поскольку количество было довольно большим, но он больше не мог медлить. Он не давал мне точной цифры. В такой ситуации, я не мог, по моему мнению, предотвратить исполнение им приказа, потому что мы должны были подавлять всеми средствами движение сопротивления. Движение организовало и снабжало оружием голландское правительство в Лондоне и это представляло серьёзную угрозу германским оккупационным силам.

Двести тридцать голландцев предположительно должны были расстрелять

[395] Ганс Раутер (1895 — 1949) — один из руководителей нацистского оккупационного режима в Нидерландах, обергруппенфюрер СС и генерал полиции (21 июня 1943 года), генерал войск СС (1 июня 1944 года). Казнён по приговору голландского суда.

[396] Карл Шёнгарт (1903 — 1946), один из руководителей СД и полиции безопасности, бригадефюрер СС и генерал майор полиции (30 января 1943 года), командир полиции безопасности и СД в Генерал-губернаторстве (Польша), руководитель айнзатцгруппы в Галиции, командир полиции безопасности и СД в Нидерландах. Казнён по приговору британского трибунала.

– среди них 80 только в Апелдорне – и это казалось мне много. Но доктор Шёнгарт сказал мне, что к северу от Апелдорна находился центр нелегального движения сопротивления.

Штейнбауэр: Я хочу спросить, вас, в конце концов, что вам известно о деле Путтена?

Зейсс-Инкварт: В Путтене было нападение на немецких офицеров. Троих убили. Всё дело проходило внутри вооружённых сил, СС и полиции, и я знал о том, что планировались меры репрессалий. Я сам, тогда, занимался строительством обороны. Высший руководитель СС и полиции сообщил мне, что он получил приказ сжечь деревню Путтен и перевезти мужское население в концентрационный лагерь в Рейхе. Однако, он снизил цифру на 40 процентов и позднее он докладывал мне о высокой смертности в германских концентрационных лагерях. Мы оба обратились к военному командующему, чтобы вернуть этих людей. Военный командующий согласился. Можно ли было тогда исполнить этот приказ мне неизвестно.

Штейнбауэр: Господин председатель, вероятно, мы можем ненадолго прерываться?

Председатель: Да.

[*Объявлен перерыв*]

Штейнбауэр: Ваша светлость, я бы хотел вернуться к вопросу эмбарго валюты.

Только, что во время перерыва подсудимый рейхсмаршал Геринг проинформировал меня, что в этом конфликте, Фишбок, Трип и Вольтат[397] с одной стороны и Функ с другой, который был против этого и он сам, Геринг, как глава четырехлетнего плана принял решение снять эмбарго на валюты. И он пишет мне тут: «Я несу ответственность». Таким образом, это было решение принятое Герингом.

Председатель: Доктор Штейнбауэр, это конечно, необычный способ сообщить трибуналу о чём-то, сказать ему о том, что один из подсудимых мог сказать вам во время перерыва.

Штейнбауэр: Он это написал.

Председатель: Боюсь, это мало, что меняет. Вы можете задать свидетелю любой вопрос об этом.

Штейнбауэр: Что касается вопроса расстрела без приговора суда, я бы хотел сослаться на очень важный документ. Экземпляр Зейсс-Инкварт-77, страница 199. Это документ F-224 D, доклад криминалькомиссара Мунда. Он говорит следующее на странице 3:

«По моему мнению, очень похоже, что генерал Христиансен[398]

[397] Гельмут Вольтат (1893 — 1982) — высокопоставленный немецкий чиновник в Третьем Рейхе. Уполномоченный Рейха при Банке Нидерландов в 1940 – 1941.

[398] Фридрих Христиансен (1879 — 1972) — немецкий лётчик-ас, специалист по морской авиации, генерал авиации, военный преступник. Командующий оккупационными войсками Германии в Нидерландах в 1940-1945. Голландским

> потребовал казнить максимальное число жертв. Христиансен сказал о многочисленных мерах репрессалий Раутеру который был импульсивным и бестактным человеком и он со своей стороны применил давление к командиру полиции безопасности (доктор Шёнгарт)…»
>
> Он сообщает далее на странице 5:
>
> «Часто это был вопрос заключенных, которых уже приговорил к смерти высший руководитель СС и полиции.
>
> Репрессалии за наказуемые деяния были вопросом полиции. После августа 1944 и согласно приказу фюрера эти меры репрессалий интерпретировались таким образом, что ряд голландцев расстреляли за акты саботажа и покушения на убийства, хотя их арестовывали по совершенно иным причинам».

Зейсс-Инкварт: Могу я кратко это объяснить?

Штейнбауэр: Пожалуйста.

Зейсс-Инкварт: Например, арестовывали ведущих членов движения сопротивления и в ходе проверки высший руководитель СС и полиции решал о том, что их должны были расстрелять в соответствии с приказами фюрера. Высший руководитель СС и полиции созывал свой офицерский суд для проверки. Когда позднее предприняли попытку подрыва моста, вместо расстрела заложников взяли и расстреляли этих людей. Это было прямо противоположным расстрелу заложников – или по крайней мере так должно было быть.

Штейнбауэр: Теперь я перехожу к главе IV – B, «Концентрационные лагеря и тюрьмы». Мой первый вопрос: кто был компетентным в этих вопросах?

Зейсс-Инкварт: За концентрационные лагеря и за полицейские изоляторы была компетентна полиция. За судебные изоляторы, судебные власти и лично я были компетентны – то есть, судебные тюрьмы находились в моей ответственности.

Штейнбауэр: В Нидерландах тоже были концентрационные лагеря?

Зейсс-Инкварт: Да, особенно крупный концентрационный лагерь Путтен возле Герцогенбоша. Затем также транзитный полицейский лагерь возле Амерсфоорта и еврейский сборный лагерь в Вестерборке[399]. Я уже говорил о Санкт-Михелсхестеле; это был лагерь превентивного заключения. И потом можно упомянуть лагерь в Оммене, который ни был ни полицейским ни концентрационным, но там случались злоупотребления.

Штейнбауэр: Что вы можете сказать мне о лагере Герцогенбуше?

Зейсс-Инкварт: Герцогенбуш сначала предназначался как еврейский сборный лагерь, в то время, когда мы намеревались оставить евреев в Нидерландах. Но

судом был приговорён к 12 годам лишения свободы. Освобождён досрочно.

[399] Вестерборк — концентрационный лагерь, созданный после оккупации Нидерландов нацистской Германией в десяти километрах к северу от города Вестерборк в провинции Дренте, недалеко от границы с Германией.

рейхсфюрер Гимллер отдал приказы, чтобы его превратили в концентрационный лагерь. После некоторого осмысления я был удовлетворен этой идеей. Учитывая факт, что я не мог предотвратить помещение голландцев в концентрационные лагеря, я бы предпочёл, чтобы они были в концентрационных лагерях в Нидерландах, где я всё ещё мог оказывать определенное влияние.

Штейнбауэр: Но предположительно в этих концентрационных лагерях также были эксцессы – например, особенно в лагере Фюхт, который вы упоминали.

Зейсс-Инкварт: Это совершенная правда. Были эксцессы в тюрьмах, а также в концентрационных лагерях. В военное время я считаю это почти неизбежным, потому что подчиненные получили неограниченную власть над остальными и это нельзя было адекватно проконтролировать. Всякий раз, как я слышал о каких-либо эксцессах, я предпринимал шаги – впервые в конце 1940 или 1941, когда председатель моего германского суда сообщил мне о том, что заключенного доставили с травами от ударов по голове. Я расследовал дело и тюремный надзиратель получил дисциплинарное наказание и был отправлен обратно в Рейх.

В концентрационном лагере Фюхт вскоре после его открытия, была очень высокая смертность. Я немедленно начал расследование, используя услуги голландского медицинского персонала. Ежедневно – и позднее еженедельно – мне докладывали о цифрах смертности, пока они не упали на то, что было приблизительно нормального уровня. Конечно, я не знаю, докладывал ли директор лагеря только о естественных смертях или он включал случаи расстрела – не могу сказать.

В данном лагере были эксцессы из-за пьяных вечеринок и кутежа: временами слышали о драках и побоях. Глава лагеря был снят и отправлен в Рейх. Я заметил, что высший руководитель СС и полиции видимо сам пытался поддерживать порядок, хотя он не был ответственным за лагеря; они подчинялись группенфюреру Полю.

Было одно очень серьезное дело, которое в документе номер F-224 D, описано под заголовком «Женщина в камере». Глава лагеря предположительно по дисциплинарным причинам набивал женщин в камеру на ночь, соответственно три или четыре женщины умирали от удушья. Когда мы услышали об этом, мы потребовали суда. Центральное управление в Берлине отказало, и мы обратились к рейхсфюреру СС Гиммлеру и не отступили. Глава лагеря предстал перед судом и получил, по крайней мере 4 года – мне кажется даже приговор в 8 лет. Более того, это указано во французском докладе.

Штейнбауэр: Что с лагерем Амерсфоорт[400]?

Зейсс-Инкварт: Это был полицейский транзитный лагерь – то есть, для

[400] Концлагерь Амерсфорт — концентрационный лагерь, организованный нацистскими оккупационными войсками в оккупированном Германией королевстве Нидерланды. Располагался в южной части города Амерсфорт, действовал с мая 1941 по апрель 1945 года. За это время в Амерсфорт попало свыше 35 000 узников и военнопленных.

задержанных полицией которых должны были передавать судам или которых должны были отправлять в Рейх; или лиц, которые отказывались от трудовой повинности, которых направляли в Рейх. В целом, они не находились там больше чем 6 или 8 недель. В этом лагере были голландские охранники – не голландская полиция, но мне кажется добровольная рота охраны СС.

Там случались эксцессы. Генеральный секретарь ван Дамм обратил моё внимание на тот факт, что предположительно там забили до смерти голландца. Я призвал высшего руководителя СС и полиции пролить свет на это дело. Он сделал это через своего сотрудника суда и направил мне документы. Согласно документам, жестокое обращение случалось, но никого не убили, и ответственных лиц наказали.

Я непрерывно обращал внимание высшего руководителя СС и полиции на тот факт, что концентрационные лагеря и тюрьмы в военное время в самом деле способствуют совершению жестоких эксцессов. Если там или здесь, мне докладывали не о серьёзном случае, а неправильном обращении, я всегда обращал на это внимание. Тогда он сообщал мне либо о том, что случая не было, или что он предпринял шаги и так далее.

В частности, мне докладывали о статистике с продуктовыми пайками и концентрационных лагерях и тюрьмах. Продуктовые пайки были удовлетворительными. Мне кажется, что голландцы в концентрационных лагерях и тюрьмах, в конце 1944 и в 1945 получали больше чем голландцы в западных Нидерландах. Конечно, я не хочу придавать слишком большое значение данному факту, потому что голландцы пострадали от голода.

Штейнбауэр: Затем был лагерь Вестерборк.

Зейсс-Инкварт: Ещё голландское правительство создало Вестерборк как полностью свободный лагерь для евреев, которые бежали из Германии. Он был расширен как сборный лагерь для евреев. В самом лагере была еврейская охрана для поддержания порядка. Голландская полиция охраняла лагерь снаружи. Было только одно подразделение полиции безопасности для надзора за лагерем. Во всех материалах я не нашёл никакого доклада об эксцессах в самом лагере. Каждое воскресенье священник посещал лагерь, по крайней мере, один священник для евреев-католиков и один для так называемых христиан. Они тоже никогда ничего не докладывали.

Штейнбауэр: Мы поговорим об их вывозе позднее.

Теперь я бы хотел обсудить Оммен. Есть длинный доклад об этом.

Зейсс-Инкварт: Оммен планировали как тренировочный лагерь для тех голландцев, которые добровольно хотели работать в экономике восточных территорий. Их инструктировали о стране, людях, их языке. Глава лагеря брал взаймы заключенных из соседней тюрьмы для работы. Затем я получил доклады о том, что с этими заключенными плохо обращались. Судьи Амстердама обратились ко мне. Я дал голландским судьям разрешение лично проинспектировать лагерь и поговорить с заключенными. Это было сделано, согласно документу F-224(d), 5 марта 1943.

Потом амстердамские судьи написали длинное письмо генеральному секретарю юстиции. Они жаловались на плохое обращение с заключенными, которое они заметили, и на то, что голландских заключенных перевели в тюрьмы Рейха для трудовых задач. Жалобы были обоснованными, и я приказал о том, чтобы заключенных вернули из лагеря Оммен в голландское исправительное учреждение и чтобы голландских заключённых вернули из германских тюрем в голландские тюрьмы. Данная процедура была правильной, и поэтому я обязательно предпринял надлежащие шаги, чтобы решить вопрос.

Штейнбауэр: Но сейчас я должен задать вам определенный вопрос и представить вам обвинение. Документ RF-931 показывает, что вы устраняли судей, которые заявляли подобные жалобы, а именно, в Леэвардене.

Зейсс-Инкварт: В моих глазах процесс в суде Леэвардена был неправильным. Эти судьи не проконсультировались со мной, но публично утверждали в вердикте, о том, что голландских заключенных отправили в германские концентрационные лагеря и расстреляли. Согласно фактам, которые лежат передо мной, это ложь. Затем я проинформировал их о результатах, полученных от амстердамских судей. Судьи Леэвардена отказались выносить дальнейшие приговоры. Я попросил их продолжать службу, но они отказались. Тогда я уволил их как лиц, которые отказались работать. Конечно, я мог бы судить их германским судом по обвинениям в пропаганде жестокостей.

Штейнбауэр: Вы получали жалобы от Красного креста об условиях в лагерях?

Зейсс-Инкварт: В Нидерландах мы договорились, что представительница голландского Красного креста, госпожа ван Оверем[401], может посещать все концентрационные лагеря и тюрьмы, в особенности с целью удостоверения в том, что доставляются продуктовые посылки. Ни госпожа ван Оверем, ни главы голландского Красного креста никогда не направляли мне ни одной жалобы. Я бы хотел сказать, что это обстоятельство особенно радует меня, потому что голландцы жаловались обо всём, и если наоборот я не получал жалоб, для меня это было определённое облегчение.

Я бы хотел заметить, что приблизительно в начале 1944, согласно докладам поданным мне, около 12000 голландцев находилось в концентрационных лагерях или тюрьмах. Это то же самое как если бы сегодня, во всей Германии 120 000 немцев находились в тюрьмах или лагерях. Это дало мне повод создать правовые комиссии которые должны были посещать лагеря и тюрьмы для того, чтобы проводить расследования и устанавливать можно ли было освобождать или предавать суду заключённых. Естественно, в делах, где приказы об арестах приходили из Берлина, я ничего не мог сделать.

Штейнбауэр: Свидетель, значит вы говорите, что вели постоянную борьбу с полицией по данному вопросу?

---

[401] Лоис ван Оверем (1907-1980) – в 1940-1945 доброволец Красного креста в Нидерландах.

Зейсс-Инкварт: Я бы не хотел называть это борьбой.
Штейнбауэр: Вам казалось, что вы добивались успеха?
Зейсс-Инкварт: Да. Мне так кажется, на основе неких определенных фактов. Я очень внимательно слежу здесь за процессом - мы услышали самые ужасные вещи. Доклады из Нидерландов кажутся мне не такими плохими. Я не хочу сказать, что я устранил каждый эксцесс. Однако, таких докладов как о Бреендонке[402] в Бельгии, не существует. Доклады показывают избиения как самое серьёзное обвинение. Есть единственный доклад – это документ F-677, доклад налогового инспектора Брудера – который соответствует уровню обычных докладов о жестокостях. Но я не верю, что данный доклад следует принимать как ценный, поскольку Брудер даже не говорит, кто рассказал ему об этом. Сама по себе информация недостоверная. Например, он утверждает, что заключенные, которые работали, должны были падать ниц перед каждым охранником СС. Я не верю, в то что лагерные власти позволяли такое, потому что, тогда бы заключенные не смогли работать.

Мне трудно сказать, но я не думаю, что условия в Нидерландах были вообще настолько плохими.
Штейнбауэр: Думаю, что теперь я могу завершить эту главу и перейти к пункту V обвинительного заключения, который касается вопросов трудовой повинности. Какие проблемы были вы имели в Нидерландах в сфере трудовой повинности?
Зейсс-Инкварт: В области трудовых обязательств следует различать три или вероятно четыре разных этапа. Когда я прибыл в Нидерланды, там было около 500000 безработных: зарегистрированных безработных, тех кто мог стать такими ввиду демобилизации голландских сухопутных и военно-морских сил, временных рабочих и так далее. Это была срочная проблема – не только социальная – снизить количество безработных. Так как, в первую очередь, такая армия безработных, без сомнения хороший источник вербовки рекрутов для нелегальной деятельности. Во-вторых, так как война продолжалась, следовало ожидать, что материальные условия будут постоянно ухудшаться.

Тогда мы ввели меры, которые я должен, несмотря не все обвинения, назвать добровольной трудовой вербовкой. Так длилось до середины 1942 – то есть, около 2 лет. В течение этого периода я не предоставил ни немецким ни голландским трудовым властям всей власти давить на рабочего, чтобы работать заграницей. Несомненно, существовало определенное экономическое давление, но мне кажется, что такое всегда существует. Вербовка производилась голландскими трудовыми ведомствами, которые подчинялись голландскому генеральному секретарю социальной администрации. Были германские инспектора в трудовых отделах. Также были частные агентства по найму; компании из Рейха тоже направили своих агентов. В целом, около 530000 голландцев использовали на работах в Рейхе. В

---

[402] Форт Бреендонк — нацистский концентрационный лагерь на территории Бельгии. Создан 20 сентября 1940 года вблизи города Бреендонк, в 20 километрах на юго-запад от Антверпена.

период, который я называю «добровольным», 240000-250000 добровольцев поехали в Рейх и около 40000 во Францию.

В первой половине 1942, это резерв был исчерпан. Рейх требовал больше рабочих. Затем мы рассмотрели введение обязательной трудовой службы. Я вспоминаю, что не получал никаких указаний об этом от Заукеля, но от Бормана как прямой приказ фюрера. Теперь трудовая повинность происходила преимущественно, но не исключительно следующим образом. Молодых и по возможности неженатых голландцев вызывали в трудовой отдел, где они получали удостоверения о призыве на работу в Рейхе. Голландский доклад сам говорит, что лишь немногие отказывались. Конечно, некоторых из тех, кто отказался, арестовывала полиция и забирала в Рейх. Высший руководитель СС и полиции докладывал мне о том, что всего 2600 человек из 250000-260000 призванных, и всего использованных лиц в 530000. Таким образом, это означало только 1 процент или даже 0,5 процента. Мне кажется, что цифра возникавшая в ходе принудительных мер в Рейхе была не ниже – или выше.

В начале, 1943 Рейх потребовал большого привлечения рабочих, и мне рекомендовали призвать целые возрастные группы, чтобы направить в Рейх. Я обращаю внимание на то, что все эти рабочие получали свободные трудовые договоры в Рейхе и не попали в трудовые лагеря. Я решил призвать три молодых возрастных группы – мне кажется возраста 21-23 года – для того, чтобы пожалеть женатых мужчин. Успех был удовлетворительным в первой группе; во второй группе он был умеренным; и в третьей группе совершенно плохим. Я понял, что смогу дальше призывать группы только открытым принуждением. Я отказался так делать. Но тогда я смог, ввиду понимания министра Шпеера, организовать не отправку рабочих к работе, а доставку работы к рабочим. Большие заказы поступили в Нидерланды и промышленность ответственная за выполнение этих заказов была объявлена «заблокированной» промышленностью. Среди них была организация Тодта.

Голландцев которые требовались в Нидерландах исключали. Больше миллиона удостоверений об исключении было выдано голландскими властями. Было ясно, что это был голландский саботаж, но я не хотел предпринимать шагов против него. Ни одна женщина никогда не принуждалась к работе вне Нидерландов, ни молодежь младше восемнадцати лет. Рейхсминистр Ламмерс подтвердил здесь, что в начале 1944 он передал приказ фюрера требовавший от меня 250000 рабочих для доставки в Рейх. Он также подтвердил, что я отказал в этом. Тогда приехал гауляйтер Заукель и обсудил со мной этот вопрос. Я должен заявить, что он понял мои аргументы неожиданно быстро и не настаивал на проведении принудительной вербовки. Под «принудительной вербовкой», я имею в виду блокирование целых районов и захват мужчин.

В течение 1944 трудовая вербовка почти полностью прекратилась. Мне

кажется вместо 250000, в Рейх отправили 12000. Но кое-что совершенно другое произошло осенью 1944. По опыту, полученному во Франции и Бельгии, главнокомандование сухопутных войск решило о том, что пригодных у службе голландцев должны были забрать из Голландии – то есть, западных Нидерландов. Это было из-за того, что правительство Нидерландов в Лондоне создало нелегальную армию. У меня в руках была организационная схема. Там был полный генеральный штаб и полное военное министерство. Мы оценили, что было около 50000 нелегальных войск. Если бы возник призыв и вступило ещё больше пригодных к службе голландцев, тогда нелегальные силы стали бы более многочисленными чем германские войска в Голландии. Более того они получили очень хорошее снаряжение из Англии. Полные корабли самых современных автоматов Томпсона были конфискованы нами, но я убежден в том, что большая часть оружия не была конфискована.

Главнокомандование сухопутных войск, через военных командиров приказало вывезти пригодных к службе голландцев. Мероприятие полностью проводили вооруженные силы. Генералу которого направили именно с этой целью поручили задачу с собственным оперативным штабом. Это мероприятие проводили местные коменданты. Мои местные власти информировались о проводимой акции, иногда в последний момент, а иногда и вообще не информировались. Конечно, я знал об этом мероприятии. В виду этих причин я не мог взять ответственность протестовать против этого. Я вмешивался только, когда это было нужно, чтобы защитить гражданские интересы и предотвращать вывоз рабочих из жизненно важной промышленности. Я доверил это генеральному уполномоченному по тотальной войне, которого тем временем доктор Геббельс отправил в Нидерланды. Его задача заключалась в том, чтобы выдавать удостоверения об исключении. Он выдал 50 000.

Председатель: Вы имеете в виду Гиммлера?

Зейсс-Инкварт: Геббельса, делегата по тотальной войне.

Я признаю, что данная мера привела к условиям, которые были невыносимы для голландцев. Я уверен в том, что касается питания, временного размещения и перевозки, население разбомбленных германских территорий не жило в более хороших условиях. Но такого нельзя было требовать от голландцев. Тогда многие голландцы говорили мне, что они бы согласились на такую трудовую вербовку – никак не для того, чтобы помочь германской идее, а только чтобы избежать этих суровых условий – если бы их призвали в обычном порядке. Тогда я сделал это. Генеральный уполномоченный по тотальной войне издал прокламацию которую предъявляли в суде. Людей вызывали в трудовые отделы, составляли списки, снова направляли домой за одеждой и приказывали явиться на железнодорожные станции. Не полиция, а трудовые чиновники забирали их в Рейх, чтобы дать работу в нормальных условиях. Голландский доклад, в своей

объективности признаёт данный факт. Он говорит о более лучших условиях в перевозке тех, кого мобилизовали для работы. Я ответственный за эту трудовую мобилизацию по указанным мной причинам.

Штейнбауэр: Господин председатель, могу я заметить в связи с этим, что мой экземпляр Зейсс-Инкварт-78, документ PS-1726, экземпляр USA-195, страница 200, выдержка из правительственного доклада Нидерландов, полностью подтверждает заявление моего клиента. Я бы хотел коротко прочитать это, потому что это важно. Страница 2:

> «…рабочих, которые отказывались – относительно немногих – преследовала служба безопасности».
>
> Затем, страница 3:
>
> «…помимо этого, меры не были очень успешными. Некоторые германские власти казалось, возражали её проведению, потому что многие бывшие военнослужащие получали исключение; другие ушли в подполье…
>
> Результатом было то, что в последний месяц 1943 и в большую часть 1944, относительно немного лиц было депортировано…»
>
> И затем, страница 6:
>
> «…до конца 1944, способ перевозки депортированных был сносным…»
>
> Любой, кто явился для мобилизации рабочей силы в январе 1945, воспользовался транспортными возможностями – то есть, почти вся поездка по железной дороге, хотя и в грузовых вагонах…»

Зейсс-Инкварт: Даже для собственного использования у нас тогда не было никаких других вагонов.

Я бы хотел сослаться на то, что я также призвал голландских рабочих для того, чтобы проводить строительную работу доверенную мне фюрером на линиях сопротивления восточнее Эйсселя. Для этой цели я использовал часть транспортов, которые пришли из Роттердама, и т. д., и таким образом я предотвратил отправку этих людей в Рейх. Я не имел никакого влияния на обращение в Рейхе, я только запретил дальнейшую отправку транспортов в гау Эссен, потому что мне сообщили о том, что в лагере Риза обращение было очень плохим, и что некоторые голландцы умерли.

Штейнбауэр: Теперь я перехожу к следующему пункту обвинительного заключения – то есть, еврейскому вопросу. Доклад правительства Нидерландов, экземпляр USA-195, подытоживает все законы предъявленные обвинением. Я бы хотел предъявить этот документ PS-1726 своему клиенту, для того, чтобы напомнить ему о законах. У суда он уже есть.

[*Обращаясь к подсудимому*] Что вы, как рейхскомиссар делали по поводу еврейского вопроса?

Зейсс-Инкварт: Когда я принял функции рейхскомиссара, я, конечно, понимал, что я должен был занять чёткое отношение, и предпринять какие-то шаги в отношении евреев в Нидерландах. Амстердам в западной Европе, вероятно одно из самых известных и старейших мест еврейских сообществ в западной Европе. Более того, в Нидерландах было очень много немецких еврейских эмигрантов.

Я скажу совершенно открыто, что с Первой мировой войны и послевоенного периода, я был антисемитом и пришёл в Голландию таким. Мне не требуется вдаваться в подробности. Всё это я говорил в своих речах и вы на них сошлётесь. У меня сложилось впечатление, которое подтверждалось повсеместно, что евреи, конечно, должны быть против национал-социалистической Германии. Что касается меня вопрос вины не обсуждается. Как глава оккупированной территории я должен был заниматься только фактами. Я должен был понять, что в частности из еврейских кругов, мне следовало ожидать сопротивления, пораженчества и так далее.

Я говорил генерал-полковнику фон Браухичу, главнокомандующему сухопутными войсками, что в Нидерландах, я устраню евреев с ведущих постов в экономике, прессе и управлении. Меры, предпринятые мной с мая 1940 по март 1941 ограничивались этим. Еврейских чиновников уволили, но им дали пенсии. Еврейские фирмы зарегистрировали, и глав фирм уволили. Весной 1941 Гейдрих прибыл ко мне в Нидерланды. Он сказал мне о том, что нам нужно было ожидать сильнейшего сопротивления исходящего из еврейских кругов. Он сказал мне, что с евреями по крайней мере следует обращаться как другими враждебными чужаками. Например, англичане в Нидерландах были интернированы и их имущество конфисковано. В виду большого количества евреев – около 140000 – это было не так просто. Я откровенно признаю, что я не возражал такой аргументации Гейдриха. Я также чувствовал, что это было необходимо для войны, которую я считал борьбой не на жизнь, а на смерть для немецкого народа. По этой причине, в марте 1941 я приказал о том, чтобы евреи в Нидерландах были зарегистрированы. И затем вещи последовали шаг за шагом.

Я не скажу, что окончательные результаты – что касалось Нидерландов – так и задумывались с самого начала, но мы решились на такой метод. Здесь цитировали правила, если они появлялись в голландской правовой газете, по большей части подписанные мной лично. По крайней мере, они публиковались с моего прямого согласия. Однако, отдельные меры указанные здесь не были моими. Например, в феврале 1000 евреев предположительно была арестована и отправлена в Бухенвальд и Маутхаузен. Это мне известно. В Амстердамском гетто…

Председатель: Феврале, какого года?

Зейсс-Инкварт: Феврале 1941. В Амстердамском гетто, национал-социалиста убили евреи. Рейхсфюрер Гиммлер соответственно приказал, чтобы 400 молодых евреев отправили в Маутхаузен. Меня тогда не было в Нидерландах. Кстати это было

причиной всеобщей забастовки в марте 1941[403]. После моего возвращения в Нидерланды, я протестовал против этой меры и по моим сведениям такого массового перевода в Маутхаузен снова не случалось. Были также сожжены синагоги. Видимо кто-то амбициозный пытался повторить 8 ноября 1938. Я немедленно вмешался. Дальнейших инцидентов не случалось. С другой стороны, полиция хотела снести старый храм в Амстердаме. Генеральный секретарь ван Дамм обратил на это моё внимание, и я предотвратил это.

Я уже указывал, что мотив для мер следует искать в оценке обращения с евреями как вражескими чужаками. Позже при других мероприятиях от первоначального намерения разумеется отказались, они стали точно такими же какие были против евреев в Рейхе. Вероятно, в том или другом случае, они даже превосходили, ибо я знаю, что например в Нидерландах было стремление стерилизовать евреев.

Наша цель заключалась в том, чтобы держать евреев в Нидерландах – а именно, в двух районах Амстердама и затем в лагере Вестерборк и лагере Фюхт. Мы также готовились создать необходимые возможности для работы. Я дал указание генеральному секретарю по образованию выделить столько денег из голландского бюджета на образование евреев, сколько соответствовало их пропорции к населению. Несомненно, что при такой мере концентрации евреев в двух районах и двух лагерях происходила жестокость, быть может, неизбежная, а в некоторых случаях даже чрезмерная.

Наконец, полиция безопасности потребовала введения так называемой еврейской звезды. Немалое количество евреев находилось в закрытых районах, и полиция безопасности требовала, чтобы они были отмечены, чтобы можно было установить, соблюдали ли евреи другие запреты. В глазах немцев, эта звезда разумеется рассматривалась как клеймо. Голландцы не считали её такой. Было много голландцев, которые протестуя, сами носили такую звезду.

Мне кажется приблизительно в 1942, Гейдрих прибыл вместе с дальнейшими требованиями – на это раз евреев должны были эвакуировать. Он объяснял это сказав, что Голландия рано или поздно станет театром боевых действий, в котором нельзя позволить остаться такому враждебному населению. Он отмечал, что он был ответственным за политику безопасности Рейха, и что он не мог нести ответственность если бы евреи остались в Голландии. Мне кажется, что мы в Нидерландах возражали такому проекту эвакуации 3 или 4 месяца пытаясь найти иные выходы.

Наконец Гейдрих направил мне указ фюрера, согласно которому он имел неограниченные полномочия по осуществлению всех мер также и на

[403] Всеобщая забастовка в Нидерландах 25 февраля 1941 была организована объявленной вне закона Коммунистической партией Нидерландов в защиту евреев, в результате было расстреляно 3 коммуниста организатора забастовки.

оккупированных территориях. Я запросил Бормана о том, что это означало, и этот приказ подтвердили, соответственно началась эвакуация евреев. Тогда я пытался установить судьбу евреев, и мне довольно трудно говорить об этом сейчас, потому что это звучит как насмешка. Мне сказали, что евреев отправили в Аушвиц. Я отправил людей из Нидерландов в Аушвиц. Они вернулись с докладом о том, что это был лагерь на 80000 человек с достаточным пространством. Людям там было сравнительно хорошо. Например, они имели оркестр в 100 человек. Свидетель подтвердивший здесь, что этот оркестр играл, когда жертвы прибывали в Аушвиц, заставил меня подумать об этом докладе.

Председатель: Доктор Штейнбауэр, наверное вы сегодня не закончите.

Штейнбауэр: Нет.

Председатель: Сколько вы думаете продолжать?

Штейнбауэр: Я надеюсь завершить, самое позднее, завтра к полудню, но вероятно это займёт только час. У меня ещё есть вопросы о разграблении, экономических мерах и разрушении. Тогда я закончу.

Председатель: Мы откладываемся.

[*Судебное разбирательство отложено до 10 часов 11 июня 1946 года*]

